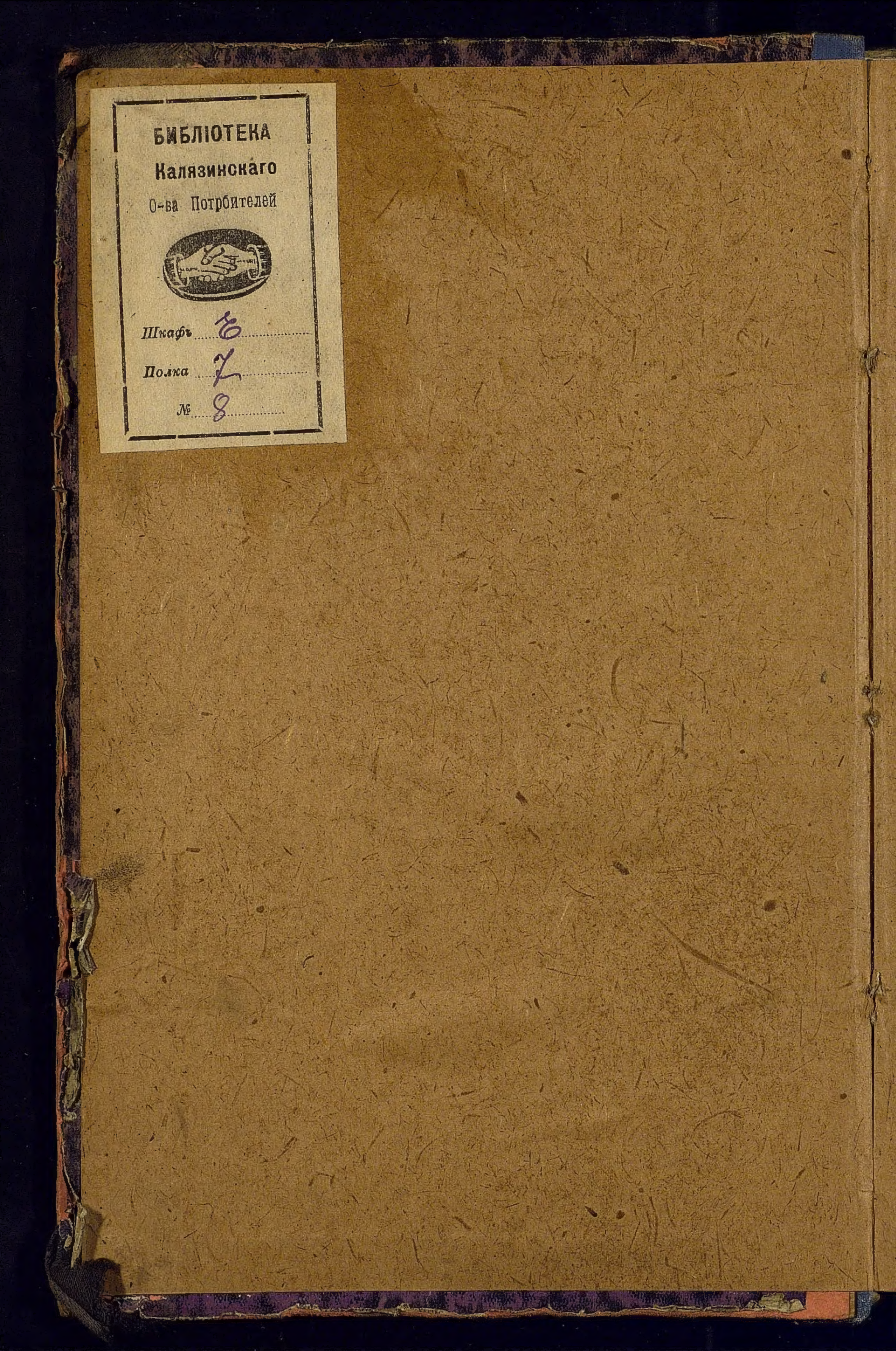

БИБЛІОТЕКА
Калязинскаго
О-ва Потребителей
Шкафъ Ѣ
Полка 7
№ 8

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LXVII. — ТОМЪ CCCXCVI. — 1/14 іюля 1903

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1903

3255

СОЛНЕЧНЫЕ ДНИ

РОМАНЪ.

I.

Стояли солнечные дни, ясные и теплые. Было начало іюня.

Загорѣловъ шелъ у себя по плотинѣ, близь мельницы, сопровождаемый конторщикомъ Жмуркинымъ, своимъ „чиновникомъ по особымъ порученіямъ“, какъ онъ его звалъ обыкновенно. Ему хотѣлось посмотрѣть всходы конопли, посѣянной по ту сторону рѣки Студеной, среди низины, на десятинахъ, только-что осушенныхъ имъ изъ-подъ болотъ. Теперь же, проходя по плотинѣ, онъ строилъ всевозможные планы, соображая вслухъ, нельзя ли воспользоваться еще какъ-либо рабочею силой воды, которая и безъ того молола ему муку, драла крупу, валяла сукна и мяла кудель. А Жмуркинъ, тонкій и безбородый малый, шагалъ рядомъ съ нимъ молча, прислушиваясь къ его планамъ съ почтительностью на всемъ своемъ блѣдномъ лицѣ, почти съ подобострастіемъ. Жмуркинъ всегда выслушивалъ такъ своего хозяина, а передъ его рабочей способностью и умомъ онъ положительно благоговѣлъ. Впрочемъ, по его губамъ, плотно сжатымъ и тонкимъ, порою блуждала улыбка, болѣзненная и замкнутая, — трудно было бы догадаться, что̀ именно выражала она собою. Но все-же чувствовалось, что она далеко не безъ содержанія. Между тѣмъ они прошли всю плотину и очутились передъ мельницей, у скрипѣвшихъ снастей. Загорѣловъ замолчалъ. Клокотавшая подъ колесами вода съ грохотомъ бросала

вокругъ шипящіе клочья серебристой пѣны, и вести разговоръ при такомъ шумѣ было бы затруднительно.

Обреченная на вѣчную работу, рѣка, вся пѣнившаяся у колесъ, на подобіе взмыленной лошади, видимо негодовала, какъ каторжникъ, прикованный къ тачкѣ, и оглашала воздухъ сердитымъ гуломъ. Рѣзкій свистъ крутящихся снастей врывался въ этотъ гулъ озлобленнымъ воемъ, и между водою и этими снастями точно шла ожесточенная борьба на смерть.

А на мельницѣ своимъ чередомъ кипѣла работа самаго мирнаго свойства. Кругомъ какъ муравьи сновали рабочіе, съ лицами словно осыпанными пудрой, согбенные подъ тяжестью кульковъ, бѣлѣвшихъ на ихъ спинахъ какъ глыбы снѣга. То-и-дѣло, отъѣзжая, скрипѣли телѣги, нагруженныя этими кулями, крѣпкія, словно отъѣвшіяся поглощенной мукою, сильно пахнувшія дегтемъ. Раздавались разнообразные возгласы; слышались шутки, звенѣлъ смѣхъ.

Изъ раскрытыхъ дверей амбаровъ порошило мучной пылью, какъ снѣгомъ. Оттуда словно метелица мела. Загорѣловъ остановился, съ удовольствіемъ оглядывая всю эту веселую картину труда, ярко залитую солнцемъ. И въ возбужденіи онъ воскликнулъ:

— Ухъ! Вотъ это я люблю! Лазарь, погляди!

Онъ повернулся къ Жмуркину сильнымъ движеніемъ, указывая на скрипѣвшія телѣги, на рабочихъ, на амбары, порошившіе мучной пылью.

— Погляди, Лазарь, какая славная кипитъ здѣсь работа! — Какъ здѣсь хорошо! Сколько денегъ наметётъ намъ въ кошелекъ эта метелица!

Онъ умолкъ съ лицомъ, выражавшимъ восхищеніе, и все еще какъ бы наслаждаясь зрѣлищемъ шумной рабочей жизни. Теперь онъ весь выдвинулся изъ-подъ тѣни осѣнявшихъ плотину ветелъ, и солнце ярко освѣщало всю его фигуру, стройную и сильную, съ молодымъ и красивымъ лицомъ, съ острою золотистой бородкой, съ выпуклыми сѣрыми глазами, смѣлыми и ясными. Его крутокурчавые волосы, ярко-рыжіе, чуть прикрытые легонькой спортсменской фуражечкой, отливали подъ лучами солнца золотомъ.

Жмуркинъ невольно залюбовался имъ.

По крайней мѣрѣ по его блѣдному лицу, безбородому и худощавому, на минуту скользнуло что-то похожее на восхищеніе; впрочемъ, выраженіе это тотчасъ же исчезло, и на его тонкихъ губахъ, чуть опушенныхъ крошечными усиками, снова появи-

лась та же замкнутая улыбка. Онъ неловко передвинулся всѣмъ своимъ тонкимъ туловищемъ ближе къ амбарамъ, ища тѣни, съ выраженіемъ внезапнаго неудовольствія. Зной и блескъ видимо безпокоили его, отвлекая мысли отъ чего-то главнаго и наисущественнаго, что всегда и всюду онъ носилъ въ себѣ, не разставаясь съ нимъ ни на минуту.

А Загорѣловъ весело двигался впередъ, полный самыхъ радостныхъ настроеній.

— Да, Лазарь, — заговорилъ онъ снова, дружески кивая Жмуркину,—не удивляйся, что у меня такой безумно счастливый видъ! Я дѣйствительно счастливъ! безъ мѣры счастливъ! пьянъ отъ счастья! И развѣ же это не счастье—принять вызовъ отъ судьбы, обрекшей тебя на самое жалкое прозябаніе, и крикнуть ей: „посмотримъ"! И схватиться съ ней грудь съ грудью, и одолѣть ее! И одолѣть ее такъ, что у нея хрустнутъ всѣ ребра! О, это очень большое счастье!—воскликнулъ онъ съ живостью,—это все! вся суть и всѣ цѣли бытія!

Онъ снялъ фуражку, обмахивая ею свое возбужденное лицо. Въ самомъ дѣлѣ онъ казался пьянымъ отъ счастья.

— „Стучи въ барабанъ и не бойся!"—вдругъ продекламировалъ онъ:—

„Цѣлуй маркитантку подъ стукъ!
Вся мудрость житейская въ этомъ,
Вся суть философскихъ наукъ"!

— Лазарь!—вновь воскликнулъ онъ восторженно,—это наилучшее стихотвореніе въ мірѣ! „Вся мудрость житейская въ этомъ!"—повторилъ онъ, сдвигая на самый затылокъ свою крошечную фуражку.—Въ этомъ! Въ побѣдной борьбѣ съ судьбою. А вотъ каковы должны быть пріемы этой борьбы—тутъ мнѣнія расходятся. Иные говорятъ: „Подъ ножку нельзя!"—и даже на этотъ случай соотвѣтствующіе циркуляры тиснули. А я говорю: можно! Можно и „подъ ножку"! Но при условіи непремѣнной побѣды. Только при этомъ условіи! Почему? А вотъ потому, что побѣдителей не судятъ! Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, при несоблюденіи этого условія непремѣнной побѣды воспользовавшагося симъ не-циркулярнымъ пріемомъ и тѣмъ не менѣе очутившагося подъ низомъ,—такъ вотъ такого господина—вдвое больнѣе бить будутъ. Повѣрь мнѣ! Его будутъ бить и за пораженіе, и за нециркулярный пріемъ. То-есть, квадратной лупцовкой! Слѣдовательно, мораль сей басни такова: если на силы свои ты не разсчитываешь и на одолѣніе не уповаешь,—пріемъ

оставь, „подъ ножку“ не смѣй! Ни-ни! А разсчитываешь, такъ отчего же? дерзай!

Онъ на минуту умолкъ, поглядывая на Жмуркина яснымъ, самоувѣреннымъ взглядомъ сѣрыхъ выпуклыхъ глазъ.

— Этотъ пріемъ вовсе не беззаконенъ,—началъ онъ снова.— Вѣдь и судьба по отношенію къ намъ къ тому же самому пріему прибѣгаетъ. Посуди самъ. Допустимъ, что я, будучи пятилѣтнимъ мальчёнкой, упалъ съ качелей и получилъ на спину горбъ, сталъ калѣкой, неспособнымъ къ жизни, несчастнымъ изъ несчастныхъ. А за что? Почему? Неизвѣстно. Или еще примѣръ. Предположимъ, что у меня энергія и работоспособность въ сорокъ лошадиныхъ силъ, а судьба заперла меня въ мышеловку безъ воздуха и свѣта. Такъ вотъ развѣ же это не „подъ ножку“? Лазарь, отвѣть по совѣсти! А если она такъ, такъ и я буду такъ. „Подъ ножку“. Буду „подъ ножку“, чортъ васъ совсѣмъ побери!—вскрикнулъ Загорѣловъ съ внезапнымъ раздраженіемъ и злобой, съ рѣзкимъ жестомъ.

Его жесты вообще отличались рѣзкостью. И такъ же внезапно вслѣдъ за этимъ сердитымъ возгласомъ онъ разсмѣялся самымъ добродушнымъ образомъ.

— Однако мы съ тобой уже у цѣли, — проговорилъ онъ, все еще хохоча.—Лазарь, мы увлеклись, по обыкновенію.

Онъ умолкъ, оглядывая разстилавшееся передъ нимъ поле. Освобожденная изъ-подъ болотъ почва, жирная, вся словно лоснившаяся, была обильно покрыта здѣсь темной и мясистой зеленью конопли, издававшей тягучій запахъ масла. Загорѣловъ сказалъ:

— Здѣсь было пятьдесятъ десятинъ болотъ, доходность которыхъ равнялась минусу. А теперь эти десятины насыплютъ въ мой карманъ семь, восемь тысячъ: правъ ли я былъ, перескочивъ черезъ путы судьбы?

Онъ снова умолкъ, предвкушая будущія обильныя жатвы, оглядывая окрестность счастливыми глазами человѣка, увѣреннаго въ удачѣ. Здѣсь было тише; мельница была уже далеко; ревъ воды достигалъ сюда подавленнымъ ропотомъ, счастливымъ ворчаньемъ наѣвшагося до отвала животнаго.

— Весело на мельницѣ, весело и здѣсь, Лазарь, — заговорилъ Загорѣловъ. — Слышишь, и здѣсь жизнь говоритъ намъ: „Живите, трудитесь, завоевывайте ваше счастіе. А если оно не дается вамъ, ловите его, какъ умѣете, арканомъ, капканомъ, западней. Я все разрѣшаю сильнымъ и умнымъ и все запрещаю хилымъ глупцамъ и разинямъ! Будьте же смѣлы! Съ зайцами,

пожалуй, обращайтесь по заячьи, но съ волками—по волчьи"!— заключилъ онъ своею любимой поговоркой.

— Хорошо вамъ такъ говорить, Максимъ Сергѣичъ, — внезапно перебилъ его Жмуркинъ, — вы сильный! А что если который слабъ? или не въ удачѣ? Ужли ему своего счастья такъ во вѣки вѣковъ и не увидѣть? Зачѣмъ же ему тогда такое хотѣнье дано? То-есть, жажда души? — Онъ съ недоумѣніемъ развелъ руками, не находя надлежащаго слова для выраженія всего тѣснившагося въ немъ.

— Зачѣмъ имъ тогда такое хотѣнье и порывъ мечты?— повторилъ онъ съ тѣмъ же выраженіемъ. Его голосъ звучалъ нѣжно и вкрадчиво, а жесты казались сдержанными и мягкими, черезчуръ мягкими, неестественно мягкими, словно ихъ врожденную порывистость сдерживало что-то могучее, одѣвавшее пока еще непроницаемой бронею духъ мятежный и въ высокой степени безпокойный. Эти жесты сдѣлали понятными теперь и его улыбку, раньше казавшуюся такою замкнутой. Эта улыбка какъ бы говорила Загорѣлову:

— Ты уменъ и силенъ, и ловокъ. Это правда. Но я переросту тебя головою, если захочу. Но я еще не хочу; я сомнѣваюсь.

— Большое хотѣнье, — проговорилъ онъ, наконецъ, вслухъ и съ усиліемъ,—большое хотѣнье при слабыхъ силахъ—это все равно что большой колосъ на слабомъ стеблѣ. Гдѣ же ему налиться?

Онъ снова умолкъ, вздыхая.

— А вотъ вѣдь арбузъ наливается,—сказалъ Загорѣловъ,— стало быть дѣло не въ стеблѣ, а въ хотѣньи.

Жмуркинъ внезапно разсмѣялся сдержаннымъ и тихимъ смѣхомъ, болѣе похожимъ на кашель.

— А я такъ и думалъ, Максимъ Сергѣичъ, что вы на арбузъ намекнете,—проговорилъ онъ, сквозь смѣхъ,—вотъ именно на арбузъ!

II.

Они двинулись въ обратный путь. Они шли, повернувъ лицомъ къ мельницѣ, среди веселой низины, сбѣгавшей къ рѣкѣ Студеной ровной зеленой скатертью. Тотъ берегъ, представлявшій собою вначалѣ такую же низину, замыкался затѣмъ, на разстояніи полуверсты отъ рѣки, цѣпью лѣсистыхъ холмовъ съ красивыми глинистыми изломами, съ глубокими и узкими овра-

гами, словно пропиленными пилою. На одномъ изъ этихъ холмовъ, лѣвѣе мельницы, раскинулась усадьба Загорѣлова, обширная, съ многочисленными постройками, съ громоздкимъ каменнымъ домомъ въ два этажа, высоко возвышавшимся на пологомъ скатѣ. На другомъ виднѣлась усадьба купца Быстрякова, съ низенькимъ, но веселымъ домикомъ, радостно выглядывавшимъ изъ-за курчавыхъ кустовъ сада. И обѣ усадьбы словно купались въ золотистомъ блескѣ, будто тоже свѣтились отъ счастья.

Загорѣловъ смотрѣлъ туда, по ту сторону рѣки, на свою усадьбу, и думалъ:

„И все это я заработалъ самъ, своими руками, своимъ умѣньемъ"!

Обращаясь къ Жмуркину, онъ заговорилъ какъ бы въ раздумьи:

— Когда мнѣ было двадцать-два года, когда я былъ твоихъ лѣтъ, Лазарь, все мое состояніе, ты знаешь, равнялось сотнѣ десятинъ, сугубо заложенныхъ. И тогда же я сказалъ себѣ: „Я буду богатъ. Непремѣнно"! И вотъ теперь мнѣ двадцать-восемь лѣтъ, и у меня двѣ тысячи десятинъ земли. Я богатъ, я очень богатъ. Вотъ что̀ значитъ большое хотѣнье, Лазарь!

— Лазарь, — говорилъ онъ, когда они были уже на плотинѣ,—все стремленье человѣка должно быть направлено на созиданіе личнаго своего счастья. Работай, трудись, созидай, и если ты способенъ, остальное все приложится. Толцыте, и отверзится вамъ. И твоя жизнь будетъ вотъ такими же солнечными днями. А я, я заработалъ уже ихъ; мои солнечные дни занялись, и видишь,—я охмелѣлъ отъ счастья.

— А ты не собираешься теперь въ монастырь, какъ раньше? — неожиданно спросилъ онъ Жмуркина, слегка склоняясь къ нему сіяющимъ отъ счастья лицомъ.

Тотъ не отвѣчалъ ни слова, и только тихо разсмѣялся своимъ похожимъ на кашель смѣхомъ. И тутъ же они чуть не столкнулись съ Лидіей Алексѣевной Быстряковой, выходившей изъ калитки Загорѣловскаго сада.

Загорѣловъ поспѣшно подбѣжалъ къ ней.

— Боже мой, вы сидите у насъ, а я даже и не подозрѣваю этого!

Онъ здоровался съ молодой женщиной и, покачивая головою съ грустно-комичнымъ видомъ нашалившаго школьника, говорилъ ей:

— Какой я глупый, какой я глупый! Я бѣгаю по коноплямъ и гоняюсь за счастьемъ, за призракомъ счастья, а счастье

сидитъ въ это время у меня подъ крышей. Вы были у Анны Павловны? — спросилъ онъ ее.

Загорѣловъ всегда звалъ такъ свою жену и въ глаза, и заочно, словно подчеркивая ихъ взаимную чуждость.

— У Анны Павловны?—переспросилъ онъ весело.

— У Анны Павловны!

— А теперь свѣтлое счастье развѣ не рискнетъ возвратиться туда же, но уже со мною?

— Не рискнетъ. Пусть лучше ваша милость проводитъ меня вотъ хотя бы до угла сада.

Молодая женщина говорила весело, повидимому, невольно впадая въ тонъ Загорѣлова, и вся ея хорошенькая бѣлокурая головка съ милыми голубыми глазами, съ ямочкой на подбородкѣ, глядѣла подѣтски довѣрчиво и кротко.

— Мнѣ нужно торопиться. Меня ждетъ обѣдъ и ...и мужъ,— добавила она.

И въ тонѣ ея голоса внезапно послышалось выраженіе какъ бы нѣкоторой досады или унынія, впрочемъ едва уловимое, какъ тѣнь облака. Черезъ мгновенье она уже такъ же весело играла своимъ розовымъ зонтикомъ съ тѣмъ же безпечнымъ и милымъ видомъ простодушнаго ребенка.

А Жмуркинъ стоялъ нѣсколько поодаль, прислонясь спиною къ массивному столбу воротъ, потупивъ глаза, блѣдный, точно пораженный внезапнымъ недугомъ.

Можно было подумать, что ему сдѣлалось дурно. Однако, когда Лидія Алексѣевна, сопровождаемая Загорѣловымъ, двинулась уже въ путь, онъ оправился и вошелъ въ ворота усадьбы совершенно бодро и пожалуй даже весело. Но едва лишь онъ сдѣлалъ два-три шага, какъ его слуха внезапно коснулся звукъ поцѣлуя,—поспѣшнаго, сорваннаго украдкой, подневольная поспѣшность котораго какъ бы выдавала его удвоенную ею горячность.

Звукъ этотъ прилетѣлъ со стороны тѣхъ, удалившихся, и былъ едва уловимъ, какъ вздохъ соннаго дерева, какъ шелестъ листа. Но онъ ворвался въ сознаніе Жмуркина, какъ буря, опустошивъ въ немъ все, всѣ думы и всѣ желанія, закрутивъ въ немъ цѣлые вихри самыхъ разнородныхъ ощущеній, жуткихъ, мучительныхъ, дикихъ.

Вначалѣ Жмуркинъ даже слегка согнулся, словно придавленный непомѣрной тяжестью этого звука. А затѣмъ онъ поспѣшно побѣжалъ въ садъ, растерянный и блѣдный, чувствуя въ себѣ лишь пламя этихъ вихрей. Съ тѣмъ же видомъ онъ подбѣжалъ къ забору и припалъ глазами къ скважинѣ между раз-

сохшихся тесинъ. Отсюда онъ увидѣлъ Лидію Алексѣевну и Загорѣлова. Жмуркинъ впился въ нихъ глазами, пытаясь разгадать загадку; но они шли съ самымъ невиннымъ видомъ, на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, и болтали о какихъ-то пустякахъ; и ни единая черточка ихъ лицъ не наводила мысль на возможность поцѣлуя. Жмуркинъ остался доволенъ тѣмъ, что̀ увидѣлъ. Вихри улеглись въ немъ, и мысли вновь прояснились, словно оболочка спала съ его мозга.

— Ухъ!—съ облегченіемъ вздохнулъ онъ, отрываясь наконецъ отъ забора.

„Это мнѣ показалось, — подумалъ онъ тотчасъ же, — этого быть не могло! Не такая она, чтобы... Не въ такомъ стилѣ-съ“!

Онъ двинулся садомъ къ своему крошечному флигельку въ два окна, ютившемуся въ углу сада на одной линіи съ домомъ, среди густыхъ зарослей сирени и жимолости.

„Онъ, — думалъ Жмуркинъ по дорогѣ о Загорѣловѣ,—онъ, конечно, не прочь. Онъ даже былъ бы весьма радъ, чортъ его побери, но она-съ! А дѣло въ ней! Она-съ—чистѣйшая и святѣйшая женщина. Лидія Алексѣевна! Какъ же можно-съ, чтобъ вдругъ?.. Не такая она, чтобъ спотыкнуться“!

Жмуркинъ какъ будто успокоился. Впрочемъ, часъ спустя, когда онъ обѣдалъ въ кухнѣ, вмѣстѣ съ поваромъ Флегонтомъ, воспоминаніе о слышанномъ поцѣлуѣ снова мучительно коснулось его сердца. Его сразу же точно всего перевернуло, и Флегонтъ съ участіемъ на лицѣ спросилъ его:

— Что̀ это нынче съ тобой, Лазарь Петровичъ?

— А что̀?

— Да видъ у тебя какой-то такой! — Флегонтъ повертѣлъ пальцемъ у себя подъ носомъ.

— Какой?

— А такой. Гляжу я на твое лицо, и самъ никакъ не пойму. Не то тебя нынче пересолили, не то пережарили. А что̀? Развѣ не правда? Вонъ у тебя и начинка вся подсохла!

Онъ замолчалъ, потому что Жмуркинъ внезапно и съ шумомъ отодвинулъ отъ себя блюдо съ бараниной.

— Прошу въ мои дѣла не вмѣшиваться, Флегонтъ Ильичъ!—крикнулъ онъ запальчиво.—Имѣйте въ виду, что я человѣкъ, а не соусъ! Чего? Будьте-съ любезны! Человѣкъ, и не хуже другихъ! Можетъ быть, даже почище многихъ! Я! Почище-съ! Имѣйте въ виду!—И онъ поспѣшно вышелъ изъ кухни, стуча сапогами.

А вечеромъ, покончивъ свои обыденныя занятія, онъ сидѣлъ

у себя въ конторѣ, въ крошечномъ флигелькѣ, за столомъ, заваленнымъ громоздкими конторскими книгами и пачками счетовъ, и со вниманіемъ что-то заносилъ въ свою обтянутую холстомъ записную книжечку. Писалъ онъ медленно, видимо напряженно обдумывая каждое слово, прежде чѣмъ занести его. Его блѣдное лицо, нѣсколько склоненное на сторону, было хмуро сосредоточенно, а его губы порою шевелились,—точно онъ произносилъ про себя каждое написанное слово.

Жмуркинъ велъ свой дневникъ.

„2-ое іюня, — писалъ онъ; — видѣлъ сегодня мое божество Лидію Алексѣевну. Хотѣлъ сказать ей „здравствуйте"—и не посмѣлъ. Поклонился молча, а душа словно кипѣла въ котлѣ. Максимъ Сергѣичъ говоритъ: „Наше счастье и наше хотѣнье—вотъ единственные боги наши!" А я даже не дерзаю назвать по имени хотѣнье мое, и открещиваюсь отъ него, какъ отъ сатаны. И я смотрѣлъ на мое божество, будто въ молитвѣ. И только. Такъ-то пройдетъ вся моя жизнь. У людей солнечные дни, а у меня—туманъ и туча. Бѣдный я, бѣдный! видно, мнѣ во вѣки не видѣть моего солнышка"!

Жмуркинъ оставилъ тутъ на минуту перо, тихохонько, словно крадучись, прошелся по комнатѣ, сосредоточенно потирая руки, и затѣмъ снова усѣлся за ту же работу съ озабоченнымъ и хмурымъ видомъ.

„А потомъ она пошла домой, — записывалъ онъ ровнымъ и узкимъ почеркомъ, — съ Максимомъ Сергѣичемъ. Мое божество, солнечный день, ласточка! И я услышалъ какъ будто звукъ поцѣлуя. Во мнѣ все перевернулось. Побѣжалъ въ садъ и сталъ за ними подглядывать. Однако убѣдился, что видъ ихъ доказывалъ невинность. Поцѣлуя не было; не могло быть. Сумасшедшій бредъ это, несуразность, чепуха!" Жмуркинъ написалъ эти слова съ самымъ спокойнымъ видомъ, но тутъ внезапно его руку точно кто толкнулъ. Крупнымъ и нелѣпымъ почеркомъ онъ занесъ далѣе нижеслѣдующее:

„А что если это не бредъ? Что мнѣ тогда дѣлать? Охъ, боюсь я, боюсь, боюсь"!

Послѣ этого онъ быстро запряталъ книжку въ боковой карманъ, словно боясь перечитывать написанное, затѣмъ подошелъ къ своей узкой и жесткой постели и легъ, зарываясь лицомъ въ подушку, обтянутую розовой наволокой.

Въ комнатѣ было уже совсѣмъ черно, когда онъ снова всталъ съ постели. Не надѣвая фуражки, онъ вышелъ на крыльцо, какъ бы желая, чтобы его обдуло вѣтромъ. Тамъ онъ усѣлся на

ступенькѣ въ задумчивой позѣ, весь привалясь къ боковой перильцѣ, какъ разслабленный.

Ночь была тихая и ясная; сонныя деревья сада стояли не шевелясь, будто погруженныя въ думу. Малиновое пятно зари едва тлѣло, какъ догорающій уголь, надъ вершиною далекаго лѣса, походившаго теперь на взмывающую тучу. А изъ сада до слуха Жмуркина доносился звонъ посуды, веселый смѣхъ и безпечный говоръ людей. Тамъ ужинали, пили вино, шутили, смѣялись, наслаждались жизнью, кто какъ могъ и какъ умѣлъ. И большой каменный домъ смотрѣлъ туда, на веселившихся въ саду людей, своими ярко освѣщенными окнами одобрительно и радостно. Жмуркинъ понуро сидѣлъ на крыльцѣ и слушалъ.

Вотъ послышалась возбужденная болтовня Перевертьева и Сурковой—гостей Загорѣловыхъ,—очевидно, взаимно кокетничавшихъ, умышленно настроивавшихъ другъ друга на влюбленный ладъ. Вотъ прозвучалъ лѣнивый голосъ Анны Павловны—жены Загорѣлова. Вотъ звонко и радостно расхохотался онъ самъ, Максимъ Сергѣичъ.

Жмуркинъ сидѣлъ и тоскливо думалъ:

„У людей солнечные дни, а у меня—туманы и туча".

А затѣмъ безпечный говоръ стихъ, окна въ домѣ потухли, точно онъ внезапно ослѣпъ, надъ широкимъ дворомъ усадьбы воровскимъ полетомъ метнулась сова, и тишина застыла вокругъ Жмуркина непроницаемой стѣною, какъ бы отгородивъ его отъ всего міра.

И тогда Жмуркинъ тихо приподнялся и исчезъ въ дверяхъ флигелька. Оттуда онъ появился снова и уже съ гитарой въ рукахъ. Задумчиво, онъ опустился на ступени крыльца, взялъ тихій, нерѣшительный аккордъ и запѣлъ, думая о Лидіи Алексѣевнѣ. Пѣлъ онъ: „Приходи, моя милая крошка", но на мотивъ „Взбранной воеводѣ"...

III.

Въ селѣ Протасовѣ, тамъ, къ юго-западу отъ усадьбы, едва только заблаговѣстили къ обѣднѣ, и узкіе овраги, изрѣзывавшіе холмистыя окрестности, еще гудѣли протяжнымъ и радостнымъ звономъ, словно перекликаясь, а Загорѣловъ уже сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ. Онъ подсчитывалъ, во что обойдутся ему за все лѣто полевыя работы, желая знать, сколько останется въ его распоряженіи свободныхъ суммъ, которыя можно пускать въ дѣло. „Посылать въ работу",—какъ онъ выражался

обыкновенно. Онъ сидѣлъ съ карандашомъ въ рукѣ, подводя итоги, а рядомъ, сбоку, стоялъ Жмуркинъ, по выпискамъ изъ конторскихъ книгъ почтительно докладывая о необходимыхъ за лѣто денежныхъ выдачахъ. Лицо Жмуркина было блѣдно и носило слѣды усталости, и онъ читалъ свои выписки порою совсѣмъ упавшимъ голосомъ, но Загорѣловъ работалъ весело, со вкусомъ, почти вдохновенно. Въ каждомъ его движеніи такъ и сказывался умѣлый работникъ. Ослѣпительный свѣтъ солнца вливался въ широкое окно кабинета, настежь отворенное, и ярко освѣщалъ ихъ обоихъ. Крутые завитки волосъ Загорѣлова казались въ этомъ свѣтѣ вычеканенными изъ золота. Онъ былъ одѣтъ въ легкій сѣрый пиджакъ изъ какой-то шелковистой матеріи, свободный и ловко сшитый, не стѣснявшій его движеній, а на его ногахъ ярко блестѣли своей лакировкой полевые сапоги, достигавшіе до половины выпуклыхъ икръ. И вся его фигура, хорошо вымытая, вычищенная до лоска, довольная, сытая, удобно и красиво одѣтая, громко говорила, что онъ любитъ жизнь, умѣетъ цѣнить удобства, находитъ вкусъ даже въ мелочахъ, завоеванныхъ жестокимъ боемъ.

А Жмуркинъ былъ одѣтъ въ черный пиджакъ изъ такой же шелковистой матеріи и такіе же точно сапоги. Его розовый галстухъ тоже былъ завязанъ бабочкой. Было очевидно, что онъ подражалъ въ костюмѣ Загорѣлову до мелочи, до смѣшного, затрачивая на это послѣдніе гроши; и вѣроятно это его радовало обыкновенно. Но теперь, поглядывая на Загорѣлова, на его красивую, свѣжую и сильную фигуру, и мысленно представляя свою собственную, Жмуркинъ томился безпокойнымъ, мучительнымъ чувствомъ. Въ его сердцѣ точно кто-то то горько плакалъ и тоскливо жаловался, то вдругъ безудержно бѣсился, пытаясь разнести это сердце въ дребезги.

Жмуркинъ казался самому себѣ порою жалкимъ, ничтожнымъ, гнуснымъ до отвращенія,—хотя въ его наружности гнуснаго рѣшительно ничего не было,—порою же несправедливо обиженнымъ. И это сознаніе собственной ничтожности или несправедливой обиды то придавливало его, какъ невыносимая тяжесть, то бѣсило, вздымая все его существо на дыбы дикимъ желаніемъ помѣряться съ кѣмъ-то силами, проявить себя, вырости внезапно въ исполина.

Въ эти минуты необычайнаго подъёма ему вѣрилось въ свои силы, и онъ думалъ:

„Я перерасту тебя головою, если захочу“!

Когда они кончили работу, Загорѣловъ спросилъ:

— Лазарь, ты что какой сегодня? не въ духѣ?

Онъ подождалъ его отвѣта—и не дождался.

— У тебя, можетъ быть, денежныя дѣла не въ порядкѣ?—снова спросилъ онъ его:—такъ я тебѣ дамъ!—Онъ подумалъ и добавилъ:—Немного.

Жмуркинъ молчалъ, аккуратно укладывая свои выписки въ папку.

— Нѣтъ, я не о деньгахъ,—наконецъ, проговорилъ онъ,—деньги что!

— А о чемъ?

Загорѣловъ закинулъ нога на ногу и, покусывая золотистые усики своими яркими губами, внимательно глядѣлъ на Жмуркина.

Жмуркинъ встревоженно шевельнулся. Этотъ пристальный взоръ, казалось, безпокоилъ его, какъ безпокоитъ щекотливыхъ чужое прикосновеніе.

— А о чемъ?—повторилъ Загорѣловъ.

Унылый видъ Жмуркина, казалось, слегка растрогалъ его, и въ тонѣ его голоса слышалось самое искреннее соболѣзнованіе.

— Вотъ я о чемъ,—заговорилъ Жмуркинъ, съ усиліемъ подбирая слова.—Чему тутъ радоваться, если тамъ пустота и безразличіе?—Онъ кивнулъ головой, указывая на небо.

— Чему радоваться?—переспросилъ Загорѣловъ.—А жизни? восторгамъ? здоровью, солнечнымъ днямъ, удачной работѣ? развѣ ты не находишь вкуса во всемъ этомъ?

— Плохой вкусъ!—Жмуркинъ презрительно усмѣхнулся.—Плохой вкусъ въ безразличіи и въ пустотѣ-съ!—повторилъ онъ твердо. — Посудите сами, Максимъ Сергѣичъ! Вѣдь если и я, червь ползучій, и то не лишенъ бываю мечтаній свѣтлыхъ, такъ какова же должна быть цѣна міру всему громадному, если въ немъ ни единой свѣтлой грезы нѣтъ, и только одинъ животъ, да мракъ, да пустота, да безразличіе? Грошъ цѣна міру такому, если онъ насѣстъ для червей есть, и только! Грошъ цѣна, если я себя до него принизить долженъ-съ! Чему же тутъ послѣ этого радоваться?—повторилъ Жмуркинъ свой вопросъ.

Онъ какъ будто оживился, и на его блѣдныхъ щекахъ, пониже скулъ, розовыми пятнами выступилъ румянецъ.

— Да, такъ ты вотъ о чемъ?—въ задумчивости произнесъ Загорѣловъ, мѣняя позу.

— Что же?—продолжалъ онъ затѣмъ:—если мы черви, будемъ стараться, по крайней мѣрѣ, быть нарядными червями, умными, сильными, благородными пожалуй отчасти,—добавилъ онъ.

— Это по вашему такъ,—перебилъ его Жмуркинъ,—а по моему, если ужъ я червь,—такъ я и буду самымъ настоящимъ червемъ. И даже чѣмъ хуже, тѣмъ лучше! Потому что этимъ самымъ сугубымъ моимъ-съ приниженіемъ я всяческому безразличію мщу-съ. За поруганіе свѣтлой мечты моей мщу! Мщу-съ!— повторилъ Жмуркинъ съ внезапной судорогой на губахъ. И забравъ свою папку, онъ поспѣшно вышелъ изъ кабинета.

„Чудакъ!"—подумалъ Загорѣловъ, улыбаясь.

Однако, тѣнь унынія скользнула по его лицу,—точно разговоръ съ Жмуркинымъ всколыхнулъ въ его сердцѣ что-то. Онъ всталъ изъ-за стола, прошелся раза два по кабинету и опустился затѣмъ на диванъ въ задумчивости. Утренняя прохлада вливалась въ открытое окно кабинета и касалась его щеки какъ чье-то легкое дыханіе. Казалось, тамъ, за окномъ, стоялъ кто-то свѣтлый, вѣчно юный и непорочный.

„За поруганіе свѣтлой мечты моей мщу! — припомнилось Загорѣлову. — Смѣшные люди, — подумалъ онъ съ нѣкоторой грустью:—кому тутъ мстить и за что? Вѣдь въ такомъ случаѣ и курильщики опіума въ правѣ мстить за поруганіе своихъ несбывшихся грёзъ. А кто же тутъ виноватъ? Не кури опіума,— вотъ и все"!

Онъ всталъ съ дивана и пересѣлъ на стулъ.

„Свѣтлыя мечты, свѣтлыя мечты",—думалъ онъ въ грустной задумчивости, и его сердца какъ будто касалось нѣжное и легкое облако. Утренняя прохлада дохнула ему въ лицо снова, точно желая сказать ему что-то.

— А-а, что за вздоръ! — вдругъ проговорилъ Загорѣловъ сердито, словно отмахиваясь.

Онъ поспѣшно всталъ, оправилъ передъ зеркаломъ бороду и пошелъ въ столовую пить чай. Оттуда уже раздавался звонъ посуды, и лѣнивый голосъ Анны Павловны говорилъ:

— Фрося, голубушка, принеси ты мнѣ чайку въ спальную. Не спалось мнѣ что-то, милая; полежу я еще хоть съ часочекъ! За меня Глашенька пусть чай разольетъ.

„Экая лѣнища!—думалъ Загорѣловъ о женѣ:—даже чай лѣнь разлить"!

Онъ сердито прошелъ въ спальню къ женѣ и сказалъ:

— Анна Павловна, неужели вамъ надо по двадцати часовъ въ сутки спать? Разлейте хоть чай-то сами. Вѣдь у насъ гости!

— Сейчасъ, Максимъ Сергѣичъ,—раздалось изъ-подъ одѣяла: —сейчасъ, сейчасъ; я только чуточку, самую чуточку!

„Вотъ тутъ тоже,—думалъ Загорѣловъ, удаляясь изъ спальни,

—изъ-за свѣтлыхъ мечтаній всѣ бока себѣ отлежали!"—„Да что я буду дѣлать-то?"—мысленно передразнилъ онъ лѣнивый голосъ жены:—„еще обидишь кого, или согрѣшишь!"

А Жмуркинъ пилъ въ это время чай у кухни, съ Флегонтомъ, на свѣжемъ воздухѣ. Изъ окна кухни вкусно пахло кореньями и хорошо пропеченной булкой, и Жмуркинъ, съ удовольствіемъ вдыхая пахучій воздухъ, весело схлебывалъ съ блюдечка чай и весело говорилъ:

— Геніальный человѣкъ Максимъ Сергѣичъ, золотая голова!

— А что?

— Какъ что? Какое имѣнье задаромъ отхватилъ?

— Ужли задаромъ?

— А какъ же! Вѣдь это все на нашихъ глазахъ произошло! Разсказать?

— Качай—валяй!

Жмуркинъ налилъ себѣ свѣжаго чаю и продолжалъ:

— Пронюхалъ онъ, что господинъ Хвалынцевъ...

— Это Петръ Павлычъ? бывшій хозяинъ здѣшній?

— Онъ самый. Прослышалъ Максимъ Сергѣичъ, что Петръ Павлычъ въ Парижѣ въ долги влопался и въ деньгахъ нужду возъимѣлъ. А имѣнье у него шесть тысячъ десятинъ было и заложено по тридцати рублей на десятину. Только пронюхалъ объ этомъ Максимъ Сергѣичъ, и видимо у него тотчасъ же въ мозгахъ мечта эта самая всѣми колесами завязла. Чтобы, то-есть, вотъ это имѣнье заполучить. И поженился онъ тутъ скоропостижно на Аннѣ Павловнѣ. А та постарше его годочковъ на шесть, и за ней по случаю этому прилагательнаго двадцать-пять тысячъ значилось. Ну-съ, заполучилъ онъ денежки эти, свое имѣньишко вдругъ заложилъ и пропалъ невѣдомо куда. Это мы такъ думали. А оказывается, онъ къ Петру Павлычу уѣхалъ. Въ Парижъ. Вонъ куда! Пріѣхалъ и сталъ его, конечно, оглаживать, сахаромъ-медомъ обмазывать, очки втирать. — „Продайте, дескать, ваше имѣнье!"—„Извольте. За сколько?"—„За тридцать тысячъ!"— Тотъ даже въ амбицію.—„Хотите, говоритъ, двѣсти тысячъ въ доплату къ банку?" А Максимъ Сергѣичъ смѣется.—„Да я, говоритъ, то же самое вамъ предлагаю".—„Какъ то же самое?"— „Такъ то же самое. Продайте, говоритъ, мнѣ ваше имѣнье за тридцать тысячъ. И эти денежки я вамъ единымъ моментомъ выкину. И сейчасъ же закладную совершимъ. То-есть, какъ будто бы я имѣнье мое у васъ въ ста-семидесяти тысячахъ заложилъ. А черезъ годъ я ихъ вамъ уплатить обязуюсь. А не уплачу—имѣнье ваше, а мои тридцать тысячъ—фью-съ, въ гости уѣхали! Хотите,

говоритъ, такъ?“ А Петръ Павлычъ ему:—„А кто же, говоритъ, мнѣ составленіе закладной обезпечитъ? Илья-Пророкъ что-ли?“ —„Нѣтъ, говоритъ, не Илья-Пророкъ, а сорокъ мучениковъ“. И показалъ ему тутъ Максимъ Сергѣичъ на крестѣ своемъ благословеніе материнское, образочекъ серебряный.—„Вотъ, говоритъ, они всѣ обезпечатъ“. И тутъ же добавилъ:—„Вѣдь мы, говоритъ, тѣмъ же часомъ, не выходя, оба акта совершимъ. Какъ же я на попятный пойду? Да развѣ есть, говоритъ, на свѣтѣ такая наглость?“ И такъ понравилось это Петру Павловичу, что онъ руку ему тутъ же пожалъ. Согласился.

— Ужли онъ и послѣ сорока мучениковъ его обдулъ?—спросилъ Флегонтъ.

— Вотъ то-то и есть, что нѣтъ!—весело воскликнулъ Жмуркинъ.—Зачѣмъ? Съ зайцами можно и по-заячьи! Пріѣхалъ сюда Максимъ Сергѣичъ съ двумя актами въ карманѣ и, понимаешь ли, въ полгода четыре тысячи десятинъ восьми деревнямъ по частямъ распродалъ. Черезъ банкъ. И за это самое двѣсти-сорокъ тысячъ чистоганчикомъ заполучилъ. Итого вышло ему за хлопоты двѣ тысячи десятинъ съ усадьбой, да сорокъ тысячъ деньгами. Геніальный человѣкъ Максимъ Сергѣичъ!—заключилъ Жмуркинъ.

Флегонтъ сказалъ:

— Да, это не то, что не телячьи мозги съ изюмомъ!

IV.

Въ этотъ же день послѣ обѣда Жмуркинъ сидѣлъ на берегу Студеной, бокомъ къ водѣ, и задумчиво глядѣлъ на цѣпи лѣсистыхъ холмовъ, туда, гдѣ въ солнечномъ свѣтѣ рѣзко вырисовывалась усадьба Быстрякова. А подлѣ него, у самой воды, ходилъ взадъ и впередъ Безутѣшный, братъ Анны Павловны Загорѣловой, высокій, широкоплечій и сутулый. Онъ поглаживалъ свою короткую бороду, покрывавшую его одутловатыя щеки и подбородокъ, какъ кудрявый мѣхъ, и говорилъ. Говорилъ онъ внушительнымъ, но пріятнымъ басомъ, гудѣвшимъ, какъ сто-пудовый колоколъ.

— Загорѣловъ говоритъ: „Стремись къ личному счастью. Вотъ единственное назначеніе человѣка“, — гудѣлъ онъ. — А я говорю: „Ни счастья, ни несчастья нѣтъ, а есть только весьма условное представленіе о томъ и другомъ. А посему всѣ стремленья—вздоръ. Будь хладнокровенъ и созерцай жизнь. Вотъ единственная удобная позиція для человѣка, не лишеннаго ума“!

Онъ замолчалъ. Жмуркинъ безпокойно шевельнулся.

— Да-съ. Такъ вотъ каково мое сужденіе, — снова прогудѣлъ Безутѣшный, ярко выговаривая букву „о“.

Жмуркинъ шевельнулся съ тѣмъ же встревоженнымъ видомъ и подумалъ:

„Придетъ сегодня Лидія Алексѣевна, или не придетъ“?

Это мѣсто у рѣки онъ выбралъ не даромъ.

Отсюда вся усадьба Быстрякова была какъ на ладони, а Жмуркину былъ необходимо до зарѣзу вотъ именно такой наблюдательный пунктъ, для слѣдующихъ цѣлей. Онъ зналъ, что у Загорѣловыхъ собираются сегодня гости. Вѣроятно, придетъ и Лидія Алексѣевна; и вотъ когда она выйдетъ изъ воротъ усадьбы, Жмуркинъ незамѣтно перехватитъ ее гдѣ-нибудь на дорогѣ и будетъ наблюдать за нею. Можетъ быть, ее встрѣтитъ Загорѣловъ гдѣ-нибудь въ закоулкѣ и якобы случайно, и эта встрѣча, можетъ быть, что-нибудь повѣдаетъ Жмуркину, разрѣшивъ такъ или этакъ его сомнѣнія, мучительно томившія его. И вотъ онъ сидѣлъ и глядѣлъ на усадьбу, почти не слушая Безутѣшнаго. А тотъ прохаживался мимо него и говорилъ:

— Вотъ я цѣлый часъ говорю съ тобою, а самъ вижу, что ты ни единому слову моему не вѣришь. И не думай, что ты не вѣришь мнѣ только потому, что человѣкъ я безъ опредѣленныхъ занятій и пьяница. Совсѣмъ нѣтъ! Ты мнѣ не вѣришь лишь потому, что люди никогда не вѣрятъ истинѣ. „Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“!.. И потомъ развѣ ты не читалъ: „Пришелъ Іоаннъ, не ѣстъ, не пьетъ и говорятъ: Въ немъ бѣсъ! Пришелъ Сынъ Человѣческій“... Ну, и Ему тоже не повѣрили... Да-съ, такъ вотъ почему ты мнѣ не вѣришь!

Безутѣшный замолчалъ и заложилъ руки въ карманы своего коротенькаго пиджака изъ суроваго полотна. Пиджакъ былъ коротокъ, карманы приходились слишкомъ ужъ высоко, и эта поза дѣлала Безутѣшнаго еще болѣе сутулымъ. Нѣсколько минутъ онъ ходилъ молча. Жмуркинъ тоже молчалъ, задумчиво поглядывая на окрестности.

Вокругъ было свѣтло и ясно. Рѣчка Студеная сверкала на солнцѣ, а здѣсь, у рѣки, зноя совсѣмъ не чувствовалось. Хорошій, солнечный день, казалось, не жегъ земли, а лишь нѣжно согрѣвалъ ее, погружая въ самое благодушное состояніе. Ясныя и нѣжныя краски, разлитыя повсюду, по всей окрестности, по полямъ, водѣ и небу, достовѣрно свидѣтельствовали вотъ именно объ этомъ благодушіи. Было очевидно, что здѣсь, среди

этого свѣта и этого тепла, вся окрестность чувствуетъ себя хорошо, уютно и радостно, совершенно такъ же, какъ чувствуетъ себя человѣкъ среди милыхъ и добрыхъ друзей.

Между небомъ и землей словно установились хорошія, дружескія отношенія.

— А по моему,—заговорилъ Безутѣшный снова,—по моему, ужъ если рѣшать вопросъ, кому изъ насъ вѣрить: Загорѣлову иль мнѣ, такъ преферансъ мнѣ отдать надо.

— Это почему же?—спросилъ его Жмуркинъ не безъ язвительности.

Безутѣшный сдвинулъ старенькую соломенную шляпу на лѣвое ухо, защищаясь отъ солнца. Его длинные лохматые волосы шевельнулись отъ этого движенія.

— А потому-съ,—сказалъ онъ, сильно окая,—потому-съ, что я сорокъ лѣтъ на свѣтѣ живу и въ эти сорокъ—двѣсти годовъ успѣлъ прожить. Чѣмъ-чѣмъ только я не былъ. Я былъ богачомъ,—говорилъ онъ, прохаживаясь мимо Жмуркина.—Богачомъ, ибо цѣлыхъ тридцать-пять тысячъ, все отъ отца доставшееся, въ одинъ годочекъ ухлопалъ. Жилъ какъ богачъ: имѣлъ содержанку, рысаковъ, по четвертной на чай выбрасывалъ. Былъ и актеромъ. Былъ „Чудомъ Африки"—дикимъ кафромъ, именемъ „Соколиный Глазъ". Стекло ѣлъ, керосинъ пилъ, и обо мнѣ вотъ такими буквами на афишахъ печатали. Психопатокъ своихъ собственныхъ имѣлъ! Красный атласный фракъ носилъ. Апплодисменты бѣшеные слышалъ! И что-же? и ничего! „И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ"... Д-а-а! Былъ я псаломщикомъ,—продолжалъ онъ снова,—былъ музыкальнымъ настройщикомъ. Былъ „профессоромъ здравомыслія" при купеческой дщери Митрофаніи Круполобовой. Дщерь эта круглая дура была и въ восемнадцать лѣтъ папы и мамы сказать не умѣла. Такъ вотъ я ее за пять рублей въ мѣсяцъ здравомыслію обучалъ. И обучилъ! Въ четыре мѣсяца четыремъ словамъ ее выучилъ, по пяти цѣлковыхъ за слово. Папа, мама, мерси и бонжуръ. Все, что купеческой дщери нужно. А пятому слову она уже сама отъ меня выучилась и безплатно. Знаешь, какое это слово? догадываешься? О-чи-щен-на-я!—произнесъ Безутѣшный членораздѣльно и разсмѣялся. Смѣхъ у него былъ отрывистый, но гулкій, словно онъ смѣялся въ колодезь.

— Да-съ. Чего-чего только не пережито,—добавилъ онъ со вздохомъ.—Былъ я эпикурейцемъ, былъ стоикомъ, былъ и двуногой свиньей...

— А теперь кто же вы такой?—снова спросилъ Жмуркинъ насмѣшливо.

— А теперь я свободный наблюдатель жизни. Чиновникъ особыхъ приключеній при министерствѣ утаптыванья дорогъ. Хладнокровный созерцатель человѣческихъ пакостей, Спиридонъ Безутѣшный.—Онъ ударилъ себя въ грудь короткими и толстыми пальцами.—Не смѣйся, Жмуркинъ, охъ, не смѣйся! Такъ вотъ кто я такой сейчасъ!—добавилъ онъ.—„Ужъ не жду отъ жизни ничего я", а на прошлое мнѣ наплевать!

Жмуркинъ внезапно пересталъ смѣяться и поспѣшно поднялся на ноги. Словно розовое вечернее облако мелькнуло въ воротахъ Быстряковской усадьбы, и онъ сразу же сообразилъ, что это—зонтъ Лидіи Алексѣевны. Она идетъ къ Загорѣловымъ, это было ясно. Жмуркинъ со всѣхъ ногъ бросился прочь отъ Безутѣшнаго, въ жуткомъ волненіи, широко размахивая руками. Безутѣшный думалъ:

„Что это?! оса что-ли парня ужалила"?

— Жмуркинъ!—крикнулъ онъ ему вслѣдъ гудѣвшимъ какъ колоколъ голосомъ. — Жмуркинъ! Лазарь! Эй!—кричалъ онъ ему.—А Загорѣлову ты все-таки не вѣрь и отроку сему не подражай! Ибо это про него сказано: „И ты, Капернаумъ, до неба вознесшійся, до ада низвергнешься"! Слышишь, не подражай!—кричалъ онъ. Но Жмуркинъ его не слышалъ; его тонкая фигура уже скрылась за кудрявыми кустами, цѣплявшимися по скату холма.

— Чудны дѣла твоя, Господи! — повторилъ Безутѣшный, усаживаясь на берегу, лицомъ къ водѣ.

„А изъ него Загорѣловъ номеръ второй ростетъ! — подумалъ онъ о Жмуркинѣ внезапно. — Загорѣловъ двойной очистки"!

— Чудны дѣла твоя, Господи!—повторилъ онъ снова въ задумчивости:—всѣ бѣгаютъ, всѣ суетятся, а удѣлъ всѣхъ—смерть. И ты, Студеная, умрешь,—сказалъ онъ рѣкѣ,—и не останется въ тебѣ ни единой капли, какъ въ бутылкѣ, попавшей въ руки пьяницы. И солнце потухнетъ. И воцарятся вокругъ мракъ и молчаніе. И бросятъ затѣмъ землю въ новое горнило, какъ кузнецъ бросаетъ негодную подкову. Для новой ковки, для новой суеты, для новой безтолочи. Охо-хо-хо-хо! Чудны дѣла твоя, Господи!

Между тѣмъ съ Жмуркинымъ, торопливо взбиравшимся по скату холма, случилось несчастіе. Онъ выронилъ изъ кармана свою записную книжку, ту самую, въ которой онъ велъ свой дневникъ. Потерять ее Жмуркинъ не рѣшился бы ни за что на

свѣтѣ, и волей-неволей ему пришлось устремиться на поиски потеряннаго. Книжку эту онъ отыскалъ и довольно-таки скоро, но за то во время этихъ поисковъ онъ потерялъ изъ виду Лидію Алексѣевну. Она исчезла съ поля его зрѣнія, невѣдомо куда, словно провалилась сквозь землю, и ея розовый зонтикъ уже не мерцалъ болѣе передъ его глазами, какъ вечернее облако.

Убѣдившись въ этомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ, Жмуркинъ сначала совершенно растерялся, и нѣкоторое время онъ стоялъ на холмѣ съ помутившимися глазами, блѣдный и встревоженный, безъ единой мысли въ головѣ. Онъ совершенно не зналъ, что̀ ему надлежитъ дѣлать. Однако вскорѣ же энергія проснулась въ немъ снова, и онъ тотчасъ же сообразилъ, что куда бы ни запропастилась Лидія Алексѣевна, воротъ Загорѣловской усадьбы ей все-же не миновать, если только она идетъ туда. Слѣдовательно, не все еще было потеряно для Жмуркина. Ему надлежало только дѣйствовать какъ можно скорѣе и постараться перехватить молодую женщину гдѣ-либо около воротъ. Взвѣсивъ всѣ эти соображенія, Жмуркинъ поспѣшно двинулся въ погоню, наперерѣзъ, стараясь быть въ то же время подъ защитой кустарниковъ, какъ со стороны усадьбы, такъ и со стороны дороги. Бѣжалъ онъ къ забору сада, туда, гдѣ скважина между разсохшихся тесинъ уже сослужила ему однажды свою службу.

Когда онъ взволнованно приникъ къ ней затуманенными глазами, онъ увидѣлъ Лидію Алексѣевну. Она стояла бокомъ къ нему, почти у самыхъ воротъ, въ нарядномъ платьѣ, словно осыпанномъ малиновыми огоньками, вся вырисовываясь передъ нимъ какъ удивительно милый цвѣтокъ. А рядомъ съ ней стоялъ Загорѣловъ и держалъ ее за руку. На минуту все вспыхнуло въ глазахъ Жмуркина, но, однако, онъ тотчасъ сообразилъ, что въ ихъ позѣ необычайнаго ничего не было. Это могло быть самымъ обыкновеннымъ рукопожатіемъ, если, конечно, они только-что встрѣтились. Но если нѣтъ? Если ихъ встрѣча произошла пять минутъ тому назадъ?

Жмуркинъ вновь безпокойно припалъ къ скважинѣ. Но на этотъ разъ онъ рѣшительно ничего не увидѣлъ. Они ушли. Ихъ не было. Милые малиновые огоньки потухли.

Жмуркинъ уныло поплелся къ себѣ въ контору. Ему хотѣлось плакать.

Вечеромъ онъ ходилъ по усадьбѣ съ тѣмъ же убитымъ видомъ, углубленный въ свои думы, словно не видя окружающихъ.

Хорошенькая горничная Фрося, въ бѣломъ чепцѣ и бѣломъ передникѣ, раза два прошла мимо него. И капризно отвернувъ отъ него лицо, но зацѣпляя его локтемъ, умышленно выдвинутымъ именно на этотъ случай, она каждый разъ задумчиво и скороговоркой произносила:

— Зачѣмъ душа моя страдаетъ?—Зачѣмъ я тщетно слезы лью?—Ахъ, мой кумиръ не понимаетъ,—кого люблю, кого люблю, кого люблю!—Но онъ не замѣчалъ никого и ничего.

V.

Черезъ три дня Загорѣловъ снова работалъ у себя въ кабинетѣ вмѣстѣ съ Жмуркинымъ. И наскоро провѣряя книги и счета, онъ говорилъ ему:

— Чтобы имѣть успѣхъ въ дѣлѣ, нужно твердо помнить одно обязательное правило: съ зайцемъ, пожалуй, обращайся по-заячьи, но съ волками непремѣнно по-волчьи. Волку, утащившему у тебя изъ стада барана, смѣшно говорить: „какъ вамъ не стыдно"? Такъ поступаютъ только глупцы. Умный же возьметъ дубину и отомнетъ вору бока. Такъ поступаю и я. И когда я вхожу въ сношеніе съ волкомъ, въ моемъ карманѣ всегда находится на запасѣ великолѣпный волчій же клыкъ.

Онъ красиво и съ росчеркомъ подписалъ конторскую книгу, принялъ изъ рукъ Жмуркина очередной счетъ и продолжалъ:

— Хамелеонъ, ограждая себя отъ опасности, мѣняетъ окраску, заяцъ дѣлается зимою бѣлымъ, и смѣшно, если человѣкъ не будетъ приноравливаться къ обстоятельствамъ, среди коихъ онъ вращается. Почему же онъ одинъ долженъ быть исключеніемъ изъ общаго для всѣхъ закона? Я этого не понимаю, совершенно не понимаю! Если человѣкъ—вѣнецъ творенья, какъ его называютъ, такъ зачѣмъ же онъ долженъ быть глупѣе и непрактичнѣе твари?

Онъ хотѣлъ-было еще что-то сказать, но умолкъ, потому что въ дверь кабинета кто-то постучался.

— Можно войти?— раздался за дверью веселый, хриповатый голосъ, и по звуку этого голоса и Загорѣловъ, и Жмуркинъ, сразу же признали Быстрякова.

Загорѣловъ подумалъ: „Это животное навѣрно ко мнѣ недаромъ"!

— Войдите!—крикнулъ онъ ласково стучавшему.

Жмуркинъ поспѣшно подобралъ свои книги.

Между тѣмъ двери кабинета широко распахнулись, и въ комнату быстро и съ шумомъ вошелъ Быстряковъ. Онъ наскоро, широкимъ, размашистымъ жестомъ пожалъ руку Загорѣлова, рѣзкимъ кивкомъ отвѣтилъ на почтительный поклонъ Жмуркина и весело буркнулъ ему:

— Здравствуй, монахъ, въ сѣрыхъ штанахъ!

Послѣ этого Быстряковъ бухнулся въ кресло, тяжело приваливаясь къ его спинкѣ и вытягивая ноги. Это былъ брюнетъ лѣтъ сорока-пяти, съ смуглымъ, рябоватымъ лицомъ, грузный, высокій и жирный, съ прямыми, гладко причесанными волосами, черными какъ смоль, и такою же круглой бородкой, жесткой какъ щетка.

— А я къ вамъ, сосѣдушка, — заговорилъ онъ, когда дверь за Жмуркинымъ затворилась, — къ вамъ! — Его заплывшіе глазки лукаво скользнули по Загорѣлову.

Онъ былъ одѣтъ въ легкую чесунчевую поддёвку, красную шолковую рубаху и бархатные шаровары, низко спущенные надъ голенищами мягкихъ козловыхъ сапогъ.

— А вы вѣдь мнѣ, сосѣдушка, здорово нашкодили, — сказалъ онъ: — такъ хорошіе сосѣди не дѣлаютъ! — Онъ замолчалъ, складывая на своемъ кругломъ животѣ руки, и его лицо, какъ показалось Загорѣлову, приняло многозначительное выраженіе. Загорѣловъ слегка поблѣднѣлъ.

„Ужели онъ кое о чемъ пронюхалъ?“ — подумалъ онъ въ волненіи.

— Да-съ. Нашкодили! — между тѣмъ продолжалъ тотъ, въ то время какъ Загорѣловъ испытующе глядѣлъ на него пристальнымъ боковымъ взглядомъ. — Нашкодили! Пять десятинъ капустниковъ у меня подтопили. Да-съ! Вы вѣдь воду нонѣшній годъ на вершокъ свыше подняли.

„Ничего не пронюхалъ, ципа!“ — подумалъ Загорѣловъ съ облегченіемъ.

Онъ насмѣшливо оглядѣлъ Быстрякова. Рябоватое лицо послѣдняго тоже внезапно повеселѣло, словно онъ сообщилъ сейчасъ собесѣднику весьма пріятное для него извѣстіе. Загорѣловъ пожалъ плечами.

— Какихъ капустниковъ? — спросилъ онъ съ недоумѣніемъ. — Я подтопилъ у васъ, это вѣрно, но подтопилъ двѣ съ половиной десятины и не капустниковъ, а песку. Песку-съ! Тамъ всегда неурѣзный песокъ былъ. И двѣ съ половиной десятины! — повторилъ онъ: — я вѣдь эту площадь у васъ шагами какъ-то промѣрилъ!

Загорѣловъ едва замѣтно улыбнулся.

„Промѣрилъ!—подумалъ Быстряковъ:—ну же ты и собака!"

Онъ разсмѣялся; его животъ словно запрыгалъ.

— Ну, допустимъ двѣ съ половиной десятины,—сказалъ онъ:—разъ вы измѣряли, вамъ лучше знать. Будь по вашему. Я для добраго сосѣда на все готовъ. Будь по вашему Но не песку, а капустниковъ. — Быстряковъ разсмѣялся. — Я тамъ нонѣшній годъ капусту посадилъ,—добавилъ онъ:—развѣ вы не слыхали?

Говорилъ онъ громко, постоянно прерывая свою рѣчь хохотомъ и шумно возясь въ креслѣ. Его жирное тѣло очевидно требовало постоянныхъ движеній.

Загорѣловъ съ досадой пожалъ плечами.

— Слышалъ, Елисей Аркадьевичъ, слышалъ и недоумѣвалъ. Послушайте,—заговорилъ онъ уже съ запальчивостью:—вѣдь я же просилъ у васъ разрѣшенія поднять на вершокъ воду, и вы мнѣ это разрѣшили. А потомъ сѣдите капусту на пескѣ ни къ чорту негодномъ. Умышленно! Зная, что песокъ этотъ затопитъ водою!

— Умышленно я или неумышленно...

Быстряковъ завозился, шаркнувъ по полу ногами.

— Ахъ, что вы говорите! Конечно, умышленно!—вскрикнулъ Загорѣловъ.—Но зачѣмъ же вы тогда мнѣ разрѣшали?

Быстряковъ усмѣхнулся.

— Я вамъ разрѣшилъ, это точно,—сказалъ онъ.—Поднять воду я вамъ разрѣшилъ. Но подтапливать мои капустники—этого я вамъ не разрѣшалъ. И потомъ, какое же это разрѣшеніе? Голословная деликатность это, а не разрѣшеніе. Условіевъ мы съ вами никакихъ какъ будто бы не писали!

„А, такъ ты вотъ какъ!—подумалъ Загорѣловъ сердито:—такъ ты меня хочешь „подъ ножку"? Подожди, и я тебя когда-нибудь такимъ же манеромъ шаркну"!

— Что вы говорите?—сказалъ онъ запальчиво.—Маленькій вы что-ли? Развѣ вы не знали, что если поднять воду на вершокъ, то вода на вершокъ и поднимется! Что вы маленькій что-ли?—повторилъ онъ.

— Два аршина девять вершковъ ростомъ,—отвѣчалъ Быстряковъ:—маленькій я или большой,—судите сами. А только если это и до суда дойдетъ... Какъ хотите!

Онъ пожалъ жирными плечами, шумно завозившись въ креслѣ.

Загорѣловъ вспыхнулъ, но сейчасъ же овладѣлъ собою.

„Чего я сержусь-то на него въ самомъ дѣлѣ?—подумалъ онъ:—вѣдь онъ правъ. Нужно было съ нимъ условіе написать.

Поживемъ—сосчитаемся. Уловимъ моментъ, и ему за это всыплемъ. Вдвое больнѣе всыплемъ!

Онъ засмѣялся.

— Ну хорошо,—сказалъ онъ уже совсѣмъ весело.—Моя вина, и я плачу. Я согласенъ уплатить вамъ убытки. Сколько?

Они сторговались на трехъ-стахъ рубляхъ. Загорѣловъ долго давалъ лишь двѣсти-пятьдесятъ, но Быстряковъ стоялъ на своемъ, и каждый разъ восклицалъ съ хохотомъ:

— Максимъ Сергѣичъ! Да что вы въ самомъ дѣлѣ изъ-за полсотни карячитесь-то!

Уже собираясь уходить, онъ взялъ съ письменнаго стола нумеръ юмористическаго журнала и, заглянувъ туда, вдругъ расхохотался.

— И тутъ нашего брата, купца, прохватываютъ!—воскликнулъ онъ сквозь оглушительный хохотъ.—Ну не щучьи ли дѣтки!

Загорѣловъ подошелъ къ нему.

— А что?

— Ну не щучьи ли дѣтки!—восклицалъ Быстряковъ, весь сотрясаясь отъ хохота.—Поглядите! Кверху ногами купеческую породу изобразили! Будто мы и ходимъ-то ужъ не по-людски! Ну не щучьи ли дѣтки!

Загорѣловъ усмѣхнулся.

— Это не купцовъ вверхъ ногами изобразили,—наконецъ сказалъ онъ,—это вы журналъ внизъ головой держите, почтеннѣйшій Елисей Аркадьевичъ!

— Развѣ? вотъ такъ штука! А я, признаться, не доглядѣлъ. Близорукъ, а пенсне́ дома забылъ!—говорилъ Быстряковъ безъ малѣйшей тѣни смущенія.

Быстряковъ былъ совершенно безграмотенъ, но безграмотность свою тщательно скрывалъ; и попадая въ просакъ, онъ каждый разъ ссылался на свою близорукость и на отсутствіе пенснэ. Фамилію свою, впрочемъ, онъ подписывалъ артистически, съ выкрутасами, научившись этому механически у учителя чистописанія за пятьдесятъ рублей.

Когда онъ уѣхалъ, Загорѣловъ быстро прошелъ въ контору, къ Жмуркину; тотъ привсталъ изъ-за токарнаго станка, на которомъ работалъ.

— Лазарь,—сказалъ Загорѣловъ съ гнѣвомъ:—возьми разъ навсегда за правило: если твой ближній нажгетъ тебя на копѣйку, обрѣй его на рубль, чтобы ему впредь неповадно было!

Онъ взволнованно заходилъ по конторѣ.

— Ты знаешь,—говорилъ онъ,—моего отца обобрали до

чиста господа въ родѣ Быстрякова. И я съ кѣмъ могъ—поквитался. А сейчасъ Быстряковъ нагрѣлъ меня на триста рублей. Спросилъ за потопленіе его песковъ, и я ему ихъ далъ, и даже безъ росписки. Хочу сдѣлать опытъ: спроситъ онъ у меня вторично или нѣтъ? И если онъ спроситъ вторично, я вздую его на тысячу двѣсти, а не спроситъ—только на шестьсотъ. Триста рублей—тьфу-съ!—добавилъ онъ:—но тутъ важенъ фактъ, а не сумма.

Загорѣловъ остановился въ двухъ шагахъ отъ Жмуркина.

— Быстряковъ мельницу строитъ на Верешимѣ?—спросилъ онъ его вдругъ, мѣняя тонъ:—около моей грани?

— Строитъ-съ.

— И скоро она будетъ готова?

— Скоро. Есть вѣроятіе, что очень скоро.

— Такъ вотъ, когда она будетъ готова, ты сейчасъ же доложи мнѣ объ этомъ. Гдѣ-нибудь у себя запиши и не забудь. Слышалъ? Сейчасъ-же!

— Хорошо-съ.

— Понимаешь ли, слѣди за работой и въ тотъ же день доложи, какъ она будетъ готова. Непремѣнно!

Его лицо было серьезно и даже озабоченно.

— Слушаю-съ.

— Непремѣнно, непремѣнно!

VI.

Цѣлыхъ два дня Жмуркинъ бродилъ самъ не свой. Его томило воспоминаніе о поцѣлуѣ и рукопожатіи. Но затѣмъ онъ какъ будто успокоился. Передъ утреннимъ чаемъ, когда въ дымившихся низинахъ еще звонко распѣвали соловьи и уныло куковали кукушки, онъ выкупался вмѣстѣ съ Флегонтомъ въ Студеной. И это купанье словно ободрило его, освѣжило, пролило въ него умиротворяющее тепло. На обратной дорогѣ, возвращаясь съ купанья въ усадьбу, онъ весело оглядывалъ окрестности и весело думалъ:

„Не такая она, чтобы вздоръ себѣ такой позволить,—Лидія Алексѣевна. Сумасшедшій бредъ это съ моей стороны. Нужно взять себя въ руки“!

И вмѣстѣ съ тѣмъ ему приходило на мысль:

„Вѣдь если я и въ ея чистоту перестану вѣрить,—что же у меня тогда останется?“

А поваръ Флегонтъ говорилъ ему:

— Хорошо этакъ выкупаться раннимъ утромъ. Пыжишься послѣ этого часа два, какъ дутый пирогъ, и радуешься самъ не знаешь чему. Всѣ жилы пляшутъ, точно тебѣ весь фаршъ заново передѣлали. Одно слово молодецъ! На тя, Господи, уповахомъ, весь міръ возьму махомъ!

— Хорошо, Лазарь Петровичъ!—благодушно повторялъ онъ всю дорогу:—вонъ и у тебя на щекахъ корочка зарумянилась!

Всѣ люди всегда казались Флегонту похожими на кушанья. Загорѣловъ напоминалъ ему бифштексъ съ кровью, Анна Павловна—желе изъ красной смородины, Быстряковъ—бараній бокъ съ кашей, а Лазарь Жмуркинъ—макарони. Только одинъ Безутѣшный избѣжалъ общей участи всѣхъ жившихъ въ усадьбѣ.

— Такое кушанье,—говорилъ Флегонтъ о немъ обыкновенно,—такое кушанье ни одинъ поваръ не приготовитъ. Такія кушанья сами себя стряпаютъ, а какъ имъ названье—и чортъ ихъ знаетъ!

Утренній чай казался Жмуркину особенно вкуснымъ.

— Чудеснѣйшая женщина Лидія Алексѣевна!—сказалъ онъ за чаемъ внезапно.

— Это Быстрякова жена?—спросилъ его Флегонтъ.

— Да. Рѣдкихъ качествъ женщина! Помнишь, въ прошломъ году тифъ въ Протасовѣ былъ? Вѣдь она каждый денёчекъ туда наѣзжала, больныхъ навѣстить. Съ чаемъ, съ сахаромъ, со всякими снадобьями! Тамъ ее, какъ ангела, каждый разъ поджидали. Скоро ли, дескать, свѣтлый лучъ на наше горе горькое взглянетъ!

Жмуркинъ вздохнулъ и отставилъ отъ себя стаканъ чая. Его лицо приняло выраженіе мечтательности; свѣтлые глаза стали темнѣе.

— Да! рѣдкой чистоты женщина!—повторилъ онъ, вздыхая. —Этакими ручками да лохматыхъ мужиковъ растирать! Будетъ ли кто? А она растирала. Самъ своими глазами въ окошко видѣлъ. Въ избѣ Ивана Сазанова. А я подъ окошкомъ въ ту минуту стоялъ, въ избу войти боялся. Вѣдь тамъ, думаю, смерть, въ избѣ-то этой. А ее увидѣлъ и вошелъ, въ избу убогую, какъ въ рай. За такой чистотою и въ адъ войдешь, бровью не пошевелишь! Святѣйшая женщина, святѣйшая женщина!—повторялъ онъ задумчиво.

Въ сумерки онъ сидѣлъ тутъ же, на крыльцѣ кухни, въ такой же задумчивой позѣ и уныло молчалъ. Флегонтъ, примостившись рядомъ, чистилъ картофель, бросая его въ глиняный

тазъ съ водою, и протяжно насвистывалъ про себя какую-то пѣсню. Кругомъ было тихо, точно и дворъ усадьбы задумался о чемъ-то въ желтоватомъ сумеречномъ свѣтѣ. Красныя крыши усадебныхъ построекъ казались въ этомъ свѣтѣ бурыми. Отъ водъ Студеной тянуло прохладой, и собаки, радуясь вечерней свѣжести, вылѣзли изъ-подъ навѣсовъ на середину двора. А на крыльцѣ дома сидѣли Анна Павловна и Глашенька, сорокалѣтняя женщина съ желтымъ пятномъ на лбу. Глашенька приходилась Загорѣловой дальней родственницей; мужъ ея, лошадиный барышникъ изъ сосѣдняго города, умеръ три мѣсяца тому назадъ, опился на ярмаркѣ хересомъ, почему она и проживала въ усадьбѣ на правахъ экономки, такъ какъ была бездѣтной. Посиживая на крылечкѣ, онѣ обѣ шелушили сѣмена тыквы и переговаривались шопотомъ.

— Твой-то на сторонѣ отъ тебя не фуфыритъ?—спрашивала Глашенька Анну Павловну, точно сердясь.

— Нѣтъ. Куда же ему отъ меня-то уйти? Отъ добра добра не ищутъ. Я довольна.

— То-то довольна! Охъ, баба, смотри, не проспи! Охъ, баба! Эй, баба!

— Нѣтъ, я довольна...

Жмуркинъ всталъ и уныло поплелся дворомъ. „Святѣйшая женщина!—думалъ онъ, какъ во снѣ:—святѣйшая женщина, а я такую вдругъ околесицу“!

Когда онъ проходилъ мимо окна кабинета, его окликнулъ Загорѣловъ. Онъ подошелъ.

— Лазарь!—заговорилъ тотъ, подавая ему какой-то ключъ,—возьми вотъ это и сходи въ старую теплицу. Она заперта, такъ ты отопри вотъ этимъ. На! Поищи тамъ ключъ отъ письменнаго стола. Поищи гдѣ-нибудь на окнахъ. Мнѣ нужно достать планы: верешимская мельница мнѣ спать не даетъ.—Онъ разсмѣялся.—Да ты поскорѣе, пожалуйста!—добавилъ онъ съ улыбкой.

Жмуркинъ отправился туда.

Старая теплица стояла въ полуверстѣ отъ усадьбы въ глубокомъ разрѣзѣ холмовъ, среди лѣса, осѣненная столѣтними вязами. Нѣкогда тамъ была разбита и вся усадьба Хвалынцевыхъ, но теперь на старомъ пепелищѣ уцѣлѣла только она одна, ибо усадьбу послѣ пожара перенесли на новое мѣсто, оставивъ старуху доживать свои дни одной-одинёшенькой. Впрочемъ, когда Загорѣловъ купилъ имѣніе Хвалынцева, онъ подновилъ ее, устроивъ тамъ себѣ нѣчто въ родѣ кабинета, гдѣ онъ и жилъ

весьма продолжительное время, пока приводили въ порядокъ донéльзя запущенный домъ и усадьбу. Туда-то и отправился Жмуркинъ. Онъ отперъ дверь и переступилъ порогъ.

Однако въ каменныхъ стѣнахъ этого зданія было уже совсѣмъ темно; спущенныя шторы и листья деревьевъ почти не пропускали слабаго сумеречнаго свѣта, и отыскать въ этомъ мутномъ мракѣ ключъ было бы дѣломъ нелегкимъ. Жмуркинъ чиркнулъ спичкой и увидѣлъ на письменномъ столѣ свѣчу. Онъ подошелъ и зажегъ, оглядываясь вокругъ. Теплица осталась въ такомъ же видѣ, какъ и была, когда здѣсь жилъ Загорѣловъ. Деревянный полъ былъ устланъ ковромъ; направо отъ двери у стѣны стояла кушетка, налѣво по стѣнкѣ—комодъ, зеркало, умывальникъ; прямо передъ дверью, между оконъ—столъ. Впрочемъ это обстоятельство нисколько не поразило Жмуркина, не заняло его мысли. Но присутствіе здѣсь свѣчки на минуту озадачило его. Онъ двинулся на поиски ключа; и скоро онъ нашелъ его у письменнаго стола, на стулѣ, сбоку. Онъ хотѣлъ было уже тушить свѣчу, чтобы идти тотчасъ же вонъ, какъ вдругъ одна весьма незначительная, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно несоотвѣтствующая назначенію этой комнаты вещь рѣзко уперлась въ глаза Жмуркина. Онъ даже протеръ глаза, сомнѣваясь въ себѣ.—Не сонъ ли это?—пришло ему въ голову. Онъ приблизился къ кушеткѣ, пристально всматриваясь и все еще какъ бы не вѣря себѣ, не желая вѣрить. Однако повѣрить пришлось. На кушеткѣ, между вышитой гарусомъ подушкой и боковымъ валикомъ, лежала видимо утерянная кѣмъ-то гребенка, одна изъ тѣхъ, какими женщины придерживаютъ сбоку волосы. Жмуркинъ взялъ эту гребенку въ руки, внимательно оглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и старательно запряталъ себѣ въ карманъ. Затѣмъ онъ хотѣлъ-было снова потушить свѣчу, но не смогъ. Въ его глазахъ на минуту заходили зеленыя волны. Онъ опустился тутъ же на стулъ съ убитымъ видомъ.

— Вѣдь это ея гребенка,—стояло въ его головѣ,—ея, Лидіи Алексѣевны. Она здѣсь была, здѣсь, съ Максимомъ Сергѣичемъ!

— Навѣрное ея гребенка,—прошепталъ онъ, чувствуя, что его ноги холодѣютъ.

— Да что же это такое?—вдругъ простоналъ онъ.—Святая святыхъ, гдѣ же ты?

Онъ потушилъ свѣчу и поспѣшно вышелъ изъ теплицы. Между тѣмъ, когда онъ очутился уже на воздухѣ и его нѣсколько обдуло вѣтромъ, онъ задалъ себѣ вопросъ:

— А почемъ я знаю навѣрное, что это ея гребенка?

— Этого не можетъ быть, не можетъ быть!—прошепталъ онъ рѣшительно. И всю дорогу онъ упрямо твердилъ себѣ мысленно:

— Не можетъ быть, не можетъ быть, не можетъ быть.

Передавъ Загорѣлову ключъ, онъ такъ же поспѣшно прошелъ къ заднему крыльцу и вызвалъ Фросю.

Та выскочила къ нему радостная.

— Вы ничего не потеряли?—спросилъ онъ ее.

— А что? Кажется, ничего. А впрочемъ, хорошенько не знаю. Нѣтъ, можетъ быть, и потеряла.

— Я нашелъ гребенку, вотъ тутъ, у сада,—говорилъ Жмуркинъ.

— Гребенку?—перебила его Фрося:—хорошая? такъ это моя! Давайте-ка, я посмотрю! Непремѣнно моя!

Жмуркинъ уже хотѣлъ-было выдать ей находку, но вдругъ спохватился и спросилъ:

— Ваша хорошая? коричневая? съ золотымъ бордюромъ? да?

— Да.

— Ну, такъ это не ваша. Да, впрочемъ, я никакой гребенки и не находилъ. До свиданья!—И онъ пошелъ отъ нея.

— Не находили?—говорила между тѣмъ Фрося.—Вамъ, можетъ быть, меня вызвать захотѣлось? Лазарь Петровичъ! Куда же вы? послушайте! Фу-ты, ну-ты, — добавила Фрося съ досадой,—какой нынче народъ безукоризненный пошелъ!

А Жмуркинъ взялъ удочки и сачокъ и пошелъ къ усадьбѣ Быстрякова. Проходя дворомъ, онъ все смотрѣлъ, не видно ли гдѣ Лидіи Алексѣевны. Но ея нигдѣ не было видно. Тогда онъ обошелъ кругомъ сада съ безпечнымъ и спокойнымъ видомъ человѣка, возвращающагося съ рыбной ловли. И тутъ онъ увидѣлъ ее; она сидѣла на скамьѣ и что-то чертила зонтикомъ по песку. У него сперлось въ горлѣ и застучало въ виски; сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ подошелъ, наконецъ, къ забору, но на него внезапно напалъ страхъ. Онъ хотѣлъ-было уйти вспять, убѣжать, скрыться, выстрадать тихомолкомъ и потушить въ себѣ все.

Но она уже сама замѣтила его, и ея милое дѣтское личико вопросительно глядѣло на него. Отступить было невозможно.

Онъ превозмогъ волненіе и сказалъ:

— Лидія Алексѣевна, пожалуйте сюда на минуточку!

Его голосъ срывался.

Она подошла къ нему, опахнувъ его всего нѣжными духами, лаская его яснымъ взоромъ милыхъ дѣтскихъ глазъ, которые,

казалось, ласкали всѣхъ и все отъ неба до послѣдней козявки. Въ розовомъ воздушномъ платьѣ она казалась ему теперь свѣтлой обитательницей какого-то безконечно свѣтлаго міра, выглянувшей на него изъ-за розовой ткани облака. На минуту онъ забылъ все, что хотѣлъ сказать, для чего шелъ сюда.

— Здравствуйте! Вамъ что? — спросила она его первая, видя его замѣшательство.

— Я нашелъ гребенку,—сказалъ онъ, оправившись и уже весело и подумалъ: „Не ея, не ея, не ея"!

— Вотъ тутъ, отсюда не далеко. Думаю, не ваша ли? Гребенку,—повторилъ онъ.

И онъ подалъ ей свою находку, счастливый уже тѣмъ, что видитъ ее, говоритъ съ нею. Между тѣмъ она приняла гребенку, оглядѣла ее со всѣхъ сторонъ и сказала:

— Да, это моя.

Она повертѣла ее въ своихъ тонкихъ пальчикахъ снова съ невиннымъ видомъ ребенка.

— Безъ всякаго сомнѣнія моя. Благодарю васъ!—добавила она съ кроткой улыбкой.

А Жмуркинъ, отходя отъ забора, думалъ:

„Ну, что же? Ея, такъ ея. И все-таки это ничего не доказываетъ. Съ такими глазами не лгутъ! Никогда! Не лгутъ, не лгутъ"!

VII.

Дни стояли все такіе же солнечные, ясные, теплые и привѣтливые, обѣщая богатыя жатвы. Изрѣдка шумно падалъ обильный и теплый дождь; изрѣдка со свистомъ проносился вѣтеръ, сломавъ нѣсколько сухихъ вѣтокъ въ лѣсахъ и рощахъ; а затѣмъ снова окрестности свѣтлѣли въ ясныхъ, безоблачныхъ дняхъ. Обширная Загорѣловская усадьба, широко раскинувшаяся на скатѣ холма, среди разступившагося передъ нею лѣса, точно купалась въ этомъ радушномъ свѣтѣ и теплѣ, и весь ея щеголеватый, вычищенный видъ словно говорилъ о счастьѣ и довольствѣ, о привольной и обезпеченной жизни. А Загорѣловъ ходилъ все такой же веселый и счастливый по полямъ и лугамъ, по десятинамъ, освобожденнымъ изъ-подъ болота, весело прислушиваясь къ радостному шелесту тучныхъ злаковъ, къ неугомонному грохоту мельницы, оглашавшей окрестности гулкимъ счастливымъ ревомъ побѣдителя.

Онъ уже потиралъ руки, высчитывая ожидающіе его ба-

рыши, хмелѣя отъ счастья, составляя въ умѣ планы будущихъ работъ, долженствовавшихъ обогатить его, по его соображеніямъ, съ сказочной быстротою.

„Я буду богатъ, я буду страшно богатъ", — думалъ онъ, весь сіяя отъ счастья, заглядывая впередъ съ увѣренностью удачника, еще не знавшаго пораженія.

Иногда онъ приходилъ въ контору къ Жмуркину, вычищенный и вылощенный, весь словно благоухающій силой, здоровьемъ, свѣжестью и увѣренностью въ себѣ, какъ солнечный день въ тучномъ полѣ.

— Лазарь, — говорилъ онъ ему однажды въ одну изъ такихъ минутъ, — жизнь превкусная штука, и у каждаго изъ насъ она одна. Прозѣвать жизнь значитъ прозѣвать все. Человѣкъ долженъ пользоваться ея дарами отъ всего сердца, ловить фортуну за хвостъ и прыгать къ ней на спину, какъ на лихого коня. Одолѣешь—твое счастье, а нѣтъ — „со святыми упокой". Значитъ, ты только для того и былъ созданъ. Кроликъ, угодившій въ пищеводъ сокола, не заслуживаетъ лучшей участи, если онъ не умѣетъ хорошо прятаться. Вѣдь и ослѣпшій соколъ будетъ принужденъ умереть съ голода; ни одна самая негодная тварь не сунетъ ему въ горло своей головы, ибо на жизненномъ рынкѣ она будетъ стоить дороже генія, утерявшаго силу. Бѣдный соколъ! Имѣй мужество умереть, если даже негодная лягушка безъ труда увертывается отъ твоихъ лапъ! Имѣй мужество умереть, и да благословятъ твою кончину боги Эллады!

Жмуркинъ выслушивалъ его молча, съ почтительностью на блѣдномъ лицѣ, и про себя думалъ:

„Кто же я? Кроликъ, не умѣющій прятаться, или ослѣпшій соколъ? Если кроликъ — туда мнѣ и дорога, а если соколъ — прозрѣть еще возможно"!

На пророка Елисея, 14-го іюня, вечеромъ, Загорѣловы собирались къ Быстряковымъ. Въ этотъ день Елисей Аркадьевичъ праздновалъ свои именины и вечеромъ у нихъ собирались сосѣди.

Анна Павловна стояла по этому случаю въ спальнѣ передъ зеркаломъ и, шурша шолковыми юбками, надѣвала корсетъ. Около нея возилась Глашенька, безуспѣшно помогая ей въ этомъ, и сердито ворчала:

— Ну, матушка, и нагуляла же ты тѣло! Ой, Господи! Ни одно платье не стягивается! Что же теперь дѣлать?

— Ничего, я довольна, — говорила Анна Павловна лѣнивымъ голосомъ: — все мое при мнѣ и останется!

— Ты думаешь жиромъ своимъ мужа себѣ обезпечить?—сердито ворчала Глашенька съ каплями пота на вискахъ. — Охъ, баба, эй, баба, не форси! И послѣ сдобной булки въ частомъ бываньи на рыбью кость тянетъ! Всякое бываетъ!

Умаявшись, она выскакивала въ буфетную и сердито шипѣла:

— Фрося! Чего ты зубы-то скалишь, тёлка! Иди, помоги барынѣ корсетъ надѣть, у меня руки опускаются! Чего глазенапы-то выкатила,—кнута на васъ нѣтъ, согрѣшила я съ вами, грѣшница!

Глашенька вѣчно на всѣхъ сердилась; она считала себя по праву выше людей, такъ какъ кромѣ среды и пятницы она еженедѣльно ѣла постное и по вторникамъ.

Въ то же время въ саду по аллеѣ уже совершенно одѣтые, чтобъ ѣхать въ гости, ходили Перевертьевъ и Суркова. Перевертьевъ, черненькій и юркій, съ сѣтью морщинъ на вискахъ, лукаво поглядывалъ на Суркову своими быстрыми глазками и говорилъ ей, скаля зубы:

— Судьбѣ было угодно, чтобъ вы и я прожили подъ сей гостепріимной кровлей цѣлыхъ два мѣсяца. Мы живемъ здѣсь вотъ уже пятнадцать дней; итого въ нашемъ распоряженіи остается ровно сорокъ пять; и въ нашей власти сдѣлать ихъ наиболѣе для себя пріятными. Не такъ ли? Давайте же, составимъ себѣ самый подробный планъ всей кампаніи. Вы ничего противъ этого не имѣете?

Онъ щурился, скаля зубы и поджидая отвѣта; но Суркова не отвѣчала ни слова, и только все ея цыганскаго типа лицо дрожало отъ задорнаго смѣха.

— Молчаніе знакъ согласія, — говорилъ Перевертьевъ, не дождавшись ея отвѣта:—итакъ, я приступаю къ плану кампаніи. Съ вашего позволенья этотъ періодъ въ сорокъ пять дней я дѣлю на три момента — по пятнадцати дней въ каждомъ. Моментъ первый: „Молчаливое обожаніе. Пламенные, но робкіе взгляды. Случайная встрѣча у пруда“...

Суркова засмѣялась; ея блестящее, металлическаго оттѣнка платье тускло засвѣтилось въ полумракѣ аллеи, какъ чешуя змѣи.

— Тутъ пруда нѣтъ,—сказала она со смѣхомъ.

— Ну, такъ у рѣки,—поправился Перевертьевъ.—Моментъ второй,—продолжалъ онъ:—„Любитъ или не любитъ? Вспышка ревности. Я твоя“. Моментъ третій: „Но ты милѣй гусятъ. Въ чаду наслажденій. Разлука“. — Чему вы смѣетесь? Моему плану? Напрасно! Порядокъ вездѣ умѣстенъ, а излишняя страсть

всегда только вредитъ дѣлу. Примите къ свѣдѣнію, что никто такъ гнусно не пьетъ водки, какъ пьяница!

Перевертьевъ вдругъ замолчалъ, поймалъ локоть молодой женщины и прижалъ ея руку къ губамъ; но она выскользнула изъ его объятія съ проворствомъ змѣи, поспѣшно уходя отъ него сумрачной аллеей. У балкона она остановилась и повернула къ нему свое цыганское лицо, все еще дрожавшее лукавымъ задоромъ.

— Вы вышли изъ програмы,—сказала она со смѣхомъ:—моментъ первый — молчаливое обожаніе и робкіе взгляды. И только!

Она скрылась въ широкихъ дверяхъ балкона, юркнувъ туда, какъ нарядная змѣя въ кустъ.

А Жмуркинъ глядѣлъ на нихъ изъ окна своего флигелька и думалъ:

„Вотъ эти тоже живутъ во всю и ловятъ фортуну за хвостъ. Видно, вездѣ одни и тѣ же законы. Сегодня она сказала ему „нѣтъ", а завтра скажетъ „да". Это ужъ по всему видно. А вѣдь она замужемъ, и онъ женатъ".

— Вездѣ одни и тѣ же законы,—проговорилъ онъ вслухъ,—только однимъ кроликамъ плохо! И по дѣломъ!

Онъ надѣлъ фуражку и задумчиво вышелъ на дворъ, подставляя легкой струѣ вѣтра горѣвшее лицо. Только-что видѣнная имъ картина горячо дразнила его воображеніе, какъ заманчивый сонъ, будоражила его сердце.

„И они правы, — уныло думалъ онъ о Сурковой и Перевертьевѣ,—и Максимъ Сергѣичъ правъ. Жизнь вкусна и единственная она у каждаго! Единственная"!

Онъ снова представилъ себѣ, какъ Перевертьевъ цѣловалъ руки Сурковой, и у него застучало въ вискахъ.

„Всѣ правы, — думалъ онъ, двигаясь въ тихомъ сумракѣ двора,—виноватыхъ нѣтъ. Виноватъ тотъ, кто плохъ"!

Вечеръ былъ тихій и ясный; отъ Студеной вѣяло прохладой, но звѣзды еще не выходили. Выбѣленныя стѣны усадебныхъ построекъ казались желтыми. Жмуркинъ подошелъ къ окну кухни, окликнувъ Флегонта.

— Ты здѣсь?

— Здѣсь.

Флегонтъ вышелъ на крыльцо, съ папиросой въ зубахъ.

— Ты что?

— Скучно мнѣ,—отвѣчалъ Жмуркинъ.

Они присѣли на крылечко, поглядывая на вечернее небо.

— Скучно мнѣ, — повторилъ Жмуркинъ, — вотъ я хожу и думаю. Правы ли люди, которые пьютъ, ѣдятъ, веселятся и больше ничего? Вотъ о чемъ я думаю. А если они не правы, такъ въ чемъ же тогда правда?

— Въ чемъ правда? — переспросилъ Флегонтъ серьезно,— это, братецъ, мудреная штука. Мнѣ гдѣ знать. Я всю жизнь у плиты простоялъ. Спроси у книжекъ, которыя настоящія.

— Я у книгъ спрашивалъ, — отвѣчалъ Жмуркинъ:—и книги не знаютъ, одна говоритъ одно, другая—другое.

Онъ замолчалъ, разводя руками. Его лицо выражало уныніе и недоумѣніе. Флегонтъ вздохнулъ.

— Книги не знаютъ, спроси у вѣры,—сказалъ онъ увѣренно, пуская дымъ уголкомъ губъ.—Та знаетъ!

— У какой?—спросилъ Жмуркинъ:—и вѣры разныя. Вонъ въ селѣ Верешимѣ двѣ улицы и двѣ вѣры. Одни бракоборы, другіе—бѣглопоповцы. Одна улица поетъ: „Дѣвство каждый сохраняй, тайну брака не сознай!“ А другая: „Бракоборство иновѣрно и ученіемъ злоскверно!“ Кому же изъ нихъ вѣрить?— снова спросилъ онъ, разводя руками, съ унылымъ недоумѣніемъ въ глазахъ.

Флегонтъ сказалъ:

— Это не вѣра, а ересь. Ты спроси у настоящей, у стоющей того. А это не вѣра, а ерунда съ квасомъ!

Жмуркинъ безпокойно шевельнулся.

— Да какая же настоящая?—повысилъ онъ голосъ:—у татаръ или у китайцевъ?—ты вотъ что мнѣ скажи!

Флегонтъ сердито молчалъ. Сѣрое вечернее небо слегка засинѣло; береговой кустарникъ пустилъ струйку пара, словно дохнулъ на морозъ.

— Ну ужъ ты!—наконецъ сказалъ Флегонтъ:—ты ужъ, кажется, хочешь сказать, что настоящей вѣры и въ поминѣ нѣтъ. Этого быть не можетъ!

— Да которая же настоящая-то? — допытывался отъ него Жмуркинъ возбужденно.

— Этого быть не можетъ,—упрямо повторялъ Флегонтъ, какъ бы не слушая его.—Этого быть не можетъ, чтобъ настоящей вѣры не было. Борщъ и то настоящій есть. Въ такомъ видѣ онъ борщъ, а въ такомъ—помои!

— Да вѣдь это на чей вкусъ?—вскрикнулъ Жмуркинъ:— на японскій или на татарскій?

— Извѣстно на чей,—огрызнулся Флегонтъ сердито.—Ты

меня извини, голубчикъ, но хорошій поваръ на свинячій вкусъ и угождать-то не желаетъ!

Они внезапно замолчали; къ подъѣзду уже подавали лошадей; они приблизились туда же, разглядывая щегольскіе экипажи, блестѣвшіе лакировкой, изящные какъ мебель гостиной. Въ широко распахнувшихся дверяхъ шумно появилась вся компанія. Тутъ были на лицо всѣ: Анна Павловна и Глашенька, Перевертьевъ, Суркова, какая-то близорукая дѣвица въ очкахъ и Загорѣловъ. Онъ шелъ впереди всѣхъ веселый и довольный, съ удовольствіемъ оглядывая нарядные экипажи и лоснившіеся крупы породистыхъ лошадей.

— „И-и ты-ы, Ка-а-перна-а-у-уме“,—вдругъ прилетѣло изъ лѣсного оврага, словно бархатное гудѣнье стопудоваго колокола.

Загорѣловъ улыбнулся, прислушался и сказалъ:

— Какой великолѣпный голосъ! Это Спиридонъ?

Жмуркинъ протиснулся ближе.

— Они-съ самые!—сказалъ онъ съ почтительной улыбкой.— Пошаливаютъ-съ они! Сегодня выкушали съ передержкой. Водочки-съ, конечно,—пояснилъ онъ.

— „И-иже до-о не-ебе-есъ воз-не-е-сыйся-я“, — летѣло изъ оврага могучей волною.

— Удивительный голосъ!—прошептала Суркова:—прямо-таки удивительный!

Всѣ притихли въ задумчивости, прислушиваясь къ могучей волнѣ яснаго какъ воздухъ и звонкаго какъ металлъ звука.

— „Да-а а-а-да-а-а сни-и-и-де-ши-и-и!“—вдругъ опрокинулось на усадьбу, словно рычаніе льва.

VIII.

У Быстряковыхъ шелъ пиръ на славу. Ихъ уютный домикъ весело глядѣлъ на садъ сверкающими окнами и гудѣлъ, какъ переполненный улей. Въ одной изъ комнатъ на трехъ столахъ играли въ карты: мужчины въ стуколку, женщины въ рамсъ. Другую обратили въ буфетъ. Здѣсь на широко-раздвинутыхъ столахъ непрерывными рядами, словно сцѣпившись въ хороводѣ, стояли всякаго рода закуски. Желторумяные паштеты, насквозь пропитанные вкуснымъ сокомъ, какъ хорошо вызрѣвшіе фрукты, красовались рядомъ съ золотистымъ тѣломъ семги; пахучіе и ноздреватые куски сыра чередовались съ фаршированными поросятами, съ кожею бѣлой какъ молоко, и съ зеленью укропа

въ оскаленныхъ ртахъ. Въ серединѣ же этого хоровода, подъ свѣтомъ люстры, весело мигали разноцвѣтными огнями бутыли винъ, наливокъ и водокъ. А гостиную и столовую отдали во власть молодежи, весело шаркавшей по полу въ безконечной кадрили. Аккомпанировалъ имъ на піанино повѣренный при уѣздномъ съѣздѣ, Фердуевъ, пятидесятилѣтній мужчина съ покатымъ лбомъ, сильно накрашенными усами и бритымъ подбородкомъ. Въ одной изъ фигуръ онъ даже подпѣвалъ себѣ, весело припрыгивая на своемъ стулѣ послѣ каждаго такта:

„Мнѣ тверди-и-ли, напѣва-а-я:
Па-а-а-да-жди, плуто-овка!
У мужчи-инъ у всѣ-ѣхъ така-а-я
Скверна-ая снаровка“!

Во время одного изъ антрактовъ, когда всѣ танцующіе и играющіе въ карты, удалились къ паштетамъ и фаршированнымъ поросятамъ, этотъ же Фердуевъ, провозглашая тостъ за племянника, сказалъ слѣдующій экспромптъ:

„Благодѣтель
Елисѣй,
Добродѣтель
Всюду сѣй“!

Тутъ же между танцующими, но, однако, не принимая никакого участія въ танцахъ, находились Перевертьевъ и Суркова. Они сидѣли на разныхъ концахъ комнаты, молча, лишь перекидываясь взорами. Этими взглядами Перевертьевъ все вызывалъ ее въ садъ, но она точно не понимала знаковъ, и, слегка прикрывая свое лицо развернутымъ вѣеромъ, она вся какъ бы содрогалась отъ душившаго ее хохота. Онъ не выдержалъ, прошелъ мимо нея и, пощипывая вздернутые кверху усы, въ полголоса пропѣлъ:

„Ка-акъ я л-любл-лю гусятъ“...

Она лукаво шепнула ему:

— Это ужъ третій моментъ! Вы совсѣмъ позабыли программу!

Онъ не отвѣчалъ ни слова и, подойдя къ балконной двери, снова сталъ вызывать ее въ садъ. Тогда она встала и, лавируя между танцующими, пошла, но не къ двери, а къ окну. Перевертьевъ поспѣшно сбѣжалъ въ садъ и сталъ передъ этимъ окномъ, въ двухъ шагахъ. Онъ увидѣлъ ее; она стояла въ разрѣзѣ окна, лицомъ къ нему, вся словно сверкая задоромъ.

— Сойдите сюда!—прошепталъ онъ умоляющимъ тономъ.

— Зачѣмъ?—спросила она его шопотомъ же.

— Я васъ люблю!—прошепталъ Перевертьевъ.

Она засмѣялась, прикрываясь вѣеромъ.

— Зачѣмъ вы мнѣ сообщаете объ этомъ?—прошептала она сквозь подавленный смѣхъ.—Меня это совсѣмъ не интересуетъ!..

Съ минуту она стояла передъ нимъ, рѣзко вырисовываясь въ разрѣзѣ окна, какъ въ рамѣ, какъ бы вся содрогаясь отъ хохота, и ея блестящее платье тускло свѣтилось. Весь ея задорный и скользкій видъ точно говорилъ ему:

— Я тебя измучаю, истомлю, потому что мнѣ это нравится.

Она улыбнулась крупнымъ и яркимъ ртомъ, быстро повернулась и исчезла въ глубинѣ комнаты.

— Га-а-дюка!—прошепталъ Перевертьевъ злобно.—Посмотримъ же, кто кого!

Между тѣмъ Жмуркинъ ходилъ въ это время по низкому берегу Студеной и думалъ о Лидіи Алексѣевнѣ.

„Это ничего,—думалъ онъ,—что ея гребенка въ старой теплицѣ на тахтѣ оказалась. Это еще ничего не доказываетъ. Рѣшительно ничего“!

Онъ то присаживался на берегу, то вновь начиналъ ходить, напряженно размышляя все объ одномъ и томъ же и даже слегка жестикулируя локтемъ.

„Можетъ быть, Максимъ Сергѣичъ-то,—продолжалъ онъ свои размышленія,—встрѣтилъ ее тамъ у старой теплицы, ну и пригласилъ. Она по добротѣ и вошла. Посидѣли и поговорили. „Какъ вы поживаете?“—„Ничего, слава Богу!“ Поговорили и вышли. И больше ничего. А гребенку-то она тѣмъ временемъ и обронила“!

Онъ хотѣлъ-было снова присѣсть на берегу, чтобы вразумить себя, успокоить, одолѣть протестующій голосъ, какъ вдругъ сознаніе, что вотъ сейчасъ она, Лидія Алексѣевна, сидитъ съ Загорѣловымъ, говоритъ съ нимъ, смѣется, быть можетъ, цѣлуется гдѣ-нибудь въ темномъ углу, снова точно подняло его на дыбы. Съ минуту онъ молчаливо глядѣлъ на тихія воды рѣки, жирно лоснившіяся во мракѣ, а затѣмъ круто повернулся и рѣшительной походкой отправился къ усадьбѣ Быстрякова. Онъ быстро шелъ по скату, бросая вокругъ тревожные взгляды и чувствуя мучительное біеніе своего сердца. Желаніе во что бы то ни стало разрѣшить сомнѣнія охватило все его существо, какъ пожаръ охватываетъ ветхое зданіе, и, подчиняясь его дикой силѣ, онъ ясно сознавалъ въ ту минуту, что бороться съ нимъ, съ этимъ желаніемъ, было бы совершенно безполезно. Онъ чувствовалъ себя слишкомъ ничтожнымъ передъ нимъ, настолько ничтож-

нымъ, что ему даже приходило на мысль, не пришло ли оно къ нему извнѣ, какъ проходитъ буря по соломинкѣ, брошенной на дорогѣ. Онъ подошелъ къ саду и нѣсколько раздышался, набираясь силъ для дальнѣйшаго. Затѣмъ онъ сталъ соображать, откуда ему лучше зайти, гдѣ избрать удобное мѣстечко для наблюденій, чтобъ самому оставаться незамѣченнымъ, гдѣ скрыться въ случаѣ опасности. Расположеніе Быстряковскаго дома онъ зналъ хорошо, такъ какъ частенько бывалъ съ порученіями отъ Загорѣлова, и теперь ему надлежало только умѣло избрать и умѣло выполнить намѣченное. Онъ сталъ думать. Въ этихъ размышленіяхъ онъ долго простоялъ за оградой сада, поглядывая на освѣщенныя окна, на пятна свѣта, бѣлѣвшія въ кустахъ подъ окнами, какъ только-что выпавшій снѣгъ, на весь уютный домикъ, теперь гудѣвшій какъ всполошенный улей. Наконецъ онъ кое-что надумалъ. Мѣстомъ для своихъ наблюденій онъ рѣшился избрать отворенное окно комнаты, находившейся между той, которую сдѣлали буфетомъ, и той, гдѣ играли въ карты. Эта небольшая комнатка освѣщалась лишь свѣтомъ другихъ комнатъ, и тамъ было много темнѣе, чѣмъ въ остальномъ домѣ, но все-же каждый жестъ и движеніе туда вошедшаго были хорошо замѣтны изъ сада. Жмуркинъ обошелъ садъ, перелѣзъ черезъ заборъ и, засѣвъ въ густомъ вишневникѣ, въ двухъ саженяхъ отъ окна этой комнаты, сталъ внимательно наблюдать за тѣмъ, что дѣлалось въ домѣ. Онъ просидѣлъ такъ цѣлый часъ, напряженно поглядывая на окно, прислушиваясь къ безпечному говору, къ звонкому смѣху женщинъ, къ шуткамъ молодежи. Онъ видѣлъ горячіе глаза Сурковой, покатый лобъ Фердуева, жирное тѣло Анны Павловны и многихъ другихъ, бывшихъ въ домѣ, но того, что ему было нужно, онъ, однако, не видѣлъ. Онъ началъ-было приходить въ отчаяніе какъ вдругъ увидѣлъ красивую фигуру Загорѣлова, внезапно появившагося въ полутемной комнаткѣ. Жмуркинъ удвоилъ вниманіе. Между тѣмъ Загорѣловъ прошелся раза два по комнатѣ, поправилъ бороду, потянулся, зѣвнулъ и исчезъ снова. И вновь появился черезъ минуту. Такъ повторилось нѣсколько разъ. И тогда Жмуркину стало ясно, что онъ вызываетъ кого-то, ждетъ съ кѣмъ-то встрѣчи, разсчитываетъ на что-то.

Онъ весь выдвинулся впередъ. И тогда онъ увидѣлъ Лидію Алексѣевну. Она поспѣшно впорхнула въ комнату, вся нарядная, какъ вешній мотылекъ, безпокойно оглянулась на всѣ двери и вдругъ порывисто протянула обѣ руки Загорѣлову; тотъ поймалъ эти руки, прижалъ ее къ себѣ, припалъ къ ея губамъ и тот-

часъ же точно отодвинулъ ее отъ себя. Послѣ этого они появились уже въ комнатѣ, гдѣ играли въ карты, оба совершенно невинные, спокойные и ясные.

А Жмуркинъ чуть не повалился въ кустарникѣ. Однако онъ оправился и пошелъ вонъ изъ сада, уже не принимая болѣе никакихъ предосторожностей.

Идя снова по берегу Студеной, онъ думалъ:

„Святая святыхъ! Гдѣ же ты? Въ какую сторонушку упорхнула"?

— Наглая!—вдругъ крикнулъ онъ, чувствуя спазму въ горлѣ. —Лживая! По-га-на-я!

Онъ повернулъ въ усадьбу. Онъ пришелъ къ себѣ во флигелекъ, зажегъ свѣчу, надѣлъ сверхъ пиджака ватную куртку и сѣлъ на кровать. Его томилъ приступъ озноба. Затѣмъ, нѣсколько согрѣвшись, онъ присѣлъ къ столу и досталъ свою записную книжечку, ту самую, гдѣ онъ велъ свой дневникъ. Обмакнувъ перо въ чернильницу, онъ четко вывелъ на чистой страничкѣ: „14-ое Іюня".

Но тутъ его снова зазнобило и такъ сильно, что долго онъ не могъ написать ни одной буквы.

На слѣдующій день, утромъ, когда онъ пришелъ за приказаньями къ Загорѣлову, тотъ спросилъ его:

— Что это съ тобою, Лазарь? ты опять не въ духѣ?

Онъ отвѣчалъ, замкнуто улыбаясь:

— Несчастье у меня случилось, Максимъ Сергѣичъ.

— Какое?

— Святую святыхъ вчера ночью спалило.

Загорѣловъ улыбнулся.

— Какую это святую святыхъ?

— Такъ ужъ это, секретъ-съ!—Жмуркинъ пожалъ плечами.

— Сувениръ какой-нибудь отъ предмета сердца что-ли?—сказалъ Загорѣловъ, расхохотавшись.

— Да почти что такъ-съ,—отвѣчалъ Жмуркинъ и тоже засмѣялся своимъ похожимъ на кашель смѣхомъ. А уже собираясь уходить, онъ внезапно сказалъ Загорѣлову:

— Я еще вотъ чѣмъ хочу обезпокоить васъ, Максимъ Сергѣичъ.

— Чѣмъ?

— А вотъ если я на этихъ дняхъ попрошу у васъ разсчета, то-есть окончательнаго, такъ ужъ вы будьте добры меня не задерживать.

— Вотъ это мило! Съ какой же это стати ты думаешь отъ

меня уходить? Я тобой доволенъ,—говорилъ Загорѣловъ въ недоумѣніи.

— И я доволенъ вами-съ, Максимъ Сергѣичъ!—Жмуркинъ почтительно изогнулся.—Но только дѣла такія у меня вышли. Чрезвычайной важности дѣла-съ! Это, впрочемъ, не навѣрное-съ. То-есть, относительно моего ухода. Но если ужъ я разсчетъ спрошу, будьте любезны не задерживать! Будьте любезны-съ!

Выраженіе его лица было болѣе почтительнымъ, чѣмъ всегда.

IX.

Въ этотъ день за обѣдомъ Загорѣловъ смотрѣлъ необычайно веселымъ и оживленнымъ. Дурное расположеніе духа, впрочемъ, мало было знакомо ему, но все-же на этотъ разъ его веселость казалась бьющей черезъ край; онъ какъ бы предвкушалъ въ своемъ воображеніи какое-то особенно лакомое блюдо, одно изъ тѣхъ, какія судьба приподноситъ даже и своимъ любимцамъ далеко не каждый день. И это-то обстоятельство и наполняло его весельемъ. Онъ со вкусомъ ѣлъ обѣдъ, со вкусомъ запивалъ его краснымъ виномъ и весело говорилъ Перевертьеву:

— Я крѣпко увѣренъ, что пессимистическое нытье большинства современниковъ обусловливается вовсе не тѣмъ, что они, видите ли, переросли жизнь и задыхаются въ ней, какъ задыхаются высшіе организмы въ средѣ, гдѣ великолѣпно чувствуетъ себя микробъ. Совсѣмъ нѣтъ! Это одно только ихъ утѣшеніе. Не переросли они жизнь, а не доросли до нея, и все ихъ нытье выращено на почвѣ несваренія желудка и дряблости воли! Негодный фруктъ на негодной почвѣ!—Загорѣловъ даже брезгливо фыркнулъ.

Суркова сказала:

— А Лермонтовъ? „И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ"... Слѣдовательно, и Лермонтовъ—ничтожество?

Анна Павловна шепнула Глашенькѣ, кивая на мужа:

— О чемъ онъ? Иль у него животъ болитъ? А у насъ какъ разъ грибы сегодня!

— У Лермонтова есть и другое стихотвореніе,—сказалъ Загорѣловъ, вытирая бѣлоснѣжной салфеткой золотистые усы.—„И буду твердъ душой, какъ ты,—какъ ты, мой другъ желѣзный"! И потомъ, геніи—не въ счетъ. Они—можетъ быть, и во

истину занесены къ намъ изъ другихъ міровъ. По ошибкѣ творящей силы, закупорившей ихъ болѣе возвышенныя души въ наши несовершенныя съ ихъ точки зрѣнія тѣла. А если это такъ, такъ нѣтъ ничего мудренаго, что они болѣютъ среди насъ, какъ пальма, выращенная въ архангельской губерніи. И конечно же ихъ страданія возвышенны, и я имъ вѣрю всѣмъ сердцемъ, но все-же нельзя не согласиться, что архангельская-то губернія въ этихъ страданіяхъ совершенно вѣдь неповинна. И она въ правѣ сказать пальмѣ: „Ты прекрасна, мой другъ; я это вижу, и я сама залюбовалась твоею ослѣпительной красотою. Но ты требуешь отъ меня того, чего у меня нѣтъ, ибо ты не можешь питаться такъ, какъ питается клюква. А потому ты умрешь. И твое божественное тѣло бросятъ въ печь, чтобъ согрѣть озябшія руки бродячаго вогула".—Загорѣловъ взялъ маленькій стаканчикъ вина и залпомъ выпилъ его.

— Это жестоко по отношенію къ геніямъ,—проговорила Суркова, останавливая на Загорѣловѣ свои горячіе глаза.

— А со стороны геніевъ,—отвѣчалъ тотъ,—безразсудно требовать у архангельской губерніи африканскаго солнца!

— А все-таки я крѣпко убѣжденъ,—говорилъ онъ, уже вставая изъ-за обѣда,—что пессимистическое нытье современниковъ есть несвареніе желудка и дряблость воли. Что за птица наше земное счастье, и гдѣ зимуютъ сіи раки—современникъ знаетъ великолѣпно, но достать рака онъ, увы, не умѣетъ, ибо труслив, лѣнивъ и непредпріимчивъ. А можетъ быть, этотъ вкусный фруктъ уже плохо переваривается его желудкомъ. И вотъ, въ силу-то этого являются всѣ эти ахи и охи, недовольное брюзжаніе и кисляйничество!

Послѣ обѣда Загорѣловъ поспѣшно прошелъ въ кабинетъ. Тамъ онъ старательно умылся, надушилъ бородку и усы и перемѣнилъ свѣтлый пиджакъ на болѣе темный. Затѣмъ онъ надѣлъ легкую спортсменскую фуражку и, взявъ трость, вышелъ на дворъ. Прямо отъ крыльца онъ повернулъ къ конторѣ.

— Верешимская мельница еще не готова?—спросилъ онъ Жмуркина, вызвавъ его на крыльцо.

— Никакъ нѣтъ. Еще не готова!

— А ты за ея постройкой поглядываешь?

— Какъ-же-съ. Со всѣмъ рвеніемъ.

Жмуркинъ улыбнулся. Онъ былъ блѣденъ, и подъ его глазами чернѣли круги.

„А онъ недугомъ какимъ-нибудь болѣетъ", подумалъ Загорѣловъ.

— У тебя печень не болитъ-ли, Лазарь?—спросилъ онъ его:— видъ у тебя совсѣмъ больной. Съ докторомъ тебѣ надо посовѣтоваться. Да вотъ что,—добавилъ онъ затѣмъ какъ бы вскользь:— сейчасъ я прогуляться иду, такъ вотъ если я кому безотлагательно понадоблюсь, пусть меня все-таки не ищутъ,—я скоро обратно буду. Слышишь? Пусть не ищутъ!

— Хорошо-съ.

Загорѣловъ съ безпечнымъ видомъ вышелъ за ворота и сначала направился въ лѣсъ; но едва только лѣсная опушка заслонила собою усадьбу, онъ повернулъ направо, спускаясь по скату, туда, гдѣ въ глубокомъ разрѣзѣ между холмовъ стояла старая теплица.

Вскорѣ онъ подошелъ къ ней, внимательно оглядываясь, не видитъ ли его кто. Но кругомъ не было ни души; только столѣтніе вязы стояли вокругъ, какъ лѣсные старѣйшины, спустившіеся сюда въ русло для какого-то совѣщанія. Въ глубокомъ руслѣ пахло глиной, сыростью и гніющимъ листомъ. Загорѣловъ вставилъ ключъ въ замочную скважину, быстро отперъ дверь и, шагнувъ во внутрь, снова замкнулъ ее за собою.

— Я никакъ не думалъ, что ты уже здѣсь,—сказалъ онъ затѣмъ съ улыбкой.

Лидія Алексѣевна приподнялась къ нему на встрѣчу съ тахты. Загорѣловъ тоже двинулся къ ней. Они сошлись и молча сомкнулись въ долгомъ и крѣпкомъ объятіи.

— Ну, здравствуй!—сказалъ Загорѣловъ, цѣлуя ея руки и губы.—Я такъ скучалъ по тебѣ!—добавилъ онъ, снова обнимая ее и сажая на тахту.—Ухъ, я такъ радъ!

Бережнымъ движеніемъ онъ сбросилъ съ нея сѣрый плащъ, закрывавшій ее всю до самыхъ пятъ. Она осталась въ мягкомъ домашнемъ капотѣ съ четырехъ-угольнымъ вырѣзомъ вокругъ шеи.

— Я тоже такъ скучала, такъ скучала!—сказала она, заглядывая въ его лицо милыми глазами ребенка. Всей своей фигурой она походила на дѣвушку.

Они говорили въ полголоса, постоянно заглядывая другъ другу въ глаза, точно пытаясь налюбоваться на все время разлуки. Голосъ Загорѣлова, обыкновенно звонкій, звучалъ теперь нѣжнѣе, сдѣлался болѣе низкимъ, болѣе пѣвучимъ.

— Я такъ боялась, когда шла сюда,—говорила между тѣмъ Лидія Алексѣевна.—Даже когда ты отпиралъ дверь—боялась. А вдругъ, думаю, не онъ?

— Кто же проникнетъ сюда, кромѣ насъ?—сказалъ Загорѣ-

ловъ, бережно пожимая ея руку:—вѣдь ключи только у меня да у тебя.

Лидія Алексѣевна тѣснѣе прижалась къ его плечу.

— Я это знаю,—сказала она.—А все-таки страшно; вдругъ кто узнаетъ! Что̀ будетъ тогда съ нами? Меня запрутъ на ключъ,—продолжала она, словно вся опечалившись,—а тебя... что̀ будетъ съ тобой?

Она покачала головой, съ выраженіемъ внезапной боли на всемъ хорошенькомъ личикѣ.

— Мужъ тебя не убьетъ, въ этомъ я убѣждена; онъ никогда не рискнетъ на это. Но ты помнишь Завалишинскую исторію? Она внезапно припала на грудь къ Загорѣлову и расплакалась, всхлипнувъ всей грудью. Ея лицо стало совсѣмъ дѣтскимъ. — Что̀ если и тебя также,—повторяла она сквозь слезы,—что если... Боже, какъ все это тяжко сознавать!

— Ну, полно,—сталъ утѣшать ее Загорѣловъ,—никто никогда не узнаетъ. Будь только осторожна. И никогда, никогда никто!

Онъ цѣловалъ ея руки, пытаясь заглянуть въ ея глаза.

— Ну, полно, полно же!—шепталъ онъ.

Онъ хорошо зналъ Завалишинскую исторію. Обманутый Завалишинымъ, мужъ нанялъ за пятьдесятъ рублей протасовскихъ крестьянъ; тѣ изловили его на мѣстѣ свиданія и избили такъ жестоко, что черезъ годъ онъ умеръ. И теперь, невольно припоминая всѣ подробности этой исторіи, Загорѣловъ думалъ:

„Надо быть осторожнѣе. Какъ можно осторожнѣе“!

— Ну полно, полно,—шепталъ онъ успокоительно, низкимъ груднымъ голосомъ, лаская плечи молодой женщины.—Будь осторожна, и тогда никто никогда не узнаетъ! Я не такъ глупъ, чтобы влетѣть такъ, какъ влетѣлъ Завалишинъ. Ну, успокойся! Ну, милая! Ну, радость!

Лидія Алексѣевна приподняла заплаканное личико.

— Ну, я не буду больше,—говорила она, вытирая слезы и пытаясь улыбнуться.—Вотъ видишь, я уже перестала!—Она стала ласкаться о его плечо, какъ кошка.—Я тебя люблю,—повторяла она, ласкаясь къ нему,—я тебя люблю, и будь что̀ будетъ. Но если кому-нибудь изъ насъ суждено пострадать, такъ ужъ лучше пусть я!—Она снова едва сдержала слезы и грустно добавила:—А все-таки обманывать такъ противно.

— А что̀ же намъ дѣлать? Что̀ же дѣлать?—сказалъ онъ съ грустью на лицѣ.

И онъ сталъ говорить.

Она ни въ чемъ не виновата и страдать ей не для чего. Она должна убѣдить себя въ этомъ разъ навсегда. Ее выдали замужъ насильно, противъ ея воли, неопытной дѣвчонкой, убѣдивъ ее, что такъ всѣ и всегда поступаютъ, что такъ ведется чуть ли не отъ сотворенія міра, что хорошей дѣвушкѣ даже зазорно выбирать себѣ самой жениха. И она послушалась стариковъ, согласилась и, проплакавъ всю ночь, поѣхала въ церковь. А потомъ она встрѣтилась съ нимъ, и они полюбили другъ друга. Такъ что же имъ дѣлать теперь? Хлопотать о разводѣ? Но развѣ съ ея мужемъ возможенъ даже разговоръ о такомъ дѣлѣ? Вѣдь если онъ только заведетъ объ этомъ рѣчь, такъ это кончится для него вотъ именно Завалишинской исторіей. А ее замкнутъ на ключъ. Такъ что же имъ наконецъ дѣлать? Вѣдь они молоды. Ему двадцать восемь лѣтъ, а ей и всего-то девятнадцать. Такъ неужели же имъ разойтись, не извѣдавъ счастья любви? Загорѣловъ говорилъ убѣжденно, нѣжно цѣлуя ея руки. Она прильнула къ нему, и вдругъ отстранилась съ выраженіемъ страха на поблѣднѣвшемъ лицѣ.

— Тсс!—шепнула она:—вокругъ кто-то ходитъ. Слышишь?

— Ну что же,—сказалъ Загорѣловъ,—и пусть себѣ ходитъ. Дверь заперта, рамы оконъ замазаны крѣпко, и гардины спущены. Пусть себѣ ходитъ,—повторилъ онъ,—онъ ничего не увидитъ. Говори только тише!

Близость женщины, казалось, совсѣмъ опьянила его, и ему было тяжко выпустить ее изъ рукъ хотя бы на минуту. Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы снова привлечь ее къ себѣ. Но она отстранилась, безпокойно шепча:

— Кто-то ходитъ. Слышишь, зашелестѣла трава?

Онъ жадно поймалъ ея руки, привлекая ее къ себѣ съ возбужденнымъ лицомъ.

— Это вѣтеръ,—сказалъ онъ.

Но она все шептала, вздрагивая:

— Кто-то ходитъ, кто-то ходитъ вокругъ! Пусти! Кто-то ходитъ!

И тогда онъ на цыпочкахъ подошелъ къ окну, осторожно отвернулъ уголокъ гардины и заглянулъ въ звено. Такъ онъ обошелъ всѣ окна.

— Никого,—сказалъ онъ.—Вокругъ только лѣсъ да мы. Это шелеститъ вѣтеръ.—Онъ подошелъ къ ней.—Никого,—повторилъ онъ, блѣднѣя и съ судорогой на губахъ.—Лѣсъ, да мы, да вѣтеръ. Здравствуй!—добавилъ онъ вдругъ шопотомъ.

Она рванулась къ нему. Онъ обнялъ ее и приподнялъ какъ былинку.

X.

Вечеромъ въ первое же воскресенье послѣ именинъ Быстрякова, столь памятныхъ для Жмуркина, у Загорѣловыхъ вновь собрались гости. Весь домъ былъ ярко освѣщенъ. Гости остались ужинать, и въ половинѣ двѣнадцатаго Флегонтъ уже отпускалъ сладкое. Онъ со вкусомъ уставлялъ на широкомъ блюдѣ фисташковое бланманже и говорилъ Фросѣ:

— Цвѣтъ-то какой? Аквамаринъ! Средиземное море это, а не пирожное! На тя, Господи, уповахомъ, ловко соорудилъ, востроглазая! А это вотъ янтарь изъ того самаго моря!—добавилъ онъ, тщательно раскладывая вокругъ прозрачное желе, искусно налитое въ апельсинныя корки.

— Бараній бокъ съ кашей остался, что-ли, ужинать?—вдругъ спросилъ онъ Фросю.—Ну, Быстряковъ, что-ли?—пояснилъ онъ тотчасъ же, видя, что та не понимаетъ вопроса.

— Остались.

— Такъ вотъ, когда ты вотъ это самое произведеніе ему подавать будешь, ты у него того—тихимъ манеромъ вилку отбери. А то онъ вилкой ковыряться начнетъ и всю мнѣ музыку испортитъ. Пусть лучше прямо изъ корочки схлебнетъ. Этимъ не подавится. Скажи, что поваръ Флегонтъ готовилъ! Фрося,—вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ,—а вѣдь ты хорошенькая!

Фрося засмѣялась.

— А вы старенькіе!

— Ну, въ пятьдесятъ лѣтъ какая же старость! Въ пятьдесятъ лѣтъ можно даже Шамиля въ плѣнъ брать, а не только-что съ майскимъ бутономъ языкъ чесать. Въ пятьдесятъ лѣтъ не старость,—добавилъ онъ съ усмѣшкой.

— Да и не молодость,—сказала Фрося лукаво.

Флегонтъ комично вздохнулъ.

— Да, оно, конешно, въ пятьдесятъ лѣтъ кушанье, пожалуй, и того—пережаренное ужъ, а все-же ѣсть можно.

Онъ расхохотался и сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая поймать Фросю.

Та увернулась.

— Нѣтъ ужъ ахъ оставьте! — сказала она капризно и съ досадой: — что у васъ за манера въ самомъ дѣлѣ каждый разъ цѣловаться!

Флегонтъ снова засмѣялся, покачивая головою и поглядывая на Фросю.

— Никакъ нѣтъ,—сказалъ онъ,—я тебя сейчасъ цѣловать не буду. Я тебя тогда цѣловать буду, когда ты въ обѣ руки блюдо возьмешь. А сейчасъ нельзя! сейчасъ ты меня правой ручкой вотъ въ это мѣсто толкнешь! Ну, бери, егоза, блюдо! готово!—добавилъ онъ:—бери, господа дожидаются.

— А вотъ и не возьму,—сказала Фрося капризно, принимая въ то же время широкое блюдо,—что это въ самомъ дѣлѣ!

Когда она была уже на порогѣ, онъ догналъ ее и обнялъ за талію.

— Ну, вотъ теперь получай!—сказалъ онъ:—господамъ желе, а тебѣ безе. Сколько тебѣ: порцію, или двѣ? считай! разъ...

— Ей Богу, я сейчасъ блюдо брошу. Что за манера!

— Не бросишь, егоза. Два, три! Вотъ и все. А теперь ступай.

— А что?—говорилъ онъ ей вслѣдъ уже съ порога:—развѣ не вкусно? И молодому такъ не съумѣть.

Онъ вошелъ въ кухню, переодѣлся, сбросивъ поварскіе доспѣхи, и вышелъ на дворъ. Обогнувъ садъ, онъ подошелъ къ рѣкѣ.

Тамъ у тихихъ водъ Студеной уже сидѣли Безутѣшный и Жмуркинъ. Между ними на землѣ былъ разостланъ газетный листъ, а на немъ размѣщалась бутылка водки, три рюмки, толстый ломоть ситника и куски разрѣзанной воблы.

— Ты что долго не шелъ?—спросилъ повара Безутѣшный.— Мы тебя ждали, ждали... По двѣ ужъ—не вытерпѣли—кувырнули!

Его громоздкая фигура темнѣла въ полумракѣ косматымъ ворохомъ.

— Некогда было,—сказалъ Флегонтъ:—пирожное отпускалъ, а потомъ Фросю цѣловалъ. А ловко вы здѣсь устроились!—добавилъ онъ.

Жмуркинъ подумалъ: „И этотъ вотъ жить умѣетъ“.

— Ну-съ, провіантъ готовъ,—проговорилъ Безутѣшный басомъ, наливъ всѣ три рюмки.

— Я больше не буду,—отозвался Жмуркинъ хмуро.

Онъ приподнялся и пошелъ берегомъ, удаляясь.

— Что онъ какой?—спросилъ Флегонтъ Безутѣшнаго, кивая на удаляющуюся фигуру Жмуркина.

Въ тускломъ сіяніи ночи тотъ казался какимъ-то призракомъ, тѣнью человѣка.

— Задумывается онъ все о чемъ-то, — уныло проговорилъ Безутѣшный.

— Я вижу, что задумывается. Давно вижу,—согласился и Флегонтъ.—И какъ будто опять собирается куда-то. Только теперь не понять—куда. Не то въ монастырь, а не то въ острогъ!

Они снова выпили по рюмкѣ.

— Ухъ, хорошо жить!—вздохнулъ Флегонтъ, ставя опорожненную рюмку на газетный листъ.

— Чѣмъ хорошо-то?—угрюмо спросилъ Жмуркинъ, приближаясь и весь выдвигаясь изъ сумрака.

— Всѣмъ хорошо!—отвѣчалъ Флегонтъ. — Хорошо поработать въ потѣ лица. Хорошо бланманже на славу состряпать. Хорошо хорошенькую поцѣловать. Хорошо послѣ трудовъ рюмочки три водки опрокинуть. Хорошо красоту Творца созерцать.

— „Вѣ-ру-ю"......—вдругъ запѣлъ онъ, ни съ того, ни съ сего, хриповатымъ баритономъ и также вдругъ оборвалъ пѣніе на полусловѣ.—Хорошо!—добавилъ онъ.—Налей-ка еще по рюмочкѣ! Эка ночь-то какая!—воскликнулъ онъ,—братцы-хватцы, достойны ли мы?

Вокругъ въ самомъ дѣлѣ было хорошо. Лунная ночь неподвижно стояла надъ землею, словно застывъ въ благоговѣйномъ созерцаніи. Волнистыя очертанія холмовъ призрачно вырисовывались въ лунномъ свѣтѣ. Надъ лѣсною опушкой то-и-дѣло мигала бѣлесоватая зарница, точно тамъ за лѣсомъ кто-то безпокойно взмахивалъ бѣлымъ покрываломъ. И въ этой тишинѣ голоса разговаривающихъ звучали какъ струны, кѣмъ-то въ задумчивости перебираемыя.

— Хорошо,—повторилъ Флегонтъ. И кивая на бѣлое пламя мигнувшей зарницы, онъ добавилъ:

— Вонъ ангелъ Господень надъ лѣсомъ бѣлыми крылами трепехчетъ. Чистую душу на разговоръ вызываетъ. Многое онъ въ эту ночь чистой душѣ разскажетъ!—Онъ снова внезапно запѣлъ и такъ же внезапно оборвалъ пѣніе.

— Вижу тебя, свѣтленькій, вижу! — вдругъ крикнулъ онъ мигнувшей зарницѣ, радостно,—но разговора съ тобой не достоинъ! Ибо азъ есмь—пёсъ! Поваръ Флегонтъ!

Онъ стукнулъ себя въ грудь кулакомъ и притихъ. Всѣ помолчали.

Въ рѣчкѣ Студеной что-то забульбулькало, точно тамъ что-то просыпали въ воду. Отдаленное рычанье мельницы прилетѣло какъ гудѣнье шмеля.

— Это не ангелъ, а электричество, — наконецъ сказалъ Жмуркинъ хмуро.

— По твоему электричество, а по моему Богъ, — отвѣчалъ Флегонтъ.

— По твоему все—Богъ.

— По моему все Богъ,—согласился дружелюбно Флегонтъ.— Все Богъ и вездѣ Богъ. Богъ въ небѣ, Богъ въ землѣ, Богъ и во мнѣ.

Жмуркинъ ядовито усмѣхнулся.

— То-то ты съ Богомъ-то въ себѣ и качаешь рюмку за рюмкой.

— И качаю,—сказалъ Флегонтъ.—Это слабость человѣческая, и мнѣ ее Господь-Богъ проститъ. Проститъ! — повторилъ онъ съ увѣренностью.—Потому, позоветъ меня Господь-Богъ на судъ свой праведный, и я перво-на-перво въ ноги Ему хлопнусь. „Чувствовалъ, дескать, красоту твою, Жизнедавче, чувствовалъ всегда и вездѣ! И наказаніе твое праведное, яко награду пріемлю, ибо Ты еси истина и кротость“! И буду вопить я, аки бѣсноватый: „Слава Тебѣ!“—Флегонтъ возбужденно умолкъ.

— Ловко, Флегонтъ!—буркнулъ Безутѣшный.

— И что же, тебя въ рай сейчасъ же послѣ этого?—спросилъ Жмуркинъ безучастно.

Онъ сидѣлъ въ задумчивости, обхвативъ руками колѣни, блѣдный, не приподнимая глазъ.

— Въ рай не въ рай,—отозвался Флегонтъ,—а гдѣ-нибудь на паперти примощусь. Это ужъ вѣрно. Много насъ на этой самой паперти соберется,—продолжалъ онъ,—грѣшниковъ, красоту нетлѣнную Жизнедавца ощущавшихъ. И будемъ мы сидѣть ни во тьмѣ, ни въ свѣтѣ, ни въ теплѣ, ни въ холодѣ. И единажды въ годъ будетъ Онъ Самъ мимо насъ туда къ вратамъ царскимъ проходить яко день солнечный... И эта самая минуточка наградой намъ за весь годъ будетъ, да такою наградой, какую здѣсь и во снѣ не увидишь! Ухъ, хорошо!—снова вздохнулъ Флегонтъ:—хороша жизнь, хороша и смерть! Все хорошо!

Онъ замолчалъ. Вокругъ стало тихо. Только зарница тревожно металась надъ опушкою лѣса. Изъ раскрытыхъ оконъ дома прилетѣли веселые звуки цыганской пѣсенки.

„Это Суркова“, — подумалъ Жмуркинъ. Онъ сидѣлъ все въ той же позѣ, словно чѣмъ-то придавленный.

— Тамъ поютъ, — проговорилъ вслухъ Безутѣшный, — не спѣть ли и намъ что нибудь?

Не дожидаясь отвѣта, онъ громко откашлялся.

— „О-отъ юно-сти мо-о-ея“,—вдругъ загудѣлъ его, похожій на колоколъ, голосъ. Онъ точно порвалъ тишину, покатившись чугуннымъ хоромъ.

— „Мно-о-зи бо-о-рютъ мя страсти“,—подхватилъ Жмуркинъ высокимъ фальцетомъ.

Высокіе горловые звуки, казалось, высоко взвились надъ ними и разсыпались звучною трелью.

Присоединился и хриповатый баритонъ Флегонта.

Три совершенно разнородныхъ голоса встрѣтились, переплелись и зазвучали какъ одна струна...

— Ловко!—буркнулъ Безутѣшный, окончивъ пѣніе.—Развѣ еще что-нибудь спѣть? а?

Жмуркинъ и Флегонтъ молчали. Кто-то точно весь бѣлый и сіяющій на минуту показался надъ опушкой и вновь поспѣшно скрылся за темною стѣною лѣса, какъ за оградой. Лунная ночь молчаливо свѣтилась вокругъ.

Снова уныло загудѣла бархатная октава Безутѣшнаго.

— Да что ты!? — вдругъ крикнулъ Безутѣшный, обрывая свое пѣніе.

Онъ тяжело приподнялся, направляясь къ Жмуркину.

— Флегонтъ, тащи воды, живѣе!—говорилъ онъ:—вонъ, въ бутылку, зачерпни!

— Эка его какъ вдругъ! — повторялъ Флегонтъ, поспѣшно сбѣгая къ тихимъ водамъ Студеной. — Словно кто его въ грудь ударилъ. Эко его, сердягу!

Жмуркинъ бился въ истерикѣ.

— Лживая! лживая!—судорожно вырывалось изъ его горла.

Ал. Н. Будищевъ.

„НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ“

въ

ИТАЛІИ

Окончаніе.

IV *).

Оставляя пока въ сторонѣ устройство „народныхъ университетовъ“ и разсмотрѣніе различныхъ ихъ типовъ и различныхъ уставовъ, мы остановимся прежде на той части, которая ближе всего касается преподаванія, а именно, на вопросѣ о курсахъ, методахъ и т. п. Въ темахъ курсовъ было до сихъ поръ большое разногласіе. При краткости курсовъ, можно представить себѣ безконечность темъ, разработанныхъ до сихъ поръ въ итальянскихъ народныхъ университетахъ; между ними, какъ само собой разумѣется, въ странѣ въ высшей степени артистической, не послѣднее мѣсто отведено было исторіи искусства. Но, въ общемъ, научныя темы берутъ перевѣсъ. Разработывались довольно много и литературные предметы, а также политическая исторія,—предметы деликатнаго характера для народныхъ университетовъ, вслѣдствіе различныхъ и часто противоположныхъ вліяній, которыя могутъ оказывать на народное воспитаніе темпераментъ и способности профессора, призваннаго ихъ читать. Замѣчаніе, которое Ибсенъ вкладываетъ въ уста доктора Штокмана въ

*) См. выше: іюнь, 590 стр.

„Врагѣ Народа“, а именно, что всякая истина черезъ тридцать лѣтъ становится ложью, безъ сомнѣнія, примѣнимо къ большей части литературныхъ и даже историческихъ произведеній, гдѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, господствуетъ условность.

Въ флорентинскомъ народномъ университетѣ читался курсъ по исторіи Флоренціи двумя профессорами лицея, Сальвемини и Родолико; они въ нѣкоторой степени могли примирить съ собою такихъ ярыхъ противниковъ преподаванія политической исторіи въ народныхъ университетахъ, какъ, напримѣръ, я. Нельзя сказать, чтобы ихъ курсы уже ничего не оставляли желать относительно цѣлей и дидактическихъ частностей, предъявляемыхъ народнымъ университетамъ, но во всякомъ случаѣ они дали возможность порадоваться друзьямъ народнаго высшаго образованія. Первый прочелъ о происхожденіи Флоренціи до знаменитой осады, въ которой, какъ извѣстно, принималъ участіе Микель Анджело; другой же—объ ассоціаціяхъ среднихъ вѣковъ и въ частности во Флоренціи, причемъ оба развили эти пункты исторіи съ достаточной широтой синтеза, выставивъ на первый планъ экономическіе и соціальные факторы, и заинтересовавъ аудиторію коллективнымъ движеніемъ массъ, обзоромъ фактовъ и частностей самыхъ характерныхъ, съ свѣжестью критики, съ направленіемъ и критеріемъ соціологовъ.

Интересныя лекціи прочитаны были проф. Кіаруджи по анатоміи и проф. Банти по патологіи.

Еще примѣръ изъ лекцій флорентинскаго университета. Между многими старыми пережевываніями, которыя идутъ въ разрѣзъ съ характеромъ и цѣлями народнаго университета, какъ и съ понятіемъ научной культуры, съ духомъ новѣйшей интеллектуальности и даже съ самой элементарной логикой разума,—не послѣднее мѣсто принадлежитъ литературѣ, преподаваемой въ чисто схоластическомъ духѣ. Къ несчастью, только въ этомъ духѣ и преподается она во всѣхъ народныхъ университетахъ профессорами государственныхъ университетовъ.

Итакъ, въ флорентинскомъ народномъ университетѣ молодымъ учителемъ среднихъ школъ былъ прочитанъ курсъ сравнительной литературы, который хотя и грѣшилъ ложностью воззрѣній, безсодержательностью доводовъ, традиціонной настойчивостью—все-таки, какъ принципъ, задуманъ прекрасно, и если въ будущемъ возможно будетъ избавиться по меньшей мѣрѣ отъ главныхъ недостатковъ,—этотъ курсъ можетъ стать литературнымъ курсомъ, наиболѣе полезнымъ въ народныхъ университетахъ, какъ наиболѣе отвѣчающій его характеру.

Эти примѣры, къ которымъ прибавлю еще курсъ эстетики, пройденной въ болонскомъ народномъ университетѣ профессоромъ Пило, также какъ и курсы по исторіи искусства и исторіи музыки, читанные во многихъ университетахъ, могутъ повести еще къ другому выводу: они могутъ обрисовать одно изъ самыхъ важныхъ и благодѣтельныхъ различій, выяснившихся мало-по-малу, въ силу вещей, между государственными и народными университетами. Въ этихъ послѣднихъ преподаванію соціологіи отведено первое мѣсто, и затѣмъ слѣдуютъ, какъ основные предметы, антропологія, этнологія, исторія цивилизаціи и т. д.

Мы здѣсь напомнимъ, что въ итальянскихъ государственныхъ университетахъ не существуетъ оффиціальной каѳедры соціологіи, кромѣ Неаполя, гдѣ она ввѣрена профессору-метафизику (многіе профессора по собственной иниціативѣ читаютъ свободные курсы соціологіи и криминальной антропологіи, какъ Скіаттарелля въ Палермо, Лоріа въ Падуѣ, Гроппали въ Моденѣ); есть только одна каѳедра по исторіи искусства въ Римѣ, ввѣренная профессору Вентури. Этотъ извѣстный профессоръ еще недавно былъ приватъ-доцентомъ, когда теперешній министръ народнаго просвѣщенія, Нази, сдѣлалъ его ординарнымъ профессоромъ, обративъ такимъ образомъ его каѳедру изъ свободной въ оффиціальную. Не существуетъ въ государственныхъ университетахъ никакой оффиціальной каѳедры по психологіи, ни оффиціальной, ни свободной по сравнительной литературѣ, исторіи цивилизаціи, всего, что касается музыки и т. п. Даже во Флоренціи, центрѣ искусства, въ институтѣ высшихъ наукъ (который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше университета, но во многихъ другихъ гораздо ниже), нѣтъ каѳедры ни по эстетикѣ, ни по исторіи искусства.

Не надо забывать также и того, что въ обыкновенныхъ высшихъ школахъ лекція демонстрируется всѣми способами, и студентъ имѣетъ передъ собою всѣ средства, чтобы удержать въ памяти услышанное и обдумать его. Отсутствіе всего этого — не говорю, чтобы оно обратило въ ничто, — но оно парализовало сильно преподаваніе въ самихъ государственныхъ университетахъ; — можно представить себѣ, что отъ этого преподаванія должно остаться въ народныхъ университетахъ, гдѣ читаются не настоящія лекціи, въ педагогическомъ смыслѣ слова, но конференціи болѣе или менѣе блестящія, — въ то же время болѣе или менѣе импровизированныя, почти всегда безпорядочныя, безъ органической связи, бросающіяся изъ стороны въ сторону. Методъ лекцій въ итальянскихъ народныхъ университетахъ — по формѣ — чисто ораторскій. Читаются лекціи разъ въ недѣлю, и каж-

дый день посвящается новому предмету, что̀ даетъ шесть или семь (считая воскресенье) разнообразныхъ предметовъ. Читаются, кромѣ того, и настоящія конференціи въ часы, не положенные для лекцій. За отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ, немногіе народные университеты въ состояніи отпечатывать содержаніе лекцій и раздавать ихъ студентамъ, чтобы помочь имъ запомнить и поразмыслить надъ прочитаннымъ профессоромъ; рѣдки тѣ университеты, гдѣ печатаются „syllabus" или содержаніе курсовъ; еще болѣе рѣдки университеты, которые бы обладали залами для чтеній, библіотеками, хотя бы даже передвижными. Миланскій народный университетъ, который стоитъ во главѣ всѣхъ университетовъ, отпечаталъ въ видѣ брошюры „Програму курсовъ и конференцій за учебный годъ 1901—1902", довольно большую, въ формѣ краткихъ изложеній лекцій, въ родѣ тѣхъ, что публикуются въ „Volksthümliche Universität" въ Вѣнѣ. Кромѣ того, благодаря большому количеству слушателей, онъ имѣетъ возможность, благодаря одной издательской фирмѣ, печатать прекрасные обзоры, по 90 сант. за выпускъ. Въ флорентинскомъ народномъ университетѣ, уставъ котораго ставитъ въ обязанность выдавать слушателямъ краткій обзоръ лекцій во время каждой лекціи, или послѣ каждой лекціи, въ видахъ экономіи, публикуетъ только самое краткое содержаніе всѣхъ курсовъ за триместръ и изрѣдка лишь какой-нибудь „syllabus". Учебный годъ начинается обыкновенно въ ноябрѣ, а кончается въ маѣ, іюнѣ и даже іюлѣ, такъ что надо считать 7 — 8 мѣсяцевъ ученія, какъ и въ государственныхъ университетахъ, только безъ того количества вакацій, которыми изобилуютъ эти послѣдніе.

Все въ силу того же недостатка финансовыхъ средствъ, будь это результатомъ плохого преподаванія или недостаточной энергіи многихъ совѣтовъ, нельзя сдѣлать болѣе того, что̀ сдѣлано. Исключая миланскій, туринскій и болонскій народные университеты, нѣтъ, насколько намъ извѣстно, такихъ университетовъ, которые были бы снабжены хотя бы, напримѣръ, волшебнымъ фонаремъ; нѣтъ ни одного университета, который бы имѣлъ инструменты и матеріалы для демонстративнаго и экспериментальнаго развитія предметовъ преподаванія, въ особенности физико-химическихъ. Какъ бы ни были расположены школьныя власти помогать народнымъ университетамъ, но представляются до сихъ поръ громадныя затрудненія, чтобы допускать студентовъ народныхъ университетовъ въ помѣщенія физическихъ и химическихъ курсовъ и дозволить имъ пользоваться инструментами въ кабинетахъ. Слѣдовательно, также и въ этомъ отношеніи

остается мало дѣйствительнымъ научное преподаваніе, даже въ тѣхъ университетахъ, которые менѣе другихъ могутъ жаловаться на отсутствіе средствъ и на недостатокъ энергіи совѣтовъ.

Въ виду малыхъ затратъ отдается предпочтеніе преподаванію такихъ предметовъ, которые по старой номенклатурѣ называются моральными науками, а также и по литературѣ и искусству. Многіе народные университеты—и первые въ этомъ отношеніи, конечно, миланскій и болонскій—устроиваютъ правильныя чтенія, посѣщенія и экскурсіи научныя, техническія, артистическія даже внѣ города; надо надѣяться, что вскорѣ въ состояніи будутъ предпринять то же и другіе народные университеты, какъ желаемое и систематическое дополненіе не только къ преподаванію соціальному, техническому и эстетическому, но какъ общее дополненіе къ воспитанію и къ культурѣ вообще.

Будучи членомъ совѣта въ флорентинскомъ народномъ университетѣ, я горячо ратовалъ за устройство экскурсій въ музеи, но долженъ былъ выслушать отъ одного изъ преподавателей, что онъ никогда не согласится тащить за собой по улицамъ цѣлую толпу учащихся,—и ни примѣръ Парижа, ни другихъ городовъ, не могли убѣдить не только его, но и весь совѣтъ управленія.

Дѣло въ томъ, что не нашлось еще молодыхъ ученыхъ, способныхъ на народное преподаваніе въ музеяхъ, на улицахъ и т. д. Теперь, впрочемъ, думаютъ сдѣлать систематичными посѣщенія музеевъ, галерей и монументовъ, а также и организовать болѣе отдаленныя поѣздки, съ цѣлью артистическаго обученія; такъ, напримѣръ, многіе народные университеты проектируютъ поѣздки по артистическимъ городамъ, въ Сіену, Флоренцію, Римъ.

Для приведенія въ исполненіе этой части программы, такъ естественно вытекающей изъ характера самого учрежденія, потребуется еще много времени, но пріятно уже констатировать эту тенденцію народныхъ университетовъ и отсутствіе всего подобнаго—въ государственныхъ университетахъ.

Предполагалось въ послѣднее время издавать общій годовой отчетъ итальянскихъ народныхъ университетовъ, но пришлось отложить это дѣло, за невозможностью имѣть точныя свѣдѣнія. Можетъ быть, это изданіе возможно будетъ отпечатать за 1903 годъ; во всякомъ случаѣ желательно, чтобы оно вышло какъ можно скорѣе, въ виду той пользы, которую можетъ принести не только всѣмъ изучающимъ этотъ предметъ, но даже и самимъ народнымъ университетамъ.

V.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ уставахъ, которые управляютъ организмомъ народныхъ университетовъ. Мы, вообще, не придаемъ особаго значенія уставамъ, и въ сущности правъ былъ Монтескьё, говоря, что не законъ дѣлаетъ людей лучшими, а люди улучшаютъ законы. Это выраженіе, какъ нельзя болѣе примѣнимо къ народнымъ университетамъ, успѣхъ которыхъ есть дѣло людей и времени, а не писанныхъ уставовъ. Но въ то же время нельзя отрицать, что и законы, въ нѣкоторомъ отношеніи, отражаютъ идеалы тѣхъ, кто ихъ составилъ, а также и различныя тенденціи среды, которымъ они принуждены были сдѣлать уступки, да и вообще нѣтъ ничего необходимѣе хорошихъ законовъ, хотя бы уже потому, что законъ имѣетъ громадное воспитательное значеніе.

Касаясь народныхъ университетовъ, надо бы было сдѣлать много различій по отношенію къ ихъ происхожденію, характеру, къ ихъ спеціальнымъ тенденціямъ и т. д., а также для того, чтобы имѣть болѣе сложный критерій для ихъ распредѣленія по типичнымъ группамъ. Но мы должны ограничиться самымъ простымъ, именно тѣмъ, что касается формы, болѣе или менѣе ассоціативной, народныхъ университетовъ. Съ этой точки зрѣнія, они могутъ быть легко сведены къ двумъ характеристическимъ группамъ:

a) народные университеты безъ ассоціативной формы и съ несовершенной ассоціативной формой (Римъ, Туринъ, Болонья, Венеція);

b) народные университеты съ совершенной ассоціативной формой (Миланъ, Флоренція).

Оставляя въ сторонѣ всѣ частности, ограничимся только представленіемъ, въ самой краткой формѣ, въ самыхъ существенныхъ чертахъ, схемы уставовъ главнѣйшихъ народныхъ университетовъ, и остановимся болѣе подробно на уставѣ флорентинскаго народнаго университета.

Римскій народный университетъ представляетъ собою особый типъ. На немъ излишне останавливаться долго; достаточно сказать, что онъ находится въ полномъ владѣніи ассоціаціи приватъ-доцентовъ, и его организмъ сводится къ извѣстному числу профессоровъ, читающихъ лекціи, и къ извѣстному числу слушателей, записавшихся на эти лекціи. Уставъ туринскаго университета представляетъ въ нѣкоторой степени ассоціативную форму, далеко, впрочемъ, не совершенную,—но статутъ этотъ былъ

взятъ за модель при составленіи уставовъ другими университетами, и потому заслуживаетъ вниманія интересующихся вопросомъ. Туринскій народный университетъ, первый по времени въ Италіи, возникъ въ средѣ тамошняго государственнаго университета, откуда и специальный типъ, который его характеризуетъ. Это—не „Einrichtung volksthümlicher Universitätsvorträge" при вѣнскомъ университетѣ, и самъ онъ не находится въ зависимости отъ государственнаго университета, также какъ его дѣйствія не зависятъ отъ министра; но покровительство государственнаго университета даетъ, однако, себя сильно чувствовать. Во главѣ народнаго университета стоитъ общій совѣтъ, образующійся изъ a) шести профессоровъ государственнаго университета; b) четырехъ уполномоченныхъ отъ преподавателей; c) уполномоченныхъ отъ слушателей по одному на сто, когда число слушателей не превышаетъ 600 человѣкъ, и по одному на двѣсти, когда число слушателей свыше 600; д) четырехъ гражданъ, извѣстныхъ по дѣятельности и сочувствію народному университету; e) изъ представителей различныхъ учрежденій, обществъ, банковъ и т. д., которые способствуютъ въ широкой степени, и дѣломъ, и деньгами, расширенію народнаго университета. Должности въ туринскомъ университетѣ всѣ годовыя. Общій совѣтъ назначаетъ научную коммиссію, которая заботится обо всемъ, что касается преподаванія, и административную коммиссію для администраціи университета. Президентъ общаго совѣта предсѣдательствуетъ какъ въ той, такъ и въ другой коммиссіи и во всѣхъ случаяхъ является представителемъ народнаго университета. Статутъ предусматриваетъ также образованіе библіотеки только для слушателей. Эти послѣдніе могутъ требовать аттестата по окончаніи курса.

Уставъ болонскаго народнаго университета есть почти сколокъ съ туринскаго, съ самыми ничтожными измѣненіями къ лучшему. Но этотъ университетъ далекъ отъ всякой внѣшней зависимости.

Народный университетъ въ Венеціи представляетъ собой переходную ступень къ новому типу. Хотя его статутъ и отличается значительною краткостью, но тѣмъ не менѣе онъ даетъ намъ ясно опредѣленное о немъ представленіе. Его пунктъ 3-ій говоритъ: „Венеціанскій народный университетъ учреждается членами-акціонерами и его преподавателями. Собраніе акціонеровъ созывается по меньшей мѣрѣ два раза въ годъ, чтобы обсуждать дѣла университета и избирать свой комитетъ управленія, состоя-

щій изъ девяти членовъ, между которыми избирается предсѣдатель". Лекціи въ этомъ университетѣ для всѣхъ даровыя.

Народный университетъ Милана представляетъ собою, такъ сказать, наиболѣе совершенный типъ. Ассоціативная форма тамъ ясно опредѣлена, и миланскій народный университетъ не дѣлаетъ различія между членами и слушателями. Уставъ его—самый обстоятельный; въ нѣкоторыхъ частяхъ своего механизма и въ отдѣльныхъ постановленіяхъ онъ ближе всего подходитъ къ флорентинскому уставу. Онъ управляется общимъ совѣтомъ, состоящимъ изъ пятнадцати членовъ, избранныхъ общимъ собраніемъ, и подраздѣляется на научную секцію и административную. Уполномоченный совѣтникъ предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ и служитъ представителемъ ассоціаціи и университета. Къ научной секціи примыкаютъ различныя спеціальныя коммиссіи: по учрежденію библіотеки, по артистическому воспитанію и т. д.

Самую совершенную форму народнаго университета представляетъ собою—флорентинскій.

Здѣсь мы имѣемъ настоящую ассоціацію, конечная цѣль которой—содержать и поддерживать народный университетъ, откуда и ея названіе: „Ассоціація народнаго университета". Ея 4-ый параграфъ говоритъ: „Ассоціаціи принадлежитъ главное управленіе всѣмъ университетскимъ движеніемъ въ провинціи. Она будетъ поощрять образованіе мѣстныхъ комитетовъ и народныхъ университетскихъ курсовъ въ мѣстахъ, наиболѣе къ тому подходящихъ, и, по возможности, снабжать ихъ своими преподавателями и своимъ дидактическимъ матеріаломъ". Эти мѣстные комитеты могутъ, чрезъ посредство своего уполномоченнаго, принимать участіе въ засѣданіяхъ совѣта, съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Ассоціація снабжена будетъ библіотекой и будетъ поддерживать (насколько дозволятъ ея средства) въ народномъ университетѣ, а также и внѣ его, всѣ тѣ учрежденія, которыя могутъ пополнить цѣли этого послѣдняго. Въ самомъ статутѣ, находится перечисленіе этихъ учрежденій: экскурсіи и посѣщенія, съ научною, артистическою и практическою цѣлью, музеевъ, галерей, фабрикъ, ботаническихъ и зоологическихъ садовъ, монументовъ и т. д.; учрежденіе передвижныхъ библіотекъ, народныхъ конференцій по культурѣ и гигіенѣ,—передвижныхъ каѳедръ,—лѣтнихъ курсовъ,—полезныхъ народныхъ увеселеній (театровъ, представленій, концертовъ),—народныхъ школъ для преній,—совѣщательныхъ бюро юридическихъ, техническихъ и тому подобныхъ для народа;—заемъ книгъ у частныхъ лицъ,—продажа въ долгъ раз-

личныхъ научныхъ предметовъ,—учебная помощь (подготовка, репетиціи),—матеріальная помощь бѣднымъ студентамъ и т. д.

Ассоціація устраняетъ себя отъ всякихъ манифестацій, политическихъ, династическихъ, патріотическихъ и религіозныхъ, и отъ всякаго дѣйствія, не относящагося къ чисто научнымъ цѣлямъ, во имя которыхъ она существуетъ.

Для слушателей нѣтъ никакого ограниченія въ возрастѣ, но оно существуетъ для членовъ ассоціаціи, которые не могутъ имѣть менѣе 18-ти лѣтъ. Они вносятъ 6 лиръ въ годъ, даже съ разсрочкой, и принимаются по простому заявленію, безъ всякихъ другихъ документовъ. Преподаватели по праву становятся членами ассоціаціи.

Ассоціація управляется совѣтомъ, состоящимъ изъ 13 членовъ: 9-ти членовъ, избраныхъ собраніемъ, 2-хъ представителей отъ профессоровъ и 2-хъ отъ слушателей, которые, въ силу ихъ должности, становятся членами по праву. Совѣтъ раздѣляется, какъ и миланскій, на научную секцію и административную. Каждая секція имѣетъ своего президента и другія должности, требуемыя дѣломъ. Всѣ должности, исключая секретаря и эконома, возобновляются каждые три мѣсяца по очереди между членами. Президентъ, въ сущности, есть не что иное, какъ совѣтникъ, уполномоченный представлять въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ ассоціацію и заботиться объ общемъ ходѣ дѣла; во всемъ остальномъ онъ въ зависимости отъ совокупнаго дѣйствія секцій и всего совѣта. Срокъ должности—годъ, и нельзя быть выбраннымъ болѣе двухъ разъ подъ рядъ.

Въ концѣ года совѣтъ управленія представляетъ на обсужденіе и утвержденіе собранія финансовый и дѣловой отчетъ ассоціаціи. Другой отчетъ представляютъ три цензора, должность которыхъ состоитъ именно въ провѣркѣ финансоваго хода ассоціаціи и въ отчетѣ его собранію. За дисциплиной, понятно, слѣдитъ самъ совѣтъ, но противъ рѣшенія этого послѣдняго членъ или слушатель могутъ прибѣгнуть къ комитету третейскихъ судей (probi viri). Этотъ комитетъ состоитъ изъ пяти членовъ; изъ нихъ четыре избраны собраніемъ, а одинъ—слушателями. Судьи эти избираются на годъ и должны судить безапеляціонно всѣ споры, относящіеся къ дисциплинарнымъ мѣрамъ, принятымъ совѣтомъ управленія.

Общее собраніе членовъ созывается въ концѣ года, для избранія членовъ на должности и для обсужденія баланса, но въ исключительныхъ случаяхъ можетъ созываться каждый разъ, какъ того пожелаютъ совѣтъ и десятая часть членовъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ основная схема ассоціаціи народнаго университета въ Флоренціи, какъ она опредѣлена уставомъ. Но въ уставѣ существуютъ еще спеціальныя статьи, относящіяся къ составу преподавателей и слушателей. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ.

Преподаватель пользуется полною свободой преподаванія; онъ долженъ представить научной секціи подробную программу своего курса, т.-е. содержаніе каждой лекціи; кромѣ того—краткое изложеніе всего курса (Syllabus).

Научная секція должна позаботиться о такомъ распредѣленіи лекцій, чтобы слушатели могли посѣщать наибольшее ихъ число.

Если 20 слушателей, записавшихся, или долженствующихъ записаться, потребуютъ какого-нибудь курса, даже съ назначеніемъ личности преподавателя, совѣтъ долженъ учредить этотъ курсъ, если нѣтъ препятствій съ финансовой стороны.

Обыкновенные курсы должны состоять по меньшей мѣрѣ изъ пяти лекцій и не должны превышать двадцати. Лекціи должны быть только двѣ въ недѣлю; третья предназначается, если понадобится, на устныя объясненія, на пренія и вообще на учебныя упражненія.

Таковъ уставъ флорентинскаго народнаго университета, самый обширный изъ всѣхъ.

Но хорошихъ уставовъ недостаточно; необходимо, чтобы совѣты, а въ особенности научныя секціи, были воодушевлены желаніемъ добра. Гдѣ этого недостаетъ—ни къ чему не послужитъ самый лучшій уставъ, какъ безполезенъ самый совершенный законъ, если онъ остается безъ примѣненія. Доказательствомъ этому служитъ болонскій народный университетъ, который, несмотря на свой уставъ, оставляющій многаго желать, можетъ процвѣтать, и флорентинскій, который при своемъ прекрасномъ уставѣ еще очень далекъ отъ того, чего можно было бы ожидать въ такомъ городѣ, какъ Флоренція.

Итальянскій народный университетъ считаетъ за собой только два года жизни, и потому на эти два года нельзя иначе смотрѣть, какъ на пробный періодъ; такъ, по крайней мѣрѣ, и смотрятъ на нихъ тѣ, кто способствовалъ, насколько могъ, образованію новаго учрежденія. Безспорно, какъ при зарожденіи, такъ и при дальнѣйшемъ развитіи, не всѣ народные университеты оказались въ одинаково цвѣтущемъ состояніи, а что касается помощи жителей и числа слушателей, въ особенности изъ народа,

то далеко еще не было того, что предполагалось и желалось. Несмотря на то, опытъ, можно сказать, удался,—не только въ виду прямыхъ результатовъ, но и въ виду косвенныхъ, вызванныхъ имъ.

Италія, какъ извѣстно, изобилуетъ городами, значительными по историческимъ традиціямъ; они были въ прежнія времена центрами торговли, историческихъ и военныхъ дѣйствій, мѣстопребываніями князей и княжескихъ дворовъ, а слѣдовательно и центрами культуры. Въ силу всего этого, централизація политико-административная,—абсолютно не примѣнимая въ странѣ, гдѣ, напротивъ, децентрализація имѣла всегда рьяныхъ авторитетныхъ поборниковъ,—не смогла дать Риму того моральнаго и интеллектуальнаго превосходства, на которое могла бы претендовать столица, и отнять значеніе у другихъ городовъ. Римъ, во многихъ отношеніяхъ, представляетъ собою то же, что и Туринъ, Миланъ, Флоренція и много другихъ городовъ; всѣ они имѣютъ свой собственный характеръ, свою особенность, такъ сказать свою спеціальность. И это, во многихъ отношеніяхъ, большое благо; благо также и по отношенію къ народнымъ университетамъ. Такъ, напримѣръ, римскій народный университетъ, представляющій собою самый плохой типъ учрежденія, не только не имѣлъ никакого вліянія (какъ можно было ожидать отъ столичнаго народнаго университета) на остальные университеты, но современемъ самъ можетъ подвергнуться вліянію другого какого-нибудь университета, лучше учрежденнаго и болѣе авторитетнаго.

Всѣ города въ Италія сохраняютъ нѣчто изъ ихъ прошедшаго престижа, присоединивъ къ тому, какъ новый орнаментъ, новѣйшій престижъ геройскихъ и великодушныхъ дѣяній во имя національнаго освобожденія, или престижъ неожиданнаго развитія индустріи, торговли, искусствъ. Каждый изъ этихъ городовъ имѣетъ или свой государственный университетъ, болѣе или менѣе старинный, или общественный университетъ, зависящій, хотя и подъ наблюденіемъ государства, отъ коммунъ и провинціи, которыя ихъ содержатъ. Эти города, понятно, захотѣли каждый имѣть и свой народный университетъ.

Но въ то время, какъ населеніе городовъ оказывалось зрѣлымъ для народнаго университета, въ то время, какъ идея о немъ все распространялась и выяснялась среди общества,—народный университетъ сдѣлалъ также большіе успѣхи и среди привилегированныхъ классовъ, убѣдивъ даже тѣхъ, кто наиболѣе сомнѣвался въ этомъ отношеніи. Мало-по-малу познакомились съ литературой предмета, съ отправленіемъ и назначеніемъ новаго

учрежденія, и убѣдились въ громадной пользѣ, какой можно ожидать отъ него.

Между многими причинами, облегчившими, на первыхъ шагахъ, дѣятельность народныхъ университетовъ въ Италіи, нельзя не признать поддержки, встрѣченной ими въ министрѣ народнаго просвѣщенія, Нази. Его участіе подѣйствовало въ особенности сильно на людей слабыхъ и настроенныхъ скептически. Министръ самъ открылъ римскій народный университетъ рѣчью, полной симпатіи къ его учрежденію, и отправилъ своего товарища, Кортезе, въ Геную—присутствовать при открытіи тамошняго народнаго университета.

Франч. Парэсче.

Флоренція.

НЕИЗБѢЖНЫЙ ПРОЦЕНТЪ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Большая толпа рабочихъ, землекоповъ, прокладчиковъ рельсъ —стояла у импровизированной рѣшетки, состоявшей изъ поперечной доски, положенной на два некрашенныхъ стола, и получала свою недѣльную плату. За рѣшеткой сидѣло трое: завѣдывавшій на этомъ участкѣ желѣзнодорожными работами инженеръ и двое молодыхъ людей въ форменныхъ тужуркахъ, изъ которыхъ одинъ выдавалъ выкликаемымъ рабочимъ деньги, а другой—записывалъ получки въ толстую книгу.

Несмотря на то, что на дворѣ стоялъ еще сентябрь мѣсяцъ, было уже холодно, что̀ было замѣтно въ этомъ наскоро сколоченномъ баракѣ. Младшій изъ помощниковъ инженера то-и-дѣло дулъ въ свои зябнувшія руки и выводилъ коченѣющими пальцами на бумагѣ какія-то каракули вмѣсто буквъ.

— Мартьяновъ...—продолжалъ выкликать инженеръ.

— Здѣся, — отозвался грязный землекопъ, протираясь плечомъ черезъ кучку товарищей впередъ.

— У тебя вычетъ за два дня,—сказалъ инженеръ.

— За что же-съ, Лександръ Петровичъ?.. Вѣдь я въ трясовицѣ тогда лежалъ...

— А намъ до этого дѣла нѣтъ,—безучастно замѣтилъ инженеръ. — Пролежалъ ли ты ихъ, или прогулялъ — твое дѣло... Вычтете рубль восемьдесятъ копѣекъ,—обратился онъ къ одному изъ юношей.

Землекопъ хотѣлъ, видимо, что-то сказать, но только вздохнулъ, махнулъ рукой и молча получилъ деньги.

Разсчетъ продолжался. Когда послѣднiй рабочiй былъ отпущенъ, инженеръ хлопнулъ рукою по толстой книгѣ и весело сказалъ:

— Баста... Отдѣлались...

Молодые люди откинулись на спинки стульевъ и съ удовольствiемъ потянулись.

— Надоѣдаетъ возиться съ ними, — сказалъ старшiй изъ нихъ и всталъ на ноги.

— Вы въ село?—спросилъ онъ, подходя къ инженеру.

— Конечно, — отвѣчалъ тотъ. — Тамъ у станового кое-кто будетъ. Въ „желѣзную дорогу“ поиграемъ.

Молодой человѣкъ улыбнулся.

— И мы тутъ думаемъ смастерить то же,—сказалъ онъ.

— Добре...—сказалъ инженеръ.—Надо же послѣ недѣльной работы встряхнуться.

— Это правда, Александръ Петровичъ,—а то заскорузнешь совсѣмъ. Ни людей, никакого удовольствiя...

— Ни бабьяго сословiя,—лукаво прищуривая правый глазъ, сказалъ инженеръ.

Юноша засмѣялся и самодовольно покрутилъ свои красивые черненькiе усики.

— Что это за перепелочка вчера изъ вашего барака поутру выпорхнула?—продолжая смѣяться, спросилъ инженеръ.

— Что,—или понравилась?

— Да, не вредный бабецъ... Молодецъ вы! — похвалилъ инженеръ. — Даромъ времени не теряете.

Въ это время подъ окнами конторы послышался топотъ лошадей и „тпрунканье“ возницы.

Инженеръ выглянулъ въ окно и сказалъ:

— А вотъ и лошадь за мной отъ станового прiѣхала. Ну, прощайте, господа.

И, пожавъ руки молодымъ людямъ, онъ вышелъ изъ барака.

— У васъ сегодня карты, Оборотниковъ? — спросилъ тотъ, который помоложе.

— Да. Придетъ кое-кто. Съ того участка контролеръ хотѣлъ прiѣхать... Не хочешь ли и ты?

— Нѣтъ,—ты знаешь, что я не люблю картъ, — усталымъ голосомъ отвѣчалъ товарищъ.

— Знаю, знаю,—усмѣхнулся Оборотниковъ:—карты—банкротство мысли, какъ говоришь ты. Стало быть, спать завалишься?

— Нѣтъ, пойду, по работамъ поброжу.

— И то дѣло... Кстати, посмотри на тотъ пролетъ, что черезъ пригорокъ прорытъ. Ровно ли въ немъ?

— Ладно, посмотрю.

Оборотниковъ вынулъ изъ изящной папиросницы папиросу, закурилъ ее и сталъ смотрѣть въ окно.

Товарищъ его, Снарскій, перебиралъ на столѣ какія-то бумаги и укладывалъ ихъ въ портфель; но по разсѣянному лицу и невнимательному взгляду его большихъ синихъ глазъ было видно, что его мысли были заняты не этимъ.

Въ дверь просунулась чья-то голова. Оборотниковъ оглянулся на скрипъ.

— Ты что?—спросилъ онъ вошедшаго десятника.

— А я къ вамъ, Аркадій Степановичъ,—отвѣчалъ тотъ.— Одинъ рабочій у насъ со вчерашняго дня захворалъ. Отправить бы его надо въ больницу, что-ли?

— Ну, что же,—везите.

— Не довезутъ вѣдь его: до больницы-то тридцать верстъ. Горячка, должно быть.

— А ужъ это его дѣло... — равнодушно отозвался Оборотниковъ. — Докторовъ у насъ нѣтъ... Вольно же ему было захварывать...

— Это вѣрно, что мы тому непричинны... Видно, отправить придется.

И десятникъ вышелъ вонъ.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

Оборотниковъ покуривалъ папиросу и барабанилъ пальцами по оконному стеклу. Снарскій тоже молчалъ, заложивъ руки въ карманы.

— Послушай, Оборотниковъ,—наконецъ, сказалъ онъ.

Тотъ обернулся.

— Развѣ нельзя больше ничего сдѣлать?.. — началъ-было Снарскій и тотчасъ же запнулся.

Оборотниковъ съ удивленіемъ взглянулъ на него, и даже рука съ поднесенной ко рту папиросой застыла на полпути.

— Ты это про что же?—спросилъ онъ.

— Да, вотъ, для этого рабочаго, который захворалъ?..

Оборотниковъ еще разъ недоумѣло посмотрѣлъ на товарища и затѣмъ раскатисто разсмѣялся.

— Фу, чортъ!.. Я думалъ, ты про что... А онъ вонъ про что... Опять засантиментальничалъ... Ахъ, ты, будущій инженеръ!..

Человѣкъ практики... Когда ты эти свои бабьи сантименты бросишь?

Снарскій густо покраснѣлъ и сказалъ со злостью:

— Нечему, кажется, смѣяться тутъ... Дѣло тутъ вовсе не въ сантиментальности...

— А въ чемъ же? — продолжалъ иронизировать Оборотниковъ.

Снарскій и самъ хорошенько не зналъ, въ чемъ дѣло, но только онъ чувствовалъ, что все „какъ-то не такъ"... Зачѣмъ давеча оштрафовали рабочаго, схватившаго малярію въ этой нездоровой мѣстности и пролежавшаго изъ-за этого двое сутокъ?.. А этотъ землекопъ, про котораго говорилъ сейчасъ десятникъ... Если у него горячка,—а это не диво въ этомъ проклятомъ болотистомъ краѣ,—то до больницы довезутъ только его трупъ...

И его возмущала та черствость и безсердечіе, которое онъ видѣлъ въ подобныхъ случаяхъ со стороны завѣдующаго работами, Оборотникова и другихъ начальствующихъ лицъ на строящемся участкѣ дороги.

— Ты еще, голубушка, молоденекъ,—продолжалъ говорить Оборотниковъ, развалясь на стулѣ и пуская изо рта клубы дыма. —Не освоился еще съ жизнью. Вѣдь жизнь—это только борьба за существованіе. Кто кого смогъ, тотъ того и съ ногъ. Безъ этого принципа не было бы ни прогресса, ни цивилизаціи. Ты думаешь, что прогрессъ основанъ вотъ на такихъ сантиментальностяхъ, которыми ты зараженъ, и двигается такими людьми, какъ ты?.. Ошибаешься, милый человѣкъ. Прогрессъ двигается желѣзными законами борьбы за существованіе. А въ борьбѣ безъ жертвъ не обходится. Это исторически необходимо. Ну, такъ стоитъ ли, подумай, ронять слезы да разстраивать себя при видѣ того, какъ неприспособившіеся гибнутъ? Значитъ, туда имъ и дорога. А при поступательномъ движеніи прогресса, могучимъ двигателемъ котораго въ настоящее время является капиталъ, безъ неизбѣжнаго процента убыли въ живыхъ машинахъ, т.-е. людяхъ, не обходится.

— Я это ужъ не разъ слышалъ отъ тебя, Оборотниковъ,— тихо сказалъ Снарскій.

— Ну, да, я знаю, что я это тебѣ не разъ говорилъ, и каждый разъ надѣюсь привить тебѣ правильный и трезвый взглядъ на вещи и вылечить тебя отъ ненужной сантиментальности.

Въ словахъ Оборотникова слышалась какая-то непоколебимая увѣренность въ справедливости собственныхъ взглядовъ.

— Вотъ ты сказалъ сейчасъ о какомъ-то неизбѣжномъ процентѣ убыли въ рядахъ живыхъ машинъ. Развѣ онъ, этотъ процентъ, такъ ужъ неизбѣженъ? — немного помолчавъ, спросилъ Снарскій.

— А то какъ же?—воскликнулъ Оборотниковъ.—Вѣдь безъ этого не можетъ обойтись прогрессъ. Люди — это тѣ маленькія песчинки, которыя попадаютъ подъ колеса телѣги и, взметанныя вверхъ вращательнымъ движеніемъ, отбрасываются далеко прочь. Что съ ними будетъ дальше, — это никого не интересуетъ, и песчинки валяются тамъ, раздавленныя на болѣе мелкіе кусочки, позабытые, никому не нужные. А телѣга-то все дальше катится и на дальнѣйшемъ пути продолжаетъ давить еще тысячи такихъ песчинокъ... Таковъ желѣзный законъ прогресса, братъ.

— Знаешь, ты такую безнравственность проповѣдуешь этимъ своимъ „неизбѣжнымъ процентомъ", что... что...—не выдержалъ Снарскій и, махнувъ рукой, поднялся съ мѣста.

Оборотниковъ равнодушно пожалъ плечами: онъ казался самому себѣ правымъ.

— А вонъ и партнёры идутъ!..—воскликнулъ онъ, увидавъ въ окно идущихъ по направленію къ конторѣ знакомыхъ людей.

Снарскій отыскалъ на подоконникѣ свою фуражку и вышелъ вонъ.

На крыльцѣ онъ равнодушно поздоровался съ пришедшими гостями и спустился внизъ.

Вся мѣстность, гдѣ строилась эта новая вѣтка желѣзной дороги, была изрыта. Вездѣ виднѣлись кучи земли, насыпи, четырехъ-угольныя квадратныя ямы, бунты камня, бочки цемента и извести, тачки... Участокъ имѣлъ оживлённый видъ. Вездѣ были раскинуты землянки и шалаши изъ древесныхъ сучьевъ и хвороста и деревянные бараки для высшихъ служащихъ персонала. На самомъ краю пріютился баракъ лавочника, торговавшаго табакомъ, калачами, сушеной рыбой и другой незатѣйливой снѣдью и припасами, необходимыми для рабочихъ на работахъ. Потихоньку торговалъ онъ и водкой, а для инженеровъ и подрядчиковъ держалъ коньякъ и даже имѣлъ въ запасѣ нѣсколько бутылокъ шампанскаго.

Сегодня была получка, — и потому лавочникъ торговалъ на славу.

Снарскій, проходя мимо, видѣлъ цѣлую толпу у барака, покупавшую то то, то другое.

— „Феникса" восьмушку?.. Изволь, дядя...—говорилъ лавочникъ, топчась на одномъ мѣстѣ и доставая съ полокъ требуемый

товаръ, для чего ему приходилось, топчась на одномъ мѣстѣ, вертѣться въ разныя стороны.

Рабочій протягивалъ руку.

— Да постой, постой, Елистратъ!.. — вдругъ вспоминаетъ что-то лавочникъ. — За тобой еще должокъ есть... Позволь-ка получить сначала!

И пачка „Феникса" кладется опять на мѣсто.

— А много ли тамъ за мной, дядя Семенычъ? — спрашиваетъ рабочій.

Лавочникъ глядитъ въ грязную, замасленную, съ захватанными листами, книжку, и отвѣчаетъ:

— Рупь шесть гривенъ, полупочтенный.

— Что ты, что ты, дядя Семенычъ!..—изумляется рабочій.— Откуда жъ это? Да я у тебя всего на цѣлковый забралъ, да копѣекъ на пятнадцать третьёводни кое-что еще искупилъ... Откуда жъ рупь-то шесть гривенъ?..

— А процентъ-то мнѣ, милый, забылъ?... Вѣдь долженъ же я на капиталъ-то процентъ какой нажить... Вотъ тебѣ и вышло рупь шесть гривенъ...

Снарскій пошелъ дальше.

„И этотъ тоже обираетъ"... подумалось ему.

Дѣйствительно, здѣсь всѣ обирали. Снарскій зналъ это хорошо. Также слыхалъ онъ, что большая часть штрафовъ идетъ въ карманы завѣдующаго работами и другихъ начальствующихъ на стройкѣ лицъ; что людей часто обсчитываютъ при получкахъ; что даже мелкія сошки—и тѣ стараются сорвать съ нихъ что-нибудь въ свою пользу. Еще недавно онъ узналъ про существованіе „тонкихъ" и „толстыхъ" саженей. „Тонкой" саженью называлась обыкновенная сажень и ею отпускалась работа; „толстою" же—работа принималась. Получавшаяся разница между ними шла въ карманъ десятниковъ.

Когда Снарскій узналъ, въ чемъ дѣло, онъ накинулся на десятника.

— Вѣдь ты воруешь кубики у рабочихъ, мерзавецъ!—вспылилъ онъ, и пожаловался завѣдующему работами на такое явное обирательство рабочихъ.

Но тотъ зналъ, въ чемъ дѣло, — и хладнокровно отвѣчалъ, пожимая плечами:

— Что же,—онъ правъ... Если онъ будетъ мѣрять нормальной саженью, тогда при пріемѣ придется скинуть нѣсколько „сотокъ". Казна этого требуетъ. А своей саженью онъ намъ же облегченіе дѣлаетъ.

И такимъ образомъ, протестъ Снарскаго не послужилъ ни къ чему.

Около одной изъ землянокъ слышался шумъ. Тамъ подъ звуки разбитой гармоники, наигрывавшей разухабистую камаринскую, какой-то пьяный рабочій выдѣлывалъ ногами замысловатые вензеля.

— Эхъ, гуляй душа!..—по временамъ выкрикивалъ онъ.— На послѣднія...

Толпа кругомъ гоготала и подзадоривала пляшущаго.

— А ты, братъ, порты-то сними... Легчае будетъ...

Пляшущій остановился.

— Ты эфто къ чему говоришь?.. Думаешь, мы и портовъ пропить не смѣемъ?.. Али съизнова не заработаемъ ихъ?.. Заработаемъ, милъ человѣкъ, не безпокойся... А что приказчикъ обсчиталъ меня, такъ это наплевать ему въ его рыжую рожу... Пусть на саванъ ему мои деньги пойдутъ...

— А съ чѣмъ домой-то вернешься?—спросилъ какой-то пожилой мужикъ, жевавшій воблу.

— Домой-то?..—какъ-то призадумался плясавшій и почесалъ у себя въ головѣ.

Но затѣмъ онъ отмахнулся отъ этой мысли, какъ отъ назойливой мухи, и воскликнулъ:

— А, ну тебя къ лѣшему!.. Прошка, проклятая душа!.. Валяй!.. Во всю!..—обратился онъ къ игравшему на гармоникѣ рабочему.

И опять мелкой дробью раздались пискливые звуки камаринской.

— Господину Снарскому!.. — раздался около него чей-то голосъ.

Онъ обернулся. Возлѣ стоялъ и кланялся приказчикъ Перфильевъ. Снарскій подалъ ему руку.

— Гулять изволите?—спросилъ приказчикъ.

— Да, гуляю.

— Чудесная погода, доложу вамъ...

— Чего лучше... — усмѣхнулся Снарскій: — кругомъ вонъ какія болота.

Дѣйствительно, отъ болотъ, разбросанныхъ кругомъ работъ, поднимался кверху густой туманъ.

— Это вѣрно-съ, что здѣсь сыровато будетъ... Народъ страсть мучается трясовицей... На той недѣлѣ одного изъ моей артели схоронили... Отъ горячки померъ... Да вотъ сегодня еще одинъ захворалъ...

Онъ помолчалъ немного, идя рядомъ съ Снарскимъ.

— А я тутъ со своими вотъ все возился... — продолжалъ онъ дальше.—Вотъ, скажу вамъ, каторжный-то народъ!.. Никакихъ, то-ись, съ ними ладовъ нѣтъ... На дняхъ чуть бунтъ не подняли...

— Ну, ужъ и бунтъ!..—усмѣхнулся Снарскій.

— Бунтъ не бунтъ, а на манеръ какъ бы такой прокламаціи... Вишь—имъ корма плохи... Солонина тухлая... Оно, положимъ, немножечко, правда, припахивала малость... Такъ вѣдь не кормить же ихъ бифштексами... Дома-то все пустыя щи лаптемъ хлебали, а здѣсь солонина плоха стала... Еле-еле успокоилъ ихъ... Озорной народъ... Босяковъ много...

— Поди, и безпаспортные есть?—усмѣхнулся Снарскій.

Приказчикъ скосилъ въ сторону свои плутоватые глаза.

— Да ужъ, конечно, не безъ этого. У насъ такое дѣло... Такъ вѣдь съ безпаспортными-то лучше дѣло вести... Такой не пойдетъ ни къ кому съ жалобой, потому у него начальство первымъ долгомъ паспортъ спроситъ... А затѣмъ и по этапу его, милаго дружка... Прощенья просимъ-съ. Мнѣ въ эту сторону...

Приказчикъ распростился съ Снарскимъ и скрылся гдѣ-то въ ночной тьмѣ.

„Всѣ тутъ наживаются... — подумалъ Снарскій, глядя ему вслѣдъ. — Этотъ еще посовѣстливѣе другихъ будетъ. Другіе еще хуже"... Тутъ ему вспомнилось, какъ одинъ изъ строителей дороги набросился разъ на подрядчика за то, что тотъ поставилъ для дороги плохія шпалы.

— Да понимаешь ли ты, что изъ-за этихъ твоихъ гнилыхъ шпалъ можетъ крушеніе произойти, мерзавецъ ты этакій?.. Сколько по твоей милости тогда народу можетъ погибнуть!..

Снарскій каждый день слышалъ разговоры о качествѣ матеріаловъ, о достоинствѣ того или другого способа стройки какой-нибудь части дороги. Но никто никогда ни слова не произносилъ о людяхъ, работающихъ здѣсь, о ихъ интересахъ.

„Обо всемъ-то они думаютъ,—подумалъ тогда Снарскій.— Только вотъ о нихъ никто не думаетъ"...

„Они" въ его представленіи были эти мужики, которые пришли сюда на заработки изъ-за тысячи верстъ, изъ голодающихъ губерній, чтобы хотя какъ-нибудь прокормить себя въ этотъ тяжелый годъ... Они дѣлали здѣсь тяжелую работу, жили въ отвратительныхъ санитарныхъ условіяхъ, плохо питались и, въ заключеніе, были обсчитываемы и обираемы всѣми, кто могъ это дѣлать.

Здѣсь ему вспомнились слова Оборотникова — и его опять возмутили взгляды товарища, смотрѣвшаго на рабочую массу, какъ на бездушную машину, у которой нѣтъ ни нервовъ, ни мозга. Что представляли въ его абстрактномъ представленіи эти гибнущіе здѣсь люди? Умретъ одинъ, освободитъ мѣсто,—и на послѣднее найдется сотня другихъ такихъ же голодныхъ людей, которые будутъ такъ же работать, болѣть и гибнуть, съ тѣмъ, чтобы освободить свое мѣсто для новыхъ голодныхъ людей. Вѣдь не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, приходила сюда цѣлая толпа мужиковъ—наниматься на работу—и принуждена была уйти обратно, такъ какъ рабочихъ рукъ было довольно и онѣ не были больше нужны. И никто не обращалъ вниманія на тѣ полные отчаянія взоры, которые свѣтились въ глазахъ уходившихъ рабочихъ, какъ никто не обращаетъ вниманія на всѣ тѣ отвратительныя условія, среди которыхъ живутъ здѣсь люди.

— Вѣдь это же „неизбѣжный процентъ“...—горько шевелилось въ мозгу Снарскаго.

Онъ вошелъ на пригорокъ и оглянулся кругомъ на разстилавшееся передъ нимъ пространство, занятое работами,—и въ эту минуту почувствовалъ, какъ ему вползаетъ въ грудь какое-то враждебное чувство къ этому маленькому кусочку цивилизаціи, во имя которой на этомъ небольшомъ пространствѣ земли совершается столько несправедливостей...

Надвигалась ночь... Кое-гдѣ начали зажигаться костры...

II.

Бойкая тройка лошадокъ, запряженныхъ въ удобный тарантасъ, ретиво подхватила съ мѣста и понесла съ работъ.

Кучеръ пристава хорошо зналъ инженера Воеводскаго, отъ котораго ему не разъ перепадало на чай, и потому съ почтительной фамильярностью обратился къ нему:

— А у насъ севодни будетъ весело, Лександръ Петровичъ.

— Ну?—ухмыльнулся Воеводскій.—А „куропатки“ будутъ?

— Такъ точно-съ... — засмѣялся кучеръ. — Будутъ, потому самому, какъ баринъ барыню въ городъ спровадилъ къ доктору.

Воеводскій весело засмѣялся.

— Вотъ это дѣло!.. Значитъ, во всю?

— Какъ есть во всю, Лександръ Петровичъ... — засмѣялся кучеръ.

Воеводскій даже глаза зажмурилъ отъ предвкушенія будущаго удовольствія.

— А еще кто у васъ сегодня будетъ, Иванъ? — спросилъ онъ.

— Да все тѣ же, Лександръ Петровичъ: соловцовскій управитель, докторъ, дьяконъ.

Воеводскій хотѣлъ что-то еще спросить, но, видимо, почему-то не рѣшался. Но, наконецъ, спросилъ:

— Ну, а Анютка какъ, Иванъ?

Кучеръ весь повернулся къ нему и осклабился во все свое широкое лицо.

— Ужъ и старался же я для васъ, Лександръ Петровичъ... Во̀ какъ!.. Третьеводнись такъ ее уламывалъ, ажно весь взмокъ... Ей Богу...

У Воеводскаго даже дыханье захватило, но онъ все-таки старался выдержать равнодушный видъ.

— Ну, и что̀ же?

— Уломалъ-таки...

— Молодецъ ты, Иванъ!—не выдержалъ Воеводскій и даже заёрзалъ на мѣстѣ.

Иванъ вдругъ покатился со смѣху, вспомнивъ что-то смѣшное.

— Ужъ я на обманъ пустился для васъ, Лександръ Петровичъ,..—произнесъ онъ среди смѣха.—Грѣхъ на душу взялъ... Все для васъ...

— А что̀?

— Да говорю ей: „Онъ тебя, дура, замужъ можетъ взять... Не сразу, конечно, а когда ты на себя образованную полированность наведешь... Сначала, молъ, въ икономкахъ у него побудешь... А потомъ онъ можетъ тебя и замужъ взять“...

Воеводскій залился смѣхомъ. Кучеръ вторилъ ему.

— А, чтобъ тебя, дьяволъ!.. Ишь вѣдь что̀ выдумалъ!.. Какую мину подпустилъ...

— Ладно вѣдь, Лександръ Петровичъ?... На манеръ, выходитъ, динамиту...

— Ладно, ладно... Чего не ладно...—продолжалъ смѣяться Воеводскій.—Ну, красную за мной считай...

— Покорнѣйше благодаримъ, Лександръ Петровичъ... Для васъ, значитъ, завсегда готовъ стараться... Истинно можно сказать, облагодѣтельствовали вы нашу округу...—и немного помолчавъ, продолжалъ онъ:—Потому какъ, значитъ, стали вы эфту самую чугунку проводить, такъ только мы и свѣтъ-то увидали... А то до того что̀ здѣсь было?.. Деревня глухая... Одно слово—

дичь непролазная... А теперь, значитъ, вы людямъ заработокъ даете... Да и пришлаго народу около дороги много кормится...

Но Воеводскій плохо слушалъ его разсужденія. Въ это время онъ ощупалъ свой карманъ, гдѣ лежала пачка денегъ довольно толстая.

„Рублей четыреста есть...—думалъ онъ.—Хватитъ сегодня отыграться. Въ прошлый разъ докторъ меня здорово нагрѣлъ... Ну, а сегодня еще посмотримъ—кто кого... Вотъ только нынѣшнюю недѣлю штрафовъ мало было... Да Дандуринъ обманулъ меня... Хотѣлъ три сотни прислать, а не прислалъ... Ну, да за это я его на той недѣлѣ на известкѣ прижму... Тогда не три сотни отвалитъ, а и всѣ четыре"...

Двадцать верстъ бойкая тройка проскакала быстро, и село Верхнее скоро показалось на пригоркѣ. Становой ждалъ гостя на крыльцѣ. Это былъ высокій, грузный мужчина, съ широкимъ, краснымъ лицомъ, съ рыжими бакенбардами, въ распахнутомъ бѣломъ кителѣ, воротъ котораго открывалъ толстую, жирную шею.

— Другъ сердечный...—закричалъ онъ, когда тарантасъ съ инженеромъ подъѣхалъ къ крыльцу.—Ждемъ не дождемся... Всѣ въ сборѣ... Ужъ тамъ публика не вытерпѣла и пока промежъ себя банчокъ заложила...

Воеводскій вылѣзъ изъ тарантаса и поздоровался съ приставомъ.

Въ открытыя окна становой квартиры слышался шумъ, голоса и звонъ посуды. Расторопный полицейскій урядникъ то-и-дѣло бѣгалъ на кухню съ посудою и бутылками въ рукахъ.

Инженера всѣ встрѣтили радостными восклицаніями: онъ всегда былъ при деньгахъ и велъ крупную игру.

— Съ дорожки-то выпить,—предложилъ становой.—Вамъ чего прикажете?

— Да по обыкновенію.

— Финь?

— Конечно.

Становой налилъ большую рюмку коньяку, которую Воеводскій выпилъ и сталъ тщательно обсасывать посыпанный мелкимъ сахаромъ ломтикъ лимона.

— А повторить?.. Отвѣдайте-ка балычка, Александръ Петровичъ... Рекомендую... Сегодня съ пристани привезли... Свѣжій...

Повторили и закусили.

— А ну что, господа, золотое время терять?—сказалъ докторъ, плотненькій господинъ въ бѣломъ чесучевомъ пиджакѣ и съ золотыми очками на носу.—Не заложить ли банчокъ?

Предложеніе было принято—и всѣ сѣли за столъ.

Когда Воеводскій вынулъ изъ кармана пачку депозитокъ и, положивъ ее на столъ, случайно поднялъ голову, онъ увидалъ, что глаза его партнеровъ были жадно устремлены на деньги. Онъ невольно усмѣхнулся себѣ въ бороду, такъ какъ самъ былъ страстный игрокъ и хорошо понималъ, какія чувства волновали остальныхъ.

Игра началась.

Когда былъ сдѣланъ перерывъ, чтобы „промочить горло", управляющій имѣніемъ въ Соловцовѣ сказалъ тихо Воеводскому:

— Александръ Петровичъ... На два слова...

Они отошли въ сторону, и онъ началъ что-то шептать Воеводскому.

Тотъ молча слушалъ его и только плотно сжималъ губы.

— Такъ какъ же, Александръ Петровичъ? — просительно взглянулъ ему въ глаза управляющій.

— Мм...—неопредѣленно промычалъ Воеводскій.—То-есть, какъ вамъ сказать? Въ этомъ матеріалѣ мы въ настоящее время не нуждаемся...

„Вретъ шельма!..—думалъ въ это время про себя управляющій.—На будущей недѣлѣ у нихъ конецъ камню выходитъ... Я хорошо это знаю... Попросту прижать хочетъ"...

— Ну, для будущаго возьмите... Мнѣ бы только съ нимъ руки развязать... Ужъ я поблагодарилъ бы васъ за это...—еще тише добавилъ онъ.

— Мм...—продолжалъ мычать Воеводскій и затѣмъ процѣдилъ сквозь зубы, скашивая глаза въ сторону и какъ бы интересуясь тѣмъ, какъ дьяконъ намазываетъ икру на кусокъ хлѣба:

— А сколько процентовъ?

— А сколько бы вы хотѣли, Александръ Петровичъ?—встрепенулся управляющій.

— Давайте двадцать—тогда возьму.

— Не много ли будетъ, Александръ Петровичъ?.. Съ другихъ, помнится, вы по десяти брали...

— Ну, какъ хотите,—равнодушно отозвался Воеводскій.—Съ этимъ ко мнѣ вонъ изъ Варнавина насылались... Тамъ и всѣ двадцать пять дадутъ...

„Вретъ, навѣрное...—подумалъ про себя управляющій.—А впрочемъ, шутъ его знаетъ,—можетъ быть, и правду говоритъ"...

— Ну, извольте ужъ... По рукамъ, значитъ?

— По рукамъ... Присылайте на дняхъ... Я скажу—сколько...

И собесѣдники опять сѣли за столъ.

— А докторъ гдѣ?—хватился кто-то.

Всѣ оглянулись: доктора, на самомъ дѣлѣ, не было.

— Я знаю, куда онъ пошелъ...—засмѣялся становой.—Любитъ нашъ докторъ клубничку... Слабенекъ онъ по этой части... Къ „куропаткамъ“, поди, пошелъ...

Всѣ засмѣялись.

— А хороши?—спросилъ кто-то.

— А вотъ посмотрите... Жену я спровадилъ... Теперь свободно...

Всѣ поднялись съ мѣста и направились въ другой конецъ дома.

Тамъ изъ-за закрытыхъ дверей слышалась какая-то возня, женскій визгъ и раскатистый басъ доктора.

III.

Снарскій подошелъ къ рѣкѣ. Тамъ медленно катилась по тинистому дну желтоватая вода. Воздухъ былъ тяжелъ отъ массы поднимающихся кверху испареній, благодаря множеству органическихъ остатковъ, медленно разлагавшихся на днѣ.

Зажимая носъ отъ невыносимаго запаха, Снарскій зашагалъ въ противоположную сторону и вышелъ далеко за предѣлы участка.

Здѣсь было тихо, такъ какъ сегодня вся жизнь отхлынула отсюда къ центру, къ лавкамъ и тайнымъ кабакамъ.

Далеко, на самомъ берегу рѣки, Снарскій увидалъ маленькій огонекъ, около котораго двигалась какая-то темная фигура. Снарскій направился туда, и скоро былъ около костра, гдѣ у плохо разгорѣвшагося огня стоялъ старикъ и съ терпѣніемъ дулъ на небравшійся огнемъ сырой валежникъ.

Снарскій зналъ этого старика. Это былъ паромщикъ, перевозившій съ одного берега на другой на паромѣ цѣлые обозы съ матеріаломъ для дороги и рабочихъ.

— Здравствуй, дѣдъ!—сказалъ, подойдя, Снарскій.

Не слыхавшій, какъ подошелъ Снарскій, старикъ угрюмо поднялъ голову, снялъ шапку и, поклонившись ему, что-то пробурчалъ подъ носъ.

Снарскій зналъ, что паромщикъ не изъ разговорчивыхъ; онъ никогда по этой причинѣ съ нимъ не разговаривалъ, но сейчасъ ему не хотѣлось идти туда, къ себѣ въ баракъ, гдѣ всю ночь не будетъ давать спать играющая въ карты шумливая

компанія, или въ загулявшій на всю ночь участокъ,—и онъ присѣлъ на землю около костра.

— Что не веселъ?—спросилъ онъ старика, забавляясь его нахмуреннымъ лбомъ.

— А чему радоваться-то?—хмуро отвѣчалъ тотъ.

— Али не весело живется?

— Чай, въ могилѣ веселѣе... Маешься, маешься цѣльный день,—ни минуты тебѣ спокою... Да и ночью-то тожъ... Вотъ сиди да жди тутъ...

— Развѣ кого-нибудь перевозить будешь?

— Да вонъ тамъ одинъ паренекъ захворалъ,—сказалъ онъ, мотая головою куда-то въ пространство.—Въ больницу его, слышь ты, десятникъ сказывалъ, хотятъ отправлять... А чего его и везти-то?.. На полдорогѣ помретъ... Горячка, должно быть... И чего только фершала сюда не возьмутъ?.. Народу тысячи... Кругомъ сырость... Какъ тутъ горячки не схватить?... За мѣсяцъ-то ужъ троихъ схоронили...

— А гдѣ онъ, этотъ парень?—спросилъ Снарскій.

— Аль взглянуть хошь?.. Вонъ тамъ въ шалашѣ... — кивнулъ онъ головой въ лохматой шапкѣ въ сторону.

Снарскій оглянулся и пошелъ по направленію къ угрюмо стоящему невдалекѣ отъ обрыва, покосившемуся на бокъ шалашу, сооруженному изъ жердей, досокъ и ивняка. Оконъ въ немъ не было; вмѣсто дверей зіяла чернымъ жерломъ небольшая дырка, сквозь которую нужно было пройти наклонившись, чтобы войти въ шалашъ.

Снарскій, нагнувъ голову, вошелъ туда. Тьма кругомъ охватила его; ничего не было видно—и только въ одномъ углу слышалось чье-то мѣрное, тяжелое и рѣдкое дыханіе, точно отдаленное пыхтѣніе слабаго паровика.

Онъ зажегъ спичку и оглядѣлся кругомъ.

Въ одномъ углу, прямо на землѣ лежало что-то длинное и тонкое, прикрытое сверху рванымъ полушубкомъ съ вылѣзшей мѣстами сѣрой шерстью. Это что-то лежало недвижно, и только пальцы высунувшейся изъ-подъ полушубка руки нервно перебирали на землѣ, да слышалось оттуда по временамъ тяжелое дыханіе.

Спичка погасла.

— Не видишь ничего?—вдругъ послышался голосъ старика, —и Снарскій увидалъ вырисовавшуюся въ полусѣромъ пятнѣ дверей темную фигуру.

— Постой-ка-сь, я тебѣ сейчасъ фонарь принесу,—сказалъ онъ и скрылся.

Черезъ минуту онъ показался опять, держа въ рукахъ старый фонарь съ изогнутыми металлическими прутьями и выбитымъ стекломъ.

— Вздуй-ка, родной, спичечку... Тутъ огарочекъ есть... Кostришко-то мой такъ и не разжегся... Зажечь-то и нечѣмъ...

Снарскій чиркнулъ спичкой по коробкѣ и зажегъ вынутый старикомъ маленькій огарокъ свѣчки.

— Вотъ вѣдь народъ-отъ какой!..—говорилъ старикъ, ставя на землю фонарь. — Вишь самъ, какой огарышекъ-то... А вѣдь за нимъ и то въ контору ходилъ четыре дня... „Никакъ, молъ, безъ огня не можно... Потому какъ иногда ночью перевозъ бываетъ... Хоть какой маленькій дайте“... Насилу выпросилъ... Ну, и народъ!..—закачалъ онъ головой.

Снарскій съ зажженнымъ огаркомъ шагнулъ къ лежавшему на землѣ рабочему и, присѣвъ на корточки, откинулъ съ его головы полушубокъ.

Первое ощущеніе, которое онъ испыталъ въ ту же минуту, было ощущеніе жара, пахнувшаго ему прямо въ лицо отъ покраснѣвшей физіономіи лежавшаго. Это былъ еще молодой парень, совсѣмъ безусый. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, съ прядью спутанныхъ волосъ, нависшихъ на лицо и закрывавшихъ лѣвое ухо и щеку, съ плотно стиснутыми зубами и съ потрескавшейся отъ жара кожей на губахъ. Грязная посконная рубаха была открыта на груди и открывала впалую чахлую грудь съ выступающимъ гребнемъ грудной кости.

Снарскій приложилъ руку ко лбу. Онъ былъ горячъ.

„Тифъ, навѣрное“,—подумалъ онъ.

— Откуда?—обратился онъ къ старику, присѣвшему возлѣ на корточки.

— А нашинскій: изъ казанской... Голодуха у насъ теперича тамъ... Ну, мы и порѣшили сюда иттить... Узнали, что здѣсь чугунка будетъ строиться,—ну, и того... Мать-то евоная,—кивнулъ онъ головой на парня,—не пущала все... Старуха она у него... Мужика нѣтъ, одинъ сынъ вотъ... „Куда, гритъ, ты пойдешь?.. На кого меня, старуху, покидаешь?.. А ежели захвораешь да помрешь, я-то какъ останусь“?.. Ну, потомъ пустила... На дорогу все мнѣ наказывала: „побереги его, дядя Миколай, ради Христа... Самъ знаешь, одинъ онъ у меня“... А тутъ вотъ нà какая притча... Да и какъ не захворать здѣсь?.. — махнулъ онъ рукой. — Спишь на голой землѣ, воду пьешь такую, что и скотина не станетъ пить ее, не то что...

— Такъ что же,—въ больницу его надобно отвезти,—сказалъ Снарскій.

— Знамо, въ больницу,—подхватилъ старикъ.—Я еще вчерась ходилъ въ контору, докладывалъ... „Погоди, говорятъ, не до твоего больного здѣсь“... — Да вѣдь парень-то, молъ, дюже боленъ... — „Не великъ, отвѣчаютъ, баринъ твой парень. Не помретъ, авось“... Только вотъ сегодня десятникъ выхлопоталъ телѣгу для него... знать, скоро будетъ...

При этомъ онъ высунулъ голову въ отверстіе наружу и сталъ вглядываться подслѣповатыми глазами въ ночную тьму.

Снарскому тутъ вспомнился одинъ изъ его товарищей по институту, котораго онъ разъ посѣтилъ, когда тотъ лежалъ въ больницѣ больной тифомъ. У того было тоже такое воспаленное лицо и на головѣ лежалъ гуттаперчевый пузырь со льдомъ.

— Тряпку мокрую хоть, что-ли, положить бы ему на голову,—вслухъ произнесъ онъ.

— Чего прикажете?—не понялъ старикъ.

— Принеси-ка сюда въ ведеркѣ воды, да нѣтъ ли у тебя какой-нибудь тряпки? На голову ему вотъ положить надо.

— Какъ не быть тряпки?.. Тряпку найдемъ... У меня вонъ порты совсѣмъ расхудились, такъ я ихъ разорвалъ... Думалъ, на заплаты пойдетъ... И водички изъ рѣчки сейчасъ тебѣ принесу...

И онъ выползъ вонъ изъ шалаша.

Снарскій присѣлъ около больного, поставилъ возлѣ фонарь и, обхвативъ руками колѣни, задумался.

Въ его головѣ было какъ-то смутно. Въ мозгу безо всякой связи проносилась насыпь новой дороги, съ фашинированными боками, интервалы съ жиденькими мосточками, по которымъ, какъ муравьи, торопливо пробѣгали люди, таща тачки съ землей, утопающіе по щиколотку въ грязи рабочіе, вбивающіе сваи для будущихъ мостовъ. Или представлялась контора со всѣми находящимися тамъ,—надушеннымъ и откормленнымъ Воеводскимъ, безучастнымъ ко всему, фанатично вѣрящимъ въ прогрессъ и цивилизацію Оборотниковымъ, и безличными конторщиками. И тутъ же рядомъ вырисовывалась старуха, провожающая со слезами своего единственнаго сына, съ которымъ ей не придется болѣе увидаться.

— Вотъ-съ... Принесъ...—раздался возлѣ голосъ,—заставившій его вздрогнуть,—старика съ тряпкой въ рукахъ.

И онъ, поставивъ на землю ведерко съ водой, подалъ Снарскому тряпку.

Снарскій взялъ тряпку въ руки, погрузилъ ее въ ведро съ водой и затѣмъ, выжавъ ее немного, положилъ на лобъ парня, откинувъ ему назадъ волосы.

Больной безпокойно пошевельнулся на мѣстѣ, приподнялъ-было съ земли правую руку, какъ бы желая сбросить съ головы холодную повязку, но тотчасъ же въ безсиліи опустилъ ее.

— Такъ... такъ...—произнесъ старикъ, внимательно наблюдавшій за всѣми дѣйствіями Снарскаго.—Это выходитъ въ родѣ какъ бы примочки... Когда у меня брательникъ въ земской больницѣ лежалъ, ему все такъ же на голову клали ледъ... въ пузырѣ такомъ...

— А вы какъ же?—сказалъ онъ черезъ нѣсколько времени нерѣшительнымъ голосомъ:—Тоже того... пойдете, молъ?

— Да, — отвѣчалъ Снарскій, и хотѣлъ-было подняться съ мѣста.

Но въ это время парень пошевельнулся и сквозь плотно сдвинутые зубы издалъ какой-то звукъ.

Снарскій опустился на прежнее мѣсто и сказалъ:

— Нѣтъ, я останусь пока...

Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, почмокалъ губами и сказалъ:

— Ну, инъ ладно... Оставайся пока-что... А я пойду... Чай, подъѣдутъ скоро... А паромъ-то у меня — неладенъ онъ будь— течь далъ... Не досмотрѣлъ давеча, а въ немъ—анъ, глядь— дыра... Вода такъ и хлещетъ...

И онъ вышелъ изъ шалаша.

IV.

Снарскій остался одинъ.

Онъ уже два раза перемѣнилъ тряпку, которая очень скоро высыхала на разгоряченномъ лбу больного. Послѣдній сталъ дѣлать безпорядочныя движенія правой рукой. Вдругъ позади Снарскаго раздалось какое-то тихое шипѣніе. Онъ оглянулся: это гасла догорѣвшая свѣча. Она вспыхнула еще раза два—три и затѣмъ погасла. Шалашъ погрузился во тьму.

Кругомъ было тихо, лишь по временамъ издалека доносились рѣдкіе удары молотка, должно быть, заклепывающаго дыру въ паромѣ, да изрѣдка заносило обрывокъ пьяной пѣсни изъ лагеря.

Снарскій вдругъ вздрогнулъ. Онъ только теперь вспомнилъ, что онъ въ одной тужуркѣ—и ночной холодъ охватилъ его.

Зачѣмъ онъ остался здѣсь? Онъ и самъ хорошенько этого не зналъ. Ему отчасти было жаль этого парня. Но—на погостѣ живя, всѣхъ вѣдь не оплачешь,—да и къ тому же что такое этотъ лежавшій передъ нимъ больной?.. „Неизбѣжный процентъ" убыли въ живой рабочей силѣ, — убыли, которая неминуемо должна случиться. Станутъ ли объ этомъ жалѣть? Вѣдь такихъ людей, какъ этотъ рабочій, придетъ на его мѣсто не мало—и ни міръ отъ этого ничего не потеряетъ, ни прогрессъ не проиграетъ. Онъ только „неизбѣжный процентъ", о которомъ ни жалѣть, ни плакать не приходится.

А черезъ нѣсколько времени по тому мѣсту, гдѣ захворалъ и померъ этотъ рабочій, дерзко фыркая всѣмъ на встрѣчу и нахально стуча своими желѣзными частями, промчится первый вѣстникъ цивилизаціи—разукрашенный флагами паровозъ, и будетъ разносить по всему свѣту „дары прогресса".

И невольно рядомъ съ этимъ передъ его глазами вырисовалась картина грязной, курной избы въ далекой казанской деревушкѣ, гдѣ плачетъ-убивается, колотясь своей старческой, сѣдой головой о лавку, старуха-мать, узнавшая о смерти своего сына, единственной ея опоры, и не желающая знать ни о какомъ „неизбѣжномъ процентѣ".

Внутри Снарскаго что-то возмущалось противъ этой неизбѣжности. Неужели кому-нибудь нужна эта смерть, и безъ нея нельзя обойтись? Развѣ нельзя такъ сдѣлать, чтобы и прогрессъ выигралъ, и этотъ процентъ исчезъ?

И Снарскому чудилось, что кто-то точно выкрикиваетъ у него надъ ухомъ:

— Нельзя!.. Нельзя!.. Нельзя!.. Это—заколдованный кругъ...

— Но вѣдь это же жестоко!.. — воскликнулъ онъ про себя. — Стоитъ ли послѣ этого вся наша цивилизація, всѣ успѣхи современной культуры—жизни этихъ несчастныхъ, своими трупами, своими костями устилающихъ путь побѣдной колесницы прогресса?.. Что же это за цивилизація, которая идетъ по трупамъ людей?.. Развѣ не счастливъ дикарь, живя въ своихъ дѣвственныхъ лѣсахъ, живя, правда, животной жизнью, но не зная всѣхъ обратныхъ сторонъ цивилизованной жизни: экономическаго рабства, пауперизма, алкоголизма, болѣзней, вырожденія?.. Развѣ цивилизація выиграетъ что отъ того, что въ его мирные до того лѣса ворвется европеецъ-колонизаторъ, съ винтовкой и топоромъ въ одной рукѣ и съ бутылкой спирта въ другой, и начнетъ здѣсь, во славу культуры, вырубать лѣса, прокладывая желѣзнодорожные пути, строить факторіи и рыть землю,

ища въ ней золота,—и въ то же время медленно, но вѣрно истребляя дикаря то пулей, то алкоголемъ?.. А сколько гибнетъ людей въ шахтахъ, на заводахъ, фабрикахъ, то падая жертвами внезапныхъ катастрофъ, то медленно сходя въ могилу отъ нажитыхъ „профессіональныхъ болѣзней"!.. Развѣ задача цивилизаціи состоитъ въ томъ, чтобы путемъ уничтоженія и смерти однихъ доставлять удобства другимъ?.. Цивилизація проповѣдуетъ миръ, счастье и жизнь—и въ то же время несетъ вражду и смерть. И стоитъ ли послѣ этого двигать впередъ такую цивилизацію?.. Или настоящая цивилизація есть только ступень къ будущему всеобщему счастью, которое когда-нибудь, какъ солнце, взойдетъ надъ землею и освѣтитъ и согрѣетъ ее своими лучами?.. Но за то какимъ ужаснымъ путемъ идетъ это будущее счастье,—точно кровожадный Молохъ, пожирающій тысячи жизней!..

Голова Снарскаго усиленно работала, въ виски начало стучать, и онъ чувствовалъ, какъ у него по тѣлу пробѣгаетъ ознобъ.

Въ это время снаружи послышался стукъ подъѣзжающей, отчаянно скрипящей своими немазанными колесами, телѣги и фырканье лошади.

— Эй, вы, черти сиволапые!..—раздался сиплый пьяный голосъ.—Гдѣ у васъ тута больной-то?.. Нашли, храпоидолы, когда хворать-то!.. Добрыхъ людей только безпокоите... Околѣвали бы лучше... Возись тутъ съ вами, анаѳемами проклятыми...

— Легче лайся... Тоже не собаки же... люди... — послышался въ отвѣтъ робко протестующій голосъ старика. — Дай Богъ когда-нибудь самому тебѣ такъ валяться-то...

Снарскій смѣнилъ въ послѣдній разъ компрессъ на головѣ больного и вышелъ вонъ изъ шалаша.

Невдалекѣ, хмуро повѣсивъ голову, съ выступающими рельефно наружу ребрами, стояла тощая лошадёнка, запряженная въ изломанную телѣгу безъ передка и зада, съ громадными щелями между разъѣхавшимися досками.

Возлѣ лошади стоялъ пьяный рабочій и возился, ругаясь, съ вожжами, безтолково тыча кулакомъ въ морду лошади, отъ чего та апатично отмахивалась.

— Ты не больно... не того... здѣсь вѣдь баринъ...—произнесъ осмѣлѣвшій при видѣ Снарскаго старикъ.

Рабочій, увидавъ форменную тужурку Снарскаго, бросилъ вожжи и, снявъ съ головы рваную фуражку, произнесъ, неопредѣленно поведя рукой кругомъ:

— Вотъ... пріѣхалъ, значитъ...

— Ты за больнымъ?—отрывисто спросилъ его Снарскій.

— Такъ точно... за нимъ за самымъ... Сегодня у насъ, вашбродіе, выходитъ получка, а тутъ вотъ десятникъ гоняетъ: везти его въ больницу... Нашли время когда хворать... Необразованіе:..

— Какъ же ты повезешь его?—прежнимъ отрывистымъ тономъ спросилъ Снарскій.—Вѣдь ты совсѣмъ пьянъ... Потеряешь его еще дорогой.

— Какъ можно?..—счелъ необходимымъ обидѣться рабочій, для чего-то охорашивая лѣзущіе на лобъ волосы. — Это точно, что немного выпимши мы... А чтобы пьяный — ни въ единомъ глазѣ... Мы за себя всегда постоимъ...

Между тѣмъ, старикъ вошелъ въ шалашъ и приладилъ тамъ новый огарокъ въ фонарѣ.

— Иди сюды!—сказалъ онъ затѣмъ.—Уложить его надо...

— Нашли когда хворать, черти!.. — заворчалъ опять рабочій—и пьяной, неровной походкой пошелъ въ шалашъ.

Въ головѣ Снарскаго заработала въ одномъ направленіи мысль, какъ этотъ пьяный рабочій довезетъ больного въ больницу?

— Легче, легче... ты...—послышался голосъ старика.—Не видишь рази?.. Задѣлъ вѣдь...

— А зачѣмъ онъ того... головой впередъ?.. Я не причиненъ тому... — оправдывался рабочій, ударившій головою парня, одѣтаго въ полушубокъ, о косякъ шалаша.—И еще тридцать верстъ... Ахъ, храпоидолы!..

— Легче, легче клади!..—предупреждалъ старикъ, когда они донесли больного до телѣги и стали класть его туда.

— И то какъ жену кладу... — съострилъ рабочій, съ размаху бросившій парня на дно телѣги.—Не хворали бы, идолы...

Старикъ побѣжалъ къ парому.

Рабочій ударилъ по лошади вожжами — и телѣга, отчаянно скрипя, пошла по крутому откосу по направленію къ парому.

Кое-какъ она была введена на паромъ, и старикъ, схватившійся за веревку, съ усиліемъ сталъ переправлять его на другой берегъ.

Рабочій вынулъ изъ кармана клочокъ газетной бумаги и сталъ крутить „козью ножку“.

— Вотъ, баринъ, вашбродіе, — обратился онъ къ Снарскому,—какое житье наше окаянное... День деньской работалъ, тачки возилъ, а тутъ вотъ нá еще тебѣ: ночью за тридцать верстовъ вези этого храпоидола... Да назадъ тоже тридцать... Когда завтра-то пріѣдешь?.. И праздника не увидишь... Погулять не удастся... Эхъ, жизнь!..

И при этомъ онъ затянулся изъ „козьей ножки“ глубокой затяжкой.

— Развѣ тебѣ его не жалко? — спросилъ Снарскій, кивая головой на парня.

— Это вы про него, то-исть?.. Про парнишку-то?.. Да чего жъ его жалѣть-то?.. Всѣ вѣдь помремъ... А померши-то еще лучше: знаешь, что отмаялся, ну, и крышка!.. Лежи, знай, себѣ полеживай... Знаешь, что завтра тебя на работу не погонятъ, тачки съ землей не заставятъ возить... Лежи себѣ да червей корми!..—засмѣялся онъ отрывистымъ хриплымъ смѣхомъ.

Когда на другомъ берегу телѣгу стали сводить съ парома, она накренилась и однимъ колесомъ попала въ воду, отчего больной чуть не вывалился въ рѣчку, еслибы не поддержалъ Снарскій. Поднялся шумъ и крикъ. Пьяный рабочій безобразно сыпалъ ругательствами, а потерявшій терпѣніе старикъ ругалъ его въ свою очередь, укоряя, что онъ „налилъ бураки“ и потому ничего не видитъ.

Кое-какъ телѣгу втащили на берегъ и уставили для дальнѣйшаго пути.

Снарскій посмотрѣлъ на больного. Онъ лежалъ съ разметавшимися руками, шапка свалилась съ головы и лицо еще больше покраснѣло. Снарскому въ эту минуту пришло въ голову, что пьяный возница будетъ везти его безъ всякой осторожности, отчего больной станетъ биться головой о дно телѣги и даже, пожалуй, совсѣмъ свалится дорогой.

Онъ посмотрѣлъ впередъ.

Тамъ, въ ночномъ сумракѣ, тоненькой ниточкой бѣлѣлась дорога, шедшая куда-то далеко и, наконецъ, совсѣмъ исчезавшая изъ виду. Кругомъ было сумрачно и темно. Со стороны потянулъ холодный, предразсвѣтный вѣтерокъ.

И его сердце въ эту минуту защемило чувство жалости къ этому больному, безпомощно лежащему въ телѣгѣ парню.

— Тащись теперича съ этимъ храпоидоломъ столько верстовъ!..—ругался рабочій, усаживаясь на передокъ телѣги и берясь за вожжи.

Снарскій вздрогнулъ не то отъ холода, не то отъ чего другого.

Онъ рѣшительно направился къ телѣгѣ, влѣзъ на нее и закричалъ рабочему:

— Трогай!..

И положилъ голову больного парня себѣ на колѣни.

Рабочій удивленно оглянулся на него и зашевелилъ вожжами.

Въ это время покачиваясь въ тарантасѣ и дремля на утреннемъ холодкѣ, ѣхалъ отъ станового Воеводскій. Иванъ также клевалъ на козлахъ,—и предоставленныя самимъ себѣ лошади тихо шли по дорогѣ.

Неожиданный толчокъ вдругъ заставилъ Ивана очнуться,—и онъ, протирая глаза, оглянулся кругомъ. Затѣмъ, черезъ нѣсколько времени, обернувшись назадъ, онъ сказалъ:

— Лександръ Петровичъ...

— А?.. Чего тебѣ?.. — съ просонокъ спросилъ Воеводскій.

— А вѣдь никакъ это вашъ барчукъ ѣдетъ вонъ тамъ?— указалъ онъ кнутомъ вдаль.

— Какой барчукъ?—открылъ совсѣмъ глаза Воеводскій. Гдѣ?

— А вонъ тамъ около пригорку ѣдутъ... Съ рабочимъ никакъ... Не разберу что-то...

Но Воеводскій, какъ ни напрягалъ свое зрѣніе, не увидалъ тамъ ничего.

— Показалось тебѣ съ пьяну-то, видно...—недовольно проворчалъ онъ.—Ничего тамъ не вижу...

— Можетъ, и показалось,—согласился Иванъ.

И оба опять погрузились въ дремоту.

...Фельдшеръ больницы въ селѣ Верхнемъ принялъ съ телѣги двухъ лежавшихъ въ телѣгѣ безъ памяти людей, и не зналъ, чт̀о дѣлать? Идти и приказать будить доктора — онъ не рѣшался, такъ какъ зналъ, что докторъ только-что пришелъ отъ станового и не встанетъ ранѣе двухъ-трехъ часовъ пополудни.

„Вотъ задача-то!.. — размышлялъ онъ. — Еслибы одинъ рабочій, такъ положилъ бы его въ палату — и лежи тамъ себѣ!.. А тутъ лицо, можно сказать, привилегированное... Не нажить бы непріятностей“...

И онъ рѣшился разбудить доктора.

На другой день Оборотниковъ стоялъ возлѣ койки Снарскаго и тихо разговаривалъ съ докторомъ.

— Сколько разъ я говорилъ ему, что его проклятая сантиментальность не доведетъ до добра,—говорилъ Оборотниковъ.— Ну, и вышло по моему... За какимъ чортомъ онъ поѣхалъ съ этимъ больнымъ?.. Тотъ на дорогѣ же померъ, а самъ...

— Тсс... Онъ приходитъ въ себя...—тихо сказалъ докторъ, указывая на Снарскаго, который въ это время открылъ глаза.

Они замолчали.

Снарскій поглядѣлъ своимъ воспаленнымъ взоромъ сначала

передъ собой и затѣмъ перевелъ ихъ въ сторону. Нѣсколько секундъ онъ апатично посмотрѣлъ на стоявшихъ возлѣ, какъ бы не узнавая ихъ, и, приподнявъ правую руку, провелъ ею по лбу, будто силясь что-то припомнить.

Оборотниковъ наклонился къ нему.

— Ну, что, какъ ты чувствуешь теперь себя?—спросилъ онъ.

— А... это ты...—узналъ его Снарскій.—Видишь... заболѣлъ...

И замолчалъ. Но по лицу его было замѣтно, что онъ что-то вспоминаетъ и не можетъ вспомнить...

— Ахъ, да...—наконецъ, произнесъ онъ.—Вотъ видишь — и я попалъ... Тоже—„неизбѣжный процентъ"... „Историческая необходимость".

И затѣмъ онъ, впадая въ безпамятство, сталъ заговариваться, произнося безсвязныя слова...

В. Якимовъ.

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ

ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ И. А. ГОНЧАРОВА

Въ своей авторской исповѣди, отвѣчая на предложенія друзей описать то или иное событіе, такую-то жизнь, или такого или другого героя или героиню, Гончаровъ писалъ: „Не могу, не умѣю! То, что̀ не выросло и не созрѣло во мнѣ самомъ, чего я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ,—то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунтъ, какъ есть своя родина, свой родной воздухъ, друзья и недруги, свой міръ наблюденій, впечатлѣній и воспоминаній,—и я писалъ только то, что̀ переживалъ, что̀ мыслилъ, чувствовалъ, что̀ любилъ, что̀ близко видѣлъ и зналъ—словомъ, писалъ и свою жизнь, и то, что̀ къ ней приростало".

Въ первомъ очеркѣ о Гончаровѣ [1]) мы сдѣлали попытку разобраться въ вопросѣ о значеніи фактовъ личной жизни для характеристики творчества нашего писателя. Не касаясь давно уже рѣшеннаго вопроса о художественномъ и общественномъ значеніи его произведеній, мы ставили своей задачей раскрыть, среди широкихъ обобщеній, черты, приводившія къ уясненію личности писателя, и установить связь между ними и конкретнымъ содержаніемъ его творчества, изображеніемъ эпохи, характеровъ и основныхъ идей. Какой бы смыслъ ни пріобрѣтали эти изображенія въ ихъ окончательномъ видѣ, испытавшемъ болѣе

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", мартъ и апрѣль 1903 г.

всего вліяніе сильнѣйшей стороны Гончаровскаго таланта — обобщенія, — намъ представлялось несомнѣннымъ, что въ его манерѣ полу-безсознательно набрасывать и зарисовывать все, что ни попадется подъ руку, изображеніе собственнаго „я“ стояло всегда на первомъ планѣ. Было ли это предметомъ инстинктивной и, можетъ быть, случайной работы художника подъ вліяніемъ непреднамѣреннаго влеченія къ чистому искусству, или же въ этомъ выразилось сознательное стремленіе воплотить свою жизнь и свою личность въ художественномъ произведеніи, сдѣлавъ ее интересной для другихъ, — рѣшить трудно, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что личность Гончарова и его жизнь давали основное содержаніе и характеръ его твореніямъ. Это обстоятельство объясняетъ поражающее однообразіе въ изображеніяхъ обстановки, быта, міросозерцанія героевъ и, наконецъ, пріемовъ художнической техники.

Спеціально субъективное отношеніе Гончарова къ изображаемому выразилось у него и въ картинахъ чужой жизни. Чужая жизнь понимается имъ не какъ жизнь людей вообще, со всѣмъ разнообразіемъ характеровъ, внѣшнихъ и внутреннихъ положеній, условій жизни, пестротой, сочетаніемъ жизненныхъ тоновъ и красокъ, калейдоскопомъ радости и скорби, высокаго и пошлаго въ той нераздѣльной, вихремъ кружащейся суетѣ, въ которой живетъ современный человѣкъ, колеблясь надъ гранью личныхъ стремленій и общественныхъ запросовъ. Гончаровъ значительно съуживаетъ это понятіе; чужая жизнь для него — это та жизнь, которая „приростала“ къ его личной жизни, и прежде всего тѣ люди, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе, сначала у себя на родинѣ, дома, а потомъ въ сферѣ служебныхъ и общественныхъ отношеній.

Задачей настоящаго очерка является опредѣленіе роли и значенія именно этой собирательно называемой Гончаровымъ „чужой“ жизни въ его произведеніяхъ.

I.

Въ пятой главѣ первой части „Обрыва“ Райскій говоритъ, что для него написать романъ значитъ смѣшать свою жизнь съ чужою, занося на бумагу массу наблюденій, мыслей, опытовъ, портретовъ, картинъ, ощущеній, чувствъ — „une mer à boire“ (любимое выраженіе Гончарова). Тутъ же онъ замѣчаетъ вскользь, что для романа необходимо „раздраженіе“, очевидно въ смыслѣ

извѣстнаго нервнаго подъема, съ элементомъ того, что на языкѣ поэтовъ зовется вдохновеніемъ. „Немного юмора, да чувства и искренности, да воздержности, да... поэзіи“—такъ опредѣляетъ Райскій то, что ему нужно, какъ художнику, въ дополненіе къ немногимъ соображеніямъ ума, яркости фантазіи и своеобразности во взглядѣ. Въ романѣ, по его словамъ, укладывается вся жизнь, и цѣликомъ, и по частямъ.—„Своя или чужая?—спрашиваетъ Аяновъ, къ которому обращаетъ свою рѣчь Райскій,—ты этакъ, пожалуй, всѣхъ насъ вставишь“... Чужая жизнь вносила освѣжающую струю въ творчество Гончарова; впечатлѣнія внѣшняго міра разнообразили и усложняли подогрѣтый воображеніемъ узоръ собственной жизни; они—„вспрыскивали“ его, какъ живой водой, и, сталкиваясь съ чужими радостями и скорбями, онъ спускался съ высотъ фантазіи на землю и, наблюдая ихъ, „отрезвлялся, какъ отъ хмеля“. Съ другой стороны, для изображенія чужой жизни необходимъ былъ широкій личный опытъ, вдумчивое самонаблюденіе. „Надо,—говоритъ Райскій о значеніи страсти для творчества,—чтобы я не глазами, на чужой кожѣ, а чтобы собственными нервами, костями и мозгомъ костей вытерпѣлъ огонь страсти, и послѣ—желчью, кровью и потомъ написалъ картину ея, эту геенну людской жизни“.

Наблюдательность, присущая Гончарову въ высокой степени, направлялась не одинаково на явленія внѣшней жизни. Изъ множества разнообразныхъ явленій она отбирала только нѣкоторыя, родственныя душѣ писателя, затѣмъ сосредоточивала на нихъ все вниманіе, приводила къ тщательному изученію и, отбрасывая все частное и случайное, подвергала процессу обобщенія и служила источникомъ типичности. Стремленіе угадывать въ окружающемъ мірѣ родственныя черты даетъ наглядное объясненіе тому факту, почему въ общей массѣ изображеній далеко не всѣ отличаются свойствами типичности. И въ окружающемъ мірѣ Гончаровъ какъ бы искалъ отраженія своей личности, инстинктивно стараясь собрать аналогичныя явленія, понятныя уму и близкія сердцу.

Въ предъидущемъ очеркѣ мы установили тотъ фактъ, что всѣ герои произведеній Гончарова живутъ въ одной и той же обстановкѣ, въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ матеріальныхъ, общественныхъ и духовныхъ. Не трудно замѣтить, что представители чужой—по отношенію къ Гончарову—жизни находятся или въ условіяхъ тождественныхъ съ главными героями, или же настолько близкихъ, что при сравненіи всего менѣе можетъ явиться мысль о контрастѣ. Гончаровъ изображаетъ помѣщиковъ, чиновниковъ, не-

служащихъ дворянъ, аристократовъ, дамъ и дѣвицъ, но всѣ они рисуются обыкновенно на одномъ общемъ фонѣ, и, напримѣръ, изображеніе какого-нибудь графа Новинскаго или старухъ Пахотиныхъ нисколько не даетъ понятія объ аристократическомъ бытѣ вообще, о взглядахъ такъ-называемаго высшаго сословія, какъ и изображеніе Козлова—о бытѣ провинціальнаго учителя. Двухъ міровъ здѣсь нѣтъ: какъ въ „Обломовѣ“ Штольцъ является въ обстановкѣ „Обломова“ изъ какого-то своего, невидимаго читателю міра, остается здѣсь столько времени, сколько надо для хода романа, и затѣмъ исчезаетъ въ пространство,—такъ и въ „Обрывѣ“ Аяновы, Титы Никонычи, Викентьевы появляются на сценѣ не самостоятельно, въ смыслѣ отраженія среды, но лишь въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ къ главнымъ лицамъ романа. Сводя все къ единству, можно замѣтить, что наибольшей типичностью проникнута та обстановка, для которой наиболѣе подходящимъ заглавіемъ было бы: „Господа и слуги“.

Въ этомъ отношеніи Татьяна Марковна Бережкова, съ окружающей ее крѣпостной обстановкой, стоитъ на первомъ планѣ. Образъ этотъ вышелъ чрезвычайно типичнымъ, настолько, что Гончаровъ не задумался придать ему даже символическій смыслъ: въ немъ воплотилась, какъ онъ думалъ впослѣдствіи, старая консервативная русская жизнь. Однако, при всей типичности этого образа, едва ли можно смотрѣть на него глазами Гончарова. Бабушка—символъ слишкомъ блѣдный для того, чтобы отразить всѣ стороны до-реформенной русской дѣйствительности, и въ самомъ романѣ авторъ не придавалъ ей этого всеобъемлющаго значенія. Къ такому обобщенію, сдѣланному гораздо позже, могли подать поводъ заключительныя слова романа о томъ, что изъ головы Райскаго, когда онъ путешествовалъ въ Италіи, не выходили три фигуры: Вѣра, Марѳинька и бабушка,—„а за ними, говорилось тамъ, стояла и сильнѣе ихъ влекла къ себѣ еще другая исполинская фигура, другая великая бабушка—Россія“. Мысль вполнѣ понятная и естественная для Райскаго, котораго потянуло, вѣроятно, на родину. Но Гончаровъ едва ли могъ воспользоваться этой мыслью и ввести символическій оттѣнокъ раньше, чѣмъ опредѣлился общественной характеръ романа.

II.

Мы попытаемся собрать черты, характеризующія бабушку, какъ бытовой типъ русской женщины извѣстной среды и эпохи, безъ

всякаго отношенія къ символамъ и таинственнымъ замышленіямъ автора. Прежде всего мы должны остановиться на тѣхъ чертахъ этого образа, которыя взяты имъ въ авторской исповѣди съ цѣлью очертить „сжатый смыслъ“ моральнаго склада бабушки.

Первое, что характеризуетъ бабушку, это ея органическая связь, духовное родство съ прошлымъ, съ тѣмъ строемъ жизни, которому новое поколѣніе слишкомъ рѣшительно, думалось Гончарову, объявило войну, желая разрушить его до основанія, между тѣмъ какъ въ немъ таилось еще много крѣпкихъ, здоровыхъ началъ для будущаго развитія. „Бабушка говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовыя сентенціи старой мудрости, но въ новыхъ какихъ-нибудь неожиданныхъ для нея случаяхъ у нея выступали собственныя силы, и она дѣйствовала своеобразно. Сквозь обветшавшую, негодную мудрость у нея пробивалась струя здраваго смысла“. Новаго,—замѣчаетъ дальше Гончаровъ,—она „пугалась немного и безпокойно искала подкрѣпить его бывшими примѣрами“... Весь смыслъ ея характера таковъ, что она—старуха, по словамъ Гончарова, твердая, властная, упорная, неуступчивая,—требуетъ повиновенія, хозяйственна и бережлива.

Въ общемъ—далеко не безпристрастное отношеніе Гончарова къ „русской старой, хорошей женщинѣ“, какъ онъ опредѣляетъ бабушку, передалось и читателямъ: „бабушка была благосклонно принята всѣми въ публикѣ. Никто ничего не говорилъ противъ ея изображенія, и до меня доходили только похвалы ей“.

Намъ предстоитъ дополнить этотъ портретъ бабушки и ближе всмотрѣться въ него: такъ ли ужъ этотъ образъ симпатиченъ въ реальной обстановкѣ, какимъ онъ представлялся Гончарову и многимъ читателямъ?

Попробуйте перевести на языкъ непосредственной крѣпостной обстановки опредѣленіе „феодальной натуры“, данное бабушкѣ самимъ же Гончаровымъ, и въ вашемъ воображеніи замелькаетъ рядъ лицъ и воспоминаній далеко не положительнаго свойства. Для безпристрастія сужденія забудьте на время тѣ подкупающія и сглаживающія черты, которыми она обращена къ двумъ-тремъ лицамъ, связаннымъ съ нею узами кровнаго родства. Здѣсь она—олицетворенная любовь, нѣжность, доброта. Черты эти не распространяются за предѣлы родного гнѣзда, и потому въ существѣ своемъ онѣ элементарны, свойственны самымъ обыкновеннымъ, немудренымъ людямъ. Въ сношеніяхъ со всѣми прочими явленіями внѣшняго міра въ Татьянѣ Марковнѣ выступаютъ и

дѣйствуютъ многія другія свойства, далеко не столь привлекательныя.

Начнемъ съ прославленной бабушкиной „мудрости“.

Бабушка сыплетъ сентенціями,—говоритъ Гончаровъ,—и это безусловно вѣрно. О ней онъ могъ бы сказать то же, что было сказано имъ какъ-то о старухахъ Пахотиныхъ, въ первой части романа: „Если затрогивались вопросы живые, глубокіе, то старухи тономъ и сентенціями сейчасъ клали на всякій разговоръ свою патентованную печать“. Бабушка несомнѣнно обладаетъ здравымъ, практическимъ смысломъ, но недюжиннаго ума въ ея сентенціяхъ мы не видимъ. Она дѣльно ведетъ свое хозяйство, мѣтко разсуждаетъ о знакомыхъ ей людяхъ, отдаетъ правильный отчетъ о томъ, что дѣлалось вчера, не ошибается въ предположеніяхъ о томъ, что будетъ дѣлаться, въ томъ же духѣ, завтра, но и только: „горизонтъ ея кончается — съ одной стороны полями, съ другой—Волгой и ея горами, съ третьей—городомъ, а съ четвертой — дорогой въ міръ, до котораго ей дѣла нѣтъ“. Интересы ея почти такъ же ограниченны, какъ интересы стариковъ Обломовыхъ, матери Александра Адуева и немногимъ шире интересовъ ея дворовыхъ или обломовскихъ мужиковъ. Высота ея мудрости никогда не поднимается надъ уровнемъ понятій, выражающихся въ народныхъ пословицахъ и поговоркахъ и заключающихъ въ себѣ не только итоги здраваго смысла, но и порядочную долю невѣжества и дикости. Основной выводъ философіи Бережковой, который Гончаровъ называетъ „мудрымъ“, совпадаетъ съ обыкновеннѣйшимъ выводомъ обыкновеннѣйшаго изъ немудреныхъ людей ея круга, о томъ, „что всякому дается извѣстная линія въ жизни, по которой можно и должно достигать извѣстнаго значенія, выгодъ, и что всякому дана возможность сдѣлаться (относительно) важнымъ или богатымъ, а кто прозѣваетъ время и удобный случай, пренебрежетъ данными судьбой средствами, тотъ и пеняй на себя“! Это выводъ не одной Бережковой,—въ равной мѣрѣ онъ принадлежитъ и Аннѣ Павловнѣ Адуевой, которая собирается „вымолить“ у Бога своему Александру „и здоровье, и чиновъ, и крестовъ, и земныхъ благъ“. Такъ же смотрятъ на вещи и въ Обломовкѣ, гдѣ понимаютъ, напримѣръ, образованіе исключительно съ точки зрѣнія правъ и преимуществъ. Родители Обломова „мечтали и о шитомъ мундирѣ для него, воображали его совѣтникомъ въ палатѣ, а мать— даже и губернаторомъ; но всего этого имъ хотѣлось бы достигнуть какъ-нибудь подешевле, съ разными хитростями, обойти тайкомъ разбросанные по пути просвѣщенія и честей камни и

преграды". По справедливому замѣчанію Гончарова, сравнительно со взглядами Простаковыхъ и Скотининыхъ и это было большимъ шагомъ впередъ.

Богъ и судьба составляютъ теоретическую сторону бабушкиной морали. Богъ, съ одной стороны, податель жизненныхъ благъ, съ другой—неумолимый контрольный аппаратъ, отмѣчающій малѣйшія отклоненія. „Помни, что безъ вѣры нѣтъ спасенія нигдѣ и ни въ чемъ,—говоритъ въ своемъ напутственномъ словѣ Анна Павловна Александру. Достигнешь большихъ чиновъ, въ знать войдешь — вѣдь мы не хуже другихъ: отецъ былъ дворянинъ, майоръ — *все-таки* смиряйся передъ Господомъ Богомъ: молись и въ счастіи, и въ несчастіи".

Гдѣ дѣло не касалось высшихъ для этихъ людей вопросовъ— инстинктивнаго страха передъ всемогуществомъ Божьимъ, вымаливанья у Бога для себя и своихъ присныхъ всяческихъ благъ, притомъ болѣе земныхъ, нежели небесныхъ, да идеи справедливаго возмездія за проступки,—тамъ на сцену выступала судьба и безапелляціонно рѣшала всѣ простые и сложные случаи житейской практики. Культъ судьбы былъ такой же элементарный и по существу своему общенародный, какъ и наивная вѣра въ Бога, и міръ преданій, сказокъ и пѣсенъ, питавшій поэтическими соками ихъ воображеніе. Сама гордая и властная, бабушка одобрительно встрѣчала вокругъ себя Молчалинскія свойства и свои проповѣди на эту тему подкрѣпляла ссылками на судьбу. Заносчивость—бабушка придавала этому слову очень широкій смыслъ—судьба наказываетъ „оплеухами", отъ которыхъ Татьяна Марковна и предостерегаетъ Райскаго. — „Ну, когда счастье? Ужели все оплеухи?" спрашиваетъ Райскій.—„Нѣтъ, не все: когда ждешь скромно, сомнѣваешься, не забываешься, оно и упадетъ. Пуще всего не задирай головы и не подымай носа, побаивайся: ну, и дастся". Судьба любитъ осторожность, оттого и говорятъ: „береженаго и Богъ бережетъ". Словомъ — „судьба и въ милостяхъ мздоимецъ",—лучше жить такъ, чтобы не обращать на себя ея вниманія ни въ ту, ни въ другую сторону,—иначе накажетъ. Въ этомъ воззрѣніи на судьбу, какъ ни странно, съ бабушкой сходится и просвѣщенный раціоналистъ Штольцъ. „Смотри, чтобы судьба не подслушала твоего ропота,— говоритъ онъ, обращаясь къ Ольгѣ, въ минуту ея недовольства жизнью,—и въ голосѣ его слышенъ суевѣрный страхъ, — и не сочла за неблагодарность! Она не любитъ, когда не цѣнятъ ея даровъ"... Но что у Штольца являлось лишь рѣдкими минутами,— у бабушки было твердымъ убѣжденіемъ, опредѣлявшимъ строй

ея мыслей. Яркой иллюстраціею прекрасной, по ея мнѣнію, жизни служитъ незамѣтное прозябанье какихъ-то старичковъ Молочковыхъ: „И не слыхать ихъ въ городѣ: тихо у нихъ, и мухи не летаютъ. Сидятъ да шепчутся, да угождаютъ другъ другу. Вотъ примѣръ всякому: прожили вѣкъ, какъ будто проспали“.

Прожили вѣкъ, какъ будто проспали! Таковъ коренной обломовскій идеалъ, въ которомъ тонутъ всѣ высшіе запросы духа и общественной жизни. Этотъ идеалъ не знаетъ хронологіи, и поэтъ вчерашняго дня нашей общественности могъ съ такимъ же, если не съ большимъ правомъ жаловаться на тоску одиночества и безлюдье.

III.

Бабушка не замѣчала противорѣчія между своей проповѣдью и своимъ властолюбіемъ и честолюбіемъ до губернаторскихъ визитовъ и праздничнаго цѣлованья у нея ручки включительно. Она искренно понимала счастье въ приспособленіи къ обстоятельствамъ да домашней обстановкѣ, боялась возможныхъ разочарованій и не признавала никакихъ „дерзновеній“. Маркъ Волоховъ возбуждалъ въ ней естественное отвращеніе.

Существеннымъ элементомъ, входившимъ въ понятіе „счастье“, была удачная и выгодная женитьба. Лично Гончаровъ считалъ женитьбу дѣломъ весьма рискованнымъ, на которое онъ такъ и не рѣшился до конца. Его герои въ юности слышали на этотъ счетъ весьма опредѣленныя наставленія. „Если же тамъ какая-нибудь станетъ до свадьбы добираться—Боже сохрани! не моги и подумать! Онѣ готовы подцѣпить, какъ увидятъ, что съ денежками да хорошенькій. Развѣ что у начальника твоего или у какого-нибудь знатнаго да богатаго вельможи разгорятся на тебя зубы, и онъ захочетъ выдать за тебя дочь,—ну, тогда можно“...

Въ этомъ же родѣ даетъ совѣты Райскому Бережкова. Женить его на дочери Мамыкина составляетъ для нея вѣнецъ ея желаній. „Почему вы знаете, — справедливо возмущается Райскій,—что для меня счастье—жениться на дочери какого-то Мамыкина?“—„Она красавица,—отвѣчаетъ бабушка,—воспитана въ самомъ дорогомъ пансіонѣ въ Москвѣ“... Но главное не это: „Однихъ бриллiантовъ тысячъ на восемьдесятъ... Тебѣ полезно жениться... Взялъ бы богатое приданое, зажилъ бы большимъ домомъ, у тебя бы весь городъ бывалъ. Всѣ бы раболѣпствовали

передъ тобой, поддержалъ бы свой родъ, связи... И въ Петербургѣ не ударилъ бы себя въ грязь"...

Родовая спѣсь играла видную роль въ разсужденіяхъ этого рода и была общей чертой обломовскихъ „господъ". Ничто и никогда не могло истребить различія между „людьми" и „господами", хотя среди помѣщицъ крѣпостной эпохи бабушка, какъ и мать Александра Адуева, и родители Обломова, могла считаться весьма человѣколюбивой, если не доброй. Требованія къ добрымъ помѣщицамъ прилагались въ то время очень умѣренныя. Если заболѣвалъ кто-либо изъ „людей", Татьяна Марковна вставала даже ночью, посылала лекарствъ, а на другой день спеціальная баба Меланхолиха собственными средствами старалась помочь больному. По поводу этой Меланхолихи, лечившей „людей", въ романѣ есть замѣчаніе, не лишенное историческаго интереса: „такъ какъ Меланхолиха практиковала *только надъ крѣпостными людьми и мѣщанами*, то врачебное управленіе не обращало на нее вниманіе". Докторъ былъ бы слишкомъ большой роскошью для крѣпостныхъ и мѣщанъ. „Между тѣмъ, чуть у которой-нибудь внучки язычокъ зачешется или брюшко немного вспучитъ, Кирюшка или Власъ скакали, болтая локтями и ногами, на неосѣдланной лошади, въ городъ, за докторомъ". Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что это различіе не составляло отличительнаго свойства обломовскихъ нравовъ, а было коренной чертой до-реформенной эпохи, чертой, далеко не вытравленной воспитаніемъ и общественнымъ развитіемъ и по настоящее время. При такихъ нравахъ обращать вниманіе на прозвища было бы ужъ очень большою мелочью, но это весьма характерно для такой проповѣдницы смиренія и разнаго рода „тихости", какою была бабушка. Такъ, далеко не случайно бабушка не многихъ удостоивала чести называться полнымъ именемъ: кромѣ Василисы да старосты Степана Васильева, да еще мужиковъ съ именами въ родѣ Ѳерапонтъ и Пантелеймонъ, что̀ никакъ не сожмешь, прочіе у нея были: Матрешка, Машутка, Егорка и т. д. Эти прозвища оставались при ней до самой смерти. На нихъ Гончаровъ останавливается, между прочимъ, въ своей авторской исповѣди, при чемъ говоритъ почти выраженіями романа.

По пріѣздѣ въ усадьбу, Райскій получаетъ выговоръ отъ бабушки за то, что онъ притащился на перекладной, одинъ, безъ лакея, вмѣсто того, чтобы прикатить въ дормезѣ четверкой. „А еще Райскій! загляни въ старый домъ, на предковъ: постыдись хоть ихъ! Срамъ, Борюшка! То ли бы дѣло, съ этакими бы эполетами, какъ у дяди Сергѣя Ивановича, пріѣхалъ: съ тремя

тысячами душъ взялъ бы"... Кстати замѣтить, Райскій съ бабушкой споритъ и, повидимому, держится того убѣжденія, подсказываемаго здравымъ смысломъ, что стыдиться слѣдуетъ не предковъ, которые въ большинствѣ случаевъ и сами были не больно прекрасны, а потомковъ. Потомки волей-неволей разберутся въ наслѣдствѣ отцовъ и дѣдовъ и, съ фактами въ рукахъ, рано или поздно, скажутъ свое правдивое слово. Гончаровъ, быть можетъ, считался съ этимъ, когда писалъ для потомковъ свое „нарушеніе воли". Но что касается Райскаго, то въ немъ, даже въ бесѣдахъ съ Маркомъ, всегда чувствуется „баринъ", немногимъ отошедшій отъ Обломова, серьезно гордившагося тѣмъ, что онъ не умѣетъ работать и даже ни разу собственноручно чулокъ не натянулъ себѣ на ноги. Это одинъ и тотъ же, вѣрный эпохѣ, „барскій" кругъ идей: онъ начинается на границѣ утраты здраваго смысла въ аристократическихъ семьяхъ, въ родѣ Пахотиныхъ, и кончается, въ этомъ міркѣ, „вольнодумцемъ" Райскимъ, который дѣлаетъ попытки бороться съ отжившими понятіями, самъ органически не отрѣшившись отъ нихъ.

Стыдя Райскаго портретами предковъ, бабушка не стыдится наказывать людей; горничныя у нея цѣлый день „не разгибаясь" что-нибудь шили или плели кружева, потому что Татьяна Марковна не могла видѣть людей безъ дѣла, т.-е. барскаго дѣла. Меланхолихой да сытнымъ кормленіемъ исчерпывались всѣ заботы ея о благосостояніи крестьянъ. Когда Райскій высказалъ предположеніе отдать обстановку своего имѣнія на школы, бабушка возмутилась: „Школьникамъ!—воскликнула она.—Не бывать этому! Чтобы этимъ озорникамъ досталось! Сколько они однихъ яблоковъ перетаскиваютъ у меня черезъ заборъ!" Объясненіе это, вытекающее опять-таки изъ неглубокаго источника помѣщичьяго скопидомства, даетъ любопытную черту для характеристики отношенія Бережковой къ тому, что называется общественнымъ благомъ.

Объ этомъ благѣ, по буквальнымъ словамъ самого Гончарова, Татьяна Марковна и „слышать не хотѣла". Разсужденія ея поражаютъ узостью и черствымъ эгоизмомъ. „Знай всякъ себя,—говорила она,—и не любила полиціи, особенно одного полиціймейстера, видя въ немъ почти разбойника". Напрасно Титъ Никонычъ Ватутинъ пытался примирить ее съ идеями общаго блага; послѣднія неизмѣнно воплощались для нея въ образѣ полиціи. Съ властями она была въ постоянной оппозиціи, но— увы!—безъ всякаго гражданскаго оттѣнка, а просто отказывалась нести какія-либо повинности, платить ли подати, чинить ли

дороги; считая подобныя распоряженія насиліемъ, она бранилась, ссорилась,—„и объ общемъ благѣ,—повторяетъ Гончаровъ,—слышать не хотѣла". Если вспомнить пріемы ея въ лавкахъ у купцовъ, когда ей нужно было купить какую-либо мелочь, то исчезаетъ представленіе даже о дворянскомъ достоинствѣ бабушки: передъ нами не богатая и гордая помѣщица-барыня, а самая заурядная скопидомка-купчиха.

Водились за бабушкой и другія не-дворянскія дѣла. Тогда, какъ и теперь, запрещено было обывателямъ самостоятельно устроивать водочные заводы. Теперь, какъ извѣстно, этимъ дѣломъ орудуетъ казна,—прежде была въ ходу откупная система. „Тогда откупа пошли,—признается бабушка Райскому,—а я вздумала велѣть пиво варить для людей, водку гнала дома, не много, для гостей и для дворни, а *все же запрещено было*; мостовъ не чинила". Исправникъ объ этомъ узналъ и, естественно, ожидалъ взятки. Но съ бабушки были, по ея же выраженію, взятки гладки. Онъ—„озлобился" и, очевидно, донесъ. Бабушкѣ пришлось смирить свою гордыню и просить прощенія, но судьба не пощадила и исправника: пріѣхалъ новый губернаторъ, узналъ *его* плутни и прогналъ. Въ этомъ для бабушки былъ явный перстъ Провидѣнія. Послѣ этого совершенно понятно, что въ домѣ Бережковой могъ съ полной свободой господствовать Фамусовскій принципъ—„у насъ ругаютъ вездѣ—и всюду принимаютъ", и Нилъ Андреевичъ Тычковъ, казнокрадъ, наглецъ и доносчикъ, вообще человѣкъ темный, могъ въ теченіе многихъ лѣтъ играть въ ея домѣ роль авторитета, поклоненія которому, за его чины и заслуги, требовала бабушка отъ Райскаго вначалѣ. Всѣ эти черты, вмѣстѣ взятыя, рисуютъ намъ типъ женщины едва ли ужъ очень симпатичной, особенно если вглядѣться въ этотъ типъ безпристрастно, отрѣшившись отъ того поэтическаго ореола, которымъ осѣняетъ его Гончаровъ. Обыкновенная зажиточная помѣщица, своенравная и высокомѣрная въ однихъ случаяхъ и, по обстоятельствамъ, смиренная—въ другихъ, легко поступающаяся дворянской спѣсью, съ узкой эгоистической моралью, бойкая и смышлёная, — этотъ образъ стоитъ въ положительномъ противорѣчіи съ тѣмъ пьедесталомъ, на который возводитъ его Гончаровъ, и съ тѣмъ чувствомъ глубокой симпатіи, какую возбуждаетъ этотъ образъ на первый взглядъ, благодаря особеннымъ свойствамъ таланта писателя.

Симпатія, какъ и личный вкусъ, вещь, конечно, капризная, и было бы безплодно спорить по ея поводу. Гончаровъ, повторяемъ, не скрывалъ своей симпатіи къ бабушкѣ и, такимъ обра-

зомъ, наглядно опровергалъ ходячее мнѣніе о безпристрастіи своего отношенія къ предметамъ изображенія. Въ его чувствѣ къ Бережковой сказываются, какъ будто, личныя воспоминанія и, хочется сказать, непосредственно задѣтыя струны души. Въ основѣ *собирательнаго* типа (допустимъ плеоназмъ) лежалъ съ дѣтства знакомый и близкій сердцу образъ женщины, давнымъ-давно заронившей въ душу писателя много тепла и свѣта на всю послѣдующую жизнь.

IV.

Въ самомъ дѣлѣ, основныя черты этого, повторяемъ, несомнѣнно собирательнаго характера Татьяны Марковны Бережковой, какъ отдѣльно взятой личности, безъ отношенія къ его типичности, общественному значенію и т. д., невольно напрашиваются на сопоставленіе съ тѣми отрывочными и часто едва уловимыми штрихами, изъ которыхъ складывается одинъ и тотъ же въ разныхъ романахъ образъ матери—въ типическомъ смыслѣ. Съ этимъ понятіемъ, на основаніи романовъ Гончарова, неизмѣнно связывается представленіе о немудреной русской женщинѣ, какихъ много, вся жизнь которыхъ посвящена исключительно заботамъ о хозяйствѣ, рознѣ въ родномъ углу, а главное — слѣпой любви къ дѣтямъ и интересамъ ихъ физическаго воспитанія. Внѣ этихъ вопросовъ ничто не занимаетъ ихъ сердце и умъ, и весь ихъ характеръ размѣнивается, безъ остатка, на мелочи домашняго и хозяйственнаго обихода.

Подобно Бережковой, матери Александра Адуева и Обломова были зажиточны и по-купечески бережливы. Анна Павловна Адуева въ самыя мирныя минуты своего прощанія съ сыномъ не забываетъ напомнить, чтобы Сашенька не бросалъ платковъ: „у Михѣева брала по два съ четвертью“! Жалѣли деньгу и въ Обломовкѣ: по вечерамъ не зажгутъ лишней сальной свѣчи, въ кушанье лишней изюминки не положатъ. „На всякій предметъ, который производился не дома, а пріобрѣтался покупкою, обломовцы были до крайности скупы... Значительная трата сопровождалась стонами, воплями и бранью“. Къ дворовымъ относились такъ же, какъ Бережкова къ „людямъ“: не зло, но и потачки не давали. Добрѣйшая Анна Павловна иногда становилась, по выраженію Гончарова, „раздраженной львицей“ и наказывала за малѣйшую провинность, когда — строгимъ выговоромъ, когда—обиднымъ прозвищемъ, а иногда, по мѣрѣ гнѣва и

силъ своихъ, и толчкомъ. „Присмотрите за Евсеемъ,—пишетъ Анна Павловна Адуеву-дядѣ о старомъ, заслуженномъ слугѣ: —онъ смирный и не пьющій; да, пожалуй, тамъ, въ столицѣ, избалуется, — тогда можно и посѣчь". По отношенію къ „людямъ" и вообще, Анна Павловна за словомъ въ карманъ, какъ говорится, не лѣзла. Горничныя у нея непремѣнно были дурищи, прачки—мерзавки; „тетка, словно нарочно, не сядетъ на пустой стулъ или диванъ, а такъ и наровитъ *плюхнуть* туда, гдѣ стоитъ шляпа или что-нибудь такое"...; Михайло Михайлычъ—„что мясоѣдъ, что страстная недѣля—все одно *жретъ*"...

Въ „Обломовѣ" Гончаровъ неоднократно задается вопросомъ о томъ, какое вліяніе оказываетъ обстановка на умственное развитіе въ самую раннюю пору. За предположеніемъ о томъ, что, можетъ быть, Ильюша Обломовъ, еще едва выговаривая слова, уже видѣлъ и угадывалъ значеніе и связь явленій окружавшей его жизни, дается яркая картина будничнаго Обломовскаго быта, съ фигурами отца и матери. „Можетъ быть, Ильюша уже давно замѣчаетъ и понимаетъ, что̀ говорятъ и дѣлаютъ при немъ: какъ батюшка-то его, въ плисовыхъ панталонахъ, въ коричневой суконной ваточной курткѣ, день-деньской только и знаетъ, что ходитъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки назадъ, нюхаетъ табакъ и сморкается, а матушка переходитъ отъ кофе къ чаю, отъ чая къ обѣду; что родитель и не вздумаетъ никогда повѣрить, сколько копенъ скошено или сжато, и взыскать за упущеніе, а подай-ка ему не скоро носовой платокъ, онъ накричитъ о безпорядкахъ и поставитъ вверхъ дномъ весь домъ".

Фигура отца выходила всегда блѣдно у Гончарова. Самъ онъ, подобно Александру Адуеву, лишился отца еще въ раннемъ дѣтствѣ. Черты, которыми онъ характеризуетъ отца Обломова, были добродушіе и бездѣлье. Въ этомъ отношеніи едва ли можно провести какую бы то ни было біографическую параллель. По отзывамъ знавшихъ его, „отецъ писателя, Александръ Ильичъ, былъ скорѣе дѣятельнымъ человѣкомъ: его не разъ выбирали городскимъ головой; на портретѣ старикъ Гончаровъ изображенъ виднымъ мужчиной, средняго роста, бѣлокурый, съ голубовато-сѣрыми глазами и пріятной улыбкой, лицо умное, серьезное; на шеѣ медали". Такъ изображаетъ Гавр. Н. Потанинъ наружность старика Гончарова въ своихъ воспоминаніяхъ, недавно помѣщенныхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ". Мать Гончарова, Авдотья Матвѣевна, была, по его отзыву, умной и солидной женщиной. На ней лежали матеріальныя заботы, какъ на опытной и строгой хозяйкѣ. Заботы о воспитаніи перешли

къ тому лицу, которое въ воспоминаніяхъ Гончарова носитъ имя Петра Андреевича Якубова. Г-нъ Потанинъ даетъ о немъ болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія. Когда умеръ отецъ, разсказываетъ онъ, „эту тяжелую потерю вполнѣ замѣнилъ Гончарову „крестный отецъ“ всѣхъ четырехъ дѣтей, Николай Николаевичъ Трегубовъ, отставной морякъ“.

V.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Гончаровъ, въ лицѣ Якубова, даетъ превосходный портретъ Николая Николаевича Трегубова. Морякъ по образованію, онъ самостоятельно развилъ себя чтеніемъ, преимущественно историческаго и политическаго характера, и въ этомъ отношеніи былъ явленіемъ замѣчательнымъ среди провинціальнаго дворянскаго общества того времени. Онъ принималъ участіе въ мѣстной масонской ложѣ и по нѣкоторымъ вопросамъ, не касавшимся, впрочемъ, глубокихъ вопросовъ русской жизни, держался даже либеральнаго образа мыслей, стараясь однако, чтобы этотъ образъ мыслей не дошелъ до начальства. Николаевскій режимъ давалъ себя знать и въ глухой провинціи. Гончаровъ былъ свидѣтелемъ, какъ послѣ принятія соотвѣтственныхъ мѣръ, доходившихъ до „секретнаго тѣлеснаго наказанія“, всѣ мѣстные либералы приникли, притихли, быстро превратились въ ультра-консерваторовъ, даже шовинистовъ, иные искренно, другіе надѣли маски, „но при всякомъ случаѣ, когда и не нужно, заявляли о своей преданности „престолу и отечеству“... Но про себя Якубовъ протестовалъ. Однажды, разсказываетъ Гончаровъ, читая газету, Якубовъ не могъ удержать впечатлѣнія, и до писателя долетѣли слова: „простого выговора не стоитъ, а его на поселеніе“! Дѣло шло о преслѣдованіи „либераловъ“. Но, рядомъ съ этими настроеніями, Якубовъ выражалъ знаки почтительности и благонамѣренности властямъ и смертельно боялся жандармовъ. „Мнѣ, юношѣ, были тогда новы если не всѣ, то многія „впечатлѣнья бытія“,—вспоминаетъ Гончаровъ,—между прочимъ, и жандармы, т.-е. ихъ настоящее, новое, съ Николаевскихъ временъ, значеніе. Это значеніе объяснилъ мнѣ, тоже шопотомъ, Якубовъ, и всю глубину жандармской бездны раскрылъ мнѣ потомъ губернаторъ, которому я, по настоянію „крестнаго“, все-таки „представился“.

Эти факты мы приводимъ не столько для характеристики Якубова,—къ ней они имѣютъ отношеніе косвенное,—сколько

для того, чтобы отмѣтить, какимъ вліяніямъ подвергался Гончаровъ въ юности, и напомнить тѣ историческія условія, при которыхъ могли развиваться и существовать подобные Якубову характеры и умы. Баринъ въ душѣ, носитель дворянскихъ традицій и природный аристократъ, какъ его опредѣляетъ Гончаровъ, Якубовъ былъ сыномъ своего вѣка—крѣпостникомъ. Писатель не видѣлъ въ этомъ противорѣчія съ джентльменствомъ, „если не сходить съ почвы исторической перспективы". Неподалеку у Якубова были свои имѣнія, но онъ туда почти не заглядывалъ, передавъ управленіе ими. Впослѣдствіи эти имѣнія и перешли, по словамъ г. Потанина, къ Гончаровой и ея дѣтямъ. Къ хозяйству своему и доходамъ Якубовъ относился совсѣмъ равнодушно. „Когда я спрашивалъ Якубова о его хозяйствѣ,—вспоминаетъ Гончаровъ,—о посѣвахъ, умолотѣ, количествѣ хлѣба—даже о количествѣ принадлежащей ему земли и о доходахъ: „А не знаю, другъ мой,—говаривалъ онъ, зѣвая:—что привезетъ денегъ мой кривой староста, то и есть. А сколько онъ высылаетъ куръ, утокъ, индѣекъ, разнаго хлѣба и другихъ продуктовъ съ моихъ полей—спроси у своей маменьки: я велѣлъ ему отдавать ей отчетъ, она знаетъ лучше меня". Въ числѣ разныхъ свѣдѣній, сообщавшихся Якубовымъ Гончарову, была цѣлая „наука о приличіяхъ". „Для приличія,—говорилъ онъ,—молодой человѣкъ долженъ вездѣ явиться",—главнымъ образомъ въ домахъ вліятельныхъ и богатыхъ господъ. Въ отношеніяхъ къ людямъ его отличала утонченная учтивость и свѣтскій тактъ, „въ обращеніи,—по словамъ Гончарова, онъ былъ необыкновенно привѣтливъ, а съ дамами—до чопорности вѣжливъ и любезенъ".

Въ „Обрывѣ" Титъ Никонычъ Ватутинъ, „старинный и лучшій другъ, собесѣдникъ и совѣтникъ" Татьяны Марковны, слегка напоминаетъ Якубова. И Титъ Никонычъ былъ такимъ же джентльменомъ по своей природѣ. Въ романѣ сглажены нѣкоторыя черты характера Якубова, нѣсколько иначе разсказана біографія, опущены связи съ масонствомъ, не игравшія видной роли и для Якубова, но общій обликъ остается схожимъ. И у Тита Никоныча было недалеко имѣніе, душъ около трехсотъ, куда онъ, подобно Якубову, никогда не заглядывалъ, предоставляя крестьянамъ дѣлать, что хотятъ, и платить оброку сколько имъ заблагоразсудится. „Возьметъ стыдливо привезенныя деньги, не считая, положитъ въ бюро, а мужикамъ махнетъ рукой, чтобы ѣхали куда хотятъ". Послѣ военной службы, въ отставкѣ, онъ пріѣхалъ въ городъ, купилъ маленькій сѣренькій

домикъ, съ тремя окнами на улицу, и свилъ себѣ вѣчное гнѣздо. Подобно Якубову, онъ интересовался политикой, исторіей, зналъ наизусть всѣ старинные дворянскіе дома, всѣхъ полководцевъ, министровъ, ихъ біографіи, любилъ разсказывать Бережковой, что дѣлается на свѣтѣ, и „какъ одно море лежитъ выше другого", сообщать, что выдумали англичане или французы, и рѣшать, полезно ли это или нѣтъ.

„Онъ сохранялъ всегда учтивость и сдержанность въ словахъ, какъ бы съ кѣмъ близокъ ни былъ... Взглядъ и улыбка его были такъ привѣтливы, что сразу располагали въ его пользу". Чувство тонкаго приличія и знаніе свѣтскаго такта составляли его отличительную черту. Онъ ежедневно бывалъ у Татьяны Марковны и относился къ ней съ почтительной, почти благоговѣйной дружбой, но пропитанной такой теплотой, „что потому только, какъ онъ входилъ къ ней, садился, смотрѣлъ на нее, можно было заключить, что онъ любилъ ее безъ памяти". И Татьяна Марковна,—разсказываетъ Гончаровъ, — платила ему такой же дружбой, но въ тонѣ ея было больше живости и короткости.

Какъ было выше замѣчено, Титъ Никонычъ пытался бесѣдовать съ Татьяной Марковной и на другія темы,—напримѣръ, объ общемъ благѣ, съ идеями котораго ему хотѣлось бы примирить свою собесѣдницу. Но Бережкова была неумолима во всемъ, что касалось нарушенія ея интересовъ во имя чего бы то ни было, и дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что Титъ Никонычъ мирилъ ее съ мѣстными властями и полиціей.

Къ частымъ посѣщеніямъ Тита Никоныча давно уже привыкли. Прежде въ городѣ носились слухи о томъ, какъ Титъ Никонычъ въ молодости былъ влюбленъ въ Татьяну Марковну, и Татьяна Марковна въ него. Но родители не согласились. Въ домѣ Бережковой онъ занялъ по характеру нравственнаго вліянія ту роль, какую игралъ Якубовъ въ домѣ Гончаровыхъ. „У сироты (Райскаго) вдругъ какъ будто явилось семейство, мать и сестры, въ Титѣ Никонычѣ—идеалъ добраго дяди". И самъ Титъ Никонычъ, дѣлая цѣнные подарки Марѳинькѣ и Вѣрочкѣ, говорилъ о нихъ нѣжно и отзывался о Бережковыхъ какъ о родной семьѣ.

VI.

Блѣдно и односторонне очерчиваются типы петербургскихъ маменекъ или отцовъ у Гончарова. Отсутствіе усадебной и вообще хозяйственной обстановки отнимаетъ у нихъ складку дѣловитости

и серьезности, и онѣ поражаютъ своей безсодержательностью и безформенностью. Рисуя, напримѣръ, Марью Михайловну Любецкую или тетку Ольги Ильинской, Гончаровъ менѣе всего думалъ о разнообразіи характеровъ, какъ бы приберегая послѣднее для галереи женскихъ типовъ, изображавшихся имъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ характеристика ихъ строилась на психологіи любви.

Въ этомъ отношеніи тонкость наблюдательности и анализа Гончарова прямо изумительны. Несмотря на обычныя длинноты, нельзя оторваться отъ его художественно-мѣткихъ описаній и діалоговъ. Тутъ въ одинаковой степени прекрасны—и плутоватая наивность Наденьки Любецкой, и томная влюбленность пустенькой Юленьки Тафѣевой, и Ольга Ильинская съ эпизодами съ вѣткой сирени, и цвѣтущая Марѳинька, и Вѣра—„мерцаніе и ночь"... Если расположить эти типы въ извѣстной послѣдовательности, то можно сказать, что Гончаровъ прослѣдилъ на нихъ, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ, исторію женскаго вопроса въ нашей общественности, отъ еле замѣтныхъ признаковъ пробужденія сознанія личности въ себѣ и самостоятельнаго права на жизнь до первыхъ попытокъ рѣшить этотъ вопросъ компромиссомъ между „старой" и „новой" правдой.

Александръ Адуевъ у Любецкихъ. Наденька ушла въ садъ. „Составился нескладный дуэтъ у Марьи Михайловны съ Адуевымъ: долго пѣла она ему о томъ, что дѣлала вчера сегодня, что будетъ дѣлать завтра. Имъ овладѣла томительная скука и безпокойство". Александръ улучилъ минуту и ускользнулъ въ садъ. Тамъ ждетъ его Наденька. Начинается разговоръ о мечтахъ, звѣздахъ, симпатіи, счастьѣ.

„— Ужели есть горе на свѣтѣ? — сказала Наденька, помолчавъ.

— Говорятъ, есть...—задумчиво отвѣчалъ Александръ:—да я не вѣрю...

— Какое же горе можетъ быть?

— Дядюшка говоритъ—бѣдность.

— Бѣдность! да развѣ бѣдные не чувствуютъ того же, что мы теперь? вотъ ужъ они и не бѣдны.

— Дядюшка говоритъ, что имъ не до того—что надо ѣсть, пить...

— Фи! ѣсть. Дядюшка вашъ неправду говоритъ: можно и безъ этого быть счастливыми: я не обѣдала сегодня, а какъ я счастлива"!

Въ птичьей головкѣ Наденьки еще не просыпалась потреб-

ность иной, сознательной жизни, и титулъ графа Новинскаго, ради котораго она измѣняетъ Александру, улыбается ей болѣе всякихъ достоинствъ и талантовъ его. Это—дитя природы, вѣчный матеріалъ, изъ котораго жизнь, въ ея внѣшнихъ формахъ, творитъ все, что хочетъ, безъ всякой борьбы во имя какихъ бы то ни было высшихъ началъ. При благопріятныхъ условіяхъ, изъ нихъ могутъ выработаться добродѣтельныя, но недалекія матери семействъ, свѣтскія дамы, отражающія въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, предразсудки и слабыя стороны среды, типичныя классныя дамы; въ мѣщанской средѣ—изъ нихъ по преимуществу вербуется классъ надоѣдающихъ женъ, несносныхъ сплетницъ, мелочныхъ, придирчивыхъ хозяекъ. Безтолковое воспитаніе, при отсутствіи хорошихъ интеллектуальныхъ задатковъ отъ природы, служитъ опредѣляющей чертой этого типа.

Елизавета Александровна, жена Адуева-дяди,—дѣло другое. Ее въ молодости можно было еще сманить, при помощи ложныхъ понятій и неправильнаго воспитанія, на уступку свободы чувства трезвому благоразумію и надеждамъ на то, что въ будущемъ ея жизнь непремѣнно „образуется“. Но вскорѣ золотая клѣтка, устроенная ей заботливымъ и лучшимъ изъ мужей—Петромъ Ивановичемъ, покажется ей тѣсной, и душа ея, не отдавая отчета, затоскуетъ и запроситъ чего-то другого—отъ жизни вообще, отъ людей, отъ всего міра, чего не въ силахъ ей предоставить никакія внѣшнія заботы и комфорты. Въ концѣ романа Петръ Ивановичъ, когда было уже поздно, понимаетъ „психологическую“ причину болѣзни своей жены—и казнитъ себя за „тиранію“ надъ ея сердцемъ. „За эту тиранію онъ платилъ ей богатствомъ, роскошью, всѣми наружными и сообразными съ его образомъ мыслей условіями счастья—ошибка ужасная, тѣмъ болѣе ужасная, что она сдѣлана была не отъ незнанія, не отъ грубаго понятія о ея сердцѣ—онъ зналъ его—а отъ небрежности, отъ эгоизма. Онъ забывалъ, что она не служила, не играла въ карты, что у ней не было завода, что отличный столъ и лучшее вино почти не имѣютъ цѣны въ глазахъ женщины, а между тѣмъ онъ заставлялъ ее жить этой жизнью“. Она страдала отъ неудовлетворенности высшихъ запросовъ духа, и то тяготѣніе къ личной жизни за свой опытъ и страхъ, что сказалось въ ней лишь чисто пассивно, нашло полное выраженіе въ Ольгѣ Ильинской.

VII.

Ольга Ильинская написана въ высшей степени жизненно. Нечего и говорить, что она, конечно, не чета Наденькѣ Любецкой и на цѣлую голову выше Елизаветы Александровны. Умная и трезвая, она спокойно, безъ внутренней суеты, смотритъ на міръ и на предстоящія ей жизненныя задачи, не создаетъ себѣ кумировъ, не мечтаетъ о несбыточномъ, но въ то же время не можетъ себѣ представить жизнь въ однѣхъ только буржуазныхъ рамкахъ. Ясный умъ освѣщаетъ дорогу ея чувству, но и въ области чувства слѣпой инстинктъ никогда не идетъ у нея впереди ума.

Любовь у Ольги Ильинской соединяется съ рѣшеніемъ той или иной жизненной задачи. Такую задачу она увидала въ Обломовѣ и, зная себѣ цѣну, признала эту задачу достойной себя. Ольга инстинктивно почувствовала въ душѣ Обломова то прекрасное и высшее начало, которое могло ярко освѣтить его жизнь и сказаться въ дѣятельности, исполненной плодотворнаго значенія и благородства, но эта искра Божія въ немъ угасала, и не было заботливой, нѣжной руки, которая поддержала бы ее и дала бы ей разгорѣться и вспыхнуть яркимъ пламенемъ активнаго стремленія къ идеалу. Съ трогательнымъ участіемъ протянула Ольга эту нѣжную и заботливую руку, движимая столько же любовью, какъ и развернувшимся передъ ней интересомъ борьбы во имя возвышенной цѣли—воскресить умирающее въ человѣкѣ божественное начало. Интересъ борьбы участвовалъ тутъ несомнѣнно: внѣ его, кристальная честность и доброта Обломова едва ли были бы способны остановить на себѣ вниманіе такой дѣвушки, какъ Ольга Ильинская, и нельзя не придать значенія тому обстоятельству, что Штольцъ съумѣлъ заинтересовать и показать Обломова Ольгѣ съ наиболѣе драматической стороны. „Она мигомъ взвѣсила свою власть надъ нимъ, —разсказываетъ Гончаровъ,—и ей нравилась эта роль путеводной звѣзды, луча свѣта, который она разольетъ надъ стоячимъ озеромъ, и отразится въ немъ. Она разнообразно торжествовала свое первенство въ этомъ поединкѣ“...

Въ высшей степени женственная и мягкая по натурѣ, Ольга трезво и даже сурово смотритъ на жизнь и любовь. Она не боится ни того, ни другого и бодро идетъ на встрѣчу заранѣе разсчитанной судьбѣ. Она не самообольщается относительно Обломова и знаетъ, что ей предстоитъ упорная и трудная ра-

бота. „Для меня любовь эта—все равно, что жизнь, а жизнь—долгъ, обязанность, слѣдовательно любовь тоже долгъ: мнѣ какъ будто Богъ послалъ и велѣлъ любить". И Ольгѣ кажется, что у нея достанетъ силъ „прожить и пролюбить всю жизнь". Обломовъ былъ недаромъ пораженъ такими словами Ольги. „Кто-жъ внушилъ ей это?—думалъ онъ, глядя на нее чуть не съ благоговѣніемъ: и не путемъ же опыта, истязанія, огня и дыма дошла она до этого яснаго пониманія жизни и любви!"

Ольга не ошибалась въ себѣ, когда полагалась на свои силы и умъ, идя на борьбу съ обломовщиной, но она не сразу поняла всю безнадежность положенія Ильи. Въ то время, какъ мысль его терзалась и мучилась, вспыхивая отъ пламенныхъ усилій Ольги разжечь его самолюбіе и вызвать къ активной дѣятельности волю,—всѣ инстинкты его природы, завѣщанные ему вѣковой наслѣдственностью, тянули его къ сонному прозябанію, неподвижности и покою. Трагизмъ катастрофы причинилъ, можно съ увѣренностью сказать, болѣе страданій Обломову, чѣмъ Ольгѣ. Высота, на которую возвела его Ольга, оказалась ему не подъ силу, и когда онъ упалъ на землю, „съ облетѣвшей мечтой невозможнаго счастья", искра Божія въ немъ окончательно потухла. Въ этомъ отношеніи попытка Ольги ускорила процессъ нравственной смерти Обломова.

Такъ же трезво отнеслась Ольга къ своему положенію послѣ катастрофы, но въ душѣ ея на всю жизнь остались слѣды незаживавшей раны. Связать свою судьбу съ Обломовымъ—значило для нея осуществить высшій смыслъ практическаго стремленія къ идеалу, насколько онъ можетъ быть достигнутъ въ жизни. Замужество со Штольцемъ открывало почетный выходъ ея лучшимъ дружескимъ чувствамъ и въ то же время давало ей общественное положеніе. Но интереса борьбы для нея въ этомъ бракѣ не было, а когда добрый Штольцъ, подобно Петру Ивановичу, окружилъ ее вниманіемъ и заботой, въ душѣ у нея образовалось пустое мѣсто, и, подобно Елизаветѣ Александровнѣ, она стала томиться неудовлетворенностью и мучительнымъ сомнѣніемъ, такъ ли рѣшена ея жизненная задача. Ее все тянуло куда-то вдаль, на свѣтлый просторъ жизни, гдѣ нашлась бы для нея своя собственная, сознательная и плодотворная работа.

Выполняя программу Петра Ивановича, Штольцъ заговариваетъ о докторѣ, о поѣздкѣ за границу, но самъ понимаетъ, больше чувствомъ, чѣмъ умомъ, что причина болѣзненнаго недовольства Ольги тоже „психологическая", для которой нелегко подыскать средство. „Поиски живого, раздраженнаго ума поры-

ваются иногда за житейскія грани,—говоритъ онъ ей,—не находятъ, конечно, отвѣтовъ, и является грусть... временное недовольство жизнью... Это грусть души, вопрошающей жизнь о ея тайнѣ... Можетъ быть, и съ тобой то же... Если это такъ —это не глупости". Штольцъ не догадывается объ истинной причинѣ грусти Ольги. Это не расплата за Прометеевъ огонь, какъ объясняетъ онъ дальше, но жажда того же живого, нерутиннаго дѣла, о которомъ мечталъ Обломовъ, жажда жизни за свой личный счетъ, съ правомъ сознательнаго участія во всѣхъ радостяхъ и скорбяхъ, которыми движется не одна семья, но и все общество, народъ, человѣчество, весь міръ... Ольга— истинная героиня пробужденія русской женщины, и по отношенію къ ней тѣ формы жизни, въ которыя ввелъ ее Штольцъ, были тоже своего рода золотой клѣткой. Она могла убѣдить себя примириться съ нею, но не уничтожить въ себѣ стремленія къ свободѣ.

Гончаровъ утверждалъ, что Наденька и Ольга—это одно лицо въ разныхъ моментахъ. „Отъ невѣдѣнія Наденьки—естественный переходъ къ *сознательному* замужеству Ольги со Штольцемъ, представителемъ труда, знанія, энергіи—словомъ, силы". По отношенію къ факту замужества—можетъ быть, но не къ внутреннему содержанію и цѣнности жизни, какъ они инстинктивно понимались Ольгой. Сознательность, главнымъ образомъ, дѣлаетъ Ольгу такою, какова она есть. То, что Елизавета Александровна постигаетъ только чувствомъ, сама себѣ почти не отдавая отчета въ логическихъ основаніяхъ своего разочарованія, то Ольга Ильинская понимаетъ своимъ яснымъ умомъ. Но нужны были вѣка, чтобы сначала изъ теремной затворницы, потомъ вертопрашки и щеголихи, потомъ пустенькой барышни и маменькиной дочери Наденьки выработалась сознательная Ольга, человѣкъ и женщина въ лучшемъ значеніи этихъ словъ. Эта сознательность, за которую ей не пришлось заплатить ни чарующей мягкостью души, ни обаяніемъ женственности, дѣлаетъ этотъ образъ положительно идеальнымъ, призваннымъ неизмѣнно увлекать мысль на высоту нравственнаго совершенства и поддерживать вѣру въ вѣчныя начала, движущія міромъ, начала красоты и добра.

Душевный міръ Ольги и вся психологія ея любви къ Обломову раскрыты Гончаровымъ съ тою же глубиной проницательности и тонкостью художественной кисти, съ какою онъ угадалъ истинный смыслъ безсмертной комедіи Грибоѣдова и разобралъ тончайшія нити интриги между Чацкимъ и Софьей. Когда

Ольга поняла Обломова, она пошла на встрѣчу своему чувству увѣренно и прямо, не играя съ нимъ и не лукавя. Мы позволимъ себѣ напомнить читателю маленькую сценку, въ которой Ольга сказалась вся, въ ея попыткѣ, за Обломова и за себя вмѣстѣ, поставить и рѣшить жизненную задачу.

„— Для чего, для кого я буду жить?—говорилъ онъ, идучи за ней.—Чего искать, на что направить мысль, намѣренія? Цвѣтъ жизни опалъ, остались только шипы.

Они шли тихо; она слушала разсѣянно, мимоходомъ сорвала вѣтку сирени и, не глядя на него, подала ему.

— Что это?—спросилъ онъ, оторопѣвъ.

— Вы видите—вѣтка.

— Какая вѣтка?—говорилъ онъ, глядя на нее во всѣ глаза.

— Сиреневая.

— Знаю... но что̀ она значитъ?

— Цвѣтъ жизни и...

Онъ остановился, она тоже.

— И?—повторилъ онъ вопросительно.

— Мою досаду,—сказала она, глядя на него прямо, сосредоточеннымъ взглядомъ, и улыбка говорила, что она знаетъ, что̀ дѣлаетъ.

Облако непроницаемости слетѣло съ нея. Взглядъ ея былъ говорящъ и понятенъ. Она какъ будто нарочно открыла извѣстную страницу книги и позволила прочесть завѣтное мѣсто.

— Стало быть, я могу надѣяться...—вдругъ, радостно вспыхнувъ, сказалъ онъ.

— Всего! Но...

Она замолчала.

Онъ вдругъ воскресъ. И она, въ свою очередь, не узнала Обломова: туманное, сонное лицо мгновенно преобразилось, глаза открылись, заиграли краски на щекахъ, задвигались мысли, въ глазахъ сверкнули желанія и воля. Она тоже ясно прочла въ этой нѣмой игрѣ лица, что у Обломова мгновенно явилась цѣль жизни.

— Жизнь, жизнь опять отворяется мнѣ, — говорилъ онъ, какъ въ бреду: — вотъ она, въ вашихъ глазахъ, въ улыбкѣ, въ этой вѣткѣ, въ Casta diva... все здѣсь...

Она покачала головой.

— Нѣтъ, не все... половина.

— Лучшая.

— Пожалуй,—сказала она.

— Гдѣ же другая? Что̀ послѣ этого еще?

— Ищите!

— Зачѣмъ?

— Чтобъ не потерять первой,—досказала она, подала ему руку, и они пошли домой“...

Здѣсь все—и довѣрчивость простой и честной души, и сознаніе своей власти, и игра ума, и невинное, чисто-женское лукавство, и молодость, и надежды, и какая-то нѣга весны, и запахъ сирени... И вмѣстѣ съ Обломовымъ, читатель невольно поддается обаянію свѣжести и обновленія, готовъ снова вѣрить надеждамъ и мечтамъ, и въ образѣ Ольги для него воплощается то высшее, одухотворяющее жизнь дыханіемъ весны и поэзіи, вѣчно-женственное начало, которое неустанно зоветъ его впередъ, все впередъ—на борьбу, на тревогу, на жизнь...

Страницъ, подобныхъ приведенной, не мало въ сочиненіяхъ Гончарова, и въ особенности въ „Обломовѣ“. Въ ихъ освѣжающемъ, бодрящемъ настроеніи, проходящемъ, словно для контраста, по всѣмъ изображеніямъ мертвенной апатіи и скуки, скрыта одна изъ тайнъ въ своемъ родѣ единственнаго Гончаровскаго таланта.

VIII.

Сознательность—великое слово. Мы замѣтили выше, что для натуръ, подобныхъ Ольгѣ Ильинской, она составляетъ все. Исторія ея есть исторія нашего просвѣщенія, борьбы общественныхъ началъ, послѣдовательный ростъ нашего общественнаго развитія. Отнимите у Ольги ея сознательность, дѣлающую ее человѣкомъ своего вѣка, да опустите классомъ пониже, и вы получите—не Наденьку Любецкую, о, нѣтъ!—но, ни больше, ни меньше — Агаѳью Матвѣевну Пшеницыну. Агаѳью Матвѣевну, безъ всякаго анахронизма, можно помѣстить въ какой угодно вѣкъ, и она въ любую эпоху будетъ на своемъ мѣстѣ, съ своей доброй наивностью и дѣтскимъ равнодушіемъ ко всему, что выходитъ изъ сферы домашнихъ и спеціально - хозяйственныхъ интересовъ.

Опустить Обломова въ обстановку ея домика на Выборгской сторонѣ, заставить его жить и въ то же время умирать подъ крылышкомъ этой женщины, которая, по силѣ своей любви къ Обломову, не уступитъ Ольгѣ Ильинской, но является антиподомъ ея по отсутствію сознательности, — было дѣломъ величайшей, можно сказать, геніальной прозорливости Гончарова.

Агаѳья Матвѣевна—чудесный типъ простой, немудреной рус-

ской женщины, довѣрчивой, любящей, идеально-честной. Много родственныхъ струнъ отозвалось въ сердцѣ Обломова на ея привѣтливую улыбку, и не однѣми только кулинарными талантами, пухлыми, бѣлыми локтями привязала она его къ себѣ. Послѣ перенесенной имъ катастрофы онъ болѣе всего нуждался въ физическомъ уходѣ, заботливо обставленномъ покоѣ. Для него имѣло положительное значеніе и то, что Агаѳья Матвѣевна была крайне ограниченна, что съ ея стороны онъ могъ не ждать никакого умственнаго безпокойства, никакихъ тревожныхъ вопросовъ, недоумѣній, сомнѣній, загадокъ. Въ ея лицѣ у Обломова явилось какъ бы повтореніе всей нѣги, всѣхъ заботъ и любви, которыми онъ былъ окруженъ въ Обломовкѣ, въ пору ранняго дѣтства. Она была для него всѣмъ — и преданной нянькой, и доброй матерью, и неизмѣнно-любящей хозяйкой-женой, безъ тѣхъ неудобствъ, которыя, какъ онъ зналъ, въ другихъ случаяхъ бываютъ неразлучны съ разнаго рода безпокойствами, въ родѣ измѣнъ, охлажденій, ревности, ссоръ.

Въ любви Агаѳьи Матвѣевны къ Обломову было много заботливыхъ думъ и несознаваемаго самоотверженія. Но и ей самой она много давала, эта любовь, тихимъ и ровнымъ пламенемъ горѣвшая въ ея душѣ. Жизнь ея пріобрѣла, благодаря ей, особенный смыслъ и содержательность—ранѣе того времени, какъ у нея родился ребенокъ. Она не принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя охладѣваютъ къ мужьямъ, какъ только у нихъ рождаются дѣти, отдавая послѣднимъ всѣ силы своей мысли и чувства. Напротивъ, ребенокъ былъ дорогъ ей именно тѣмъ, что онъ былъ ребенкомъ Обломова, что въ его дѣтскихъ чертахъ она угадывала дорогія ей черты ея „барина" Ильи Ильича. Въ сущности, другой жены Обломовъ для себя никогда не желалъ—даже въ прежнихъ своихъ мечтахъ о женщинѣ. Въ ней олицетворилась для него „норма" любви и спокойное біеніе пульса.

Агаѳья Матвѣевна была способна, сказали мы, на самоотверженіе ради Обломова, даже на борьбу. Стоитъ припомнить ея поведеніе, когда, благодаря продѣлкамъ ея продувного братца, ни у Обломова, ни у нея вдругъ не оказалось денегъ для „хозяйственныхъ розмаховъ" ея по части осетрины, бѣлоснѣжной телятины, спаржи и прочей добропорядочной снѣди. „Въ первый разъ въ жизни,—разсказываетъ Гончаровъ,—Агаѳья Матвѣевна задумалась не о хозяйствѣ, а о чемъ-то другомъ, въ первый разъ заплакала, не отъ досады на Акулину за разбитую посуду, не отъ брани братца за недоваренную рыбу; въ первый разъ

ей предстала грозная нужда, но грозная не для нея,—для Ильи Ильича".

Никто не помогъ ей въ бѣдѣ — ни братецъ, ни мужнина родня. Но ей дали добрый совѣтъ, и она рѣшилась на то, на что не рѣшилась бы ни при какихъ другихъ обстоятельствахъ: она стала закладывать свои завѣтныя драгоцѣнности—жемчугъ, полученный въ приданое, потомъ фермуаръ, потомъ серебро и мѣхъ, потомъ стала продавать свои салопы и платья. И на столѣ у Ильи Ильича, невиннаго, какъ ребенокъ, по прежнему являлась смородинная водка, отличная семга, любимые потроха, бѣлые свѣжіе рябчики... Праздный гуляка или модный франтъ, съ застѣнчивой улыбкой закладывающій часы для вечерняго букета опереточной пѣвицѣ, никогда не догадаются о той драмѣ, какая совершается на ихъ глазахъ, когда завѣтная вещь, символъ честной трудовой жизни двухъ-трехъ поколѣній, переходитъ иногда изъ дрожащихъ рукъ въ черствыя руки закладчиковъ. Вмѣстѣ съ вещью закладывается и оскверняется священное воспоминаніе о покойной матери или отцѣ, о вѣрномъ другѣ или собственномъ свѣтломъ дѣвичествѣ. Но любовь заглушала въ Агаѳьѣ Матвѣевнѣ всѣ личные интересы, воспоминанія, привычки; внѣ ея, у нея не было ничего священнаго и дорогого, и она, не колеблясь ни минуты, отпирала завѣтные сундуки или унижалась передъ лавочниками, упрашивая ихъ отпускать въ кредитъ. „Какъ вдругъ глубоко окунулась она въ треволненія жизни и какъ познала ея счастливые и несчастные дни!—восклицаетъ Гончаровъ.—Но она любила эту жизнь: несмотря на всю горечь своихъ слезъ и заботъ, она не промѣняла бы ее на прежнее тихое теченье, когда она не знала Обломова"... Агаѳья Матвѣевна жила полною жизнью и вся такъ и свѣтилась своимъ счастьемъ, за которымъ не было никакихъ стремленій или желаній, но только высказать этого счастья она, какъ и прежде, не могла. Такъ тянулись дни и годы.

Но нежданно свалилась бѣда: съ Ильей Ильичемъ случился апоплексическій ударъ. Предстояло перемѣнить режимъ—моментъ не менѣе драматическій для Обломова, чѣмъ ударъ,—и Агаѳьѣ Матвѣевнѣ предстояла новая и трудная забота — отвлекать его отъ вина, отъ жирнаго и мясного, отъ послѣ-обѣденнаго сна, отъ неподвижности, словомъ—отъ всего, къ чему такъ привыкъ Обломовъ прежде. И она недреманнымъ окомъ бодрствуетъ надъ Ильей Ильичемъ, дѣйствуя на него то хитростью, то лаской. Илью Ильича тянетъ къ прежнимъ привычкамъ, онъ упрямится, капризничаетъ, тоже хитритъ, но съ Агаѳьей Матвѣевной ему

не совладать, и она всегда выходила изъ такого конфликта побѣдительницей. Съ устъ ея не срывается при этомъ ни одной жалобы, упрека, или выраженія усталости и досады,—лицо ея, какъ прежде, озарено привѣтливой улыбкой, и любитъ она Обломова не менѣе, если не больше. И когда умеръ Илья Ильичъ,— она поняла, можетъ быть, впервые, внутренній смыслъ своего бытія, и то, какое мѣсто занималъ въ немъ Обломовъ, — „она поняла, что проиграла и просіяла ея жизнь, что Богъ вложилъ въ ея жизнь душу и вынулъ опять; что засвѣтилось въ ней солнце и померкло навсегда... но зато навсегда осмыслилась и жизнь ея: теперь ужъ она знала, зачѣмъ она жила, и что жила ненапрасно“...

И въ то время, когда Ольга Ильинская томилась недовольствомъ жизнью и мучилась сомнѣніями, внутренній смыслъ Агаѳьи Матвѣевны открывалъ ей несомнѣнную и вполнѣ доступную ея пониманію истину, что ея жизненная задача, поглотившая въ себѣ идеалы и мечты Обломова, рѣшена правильно, естественно и честно.

IX.

Если изъ скромнаго домика на Выборгской мы перенесемся въ барскую усадьбу Бережковой, то, въ отсутствіе Райскаго, различіе въ типахъ насъ не особенно поразитъ. Разница будетъ заключаться, главнымъ образомъ, въ обстановкѣ, въ масштабѣ жизненныхъ интересовъ; среди молодого поколѣнія придется отмѣтить нѣкоторую „умственность“, но общій колоритъ жизни, зависящій отъ характеровъ и вкусовъ людей, останется прежній. Бабушка и Агаѳья Матвѣевна многимъ напоминаютъ другъ друга, и еслибы перенести Агаѳью Матвѣевну въ условія крѣпостного помѣщичьяго быта, у нея развились бы тѣ же феодальныя привычки,—сходство на первый взглядъ могло бы показаться поразительнымъ.

Въ своемъ кругу Агаѳья Матвѣевна не умнѣе и не глупѣе бабушки; ея практическая смётка, какъ и „мудрость“ бабушки, одинаково почерпаются изъ одного и того же народнаго источника. Попытки просвѣтить Агаѳью Матвѣевну идеями общаго блага имѣли бы не больше успѣха, чѣмъ и въ томъ случаѣ, когда ихъ проводникомъ въ усадьбѣ Татьяны Марковны являлся просвѣщенный Титъ Никонычъ. Въ то же время обѣ женщины были глубокими, душевными натурами, способными на продол-

жительную привязанность, на нѣжную заботу, на жертву; наконецъ, въ сферѣ понятій своего круга обѣ были высоко-порядочны и честны.

Но по этой общей канвѣ жизнь провела у Бережковой болѣе сложный и тонкій узоръ. Основныя черты характера развились у нея разностороннѣе и глубже. Даже не раздѣляя восторговъ Гончарова передъ Татьяной Марковной, нельзя не признать въ ней той особой величавости, которую придаетъ образу присутствіе могучаго духа, выдающейся силы воли. Бабушка была болѣе на виду, и героизмъ ея, на который она бывала способна въ минуты сильныхъ душевныхъ потрясеній, былъ замѣтнѣе и эффектнѣе, чѣмъ скрытый глубоко въ душѣ, не менѣе трогательный по существу, героизмъ Агаѳьи Матвѣевны.

Недалеко отходятъ отъ бабушки, по своему внутреннему складу, въ смыслѣ типовъ, и обѣ ея внучки,—Марѳинька и Вѣра. Еслибы наслѣдственность была ближе, еслибы Татьяна Марковна приходилась обѣимъ дѣвушкамъ матерью, мы сказали бы, что къ Марѳинькѣ и Вѣрочкѣ перешли порознь всѣ наиболѣе типическія черты ея нравственной физіономіи. У обѣихъ сестеръ на общія родовыя черты легли индивидуальныя особенности.

На протяженіи большей половины романа Марѳинька кажется воплощеніемъ Татьяны Марковны въ юности. Непосредственная, жизнерадостная, практически - настроенная, она не знаетъ никакого раздвоенія, никакихъ внутреннихъ противорѣчій и мучительныхъ вопросовъ. Не выходя изъ круга бабушкиной морали, она съ наивной вѣрой въ Бога, судьбу и бабушкинъ авторитетъ соединяетъ свѣтлый взглядъ на жизнь и на міръ, гдѣ все для нея ясно и просто, какъ она сама. „Она никогда не задумывалась, а смотрѣла на все бодро, зорко". Она все видѣла, все знала, что̀ дѣлалось въ усадьбѣ и въ домѣ, была прилежна, добра, облегчала крестьянскую нужду, принимала участіе во всѣхъ событіяхъ усадебной и крестьянской жизни. „Только пьяницъ, какъ бабушка же, она не любила, и однажды даже замахнулась зонтикомъ на мужика, когда онъ, пьяный, хотѣлъ ударить при ней жену"... И Татьяна Марковна любила Марѳиньку, какъ живое воплощеніе себя самой, въ укладѣ покойной и правильно разсчитанной жизни, какъ будущую хранительницу и продолжительницу добрыхъ традицій, основанныхъ на скромности, вѣрѣ и трудѣ.

X.

Татьяна Марковна отражалась въ Мароинькѣ не сполна. Она переростала ее не только годами, жизненнымъ опытомъ и знаніемъ людей. Въ ней было начало, котораго вовсе не было въ Мароинькѣ, и которое всецѣло выпало на долю Вѣры. Начало это—порывистость и страстность натуры. Съ годами Татьяна Марковна, естественно, успокоилась, вошла въ общую норму обхожденія съ людьми и поступковъ, но и то, время отъ времени, она вспыхивала, какъ порохъ, когда ее задѣвало за живое, и—то становилась по истинѣ величественна, когда стояла за правду, какъ въ сценѣ съ Тычковымъ, которому она указала на дверь своего дома, то поражала страшной силой духа и глубиной страданій, какъ въ ту ужасную ночь покаянія въ своемъ „грѣхѣ“.

Неуравновѣшенность Вѣриной натуры объясняется прежде всего порывистостью ея темперамента. Бережкова называла это свойство въ ней дикостью, но понимала, признавала, а главное—уважала его. Она и обходилась съ Вѣрой иначе, чѣмъ съ Мароинькой, не дѣлала ей замѣчаній, и берегла, и угадывала въ одно и то же время. Но иногда Бережкова требовала помощи отъ Вѣры и роптала „на дикость“, когда дѣло шло о принятіи гостей. Вѣра хмурилась, страдала, и вдругъ перемогала себя: появившись среди гостей, она очаровывала ихъ веселостью, теплотой, остроуміемъ, граціей, такъ что сама Татьяна Марковна диву давалась. Но это состояніе длилось у Вѣры недолго. „Ее ставало на цѣлый вечеръ, иногда на цѣлый день, а завтра точно оборвется: опять уйдетъ въ себя—и никто не знаетъ, что у ней на умѣ или на сердцѣ“. Въ отличіе отъ Мароиньки, въ ней не было ясности и простоты, того, что называется открытой душой, и Райскій недаромъ называлъ ее неуловимой. „Какая противоположность съ сестрой, — восклицаетъ онъ о Вѣрѣ въ своихъ восторженныхъ грезахъ:—та—лучъ, тепло и свѣтъ; эта вся—мерцаніе и тайна, какъ ночь—полная мглы и искръ, прелести и чудесъ“...

Мароинька беретъ жизнь, какъ она есть, отражая на себѣ всѣ переливы ея свѣта и тѣни; Вѣра всегда думаетъ надъ жизнью, пытается уловить ея тайну, ея внутренній смыслъ и то, какое мѣсто можетъ и должно принадлежать ей самой въ этомъ творящемся вокругъ нея процессѣ жизни. Чѣмъ больше укрѣпляется въ ней эта пытливость, чѣмъ глубже, съ помощью книгъ и идей,

хочетъ она проникнуть въ самую сущность жизненныхъ явленій, тѣмъ большее несоотвѣтствіе встрѣчаетъ она между порывами своего исканія и окружающей обыденностью и низменной суетой чисто Обломовскаго переползанія изо дня въ день. И тамъ, гдѣ она ищетъ внутренняго содержанія, ей предлагаютъ одну голую форму, одну поверхность жизни, безъ ядра, безъ того внутренняго свѣта, которымъ озаряется и красится настоящая, истинно человѣческая, сознательная жизнь. Она еще бродитъ въ потемкахъ, не зная, куда идти, но уже съ рѣшительнымъ, хотя и невысказываемымъ протестомъ противъ безсодержательности и усыпляющей монотонности Обломовской жизни. Она готова броситься всѣми силами своей порывистой натуры на встрѣчу первому лучу, который укажетъ ей истинный путь къ уразумѣнію жизни и научитъ, какъ приложить свои силы, богатый запасъ которыхъ она чувствуетъ въ себѣ, чтобы жизнь не прошла безплодно. Она обо многомъ думала и до многаго добиралась сама, силою своего ума и наблюдательности.

„Она не теряла изъ вида путеводной нити жизни, и изъ мелкихъ явленій, изъ немудреныхъ личностей, толпившихся около нея, дѣлала не мелкіе выводы, практиковала силу своей воли надъ окружавшею ее застарѣлостью, деспотизмомъ, грубостью нравовъ“...

„Она по этой простой канвѣ умѣла чертить широкій, смѣлый узоръ болѣе сложной жизни, другихъ требованій, идей, чувствъ, которыхъ не знала, но угадывала, читая за строками простой жизни другія строки, которыхъ жаждалъ ея умъ и требовала натура“. Но она была одна, вѣчно одна, съ своими сомнѣньями и мечтами. Ей не съ кѣмъ подѣлиться ими, не къ кому обратиться за совѣтомъ. Ни Татьяна Марковна, ни Титъ Никонычъ не могутъ отвѣтить на ея запросы. Они—старое поколѣніе; каждый по своему, они пережили свою молодость не такъ, какъ переживаетъ Вѣра. Она инстинктивно чувствуетъ глубокую, въ этомъ смыслѣ историческую, разницу между собою и ими,—ей и въ голову не приходитъ обратиться къ нимъ за помощью и указаніемъ. И въ тотъ моментъ, когда она стоитъ на распутьи, оторвавшись отъ старой бабушкиной морали и чувствуя, съ одной стороны, невозможность вернуться къ ней, а съ другой, задыхаясь отъ невозможности найти выходъ жизненнымъ стремленіямъ впередъ,—въ этотъ самый моментъ передъ ней появляется Маркъ.

Маркъ поразилъ ея воображеніе, прежде всего, какъ необычное явленіе, составлявшее полнѣйшій контрастъ съ опротивѣв-

шими ей формами мѣщанской обыденности. Онъ явился нарушителемъ всѣхъ укоренившихся въ этомъ обывательскомъ міркѣ взглядовъ и правилъ приличій, порядочности, благонадежности и благоразумія. Но Вѣра своимъ зоркимъ умомъ разглядѣла въ немъ то, что составляло въ немъ его сущность и чего, кстати сказать, не разглядѣлъ самъ Гончаровъ,—то, что онъ сталъ нарушителемъ этихъ правилъ не потому, чтобы былъ по природѣ своей человѣкомъ негоднымъ, злымъ или грубымъ, но оттого, что онъ глубоко презиралъ эти правила и узаконявшіяся ими явленія въ жизни, какъ отжившія, давно ненужныя и враждебныя новымъ побѣгамъ нестѣсняемой извнѣ, осмысленной жизни. Презрѣть и возненавидѣть съ высоты діогеновскаго скептицизма и притомъ любви къ людямъ все, что для толпы составляетъ предметъ жизненныхъ усилій и вѣнецъ желаній, значило высказать большое личное и гражданское мужество, обнаружить недюжинную, даже героическую натуру,—и Вѣра поняла и оцѣнила его.

XI.

Гончаровъ недостаточно опредѣленно и полно передаетъ сущность „новаго ученія", которое принесъ съ собою Маркъ; Тургеневъ, въ своемъ Базаровѣ, разсказалъ объ этомъ отчетливѣе, но все еще недостаточно полно, а главное—недостаточно, можетъ быть, проникновенно въ глубь явленія; истинный характеръ того, что Гончаровъ называетъ „новой правдой" и „новой наукой", выяснитъ обстоятельнѣе только исторія, когда подсчитаетъ итоги дѣятельности подлинныхъ Базаровыхъ и Марковъ. „Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече",—но и тѣхъ фактовъ, что уже выяснились и внѣдрились въ общественное самосознаніе, слишкомъ достаточно, чтобы видѣть, что Гончаровъ не все подслушалъ въ рѣчахъ Волохова и Вѣры и многому придалъ не вполнѣ точный и реальный смыслъ.

Прежде всего, Маркъ—не отрицатель во имя только отрицанія. Если онъ и „нигилистъ", то лишь въ очень опредѣленномъ, прямо историческомъ значеніи этого слова, но отнюдь не въ буквальномъ. Онъ задаетъ Райскому насмѣшливый вопросъ, ужъ не вѣруетъ ли тотъ, въ самомъ дѣлѣ, въ Бога, не ходитъ ли ко всенощной, словомъ—подкапывается подъ величайшіе вопросы духа—религію и вѣру... Но это лишь одна видимость, невинная игра словами, самъ же онъ, какъ это ни парадоксально на первый взглядъ,—вѣрующій и убѣжденный человѣкъ. Онъ отказы-

вается вѣрить и смѣется надъ старымъ богомъ обломовскаго суевѣрія, надъ тѣмъ идоломъ, своего рода Перуномъ съ золотыми усами, надъ которымъ глумились и предки наши, когда увѣровали во Христа. Богъ пестрой семьи обломовцевъ—богъ не любви и правды между людьми, но насилія и рабства, богъ—раздаватель житейскихъ благъ, лицепріятный и подкупный, а не верховный судія совѣсти, блюститель своихъ законовъ мира и правды на землѣ. Этому богу отказывается поклониться Маркъ, потому что у него есть свой. Пусть назоветъ онъ его матеріей, наукой, разумомъ, конечнымъ результатомъ знанія и опыта, какъ угодно,—сущность остается одна и та же. Къ ней, къ этой сущности, обращены всѣ помыслы и надежды Марка, въ ней—вся его религія и вѣра, его готовность жертвовать собою во имя счастья будущихъ поколѣній. Маркъ—весь человѣкъ будущаго, хотя въ этомъ онъ, можетъ быть, и не отдаетъ себѣ яснаго отчета; ему кажется, что тѣ начала, выразителемъ которыхъ онъ служитъ, вступаютъ въ жизнь вмѣстѣ съ нимъ, и что—онъ и есть работникъ настоящаго момента. Его постигаетъ неудача,—сѣмена, созрѣвшія въ немъ самомъ, отъ него падаютъ на нераспаханную почву. Предстоитъ еще продолжительная работа, но именно отдаленность цѣли и самая цѣль, къ которой онъ такъ пламенно стремится,—пересоздать общество на новыхъ началахъ—заставляетъ смотрѣть на него болѣе какъ на проникнутаго глубокой вѣрой идеалиста, орудующаго средствами положительной науки, чѣмъ на поверхностнаго скептика-матеріалиста или атеиста.

Основная цѣль стремленій Марка и заставила его объявить непримиримую войну всему прежнему, устарѣвшему, но еще прочно державшемуся строю русской жизни, съ его закоснѣлыми недостатками, крѣпостничествомъ, безправьемъ, произволомъ и всяческимъ гнетомъ, нашедшимъ себѣ бытовое оправданіе въ бабушкиной морали. У Марка призывъ къ этой борьбѣ выражается въ различныхъ, иногда весьма своеобразныхъ формахъ. То онъ смѣется надъ бабушкой и ея феодальными привычками, то подкапывается подъ авторитеты почтенныхъ и заслуженныхъ людей, то бросаетъ вызовъ властямъ. „Перестанемте холопствовать,—говоритъ онъ Райскому:—пока будемъ бояться, до тѣхъ поръ не вразумимъ губернаторовъ“...

Когда Маркъ говоритъ о „новой, грядущей силѣ“, о „партіи дѣйствія“, онъ нисколько не рисуется этимъ и ни словомъ не высказываетъ своего преобладающаго значенія, своей какой-нибудь особенной роли среди своихъ единомышленниковъ. Его

„партія дѣйствія“ не какая-нибудь организація, но естественная противница устарѣвшихъ началъ жизни—молодое поколѣніе, тѣ, которыхъ, по его выраженію, „держатъ въ потемкахъ умы, питаютъ мертвечиной и вдобавокъ порютъ нещадно“; они—„падки на новое, рвутся изъ всѣхъ силъ—изъ потемокъ къ свѣту“. Маркъ—„вспрыскиватель мозговъ“ провинціальной молодежи; онъ будитъ въ нихъ мысль, возбуждаетъ въ нихъ критическое отношеніе къ дѣйствительности, „учитъ дураковъ“, какъ онъ выражается въ разговорѣ съ Вѣрой.

„Чему?—спрашиваетъ она.—Знаете ли сами? Тому ли, о чемъ мы съ вами годъ здѣсь споримъ? вѣдь жить такъ нельзя, какъ вы говорите. Это все очень ново, смѣло, занимательно“...

Какія усилія ни употребляетъ Гончаровъ, чтобы развѣнчать своего противника, образъ говоритъ самъ за себя. Все, что проповѣдовалъ Маркъ, было именно ново, смѣло и занимательно. Гончаровъ не разсказываетъ, о чемъ, кромѣ любви, они говорили и спорили цѣлый годъ, но изъ другихъ страницъ романа мы узнаемъ, что Маркъ говорилъ не отъ себя, что онъ самъ читалъ и другимъ давалъ книги, и сама Вѣра, по его указанію, читала, напримѣръ, Прудона и Фейербаха. И Маркъ давалъ читать свои „страшныя“ книги съ разборомъ, и однажды былъ очень огорченъ, когда двое юношей оказались недостаточно серьезными для его идей. Такъ или иначе, но умница Вѣра на этихъ книгахъ могла провѣрить, насколько его ученіе было основано на фактахъ исторіи, жизни и науки, а не являлось только выраженіемъ его личныхъ взглядовъ, приложимыхъ, какъ въ этомъ хотѣлъ бы насъ увѣрить Гончаровъ, только къ его животно-эгоистической теоріи свободной любви.

Вообще, насколько образъ Вѣры поражаетъ своей законченностью и художественной правдой въ описательной части романа, гдѣ о ней идетъ рѣчь, и въ отношеніяхъ къ Райскому, настолько онъ неясенъ, внутренно-противорѣчивъ и, скажемъ прямо, фальшивъ вездѣ, гдѣ она является рядомъ съ Маркомъ. Въ сопоставленіи съ нимъ—куда дѣвается ея протестъ противъ окружающей дѣйствительности, ея страстное исканіе правды и свѣта! Она еще болѣе замкнута съ Маркомъ, чѣмъ съ Борисомъ Райскимъ; прошелъ цѣлый годъ, по словамъ Гончарова, оживленныхъ бесѣдъ ея съ Маркомъ, но мы, по волѣ писателя, возвращаемся къ ней только тогда, когда она уже утомлена, разочарована, даже, безъ достаточныхъ основаній для читателей, предубѣждена. Словами Гончарова она обрушивается на Марка, какъ на проповѣдника новыхъ идей, споритъ съ нимъ цѣлый годъ,

читаетъ по его указаніямъ книги, находитъ его бесѣды „смѣлыми и занимательными", и въ концѣ концовъ оказывается какой-то робкой и слабой овечкой, которую даже могучая страсть не была въ силахъ оторвать отъ бабушкиныхъ „подгнившихъ" корней. „Не мнѣ спорить съ вами,—говоритъ она Марку со слезами на глазахъ,—опровергать ваши убѣжденія умомъ и своими убѣжденіями! У меня ни ума, ни силъ не станетъ. У меня оружіе слабо—и только имѣетъ ту цѣну, что оно мое собственное, что я взяла его въ моей тихой жизни, а не изъ книгъ, не по наслышкѣ". Оказывается, не Маркъ привлекъ Вѣру надеждой на выходъ къ правдѣ и свѣту, какъ они понимались ею въ идеальномъ туманѣ будущаго, но Вѣра задалась цѣлью приручить къ себѣ безпокойнаго и безпорядочнаго чудака и сдѣлать себѣ изъ него на всю жизнь спутника и друга. Какое разочарованіе и какая проза!

Она вздохнула, какъ будто перебирая въ памяти весь этотъ годъ.

— Вы поддавались моему... вліянію... И я тоже поддавалась вашему: уму, смѣлости, захватила-было нѣсколько... софизмовъ...

— И на попятный дворъ, бабушки страшно стало! Что-жъ не бросили тогда меня, какъ увидали софизмы? Софизмы!

— Поздно было. Я горячо приняла къ сердцу вашу судьбу"...

Надо отдать справедливость Гончарову: романъ былъ задуманъ геніально, и еслибы авторъ не испортилъ его публицистическими вылазками противъ Марка и сохранилъ за нимъ идейно-общественный интересъ до конца, не сходя съ исторической и художественной почвы, ему предстояло бы сдѣлаться, быть можетъ, явленіемъ исключительнымъ во всей русской литературѣ. Но изображать соціально-политическія задачи, какъ онѣ рѣшались на его глазахъ, было не подъ-силу Гончарову, и онъ быстро перевелъ романъ на почву психологическаго интереса къ развитію страсти, изображенія которой давались ему гораздо легче, открывая большій просторъ запасу его наблюдательности и свойству таланта.

XII.

Впутать страсть въ общественную канву романа было не только естественно, съ обычной житейской точки зрѣнія, не только предусмотрительно, съ точки зрѣнія занимательности его для читателей, но и полезно для Гончарова въ его стремленіи развѣнчать Волохова, показать, что онъ нисколько не лучше са-

мыхъ обыкновенныхъ, не мудрящихъ надъ жизнью людей. Дѣйствительно, черезъ годъ оживленныхъ споровъ, острота логическихъ противорѣчій и несогласій смягчается чувствомъ послѣдовательно-ростущей и взаимно-угадываемой любви. Маркомъ овладѣваетъ страсть, и, подъ ея вліяніемъ, онъ уже не видитъ въ Вѣрѣ свою ученицу, одну изъ возможныхъ участницъ „партіи дѣйствія", но только женщину, обворожительную граціей, умомъ, красотой. А Маркъ не нечувствителенъ къ этимъ качествамъ, несмотря на внѣшнюю грубоватость своей натуры, и умѣетъ цѣнить высшія, не всякому понятныя движенія женской души, ея безконечную нѣжность и чуткость. И влюбленный, почти обезумѣвшій отъ страсти, чего-чего не наговорилъ онъ въ своихъ горячихъ рѣчахъ, полныхъ логическихъ несообразностей и восторженнаго бреда. И тѣмъ не менѣе, готовый идти на всѣ уступки, во имя Вѣры, какія только возможны, даже остаться тамъ, „жить тише воды, ниже травы", онъ ни пяди не уступаетъ ей изъ своихъ коренныхъ убѣжденій, и въ то же время не лжетъ и не обманываетъ ее клятвами въ вѣчной и ненарушимой любви.

„— Чего же еще? Или... уѣдемъ вмѣстѣ!—вдругъ сказалъ онъ, подходя къ ней.

Передъ ней будто сверкнула молнія. И она бросилась къ нему и положила ему руку на плечо.

Ей неожиданно отворились двери въ какой-то рай. Цѣлый міръ улыбнулся ей и звалъ съ собой...

„Съ нимъ, далеко гдѣ-нибудь..."—думала она. Нѣга страсти стукнулась тихо къ ней въ душу.

„Онъ колеблется, не можетъ оторваться, и это теперь... Когда она будетъ одна съ нимъ... тогда, можетъ быть, онъ и самъ убѣдится, что его жизнь только тамъ, гдѣ она"...

Все это пѣлъ ей какой-то тихій голосъ.

— Вы рѣшились бы на это? — спросилъ онъ ее серьезно.

Она молчала, опустивъ голову.

— Или боялись бы бабушки?

Она очнулась.

— Да, это правда: еслибъ не рѣшилась, то потому только, что боялась бы ее...—шептала она.

— Такъ не подходите же ко мнѣ близко, — сказалъ онъ, отодвигаясь:—старуха бы не пустила.

— Ахъ, нѣтъ, пустила и благословила бы, а сама бы умерла съ горя! вотъ чего боялась бы я!.. Уѣхать съ вами! — повторила она мечтательно, глядя долго и пристально на него:— А потомъ?

— А потомъ... не знаю..."

Развиваясь и осложняясь все новыми и новыми моментами борьбы, взаимныхъ убѣжденій и уступокъ, страсть достигаетъ своего апогея и доводитъ Марка и Вѣру до окончательнаго „обрыва"... до катастрофы.

Марка возлѣ нея нѣтъ; вокругъ нея знакомыя лица бабушки, Маротиньки, Райскаго, Тушина, выступающаго на первый планъ. Страданіе и покой, молитвы и утѣшенія, слезы и жгучая боль раскаянія и скорби волной пронеслись надъ душой Вѣры и снова вернули въ лоно бабушкиной морали и „старой правды". Съ ними, волей-неволей, пришлось примириться. Проходили дни, разсказываетъ Гончаровъ, а съ ними опять тишина повисла надъ Малиновкой. Опять жизнь, задержанная катастрофой, какъ порогами, прорвалась сквозь преграду и потекла дальше ровнѣе.

„Но въ этой тишинѣ отсутствовала безпечность". Ее унесъ съ собой Маркъ, и въ этомъ сонномъ царствѣ всѣ встрепенулись и задумались надъ жизнью.

„Вкушая, вкусихъ мало меда, и се—азъ умираю"... Вѣра сдѣлала попытку вырваться изъ угнетавшаго ее строя патріархальной жизни, но она сама была еще органически привязана къ этому строю и не могла найти въ себѣ силы оторваться отъ него и безповоротно уйти, вслѣдъ за Маркомъ, на встрѣчу неизвѣстности и судьбѣ. Она такъ и осталась на распутіи, на хлѣбахъ у старой жизни, приготовившей ей компромиссъ въ бракѣ съ Тушинымъ, въ родѣ того, какимъ едва ли не былъ бракъ Ольги со Штольцемъ.

И поставивъ на счетъ Марку всѣ угловатые штрихи и промахи, допущенные имъ въ горячкѣ упоенія страстью, Гончаровъ оставилъ въ тѣни самую сущность его протестующей натуры и не разглядѣлъ въ немъ его основной черты —органическаго революціоннаго начала.

Странное впечатлѣніе производятъ іереміады Гончарова противъ Марка во второй половинѣ романа. Еще Райскаго можно было понять. Сведя свои отношенія къ Марку исключительно на почву заступничества, въ качествѣ „брата и друга", за Вѣру, онъ могъ бы вымещать на немъ всѣ обиды уязвленнаго ревниваго самолюбія, свою досаду на то, что не онъ, Борисъ Павловичъ Райскій, артистъ, художникъ и поэтъ, но какой-то parvenu Маркъ Волоховъ, человѣкъ „безъ имени, безъ прошлаго", „буянъ", „трактирный либералъ", сталъ избранникомъ Вѣры. Будучи отъ природы наклоненъ относиться къ своимъ поступкамъ снисходительно и легко, чему помогала способность прикрывать ихъ цвѣ-

тами поэзіи, какъ только они отодвигались отъ него во времени, Райскій могъ не отдавать себѣ отчета, что могло быть истиннымъ источникомъ его враждебнаго отношенія къ Марку. Не прямо, не въ лицо, какъ слѣдовало бы въ открытой борьбѣ, но заднимъ числомъ, на страницахъ своего дневника или въ запискахъ для будущаго романа, Райскій могъ бы сыпать на него укоризны и оскорбленія, со всею опрометчивостью, на которую только способны ревность и злоба. Мы говоримъ — Райскій, но за спиной его стоитъ—Гончаровъ. „Объективный" писатель сливается въ этомъ отношеніи съ своимъ героемъ; его разсужденія незамѣтно переходятъ въ мысли и чувства Райскаго, и получается странное раздвоеніе: то, что понятно психологически въ Райскомъ, какъ въ человѣкѣ, котораго постигли неудача и разочарованіе въ любви, становится положительно необъяснимымъ, съ точки зрѣнія художественной логики, въ Гончаровѣ, съ его ролью строгаго судьи и гражданина. Можно быть не особенно требовательнымъ къ Райскому, относительно его общественныхъ взглядовъ, при которыхъ Татьяна Марковна является для него „идеаломъ, вѣнцомъ свободы", женщиной, „стоящей на вершинахъ развитія, умственнаго, соціальнаго", но встрѣтить такое явное совпаденіе со взглядами самого Гончарова нельзя, не заподозривъ въ писателѣ лично задѣтаго чувства негодованія и вражды.

Въ самомъ дѣлѣ, вникните въ смыслъ взволнованной рѣчи Райскаго, обращенной къ Марку въ одну изъ минутъ, когда Борису Павловичу было не до рисовки и позы, и подлинныя мысли и взгляды невольно сами собой вырывались наружу. Онъ только-что открылъ Вѣрину „тайну" и не знаетъ, на что ему рѣшиться,—привести ли бабушку, съ толпой людей, на дно обрыва или застрѣлить „собаку" Марка, для чего, впрочемъ, у него не хватаетъ духу,—и безумная злоба овладѣваетъ имъ. „Это наша „партія дѣйствія"!—шепталъ онъ:—да, изъ кармана показываетъ кулакъ полиціймейстеру, проповѣдуетъ горничнымъ да дьячихамъ о нелѣпости брака, съ Фейербахомъ и съ мнимой страстью къ изученію природы вкрадывается въ довѣренность женщинъ и увлекаетъ вотъ этакихъ слабонервныхъ умницъ!"... И защитникъ Вѣры, ея „братъ и другъ", не находитъ ничего лучше сдѣлать въ эту минуту, какъ довершить трагизмъ ея положенія послѣднимъ ударомъ — обдуманно заготовленнымъ букетомъ померанцевыхъ цвѣтовъ, брошенныхъ въ ея комнату „дружеской" рукой.

Сопоставьте съ этой рѣчью Райскаго разсужденіе Гончарова о Маркѣ, сказанное, конечно, въ болѣе спокойномъ тонѣ, и вы

не замѣтите никакой разницы въ коренномъ ихъ смыслѣ. „Онъ (Маркъ), во имя истины, развѣнчалъ человѣка въ одинъ животный организмъ, отнявши у него другую, не животную сторону. Въ чувствахъ видѣлъ только рядъ кратковременныхъ встрѣчъ и грубыхъ наслажденій, обнажая ихъ даже отъ всякихъ иллюзій...“ „Оставивъ себѣ одну животную жизнь, „новая сила“ не создала, вмѣсто отринутаго стараго, никакого другого, лучшаго идеала жизни“... „Онъ проповѣдывалъ какую-то правду, какую-то честность, какія-то стремленія къ лучшему порядку“... Изъ всего ученія Марка Гончаровъ усвоилъ только одну сторону—свободу отъ обязательствъ, налагаемыхъ бракомъ, вполнѣ умѣстную тамъ, по мнѣнію Марка, гдѣ женщина является самостоятельнымъ, равноправнымъ и развитымъ членомъ общества, и частный случай преждевременной или неудачной попытки провести эту теорію въ жизнь сдѣлалъ выраженіемъ своего несочувствія новому ученію вообще.

Этого мало Гончарову. Закончивъ сцену катастрофы мелодраматическимъ восклицаніемъ—„Боже, прости ее, что она обернулась!“—Гончаровъ заставилъ Марка самого произнести себѣ судъ и осужденіе и наказать себя за нехорошій поступокъ съ Вѣрой. Не нужно быть очень проницательнымъ, чтобы замѣтить, насколько посвященныя этому самосуду страницы внутренно фальшивы и противорѣчатъ всему нравственному и умственному складу Марка. Обратимъ лишь вниманіе на авторскія подчеркиванья, въ кавычкахъ и скобкахъ, нѣкоторыхъ словъ, напоминающія режиссерскія помѣтки на роляхъ, и не будемъ упускать изъ виду общее поведеніе Марка.

Все та же страшная ночь катастрофы въ обрывѣ. Маркъ поднимается на дорогу и мучится вопросомъ: что онъ сдѣлалъ?— „Онъ припомнилъ,—разсказываетъ Гончаровъ,—какъ въ послѣднемъ свиданіи „честно“ предупредилъ ее. Смыслъ его словъ былъ тотъ: „помни, я все сказалъ тебѣ впередъ, и если ты, послѣ сказаннаго, протянешь руку ко мнѣ—ты моя: но ты и будешь виновата, а не я“.

Но это разсужденіе, при его видимой наивности, было не въ духѣ Марка, даже въ томъ неровномъ освѣщеніи, какое придаетъ ему Гончаровъ. „Обмануть ее, увлечь, обѣщать „безсрочную любовь“, сидѣть съ ней годы, пожалуй—жениться“,—такъ раздумывалъ Маркъ о Вѣрѣ до катастрофы—и ужасъ охватилъ его: „онъ содрогнулся опять при мысли употребить грубый, площадной обманъ“... И онъ любитъ, ослѣпляется страстью, падаетъ

съ Вѣрой на дно обрыва, но не обманываетъ и въ такихъ вопросахъ не лжетъ. Это его отличительный признакъ.

„Далѣе, онъ припомнилъ,—продолжаетъ Гончаровъ самовнушеніе Марка,—какъ онъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, покидалъ ее одну, повисшую надъ обрывомъ въ опасную минуту. „Я уйду", говорилъ онъ ей („честно") и уходилъ, но оборотился, принялъ ея отчаянный нервный крикъ *прощай* за призывъ—и поспѣшилъ на зовъ"...

Построивъ на разсужденіяхъ Райскаго цѣлую теорію слѣпой, всесокрушающей, „стихійной" страсти, Гончаровъ менѣе всего склоненъ примѣнить ее къ Марку. Здѣсь передъ нимъ не *человѣкъ*, но *идея*. Съ нимъ Гончаровъ и борется, какъ съ безплотной и безкровной отвлеченностью, логическая несостоятельность которой является цѣлью его усилій. Въ самомъ дѣлѣ, прислушаемся къ дальнѣйшимъ воспоминаніямъ Марка: какъ мало въ немъ живого и реально страдающаго человѣка!

„Нечестно вѣнчаться, когда не вѣришь!"—гордо сказалъ онъ ей, отвергая обрядъ и „безсрочную любовь" и надѣясь достичь побѣды безъ этой жертвы... Изъ логики и „честности" — говорило ему отрезвившееся отъ пьянаго самолюбія сознаніе—„ты сдѣлалъ двѣ ширмы, чтобъ укрываться за нихъ съ своей „новой силой", оставивъ безсильную женщину раздѣлываться за свое и за твое увлеченіе, обѣщавъ ей только одно: „уйти, не унося съ собой никакихъ „долговъ", „правилъ" и „обязанностей"... оставляя ее нести ихъ одну".

Но если кого и можно было обвинять въ „пьяномъ самолюбіи", то болѣе Райскаго, чѣмъ Марка. Къ послѣднему скорѣе могъ быть обращенъ упрекъ въ стремленіи, наоборотъ, къ излишней трезвости, доходившей до цинизма, но никакъ не въ самолюбіи.

„Ты не пощадилъ ее „честно", — читаемъ дальше, — когда она падала въ безсиліи, не сладилъ потомъ „логично" съ страстью, а пошелъ искать удовлетворенія ей, поддаваясь „нечестно" отвергаемому твоимъ „разумомъ" обряду и впереди заботливо сулилъ—одну разлуку! Манилъ за собой и... договаривался! Вотъ что ты сдѣлалъ!..."

Однако, замѣтимъ мы, изъ словъ Марка вовсе не видно, чтобы онъ „сулилъ", да еще „заботливо", разлуку, не рискуя быть смѣшнымъ по меньшей мѣрѣ. Онъ только не закрывалъ глазъ на *естественную возможность* разлуки и говорилъ о ней, какъ о возможной крайности, боясь и мысли обмануть себя и Вѣру.

„Волкомъ“ звала она тебя въ глаза, „шутя“: — теперь, не шутя, заочно, къ хищничеству волка — въ памяти у ней теперь останется ловкость лисы, злость на все лающей собаки, и не останется никакого слѣда о человѣкѣ!..“

Такъ казнитъ себя Маркъ, по рецепту Гончарова, будучи готовъ въ то же время, изъ-за любви къ ней, согласиться на все, даже на бракъ. Эта готовность — не волчья и не лисья, и обвиненіе падаетъ само собою. Но постараемся стать на другую точку зрѣнія и зададимъ вопросъ: какъ перемѣнились бы роли, еслибы на мѣстѣ Марка былъ „союзникъ и другъ“ Вѣры—Борисъ Павловичъ Райскій?

Можно съ увѣренностью сказать, что Райскій велъ бы себя діаметрально противоположно Марку. Чувство послѣдняго развилось на почвѣ стремленія повліять на умственный складъ пытливой и серьезной дѣвушки, сдѣлать изъ нея товарища и союзницу въ борьбѣ съ косностью и рутиной. Райскій чуть не съ перваго своего свиданія съ Вѣрой началъ ухаживать за нею, причемъ это ухаживаніе по большей части носило пошловатый характеръ. Съ назойливостью, доходившей до наглости, онъ преслѣдовалъ ее своимъ фразерствомъ на тему своей колоссальной страсти, на днѣ которой лежала самая обыкновенная чувственность и животный эгоизмъ. Въ противоположность Марку онъ стремился лишь къ тому, чтобы привить ей науку страсти нѣжной и „развить изъ нея женщину“. Внѣ этого стремленія внутренній міръ Вѣры мало интересовалъ Райскаго. Не будь ея, съ ея обаятельной красотой, онъ съ неменьшимъ усердіемъ старался бы о „развитіи женщины“ въ Мареинькѣ, и въ романѣ есть сцена, гдѣ довѣрчивая и наивная Мареинька едва не сдѣлалась жертвой чувственной распущенности „брата“. Умная и чуткая Вѣра сразу сообразила, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; его любовныя изліянія вскорѣ надоѣли ей, а нескромное любопытство и насильственное залѣзаніе въ ея душу заставили ее быть съ нимъ особенно осторожной. И тѣмъ не менѣе она была снисходительна и добра къ нему; она видѣла, что онъ ее любитъ, и онъ дѣйствительно любилъ ее, потому что видѣлъ, что его не любили, и страдалъ больше отъ неудовлетвореннаго самолюбія, чѣмъ отъ любви. Любовь его была больше любовью воображенія, чѣмъ сердца: она вспыхивала какъ порохъ и, если не встрѣчала препятствій, такъ же быстро погасала... Наконецъ, положеніе Вѣры было трудное между бабушкой и Райскимъ, и невинная хитрость, придуманная ею съ Маркомъ, имѣла одну цѣль — усмирить бушующія страсти Райскаго и заставить его уѣхать.

Предположимъ теперь, что случилось то, чего не было,—что Вѣра отвѣтила Райскому взаимностью. Рѣшился ли бы Райскій съ тою же чистосердечною, пусть даже грубой откровенностью, высказать Вѣрѣ свои намѣренія, каковы бы они ни были, или не употребилъ ли бы онъ всѣ усилія, чтобы пышными фразами о любви и „роскошныхъ ощущеніяхъ“ грозы-страсти заполонить воображеніе и усыпить дѣвическую бдительность съ цѣлью подготовить побѣду? Намъ кажется, двухъ отвѣтовъ не можетъ быть на эти вопросы. Райскій — типичный соблазнитель женщинъ и дѣвушекъ на почвѣ артистичности своей натуры, и еслибы Вѣра не поддалась сразу обаянію его артистичности и горячечныхъ рѣчей о страсти, онъ не остановился бы ни передъ какими обѣщаніями и клятвами, ни мало не заботясь объ ихъ исполненіи. А когда цѣль была бы достигнута, и Райскій испыталъ бы „блаженство раздѣленной любви“, онъ не менѣе Марка испугался бы перспективы женитьбы и, чувствуя, что страсть его испаряется, какъ дымъ, направилъ бы всѣ силы своей творческой изобрѣтательности на то, чтобы отыскать благопріятный предлогъ для уклоненія отъ логически необходимыхъ, съ точки зрѣнія круга его идей, послѣдствій своего поступка; онъ не задумался бы пустить въ ходъ пышныя разсужденія о своемъ талантѣ, объ артистической дѣятельности, о долгѣ, который лежитъ на немъ передъ человѣчествомъ, о славѣ, которая его ожидаетъ, и о томъ, что для его творчества, какъ воздухъ для птицъ и вода для рыбъ, необходимы независимость и свобода. И въ то же время, какъ Вѣру насильственно отняли у Марка, не давъ ей придти въ себя и разобраться въ кошмарѣ чувствъ и мыслей, Райскій обратился бы въ позорное бѣгство, оставивъ на долю Вѣры расплату не за горячку страсти, но за свою невольную ошибку, свое разочарованіе и обманъ.

Допустимъ даже, что Райскій женился бы на Вѣрѣ. Измѣнилось ли бы что-нибудь отъ этого по существу? Теперь даже съ большимъ правомъ, чѣмъ въ шестидесятые годы, мы можемъ сказать, что въ общемъ вихрѣ крушенія старой жизни семья страдаетъ больше всего, и въ этой ломкѣ семьи, при полной невозможности предсказать формы ея будущаго развитія, обрядъ менѣе всего гарантируетъ прочность семейнаго союза. Слишкомъ потрясены основные устои, на которыхъ она зиждется, по смыслу всѣхъ естественныхъ и божескихъ законовъ. Бракъ Райскаго съ Вѣрой прибавилъ бы къ общей массѣ еще одну несчастную семью, гдѣ на долю Вѣры падали бы всѣ тяжкія послѣдствія насильственно скрѣпленнаго союза, а Райскій продол-

жалъ бы, какъ прежде, носиться по свѣту, вплетая, для пущаго обаянія, въ свои артистическіе лавры, романтическую усмѣшку разочарованнаго человѣка. Нѣтъ, ужъ лучше слѣдовать Марку, не обманывать себя и другихъ и, признавая въ женщинѣ прежде всего человѣка, ставить передъ ней вопросъ открыто и прямо, и не отступать малодушно отъ того исхода, къ которому приведетъ борьба между трезвой мыслью и ослѣпленнымъ чувствомъ— къ тому ли, что̀ называется катастрофой, или къ тихой семейной пристани... Словомъ,—какъ разсуждаетъ Маркъ,—„свобода съ обѣихъ сторонъ—и затѣмъ—что̀ выпадетъ кому изъ насъ на долю: радость ли обоимъ, наслажденіе, счастье, или одному радость, покой, другому мука и тревоги—это уже не наше дѣло. Это указала бы сама жизнь, а мы исполнили бы слѣпо ея назначеніе, подчинились бы ея законамъ". Лучше идти на встрѣчу всѣмъ неизбѣжнымъ случайностямъ, которыя постигаютъ человѣка на всѣхъ путяхъ его существованія, но идти сознательно, съ гордо поднятой головой, и, можетъ быть, пасть въ борьбѣ, чѣмъ умышленно затмить глаза туманомъ фантастическихъ надеждъ и растеряться отъ неожиданности при первомъ ударѣ судьбы.

XIII.

Сопоставляя образы Татьяны Марковны и Марѳиньки, мы замѣчали, что, при наличности многихъ общихъ чертъ ихъ натуры, бабушка была гораздо сложнѣе и шире. Коренная черта, которою бабушка переростала Марѳиньку, заключалась въ томъ, что въ основѣ ея характера, ставшаго подъ конецъ жизни властнымъ и энергичнымъ, лежала страстность, вся ушедшая на кипучую, чисто муравьиную дѣятельность въ сферѣ хозяйственныхъ интересовъ. По временамъ, какъ мы видѣли это въ сценѣ съ Титомъ Никонычемъ, это страстное начало выходило изъ береговъ административной распорядительности, и бабушка становилась способна на такіе розмахи темперамента, какіе, казалось, были вовсе несвойственны ей въ обычное время, а для Марѳиньки были бы невозможны и подавно. Этимъ началомъ порывистости, энергіи, вообще скрытой мощи духа Татьяна Марковна напоминаетъ Вѣру. Вѣра является какъ бы воплощеніемъ тѣхъ свойствъ натуры Бережковой, которыя не нашли себѣ выраженія въ Марѳинькѣ, и сама, какъ нарочно, лишена наиболѣе типичныхъ особенностей своей сестры — ея наивности, хозяйственности и простоты.

Въ образѣ Татьяны Марковны, какой она была въ молодости, сливались, повторимъ еще разъ, Марѳинька и Вѣра. Еслибъ Бережкова приходилась имъ не двоюродной или троюродной бабушкой, но матерью, какъ ее невольно хочется видѣть въ романѣ, мы сказали бы, что двойственность ея натуры, смиренная покорность судьбѣ и рядомъ — готовность къ дерзанію, къ порыву, выразилась бы на дочеряхъ съ удивительной степенью наслѣдственной передачи. Она сама говоритъ о сестрахъ, что онѣ ей—тѣ же родныя дочери; Вѣра такъ и называетъ ее послѣ катастрофы, а за ней употребляетъ это названіе и Гончаровъ. „Вѣра, очнувшись на груди *этой своей матери*, въ потокахъ слезъ, безъ словъ, въ судорогахъ рыданій, изливала свою исповѣдь“...

Райскій долго не могъ понять Татьяну Марковну, и даже тогда, когда онъ узналъ и понялъ Вѣру. Но ихъ сопоставленіе невольно напрашивалось у него. Въ Вѣрѣ оканчивалась его статуя гармонической красоты. А тутъ рядомъ возникала другая статуя—сильной античной женщины—въ бабушкѣ. Та огнемъ страсти, испытанія очистилась до самопознанія и самообладанія, а эта...

„Откуда у ней этотъ источникъ мудрости и силы? Она— дѣвушка!“

Райскій не могъ добраться до отвѣта: бабушка была для него загадкой.

Эта загадка раскрылась—и раскрылась не случайно. Бабушка всю свою жизнь вѣрила, что надъ міромъ царятъ высшіе законы, есть Богъ, который все видитъ и знаетъ. Ему извѣстны всѣ тайные помыслы и дѣла. Есть судьба, отъ которой никуда не спрячешься и не уйдешь. Надо смиряться и покоряться ихъ велѣніямъ и не забывать, что въ мірѣ царитъ вѣчный духъ справедливаго воздѣйствія за дѣла, что сказалось въ великой формулѣ—„Мнѣ возмездіе, и Азъ воздамъ“...

И она на себѣ испытала этотъ вѣчный законъ, когда увидѣла перстъ Божій, карающій ее, въ „несчастіи“ Вѣры за „грѣхъ“, постигшій Татьяну Марковну чуть не полвѣка назадъ. Въ страшной сценѣ покаянія бабушки, исполненной Шекспировскаго драматизма, ея натура проявила всю доступную ей мощь ея духа, всю глубину покаянной тоски, этой родовой славянской черты, внезапно вспыхнувшей въ ней, при извѣстіи о „паденіи“ Вѣры. Я думала, грѣхъ мой забытъ, прощенъ,—кается она Вѣрѣ.—Я молчала и казалась праведной людямъ: неправда! Я была, какъ „окрашенный гробъ“ среди васъ, а внутри таился

неомытый грѣхъ! Богъ покаралъ меня въ немъ. Прости же меня отъ сердца...

— Бабушка! развѣ можно прощать свою мать? Ты—святая женщина! Нѣтъ другой такой матери... Еслибъ я тебя знала... вышла ли бы я изъ твоей воли?..

— Это мой другой страшный грѣхъ!—перебила ее Татьяна Марковна:—я молчала и не отвела тебя... отъ обрыва! Мать твоя изъ гроба достаетъ меня за это; я чувствую—она все снится мнѣ... Она теперь тутъ, между насъ... Прости меня и ты, покойница!—говорила старуха, дико озираясь вокругъ и простирая руку къ небу. У Вѣры пробѣжала дрожь по тѣлу... —Прости ты меня, Вѣра,—простите обѣ!.. Будемъ молиться!"...

Это въ полномъ смыслѣ слова—ужасный моментъ, если представить себѣ, кромѣ реальнаго, все суевѣрное значеніе факта для обѣихъ женщинъ. Въ этотъ моментъ онѣ сливаются въ общемъ чувствѣ страха не передъ наказаніемъ, не передъ позоромъ, но передъ жизнью вообще, передъ стихійностью ея проявленій, затмевающихъ въ умѣ и сердцѣ людей присущее имъ—болѣе естественное начало, парализующихъ волю и разумъ. Въ этотъ моментъ нарушается граница лѣтъ, опыта, положеній, и Вѣра переходитъ въ Татьяну Марковну, какъ нѣкогда Александръ Адуевъ сливался до полнаго совпаденія съ Петромъ Ивановичемъ, тамъ—по сходству характера и бытовой обстановки, здѣсь—по сходству характера и психологическимъ мотивамъ драмы. Гончаровъ и укладываетъ дальнѣйшую судьбу Вѣры въ бабушкину колею. „Стало быть ей, Вѣрѣ,—говоритъ онъ,—надо быть бабушкой въ свою очередь, отдать всю жизнь другимъ и, путемъ долга, нескончаемыхъ жертвъ и труда, начать „новую жизнь, не похожую на ту, которая стащила ее на дно обрыва... любить людей, правду, добро"...

Виновникомъ, какъ принято говорить, бабушкина грѣха былъ ея старый и неизмѣнный другъ—Титъ Никонычъ Ватутинъ. Послѣ объясненія съ Вѣрой, она послала за нимъ и, когда онъ пріѣхалъ, увела его въ садъ. „Тамъ, сидя на скамьѣ Вѣры, она два часа говорила съ нимъ, и потомъ воротилась, глядя себѣ подъ ноги, а онъ, не зашедши къ ней, точно убитый, отправился къ себѣ, велѣлъ камердинеру уложиться, послалъ за почтовыми лошадьми и уѣхалъ въ свою деревню, куда нѣсколько лѣтъ не заглядывалъ"...

Неизвѣстно, о чемъ говорили они, но было ясно одно: Титъ Никонычъ долженъ былъ взять на себя половину „несчастія" Вѣры.

XIV.

Мотивъ паденія былъ однимъ изъ основныхъ мотивовъ творчества Гончарова. Начинаясь въ „Иванѣ Саввичѣ Поджабринѣ“ эпизодами легкомысленныхъ связей съ женщинами, мотивъ этотъ играетъ видную и уже серьезную роль въ „Обломовѣ“, въ отношеніяхъ Ильи Ильича къ Авдотьѣ Матвѣевнѣ, въ концѣ-концовъ оформленныхъ брачнымъ обрядомъ,—въ „Обрывѣ“ же, какъ мы видѣли, онъ былъ поставленъ на высоту соціально-этической задачи. Вѣра понимала ее и тщетно искала сознательнаго и жизненно-правильнаго рѣшенія. Она обращалась къ тому, что̀ бабушка называла „провидѣніемъ“ и „судьбой“, но „я тамъ допрашивалась искры, чтобъ освѣтить мой путь, и не допросилась“,—говоритъ она. Не пошла она и за Маркомъ, испугавшись неизвѣстности и крайностей, какъ ей казалось, новаго пути, и дѣло кончилось, по-гончаровски, компромиссомъ, примиреніемъ крайнихъ рѣшеній, какія предлагали ей голосъ протестующаго ума и страсти, съ одной стороны, и боязнь авторитета бабушкиной морали, съ другой. Страсть и протестъ нашли выходъ въ чувствѣ благодарной дружбы къ Тушину, и святость брачныхъ узъ является такимъ же deus ex machina для сложнаго узла личныхъ и общественныхъ нитей въ сердцѣ Вѣры, какъ—мы указывали уже на это—въ бракѣ Ольги со Штольцемъ, и только у Обломова съ Авдотьей Матвѣевной бракъ явился естественной и неизбѣжной формой ихъ взаимныхъ, органически развившихся въ нихъ симпатій, образа мыслей и взглядовъ.

У Гончарова разработка этого мотива далека отъ какого-нибудь опредѣленнаго рѣшенія или принципіальнаго взгляда. Но она заканчивается у него не одной лишь примирительной, но и оправдательной ноткой. Слабо и какъ будто неувѣренно пробивается эта нотка въ разныхъ мѣстахъ, но, въ общемъ впечатлѣніи, тѣмъ не менѣе, она звучитъ послѣдовательно и опредѣленно. Ни бабушка, ни Вѣра, послѣ своего „грѣха“ не утратили для него своего обаянія; напротивъ, ихъ образы становятся женственнѣе и мягче, особенно Вѣры, по мѣрѣ того, какъ она вдумчивѣе и серьезнѣе смотритъ на жизнь—не въ идеальномъ отдаленіи, а на ту, что̀ творилась вблизи, вокругъ нея, и которой она не замѣчала раньше. „Бабушка,—говоритъ Гончаровъ отъ лица Бережковой,—не казнила Вѣру никакимъ притворнымъ снисхожденіемъ, хотя, очевидно, не принимала такъ легко рѣшительный опытъ въ жизни женщины, какъ Райскій,

и еще менѣе обнаруживала то безусловное презрѣніе, какимъ клеймитъ эту „ошибку“, „несчастье“ или, пожалуй, „паденіе“ старый, въѣвшійся въ людскія понятія ригоризмъ, не разбирающій даже строго причинъ „паденія“. Такъ, будто бы, думаетъ Бережкова. Но если она и понимала Вѣру, какъ женщина, и притомъ сама причастная „грѣху“, то никакъ не оправдывала себя. „Грѣхъ“ оставался для нея „грѣхомъ“,—въ этомъ-то его фатальное значеніе,—и менѣе всего она могла сопоставлять свое отношеніе ко „грѣху“ съ „въѣвшимся въ людскія отношенія ригоризмомъ“ и разбирать причины паденія. Обычный стиль бабушки другой,—тотъ, напримѣръ, въ которомъ она предостерегаетъ Мареиньку отъ ухаживанья Бориса: „А ты не слушай,—говоритъ она,—онъ тамъ насмотрѣлся на какихъ-нибудь англичанокъ да полячекъ; тѣ еще въ дѣвкахъ однѣ по улицамъ ходятъ, переписку ведутъ съ мужчинами и верхомъ скачутъ на лошадяхъ“... Это разсужденіе—всецѣло бабушкино, а не то, въ которомъ кроется противорѣчіе со всѣмъ строемъ взглядовъ и убѣжденій Бережковой. Мы въ правѣ отнести его къ самому Гончарову, прибѣгнувшему и здѣсь къ обычному въ такихъ случаяхъ пріему—говорить описательно отъ имени того или другого лица, съ подчеркиваніями и усиленіями, тамъ, гдѣ передача своихъ мыслей въ діалогѣ вышла бы искусственной и трудной.

Такимъ образомъ, ригоризмъ безапелляціонный и безусловный, не разбирающійся въ мотивахъ и обстоятельствахъ, представлялся Гончарову одною изъ тѣхъ жизненныхъ сторонъ, съ которыми слѣдовало бороться, какъ съ кореннымъ общечеловѣческимъ недостаткомъ, не зависящимъ въ своемъ существѣ отъ правилъ старой и новой морали. Глубокая и сильная страсть является, по мнѣнію Гончарова, однимъ изъ наиболѣе оправдательныхъ мотивовъ. Какъ „гроза въ природѣ“, она вноситъ стихійное начало въ размѣренное теченіе жизни, производитъ смятеніе и бурю,—и человѣкъ перестаетъ управлять собою. Съ парализованной волей и ослѣпленнымъ разсудкомъ онъ не можетъ нести сознательной вины за свои дѣйствія, —и въ этомъ признаніи кроется одна изъ пружинъ теоретически-снисходительнаго отношенія Гончарова къ человѣческимъ слабостямъ и недостаткамъ.

XV.

Прочія лица романовъ Гончарова, различной степени типичности и значенія, не подаютъ повода къ противорѣчивымъ толкованіямъ и объясняются значительно проще. Одни изъ нихъ живо и ярко встаютъ въ воображеніи читателя, другія являются эпизодически, чтобы помочь главному герою романа раскрыть ту или другую черту своего характера. Не мало усилій потратилъ Гончаровъ на изображеніе фигуры Софьи Бѣловодовой, этой холодной великосвѣтской красавицы, но образъ ея далеко не удался Гончарову. Впослѣдствіи, въ авторской исповѣди, онъ согласился съ мнѣніемъ критики, которая отнеслась къ ней отрицательно. „Это скучное начало,—говорилъ онъ,—изъ котораго вовсе не художественно выглядываетъ замыселъ—показать, какъ отразилось развитіе новыхъ идей на замкнутомъ кругѣ большого свѣта. И ничего, кромѣ претензіи, не вышло изъ этой затѣи". Здѣсь, между прочимъ, любопытно отмѣтить одну черту. Гончаровъ заставилъ Райскаго ломать „стѣну великосвѣтской замкнутости, замуровавшейся въ фамильныхъ преданіяхъ рода", и Райскій въ пламенныхъ рѣчахъ начинаетъ набрасывать передъ своей кузиной картины тяжелой крестьянской жизни. Софья чувствуетъ, что главное въ его рѣчахъ—не забота о меньшомъ братѣ, не горячее участіе къ ихъ безотрадному положенію, но она сама, ея красота,—„ему хочется,—по позднѣйшему объясненію Гончарова,—побѣдить только кузину-женщину—для себя". И пропаганда Райскаго естественно не достигаетъ цѣли. Являясь совершенно чуждой всякой хозяйственности у себя въ деревнѣ и вовсе не интересуясь крестьянскимъ бытомъ, Райскій въ своихъ бесѣдахъ съ Софьей касался, если вѣрить Гончарову, не только положенія крестьянства, но и болѣе опасныхъ идей - чуть ли не общественнаго и государственнаго строя. Въ устахъ Райскаго это звучало не особенно грозно. „Мы дошли до политической и всякой экономіи, до соціализма и коммунизма—я въ этомъ не силенъ..."—говоритъ онъ. Реплики, подаваемыя Софьей Бѣловодовой, обнаруживаютъ въ ней то же птичье міросозерцаніе, которое отличаетъ Наденьку Любецкую и имъ подобныхъ.

Нельзя не отмѣтить, что Гончаровъ подробно и внимательно остановился на безтолковости и безсодержательности ихъ воспитанія. Анекдотическій характеръ послѣдняго есть историческая черта, и въ этомъ отношеніи посвящаемыя этому вопросу страницы должны внести цѣнный вкладъ въ исторію нашего до-

машняго воспитанія. Самъ Гончаровъ исполнялъ когда-то во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ обязанности учителя въ артистической семьѣ Майковыхъ. Вѣроятно, въ это время онъ имѣлъ случай присмотрѣться къ типамъ педагоговъ, иностранныхъ и русскихъ, отъ наглаго невѣжды m-r Пулэ до идеалиста-словесника Ельнина включительно. „Я всѣ уроки учила одинаково, то-есть всѣ дурно,—разсказываетъ Софья.—Въ исторіи знала только двѣнадцатый годъ, потому что mon oncle, prince Serge, служилъ въ то время и дѣлалъ кампанію, онъ разсказывалъ часто о немъ; помнила, что была Екатерина II, еще революція, отъ которой бѣжалъ m-r Querney, а остальное все... тамъ эти войны, греческія, римскія, что-то про Фридриха Великаго — все это у меня путалось. Но по-русски, у m-r Ельнина, я выучивала почти все, что онъ задавалъ“... Однако фигура учителя-классика—Козлова—вышла одноцвѣтной и блѣдной. Въ немъ, по словамъ автора, мелькнуло лицо русскаго учителя труженика, съ намекомъ на участь русской науки въ обломовскомъ обществѣ. Безъ почвы и подходящей среды, безъ книгъ и безъ денегъ, онъ долженъ былъ, по мысли Гончарова, отразить въ себѣ всю безотрадность своего существованія среди равнодушныхъ къ наукѣ людей. Но драматизмъ этого положенія не достаточно обставленъ; въ гораздо бо̀льшей степени его заслоняетъ другой драматизмъ — драматизмъ его неудачной женитьбы. Впослѣдствіи, въ своей авторской исповѣди, Гончаровъ посвятилъ образу Козлова нѣсколько теплыхъ и искреннихъ строкъ. „Въ немъ теплится искра любви къ знанію, но—какъ въ степи—нѣтъ ей пищи, ни посѣва, ни полива, некуда бросить сѣмянъ—и они глохнутъ въ немъ самомъ, а любящее сердце избрало кумиромъ ничтожество, идола, созданнаго безхарактерностью среды, безъ о̀браза. Это его жена. Весь умъ его просился въ науку, все любящее сердце отдалось этой жалкой подругѣ. Ни тамъ, ни сямъ —онъ не нашелъ отвѣта, сгорѣлъ и угасъ одиноко, въ чистомъ пламени своей любви“.

Видное мѣсто занимаетъ въ романѣ чиновничій міръ, очерченный въ общемъ весьма реально. Но характеристика его заключена болѣе въ разсужденіяхъ автора и размышленіяхъ героевъ, чѣмъ въ яркихъ типахъ. Мы уже видѣли въ первомъ очеркѣ, что служба не вызывала у Гончарова жизненнаго интереса; съ нею не связывалось у него никакихъ общественныхъ или государственныхъ плановъ иля теорій, такихъ, которыя были бы его кровными убѣжденіями, не связывалось никакихъ творческихъ симпатій и даже честолюбивыхъ цѣлей. Это отра-

зилось и въ романахъ: образы Судьбинскихъ, Аяновыхъ говорятъ уму и сердцу читателя не больше, чѣмъ образы графа Новинскаго, барона въ „Обломовѣ“ и Софьи Бѣловодовой. Конечно, въ чиновничьей средѣ не было недостатка въ типическихъ особенностяхъ, характерныхъ не только для сословія, но и для историческаго момента. Но, видно, одной наблюдательности было недостаточно для Гончарова, чтобы знакомые ему образы могли группироваться въ типы,—нужна была кровная связь съ предметомъ наблюденія, глубокое, инстинктивно выросшее пониманіе его и—на этой почвѣ—душевный интересъ и творческое влеченіе. Такой связи съ чиновничествомъ у Гончарова не было.

Стремясь противопоставить Марку человѣка „живого, не-рутиннаго“ дѣла, одного изъ первыхъ піонеровъ истинной, какъ казалось Гончарову, „партіи дѣйствія“, онъ создалъ любопытный по замыслу типъ Тушина, которому вмѣстѣ съ тѣмъ придалъ громадное общественное значеніе. Тушинымъ предстоитъ, по его мнѣнію, сослужить службу Россіи, разработавъ, довершивъ и упрочивъ ея преобразованіе и дополненіе. Тушинъ—человѣкъ земли, и въ этомъ смыслѣ авторское пониманіе Тушина заключаетъ въ себѣ намекъ, не лишенный интереса. Это—здоровая, мощная натура, таящая въ себѣ много силъ и способностей, но и то, и другое въ ней—пока еще мертвый капиталъ, не тронутый сознаніемъ и чуждый идеѣ общаго блага. Какъ попытка дать положительный типъ, столь рѣдкій въ нашей литературѣ, характеристика Тушина не лишена извѣстнаго значенія, и хотя образъ намѣченъ лишь самыми общими чертами, онъ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе.

Совершенно иначе работаетъ кисть Гончарова, какъ только переходитъ онъ на почву родного обломовскаго захолустья. Фигуры одна другой рельефнѣе и жизненнѣе такъ и просятся на полотно. Вотъ „вѣчный жидъ“ Антонъ Ивановичъ, у котораго нѣтъ человѣка изъ его знакомыхъ, что у него отобѣдалъ бы, отъужиналъ, или выпилъ чашку чая,—но зато и нѣтъ человѣка, у котораго самъ Антонъ Ивановичъ не дѣлывалъ этого по пятидесяти разъ въ годъ... Вотъ близкій ему по духу Акимъ Акимычъ Опенкинъ, который дома былъ какъ чужой человѣкъ, а у чужихъ людей—какъ дома; въ его лицѣ Гончарову подвернулся, по его словамъ, типъ русскаго человѣка, утопившаго въ винѣ всю свою жизнь, большею частью тирана въ семьѣ и бремя для общества, гдѣ онъ живетъ. „А гдѣ онъ не живетъ!—восклицаетъ Гончаровъ.—Этотъ штрихъ русской жизни почти неизбѣ-

женъ во всякой картинѣ нравовъ. Легкой тѣнью прошелъ онъ и у меня въ романѣ".

Иногда десятки страницъ Гончаровъ посвящаетъ описанію какой-нибудь фигуры, и все-таки фигура выходитъ блѣдной и нетипичной; иногда же ему удается однимъ штрихомъ настолько удачно охватить образъ, что онъ навсегда врѣзывается въ память читателя. Не говоря уже о мастерскихъ характеристикахъ Авдѣя, Евсея, Захара, Егорки, въ основу которыхъ положены близко родственныя между собою черты, списанныя, по признанію автора, съ натуры,—въ воображеніи читателя живо встаетъ длинная вереница лицъ Обломовской дворни, въ родѣ стриженной и дурно одѣтой Пашутки, у которой „изъ маленькаго, плутовскаго, нѣсколько приподнятаго кверху носа часто свѣтится капля", Машутки, которой „какъ-то неловко было держать себя въ чистотѣ"; кухарки Устиньи—„нескладной бабы съ такимъ лицомъ, которое какъ будто чему-нибудь сильно удивилось когда-то, да такъ на всю жизнь и осталось съ этимъ удивленіемъ"; угрюмой Василисы, Улиты, вѣчно таящейся во тьмѣ погребовъ, или деньщика Фаддѣева на фрегатѣ „Паллада". Всѣ эти образы вышли у Гончарова естественными и живыми, потому что Гончаровъ ихъ зналъ и въ теченіе многихъ лѣтъ наблюдалъ; рельефно рисуется и образъ Крицкой, наивно сентиментальной и влюбчивой дамы, хотя онъ обрисованъ явно каррикатурными штрихами.

Вообще же, при сужденіи о типахъ и характерахъ Гончарова, не слѣдуетъ забывать того, что говоритъ онъ самъ въ своей авторской исповѣди: „Можетъ быть, и оттого, между прочимъ, мои лица не кажутся другимъ такими, какими я разумѣлъ ихъ, что всѣ эти портреты, типы, слишкомъ мѣстные, вышедшіе изъ небольшого приволжскаго угла, и потому не всѣмъ, живущимъ на разбросанныхъ пространствахъ Россіи, извѣстны, и, наконецъ, развѣ и потому еще, что въ нихъ сквозитъ много близкаго и родного автору, и замѣтно пробивается кровная его любовь къ нимъ.

„Да, можетъ быть, и такъ: дѣйствительно, много личнаго, интимнаго, т. е. своего, и себя самого, вложено авторомъ туда".

Наша попытка имѣла цѣлью разобраться въ этомъ признаніи автора.

Въ заключеніе нѣсколько словъ не на тему.

Почетное мѣсто, отведенное Гончарову въ исторіи русской литературы еще при его жизни, рядомъ съ именами Тургенева, Некрасова, Салтыкова, занято имъ не случайно. Его произведе-

нія представляютъ богатый и сложный матеріалъ, изученіе котораго можетъ дать поучительные и любопытные результаты. Тѣ, кто признаетъ за творчествомъ Гончарова значеніе выдающагося общественнаго факта, — тѣ заинтересуются его личностью не только какъ человѣка, обладавшаго тѣми или другими свойствами, но преимущественно съ точки зрѣнія той выдающейся роли, какую играла эта личность въ отраженіи общественнаго склада эпохи. Субъективная критика можетъ, по своему произволу, интересоваться или игнорировать личность писателя, но у исторіи литературы — свои методы и свои задачи. Ея цѣль — безпристрастно изучить всю сумму данныхъ, въ которыхъ жилъ и развивался писатель, выяснить существо и историческую цѣнность его общественныхъ идеаловъ и, наконецъ, опредѣлить ту сферу художественнаго, умственнаго и нравственнаго вліянія, какую оказало его творчество на современниковъ и потомство. По отношенію къ Гончарову, эта задача намѣчена лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Это былъ глубокій, своеобразный и капризный талантъ. Онъ владѣлъ писателемъ въ гораздо большей степени, чѣмъ писатель имъ. На Гончаровѣ было бы удобнѣе всего построить теорію самодовлѣющаго таланта, который творитъ, не всегда справляясь съ міросозерцаніемъ писателя, инстинктивно захватываетъ шире и глубже намѣреній автора, и подчасъ становится съ нимъ въ непримиримое противорѣчіе. Творчество отражаетъ эту борьбу сознательнаго начала съ инстинктомъ и невольно обнаруживается, позже, страницами неровныхъ штриховъ и раздраженной или ослабѣвшей мысли. На нашихъ глазахъ прошло и проходитъ не мало непонимающихъ себя талантовъ, у которыхъ, не въ примѣръ Гончарову, сознательная мысль, замыкаясь въ узкую тенденцію, брала верхъ надъ талантомъ, и ихъ творчество выходило болѣзненнымъ и блѣднымъ. Выступая иногда слишкомъ рано на поприще общественной борьбы, они недостаточно чутко прислушивались къ органическимъ влеченіямъ своихъ еще не установившихся талантовъ и направляли работу своей кисти въ такія области, для которыхъ художественное содержаніе было и большою роскошью, и вмѣстѣ съ тѣмъ препятствіемъ въ суровой борьбѣ отвлеченныхъ идей. По счастью для Гончарова, талантъ его былъ настолько великъ, что въ большинствѣ случаевъ одерживалъ верхъ надъ чуждыми ему публицистическими порывами. Онъ былъ *ограниченъ*, этотъ талантъ, и жизненъ вездѣ, гдѣ Гончаровъ чувствовалъ „свой грунтъ и свою ниву“, но онъ же оказался блѣд-

нымъ и малосодержательнымъ, когда писатель взялся за изображеніе мало знакомой ему набѣгавшей „новой“ жизни.

За этой борьбой идей и таланта остается свое особенное значеніе. Гончаровъ прошелъ по межѣ двухъ эпохъ нашей сознательно-исторической жизни. Старое, какъ дремучій лѣсъ, съ подгнившими корнями, ломалось здѣсь и тамъ, падало и давило молодые побѣги, но они веселой, зеленой волной охватывали его по опушкамъ, проростали между стволовъ, взбирались на старые пни—и уже готовились торжествовать свою побѣду... Гончарову жаль было таинственной задумчивости и величавыхъ рѣчей стараго лѣса; ими было проникнуто его творчество, все сотканное изъ яркихъ золотыхъ лучей, прорвавшихся въ сумракъ неподвижности и покоя,—и онъ боязливо косился на молодые и дерзновенные побѣги... Этотъ моментъ борьбы, съ шатаніемъ старыхъ устоевъ и проблесками новой жизни, сдѣлалъ Гончарова типичнымъ выразителемъ переходной эпохи, для насъ—самой знаменательной во всей исторіи нашего общественнаго развитія. Чуткій и наблюдательный во всемъ, что онъ разсматривалъ въ конечномъ итогѣ прошлаго, Гончаровъ ярко характеризовалъ общественный идеалъ Чацкаго, его стремленіе къ свободѣ отъ всевозможныхъ цѣпей рабства, которыми оковано общество, — но современная жизнь, казалось ему, настолько ушла впередъ отъ того—другого, „Фамусовскаго“, идеала, что въ ней оставались, по его выраженію, только „кое-какіе живые слѣды“ стараго міросозерцанія, мѣшавшіе „обратиться картинѣ въ законченный историческій барельефъ“. И творчество Гончарова, въ его объединенномъ смыслѣ, показало, что такихъ слѣдовъ въ русской жизни осталось немало.

Полвѣка — срокъ большой для пробужденнаго самосознанія. Къ нашей порѣ, эта жизнь во многихъ отношеніяхъ ушла впередъ, сосредоточилась на внутренней, упорной работѣ, выработкѣ новыхъ общественныхъ условій. Но теоретическое обоснованіе этическихъ и соціально-политическихъ задачъ русской жизни остановилось на тѣхъ первыхъ и неувѣренныхъ попыткахъ ихъ рѣшенія, какія были сдѣланы въ моментъ просвѣта шестидесятыхъ годовъ. Къ нимъ придется вернуться, когда, при измѣнившихся условіяхъ, скрытые соки жизни выступятъ наружу и скажутся пышнымъ расцвѣтомъ творческихъ силъ, — и сама собой возникнетъ потребность возстановить нарушенную связь съ историческими традиціями прогрессивно-общественной русской мысли. Историкъ эпохи найдетъ тогда въ твореніяхъ Гончарова живую иллюстрацію историческаго момента, съ его борьбой разнород-

ныхъ стремленій, чувствъ и идей, съ его попытками, если не рѣшить, то поставить на очередь задачи общественнаго и личнаго блага.

Въ связи съ глубиной и яркостью художественнаго дарованія, это историческое значеніе творчества Гончарова обезпечитъ за нимъ то видное мѣсто въ исторіи нашей литературы, котораго онъ столь исключительно счастливо достигъ еще при жизни. На это у него полное и неотъемлемое право.

Евг. Ляцкій.

ГАЗЕТНОМУ „НАЦІОНАЛИСТУ“

I.

Народность гражданамъ мила не безъ причинъ;
Тебѣ же собственно въ ней то милѣй, что старѣй.
Ты какъ же старину взлюбилъ: какъ гражданинъ,
Иль антикварій?

Ты ищешь лучшаго. Не трудно также мнѣ
Признать, что времена теперешнія—плохи;
Но надобно мнѣ знать: ты манишь къ старинѣ
Какой эпохи?

У насъ запасъ грѣховъ не малый позади.
Что если въ часъ лихой мы вновь сдружимся мигомъ
Иль съ правомъ крѣпостнымъ, или—того гляди—
Съ татарскимъ игомъ!

Ты, говорятъ, призналъ, что стало тяжело
Цивилизаціи намъ западное бремя,
И въ просвѣщенности излишней видишь зло...
Нашелъ же время!

Невѣжествомъ толпы мы хлещемъ черезъ край;
Да и повыше-то чуть брезжетъ свѣтъ науки;
А въ сферахъ нравственныхъ хоть снова начинай
Съ аза̀ и съ буки.

Мы рядимъ пустоту въ объемистую ложь,
Чтобъ охранить застой отъ натиска прогресса.

Такъ хлѣбный торговецъ кладетъ въ дрянную рожь
Песокъ для вѣса.

Не дашь ты радостей въ воскресшей старинѣ!
А радость вѣдь и намъ нужна, я полагаю;
Несемъ безплодныя мы жертвы лишь однѣ
Родному краю.

Въ отечествѣ тоской случалось изнывать,
Прося разлуки съ нимъ какъ съ затхлою темницей:
„Здоровымъ воздухомъ дозвольте подышать
Намъ за границей!“

По мнѣнію другихъ, ты мыслью задался
Патріархальныя усилить въ насъ начала
Затѣмъ, что будто бы бѣда въ Россіи вся
Отъ либерала.

Ахъ, либералы! вы теперь обречены
Судьбой суровой быть козлами отпущенья.
Я—также либералъ; но въ чемъ мои вины?
Въ чемъ прегрѣшенья?

Ужели-жъ мнѣ нельзя, на самомъ склонѣ дней,
Предъ нашей стариной и прихвастнуть немножко,
Что я ужъ не холопъ, зовусь-молъ Алексѣй,
А не Алёшка?

Ужель врагомъ властей могу считаться я
И скромное мое писательство—опасно,
Лишь только потому, что къ нимъ любовь моя
Не сладострастна?

Ужель погоревать не смѣемъ о судьбѣ,
Обрекшей насъ на то, чтобъ вѣчнымъ быть ребенкомъ,
Которому принять заботу о себѣ
Не по силёнкамъ?

Зачѣмъ вотще искать таинственную нить
Влеченья къ новизнамъ и къ западнымъ затѣямъ?
По части правъ хоть то намъ какъ бы сохранить,
Что ужъ имѣемъ.

Мнѣ страшенъ смыслъ твоихъ мечтаній... Намъ опять
Зажить по старому окажется не трудно;
Простимся съ мыслями; заснемъ и будемъ спать,
Спать непробудно.

И, средь безмолвія, мы будемъ видѣть сны...
Не только мудрый строй мы водворимъ въ отчизнѣ,
Но будутъ нами всѣ въ бреду разрѣшены
Проблемы жизни...

II.

Свободомысліе—почетъ моихъ сѣдинъ;
Мой опытъ юныя усторонилъ химеры,
И явно я блюду, Россіи гражданинъ,
Мой символъ вѣры.

Есть свойства русскія—краса для всѣхъ временъ.
Я ихъ цѣню умомъ, душою, зрѣньемъ, слухомъ.
При нихъ и стариной я русскою плѣненъ,
И русскимъ духомъ.

Лишь духъ достоинства средь насъ и нынѣ слабъ.
Издавна вскормленный успѣхомъ лжи и лести,
Нерѣдко и въ другихъ не цѣнитъ старый рабъ
Гражданской чести.

Намъ прочный нуженъ миръ; а въ наши времена
Залогъ спокойствія—законная свобода;
И въ грозовые дни разумность ей дана
Громоотвода.

По поводу твоихъ стремленій къ старинѣ
Вотъ—грустныхъ и смѣшныхъ дѣяній нашихъ повѣсть.
Въ ней выразился я, какъ подсказали мнѣ
И честь, и совѣсть.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Май. 1903 г.
Тамбовъ.

ТАЙГА
И
ЕЯ ОБИТАТЕЛИ

Изъ путешествія по сибирской тайгѣ.

Окончаніе.

V *).

На дальнѣйшемъ нашемъ пути къ заимкамъ староверовъ бѣльники стали замѣтно рѣдѣть и скоро перешли въ открытыя поляны, покрытыя кое-гдѣ отдѣльными кустиками. Нашъ караванъ очутился скоро на открытомъ косогорѣ, со склономъ къ рѣкѣ, извѣстной подъ именемъ Таежной-Тюхтети. Узкая тропа, по которой мы двигались до сихъ поръ, превратилась въ широкую проѣзжую дорогу, спускавшуюся подъ гору, гдѣ виднѣлся мостикъ черезъ рѣку, а на другомъ берегу открывался рядъ избъ, блестѣвшихъ на солнцѣ своими новыми крышами и обшитыми свѣжимъ лоснящимся тесомъ стѣнами.

— Это что за селеніе? — спросили мы съ топографомъ въ одинъ голосъ.

— Киржацкое, баринъ,—отвѣтили рабочіе.

— Кто же живетъ здѣсь?

— Арендатели,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Да вѣдь это поселокъ цѣлый!—воскликнулъ топографъ, и

*) См. выше: іюнь, 477 стр.

дѣйствительно чуть ли не цѣлая деревня выстроилась на берегу таежной рѣки. Когда мы выѣхали на единственную улицу кержацкаго поселка, не числившагося вовсе въ губернскихъ спискахъ, ни единая душа не встрѣтилась намъ,—только куры бросились съ кудахтаньемъ изъ-подъ нашихъ коней. Окна были затворены; въ одномъ появилась чья-то физіономія, но сейчасъ же исчезла. „Притворяются, проклятые,—пробурчалъ Никифоръ,—киржаки самые заправскіе". Тѣмъ не менѣе это чье-то явленіе дало намъ поводъ постучаться въ ворота дома и, наконецъ, подъ окно. Выглянула баба.—„Хозяева дома?"—спросилъ Абрамій, подъѣхавшій къ самому окну.—„Нѣтути, родимый",—жалобно отвѣчала баба, украдкой взглядывая на насъ.

— Ой-ли, тетушка, смотри, разыщемъ, — лукаво говорилъ Абрамій.

— Вотъ те, Христосъ, всѣ на пашню ушли, время-то рабочее.

— Да неужто такъ-таки никого и нѣтъ во всей деревнѣ?

— Нѣтъ, болѣзный, никого и ничего у насъ нѣтъ,—и баба хотѣла захлопнуть окно.

— Погоди, тетенька, не торопись, мы вѣдь къ тебѣ не въ гости пришли,—говорилъ Абрамій, хватаясь за раму окна:—ты разскажи толкомъ, къ кому здѣсь можно заѣхать чайку напиться да знающаго человѣка найти?

Баба, видя, что ей никакъ не отдѣлаться отъ непрошенныхъ гостей, опять высунула за окно свою голову, укутанную ситцевымъ платкомъ.

— Дѣдъ на пасѣкѣ караулитъ, идите къ нему, тутъ пасѣка недалече, а опричь его никого и ничего нѣтъ; у него и самоваръ найдется,—и она захлопнула окошко.

— Ну, Богъ съ тобой, на пасѣку такъ на пасѣку, — пробормоталъ Абрамій, и мы двинулись по указанному направленію. Пасѣка оказалась хоть куда. Вмѣсто обычнаго низменнаго съ плоской крышей пчельника стоялъ цѣлый домъ въ два этажа съ навѣсомъ для пустыхъ ульевъ и съ жильемъ вверху и внизу. Во второй этажъ вела наружная лѣстница, и обыкновенную „вышку" здѣсь замѣняла чистая горенка и просторныя сѣни. Сзади главной постройки виднѣлись ульи, которыхъ было не мало (около двухсотъ, какъ потомъ выяснилось), а вдали виднѣлся „мышникъ", или избушка, куда на зиму запирались ульи. При поднявшемся лаѣ собакъ, невѣсть откуда выскочившихъ, изъ избы вышелъ сѣдовласый дѣдъ съ длинной сѣдой бородой.

— А мы къ тебѣ въ гости, дѣдушка, хошь, не хошь, а

принимай, да чайкомъ съ медкомъ свѣженькимъ угощай,—съ лукавой улыбкой привѣтствовалъ дѣда дипломатическій Абрамій. Дѣдъ не скоро отвѣтилъ, а сначала внимательно оглядѣлъ всю ватагу, нежданно появившуюся. Подумавъ и погладивъ бороду, онъ, не торопясь, отвѣчалъ:

— Хоть чайкомъ не балуюсь, а самоварчикъ есть для хорошихъ гостей, хлѣбушка и медокъ тоже найдется, милости просимъ.

Рабочіе, не дождавшись его отвѣта, стали уже снимать съ коней всю амуницію.

За дѣдомъ мы поднялись по наружной лѣстницѣ на вышку и расположились въ просторныхъ сѣняхъ; изъ растворенной двери открывался широкій видъ на окрестность; справа виднѣлись бѣльники и гарь, а слѣва чернѣла тайга, изъ которой вытекала р. Таежная-Тюхтеть. Къ берегу ея, покрытому черемушникомъ, шла тропа по цвѣтущему лугу. Привольно и тихо было на пасѣкѣ. На широкой столешницѣ [1]), положенной на козлы, замѣнявшей столъ и покрытой толстой скатертью, появился огромный самоваръ, а рядомъ съ нимъ дѣдъ поставилъ глубокія тарелки съ мягкимъ хлѣбомъ и съ душистымъ медомъ. Нашъ запасъ изъ настрѣлянной дичи, поджаренной хозяйственнымъ Иваномъ, дополнилъ трапезу. Солнце ярко свѣтило и былъ ясный августовскій день. Пчелы роились внизу среди ульевъ, заставленныхъ стройными рядами; къ намъ доносился на вышку глухой гулъ отъ массы жужжавшихъ пчелъ.

— Большая у тебя семья, дѣдушка?—спросилъ я его.

— Сынъ да сноха, да пятеро внучатъ въ дому живутъ.

— Гдѣ же они теперь? Что-то въ вашей деревнѣ никого не видать!..

— На пашню отправились, да въ лѣсъ... работа теперь.

— А пашня-то далеко?

— Да версты съ три будетъ.

— Пашня эта ваша надѣльная или арендная?

Дѣдъ поморщился отъ моего вопроса и не скоро отвѣчалъ.

— Мы окатовскіе сами-то, енисейской губерніи, а здѣсь арендуемъ землицы маленько, вотъ и живемъ, землю роемъ,—проговорилъ онъ, опустивъ голову.—Медку-то покушайте, свѣжій, самъ соты сію минуту рѣзалъ,—засуетился онъ.

— Спасибо! куда же вы приписаны?—разспрашивалъ я, удивленный открытіемъ новой, не числившейся по спискамъ томской губерніи, деревни.

---

[1]) Столешница—верхняя часть стола, сколоченная изъ широкихъ досокъ.

— Къ Окатову, къ Окатову, ваше благородіе; здѣсь мы, какъ пасѣчники-арендатели живемъ, — волнуясь, проговорилъ дѣдъ.

— Да у васъ тутъ дворцы цѣлые настроены, а пасѣка-то одна только,—проговорилъ топографъ, попыхивая своимъ „вертуномъ“, отъ котораго дѣдъ видимо морщился, но помалчивалъ.

— Дѣло это не мое,—уклончиво молвилъ дѣдъ:—старъ я, сынъ всѣмъ управляетъ; мнѣ бы только за пчелками ходить, чтобы онѣ, сердешныя, роились, да медку бы побольше давали.

— Давно вы такъ-то поселились?—разспрашивалъ я, стараясь выяснить это загадочное обстоятельство.

— Да ужъ, кажись, пятый годокъ пошелъ, какъ изъ Окатовой-то вышли, да здѣсь пасѣку изладили, коли память мнѣ не измѣнила; плохъ я ужъ больно сталъ, помирать пора!—и онъ, кряхтя, поднялся съ лавки и, выйдя изъ сѣней, поплелся съ лѣстницы.

— Что за притча такая—окатовскіе, а живутъ здѣсь? Арендуютъ подъ пасѣки, а разстроились въ цѣлую деревню домовъ болѣе десятка, да и пашню разработали на три версты, а то и болѣе; поди, и дома-то изъ казеннаго лѣса выстроили безпошлинно,—разсуждали мы въ недоумѣніи. Въ это время въ дверяхъ появилась голова Абрамія, поднимавшагося по наружной лѣстницѣ.

— Къ вамъ, ваше благородіе, нарочный изъ Тюхтети пріѣхалъ,—проговорилъ онъ.

— Какъ онъ добрался сюда?

— Отсюда тропа до самой Тюхтети черезъ новые поселки имѣется; почитай, дорогу киржаки проторили...

Опять открытіе. Слѣдовательно, несмотря на наши путанія по тайгѣ, маршрутъ нашъ узнали и нашли насъ по такой дорогѣ, о существованіи коей мы и не подозрѣвали. Я сошелъ во дворъ къ нарочному, какъ зовутъ здѣсь конныхъ разсыльныхъ, посылаемыхъ сельскимъ начальствомъ. Онъ передалъ мнѣ пакетъ.

Въ оффиціальной бумагѣ заключалось распоряженіе о томъ, чтобы нашъ топографъ приступилъ къ съёмочнымъ работамъ въ мѣстности, ближайшей къ деревнѣ Тюхтети. Слѣдствіемъ этого распоряженія должно было быть раздѣленіе нашего каравана, которое и произошло на слѣдующее утро. Топографъ, простившись со мною, увелъ съ собою двухъ рабочихъ, пожелавшихъ съ нимъ работать, а именно Костю Сухоплюева, жаловавшагося на нездоровье и усталость и увѣрявшаго, что „косточки всѣ его

изныли отъ тайги", и Дементій, который не могъ справиться со своимъ грузнымъ тѣломъ и видимо склонялся къ отдыху. Хохолъ, находившійся въ нашемъ караванѣ на правахъ добровольца, убоялся тоже дальнѣйшаго рискованнаго путешествія и отпросился къ своимъ, чтобы повѣдать имъ о новой Ханаанской землѣ, открытой въ видѣ цвѣтущихъ бѣльниковъ, разработанныхъ старцами. Компанія раздѣлилась. Костя, Дементій и хохолъ весело прощались съ оставшимися и готовившимися въ черную тайгу сотоварищами, которые были угрюмы и сосредоточенны какъ солдаты, идущіе въ „дѣло". А дѣло было трудное, и задача, состоявшая въ томъ, чтобы пробиться съ верховья р. Кандата, примыкавшаго къ р. Таежной-Тюхтети, на р. Чиндатъ, была далеко не изъ легкихъ. Сами проводники, въ лицѣ Абрамія и Никифора, исходившихъ тайгу вдоль и поперекъ, чесали себѣ затылки и пугали меня разными ужасами: что и „кони-то себѣ могутъ брюхо распороть среди густого пихтача", и что въ болотахъ-то можно провалиться, и что придется „топорами рубиться" черезъ таежную стѣну вѣковыхъ деревьевъ. Абрамій и Никифоръ совѣтовали мнѣ взять кого-нибудь изъ мѣстныхъ жителей, знающихъ окрестности, чтобы ближайшимъ путемъ дойти до верховьевъ Кандата. „Тамъ ужъ мы сами знаемъ, какъ вывести на Чиндатъ, не впервой",—говорилъ Никифоръ. Пришлось взяться за дѣда. Тотъ самъ уклонился, а указалъ на ихъ рабочаго, Силантія, тоже живущаго на пасѣкѣ.—„Пойду-ка я схожу за нимъ, гдѣ онъ запропастился",—и съ этими словами дѣдъ ушелъ, и не успѣли мы оглянуться, какъ онъ уже опять появился въ сопровожденіи рыжеватаго плюгаваго мужика съ жидкой бородкой и бѣгающими лукавыми глазами. Это и былъ Силантій, про котораго дѣдъ не разъ поминалъ.

— Можешь насъ до верховьевъ Кандата провести?—спросилъ я его.

— Отчего не провести, тутъ каждое деревцо мнѣ извѣстно, да по гари-то и тропы есть,—отвѣчалъ онъ, какъ-то разсѣянно смотря по сторонамъ.

— Скоро можешь собраться?

— А чего мнѣ собираться, ваше благородіе? подвязался кушакомъ, да и маршъ въ тайгу.

— Да ты изъ окатовскихъ тоже?

— Какое! нѣтъ... я изъ ссыльныхъ; живу гдѣ день, гдѣ ночь; вотъ сюда на пасѣку теперь нанялся въ работники.

— Такъ собирайся, мы сейчасъ и тронемся; авось къ вечеру до Кандата дойдемъ.

— Да тутъ далеко ли до Кандата будетъ, и пяти верстъ по тропѣ не будетъ; я живымъ манеромъ, только вотъ лошадку надо добыть; да я разстараюсь,—говорилъ онъ, собираясь идти.

— Да вѣдь никого въ вашей деревнѣ нѣтъ,—сказалъ я ему.

— Поискать, такъ найдется, — загадочно промолвилъ онъ, уходя.

Очевидно, пришлось напасть на такихъ старцевъ, которые совсѣмъ уже скрываются отъ пріѣзжихъ, избѣгая всякихъ разспросовъ. Но для меня было загадкой, какъ удалось имъ прожить столько времени безъ вѣдома начальства. Чудныя дѣла въ тайгѣ дѣлаются!

Не прошло и получаса, какъ Силантій въѣхалъ во дворъ верхомъ на бодромъ сытомъ конѣ, съ ружьемъ за плечами.

— Вотъ и я готовъ!—весело сказалъ онъ.

Простившись съ дѣдомъ, я съ Абраміемъ, Никифоромъ, Силантіемъ, Иваномъ и Тихономъ двинулись съ пасѣки на семи лошадяхъ, изъ коихъ одна была подъ тюками.

За р. Таежной-Тюхтетью сразу начался мѣшаный лѣсъ, въ которомъ пихта и ель составляли половинную пропорцію съ березой и осиной.

— Вотъ и бѣльникъ пошелъ,—проговорилъ Силантій, оглядывая высокія вершины деревьевъ.

— Вы это бѣльникомъ называете? - спросилъ я.

— Гдѣ березы и осины много, мы все бѣльникомъ называемъ,—такая ужъ въ Сибири привычка.

— А что если этотъ бѣльникъ вырубить, можно здѣсь пашню пахать?

— Да какъ сказать, баринъ. Гдѣ береза да осина только, тамъ паши и сѣй, что хочешь; а вотъ, если ели да пихты много, тамъ подумаешь... Вотъ здѣшніе пасѣчники—они выжигаютъ да рубятъ такой лѣсъ... выжгутъ, а по немъ молодыя березки да осинки какъ пойдутъ,—они расчищать начнутъ, пашню и изладятъ... Много они здѣсь лѣса выжгли. Вотъ увидите за Кандатомъ, сколько гари! Да вотъ и здѣсь скоро начнется, только порѣже... Не сбиться бы съ тропы-то,—вишь, сколько здѣсь нахожено!—и онъ сталъ разсматривать тропы, пересѣкающія другъ друга въ разныхъ направленіяхъ.

Дѣйствительно, густой бѣльникъ, приближавшійся скорѣе къ хвойному лѣсу, сталъ рѣдѣть, громадныя березы и ели давали просвѣтъ, и скоро мы выбрались въ молодой березнякъ, который и лѣсомъ-то нельзя было назвать—такъ онъ былъ невеликъ.

Скоро показались срубы изъ новыхъ бревенъ,—очевидно возводилась здѣсь какая-то постройка, а вокругъ—распаханное поле.

— Это что такое?—спросилъ я Силантія.

— А вотъ видите, баринъ, какъ наши пасѣчники разстраиваются. Опять новую пасѣку ладятъ да и съ пашенкою. Только тутъ бѣда случилась. Много времени прошло, никто сюда изъ властей не заглядывалъ, и переселились они изъ енисейской губерніи для простору и подъ видомъ тѣмъ, какъ бы пасѣки устроить; на самомъ же дѣлѣ умаслили объѣздчика, чтобы онъ шибко-то не доглядывалъ, и построили они окромя пасѣкъ цѣлую деревню, дворовъ въ пятнадцать, какъ вы сами видѣли, и все изъ казеннаго лѣса. И пожгли же, и порубили они этотъ лѣсъ Божій, и все для пахоты, для расчистки. А вотъ, прошлымъ лѣтомъ, когда разное начальство стало наѣзжать въ тайгу, ихъ и накрылъ лѣсной ревизоръ. Откуда избы? Что за постройки? Какъ, почему? Объѣздчика смѣнили, составили протоколъ,—и вотъ теперь они не знаютъ, что съ ними и будетъ. Какъ дѣло это кончится—Богъ да начальство вѣдаетъ.

Теперь мнѣ ясно стало, почему окатовскіе здѣсь поселились. Это своего рода контрабандисты таежнаго лѣса и своеобразные колонизаторы, ибо они провели здѣсь тропы, которыя могутъ быть превращены въ дороги при самыхъ малыхъ денежныхъ затратахъ, и, вырубая и выжигая лѣсъ, обращали тайгу въ культурныя земли подъ видомъ пасѣкъ, изъ которыхъ большая часть была не что иное, какъ пахотныя избушки. Эти „самовольные переселенцы" производили подготовительную работу для легальныхъ переселенцевъ, которые не замедлятъ воспользоваться приготовленными землями и путями, лишь только здѣсь будутъ объявлены участки съ разрѣшеніемъ селиться на нихъ. Силантій, какъ посторонній, „пришлый" человѣкъ, выдалъ ихъ тайну и объяснилъ загадку, весьма интересную для колонизаціи. Тропа незамѣтно привела къ верховьямъ рѣки Кандата, гдѣ виднѣлись новые срубы.

— И это пасѣку строятъ?—спросилъ я.

— И эту избушку тоже описали,—отвѣтилъ онъ.

Солнце уже закатилось, стало смеркаться, и пора было подумать о ночлегѣ.

— Вотъ около пасѣки новой и заночевать можно, благо здѣсь и балаганъ есть,—проговорилъ Абрамій.

Дѣйствительно, около вновь возведенной постройки устроено было нѣчто въ родѣ шалаша, изъ кольевъ, завѣшанныхъ вѣтвями пихты и березы; около шалаша земля была покрыта пепломъ и

надъ ней торчали обугленные палки или „таганы“, на которыхъ, какъ видно, были подвѣшены котлы съ варевомъ.

— И кухня намъ готовая!—проговорилъ нашъ поваръ Иванъ, и сейчасъ же принялся за работу.

Настала ночь, а съ ней и тишина, прерываемая мрачнымъ гуканьемъ филина да мяуканьемъ рыси, нерѣдко привлекаемой веселымъ пламенемъ горящаго костра. Утромъ я отпустилъ Силантія, дальнѣйшія услуги котораго оказались лишними при Никифорѣ и Абрамiѣ, хорошо знавшихъ, какъ пройти съ верховьевъ Кандата на Чиндатъ. Переправа черезъ рѣку Кандатъ не представила никакихъ затрудненій, ибо эта рѣка, столь широкая при впаденіи ея въ Четь, здѣсь была узка и неглубока, а потому наши кони перешли ее вбродъ безъ всякаго труда.

VI.

За Кандатомъ мы попали въ непролазный черемушникъ, черезъ который пришлось рубиться, иначе говоря—двигаться шагъ за шагомъ, причемъ наши „передовые“, въ лицѣ Абрамія и Тихона, усиленно работали топоромъ, пролагая нашъ дальнѣйшій путь. Минуя черемушникъ, мы вошли въ черную тайгу. Абрамій опять влѣзъ на высокій кедръ и оттуда увидалъ громадное „поле гари“ или горѣлаго лѣса.

— Ну и порвемъ же наши мѣшечки,—проговорилъ онъ съ неизмѣнной улыбкой.

Дѣйствительно, не прошло и двухъ часовъ прохожденія по тайгѣ, какъ открылась передъ нами „гарь“.

Послѣ таежной темноты гарь намъ показалась сначала свѣтлымъ мѣстомъ, хотя обугленные стволы пихты и ели съ протянутыми черными вѣтвями и сучьями производили унылый видъ древесныхъ „покойниковъ“, какъ бы поставленныхъ на время въ своихъ черныхъ футлярахъ. На нихъ не было уже зелени и не было въ нихъ жизни; онѣ держались одними корнями, среди которыхъ пробивалось возростающее молодое поколѣніе березовыхъ и осиновыхъ побѣговъ, сопутствуемое свитой кустарниковъ таволги, малины и другихъ цвѣтковъ, замѣняющихъ послѣ пожара сообщество чисто таежныхъ растеній. Мы вступили въ эту область „черныхъ футляровъ“, и я вспомнилъ слова Абрамія, такъ какъ черныя обгорѣлыя вѣтви бывшаго „пихтача“, какъ желѣзные гвозди, впивались въ наши мѣшки и одежду, ибо „пихтачъ“ былъ густой когда-то, и его обугленные останки оставляли весьма

узкія пространства для прохода. Эти вѣтки хлестали насъ и лошадей, такъ что лица наши стали черными, какъ будто мы лазали куда-то въ трубу; то же самое случилось и съ одеждой и мѣшками, которые пришлось экстренно зашивать. Одинъ разъ я едва не лишился глаза. Несмотря на то, что приходилось простирать впередъ обѣ руки, чтобы спастись отъ хлещущихъ по лицу вѣтвей во время движенія верхомъ, я не уберегся, и одна вѣтка такъ ударила меня своимъ желѣзнымъ шипомъ, что стекло очковъ въ дребезги разбилось,—что собственно и спасло глазъ. Къ этому надо присоединить „колоднякъ", или свалившіеся уже обугленные стволы горѣлаго лѣса, лежавшіе колодами на землѣ, черезъ которыя приходилось лошадямъ перескакивать; когда же этотъ колоднякъ образовывалъ изгородь, или былъ наваленъ массою,—то и обходить. Двигались мы по верстѣ въ часъ, если не менѣе, и эта „гарь" показалась намъ хуже еще тайги, несмотря на ея „свѣтлоту" (по выраженію проводниковъ). Гарь насъ привела къ огромному таежному болоту, около котораго пришлось заночевать. Проводники и рабочіе пріуныли. До сихъ поръ мы двигались по компасу, стараясь не отступать отъ заданнаго направленія. Но это болото ставило намъ крупную преграду. Когда зажгли костеръ и разбили палатку на почвѣ сырой и оказалось, что и лошадямъ почти нечего было ѣсть, пришлось пустить въ ходъ сухари, сохраняемые какъ драгоцѣнность въ крайнихъ случаяхъ. Дѣйствительно, для охотниковъ и „таежниковъ" сухари являются якоремъ спасенія при отсутствіи дичи въ такихъ мѣстахъ, какъ гарь и болота глухой тайги. Ими питаются и кони, и люди.

— Вотъ такъ забрели!—ворчалъ Иванъ, угрюмо смотря на котелокъ, повѣшенный на таганѣ:—тутъ и до смерти не далеко. Господи Батюшка!—вздыхалъ онъ:—придется ли увидать мое Теплорѣчье?—Его ободрялъ Абрамій, никогда не терявшій присутствія духа. Никифоръ опасался за лошадей, указывая на прорѣхи въ мѣшкахъ и оборванную сбрую, причемъ говорилъ:— Мой буланка чуть животъ себѣ не напоролъ; зналъ бы этакую страсть, такъ ни въ жисть не поѣхалъ бы, морить себя и коней.— Онъ на самомъ дѣлѣ зналъ всѣ таежныя страсти, но это говорилось для краснаго словца.—А, братцы, я слѣдъ сохатаго видѣлъ: Соколка-то началъ нюхать; что завтра Богъ дастъ, да какъ намъ обойти это болото,—вишь ты, какая трущоба!..—И онъ показалъ на кочки, чернѣвшія въ темнотѣ, за которыми торчали длинные кедры съ легкою кудреватостью, безъ обычныхъ зеленыхъ шапокъ на вершинѣ, которыя они имѣютъ въ болѣе

сухой мѣстности. Корявыя березы, какъ огромныя привидѣнія, бѣлѣли среди сумрака. Далѣе все сливалось въ темную, страшную стѣну. Я заснулъ среди болотной сырости, пронизывавшей меня насквозь, несмотря на брезентъ, подложенный на землю и на стѣны палатки, уже промокшей, лишь только ея распустили надъ сырой почвой.

На слѣдующій день у меня явилось желаніе испить таежную чашу до дна... Иванъ съ Тихономъ остались съ конями, а мы втроемъ (я, Абрамій и Никифоръ) двинулись впередъ; я на всякій случай взялъ патроны съ экспресными пулями. У меня было что-то въ родѣ предчувствія, хотя я снамъ не особенно вѣрю. Мы шли по болоту съ большимъ трудомъ, перескакивая съ кочки на кочку въ мѣстахъ наиболѣе мокрыхъ, гдѣ вода выступала изъ-подъ мохового покрова. Въ мѣстахъ же болѣе сухихъ мы шли какъ по перинѣ. Но вотъ блеснулъ ручей, протекавшій среди болота, заваленный свалившимися стволами огромныхъ кедровъ и елей, съ торчавшими кверху сучьями въ видѣ лапъ громадныхъ чудовищъ.

— Ну и мѣстечко! — проговорилъ Абрамій.—Какъ же мы тутъ лошадей проведемъ? Нужно будетъ дальше искать брода?— и онъ началъ лавировать среди вѣтвей, перескакивая со ствола на стволъ, и скоро очутился на другомъ берегу ручья.—Здѣсь ужъ посуше будетъ; ну и тайга же дальше! — кричалъ онъ.

Мы за нимъ двинулись, цѣпляясь за вѣтви по стволу. Когда мы вышли на сушу, то Никифоръ сталъ вглядываться въ землю.

— А вѣдь здѣсь сохатый ходилъ!—и онъ указалъ на широкій слѣдъ, одинъ, другой, похожій на лошадиный, но гораздо шире и глубже.

Соколка, Сучка и Чернякъ начали старательно обнюхивать землю и вилять хвостами, что служило значительною примѣтой.

Мы вступали въ сухую, но темную тайгу съ гигантскими елями, пихтами и кедрами. Вѣтеръ глухо шумѣлъ, и издали казалось, что мы были около морского берега. Не прошли мы и нѣсколькихъ шаговъ, какъ раздалось мычанье. Мы остановились какъ вкопанные.

— Что это? Корова мычитъ? — спросилъ я, взглядывая на Никифора, обратившагося въ слухъ и вниманіе.

Мычанье ясно повторилось сквозь глухой шумъ тайги.

— Какая корова! Это сохатый реветъ, — проговорилъ громкимъ шопотомъ Никифоръ.

— Соколка, Черна, усь!—зыкнулъ онъ на собакъ, навостривших уши и остановившихся тоже на минуту, поднявъ морды.

Затѣмъ онѣ бросились въ чащу со всѣхъ ногъ по слѣдамъ звѣря, ясно отпечатаннымъ на зеленомъ покровѣ тайги. Мы побѣжали за собаками, что̀ называется, сломя голову. Но по тайгѣ скоро не разбѣжишься. Въ это мгновеніе поднялся неистовый лай, заглушившій мычанье. Собаки заливались. Никифоръ исчезъ. Я съ Абраміемъ повернулъ вправо по тому направленію, откуда доносился лай и куда онѣ приближались по нашему предположенію. Въ страшномъ волненіи, которое трудно описать, мы медленно двигались, перелѣзая черезъ заломы, выроставшіе передъ нами въ цѣлыя „поскотины". Наконецъ лай раздался совсѣмъ близко шагахъ въ сорока, за огромнѣйшей елью, которая лежала съ вывороченнымъ корнемъ, возвышавшимся сажени на двѣ надъ землей. За этой преградой раздалось, среди лая, фырканье весьма подозрительное. Мы остановились, я поднялъ ружье на прицѣлъ и взвелъ курки.

— Осторожнѣе, баринъ!—шепнулъ мнѣ взволнованно Абрамій: — ужъ не медвѣдь ли это фыркаетъ? Что-то на лося не похоже...

Въ этотъ моментъ лай достигъ крайней ожесточенности, и изъ за преграды выдвинулась темная масса, которую трудно было хорошо разобрать между громадными стволами. Мною овладѣла отчаянная рѣшимость. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, ясно различивъ и взявъ на прицѣлъ тушу, и, несмотря на предостереженіе Абрамія, нажалъ собачку праваго ствола; выстрѣлъ грянулъ съ оглушительной силой. Когда дымъ нѣсколько разсѣялся, я увидалъ быка, повернувшаго голову съ рогами.

— Баринъ, стрѣляйте еще разъ, а то уйдетъ! — шепнулъ мнѣ отчаянно Абрамій.

Я выстрѣлилъ, взявъ на прицѣлъ лопатку передней ноги. Когда дымъ разсѣялся, быка уже не было.

— Упалъ, упалъ!—закричалъ Абрамій, и ринулся впередъ.

Съ другого конца къ нему бѣжалъ Никифоръ и выстрѣлилъ на ходу. Когда я подбѣжалъ ближе, то увидалъ дрыгавшаго ногами въ предсмертныхъ судорогахъ и распростертаго на землѣ сохатаго (лося) съ длинной бородой и съ тускнѣющими громадными глазами.

— Не подходите, баринъ,—лягнетъ еще и убьетъ,—стрѣляйте! —крикнулъ мнѣ Никифоръ.

Я выстрѣлилъ почти въ упоръ въ шею, и страданія звѣря кончились. Никифоръ ловкимъ движеніемъ перерѣзалъ ему горло. Въ это время наши собаки разъяренно рвали шерсть на туловищѣ.

— А я, баринъ, думалъ сначала, что это медвѣдь; я какъ сталъ подбѣгать къ этому мѣсту, мимо меня мелькнуло черное что-то, да какъ зафыркаетъ!.. Изъ-за лѣсу мнѣ и не видать; я хотѣлъ бѣжать къ вамъ да васъ предупредить, а ужъ вы и грянули... Ну, вотъ, слава Богу, съ добычей!—и онъ сталъ любоваться убитымъ звѣремъ съ восторгомъ природнаго охотника. Поворотили его—подъ нимъ лужа крови.

— Какъ же намъ быть-то теперь?—заговорилъ Абрамій, съ трудомъ поворачивая тушу:—вѣдь въ немъ пудовъ двѣнадцать, а то и слишкомъ будетъ,—на себѣ не утащить, надо коней добывать, а какъ ихъ тутъ переведешь?

Быкъ былъ огромный, хотя молодой, четырехъ-пяти лѣтъ, судя по отросткамъ на рогахъ. Собаки получили внутренности, которыми такъ объѣлись, не видавъ мяса недѣли двѣ, что послѣ ѣды легли въ изнеможеніи. Туша была разрублена на части, и мы успокоились въ ожиданіи Абрамія, который ушелъ за лошадьми. Проходитъ часъ, другой, третій—никого нѣтъ.

Положеніе становилось критическимъ. По свѣтовымъ оттѣнкамъ таежной зелени можно было заключить о наступленіи заката солнца. Томимые голодомъ, мы съ Никифоромъ стали по-остяцки отрѣзывать кусочки лосинаго мяса и жарить ихъ на импровизированныхъ вертелахъ. Безъ соли и масла, однако, это жаркое показалось крайне невкуснымъ. Къ довершенію нашего бѣдствія, не было кругомъ воды, а за нею идти къ болоту было рискованно.— „Гау, гау!“—послышалось наконецъ среди тайги, къ нашей неописуемой радости.

— Абрамій идетъ!—вскрикнулъ Никифоръ.

Черезъ нѣсколько минутъ показался Абрамій, но онъ насъ не утѣшилъ.

— Кони завязли въ болотѣ, просто бѣда! Иди, Никифоръ, на подмогу,—надо мосты ладить!—проговорилъ онъ угрюмо.

Наконецъ, при полныхъ сумеркахъ, послышались колокольчики, привязанные къ лошадямъ, звукъ которыхъ доносился все ближе и ближе. Началось ауканье, и весь караванъ подошелъ къ мѣсту недавняго побоища. Не было конца удивленію со стороны Ивана, никогда не видавшаго „сохатыхъ“, и восторговъ со стороны Павла при видѣ громадной туши, разрубленной на четыре части.

Мы подошли къ ручью для ночлега, и здѣсь, несмотря на мрачную обстановку, состоялся настоящій пиръ, ибо ѣли все мясо лосиное, и жаренное, и вареное, съ такимъ аппетитомъ послѣ столькихъ дней скудной пищи и воздержанія.

Обратный нашъ путь, благодаря значительной тяжести, прибавившейся отъ навьюченныхъ частей убитаго лося, былъ крайне труденъ. Мы часто сбивались съ даннаго направленія въ виду значительныхъ обходовъ, являвшихся необходимыми при встрѣчѣ съ заломами и болотами. Мы нѣсколько разъ возвращались на то же мѣсто у р. Чиндата, — иначе говоря, „блудили", — прежде чѣмъ добрались до воды. Отдохнули лишь за р. Чиндатомъ, при прохожденіи чрезъ роскошные сосновые боры, занимающіе правый берегъ р. Чети, между р. Чиндатомъ и Тойлокомъ.

Въ особенности былъ великолѣпенъ Аландинъ боръ. Высочайшія сосны, какъ гранитныя колонны громаднаго храма, поднимали гордо къ небу свои кудрявыя вершины, освѣщаемыя золотистыми лучами заходящаго солнца, пронизывавшаго своимъ свѣтомъ промежутки между стволами и оттѣнявшаго красивые бѣлые лишаи кладоніи (оленій мохъ) съ плаунами и сухими мхами. За р. Тойлокомъ мы нашли тропу, по которой легко дошли, черезъ нѣсколько дней послѣ лосиной охоты, до р. Катыка, откуда до д. Тюхтети—рукой подать.

Возвращеніе изъ тайги съ сохатымъ носитъ всегда нѣкоторую торжественность. Рабочіе и проводники, проѣзжая по деревенскимъ улицамъ, гордо посматривали на выглядывавшихъ изъ оконъ деревенскихъ обывателей и обывательницъ, физіономіи которыхъ всегда появляются при звукѣ всякаго колокольчика. За нашимъ караваномъ, важно и чинно шествовавшимъ, бѣжали деревенскіе мальчуганы и дѣвчонки, выходили изъ воротъ парни, мужики и старухи съ клюками, и вся эта толпа очутилась на обширномъ дворѣ моей квартиры, куда вступилъ нашъ небольшой караванъ...

П. И. Соколовъ-Костромской.

СУТРА о ДѢВУШКѢ

из̆ъ

РОДА ЧАНДАЛОВЪ

Въ буддійской литературѣ „сутрою“ называется всякое каноническое сочиненіе, содержащее въ себѣ преданіе о жизни Будды. Оригиналъ настоящей „сутры“ существуетъ только на санскритскомъ языкѣ (въ сборникѣ Kowell'я) и на китайскомъ (помѣщенъ въ сборникѣ „Санъ-Цзянь“, т. 14); мы переводимъ ее впервые съ китайскаго языка; сколько намъ извѣстно, эта „сутра“ не была до сихъ поръ переведена ни на одинъ изъ европейскихъ языковъ.

„Чандалами“ называются въ Индіи самые презираемые роды, остающіеся внѣ кастъ. О нихъ такъ говорится въ законахъ Ману (Manu X, 51): „Жилища чандаловъ должны находиться внѣ селенія; ихъ одеждою должно служить одѣяніе умершихъ; пищу свою должны они ѣсть изъ разбитыхъ сосудовъ... Черное желѣзо должно служить имъ украшеніемъ... Человѣкъ религіозный не долженъ искать сношеній съ ними... Ночью не смѣютъ они входить въ города и деревни... Тѣло умершаго, не имѣющаго родныхъ, они должны вынести изъ дома... Таковы ненарушимыя правила“.

Сутра о дѣвушкѣ изъ рода чандаловъ относится къ числу наиболѣе раннихъ сочиненій буддійской литературы; она была переведена съ санскритскаго на китайскій языкъ извѣстнымъ буддійскимъ ученымъ Дхармаракшей Тухарскимъ въ IV вѣкѣ по Р. Хр. Кромѣ перевода Дхармаракши, существуютъ еще три

перевода, очевидно, съ трехъ же санскритскихъ варіантовъ этой сутры, отличающіеся между собою лишь бо́льшею или ме́ньшею полнотою. Принятый же за основаніе даннаго перевода текстъ есть именно переводъ Дхармаракши, какъ наиболѣе обработанный; переводъ этотъ носитъ по-китайски заглавіе: „Ше-тоу-цзянъ-цзинъ" (транскрипція санскритскаго заглавія: „Çardulakarnavadana", т.-е. сутра „Тигровое ухо" [1]), и состоитъ изъ двухъ рѣзко отличающихся частей. Первая часть и есть собственно сутра о дѣвушкѣ изъ рода чандаловъ, или „matañgá", сюжетъ, который исключительно разработывается въ остальныхъ варіантахъ; а вторая представляетъ собою „авадану" [2]), разсказанную Буддой; героями ея являются дѣйствующія лица этой сутры въ своихъ прежнихъ перерожденіяхъ. Въ переводѣ мы предпочли придерживаться употребленія именъ собственныхъ не въ китайской, а въ ихъ санскритской транскрипціи, какъ болѣе удобной для читателя.

Однажды благочестивый Ананда [3]) возсталъ отъ сна, по обычаю, рано утромъ, на восходѣ солнца; накинувъ свой монашескій плащъ и захвативъ чашу для собиранія дневного пропитанія, жертвуемаго доброхотными дателями, направился онъ въ городъ за этою милостыней [4]). Какъ скоро онъ насытился, онъ почувствовалъ жажду, и направился къ источнику, протекавшему невдалекѣ отъ города [5]). Въ это же время къ источнику пришла нѣкая дѣвушка изъ рода чандаловъ, по имени Пракрити, съ кувшиномъ, чтобы зачерпнуть здѣсь воды. Увидя ее, Ананда приблизился къ ней и сказалъ:

— О, милая дѣвушка! Не будешь ли ты добра оказать мнѣ милость—дать мнѣ напиться!

Но дѣвушка съ удивленіемъ отвѣтила:

— Развѣ ты не видишь, что я принадлежу къ роду чандаловъ?

---

[1]) Принятое нами заглавіе принадлежитъ другимъ тремъ варіантамъ.

[2]) Подъ этимъ названіемъ подразумѣваются пояснительныя сутры, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ прежнихъ перерожденій Будды.

[3]) Ананда—одинъ изъ первыхъ послѣдователей Будды, впослѣдствіи причисленный къ сонму архатовъ; онъ часто является дѣйствующимъ лицомъ въ сутрахъ.

[4]) Посвятившіе себя монашескому образу жизни были обязаны принимать пищу одинъ разъ въ день и только въ томъ видѣ и количествѣ, какъ имъ удастся насобирать въ видѣ милостыни.

[5]) Городъ, о которомъ здѣсь говорится, есть Шравасти, столица небольшого государства того же имени, любимое мѣстопребываніе Будды. Развалины его находятся недалеко отъ Фузобада.

— Я прошу тебя дать мнѣ только напиться и не спрашиваю, къ какому роду ты принадлежишь, — возразилъ на это Ананда.

Тогда дѣвушка подала ему кувшинъ съ водою, и Ананда, утоливъ свою жажду, оставилъ ее и пошелъ назадъ.

Въ душѣ же Пракрити, удивленной непривычнымъ для нея обращеніемъ, глубоко запечатлѣлся образъ молодого монаха, и звукъ его голоса продолжалъ звучать въ ея ушахъ; возвращаясь съ наполненнымъ кувшиномъ домой и раздумывая о встрѣчѣ у источника, молодая дѣвушка была уже страстно влюблена въ Ананду, и въ голову ей пришла грѣшная мысль: „Вѣдь вотъ моя мать,—думала она, — владѣетъ силой заклинанія великихъ духовъ—такъ пусть она, при помощи ихъ, устроитъ такъ, чтобы этотъ монахъ сдѣлался моимъ мужемъ"! И вотъ дома она обратилась къ своей матери со словами:

— Сегодня встрѣтила я одного монаха, Ананду, который принадлежитъ къ числу послѣдователей монаха Гаутамы [1]. Не можешь ли ты, матушка, посредствомъ своихъ чаръ устроить такъ, чтобы онъ сдѣлался моимъ мужемъ, а твоимъ зятемъ?

— Видишь ли,—отвѣтила на это мать,—чары мои имѣютъ силу надъ всѣми, кромѣ тѣхъ, кто уже умеръ, и тѣхъ, кто отринулъ всѣ свои страсти и желанія [2]; а монахъ Гаутама именно таковъ. Да кромѣ того, какъ слышно, государь этой страны весьма почитаетъ монаховъ, уважаетъ ихъ ученіе и исполняетъ ихъ заповѣди; и если кто-нибудь услышитъ о нашей затѣѣ и донесетъ царю, то мы можемъ дорого поплатиться за это. Вотъ какъ же тутъ быть?

Услыхавъ такой отвѣтъ, дѣвица залилась горькими слезами и сказала, что ей придется умереть, если Ананда не будетъ ея мужемъ—такъ велика была ея страсть.

— Да хранятъ тебя великіе духи,—воскликнула испуганная мать,—ты отнюдь не причиняй себѣ никакого вреда! Попытаемся сдѣлать все, что можно.

Съ этими словами мать Пракрити занялась приготовленіями къ совершенію заклинаній: она устроила во дворѣ своего жилища жертвенное мѣсто, на которомъ зажгла костеръ, а кругомъ поставила восемь кувшиновъ, наполненныхъ водой; затѣмъ, собравши шестнадцать паръ живыхъ, извѣстныхъ ей цвѣтовъ, она начала бросать ихъ по одному въ огонь, произнося вмѣстѣ съ тѣмъ нараспѣвъ заклинанія духамъ.

---

[1] Гаутама—имя Будды.

[2] Достигнуть уничтоженія страстей и желаній—одинъ изъ принциповъ буддійскаго ученія.

Какъ только сила этихъ заклинаній достигла Ананды, онъ принужденъ былъ выйти изъ своего уединеннаго жилища и отправиться къ дому чандаловъ, а въ сердцѣ его въ это время родились мысли о встрѣченной у источника дѣвушкѣ. Мать Пракрити, издали увидѣвъ его, обратилась къ дочери: „Вотъ ученикъ Гаутамы уже приближается!"—и Пракрити, обрадованная скорымъ исполненіемъ своихъ желаній, поспѣшила приготовить трапезу и ложе.

Ананда же, приблизившись къ дому чандаловъ, не вошелъ однако, а одиноко сѣлъ невдалекѣ и со слезами мысленно обратился къ Буддѣ—дать ему силы не впасть въ смертный грѣхъ. Услышалъ досточтимый въ мірѣ Будда молитву своего благочестиваго ученика, прозрѣлъ случившееся и разрушилъ чары колдуньи.

Всталъ Ананда и возвратился въ свою уединенную келью.

Пракрити, увидя, что Ананда удаляется, въ страшномъ волненіи обратилась къ своей матери: „Посмотри, что же это значитъ—Ананда уходитъ"! Мать же отвѣтила: „Безъ сомнѣнія въ этомъ ему помогаетъ монахъ Гаутама—это онъ разрушилъ наши чары и не позволилъ Анандѣ войти. Да, безгранично велика сила заклинателей Гаутамы! Нѣтъ ей предѣла, и во всемъ мірѣ не найдется никого, кто могъ противостоять ей".

Тогда Пракрити рѣшила сама попытаться достичь цѣли своихъ желаній. И вотъ утромъ, на восходѣ, она встала, умылась, одѣла прекрасное платье съ украшеніями, на шею повѣсила драгоцѣнное ожерелье изъ ярко-блистающихъ самоцвѣтныхъ камней, и, сіяя красотой и привлекательностью, при свѣтѣ восходящаго солнца направилась въ городъ Шравасти.

Въ ожиданіи Ананды, она стала у тѣхъ воротъ, чрезъ которыя онъ долженъ былъ войти и возвратиться. Въ это время, по обычаю, всѣ монахи шли въ городъ собирать подаянія; вошелъ также и Ананда. Завидѣвъ его еще издали, Пракрити тотчасъ пошла слѣдомъ за нимъ; когда онъ входилъ въ дома, чтобы получить милостыню, она стояла и ждала его у воротъ. Ананда, замѣтивъ, что дѣвушка все слѣдуетъ за нимъ и не отстаетъ ни на шагъ, смутился духомъ, и, выйдя вскорѣ изъ города, направился въ садъ Анатхапиндики [1]), гдѣ въ это время находился Будда. А Пракрити шла за нимъ.

Приблизившись къ Буддѣ и припавъ головою къ его стопамъ, Ананда сѣлъ и жаловался Досточтимому въ мірѣ:

---

[1]) Судатта Анатхапиндика—извѣстный благотворитель того времени. Садъ его былъ любимымъ мѣстопребываніемъ Будды.

— Пошелъ я сегодня собирать милостыню, а эта дѣвица шла сзади и преслѣдовала меня; я входилъ за милостыней въ дома—она ждала меня у дверей. О, Досточтимый въ мірѣ! Какъ избѣжать мнѣ этого?

— Не бойся, Ананда, и не страшись!—отвѣтилъ Будда, и приказалъ дѣвицѣ подойти ближе.

— Зачѣмъ ты все преслѣдуешь Ананду, и чего ты отъ него хочешь?—спросилъ у нея Будда. И проникнувъ духомъ въ желанія ея сердца, воскликнулъ:—О, несчастная! ты желаешь монаха Ананду имѣть своимъ мужемъ! Но для этого нужно имѣть согласіе родителей.

Тогда Пракрити пошла домой, позвала отца и мать, и вмѣстѣ съ ними возвратилась къ Буддѣ. Тѣ, воздавъ ему подобающія почести [1]), выразили свое согласіе на бракъ дочери съ Анандой.

— Но этого мало,—продолжалъ Будда.—Ананда—монахъ и носитъ монашеское одѣяніе, и тебѣ слѣдуетъ одѣть такое же платье.

— Я исполню все, что ты прикажешь,—отвѣтила Пракрити, —лишь бы онъ былъ моимъ мужемъ.

Тогда Будда приказалъ обрѣзать ей волосы и одѣть монашеское платье. Услышавъ приказаніе Будды, старуха-мать Пракрити со слезами стала уговаривать дочь не лишать себя красоты.

— Неужели ты не можешь преодолѣть своей страсти? Неужели ты думаешь, что во всей странѣ не найдется никого лучше этого монаха! Есть же юноши красивые изъ богатыхъ семействъ —изъ нихъ выбрала бы я тебѣ мужа. Подумай объ этомъ, не навлекай позора на мою голову!

Но Пракрити была непреклонна въ своемъ желаніи, и мать сама, со слезами, обрѣзала ея длинные волосы [2]).

Послѣ этого Будда снова обратился къ Пракрити и спросилъ:

— О, дѣвушка, ты еще хранишь желаніе получить мужемъ Ананду? — И послѣ утвердительнаго отвѣта продолжалъ: — Но что же тебя такъ привлекаетъ въ немъ. Не его ли глаза, носъ, все лицо, станъ, походка, весь его образъ такъ очаровали тебя?

— Ты правъ, досточтимый въ мірѣ Будда,—отвѣтила Пракрити:—да, мнѣ нравится въ Анандѣ все это, и потому я его люблю и желаю быть его женой.

---

[1]) Воздали подобающія почести, т.-е. поклонились въ ноги Буддѣ и послѣ этого обошли его три раза посолонь. Всякое лицо, разговаривающее или приближающееся къ Буддѣ, дѣлаетъ то же. Въ переводѣ опущено.

[2]) Буддійскіе монахи имѣютъ бритую голову.

Тогда Будда произнесъ проповѣдь, объясняя истинную сущность вещей; онъ показалъ, что тлѣнное тѣло не достойно любви, какъ состоящее изъ праха и въ прахъ обращающееся; изложилъ передъ всѣми законы небесные, объяснилъ то, что есть, что было и что будетъ; объяснилъ и то, чего нѣтъ, или небытіе, и указалъ, какъ, слѣдуя этому ученію, находить радость въ сокрушеніи, творить милостыню и соблюдать обѣты, одолѣвая соблазны чувственнаго міра. Затѣмъ, постигнувъ духомъ, что, подъ вліяніемъ его словъ, мысли Пракрити чисты и радостны, и въ сердцѣ разсѣялся мракъ ея страсти, онъ объяснилъ ей сущность четырехъ истинъ: страданія, причинности, уничтоженія и пути [1]).

И вотъ, какъ бѣлоснѣжная шолковая ткань принимаетъ окраску, такъ и Пракрити, получивъ мудрыя наставленія, уразумѣла истину; и какъ свѣтъ разсѣваетъ тьму, такъ и истина разсѣяла мракъ грѣховныхъ желаній въ ея сердцѣ, и она, преклонивъ голову къ стопамъ Будды, воскликнула:

— О, досточтимый въ мірѣ Будда, прости мнѣ мою ошибку, мой грѣхъ, мое желаніе имѣть благочестиваго Ананду своимъ мужемъ, ибо я раскаиваюсь!

Тогда Будда отвѣтилъ:

— Хорошо, о, монахиня! Ты сама увидѣла свои заблужденія и исправила ихъ согласно закону ученія, а потому имѣешь оттого пользу, а не вредъ. Я же весьма сострадаю тебѣ и принимаю твое раскаяніе. Иди, и будь совершенна!

Такъ сказалъ Будда, и Пракрити, исцѣливъ свою страсть и познавъ истинное ученіе, удалилась. Всѣ же присутствующіе изумились силѣ ученія Будды и преклонились предъ нимъ.

Съ китайск. Н. Вундцеттель.

Дербентъ.

[1]) Четыре основныхъ принципа буддійскаго ученія.

НА ВЫСОТАХЪ
КАВКАЗА

Путевыя замѣтки и наблюденія.

Окончаніе.

II *).

Изъ поѣздки въ Балкарію возвратился я на хуторъ Долинской 24-го іюля, а 26-го уже принялъ участіе въ путешествіи къ подножію Эльбруса.

На этотъ разъ компанія наша состояла изъ 14 человѣкъ, а поѣздка продолжалась шесть дней, причемъ въ одинъ и другой конецъ пришлось проѣхать 220 верстъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, за каждую „фуру", въ которой размѣщалось по 4 человѣка, пришлось уплатить по 20 руб. Если прибавить къ цѣнѣ за подводы стоимость провизіи, наемъословъ и проводниковъ,—о чемъ будемъ говорить ниже,—то путешествіе къ Эльбрусу обошлось на человѣка по 8 руб. съ копѣйками, т.-е. съ небольшимъ по 1 рублю въ сутки, почти столько же, сколько и при поѣздкѣ въ Балкарію.

Какъ мы уже говорили, Балкарія находится въ истокахъ Черека, а теперь мы ѣхали къ истокамъ Баксана.

Изъ Нальчика нашъ путь лежалъ сначала на западъ, ровною

*) См. выше: іюнь, 677 стр.

Кабардинскою степью. Среди кабардинцевъ, представляющихъ воинственную и многочисленную отрасль черкесскаго племени,— существуетъ преданіе, что они въ незапамятныя времена переселились въ Предкавказье съ восточныхъ береговъ Чернаго моря подъ предводительствомъ нѣкоего Кабарды Тамбіева, причемъ, при императорѣ Юстиніанѣ, среди нихъ распространилось христіанство, которое и было господствующимъ вѣрованіемъ до начала XVIII вѣка.

Русскіе въ очень отдаленныя времена познакомились съ кабардинцами, легенда которыхъ гласитъ, что, при походѣ на Тмутаракань, Мстиславъ, сынъ св. Владиміра, вступалъ въ единоборство съ кабардинскимъ богатыремъ Редедею. Іоаннъ Грозный, принявъ въ подданство кабардинцевъ, строилъ въ Кабардѣ церкви и женился вторымъ бракомъ на черкесской княжнѣ Маріи Темрюковнѣ. Въ дальнѣйшемъ исторія Кабарды представляетъ борьбу изъ-за нея между Россіею и Крымомъ, закончившуюся побѣдою послѣдняго, послѣ чего въ Кабардѣ введено было мусульманство.

Съ давнихъ временъ и по настоящее время кабардинцы слывутъ аристократами среди другихъ племенъ Нальчикскаго округа, причемъ до сихъ поръ существуютъ строгія сословныя раздѣленія: князья, дворяне и простой народъ. Первыя два довольно многочисленныя сословія являются образчиками извѣстной выдержки, тона и манеръ, что, между прочимъ, проявляютъ въ нальчикскомъ общественномъ клубѣ. Здѣсь привилегированные кабардинцы выказываютъ весь свой „лоскъ“ и нерѣдко пользуются симпатіями „курсовыхъ“ дамъ, хотя—тоже нерѣдко—усиленное ухаживаніе за дамами со стороны знатныхъ кабардинцевъ заканчивается скандалами. Это тѣмъ болѣе понятно, что, несмотря на внѣшнее джентльменство, большинство знатныхъ кабардинцевъ, въ сущности говоря, народъ невѣжественный. Изъ 54 степныхъ кабардинскихъ обществъ Нальчикскаго округа только въ 18-ти, и то за послѣдніе три года, устроены русскія школы. Въ остальныхъ же 36 имѣются лишь медресе, въ которыхъ, за отсутствіемъ, какъ и у горскихъ племенъ, своей письменности, муллы обучаютъ кабардинскихъ дѣтей чтенію корана на арабскомъ языкѣ. Въ русскихъ школахъ отъ 8 часовъ утра до 2 пополудни преподаются общіе предметы, а съ 4½ до 6 происходитъ чтеніе корана подъ руководствомъ мусульманскаго духовенства.

Послѣднее, какъ и духовенство всѣхъ странъ и народовъ, и является главнымъ тормазомъ просвѣщенія, причемъ и мотивы

одни и тѣ же: муллы основательно опасаются, что образованіе грозитъ потерею авторитета и корана, и ихъ, муллъ.

Но перейдемъ къ описанію путешествія.

Скоро по выѣздѣ изъ Нальчика, при яркомъ утреннемъ свѣтѣ, на голубомъ чистомъ небѣ, въ юго-западной сторонѣ показался усѣченный конусъ Эльбруса, съ замѣтнымъ углубленіемъ на срединѣ его. Любуясь Эльбрусомъ и другими снѣжными вершинами, хорошо видными, благодаря прекрасной погодѣ, мы незамѣтно подъѣхали къ быстрому Чегему, разбившемуся на много рукавовъ, черезъ которые намъ надо было переправиться вбродъ. Въ это время теченіе было настолько сильное и воды такъ много, что фуры наши, чтобы онѣ не опрокинулись, поддерживали два кабардинца, ходившіе съ этою цѣлью взадъ и впередъ по Чегему съ высоко подвернутыми штанами [1]). Отъ Чегема, по ту и другую сторону котораго расположены „куденетовскіе" аулы, дорога круто повернула на юго-западъ, прямо по направленію къ Эльбрусу, вершина котораго дѣлалась все виднѣе и виднѣе, но затѣмъ, когда мы подъѣхали къ большому подъему, скрылась.

На этотъ подъемъ мы отправились пѣшкомъ, что, къ слову сказать, дѣлали на всѣхъ подъемахъ и спускахъ, и вообще очень много шли пѣшкомъ, какъ съ цѣлью облегченія лошадямъ и избѣжанія тряски по каменистой дорогѣ, такъ и въ видахъ лучшаго ознакомленія съ мѣстностью. Здѣсь считаемъ необходимымъ замѣтить, что дѣти совершали пѣшеходныя путешествія съ необыкновенною выносливостью и большою охотою. Напримѣръ, одна девятилѣтняя дѣвочка нисколько не уступала намъ въ ходьбѣ и даже ѣздѣ верхомъ, а маленькій,—кажется, третьяго класса—гимназистъ поражалъ насъ своею неутомимостью. Онъ не только не уставалъ при обыкновенной ходьбѣ, но нерѣдко бѣгомъ опережалъ всѣ фуры, возвращался назадъ, поднимался на ближайшія горы, собиралъ насѣкомыхъ, и т. п.

Замѣчанія эти я дѣлаю съ цѣлью указать на возможность прекрасныхъ экскурсій не только для юношей, но и для дѣтей. Многіе родители сидятъ на мѣстахъ, ссылаясь на трудность поѣздокъ съ дѣтьми. Описываемыя мною путешествія совершенно опровергаютъ этотъ взглядъ. Дѣти нашей компаніи съѣздили и въ Балкарію, и въ Урусбіевскій аулъ вполнѣ благополучно, получивъ массу истинныхъ наслажденій и громадную

[1]) Ямщики объяснили намъ, что кабардинцы эти отбывали своеобразную дорожную повинность.

пользу для своего здоровья. Для взрослыхъ они не только не представляли никакого затрудненія, а наоборотъ, вносили много оживленія въ нашу компанію.

Сдѣлавъ это небольшое отступленіе, возвращаемся къ описанію дороги. Съ подъема слѣдовалъ значительный спускъ къ Кишпеку, притоку Баксана (ямщики называли его „Ушпекъ“).

Послѣ небольшого отдыха на возвышенномъ берегу этой рѣчушки, на прекрасномъ лугу, подъ тѣнью дикой груши, намъ опять пришлось взобраться на большой подъемъ, съ высоты котораго открылась обширная степная долина сверкавшаго вдали Баксана, по берегу котораго было расположено много „Атажуковскихъ“ ауловъ. Аулы эти были и красивѣе, и зажиточнѣе горскихъ; они напоминали хорошія русскія села. Въ аулахъ видно было много садовъ, бѣлѣли дома, а когда ближе подъѣхали къ нимъ, то замѣтили, что сакли въ нихъ, повидимому, вытѣсняются деревянными избами. И не одними только аулами степняки отличаются отъ горцевъ. Въ то время какъ у балкарцевъ и горцевъ вообще хлѣбопашество развито, какъ мы видѣли, въ незначительной степени, кабардинцы имѣютъ полную возможность вести земельное хозяйство и обширное скотоводство. Какъ извѣстно, кабардинскія лошади славятся далеко за предѣлами Кабарды, а обиліе овечьей шерсти дало возможность кабардинцамъ широко развить выработку знаменитыхъ кавказскихъ бурокъ. Помимо земледѣлія и скотоводства, кабардинцы занимаются огородничествомъ, отчасти садоводствомъ, и есть попытки разведенія винограда. Но, къ сожалѣнію, все это ведется примитивно и въ размѣрахъ гораздо болѣе скромныхъ, чѣмъ это возможно на самомъ дѣлѣ. Въ распоряженіи кабардинцевъ имѣется весьма значительная площадь владѣнія: въ 1866 г. частные собственники получили въ надѣлъ свыше 90.000, а общины — свыше 300.000 десятинъ земли, не считая находящихся въ общемъ пользованіи нагорныхъ пастбищъ и нѣкоторой части лѣса.

Причина низкой культуры, по нашему мнѣнію, кроется съ одной стороны въ невѣжествѣ, а съ другой—въ общественномъ строѣ кабардинцевъ, именно въ многочисленности привилегированныхъ, мало-трудящихся сословій.

Спустившись въ долину Баксана, мы скоро приблизились къ этой большой горной рѣкѣ и, переправившись на другой берегъ ея черезъ мостъ во 2-мъ Атажукинскомъ аулѣ, поѣхали параллельно Баксану, который сопровождалъ насъ уже до конца путешествія, до самаго того мѣста, гдѣ онъ спускается съ баксанскаго ледника Эльбруса.

За Атажукинскимъ ауломъ долина Баксана обрамлена невысокими, сравнительно, горами, съ неимовѣрнымъ количествомъ камней, какъ на самыхъ горахъ и у подножія ихъ, такъ и на дорогѣ.

Горы эти далѣе прерывались красивою широкою луговою долиной лѣваго притока р. Баксана, Гунделена, вытекающаго изъ главныхъ отроговъ Кавказскаго хребта.

Вода въ немъ мутная, но близъ моста имѣется очень хорошій родникъ съ чистою, холодною водою.

Неподалеку отъ Гунделена видны старинные, въ видѣ склеповъ, шестигранные памятники. Куполообразныя крыши ихъ поросли мхомъ и травою. Такіе памятники, къ слову сказать, мы видѣли и на берегу Чегема.

Намъ говорили, будто они сооружены надъ знатными кабардинцами въ очень отдаленныя времена. Гунделеномъ, собственно говоря, заканчивался нашъ степной путь, тянувшійся около пятидесяти верстъ, и отсюда уже начиналось ущелье Баксана. Въ отличіе отъ Черека, скалы котораго давали сѣрое и мощное впечатлѣніе, если можно такъ выразиться, скалы Баксана имѣютъ желтовато-красный оттѣнокъ, изобилуютъ пещерами и размоинами. Первый ночлегъ нашъ былъ за Гунделеномъ, на берегу Баксана, среди громадныхъ камней, когда-то, вѣроятно, свалившихся со скалы, что высилась надъ дорогою [1]).

За этимъ пунктомъ до Науразовскаго поселка, возлѣ котораго переѣхали поэтическій, но очень шаткій мостъ черезъ Баксанъ, и за поселкомъ, верстъ на пять-шесть, долина Баксана сопровождается живописными видами, причемъ въ одномъ мѣстѣ показывается ненадолго Эльбрусъ, но затѣмъ верстъ на двадцать путь идетъ среди оголенныхъ скалъ, напоминающихъ дикую Балкарію.

Остановившись отдохнуть у рѣчки Ксанты, притока Баксана, мы, или, вѣрнѣе, наши ямщики, съ трудомъ разыскали для костра дровъ на берегу Баксана, принесшаго ихъ изъ отдаленныхъ лѣсныхъ горъ. Мы начали-было приходить уже въ отчаяніе, не предвидя конца путешествію по каменистой и ужасно тряской дорогѣ; однако дальнѣйшія впечатлѣнія заставили забыть всѣ эти неудобства. За рѣчкою Коржуканомъ долина Баксана рѣзко мѣняетъ свой видъ. Здѣсь мы достигли уже пояса сосны и березы, которыми были покрыты и скалы, и долина, а нѣкоторыя полянки сплошь поросли клумбами вереска. Изъ-за лѣси-

[1]) Мы хотѣли ночевать у сыроварни кн. Урусбіева, но не нашли ея.

стыхъ скалъ тамъ и сямъ начали показываться величественныя снѣжныя вершины.

Въ этотъ день мы думали достигнуть Урусбіевскаго аула, но подъ вечеръ, когда уже значительно стемнѣло, очутились въ безвыходномъ положеніи: путь нашъ упирался въ самый Баксанъ, подмывшій берегъ, по которому шла дорога. Дѣлать нечего — пришлось заночевать, не достигнувъ цѣли, хотя, собственно говоря, мы хорошенько не знали — далеко или близко до названнаго аула; верстъ здѣсь, какъ говорится, никто не мѣрилъ.

На другое утро мы рѣшили идти дальше пѣшкомъ, оставивъ ямщиковъ на мѣстѣ ночлега, такъ какъ, намъ казалось, ѣзда на колесахъ здѣсь прекращалась; но ямщики, произведя при посредствѣ кольевъ измѣреніе Баксана и изучивъ мѣстность, заявили, что пріѣдутъ за нами въ Урусбіевскій аулъ. Мы же, обогнувъ подмытый берегъ, дальше шествовали по грязи, по узкимъ бревнамъ и камнямъ. Къ счастью, Урусбіевскій аулъ оказался близко, и мы скоро достигли его.

Семнадцать лѣтъ тому назадъ, аулъ этотъ посѣтили М. М. Ковалевскій и И. И. Иванюковъ [1]). Добрались они къ нему совсѣмъ съ другой стороны, именно изъ Кисловодска. Путь ихъ былъ таковъ: черезъ горы Каентюбъ и Кизилъ-Колбашъ, затѣмъ спускъ въ долину р. Малки, переправа черезъ нее и подъемъ въ ущелье Малки; далѣе, спускъ въ долину р. Шаукама, подъемъ на сосѣднюю съ Кынчыръ-Сыртъ гору и, наконецъ, Кертыкскій перевалъ.

Вотъ какъ описали они видъ съ вершины этого перевала, т.-е. съ горъ надъ Урусбіевскимъ ауломъ: „Подъ нами широкая Баксанская долина и множество саклей Урусбіевскаго аула, лежащаго на высотѣ 5.200 футовъ. Впереди, въ пурпуровомъ свѣтѣ отъ заходящаго солнца, цѣпь вѣчныхъ снѣговъ, прорываемая двумя круто подымающимися съ долины ущельями Адыръсу и Адылъ-су. Съ ледяныхъ великановъ сползаютъ глетчеры сюда. Справа долина замыкается горами Тхоти-тау и Эльбрусомъ, а прямо передъ нами уходила въ небо семью конусами одна изъ самыхъ красивыхъ и высокихъ горъ Кавказа—Курмычибаши.

„— Неронъ не могъ бы избрать себѣ лучшаго мѣста, — сказалъ одинъ изъ нашихъ товарищей.

„Всѣ члены нашего общества были хорошо знакомы съ Швейцаріею, и всѣ мы соглашались, что такихъ красотъ, такого ве-

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", январь 1886 г.

личія природы, какіе мы видѣли въ послѣдніе два дня, не найдешь въ Швейцаріи".

Позволю себѣ привести еще одну небольшую выдержку изъ путешествія нашихъ уважаемыхъ ученыхъ, касающуюся уже самого Урусбіевскаго аула.

„Дѣдъ Измаила Урусбіева (нынѣшняго владѣльца аула) пришелъ изъ Кабарды въ незанятую никѣмъ Баксанскую долину и положилъ здѣсь основаніе нынѣшнему Урусбіевскому аулу. Въ немъ 294 двора съ 2.200 душами. Аулъ владѣетъ пахотной землей и сѣнокосами въ размѣрѣ 200 десятинъ и пользуется даромъ лѣсомъ изъ громаднаго баксанскаго урочища, состоящаго въ спорѣ между казною и княземъ Урусбіевымъ.

„Скотоводство служитъ важнѣйшимъ источникомъ благосостоянія аула. Крупнаго скота и лошадей насчитывали въ немъ 4.860 штукъ, барановъ и овецъ—до 48.000.

„Страна, заселенная въ наши дни горскими татарами, по всѣмъ признакамъ была занята до ихъ прихода осетинами, доказательствомъ чему служатъ названія горъ, рѣкъ, слѣды культа, которыми осетины окружали Божію Матерь, а также—раскопки и институты гражданскаго и уголовнаго права и процессуальныя правила, построенныя у татаръ буквально на тѣхъ самыхъ началахъ, что и у осетинъ.

„Подобно другимъ народностямъ Кавказа, татары доселѣ живутъ родовыми сообществами. Нерѣдко цѣлые аулы, каковы, напримѣръ, Азрокіевскій или Урусбіевскій, основываются исключительно однимъ родомъ, который въ этомъ случаѣ и переноситъ свое фамильное названіе".

Теперь передадимъ наше впечатлѣніе отъ Урусбіевскаго аула, а затѣмъ опишемъ путь отъ него къ подножію Эльбруса, замѣтивъ, что М. М. Ковалевскій и И. И. Иванюковъ, судя по ихъ даннымъ, достигли этой горы инымъ путемъ, чѣмъ я.

Передъ ауломъ былъ мостъ черезъ Баксанъ, а съ горы стремилась бурная горная рѣчка Кертыкъ. На берегу этой рѣчки мы увидѣли мѣстнаго волостного писаря, который ловилъ удочкою форелей. Онъ-то и сдѣлался нашимъ чичероне.

Скоро изъ разныхъ мѣстъ появились любопытные урусбіевцы и урусбіевки, и, въ сопровожденіи ихъ, мы, во главѣ съ писаремъ, направились среди грязныхъ саклей къ волостному правленію. Бѣдность, нищета и грязь здѣсь бросались въ глаза, такъ же, какъ и въ Кунимскомъ аулѣ Балкаріи. Отличіе было лишь то, что сакли въ Урусбіевскомъ аулѣ были сложены не изъ валуновъ, какъ въ балкарскихъ аулахъ, а изъ трухляваго дерева.

Вслѣдствіе пожара, уничтожившаго домъ волостного правленія, послѣднее ютилось въ маленькой избѣ, гдѣ стоялъ столъ, а надъ столомъ висѣлъ портретъ Государя.

Въ избу эту вслѣдъ за нами явились урусбіевцы, у которыхъ мы стали торговать куръ, яйца, молоко, а также договариваться относительно ословъ и проводниковъ для путешествія къ Эльбрусу. Бесѣда велась при посредствѣ писаря, исполнявшаго роль толмача, и ни къ чему не привела. Урусбіевцы запрашивали несуразныя цѣны, и мы, ничего не купивъ, а договорившись лишь относительно ословъ и проводника,—но опять-таки настолько неопредѣленно, что впослѣдствіи, какъ увидимъ, и это вызвало недоразумѣніе, — постарались поскорѣе уйти изъ аула отъ назойливыхъ и дикихъ его обитателей на другую сторону Баксана, куда уже прибыли ямщики и устроили лагерь среди раскаленныхъ солнечными лучами камней. Но и здѣсь покоя мы не нашли: вслѣдъ за нами скоро явились аульцы, продолжая съ любопытствомъ разсматривать насъ и дѣлиться между собою впечатлѣніями, причемъ женскій полъ, среди которыхъ были и миловидныя личики молодыхъ урусбіевокъ, болѣе всего интересовался нашими барышнями, тщательно изучая ихъ костюмы и уборы. Подкрѣпившись пищею, мы, оставивъ нашихъ ямщиковъ, отправились пѣшкомъ къ конечной цѣли нашего путешествія—къ Эльбрусу, предшествуемые двумя ослами, нагруженными вещами и провизіею, и верховымъ проводникомъ. Сколько намъ надо было идти до Эльбруса, мы не знали, такъ какъ показанія были самыя противорѣчивыя: одни говорили—четыре часа, другіе—пять, а можетъ шесть и даже семь часовъ, т.-е., другими словами, считая ходьбы въ часъ 3 версты, выходило отъ 12 до 21 версты.

Отъ Урусбіевскаго аула довольна широкая дорога шла среди отгороженныхъ луговъ, а затѣмъ начался прекрасный сосновый лѣсъ, сопровождавшій насъ уже до Эльбруса. Верстахъ въ 8-ми отъ Урусбіева, на правомъ берегу Баксана ясно вырисовывается прекрасный ледникъ, а Баксанъ въ этомъ мѣстѣ, запруженный обвалами, кипитъ и реветъ, образуя нѣчто въ родѣ водопада. Еще великолѣпнѣе видъ верстахъ въ 12-ти за Урусбіевскимъ ауломъ, въ мѣстѣ, гдѣ Баксанъ раздѣляется на два рукава и черезъ него перекинутъ мостикъ. Противъ этого мостика, изъ-за темно-зеленыхъ рамокъ, образуемыхъ лѣсистыми горами, высится чудной красоты ледникъ, спускающійся съ черной, напоминающей зāмокъ, скалы.

Чѣмъ дальше, тѣмъ ущелье Баксана дѣлалось уже и уже,

но дорога все время шла почти у самаго берега, никогда не доходя до такихъ крутизнъ, какъ въ долинѣ р. Черека.

Созерцаніе прекрасныхъ видовъ, вѣроятно, было причиною, что до „сторожки" (кажется—№ 19), расположенной всего въ 15 верстахъ отъ Урусбіева, шли мы очень долго. Сторожка эта находится на лѣвомъ берегу Баксана. Въ ней живутъ три или четыре представителя ветеринарнаго надзора, которые врядъ ли имѣютъ возможность услѣдить за всѣмъ скотомъ, который гонятъ черезъ горные перевалы изъ Сванетіи и Кубанской области, а единственному ветеринарному врачу на весь Нальчикскій округъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ физической возможности надзирать за всѣми сторожками. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что южныя земства указываютъ на Кавказъ, какъ на главный источникъ распространенія болѣзней скота.

Обитатели сторожки предлагали намъ заночевать у нихъ, но мы имѣли неосторожность послушаться нашего проводника и отправились на три версты дальше, къ аулу Кейсрюльчикъ. У проводника оказалась здѣсь сестра, чѣмъ и объяснялось его стремленіе къ этому аулу, а мы не мало здѣсь претерпѣли, хотя, впрочемъ, многому и научились.

Окружившіе насъ, по обыкновенію, любопытствующіе и назойливые горцы, мужского и женскаго пола, предлагали намъ ночевать въ сакляхъ. Но мы, конечно, не согласились, потому что эти сакли, какъ и во всѣхъ аулахъ, представляли внутри помѣщенія, совершенно не удовлетворявшія самымъ элементарнымъ запросамъ мало-мальски культурнаго человѣка, не говоря о массѣ насѣкомыхъ, наводняющихъ жилища горцевъ. Кромѣ того, погода была великолѣпная, и мы съ удовольствіемъ расположились на ночлегъ на полянѣ, окруженной сосновымъ лѣсомъ, горами, Баксаномъ и его небольшимъ, шумнымъ притокомъ, причемъ лично мнѣ очень понравилось мѣсто на самомъ берегу Баксана, подъ громадною сосною. Скоро ко мнѣ присоединились еще нѣкоторыя лица изъ нашей компаніи, такъ что образовалось два лагеря, причемъ мой лагерь натаскалъ множество сосновыхъ дровъ, и мы разложили большой костеръ.

Часовъ около десяти оба лагеря начали укладываться спать, чтобы проснуться возможно раньше и идти къ Эльбрусу, разстояніе до котораго и теперь было намъ совершенно неизвѣстно, такъ какъ горцы говорили разно, да и въ сторожкѣ ничего опредѣленнаго не сказали.

Ночь была превосходная. На ясномъ небѣ блистали и звѣзды, и серпъ первой четверти луны; свѣжій горный воздухъ былъ

насыщенъ смолистымъ ароматомъ сосноваго лѣса; мелодично шумѣли Баксанъ и его притокъ, а имъ время отъ времени тихо и таинственно аккомпанировалъ сосновый лѣсъ.

Усталые, мы скоро уснули подъ эту музыку природы. Не болѣе какъ черезъ часъ я былъ разбуженъ раскатами грома. Открываю глаза и вижу, что надъ головою изъ-за вершины одной горы показывается туча. Но такъ какъ оставалась еще большая площадь яснаго неба, я рѣшилъ, что гроза, должно быть, разыгралась въ одной изъ долинъ высокихъ горъ, темными массами окружавшихъ нашъ лагерь, и, опять укрывшись одѣяломъ съ головою, предался сну. Однако очень скоро сильный громовой ударъ вторично разбудилъ меня, причемъ на этотъ разъ представилась совсѣмъ иная картина. Тьма была непроглядная. Баксанъ и его притокъ ревѣли; лѣсъ мрачно шумѣлъ; раскаты грома грозно раздавались въ горахъ и шелъ дождь. Вскочивши на ноги, нашъ лагерь кое-какъ развелъ потухшій костеръ, благодаря свѣту котораго насъ нашелъ товарищъ изъ другого лагеря. Онъ сообщилъ, что дѣла его лагеря плохи: должно быть, всѣ уже измокли, а проводникъ ничего и знать не желаетъ. На предложеніе переночевать въ саклѣ проводникъ заявилъ, что ночью въ сакли идти нельзя, и порекомендовалъ, укрывшись бурками, взятыми напрокатъ, спать. При этомъ самъ плотно укутался въ бурку и уснулъ, не обращая ровно никакого вниманія на разыгравшуюся стихію.

— Можетъ быть, вы что-нибудь сдѣлаете, — прибавилъ товарищъ.

Я отрицалъ возможность вліянія на упрямаго горца, и старался разложить большой костеръ, но, къ сожалѣнію, дровъ было мало, и сильный дождь препятствовалъ горѣнію.

Мы рѣшили-было какъ-нибудь дождаться разсвѣта, но когда ливень усилился, отправились скопомъ воздѣйствовать на проводника. Блуждая во тьмѣ и опасаясь какъ-нибудь не попасть въ бурныя горныя рѣки, мы кое-какъ добрались, наконецъ, до другого лагеря, и здѣсь узнали, что проводникъ съ курсисткою и одною дамою ушли въ саклю. Измокшіе, мы выражали негодованіе и на проводника, и на нашихъ спутницъ, ушедшихъ безъ насъ, какъ вдругъ изъ тьмы появился проводникъ и предложилъ и намъ всѣмъ идти за нимъ.

Раемъ показалось намъ теперь грязное, низкое, съ землянымъ поломъ жилище горца, и мы всѣ бросились къ костру, разложенному у одной изъ стѣнъ, обступили его и стали сушить свои совершенно мокрыя платья.

Теперь только мы поняли, какъ легкомысленно путешествовали. Хорошо, что насъ сопровождала хорошая погода, но попади мы въ дождливое время—Богъ вѣсть, какія были бы послѣдствія. При этомъ я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что всего необходимѣе имѣть съ собою брезентовую палатку. Обязательно слѣдуетъ имѣть собственныя кавказскія бурки на каждаго путешествующаго, а не брать напрокатъ одну на два человѣка, какъ это сдѣлали мы. Никакая погода не была бы опасна, еслибы мы, завернутые каждый въ свою бурку, спали подъ прикрытіемъ палатки. Въ эту же ночь выяснилась необходимость имѣть топоръ для рубки дровъ и—непремѣнно—фонарь: безъ свѣта въ темную ночь грозитъ опасность попасть въ горную рѣчку, причемъ оступиться въ такую рѣку, какъ Баксанъ—это почти вѣрная смерть.

Усталые послѣ безсонной ночи и пѣшаго путешествія, промокшіе до ниточки, мы были въ такомъ мрачномъ настроеніи, что отказались идти на Эльбрусъ, и рѣшили возвратиться обратно въ Урусбіево. Ранній разсвѣтъ нисколько не измѣнилъ нашего намѣренія, такъ какъ небо и горы были покрыты тучами и дождь не переставалъ. Но стоило черезъ нѣкоторое время выглянуть солнышку, какъ съ нимъ возвратилась бодрость, и кто еще могъ волочить ноги—рѣшили достигнуть Эльбруса. Это были: я, литераторъ со старшею дочерью и бонною и петербургская дама съ двумя гимназистами.

Оставивъ своего проводника и ословъ въ распоряженіи дамъ, которыя не были въ состояніи идти съ нами и возвращались въ сторожку, чтобы тамъ окончательно обсушиться, отдохнуть и ждать нашего прихода, мы взяли въ проводники стараго горца, не знавшаго ни единаго русскаго слова. Къ нашему удивленію, прежній нашъ проводникъ заявилъ, что съ этимъ старымъ горцемъ мы въ три часа сходимъ на Эльбрусъ и обратно! А вчера еще рѣчь шла о четырехъ и даже пяти часахъ ходьбы *только до Эльбруса!*

Старый горецъ, заложивъ палку на спину и просунувъ ее подъ обѣ руки, пошелъ быстрыми шагами впередъ, заставляя насъ напрягать всѣ оставшіяся силы, чтобы не отставать отъ него.

А дорога была нелегкая. Тотчасъ за ауломъ Кейсрюльчикъ она среди лѣса шла прямо въ гору, причемъ первыя двѣ версты наши ноги почти по щиколотку увязали въ навозѣ, такъ какъ путь шелъ по скотопрогонной тропѣ, размытой теперь дождемъ. Далѣе лѣсъ дѣлался гуще и гуще; на каждомъ шагу встрѣчались

горныя рѣчки, поваленныя деревья, камни. Приходилось прыгать, перелѣзать, скакать, вообще находить точки опоры, чтобы удержаться на ногахъ, не выкупаться въ водѣ и т. п. Когда, въ особенно затруднительныхъ случаяхъ, мы взывали къ проводнику, онъ оборачивался, но, не понимая, чего мы отъ него требуемъ, улыбался и показывалъ палкою впередъ. Наконецъ, черезъ часъ и 45 минутъ отчаянной ходьбы, мы достигли конечной цѣли нашего путешествія, очутившись въ такой чудной мѣстности, что моментально забыли пройденный путь и не чувствовали, казалось, никакой усталости. Это была сравнительно небольшая зеленая долина, со всѣхъ сторонъ окруженная величественными снѣжными горами, съ которыхъ спускались ледники. Горы эти были: Эльбрусъ и его отроги — Азау и Донгузорунъ.

Напившись прекраснаго холоднаго айрану въ аулѣ Качкаровъ, расположенномъ въ названной долинѣ, поближе къ Эльбрусу, мы, перешедши по дощечкѣ черезъ бурный, но узкій здѣсь Баксанъ, поднялись на ближайшую къ аулу гору, чтобы оттуда полюбоваться рѣдкою по своей прелести мѣстностью. Съ этой горы вправо видны были Эльбрусъ, главнымъ образомъ снѣжныя поля его съ моренами и громадный ледникъ, спускавшійся отвѣсною стѣною въ долину; съ этого ледника ниспадалъ одинъ изъ притоковъ Баксана, или, какъ увѣряли аульцы, — „самъ Баксанъ"; впереди высился Азау, также съ громаднымъ ледникомъ, а влѣво виднѣлся неподражаемый по красотѣ снѣжный великанъ Донгузорунъ, важнѣйшій перевалъ, черезъ который гонятъ скотъ изъ Сванетіи и Кубанской области. Сочетаніе дѣвственной бѣлизны снѣговъ съ сверкающими водами, ниспадавшими съ ледниковъ, съ темной зеленью сосенъ, поднявшихся къ самымъ снѣгамъ, и ярко-голубымъ цвѣтомъ неба давали такую прелестную картину, какую, казалось, не можетъ нарисовать самая богатая фантатія...

Повидимому, этотъ уголокъ описывали въ „Вѣстникѣ Европы" М. М. Ковалевскій и И. И. Иванюковъ. Именно они писали (янв. 1886 г.):

„Долиною, вверхъ по теченію Баксана, прибыли въ полдень къ подошвѣ Тхотитау, стоящей на границѣ трехъ областей: Кубанской, Терской и Кутаисской. Здѣсь начинается перевалъ. Намъ предстояло подняться по южному склону Тхотитау и затѣмъ, послѣ небольшого спуска, взбираться на Донгузорунъ, составляющій собою продолженіе Эльбруса съ южной его стороны.

„Остановились отдохнуть. Лежа подъ соснами, среди очаровательной обстановки, и слушая сообщенія князя (Урусбіева) о богатствѣ источниковъ въ этомъ мѣстѣ долины—источниковъ

щелочныхъ, желѣзныхъ, углекислыхъ,—мы фантазировали о томъ, какой прекрасный лечебный пунктъ могъ бы быть устроенъ у подошвы Тхотитау и Эльбруса. Въ отношеніи природы и чистоты воздуха онъ не имѣлъ бы себѣ соперниковъ и, въ то же время, кругомъ обширные хвойные лѣса, ровныя прогулки по долинѣ и интереснѣйшія горныя экскурсіи. Провести дорогу отъ Баксанскаго поста по долинѣ не представляло бы никакихъ трудностей, а *отъ Баксанскаго поста уже имѣется почтовый трактъ во Владикавказъ*" (?).

При подъемѣ на Донгузорунъ „любовались колоссальными глетчерами южной стороны Эльбруса: Азау и Терескалы. Азау больше Mer de Glace Монблана, а Терескалы—едва ли не единственный по своей формѣ и красотѣ глетчеръ; онъ представляетъ нѣсколько рядовъ ледяныхъ скалъ, громоздящихся амфитеатромъ. Баксанъ выходилъ изъ ущелья, образуемаго горами Чегетъ-Кара и Тхотитау".

Въ этомъ описаніи насъ удивляетъ только сообщеніе, что отъ „Баксанскаго поста уже имѣется почтовый трактъ во Владикавказъ".

Насколько намъ извѣстно, колесный путь до Урусбіева и далѣе до сторожки на Баксанѣ имѣется *только отъ Нальчика*,— это именно путь, который описанъ въ настоящей статьѣ. Но это не „почтовая дорога", а проселочная, и до Урусбіева ходитъ лишь волостная почта отъ Нальчика, а чтобы отъ этого послѣдняго проѣхать на Владикавказъ, необходимо сначала отправиться до станціи Котляревской и отъ нея ѣхать по владикавказской желѣзной дорогѣ—другого пути, кажется, нѣтъ, если, конечно, не считать горныхъ тропъ.

Описанная нами дорога отъ Нальчика, вѣроятно, кратчайшая и наиболѣе удобная изъ всѣхъ существующихъ дорогъ къ высочайшей и, быть можетъ, прелестнѣйшей вершинѣ въ Европѣ, и мы положительно рекомендуемъ всѣмъ, желающимъ насладиться природою Кавказа, проѣхать по этому пути къ Эльбрусу и пожить въ только-что описанной долинѣ возможно дольше, запасшись провизіею, палаткою и теплой одеждою [1]). Помимо удовольствія, болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ аулѣ Качкарова даетъ возможность найти здѣсь много интереснаго въ смыслѣ знакомства съ природою въ области величайшихъ горъ. Намъ же надо было поскорѣе возвращаться обратно въ сторожку

---

[1]) Ѣхать нужно въ іюлѣ: въ іюнѣ здѣсь дожди, а въ августѣ уже, вѣроятно, холодно.

за нашими дамами, а затѣмъ идти въ Урусбіевскій аулъ, куда мы и прибыли вечеромъ того же дня. Здѣсь, при расплатѣ съ проводникомъ, вышло недоразумѣніе, о которомъ говорилось выше. Именно, мы, договариваясь при посредствѣ урусбіевскаго писаря, поняли, что за ословъ проводникъ требовалъ полтора рубля за каждаго осла за весь путь отъ Урусбіева до Эльбруса. Оказалось же, что уплатить надо было по полтора рубля въ сутки за каждаго осла, и ему, проводнику, также по два рубля въ день. Проводникъ же, сопровождавшій насъ отъ аула Кейсрюльчика до Эльбруса и обратно, особо получилъ полтора рубля за пять часовъ. Переночевавъ въ Урусбіевскомъ аулѣ, мы рано утромъ на другой день отправились въ Нальчикъ и ровно черезъ сутки достигли этой слободы.

Совершивъ безъ перерыва оба описанныя путешествія, то-есть, съѣздизъ въ Балкарію и на Эльбрусъ,—что въ общемъ составило 420 верстъ, изъ которыхъ, вѣроятно, верстъ 120, если не больше, пришлось идти пѣшкомъ, я не чувствовалъ почти никакой усталости. Точно такъ же превосходно чувствовала себя и вся компанія, не исключая дѣтей. Несмотря на то, что намъ пришлось мокнуть, переходить вбродъ рѣки, купаться въ страшно жаркіе дни въ такой ледяной водѣ, что нѣмѣли члены, несмотря на все это, никто не получилъ даже насморка. И это объясняется, несомнѣнно, чуднымъ горнымъ воздухомъ, который можетъ, кажется воскрешать мертвыхъ.

И. П. Бѣлоконскій.

ТЩЕТНОЕ УСИЛІЕ

РОМАНЪ.

— L'inutile effort, par Edouard Rod. Paris, 1903.

I.

Когда Перёзы обѣдали въ гостяхъ — а во время сезона это случалось четыре или пять разъ въ недѣлю—они всегда приходили во-время. Леонардъ гордился до нѣкоторой степени своей аккуратностью; онъ испытывалъ истинное удовольствіе, когда хозяйка дома, досадуя на запаздываніе почетныхъ гостей, встрѣчала его словами:

— Вотъ относительно васъ, cher maître, можно не безпокоиться: вы всегда приходите къ назначенному часу. А между тѣмъ вѣдь вы такой занятой человѣкъ.

Онъ почти всегда отвѣчалъ одно и то же:

— Дѣло привычки, сударыня. Занятой человѣкъ долженъ умѣть распредѣлять свое время, если хочетъ пользоваться досугомъ для посѣщенія друзей.—И онъ улыбался свойственной ему особой улыбкой—почти веселой, почти юношеской; она на минуту измѣняла напряженное выраженіе его замкнутаго, слишкомъ серьезнаго лица, недостаточно освѣщеннаго блѣдными глазами. Улыбка эта была столь неожиданна на его жесткихъ губахъ, что многіе ей не довѣряли, и видѣли въ ней проявленіе напускного добродушія или хитраго притворства.

Въ дѣйствительности же адвокатъ Перёзъ принадлежалъ просто къ разряду людей, у которыхъ есть два облика: одинъ

для близкихъ имъ людей и для самихъ себя, другой—для постороннихъ. Адвокатъ и свѣтскій человѣкъ настолько разнились въ немъ отъ мужа, отца и частнаго человѣка, насколько могутъ различаться два существа, слитыя въ одно. Серьезный, озабоченный, обладающій большой силой воли, адвокатъ очень опредѣленно и настойчиво стремился къ своей цѣли и думалъ только о томъ, что̀ полезно для его карьеры; но въ своей личной жизни онъ позволялъ себѣ послабленія. Точность, напримѣръ, входила въ составъ его искусственныхъ качествъ; онъ усвоилъ себѣ ее изъ практическихъ соображеній тогда же, когда подстригъ бороду, сталъ причесываться извѣстнымъ образомъ, отрекся отъ притязаній на молодость и превратился въ степеннаго, серьезнаго адвоката. Когда же ничто не обязывало его къ насилованію своей воли, онъ сбрасывалъ привычку аккуратности. Обѣдая дома, напримѣръ, онъ совершенно не стѣснялся временемъ и не принималъ во вниманіе ни своей жены, ни своего младшаго брата, Раймонда, который часто обѣдалъ у нихъ. Въ его домѣ разыгрывалась тогда маленькая комедія, составлявшая забавный контрастъ съ поведеніемъ Перёза въ обществѣ. Ровно въ половинѣ восьмого раздавался электрическій звонокъ, возвѣщая о приходѣ Раймонда. Лакей, Фредерикъ, не особенно спѣшилъ отворять двери, такъ что звонокъ раздавался во второй, даже въ третій разъ—и съ большей настойчивостью. Когда наконецъ ему отворяли дверь, Раймондъ входилъ въ гостиную, нѣсколько прихрамывая и озираясь вокругъ себя близорукими глазами, какъ бы для того, чтобъ убѣдиться, что онъ не попалъ въ чужую квартиру. Положивъ шляпу куда-нибудь въ уголъ, онъ подходилъ къ камину, и стоялъ передъ нимъ до появленія своей невѣстки:

— Здравствуйте, Раймондъ, вы уже пришли?

— Здравствуйте, Люси. Какъ поживаете?

— Благодарю васъ, хорошо.

— А дѣти?

— Дѣти здоровы.

У мадамъ Перёзъ были очень рѣшительные жесты, шумная походка, энергичное, почти мужское лицо съ крупными чертами; ея единственную красоту составляли густые золотистые волосы. Она довольно сухо пожимала тощую, худую, иногда лихорадочно-горячую руку Раймонда, указывала ему на кресло возлѣ камина, и сама садилась противъ него. Они обмѣнивались незначительными, приблизительно однѣми и тѣми же фразами—передъ горящимъ каминомъ зимой, передъ экраномъ—лѣтомъ. Потомъ Люси поднимала глаза на часы въ стилѣ „ампиръ“—ци-

ферблатъ на спинѣ золоченаго орла—нетерпѣливо топала ногой, барабаня пальцами по колѣнямъ, и говорила:

— Вашъ братъ неисправимъ; у него нѣтъ совершенно представленія о времени!

Лицо ея выражало досаду и упрекъ: въ противоположность своему мужу, она отличалась точностью не по разсчету, а по врожденной аккуратности.

Англичанка бонна приводила дѣтей, Марка и Раймонду, шести и пяти лѣтъ, одѣтыхъ, какъ дѣти на картинахъ Миллэ, въ бархатъ и кружева.

Маркъ, блѣдный, тоненькій мальчикъ, съ длинными свѣтлыми кудрями, напоминалъ неизмѣннаго кудряваго мальчика на рекламахъ „Pears Soap"; онъ усаживался около матери, церемонно, какъ гость; Раймонда, полненькая дѣвочка съ темными волосами, съ огромными глазами, съ ямочками на щекахъ, оживленная и улыбающаяся, взлѣзала на колѣни къ своему крестному отцу. Дѣти вели себя сначала какъ скромные, смущенные великолѣпіемъ гостиной посѣтители, но вскорѣ къ нимъ возвращалась непринужденность ихъ возраста; они начинали болтать, смѣяться, шалить, тормошить мать и дядю, и забывали, что они не въ своей дѣтской. Тогда Люси, которая требовала отъ нихъ благовоспитанности, призывала ихъ къ порядку.

— Маркъ, ты сомнешь воротникъ! — Раймонда, поправь волосы!

Когда она казалась менѣе неприступной, чѣмъ обыкновенно, Раймондъ осмѣливался заступиться за дѣтей:

— Дайте имъ поиграть; дѣтямъ вѣдь это необходимо отъ времени до времени.

Почти всегда она отвѣчала:

— Дѣти не дикія лошади!

За этимъ слѣдовало строгое „тсс!", смѣхъ обрывался, и дѣти снова чинно усаживались. Маркъ, болтая ногами, съ завистью глядѣлъ на сестру, которую дядя смѣшилъ исподтишка; она снова забывалась и начинала хохотать. Люси, слѣдуя привычнымъ недовольнымъ взглядомъ за поведеніемъ шурина, сердито говорила:

— Право, Раймондъ, дѣвочка становится несносной, какъ только она съ вами. Вы ее портите самымъ возмутительнымъ образомъ.

Раймондъ смущенно что-то бормоталъ, — но его останавливалъ сердитый взглядъ Люси, и онъ умолкалъ, прижимая къ

себѣ свою крестницу, которая тоже переставала смѣяться и болтать.

Эти періодическія стычки, которыя, впрочемъ, никогда не заходили далеко, свидѣтельствовали о глухой непріязни между шуриномъ и невѣсткой; это была та инстинктивная непріязнь, которая образуется между очень неподходящими другъ къ другу людьми, вынужденными силой обстоятельствъ быть въ постоянномъ общеніи. Даже при взаимныхъ стараніяхъ такая непріязнь съ трудомъ сглаживается; частое же общеніе ее усиливаетъ, а при малѣйшемъ содѣйствіи обстоятельствъ или необузданности характеровъ она можетъ превратиться въ истинную ненависть.

Пассивная кротость Раймонда устраняла эту опасность.

Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ судьба при самомъ рожденіи поставила какъ бы внѣ жизни. Онъ былъ очень малъ ростомъ, нѣсколько прихрамывалъ, и хотя его нельзя было назвать калѣкой, все-же недостатки его фигуры удручали его родныхъ, вызывали иногда насмѣшки чужихъ и, главное, заставляли его самого чувствовать себя заранѣе побѣжденнымъ на жизненной аренѣ, открытой только для сильныхъ. Неправильностей его сложенія не смогло исправить никакое леченіе: ему тщетно надѣвали желѣзные корсеты, подвергали леченію гидротерапіей и электричествомъ. Онъ все-же остался навсегда почти карликомъ, съ одной слишкомъ короткой ногой и съ однимъ приподнятымъ плечомъ, и долженъ былъ постоянно заботиться о своемъ здоровьи, кутаться и оберегаться отъ малѣйшей простуды. Докторъ, лечившій его въ дѣтствѣ, сказалъ однажды: „Этотъ мальчикъ будетъ рости и развиваться только внутренно". Предсказаніе это сбылось: душа Раймонда Перёза обрѣла то благородство и даже, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, силу, которой недоставало его членамъ. Онъ возмужалъ духомъ, сохраняя внѣшній обликъ ребенка; внутреннее пламя придавало ему своеобразную красоту. Женщины восторгались имъ, когда видѣли только его серьезное лицо съ тонкими чертами и большими темными глазами, въ которыхъ свѣтилась страстная, гордая душа. И тѣмъ больше сожалѣнія онъ вызывалъ въ нихъ, когда поднимался, и когда его тщедушное тѣло вырисовывалось рядомъ съ мужчинами, которые, при всей пошлости своихъ лицъ, были выше его головой и подавляли его своимъ крѣпкимъ видомъ. Родители Раймонда—зажиточные ліонскіе коммерсанты—мечтали о томъ, что оба сына увеличатъ ихъ состояніе и достигнутъ всякихъ почестей, но слабое здоровье младшаго сына разрушило ихъ ожиданія. Видя, что отъ него нечего ожидать, они предоставили

ему слѣдовать своимъ склонностямъ къ умственной работѣ, и все свое честолюбіе сосредоточили на старшемъ сынѣ. Раймондъ поэтому могъ заниматься наукой безъ опредѣленной практической цѣли. Онъ сдалъ экзаменъ на степень доктора философіи, написалъ серьезную диссертацію „О происхожденіи политическихъ идей Локка", углубился въ изученіе англійскихъ философовъ, затѣмъ отвлекся отъ нихъ на время, чтобы написать и издать фантастическій „Діалогъ о законности", не имѣвшій, однако, никакого успѣха. Раймонда это не огорчило: онъ любилъ самый процесъ мышленія; общественные вопросы, которыми онъ преимущественно занимался, интересовали его только своей отвлеченной стороной; его не увлекали мысли о практическомъ ихъ разрѣшеніи, и онъ поэтому не страдалъ отъ того, что его не понимали. Интересуясь болѣе идеями, нежели людьми, онъ, однако, обладалъ даромъ острой наблюдательности, понималъ самую суть характеровъ, и умѣлъ открывать самыя тонкія и скрытыя черты въ людяхъ. Благодаря этому, онъ тонко понималъ окружающихъ его людей, находилъ для нихъ точныя психологическія формулы, классифицировалъ ихъ, какъ ботаникъ растенія въ своемъ гербаріи, причемъ судилъ о нихъ то снисходительно, то съ оттѣнкомъ ироніи, смотря потому, считалъ ли онъ ихъ безвредными, или опасными для другихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ его проницательность становилась опасной—онъ умѣлъ читать мысли, угадывать чувства. Его братъ много разъ пользовался этой своеобразной способностью Раймонда, въ надежности и размѣрахъ которой успѣлъ убѣдиться; но, будучи самъ человѣкомъ очень недальновиднымъ, Леонардъ никогда не предполагалъ, что ясновидѣніе Раймонда можетъ когда-нибудь проявиться во вредъ ему. Слѣпое поклоненіе Раймонда долго охраняло Леонарда отъ проницательности его брата; но жену Леонарда Раймондъ судилъ съ полной свободой. Цѣлыми годами Люси была для него предметомъ недоброжелательнаго, почти враждебнаго наблюденія. Романтичный по природѣ, чуткій, склонный къ созерцанію и къ идейной жизни, онъ страдалъ отъ сухости ея тщеславной души, исключительно привязанной къ матеріальнымъ интересамъ и неспособной ни на какой великодушный порывъ. Отказавшись отъ любви для себя самого, Раймондъ принималъ горячее участіе въ сердечной жизни своего брата, и окружалъ ее ореоломъ поэзіи; онъ зналъ объ увлеченіяхъ юности своего брата и осуждалъ ихъ, не утративъ, однако, ни одной иллюзіи относительно Леонарда. Ему хотѣлось, чтобы въ женитьбѣ братъ его нашелъ очагъ чистой нѣжности, полнаго до-

вѣрія и совершеннаго единенія, но сразу понялъ, что бракъ съ Люси не осуществитъ этого идеала. Такая женщина, думалъ онъ, будетъ для своего мужа только союзницей—честной, вѣрной, умной, заботящейся объ общей пользѣ, неспособной повредить мужу никакимъ необдуманнымъ поступкомъ, и въ этомъ отношеніи достойной полнаго уваженія; но онъ видѣлъ также, что въ ней совершенно нѣтъ менѣе полезныхъ, но болѣе необходимыхъ для счастья душевныхъ качествъ, и это его сильно огорчало.

Раймондъ очень вѣрно понималъ Люси, и вся жизнь ея до замужества подтверждала его сужденія.

Ея отецъ, докторъ Моншарни, занимался врачебной практикой въ глухомъ кварталѣ Гренелль. Онъ овдовѣлъ черезъ пять лѣтъ послѣ женитьбы; въ жизни онъ отличался большой непрактичностью, безкорыстіемъ, гуманностью, даромъ лечилъ бѣдняковъ, покупалъ имъ на свои деньги лекарства, устроивалъ благотворительныя учрежденія для покинутыхъ дѣтей и т. д.—и въ то же время входилъ въ долги и не заботился о своихъ двухъ дочеряхъ. Старшая, Софи, вышла замужъ въ девятнадцать лѣтъ за молодого архитектора, Робера Гастелье́, который вѣрилъ въ свои силы, надѣялся на будущее и хотѣлъ сначала основать семейный очагъ, по душѣ, а потомъ завоевывать себѣ міръ. Люси, которой едва исполнилось шестнадцать лѣтъ, пришлось одной вести домъ, въ которомъ, вслѣдствіе щедрости отца, всегда чувствовался недостатокъ въ средствахъ. Она возненавидѣла благотворительность, лишавшую ее удовольствій, подобающихъ ея молодости, не особенно любила отца, внутренно называя его „отцомъ чужихъ дѣтей“, и упрекала его въ томъ, что всякій нищій его болѣе интересуетъ, чѣмъ его собственная дочь. Она мечтала выбраться изъ сосѣдства фабрикъ и казармъ, и жить среди великолѣпія невѣдомаго ей настоящаго Парижа. Она прониклась убѣжденіемъ, что нужно жить исключительно для себя и для своихъ, и что вся толпа ближнихъ—только какой-то муравейникъ. Часто бываетъ, что одна крайность порождаетъ въ окружающихъ другую противоположную крайность. Люсьена была жертвою доходившей почти до маніи самоотверженности ея отца, и поэтому въ ней развились безграничный эгоизмъ и тщеславіе.

Неожиданное наслѣдство отъ какого-то родственника со стороны матери обогатило обѣихъ сестеръ; младшая увидѣла въ этомъ подаркѣ судьбы только первый задатокъ будущихъ побѣдъ, и даже не успѣла порадоваться, занятая мыслями о томъ, какъ бы лучше всего воспользоваться своимъ состояніемъ. Ея еще не

опредѣлившійся характеръ сразу окрѣпъ въ энергичной защитѣ своего капитала противъ отца, которому хотѣлось все отдать другимъ. Какъ разъ въ это время ея шуринъ представилъ ей адвоката Перёза. Люси хотѣлось поскорѣе избавиться отъ опеки отца, и встрѣча съ молодымъ человѣкомъ, которому открывалась хорошая карьера, была ей по душѣ. У Леонарда недавно умеръ отецъ, и онъ тоже имѣлъ капиталъ, который, утроившись благодаря выгодной женитьбѣ, составилъ бы начало значительнаго богатства. Они очень скоро пришли къ соглашенію. Нѣсколько романтичная Софи распространила вокругъ жениха и невѣсты условную легенду о „coup de foudre", а докторъ Моншарни, по своей довѣрчивости, радовался тому, что его младшая дочь, какъ и старшая, „выходитъ замужъ по любви". Въ дѣйствительности же молодые люди просто чувствовали другъ къ другу симпатію, порожденную общностью жизненныхъ вкусовъ.

Люси очень скоро поняла своего мужа, изучила его сильныя и слабыя стороны, обсудила трудности его карьеры, и поняла также, какими средствами можно ее облегчить.

Леонардъ Перёзъ, несмотря на твердость въ своихъ практическихъ стремленіяхъ, имѣлъ слабости, мѣшавшія исполненію его честолюбивыхъ плановъ; его жена поэтому употребила всѣ усилія, чтобы внушить ему упорную настойчивость, на которую ничто не можетъ оказать вліянія. Онъ слишкомъ полагался иногда на свое счастье; она же, болѣе разсчетливая, не довѣряла судьбѣ, думала о темныхъ силахъ, нарушающихъ ходъ жизни, и внушала мужу, что удача зависитъ не столько отъ счастья, какъ отъ умѣнья. Она помогала ему и разными другими средствами. Ясно понимая значеніе всякаго рода кружковъ и партій, она создала мужу выбранный съ большимъ умѣньемъ кругъ знакомства. Гастелье, архитекторъ эксцентричныхъ домовъ, распространитель „modern style", былъ знакомъ со множествомъ художниковъ, журналистовъ, писателей. Люси привлекла въ свой домъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, — самыхъ замѣтныхъ и наименѣе крайнихъ,—и они содѣйствовали извѣстности Перёза. Раймондъ, столь чуждый всякаго интригантства, создалъ Люси, самъ этого не подозрѣвая, хорошія связи въ университетскомъ кругу. Товарищи ея мужа, изъ которыхъ одинъ сдѣлался министромъ, нѣсколько адвокатовъ и членовъ суда, нѣсколько лучшихъ кліентовъ ея отца, образовали вскорѣ вокругъ нея разнохарактерный кругъ, которымъ она умѣла очень хорошо пользоваться для своихъ практическихъ цѣлей. При полномъ отсутствіи кокетства, она, однако, умѣла привязывать къ себѣ всѣхъ этихъ людей,

тѣмъ, что льстила ихъ слабостямъ и окружала ихъ иллюзіей дружбы, интимности, лести и преклоненія. Всѣ охотно являлись къ ней по ея „средамъ", пріятно проводили время, и понемногу у нея составлялась репутація женщины, имѣющей очень пріятный салонъ. Къ тому же, Люси была дѣятельнымъ членомъ разныхъ благотворительныхъ обществъ: ее встрѣчали всюду, гдѣ слѣдуетъ показываться; она никогда не откладывала на другой день нужнаго визита, участвовала въ нѣсколькихъ предпріятіяхъ, гдѣ подъ предлогомъ благотворительности ведутся тысячи интригъ. Собирая пожертвованія, распространяя билеты на концерты или лотереи, она увеличивала число и поднимала уровень своихъ связей. Кромѣ того, она пристроивала, или, по крайней мѣрѣ, обѣщала пристроивать молодыхъ protégés своихъ друзей. Ее считали доброй, и всюду хвалили ее; одинъ только Раймондъ ясно понималъ практичность и корыстность всѣхъ ея дѣйствій, и глубоко ее презиралъ.

Въ противоположность своей строгости къ невѣсткѣ, Раймондъ относился со странной и слѣпой снисходительностью къ брату. Физически сильный, практичный Леонардъ былъ для Раймонда воплощеніемъ мужества и энергіи, идеаломъ настоящаго человѣка, какимъ бы онъ самъ хотѣлъ быть. Раймондъ не имѣлъ возможности восторгаться братомъ во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, но по крайней мѣрѣ онъ чрезвычайно рѣдко — и самъ страдая при этомъ — осуждалъ его. Онъ толковалъ въ благопріятномъ смыслѣ всѣ проявленія души, въ которую вкладывалъ то, что ему хотѣлось видѣть въ ней. Поэтому онъ постоянно приносилъ своему брату, самъ того не зная, величайшую жертву, которую могъ бы принести: онъ отрекался въ сужденіяхъ о немъ отъ своей проницательности. Онъ его слѣпо обожалъ.

Это обожаніе вызвано было однимъ качествомъ Леонарда, которое воображеніе Раймонда видѣло въ преувеличенномъ свѣтѣ. Въ характерѣ Леонарда было извѣстнаго рода смѣлое великодушіе, хотя и перемежающееся, безкорыстное и въ то же время хвастливое, рыцарское и разсчетливое. Когда оба брата были еще юношами, это великодушіе превращало старшаго въ защитника младшаго; онъ постоянно готовъ былъ кулаками защитить Раймонда; но въ то же время онъ былъ столь же требовательнымъ, какъ и любящимъ, тираномъ маленькаго, тщедушнаго существа, вѣчно испуганнаго, болѣзненнаго, дрожащаго. Страстная и замкнутая душа Раймонда доходила въ своей благодарности до какого-то суевѣрнаго культа. Въ своихъ сужденіяхъ о братѣ, поэтому, онъ приходилъ къ выводамъ, абсолютно противорѣчащимъ

дѣйствительности. Въ своемъ дневникѣ, въ который онъ заносилъ свои сужденія о людяхъ, встрѣчались такія фразы о Леонардѣ: „Въ немъ есть доброта истинно сильнаго человѣка, который никогда не думаетъ ни о себѣ, ни о завтрашнемъ днѣ“. Или же: „Я люблю его болѣе, чѣмъ онъ любитъ меня. Я это чувствую, знаю, и не страдаю отъ этого. Онъ гораздо болѣе достоинъ любви, чѣмъ я“.

Когда что-нибудь слишкомъ очевидно опровергало его предвзятое сужденіе, Раймондъ, на минуту понявъ истину, старался быстро забыть о ней, или же объяснялъ слабости своего героя „требованіями жизни“, и тѣмъ болѣе преклонялся передъ братомъ за его умѣнье подчиняться обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, онъ сохранялъ свои иллюзіи, и ничего не видѣлъ въ душѣ Леонарда, кромѣ своихъ собственныхъ мыслей, своихъ собственныхъ чувствъ, своихъ собственныхъ мечтаній.

II.

Въ этотъ день—это была среда—Леонардъ Перёзъ запоздалъ больше обыкновеннаго, и у Люси произошла маленькая ссора съ ея шуриномъ.

Она только-что обновила свою гостиную по указаніямъ Гастельé и слѣдуя новой модѣ. До того она довольствовалась тяжелыми креслами въ стилѣ Луи-Филиппа, обитыми прочнымъ трипомъ. Мебель эта была частью неожиданнаго наслѣдства; Люси давно считала ее слишкомъ провинціальной, и теперь, наконецъ, окончательно осудила ее и продала старьевщику. На мѣстѣ ея появилась англійская мебель съ извилистыми линіями, покрытая матеріей моднаго цвѣта и узора; мебель выдѣлялась на фонѣ обоевъ цвѣта морской воды, украшенныхъ запятыми и зигзагами кирпичнаго цвѣта, а на зеленыхъ портьерахъ болѣе темнаго тона выдѣлялись широкія оранжевыя пальмы. Обойщики работали цѣлый день, и въ комнатѣ чувствовался запахъ лака. Люси, довольная перемѣной, о которой она давно мечтала, и которая ей дорого стоила, ожидала комплиментовъ. Маркъ, усѣвшійся у нея на колѣняхъ, и Раймонда, сидѣвшая на табуреткѣ у ея ногъ, восторгались подробностями, на которыя она имъ указывала. Но Раймондъ, утонувшій въ низкомъ креслѣ, ограничивался тѣмъ, что безмолвно разсматривалъ странныя кресла, смѣшные столики, сложный рисунокъ блѣднаго ковра, гамму блѣдныхъ тоновъ, которую составляли вазы всевозможныхъ формъ на

каминѣ, рядомъ съ часами въ стилѣ „ампиръ“, оставленными въ виду ихъ цѣнности. Онъ перебѣгалъ глазами съ предмета на предметъ съ насмѣшливымъ видомъ, который не ускользнулъ отъ вниманія его невѣстки. Потомъ онъ всталъ, подошелъ къ маленькому бюро, провелъ по немъ рукой, какъ бы желая въ чемъ-то убѣдиться, разсмотрѣлъ вазы на каминѣ и снова сѣлъ на маленькій, высокій стулъ, имѣя на немъ видъ взмостившейся встревоженной птицы. Люси, наконецъ, не выдержала.

— Ну, что же, — спросила она:—какъ вамъ нравится наша новая мебель?

Насмѣшливый огонекъ опять показался въ глазахъ Раймонда, который, вытягивая ноги, едва смогъ достать пола кончикомъ ботинокъ.

— Она очень модная, — отвѣтилъ онъ. — Послѣднее слово моды!..

Его губы сомкнулись, какъ бы для того, чтобы удержать колкость, которая, однако, все-таки вырвалась у него.

— Только... зачѣмъ столько запятыхъ? Ихъ такое множество на всемъ. Ваши обои похожи на страницу, усѣянную одними только знаками препинанія.

Люси сухо отвѣтила:

— Скажите прямо, что все это отвратительно. Скажите— вѣдь вы это думаете!

Раймонду не удалось удержаться отъ желанія подразнить ее, и онъ уже жалѣлъ объ этомъ.

— Боже мой, вѣдь вы знаете, что у меня совсѣмъ особые вкусы. Я люблю все стильное, и нахожу, что въ теперешнемъ modern style совсѣмъ нѣтъ стильности. Мода теперь противъ меня, и я вовсе не утверждаю, что правъ.

Эта полу-уступка не смягчила Люси, и она отвѣтила рѣзкимъ тономъ:

— Мы никогда ни въ чемъ не сходимся. Я уже давно это замѣтила.

Она еще разъ окинула внимательнымъ взоромъ свою новую обстановку, и прибавила, видимо удовлетворенная осмотромъ.

— Впрочемъ, я сообразовалась не только съ моимъ личнымъ вкусомъ, или со вкусомъ моего мужа,—я совѣтовалась относительно всего съ моимъ шуриномъ Гастелье,—а онъ вѣдь художникъ.

Незамѣтная улыбка скользнула по губамъ Раймонда. Онъ мысленно увидалъ передъ собой воздвигнутыя въ новыхъ кварталахъ странныя сочетанія кирпича, желѣза, фаянса, поддѣль-

наго мрамора, поддѣльной бронзы и фарфоровыхъ украшеній, столь излюбленныхъ Гастельé въ его работахъ. Онъ припомнилъ странныхъ чудовищъ, диковинныхъ звѣрей и переплетающіяся въ какомъ-то хаосѣ линіи его декоративныхъ рисунковъ. И онъ повторилъ съ ироніей, которую Люси не замѣтила:

— Гастелье, конечно, художникъ въ своемъ родѣ. Да, въ сущности, обои и мебель не имѣютъ большого значенія. Все дѣло въ томъ, чтобы чувствовать себя уютно въ своей обстановкѣ.

Люси ничего не возразила. Раймондъ попробовалъ заговорить о другомъ, но Люси отвѣчала только односложными звуками. Тогда Раймондъ принялся играть со своей крестницей, и такъ увлекъ дѣвочку, что она забылась и промяукала нѣсколько разъ съ поразительнымъ мастерствомъ. Мать ее окликнула:—Раймонда!

И дѣти уже не возвышали голоса до той минуты, пока, наконецъ, въ гостиную вошелъ Леонардъ.

Адвокатъ Перёзъ былъ высокаго роста, строенъ, почти изященъ въ движеніяхъ. Несмотря на то, что ему было не болѣе тридцати-пяти лѣтъ, волосы его, длинные и прямые, начинали сѣдѣть у висковъ. Высокій, гладкій лобъ, ясно обрисованныя черты бритаго лица, нѣсколько толстый носъ и тяжелый подбородокъ дѣлали его скорѣе симпатичнымъ съ виду,—еслибы не двойственное выраженіе его блѣдныхъ глазъ. Войдя въ залу, онъ опустился на диванъ съ усталымъ видомъ, рѣзкимъ движеніемъ скинулъ свой pince-nez и провелъ нѣсколько разъ рукой по глазамъ. Согбенная поза еще болѣе старила его. Но онъ быстро оправился: къ нему подбѣжали дѣти, забрались къ нему на колѣни, обняли его, и онъ опять выпрямился, отвѣчая на ихъ ласки. Его минутная слабость не ускользнула, однако, отъ Раймонда, который сталъ журить брата.

— Право, Леонардъ, ты совершенно не щадишь себя. Ты опять сегодня слишкомъ много работалъ. Всякая сила имѣетъ предѣлы.

Адвокатъ улыбнулся, пожимая плечами: „Развѣ онъ не ведетъ такую же жизнь, какъ и всѣ другіе? У всѣхъ дни проходятъ въ суетѣ и лихорадочной, утомительной дѣятельности“.

За него отвѣтила его жена:

— Работать необходимо. Нельзя останавливаться, когда хочется идти—такъ нельзя составить себѣ карьеру.

Ея жесткій взглядъ упрекалъ Раймонда въ лѣни и непрактичности. Чтобы вполнѣ выяснить свою мысль, она прибавила:

— Не могутъ же всѣ люди быть дилеттантами.

Раймондъ отвѣтилъ ей быстрымъ взглядомъ своихъ бархат-

ныхъ глазъ, въ которыхъ промелькнуло выраженіе грустнаго раскаянія или сожалѣнія. Люси, довольная тѣмъ, что попала въ цѣль, поднялась съ кресла, подошла къ мужу и, тронувъ его за плечо, сказала болѣе мягкимъ голосомъ:

— Обѣдъ возстановитъ твои силы. Онъ будетъ очень хорошій. А хорошій обѣдъ для человѣка—тоже, что масло для машины. Не правда ли, другъ мой?

Они перешли въ столовую, очень свѣтлую, съ буфетомъ, уставленнымъ серебромъ, съ „дельфтскими“ вазами на каминѣ, съ мѣдными блюдами въ стилѣ ренессансъ, висѣвшими на стѣнахъ. Перёзъ попробовалъ супъ, одобрилъ его, выпилъ рюмку мадеры, которая всегда его подбодряла, и сказалъ:

— Вотъ это подкрѣпляетъ силы!

Онъ никогда не говорилъ за столомъ о своихъ дѣлахъ, отчасти потому, что хотѣлъ на время отвлечься отъ нихъ, отчасти же—чтобы не проговориться о чемъ-нибудь при прислугѣ, такъ какъ ему часто поручались очень значительныя и не допускавшія огласки дѣла. Но разговоры, которые онъ велъ, все-таки касались главнымъ образомъ его профессіональныхъ интересовъ. Онъ сообщалъ новыя, никому еще не извѣстныя свѣдѣнія о громкихъ процессахъ, занимавшихъ общее вниманіе, высказывалъ свое мнѣніе о новыхъ театральныхъ пьесахъ на судейскія темы, или обсуждалъ новѣйшее постановленіе совѣта, касавшееся какого-нибудь дисциплинарнаго вопроса. Въ этотъ день онъ занятъ былъ разбиравшимся судомъ присяжныхъ дѣломъ объ анархистахъ: въ зданіи биржи брошена была бомба, осколки которой убили двухъ людей.

— Изъ-за этого дѣла я и запоздалъ,—сказалъ онъ.—Я очень усталъ, но мнѣ хотѣлось послушать Леко. Его рѣчи—образецъ ума, такта, сжатости и логичности.

Онъ взглянулъ на своего брата, съ которымъ наканунѣ обсуждалъ показанія экспертовъ, которымъ поручено было высказаться объ умственныхъ способностяхъ обвиняемаго, и прибавилъ:

— Ты бы понялъ изъ рѣчи Леко, Раймондъ, что единственный способъ защиты, возможный въ подобныхъ случаяхъ, это—указаніе на невмѣняемость подсудимыхъ подъ вліяніемъ психическаго разстройства и наслѣдственныхъ инстинктовъ.

Люси поспѣшила подтвердить слова мужа и прибавила, презрительно взглянувъ на своего шурина:

— Это очевидно!

— Я въ этомъ вовсе не убѣжденъ,—возразилъ Раймондъ.—

Я полагаю, что такого рода преступленія, какъ и всякія другія—результатъ сложныхъ и роковыхъ причинъ...

— Роковыхъ!—прервалъ его Леонардъ.—Какой устарѣлый терминъ для философа! Неужели же теперь кто-нибудь еще вѣритъ въ рокъ?

— Допустимъ, что таинственность рока отчасти утратила прежнюю силу въ глазахъ людей. Но все-же есть нѣчто фатальное въ судьбахъ человѣчества, и выясненіе роковыхъ сторонъ событій—лучшій способъ защищать преступниковъ, къ какой бы категоріи они ни принадлежали. Устанавливая фатальность явленій, можно яснѣе всего опредѣлить размѣръ ихъ виновности, и во всякомъ случаѣ спасти ихъ отъ смертной казни.

— Какъ бы не такъ!—иронически отвѣтилъ Леонардъ.—Наше уголовное право основано на понятіи о винѣ, которое не допускаетъ подобныхъ послабленій и переноситъ на самого обвиняемаго всю тяжесть его отвѣтственности.

— Потому-то я и считаю наше уголовное право несправедливымъ и варварскимъ.

Люси слушала его съ явнымъ нетерпѣніемъ, и вмѣшалась въ разговоръ:

— Вы всегда увлекаетесь парадоксами, Раймондъ, и всегда фантазируете самымъ невозможнымъ образомъ. Вѣдь ясно, что преступленіе этого человѣка гнусно, чудовищно и не имѣетъ никакихъ оправданій,—даже безуміе, по моему, не смягчаетъ его вины. Я жалѣю адвоката, который вынужденъ его защищать. Когда стараются смягчить справедливое наказаніе за ихъ вину, то этимъ какъ будто входятъ съ ними въ стачку. Еслибы когда-нибудь Леонарду пришлось защищать такое дѣло—не приведи этого Господь!—то я надѣюсь...

Перёзъ успокоилъ ее очень увѣреннымъ жестомъ:

— Не безпокойся. Что бы ни случилось, я не подамъ повода заподозрить себя въ анархизмѣ. Есть, правда, среди нашей интеллигенціи люди, заигрывающіе съ подобными ученіями,—я не изъ ихъ числа. Моя точка зрѣнія совершенно опредѣленная: мы живемъ въ мірѣ, который человѣческія усилія старались сдѣлать какъ можно болѣе совершеннымъ. Мы приняли извѣстныя условія жизни, и не имѣемъ права отказываться отъ нихъ, потому что они—основа нашего соціальнаго строя. Къ тѣмъ, которые подкапываются подъ строй, установленный вѣками человѣческаго труда и общимъ соглашеніемъ, я питаю ненависть, которую они заслуживаютъ. Но, какъ адвокатъ, я могу очутиться въ необходимости защищать кого-нибудь изъ нихъ. Тогда я по-

слѣдую примѣру Леко. Въ сущности, признаніе ихъ безумцами— лучшій способъ ихъ уничтожить. Сумасшедшій домъ, камера съ глухими стѣнами, смирительная рубашка, холодныя души—вотъ чего они заслуживаютъ!

— Пытки, однако, отмѣнены,—отвѣтилъ Раймондъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Люси возразила ему:

— Можетъ быть напрасно—онѣ имѣли свою хорошую сторону!—И обращаясь къ мужу, она прибавила:—Ты правъ. Преступленіе, направленное противъ всего общества, порожденное ненавистью къ людямъ, столь чудовищно, что его можетъ совершить только безумецъ.

Она устремила на Раймонда свой властный взглядъ, какъ бы давая ему понять, что противъ этого нечего спорить. Раймондъ не имѣлъ смѣлости выдержать ея взглядъ, отвелъ глаза, но все же возразилъ:

— Вы разсуждаете очень послѣдовательно, но что если все это неправда, если тутъ дѣло не въ безуміи?

Леонардъ вставилъ свое мнѣніе:

— Во всякомъ случаѣ это наиболѣе вѣроятная правда.

Раймондъ сталъ опять возражать:

— Самая правдоподобная правда!—воскликнулъ онъ.—Что это означаетъ? Временная правда, наиболѣе удобная намъ, наиболѣе отвѣчающая нашимъ привычкамъ.

— Ну, а настоящая правда, видѣлъ ли ее кто-нибудь, скажи мнѣ, пожалуйста?—спросилъ Леонардъ.—Она остается на днѣ своего колодца.

— Она иногда оттуда выходитъ.

— Совершенно нагая,—какъ объ этомъ разсказывается въ сказкѣ. Тогда ей запрещаютъ показываться на улицахъ, чтобы не оскорблять общественной стыдливости. Она бродитъ по пустыннымъ улицамъ и убѣгаетъ. Что же ей дѣлать? Она не можетъ не смущаться своей наготой, и она очень беззащитна, не имѣя никакого орудія, кромѣ жалкаго зеркала.

— Ей вполнѣ достаточно зеркала,—съ жаромъ возразилъ Раймондъ.—Она его протягиваетъ всѣмъ встрѣчнымъ, и они видятъ въ немъ свой настоящій обликъ—и горе имъ!.. Мы живемъ, не зная другъ друга. Пусть случай заставитъ насъ случайно столкнуться съ истиной, пусть на минуту взглядъ нашъ погрузится въ хрупкое стекло, которое никогда не лжетъ,—и истина навсегда намъ отомстила, потому что мы тогда поймемъ, каковы мы въ дѣйствительности... Иногда это случается слишкомъ поздно,

такъ что, несмотря на всѣ усилія, мы не можемъ исправить зла, нами причиненнаго, оправиться отъ униженій, которыя мы претерпѣли...

Люси, раздраженная проповѣдническимъ тономъ Раймонда,— нетерпѣливо оборвала его.

— Вы вѣщаете какъ апокалипсисъ, Раймондъ, — сказала она.—Развѣ вы не видите, что вашъ братъ утомленъ? Человѣкъ, который такъ трудится, какъ онъ, долженъ отдыхать у себя дома. Дайте ему говорить о томъ, что его интересуетъ, и не заставляйте его напрягать умъ философскими спорами.

Фредерикъ подалъ дессертъ. Дѣти оживились при видѣ сладкихъ печеній. Когда всѣ встали изъ-за стола, Раймондъ попросилъ позволенія привести къ обѣду на слѣдующій день одну знакомую, лэди Ливерморъ.

— Конечно, пригласи ее,—ты долженъ считать нашъ домъ своимъ.

Люси холодно стала разспрашивать его о пріѣзжей англичанкѣ, и всѣ перешли въ гостиную.

Хотя тамъ и стояла другая мебель, чѣмъ наканунѣ, всѣ расположились на своихъ привычныхъ мѣстахъ. Люси расположилась со своей рабочей корзинкой на диванѣ, передъ маленькимъ столикомъ. Раймондъ сѣлъ съ книгой у камина; Леонардъ выбралъ самое удобное кресло, и сталъ читать вечернія газеты. Онъ еще не высказалъ своего мнѣнія о новой мебели. Одобривъ ее, онъ прибавилъ съ оттѣнкомъ сожалѣнія, отъ котораго глаза его брата засверкали.

— Эта мебель не такъ удобна, не такъ уютна, какъ прежняя.

— Но гораздо болѣе изящна,—сказала Люси, и Леонардъ съ ней согласился.

— Это правда, нужно только привыкнуть къ ней. Мы освоимся съ ней черезъ нѣсколько дней.

Бонна пришла за дѣтьми, которыя старались какъ можно дольше продлить прощаніе. Они знали, что мать болѣе снисходительна къ нимъ въ присутствіи отца, и коварно пользовались этимъ. Англичанка, очень внушительная въ своемъ бѣломъ чепчикѣ и въ бѣломъ передникѣ, ждала ихъ у двери въ позѣ часового.

Наконецъ Леонардъ сказалъ:

— Довольно, дѣтки, идите спать!

Его глаза, обыкновенно столь мало выразительные, съ нѣжностью слѣдили за дѣтьми до двери, закрывшейся за ними. Онъ

еще нѣсколько времени прислушивался къ ихъ удалявшимся шагамъ, и сказалъ, взглянувъ на брата:

— Вотъ ты говоришь, что я слишкомъ много работаю, и жалѣешь меня. Еслибы ты зналъ, съ какой радостью я тружусь, когда подумаю, что это для нихъ. Я готовъ втрое больше работать. Мнѣ ничто не кажется слишкомъ труднымъ, если это обезпечитъ имъ счастливую жизнь.

— Родители живутъ только для дѣтей,—подтвердила Люси.

— Конечно! Хотѣлось бы доставить имъ все, чего самъ не имѣлъ, о чемъ не мечтаешь для себя. Вотъ я, напримѣръ, казалось бы, не имѣю права жаловаться на свою судьбу. Но для нихъ я не удовольствуюсь тѣмъ же. Поэтому я хочу доставить имъ всѣ орудія жизненнаго успѣха: образованіе, деньги, связи—и умѣнье всѣмъ этимъ пользоваться. Имъ останется только покорить міръ.

Онъ взглянулъ на свою жену; общность ихъ честолюбія выразилась въ улыбкѣ взаимнаго пониманія. Раймондъ ничего не возразилъ,—ему пришлось бы слишкомъ многое сказать. Но онъ затаилъ вздохъ, подавляя грустное чувство, которое овладѣвало имъ каждый разъ, когда онъ замѣчалъ мелкое честолюбіе и вульгарныя желанія въ своемъ братѣ.

И вечеръ начался, мирный, похожій на всѣ тѣ рѣдкіе незанятые вечера, которые они проводили вмѣстѣ. Электрическій свѣтъ, смягченный свѣтло-зелеными абажурами, пріятно освѣщалъ новую мебель. Иголка Люси двигалась среди молчанія. Раймондъ неслышно переворачивалъ страницы. Леонардъ исчезалъ за развернутымъ листомъ газеты, которую онъ сначала бѣгло просматривалъ, ища новостей, прежде чѣмъ приняться за чтеніе интересовавшихъ его статей. Онъ увидѣлъ, что курсъ поднимается, и сказалъ съ довольствомъ человѣка, который радуется удачной денежной операціи:

— Акціи Beacocket et C$^{\underline{ie}}$ стоятъ по 670. Онѣ повысились на двадцать франковъ со вчерашняго дня.

Онъ и не подозрѣвалъ, что въ послѣдній разъ интересуется всѣмъ этимъ, что уже никогда болѣе не будетъ радоваться поднятію курса.

— Это хорошо!—сказала Люси.—Но не слишкомъ ли быстро онѣ пошли въ гору? Не пора ли продать?

— Не безпокойся, я продамъ, когда слѣдуетъ.

Раймондъ поднялъ глаза при звукѣ голоса брата. Онъ слегка сдвинулъ брови, и опять погрузился въ чтеніе. Пробило половину десятаго. Наступило молчаніе; Люси его прервала, воскликнувъ:

— Ну вотъ! нитка порвалась!

Она стала рыться въ корзинкѣ, ища чего-то среди катушекъ и лоскутковъ матерій. Отъ времени до времени отъ шума проѣзжавшихъ тяжелыхъ экипажей звенѣли стекла въ окнахъ, потомъ снова наступала тишина. Минуты протекали неспѣшно, точно имъ суждено было мирно и ровно протечь до часа отдохновенія. Ничье ухо не подслушало бы въ этотъ мигъ приближающихся нѣмыхъ шаговъ судьбы. Вдругъ за большимъ газетнымъ листомъ, задрожавшимъ, какъ при дуновеніи рѣющей надъ міромъ тайны, лицо Перёза исказилось, ужасъ отразился въ его блѣдныхъ глазахъ, широко раскрытыхъ и устремленныхъ на статью подъ заголовкомъ: „Письмо изъ Лондона", въ которой стояло слѣдующее:

„21-го числа этого мѣсяца начнется разбирательство уголовнаго процесса, который вѣроятно взволнуетъ общественное мнѣніе, вслѣдствіе окружающей его тайны. Героиня процесса—французская модистка, которая въ теченіе многихъ лѣтъ работала въ одномъ изъ нашихъ лучшихъ модныхъ магазиновъ. Ее обвиняютъ въ убійствѣ своего незаконнаго ребенка, дѣвочки лѣтъ восьми, которую она толкнула въ Темзу, въ мѣстности за Kew Gardens, противъ прекрасной виллы герцога Нортумберлэнда, Сіонгоуза. Подсудимая—молодая женщина тридцати-двухъ лѣтъ, незамужняя; зовутъ ее—Франсуаза Десомъ. Она настаиваетъ на своей невиновности, и утверждаетъ, что дѣвочка случайно упала въ рѣку, и что она не смогла ее спасти. Эта версія довольно правдоподобна, въ виду наступившаго полноводья и быстроты теченія въ этомъ мѣстѣ. Но ее опровергаютъ очень опредѣленныя показанія двухъ прохожихъ и сторожа парка. Обвиненіе выдвинуло также другія данныя, говорящія противъ подсудимой, показанія которой по нѣкоторымъ пунктамъ очень сбивчивыя. Все это затемняетъ дѣло. Думаютъ, что на судѣ выяснятся обстоятельства этого интереснаго дѣла, о ходѣ котораго я не премину извѣстить нашихъ читателей".

„*Французская модистка... Франсуаза Десомъ... дѣвочка лѣтъ восьми*"... все это стояло въ газетѣ. А затѣмъ все остальное, обстановка бульварнаго романа, ужасная исторія брошенной въ рѣку дѣвочки... Тысячи глазъ могли ее читать и комментировать съ развращеннымъ любопытствомъ, съ которымъ обыкновенно относятся къ подобнымъ драмамъ. Но въ то время, какъ эта исторія безслѣдно скользила по многимъ равнодушнымъ умамъ, душа Перёза содрогнулась отъ невыразимаго ужаса. Для всѣхъ читателей этой газеты и множества другихъ газетъ дѣло шло о

только происходящемъ вдали событіи, которое производитъ даже менѣе непосредственное впечатлѣніе, чѣмъ послѣдній актъ чувствительной драмы, вызывающей слезы. Только онъ одинъ на свѣтѣ потрясенъ былъ до глубины души смертью этого ребенка, который не зналъ своего отца. Леонардъ почувствовалъ, что сильно измѣнился въ лицѣ, и укрывался за газетой, судорожно держа ее руками. Опять прошло долгое время среди молчанія; Раймондъ продолжалъ читать, а иголка Люси скрипѣла, вонзаясь въ шолкъ. Пробило десять часовъ. Люси спросила, не поднимая головы:

— Есть что-нибудь интересное въ газетѣ сегодня?

Леонардъ отвѣтилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Нѣтъ... нѣтъ... ничего особеннаго.

— Отдай мнѣ газету, когда кончишь читать. Я хочу прочесть фельетонъ...

Тотъ же голосъ, который, казалось, шелъ откуда-то издалека, отвѣтилъ:

— Фельетонъ?.. Сегодня нѣтъ фельетона...

Оправившись, Перёзъ всталъ, бросилъ скомканную газету на кресло и сталъ ходить по комнатѣ.

— Что съ тобой такое?—спросила Люси спокойнымъ голосомъ.

— Я вдругъ вспомнилъ, что у меня еще... сегодня... экстренная работа...

— Да вѣдь тебѣ такъ нужно отдохнуть!—воскликнулъ Раймондъ, захлопывая книгу, которую читалъ.—Не работай сегодня.

— Нельзя... Я совсѣмъ забылъ: завтра предстоитъ очень важное... отвѣтственное дѣло.

Онъ говорилъ растерянно, смущенный взглядомъ преданныхъ ему глазъ, которые могутъ догадаться о его тайнѣ. Теперь онъ думалъ только о томъ, чтобы скрыть ужасное... Онъ забывалъ, что рано или поздно его братъ, которому онъ въ юности довѣрялъ всѣ свои тайны, узнаетъ и о его теперешней мукѣ. Чтобы хоть выиграть время, онъ сталъ жаловаться на обиліе дѣлъ съ необыкновеннымъ многословіемъ:

— Ты не знаешь, что такое дѣла... Сколько вѣчныхъ заботъ... Одно сплетается съ другимъ, захватывая всего человѣка... Еслибы я разсказалъ тебѣ программу завтрашняго дня... ты бы ужаснулся... И многое забываешь—вотъ вѣдь забылъ одно дѣло, и очень важное... совсѣмъ вѣдь забылъ—какъ будто его не было на свѣтѣ. А между тѣмъ, это такое дѣло...

Онъ замѣтилъ, что начинаетъ проговариваться, и остановился.

— Спокойной ночи!

У двери онъ вспомнилъ, что оставилъ газету въ креслѣ, вернулся за нею и этимъ снова привлекъ вниманіе брата. Раймондъ взглянулъ на Люси,—она спокойно продолжала шить.

III.

Очевидное волненіе Леонарда, его внезапный уходъ, возвращеніе за оставленной газетой посѣяли въ душѣ Раймонда глухую тревогу. Живя въ мірѣ отвлеченныхъ идей, онъ всегда считалъ практическую жизнь лѣсомъ, въ которомъ на каждомъ шагу разставлены западни, и въ каждомъ кустѣ скрывается опасность. Съ юности онъ всегда боялся за своего брата. Онъ опасался недоброжелательства товарищей, завидующихъ быстрымъ удачамъ молодого адвоката, интриговавшихъ противъ него, или препятствій, стоявшихъ на его пути, и которыя могли задавить его. При наступленіи одной изъ столь частыхъ въ современной жизни катастрофъ, онъ содрогался какъ бы отъ зловѣщаго предчувствія. Жизнь, осложненная честолюбивыми стремленіями, казалась ему слишкомъ трудной, чтобы она могла быть прожита безъ несчастныхъ случайностей, и его воображеніе рисовало ему всякаго рода ужасныя неожиданности. Это вѣчное внутреннее безпокойство его тѣмъ болѣе мучило, что Леонардъ не посвящалъ его въ свои дѣла и заботы, отчасти чтобы щадить его крайне чувствительную совѣсть, отчасти же и потому, что онъ считалъ Раймонда нѣсколько наивнымъ человѣкомъ, которому недоступно пониманіе всего „положительнаго", практическаго.

— Что это Леонардъ сегодня такой странный?—спросилъ Раймондъ свою невѣстку, переводя на нее взглядъ, которымъ онъ слѣдилъ за удалявшимися шагами Леонарда.

Онъ зналъ, что этотъ вопросъ безполезенъ, въ виду отношенія Люси къ нему. И все-же онъ обратился къ ней, быть можетъ въ надеждѣ, что, высказавъ свою тревогу, онъ съумѣетъ самъ найти успокоительное объясненіе.

Молодая женщина, занятая выборомъ нужнаго ей оттѣнка шолка, отвѣтила, не поднимая глазъ:

— Да что же съ нимъ можетъ быть особеннаго? Навѣрное, ничего серьезнаго. Вы вѣдь сами слышали. У всѣхъ дѣловыхъ людей есть заботы.

Она нашла шолкъ, оторвала нитку его, вдѣла въ иголку и снова принялась за работу. Тиканіе часовъ звучало громче среди наступившаго полнаго молчанія. Раймонду, который не могъ побороть внутренняго безпокойства, хотѣлось говорить, хотя бы для того, чтобы слышать звукъ собственнаго голоса. Но онъ не рѣшался возобновить разговоръ: эта обновленная гостиная казалась ему чужимъ домомъ, откуда исчезла всякая интимность вмѣстѣ со старой мебелью. Онъ чувствовалъ врага въ женщинѣ, которая сидѣла противъ него, не поднимая на него глазъ. Запятыя архитектора Гастелье прыгали по обоямъ, какъ обрубки змѣиныхъ тѣлъ. Онъ попробовалъ снова взяться за чтеніе, но не понималъ смысла фразъ, мелькавшихъ передъ его глазами. Ему захотѣлось скорѣе уйти домой, остаться наединѣ съ собой, и онъ поднялся ранѣе обыкновеннаго.

— До свиданія, Люси!

Она взглянула на стоявшую передъ ней тщедушную, почти дѣтскую фигуру Раймонда, съ его грустными глазами, и протянула ему кончики пальцевъ.

— Вы уже уходите? До свиданія.

Прежде чѣмъ вернуться въ улицу Пероне, гдѣ онъ занималъ маленькую холостую квартиру, Раймондъ Перёзъ зашелъ въ кофейню. Ему пришла въ голову мысль прочесть газету, которую онъ видѣлъ въ рукахъ брата. Ему ее принесли вмѣстѣ съ стаканомъ грога, къ которому онъ не притронулся. Онъ пробѣжалъ газету, не замѣтивъ въ ней ничего, кромѣ текущихъ новостей. Потомъ онъ сталъ читать ее болѣе внимательно. Онъ подумалъ: „Можетъ быть, дѣло идетъ о чемъ-нибудь непонятномъ для меня",—и его воображеніе рисовало ему разныя таинственныя дѣла, касающіяся политики. Но взглядъ его упалъ на „Письмо изъ Лондона". Онъ сначала не обратилъ на него вниманія, не предполагая, что несчастіе могло явиться изъ такого далека. Случайно онъ замѣтилъ имя Франсуазы Десомъ, и ударъ поразилъ его въ самое сердце.

Прошло нѣсколько минутъ. Въ пустой и мрачной залѣ кассирша шепталась съ однимъ изъ гарсоновъ. Двое посѣтителей вошли, громко споря. Раймондъ машинально осушилъ свой стаканъ, бросилъ монету на мраморный столикъ и вышелъ. Быстро, почти бѣгомъ, онъ пошелъ обратно по бульвару и дошелъ до дома, гдѣ жилъ его братъ. Но подъ какимъ предлогомъ снова войти къ нему? Что сказать Фредерику, когда онъ откроетъ дверь, или Люси, если онъ ее встрѣтитъ? Онъ простоялъ минуту въ нерѣшительности на тротуарѣ, и медленно повернулъ

назадъ въ улицу Перонé. Тысячи воспоминаній осаждали его, рисовали ему лицо Франсуазы, возобновляли въ его памяти нѣжные или грустные эпизоды идилліи, которую онъ пережилъ въ качествѣ свидѣтеля, внося въ нее свое собственное поэтическое чувство и свою нѣжность,—и образы, полные ужаса, вытѣсняли эти воспоминанія. Поднимаясь на лѣстницу, онъ остановился, задыхаясь, спрашивая себя, не ужасный ли все это сонъ? Картины убійства и тюрьмы рисовались ему въ темнотѣ, такія яркія, что онъ боялся лишиться чувствъ. На площадкѣ передъ дверью, когда онъ вкладывалъ ключъ въ замокъ двери, онъ вдругъ услышалъ такъ явственно, какъ будто братъ его стоялъ передъ нимъ, голосъ Леонарда, властный, рѣшительный, который повторялъ послѣ многихъ лѣтъ тотъ же отвѣтъ, которымъ онъ когда-то прекращалъ всѣ его доводы въ пользу покинутой дѣвушки:

— Милый мой, еслибы слушаться такихъ фантазеровъ, какъ ты, пришлось бы надѣлать много глупостей!

И всѣ ихъ разговоры, происходившіе въ то далекое время, снова звучали въ его ушахъ, какъ бы повторяемые какимъ-то таинственнымъ фонографомъ. Ему припоминались слова, онъ узнавалъ голосъ брата, видѣлъ передъ собой ту аллею Люксембургскаго сада, гдѣ чаще всего велъ эти разговоры съ Леонардомъ. Его собственныя слова звучали въ его памяти, полныя мольбы и отчаянія, и раздававшіеся изъ глубины прошлаго рѣшительные отвѣты Леонарда потрясали его своей жестокостью.

— Увѣряю тебя, что твои старанія напрасны, другъ мой. Да все это вовсе не такъ трагично. Франсуаза утѣшится, она очень благоразумна; я же, къ счастію, чуждъ сентиментальности.

И вслѣдъ за этимъ раздавался голосъ Франсуазы, очень мягкій, слегка дрожащій:

— Что же дѣлать, monsieur Раймондъ? Вашъ братъ говоритъ, что онъ не давалъ никакихъ обѣщаній. Это правда, и я поэтому ничего отъ него не требую.

Его собственный голосъ отвѣчалъ съ отчаяніемъ:

— Но что же будетъ съ вами?

И снова молодая дѣвушка отвѣчала увѣреннымъ, спокойнымъ тономъ:

— Я всегда сама заработывала себѣ хлѣбъ, а теперь буду работать на двоихъ; я буду любить моего ребенка. Еслибы вы знали, какъ я уже теперь люблю его!

Дверь открылась. Раймондъ ощупью сталъ искать спичекъ, и почти крикнулъ:

— Нѣтъ, она невиновна—это страшная ошибка!

...Уже болѣе часа Леонардъ ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету, какъ запертый въ клѣтку дикій звѣрь. Окружавшіе его предметы, изящная мебель, книги въ хорошихъ переплетахъ, рѣдкостныя бездѣлушки, свидѣтельствовали объ его достаткѣ и обезпеченности его будущаго. Бюро съ ящиками для бумагъ было переполнено папками съ дѣлами, изъ которыхъ нѣкоторыя обѣщали крупныя выгоды, вѣроятные успѣхи, можетъ быть славу. На его письменномъ столѣ, рядомъ съ чернильницей въ видѣ японской химеры, стоялъ въ серебряной рамкѣ портретъ Люси, въ бальномъ туалетѣ, сдѣланный, когда она была невѣстой. Этотъ нѣсколько прикрашенный портретъ свидѣтельствовалъ о продолжающихся хорошихъ отношеніяхъ между мужемъ и женою. Съ другой стороны стола, въ бархатной рамкѣ, стояла большая фотографическая карточка Марка и Раймонды. Раймонда, пухленькая, съ прелестной улыбкой, показывавшей ямочки на щекахъ, сидѣла рядомъ съ Маркомъ, болѣе серьезнымъ въ своемъ первомъ костюмѣ мальчика, съ маленькимъ личикомъ слишкомъ вдумчиваго ребенка, съ худенькими ножками. Эти два портрета, стоящіе на столѣ, у котораго онъ трудился для своей семьи, представляли для него самую драгоцѣнную, самую существенную сторону его существованія. Глядя на нихъ, онъ по своему умилялся, думалъ о блестящей судьбѣ, которую его усилія готовили двумъ дѣтямъ, и представлялъ себѣ въ мечтахъ, какъ сложится эта судьба. Маркъ пойдетъ по судейской части, будетъ прокуроромъ, первымъ предсѣдателемъ суда. Раймонда выйдетъ замужъ за богатаго, виднаго, можетъ быть даже титулованнаго человѣка. Онъ наслаждался этими перспективами,— надежды его были очень смѣлыя,—и сердце его преисполнялось гордостью. Но вотъ вдругъ огромная волна прошлаго надвинулась на него, заливала его кровью и позоромъ, и онъ очутился въ положеніи человѣка, потерпѣвшаго крушеніе, дрожащаго и покинутаго подъ грозою.

Въ первую минуту въ немъ поднялся только бѣшеный протестъ противъ самаго факта, безумное желаніе во что бы то ни стало отряхнуть кошмаръ, избавиться отъ темной силы, которая его уничтожала. Онъ дѣлалъ отчаянныя усилія, какъ въ борьбѣ, въ которой болѣе слабый не сразу сдается, а сопротивляется. Сначала ему какъ будто удалось высвободиться рѣзкимъ движеніемъ: „Меня это не касается,—подумалъ онъ,—я тутъ ни при чемъ". Но онъ сейчасъ же понялъ безполезность этой внутренней лжи, похожей на то, какъ еслибы кормчій сталъ вдругъ отрицать бурю въ моментъ, когда она ломаетъ руль. Тогда онъ сталъ

по адвокатской привычкѣ, защищать себя разными доводами. Его романъ съ Франсуазой въ концѣ концовъ—очень обыкновенный. Много молодыхъ людей встрѣчаются съ свободными женщинами, тоже ищущими любви; онѣ отдаются, ничего не требуя; ихъ берутъ, ничего не обѣщая. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно не думаютъ о будущемъ, отдаются увлеченію до тѣхъ поръ, пока связь не разрывается такъ же легко, какъ она образовалась. Но вотъ появляется ребенокъ... Тутъ его доводы пошатнулись, мысли спутались, и онъ сталъ пытаться разсуждать дальше, какъ продолжаютъ защитительную рѣчь, потерявъ руководящую нить. Тѣ, которые могутъ... ну да, конечно, кто можетъ, исполняетъ свой долгъ, и это тѣмъ лучше... Но вѣдь онъ зависѣлъ отъ очень строгаго отца, который не пошелъ бы ни на какія уступки... онъ не могъ поэтому... Къ тому же Франсуаза ничего не требовала. Еслибы она плакала или угрожала, какъ другія—какъ знать, можетъ быть тогда у него хватило бы смѣлости... Но все обошлось такъ спокойно. Мужественная и гордая—слишкомъ гордая—Франсуаза принимала на себя послѣдствія ихъ общей вины и исчезла изъ его жизни безъ упрековъ, безъ сценъ. Легкая нить порвалась безъ усилій, такъ что онъ едва замѣтилъ разрывъ и скоро забылъ. Вѣдь многіе такъ поступаютъ... Обыкновенно жизнь покрываетъ забвеніемъ подобные эпизоды.

...Ну да, конечно, онъ забылъ о Франсуазѣ.

Онъ переживалъ тогда тотъ важный моментъ, когда опредѣляется карьера человѣка и устанавливается фундаментъ для всей дальнѣйшей жизни. Онъ очень много работалъ, готовился къ окончательному экзамену, и среди всего этого мысль о бывшей возлюбленной совершенно улетучилась изъ его памяти. Не будь Раймонда съ его сожалѣніями о судьбѣ Франсуазы, онъ бы только радовался, что такъ легко покончилъ съ этимъ увлеченіемъ молодости. Вскорѣ послѣ того онъ познакомился съ Люси, женился и передъ свадьбой сжегъ локонъ волосъ, портретъ, нѣсколько писемъ:—это было все, что у него осталось отъ Франсуазы. И съ тѣхъ поръ почти никогда, за исключеніемъ чрезвычайно рѣдкихъ короткихъ минутъ мечтательной тоски, мысли его не возвращались къ женщинѣ, которая была ему близка въ теченіе полугода. Онъ окончательно забылъ ее, такъ что теперь едва могъ извлечь изъ мрака прошлаго неопредѣленныя черты молодой женщины—ея свѣжее, красивое личико въ рамкѣ свѣтлыхъ волосъ, ея хрупкую, тонкую фигурку, ея нѣжность, относительно которой у него изгладилось всякое впечатлѣніе. Что сталось съ нею за эти годы? Онъ такъ же не зналъ этого, какъ не знаетъ

корабль, куда уходятъ волны, разсѣченныя имъ. Увы! онъ ничего не зналъ и о ребенкѣ, этой невѣдомой сестрѣ Марка и Раймонды, тѣло которой унесла Темза въ своемъ быстромъ теченіи... Неопредѣленный образъ бѣдной дѣвочки, быть можетъ блондинки, какъ Франсуаза, или брюнетки, какъ онъ самъ, остановилъ его защитительную рѣчь. Онъ замѣтилъ, что искажаетъ факты, или невѣрно освѣщаетъ ихъ, и что это—совершенно лишнее, потому что онъ самъ свой судья. И въ отчаяніи отъ того, что онъ не можетъ вернуть прошлаго, онъ заломилъ руки.

Потомъ, возвращаясь къ своей первой мысли, онъ сѣлъ къ столу, стукнулъ кулакомъ по лежащимъ передъ нимъ бумагамъ и воскликнулъ:

— Почему со мной случается то, чего не бываетъ ни съ кѣмъ другимъ? Почему такое горе обрушилось именно на меня?

Это былъ отчаянный крикъ его застигнутаго врасплохъ эгоизма, столь же безполезный, какъ крики потерпѣвшихъ крушеніе, когда буря разсѣиваетъ ихъ по волнамъ. И въ эту минуту ему припомнились слова брата: „зеркало правды“... Дѣйствительно, зеркало стояло теперь передъ нимъ; онъ увидѣлъ въ немъ свой образъ, сначала неясный, какъ неточный фотографическій снимокъ, который можно сдѣлать болѣе опредѣленнымъ, продливъ немного дѣйствіе свѣта... Ему становилось страшно... Онъ напрегъ всѣ силы, чтобы уйти отъ призрака, протягивавшаго ему руки.

Раймондъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, гдѣ при слабомъ освѣщеніи лампы смутно виднѣлись книги и неясныя очертанія нѣсколькихъ гипсовыхъ снимковъ съ его любимыхъ скульптурныхъ произведеній. Раймондъ собиралъ свои воспоминанія, обдумывалъ планъ дѣйствія. Въ то время какъ братъ его думалъ только о своей семьѣ, о своей карьерѣ и о самомъ себѣ, онъ занятъ былъ исключительно мыслями о Франсуазѣ. Это отрѣшеніе отъ себя упрощало его задачу или, по крайней мѣрѣ, облегчало созиданіе романтическихъ плановъ. Впрочемъ, память его была болѣе вооружена, чѣмъ память Леонарда, и онъ могъ освѣтить ее, потому что въ теченіе долгаго времени имя молодой женщины часто появлялось на страницахъ его дневника. Онъ сталъ перелистывать старыя тетради, и нашелъ въ нихъ всѣ свои прежнія впечатлѣнія, сохраненныя какъ засушенные цвѣты между страницами гербарія. Онъ сталъ ихъ перечитывать:

„Какое очаровательное созданіе маленькая Анжелика (этимъ вымышленнымъ именемъ онъ называлъ Франсуазу въ своихъ

дневникахъ, обозначая своего брата именемъ Теодора, а себя называя Доркисомъ)! Она вся—грація и любовь. У нея свѣтлые волосы, нѣжные глаза, маленькій носъ, маленькій улыбающійся ротъ и нѣжная, беззаботная и веселая душа, созданная для того, чтобы порхать по цвѣтамъ, какъ бабочка. Все ее радуетъ; она ничего не боится; она обладаетъ божественнымъ невѣдѣніемъ и яснымъ довѣріемъ къ жизни—этими истинно-небесными качествами. Добродѣтельныя женщины осуждаютъ ее, но Анжелика не знаетъ, что такое зло, и потому неповинна въ немъ. Она любитъ и отдается какъ цвѣтокъ, который раскрывается и распространяетъ свое благоуханіе, потому что этого требуетъ таинственная гармонія жизни, создавшая ее для любви. Когда она бѣгаетъ по цвѣтущимъ лугамъ, то ясно чувствуется, что земля—ея садъ. Чужіе люди улыбаются отъ удовольствія, глядя на нее. Мнѣ кажется, что еслибы Анжелика полюбила Доркиса, у него не было бы никакого другого желанія, кромѣ того, чтобы вызывать улыбку на ея губахъ и погружаться въ ея нѣжную душу, какъ капля росы въ чашечки весеннихъ цвѣтовъ. Но Доркисъ—жалкое существо, котораго она не замѣчаетъ. Она любитъ Теодора, потому что онъ—сильный и блестящій, и потому что нельзя знать его и не полюбить. А Теодоръ—увы!—въ своемъ желаніи покорить міръ, быть можетъ, убьетъ улыбку на ея губахъ и довѣрчивость въ ея сердцѣ"...

Эта страница написана была послѣ завтрака въ Медонскомъ лѣсу, когда влюбленные взяли съ собой маленькаго брата, не подумавъ о томъ, что зрѣлище счастливой любви не можетъ радовать обиженныхъ судьбой. За этой записью слѣдовало много другихъ въ дневникѣ Раймонда, и въ ихъ тонѣ проявлялось какое-то скрытое чувство сожалѣнія о безрадостной молодости, а также глубокая и чистая привязанность къ нѣжной, беззаботной и доброй подругѣ, которая часто протягивала щеку для поцѣлуя печальному товарищу, не подозрѣвая, какъ она его этимъ смущаетъ. Ароматъ этихъ поцѣлуевъ—единственныхъ, которые онъ извѣдалъ въ жизни—какъ бы выплылъ на минуту изъ пожелтѣвшихъ листовъ и разсѣялся среди охватившихъ Раймонда трагическихъ чувствъ.

Идиллія заканчивалась—какъ множество другихъ—безъ бури, между послѣдними улыбками послѣднихъ свиданій и первыми слезами первыхъ часовъ разлуки. Раймондъ остановился на той страницѣ дневника, на которой, уже не прибѣгая къ поэтическимъ пастушескимъ именамъ, онъ излилъ свою горечь и свое негодованіе, вызванное этой развязкой:

„Какъ удивительна иногда игра судьбы! Л... несомнѣнно честный человѣкъ; я это знаю, я въ этомъ увѣренъ, у меня на это есть тысячи доказательствъ. А между тѣмъ онъ, несмотря на свою доброту, совершаетъ постыдную жестокость; онъ покидаетъ свою возлюбленную, которая готовится стать матерью, не понимая, что это преступленіе открываетъ рядъ послѣдствій, которыя страшно предвидѣть. Оказывается, что мнѣ стыдно за него, и что только я проливаю за нее слезы. Неужели же такая цѣпь можетъ такъ легко разбиться? Они оба ослѣплены, онъ—своимъ честолюбіемъ, она—своимъ невѣдѣніемъ. Она столь же безсознательна въ своемъ мужествѣ, какъ онъ—въ своемъ эгоизмѣ. Онъ подумалъ: „я не хочу этого ребенка, и я его устраняю"; она сказала себѣ: „ребенокъ мой, и я одна буду заботиться о немъ". Онъ подумалъ: „ребенокъ стѣснилъ бы мою жизнь, и я предпочитаю лишить его отца"; она сказала: „достаточно ему имѣть мать; я посвящу ему всю мою жизнь". Я знаю, что она—настоящая волшебница и творитъ чудеса своей иголкой. Я знаю также, что Л... долженъ блистать въ свѣтѣ, потому что онъ любитъ блескъ и имѣетъ нужныя для успѣха качества. Боже! еслибы я былъ на его мѣстѣ,—какъ бы всѣ мои честолюбивыя желанія разсѣялись при мысли о ребенкѣ, котораго я призвалъ къ жизни. Но я не хочу судить его: я сокрою въ глубинѣ сердца воспоминаніе о часахъ, когда я сомнѣвался въ немъ. Я хотѣлъ бы вѣрить въ Бога, чтобы молить Его о снисхожденіи къ честолюбцу, отказавшемуся выполнить свой долгъ, и о томъ, чтобы Онъ охранилъ мать, которая слишкомъ надѣялась на свои силы, и которую я больше не увижу".

Когда Раймондъ писалъ эти строки, онъ думалъ, что маленькая Анжелика совершенно исчезнетъ съ его горизонта. Но событія сложились не такъ, какъ онъ думалъ. Собираясь ѣхать въ Лондонъ, гдѣ ей предложено было выгодное мѣсто въ одномъ изъ лучшихъ магазиновъ на Риджентъ-Стритѣ, Франсуаза серьезно заболѣла. Отказавшись отъ денегъ, предложенныхъ Леонардомъ, она оказалась почти безъ всякихъ средствъ. Тогда Раймондъ пришелъ ей на помощь, что породило благодарность и дружбу съ ея стороны; а потомъ, когда, выздоровѣвъ, Франсуаза уѣхала въ Лондонъ, между нею и Раймондомъ началась частая переписка. Всѣ ея письма лежали, собранныя, рядомъ съ дневниками, въ которыхъ часто упоминалось имя маленькой Анжелики. Въ тишинѣ медленно тянувшейся ночи Раймондъ ихъ всѣ перечиталъ: всегда довѣрчивыя, неунывающія, сначала ничего не говорившія о трудностяхъ перваго времени, потомъ радостно от-

мѣчавшія удачи, письма Франсуазы полны были подробностей о ребенкѣ, дружескихъ сообщеній и очень мѣткихъ и остроумныхъ описаній лондонской жизни. Въ каждомъ письмѣ чувствовалось глубокое материнское чувство, спокойное и простое, выраженіе котораго разрушало страшное обвиненіе:

„Не думайте, что я скучаю или тоскую; моя маленькая Орели наполняетъ мою жизнь. Когда ея нѣтъ подлѣ меня, я о ней думаю; а какъ только она со мной, я такъ счастлива, что не промѣняла бы мою судьбу на судьбу самой королевы“.

Въ другомъ письмѣ Раймондъ прочелъ слѣдующее:

„Мнѣ кажется, дорогой Раймондъ, что я не знала до сихъ поръ радости, хотя и думала, что испытываю ее, живя беззаботно. Я познала радость только теперь, когда принадлежу маленькому существу, доставляющему мнѣ, однако, и много муки. Вѣроятно не можетъ быть радости безъ мукъ. У Орели былъ недавно ложный крупъ. Какъ я перепугалась! Какія страшныя мученія! Но зато и какое счастье, когда докторъ сказалъ, что никакой опасности нѣтъ. И все-таки я до сихъ поръ не могу оправиться отъ нервнаго потрясенія. Я до сихъ поръ никогда не думала, что могу потерять мою дочь. Теперь эта мысль иногда приходитъ мнѣ въ голову. И это ужасно. Но я такъ буду оберегать ее, что никакая болѣзнь не посмѣетъ коснуться ея. Изъ-за нея я готова вступить въ бой съ самой смертью“...

Въ другомъ письмѣ, къ которому приложена была рождественская поздравительная карточка съ изображеніемъ коттэджа, засыпаннаго снѣгомъ и озареннаго луной, Франсуаза писала:

„Я пробираюсь сквозь туманъ, не видя его, и такая радостная, точно южное солнце озаряетъ мрачный городъ,—а все это оттого, что я возвращаюсь въ мой lodging, гдѣ Орели ждетъ меня, охраняемая м-съ Дьюкъ. О, еслибы вы знали м-съ Дьюкъ, высокую, величественную м-съ Дьюкъ, важную жену важнаго продавца трубокъ; я у нея наняла нижній этажъ ея домика, и она ведетъ мое хозяйство. Еслибъ вы видѣли ея бирюзоваго цвѣта капотъ, въ достаточной степени усѣянный жирными пятнами, всевозможными, круглыми, овальными, четырехугольными, всѣхъ видовъ и всѣхъ размѣровъ! Еслибъ вы видѣли пряди ея почтенныхъ волосъ, которыя спускаются вдоль ея щекъ, какъ веревочки, смазанныя помадой! Еслибъ вы слышали ея французскій языкъ, на которомъ она говоритъ со мной для практики, излагая мнѣ принципы методизма! Она принадлежитъ къ сектѣ, которая одна только и спасется въ будущей жизни, и потому она непремѣнно хочетъ обратить меня въ свою вѣру. При всѣхъ

этихъ маленькихъ слабостяхъ, м-съ Дьюкъ — славная женщина; и къ тому же она питаетъ слабость къ Орели, которую считаетъ прекрасной какъ ангелъ, очень развитой для своихъ лѣтъ— гораздо болѣе развитой, чѣмъ ея англійскія сверстницы. А мнѣ, конечно, ничего больше и не надо, потому что Орели для меня—все"...

Еще въ одномъ письмѣ она писала:

„Сегодня очень важная заказчица похвалила сдѣланную мною шляпу. Я очень обрадовалась; значитъ, я не стала хуже работать, и меня не пошлютъ въ Парижъ для усовершенствованія, какъ это иногда дѣлается. Такая поѣздка дорого бы стоила. Конечно, меня иногда тянетъ на родину, и я съ тоской мечтаю о берегахъ Сены. Но когда является эта мысль, я сейчасъ же говорю себѣ: „Нѣтъ, нѣтъ, я здѣсь ради Орели; ради нея я дышу туманомъ, глотаю дымъ и сдѣлалась очень экономной. Боже, какъ это хорошо—дымъ, туманъ и экономія"! Тогда я начинаю обнимать мою шалунью, она тоже меня обнимаетъ, и я чувствую, что нѣтъ для меня другого счастья, и что съ ней мнѣ хорошо повсюду".

Какіе судьи, читая эти письма, подумали бы, что ихъ можетъ писать преступница?!

Мало-по-малу, время все-таки сдѣлало свое, и письма стали рѣже приходить и сдѣлались болѣе краткими. Но Раймонду пришлось провести нѣсколько дней въ Лондонѣ, для занятій въ библіотекѣ. Онъ свидѣлся съ Франсуазой—съ волненіемъ, котораго, однако, лицо его не выдавало, — побывалъ у нея въ Чильси, въ ея квартирѣ, гдѣ познакомился съ Орели и м-съ Дьюкъ. Домикъ, въ которомъ она жила, былъ классическимъ англійскимъ lodging'омъ, безличнымъ и удобнымъ, со своимъ bow-window, съ хорошимъ чернымъ каминомъ, широкимъ кресломъ изъ коричневой кожи, массивнымъ столомъ и большимъ буфетомъ изъ краснаго дерева. Окно открывалось на маленькую улицу, и два ряда одинаковыхъ домовъ, съ закопченными сверху до низу дымомъ стѣнами, спускались прямо къ старой часовнѣ, стоявшей на лугу. Домъ и улица производили то впечатлѣніе унылаго однообразія, которое поражаетъ иностранцевъ. М-съ Дьюкъ, съ ея бирюзоваго цвѣта капотомъ, на которомъ съ каждымъ годомъ прибавлялись новыя пятна, со своими напомаженными волосами, съ торжественностью каждаго своего жеста, казалась вышедшей изъ романа Диккенса. Орели, толстенькая, свѣжая, розовая, нарядная, перемѣшивала французскія слова съ англійскими, треща какъ не особенно хорошо воспитанный попугай. Франсуаза сіяла, глядя

на нее; молодая женщина была такъ же красива, какъ и прежде, почти такъ же свѣжа, но болѣе серьезна; губы ея не такъ часто улыбались, и въ глазахъ было больше задумчивости. Но она казалась совершенно счастливой, безъ всякой горечи говорила о Леонардѣ, равнодушно узнала, что онъ женатъ. Въ ней окончательно умерло существо, жившее любовью въ прежніе безумные годы; Раймондъ видѣлъ передъ собой только мать, всецѣло преданную мысли о ребенкѣ. Онъ преклонился передъ ея добродѣтелью, хотя не могъ не сожалѣть о маленькой Анжеликѣ, смутный образъ которой сохранился только въ его дневникѣ и въ его памяти. „Всѣ мѣняются,—сказалъ онъ себѣ, думая также и о братѣ:—у меня одного только остаются все тѣ же желанія, потому что я знаю, что они неисполнимы"...

Они пообѣдали вмѣстѣ въ ресторанѣ на Стрэндѣ, въ сопровожденіи м-съ Дьюкъ, и разстались, обѣщая чаще писать другъ другу. Раймондъ, дѣйствительно, получилъ еще нѣсколько очень милыхъ и дружескихъ писемъ, главное содержаніе которыхъ сводилось къ разсказамъ объ Орели. Въ нихъ отражалась все та же исключительная, страстная материнская любовь, та же восторженность, та же веселость и нѣжность. Потомъ опять письма стали приходить рѣже, потомъ совсѣмъ прекратились. Почему?

Послѣднее письмо написано было два года тому назадъ. Почему же съ тѣхъ поръ полное забвеніе смѣнило дружескія, почти братскія отношенія? Что означало это молчаніе, такъ трагично прерванное десятью строчками въ газетѣ? Вотъ этого Раймондъ не зналъ и не смогъ бы объяснить судьямъ, и это открывало безконечное поле для предположеній. Бываетъ столько непредвидѣнныхъ столкновеній, которыя могутъ потрясти душу до самой глубины; есть такъ много таинственныхъ причинъ, нарушающихъ спокойное теченіе жизни. Что если Франсуазѣ надоѣлъ Чильси, lodging, м-съ Дьюкъ? Что если въ ней проснулась страстная натура, безсознательная и пламенная, какъ при встрѣчѣ съ Леонардомъ? Если маленькая Орели стала занимать въ ея сердцѣ второе мѣсто, не болѣе, и мало-по-малу превратилась въ бремя, въ мертвую тяжесть,—если въ сердцѣ ея проснулось сожалѣніе о прошломъ, преступное желаніе относительно прошлаго, если она сказала себѣ: „Лучше бы этому ребенку не родиться на свѣтъ"?! Побѣжденный этими мыслями, Раймондъ сталъ сомнѣваться. Подозрѣнія, которыя онъ сначала устранялъ, снова подступили къ нему. Онъ всѣми силами старался снова ихъ оттолкнуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! этого быть не можетъ, это было бы чудовищно!

Но сомнѣніе отравляло его скорбь.

— Боже мой, какъ узнать?

Такія же подозрѣнія, такія же сомнѣнія мучили душу Леонарда.

Онъ считалъ свою исторію съ Франсуазой похороненной въ далекомъ прошломъ. Онъ никогда не выдвигалъ ее изъ далекаго угла своей памяти, куда запряталъ ее, какъ ненужную бумагу, которую бросаютъ куда-нибудь далеко въ ящикъ. Теперь она вдругъ воскресла передъ нимъ, не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представлялъ ее только-что себѣ, какъ оправдательный доводъ, а во всей своей безпощадной правдѣ. Слова, которыя онъ говорилъ, мысли, въ которыхъ онъ не сознавался, мало-по-малу выступали изъ прошлаго. И теперь, когда никакое сожалѣніе, никакое усиліе, не могли ни уничтожить ихъ, ни измѣнить ихъ далекія послѣдствія, они вдругъ обнаружили свой истинный смыслъ. Какая-то скрытая сила возобновляла въ его памяти всѣ подробности разрыва,—тѣхъ часовъ, которые навсегда опредѣлили судьбу его и Франсуазы. Подобно Раймонду, онъ слышалъ голоса—тѣ же, но которые приносили ему иные отзвуки. Сначала, когда онъ узналъ о томъ, что Франсуаза готовится стать матерью, онъ самымъ грубымъ образомъ воскликнулъ:

— Вотъ непріятный сюрпризъ!

И Франсуаза отвѣтила съ ясной беззаботностью:

— Почему? Я буду очень рада ребенку.

Кромѣ словъ, раздававшихся изъ глубины времени, онъ услышалъ еще другіе голоса, которыхъ никто кромѣ него не слыхалъ, потому что они звучали только въ его сердцѣ. Они высказывали низменные страхи, мелкія заботы, преступныя желанія, которыя въ совокупности привели его къ рѣшенію „покончить со всѣмъ этимъ". Онъ принялъ это рѣшеніе холодно, осторожно, въ твердой увѣренности, что разрывъ произойдетъ безъ револьверовъ или сѣрной кислоты. Затѣмъ онъ услышалъ голосъ Раймонда, который не зналъ жизни, но по глубокой интуиціи понималъ все человѣчное. Голосъ этотъ долго говорилъ, отказываясь сдаться, перемѣшивая логическіе доводы съ просьбами, и все повторяя въ заключеніе одно и то же:

— Ты ни въ чемъ не можешь упрекнуть ее. Она станетъ матерью. Женись на ней!

Теперь онъ слушалъ до конца этотъ дрожащій отъ волненія голосъ, не чувствуя ни малѣйшаго желанія насмѣхаться надъ нимъ, а между тѣмъ тогда... И онъ услышалъ—о, ужасъ!—смѣхъ, да, звонкій смѣхъ жуира, презрительный смѣхъ, съ которымъ онъ отнесся тогда къ „чудовищной глупости", а также свой рѣзкій отвѣтъ Раймонду:

— Милый мой, сильный человѣкъ не создаетъ себѣ препятствій въ самомъ началѣ жизненнаго пути!

Онъ видѣлъ теперь передъ собой грустные, полные упрековъ глаза своего брата, который ничего больше не сказалъ, и ему вспомнились слова, которыми онъ хотѣлъ утѣшить Раймонда. Онъ потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— Полно, полно! Не смотри такъ трагично на вещи, чортъ побери! Не такъ это страшно, какъ ты думаешь. Когда ты поближе узнаешь жизнь, ты будешь не такъ говорить.

Раймондъ отвѣтилъ съ робкой настойчивостью:

— Ты, по крайней мѣрѣ, признаешь ребенка? Будешь помогать матери?

— Конечно, я поступлю вполнѣ корректно, сдѣлаю все, что могу.

Онъ припомнилъ свой жестъ раздосадованнаго, но рѣшившагося сохранить полное равнодушіе человѣка—когда почтальонъ принесъ ему обратно посланное имъ денежное письмо (со вложеніемъ двухъ тысячъ франковъ), отъ принятія котораго Франсуаза отказалась. Такъ какъ при этомъ, къ его большому неудовольствію, присутствовалъ Раймондъ, то Леонардъ скрылъ свою досаду, сунулъ письмо въ карманъ и сказалъ ему—вновь послышался тогдашній звукъ его голоса:

— Зачѣмъ это она напускаетъ на себя гордость и деликатность!

— Нѣтъ, Леонардъ, не напускаетъ. Она дѣйствительно горда и деликатна.

— Ну что жъ,—пусть поступаетъ какъ хочетъ.

Быть можетъ, унизительность этого отказа и была причиной, помѣшавшей ему подумать о другой, столь справедливой сторонѣ своего полу-обѣщанія: о томъ, чтобы признать ребенка. Никто ему больше объ этомъ не говорилъ, — и онъ считалъ, что всѣ счеты покончены. Отъ времени до времени мысль о маленькомъ существѣ мелькала въ его умѣ; но онъ не останавливалъ ее; она отлетала, и наконецъ совсѣмъ исчезла. Что бы тамъ ни было,—въ немъ очевидно не нуждаются, потому что отъ него ничего не требуютъ. А теперь...

Около одиннадцати часовъ Люси показалась въ дверяхъ кабинета. Ея мужъ, наклонившійся надъ письменнымъ столомъ и сидѣвшій держа голову въ рукахъ, не замѣтилъ, какъ она вошла.

— Что съ тобой?—воскликнула она: что случилось?

Леонардъ вздрогнулъ, сдѣлалъ усиліе надъ собой, чтобы придать своему искаженному лицу болѣе спокойное выраженіе, и принужденно улыбнулся.

— Ничего особеннаго: я усталъ... и заснулъ надъ папкой съ дѣлами.

Трудно прочесть правду на самомъ знакомомъ лицѣ, если оно хочетъ остаться замкнутымъ. Люси повѣрила его объясненію. Она подошла къ столу, поставила на мѣсто нѣсколько бездѣлушекъ, какъ хорошая хозяйка, постоянно думающая о порядкѣ, сѣла на кресло, предназначенное для кліентовъ, и заговорила о занимавшихъ ее мелкихъ дѣлахъ. Обойщикъ повѣсилъ драпри по сдѣланнымъ ему указаніямъ.

— Никогда нельзя добиться того, что хочешь, отъ мастеровъ своего дѣла. Они все дѣлаютъ по своему. Нужно будетъ къ тому же внимательно провѣрить счетъ.

Леонардъ согласился:

— Конечно.

— Да вотъ еще что: м-мъ Летерье́, жена члена кассаціоннаго суда, не отплатила визита, сдѣланнаго ей уже болѣе мѣсяца тому назадъ. Что это значитъ? Ты это можешь понять?

— У нея, кажется, гриппъ,—сказалъ Леонардъ.

— Гриппъ? Очень ужъ онъ у нея часто бываетъ... Ну, да это неважно.

Помолчавъ немного, Люси заговорила о болѣе важномъ дѣлѣ, которое ее очень занимало: о крестѣ почетнаго легіона, который вліятельные друзья хотѣли выхлопотать для Гастелье́ къ новому году; теперь опять это отложено, вслѣдствіе интригъ разныхъ людей.

— Но 14-го іюля онъ навѣрное его получитъ. Я встрѣтилъ Нагеля сегодня на улицѣ, и онъ мнѣ сказалъ, что мы можемъ разсчитывать на это. Гастелье́ дѣйствительно заслужилъ орденъ,—проговорилъ Леонардъ, не слушая своихъ собственныхъ словъ.

— Несомнѣнно, и никто этого не станетъ отрицать... Онъ сдѣлалъ прекрасныя работы въ послѣднее время... Но и ты, мой другъ, тоже имѣлъ бы право на крестъ... И этимъ нужно заняться какъ разъ теперь. Все должно дѣлаться въ свое время, т.-е. какъ можно раньше. Если ты получишь орденъ въ сорокъ-пять лѣтъ, то къ чему это тебѣ будетъ? А въ твоемъ

теперешнемъ возрастѣ это большой козырь для твоей карьеры... Когда у тебя будетъ крестъ...

Она продолжала говорить въ томъ же родѣ, разматывая клубокъ своего супружескаго честолюбія. Временами ея голосъ становился угрожающимъ: она нападала на противниковъ, или разбивала интриги завистниковъ. Но вдругъ она замѣтила, что Леонардъ не слушаетъ ея.

— Ну, что это?—воскликнула она,—почему ты такъ равнодушенъ къ результатамъ своей работы? Какъ только заговоришь съ тобой о чемъ-нибудь практическомъ, ты засыпаешь. Спокойной ночи!

...Виновна она, или нѣтъ? Какъ это знать? Все возможно въ жизни бѣдныхъ покинутыхъ женщинъ, которыхъ окружаютъ тысячи опасностей, которымъ всѣ не довѣряютъ. Правосудіе тоже готово обрушиться на нихъ при малѣйшемъ подозрѣніи; онѣ—наиболѣе подходящій матеріалъ для самыхъ трагическихъ судебныхъ ошибокъ,—для тѣхъ, которыхъ невозможно поправить и которыя остаются на вѣки схороненными въ общей могилѣ неузнанныхъ несправедливостей. Но зачѣмъ предвѣщать столь мрачныя осложненія? Даже въ самыхъ таинственныхъ дѣлахъ истина въ большинствѣ случаевъ обнаруживается, или во время слѣдствія, или на судѣ. Можетъ быть, то же будетъ и относительно Франсуазы... Онъ ухватился за эту надежду, такъ же, какъ прежде хотѣлъ обмануть самого себя собственными выдумками. Перёзъ сталъ развивать мелькнувшую въ его умѣ успокоительную мысль: да, такъ все это и произойдетъ. Франсуаза выйдетъ изъ суда оправданная, обѣленная въ общественномъ мнѣніи, но безъ всякихъ средствъ, быть можетъ—больная. Тогда онъ поспѣшитъ ей помочь. Она ему скажетъ: „Я на васъ не сержусь—случилось несчастное недоразумѣніе, въ которомъ ни вы, ни я не виноваты“. Кошмаръ разсѣется, онъ его забудетъ, искупивъ свою давнишнюю вину великодушнымъ поступкомъ, и все успокоится, какъ море послѣ разсѣявшейся бури.—Но въ то время какъ онъ предавался этому оптимизму, столь свойственному его характеру, дрожь пробѣжала по его тѣлу. Онъ почувствовалъ, что обманывается и тѣшитъ себя пустыми словами,—жизнь его никогда не станетъ тѣмъ, чѣмъ была еще за два часа до того. Онъ не сможетъ уже никогда беззаботно ласкать своихъ дѣтей, радоваться надеждамъ на ихъ будущее. Между ними и имъ, между нимъ и всѣмъ свѣтомъ сталъ маленькій дѣтскій трупъ, вздувшійся отъ воды, и эта страшная тайна, развязка которой, быть можетъ... Его глаза широко раскрылись отъ ужаса: нѣтъ

сомнѣнія, Франсуаза виновата; ее осудятъ, и черный флагъ поднимется надъ Ньюгэтской тюрьмой...

Онъ едва удержалъ крикъ ужаса и закрылъ лицо руками.

IV.

Раймондъ Перёзъ рано утромъ позвонилъ у дверей своего брата. Буря его ощущеній улеглась въ теченіе безсонной ночи. Одна только мысль держалась въ его мозгу, разгоряченномъ воспоминаніями и лихорадочнымъ придумываніемъ разныхъ плановъ. Мысль эта была совершенно опредѣленная и категорическая, исключавшая всякія колебанія: Франсуаза не можетъ быть виновной, — значитъ, ее нужно спасти. Его воображеніе устремилось по этому слѣду, зажгло въ его немощномъ тѣлѣ духъ приключеній, романтическую жажду дѣйствія. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что братъ его пережилъ тотъ же кризисъ: „Но онъ, къ тому же,—думалъ Раймондъ,—знаетъ законы, умѣетъ вліять на людей; онъ умѣетъ справляться съ обстоятельствами, не пугается никакой трудности, и навѣрное уже придумалъ какой-нибудь планъ для спасенія ея“.

Трагическое событіе не ослабило вѣру Раймонда въ его брата. Но вѣра эта нѣсколько поколебалась, когда Фредерикъ отворилъ ему дверь въ передникѣ, съ метелкой подъ мышкой, и сказалъ:

— Баринъ ушелъ.

Раймондъ стоялъ съ растеряннымъ видомъ передъ лакеемъ, на толстомъ лицѣ котораго появилось выраженіе злораднаго любопытства. Раймондъ повторилъ его слова:

— Ушелъ?.. Ушелъ?.. Куда онъ могъ уйти?

Этотъ вопросъ, конечно, не былъ обращенъ къ Фредерику, который, однако, поспѣшилъ отвѣтить на него нѣсколько дерзкимъ тономъ, усвоеннымъ имъ по примѣру барыни въ обращеніи съ Раймондомъ:

— Этого я не могу знать. Баринъ не имѣетъ обыкновенія говорить, куда онъ идетъ. Онъ ушелъ очень рано, даже не выпивъ шоколада.

Видя, что Раймондъ продолжаетъ неподвижно стоять въ раздумьи, Фредерикъ прибавилъ не безъ лукавства:

— Не желаете ли вы видѣть барыню? Онѣ еще не вышли, но...

— Нѣтъ, благодарю васъ. Мнѣ нужно видѣть брата.

Лакей развелъ руками и наклонилъ голову, морща лобъ вы-

разительнымъ жестомъ, какъ бы говоря: —Вы слишкомъ многаго отъ меня требуете.

— А что если случайно баринъ скоро вернется?—снисходительно спросилъ онъ.

— Придите тогда, пожалуйста, за мной. Я буду весь день дома. И во всякомъ случаѣ я приду сегодня къ обѣду. Напомните барынѣ, что я приведу англійскую гостью.

...„Куда Леонардъ могъ уйти? Неужели у него могутъ быть теперь другія заботы, другія мысли? Или онъ уже дѣлаетъ попытку что-нибудь предпринять, какъ сильный и дѣятельный человѣкъ, который знаетъ цѣну времени и сразу рѣшаетъ, что надо сдѣлать“? Въ виду невозможности отвѣтить на всѣ эти вопросы, Раймондъ вдругъ понялъ, что онъ не знаетъ своего брата: съ дѣтства онъ слѣдилъ за его жизнью изо дня въ день, почти съ часа на часъ, — а между тѣмъ не могъ догадаться о томъ, что происходитъ въ его душѣ въ столь роковой часъ. Омраченный дурными предчувствіями, онъ вернулся домой, гдѣ его дожидался его слуга, Эдмондъ — почтенный старикъ, служившій прежде maître d'hôtel'емъ въ барскомъ домѣ, очень представительный, съ торжественно-почтительными манерами. Онъ осмѣлился упрекнуть своимъ тоненькимъ голосомъ барина за то, что онъ вышелъ изъ дому, не принявъ нужныхъ предосторожностей.

— Вѣдь вы знаете, баринъ, что вы легко простуживаетесь. Зачѣмъ вы такъ неосторожны?

Адвокатъ Перёзъ просто вышелъ изъ дому по дѣламъ, какъ работникъ идетъ на работу, не взирая на свои личныя горести и заботы. Ему не хотѣлось видѣть брата, чтобы не краснѣть передъ человѣкомъ, къ которому онъ относился всегда съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Ему не хотѣлось говорить съ нимъ прежде, чѣмъ онъ приметъ какое-нибудь рѣшеніе. Но для этого нужно было вооружиться хладнокровіемъ, ясностью пониманія, мужествомъ. Онъ надѣялся, что все это, утраченное въ первую минуту испуга, вернется къ нему, когда онъ предастся обычнымъ занятіямъ. Дневныя заботы прогонятъ ночной кошмаръ. Но въ тотъ утренній часъ, въ который Леонардъ очутился на улицѣ, у адвоката не можетъ быть работы внѣ его кабинета. У него было назначено свиданіе на улицѣ Бассано у адвоката Леніеля, бывшаго старшины адвокатскаго сословія; вмѣстѣ съ четырьмя коллегами и ихъ кліентами, эксъ-администраторами прогорѣвшаго банка, нужно было составить общій планъ защиты;

но это свиданіе назначено было въ половинѣ десятаго. Съ другой стороны, его помощникъ Биллонъ долженъ былъ явиться къ нему въ восемь. Леонардъ, забывшій о немъ, вернулся и сказалъ консьержу:

— Когда придетъ господинъ Биллонъ, попросите его не подниматься ко мнѣ. Скажите, что мнѣ нужно было выйти, и что я жду его въ судѣ.

И онъ окунулся въ холодный туманъ февральскаго утра.

Одинъ за другимъ открывались магазины на бульварѣ. Приказчики, рабочіе, мальчики изъ лавокъ, чиновники быстро шли въ туманѣ, дуя на окоченѣвшіе пальцы. Встрѣчая ихъ и провожая глазами ихъ быстро исчезавшіе силуэты, Леонардъ думалъ: „Вотъ мальчикъ, у котораго нѣтъ заботъ... Эта дамочка запоздала домой... Вотъ человѣкъ, который хорошо спалъ ночью“... Иные шли поспѣшно, озабоченные только тѣмъ, чтобы скорѣе придти на работу: „Какъ знать, что скрывается подъ маской спокойнаго лица? Можетъ быть, среди всѣхъ этихъ людей есть и такіе, которыхъ терзаетъ страшная мука, а имъ кажется, что у меня счастливое и спокойное лицо“... Не выбирая дороги, онъ дошелъ до Saint-Germain-des-Prês, спустился по улицѣ Бонапартъ, перешелъ черезъ мостъ Святыхъ-Отцовъ, прошелъ черезъ дворъ Лувра, купилъ утреннія газеты, которыя продавщица складывала въ своемъ кіоскѣ, и вошелъ въ кофейню, гдѣ со страхомъ и волненіемъ развернулъ ихъ. Во многихъ изъ нихъ говорилось о Франсуазѣ, но безъ всякихъ новыхъ подробностей. Въ нѣкоторыхъ газетахъ комментировали событіе. Пробѣгая лихорадочнымъ взоромъ газетные столбцы, Перёзъ прочелъ въ одной газетѣ замѣтку, гдѣ обращалось вниманіе на краткость извѣстій объ этомъ дѣлѣ въ англійской прессѣ:

„Англичане,—говорилъ анонимный авторъ замѣтки,—мало интересуются такого рода дѣлами, которыя у насъ волнуютъ общественное мнѣніе, какъ все таинственное и романтичное. Возможно поэтому, что дѣло французской модистки будетъ больше интересовать публику по эту сторону канала, чѣмъ по ту, гдѣ на него будутъ мало обращать вниманія. Вѣдь мы выдумали романъ-фельетонъ. У насъ любятъ и романы въ жизни, любятъ усложнять ихъ перипетіи, подготовлять эффекты. Романъ Франсуазы Десомъ обѣщаетъ быть очень интереснымъ въ этомъ отношеніи, и, несмотря на разстояніе, будетъ вѣроятно волновать французскую публику“.

Значитъ, въ Парижѣ будутъ обсуждать дѣло Франсуазы съ такой же страстностью, какъ преступленія, совершаемыя во

Франціи. Газеты будутъ наполнять имъ свои столбцы, нѣкоторыя помѣстятъ ея портретъ на первой страницѣ. О ней будутъ толковать въ свѣтѣ, въ судѣ. Равнодушные люди будутъ говорить о ней въ его присутствіи, и ему самому придется говорить объ ея дѣлѣ, какъ о тысячѣ другихъ предметовъ, о которыхъ говорится вскользь за обѣдомъ, на улицѣ, въ курительной комнатѣ— и что если на судѣ его имя... Онъ выпилъ однимъ глоткомъ чашку чернаго кофе, который простылъ, пока онъ былъ углубленъ въ чтеніе газетъ, и сказалъ себѣ въ заключеніе: „Нельзя терять времени. Нужно дѣйствовать. Даю себѣ срокъ до вечера, чтобы придти къ какому-нибудь рѣшенію".

На ближайшихъ часахъ онъ увидѣлъ, что уже половина девятаго. Перёзъ дошелъ до Елисейскихъ-Полей, еще почти пустынныхъ въ этотъ часъ; изрѣдка коляски проѣзжали между рядами голыхъ деревьевъ. Онъ быстро зашагалъ по аллеѣ, чтобы согрѣться. Имъ овладѣло безволіе. Зачѣмъ нужно непремѣнно, какъ онъ было-рѣшился, „что-нибудь предпринять"? Гораздо благоразумнѣе предоставить дѣлу идти своимъ ходомъ, не рискуя сдѣлать его еще болѣе угрожающимъ для себя какимъ-нибудь неловкимъ вмѣшательствомъ? Да и чѣмъ онъ можетъ помочь, ничего не зная о преступленіи? Лучше выждать, оставаясь пассивнымъ зрителемъ драмы. Внутренній голосъ говорилъ ему: „А что же будетъ *потомъ*"? Онъ подавилъ его. Не зная фактовъ, не имѣя никакого вліянія на послѣдствія ихъ, зачѣмъ упрямо вмѣшиваться въ сцѣпленіе обстоятельствъ?

Такъ какъ эти разсужденія не замедляли его шаговъ, то онъ пришелъ слишкомъ рано въ кварталъ, гдѣ жилъ его знаменитый собратъ, и сталъ бродить вокругъ Тріумфальной Арки въ ожиданіи назначеннаго часа. Ему казалось, что онъ уже нѣсколько успокоился. Онъ смогъ сосредоточить мысли на адвокатѣ Леніелѣ, карьера котораго внушала ему преклоненіе. Она не была достаточно блестяща для теперешнихъ торопливыхъ честолюбцевъ съ большими аппетитами, но все-же въ концѣ долгой трудовой жизни обезпеченное состояніе, общій почетъ, извѣстность—это казалось ему очень почтеннымъ. „Прежде всего,—рѣшилъ онъ, приравнивая себя къ Леніелю, — я ничего не сдѣлаю, что могло бы испортить мое будущее: я не имѣю на это права,—моя будущность—въ то же время будущность моихъ дѣтей". Успокоившись, онъ болѣе твердыми шагами направился къ дому Леніеля.

Вслѣдъ за нимъ пришли и другіе. Адвокатъ Леніель принялъ ихъ съ той старомодной привѣтливостью, которою онъ славился. Всѣмъ своимъ существомъ онъ напоминалъ время, учтивыя

манеры и утонченное кокетство котораго мы утратили. Высокій и стройный, съ ловкими, быстрыми движеніями, онъ бодро несъ бремя своихъ трудовыхъ годовъ, а также добра и зла, которое можетъ совершить человѣкъ, чье слово является активной силой, чья жизнь связана была съ великими историческими событіями цѣлаго полувѣка, чье вліяніе было сильно и въ промышленномъ, и въ политическомъ мірѣ, въ вопросахъ законодательства и международныхъ отношеній. Его тонкое лицо сохраняло всегда спокойное выраженіе, которое подчеркивалось ровнымъ взглядомъ его свѣтлыхъ глазъ. Онъ носилъ по старинной модѣ большія окладистыя серебристыя бакенбарды; онѣ придавали ему профессіональный видъ, котораго избѣгаютъ адвокаты новой школы. Несмотря на его искусное предсѣдательство, засѣданіе становилось бурнымъ. Финансисты, перешедшіе отъ своихъ мечтаній о милліонахъ къ боязни попасть на скамью подсудимыхъ, сваливали другъ на друга отвѣтственность за общій крахъ. Леніель, спокойнымъ голосомъ и примирительнымъ тономъ, свидѣтельствующимъ о его равнодушіи къ присутствующимъ, повторялъ отъ времени до времени: „Успокойтесь, господа,—ваши интересы теперь солидарны“.

Адвокаты, очень корректные, сдерживали своихъ кліентовъ. Но одинъ изъ нихъ, Жаладъ,—молодой человѣкъ со смуглымъ, какъ у араба, лицомъ, съ блестящими глазами и щетинистыми усами,—сталъ возражать Леонарду, который въ свою очередь увлекся споромъ. Стычка между двумя адвокатами длилась минутъ пять, въ теченіе которыхъ Перёзъ былъ такъ внимателенъ къ происходившему, какъ будто это обсужденіе чужихъ интересовъ было самымъ важнымъ дѣломъ для него. Онъ внесъ въ споръ всю силу своего ума, совершенно владѣлъ собой и отстаивалъ свое мнѣніе, проявляя большія знанія и логичность разсужденій. Усиліе, которое онъ сдѣлалъ надъ собой, облегчило его. Когда онъ окончательно разрушилъ доводы своего оппонента, онъ почувствовалъ большую увѣренность въ себѣ; ему показалось, что и въ томъ вопросѣ, который мучилъ его со вчерашняго дня, онъ сможетъ оказаться побѣдителемъ, благодаря своей діалектикѣ.

Провожая своихъ собратьевъ, Леніель задержалъ на нѣсколько минутъ Леонарда, чтобы сказать ему комплиментъ по поводу недавно произнесенной имъ защитительной рѣчи. Молодой адвокатъ выслушалъ эту похвалу съ радостнымъ лицомъ,—такъ, какъ будто не было стѣны, отдѣлявшей его отъ пріятныхъ и безмятежныхъ эмоцій. Но лестныя слова его старшаго собрата и внутренняя невозможность искренно имъ радоваться увеличили его желаніе

оттолкнуть во что бы то ни стало пагубную тревогу,—его рѣшеніе забыться въ работѣ. Ему предстояла защита въ тотъ день, и онъ былъ очень радъ этому. Онъ взглянулъ на часы, и увидѣлъ, что долженъ спѣшить въ судъ.

Въ то время, какъ онъ нанималъ фіакръ, чья-то рука коснулась его плеча. Это былъ Жаладъ, который сталъ осыпать его комплиментами. Чтобы не оставаться наединѣ съ самимъ собой, Леонардъ предложилъ ему поѣхать вмѣстѣ. Но, открывая дверцы кареты, онъ замѣтилъ въ карманѣ пальто Жалада пачку газетъ. Что если онъ заговоритъ съ нимъ о лондонскомъ преступленіи? Чтобы предупредить эту опасность, Леонардъ сталъ съ жаромъ обсуждать политику министерства. Такъ какъ онъ нападалъ на нее, то Жаладъ сталъ защищать министерство, въ особенности закрѣпленіе союза съ Россіей; онъ радовался этому союзу главнымъ образомъ изъ ненависти къ англичанамъ.

— Вотъ они наши настоящіе враги!—воскликнулъ онъ.— Мы ихъ соперники всюду. Они ненавидятъ насъ уже много вѣковъ, и никогда не упускали случая вредить намъ. Вся ихъ политика направлена на то, чтобы унизить насъ.

— Таково обычное мнѣніе, — сказалъ Перёзъ, — но я его считаю ложнымъ.

Онъ прочелъ цѣлую лекцію по исторіи, чтобы доказать, что нѣтъ непримиримой вражды интересовъ между двумя странами. Жаладъ сталъ ему возражать.

— Во всякомъ случаѣ есть полное несогласіе характеровъ. Неужели вы будете это отрицать? Оно проявляется въ самыхъ различныхъ областяхъ. Вотъ, напримѣръ, теперь въ Лондонѣ подготовляется судебная драма...

Леонардъ содрогнулся до корней волосъ. Какъ сдѣлать, чтобы его собесѣдникъ не прочелъ въ его глазахъ тайну его прикосновенности къ этой драмѣ? Онъ хотѣлъ прервать разговоръ, но не могъ выговорить ни слова.

— ...о которой въ нашихъ газетахъ упоминается только вскользь. Вы вѣроятно тоже ее проглядѣли. Дѣло идетъ о женщинѣ, обвиненной въ убійствѣ своего ребенка въ условіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ обычнымъ дѣтоубійствомъ. Такъ какъ она француженка, то мы вѣроятно узнаемъ подробности. И вотъ увидите, что дѣло будутъ судить совсѣмъ иначе, чѣмъ во Франціи. Никто не будетъ интересоваться сердечной драмой подсудимой.

Перёзъ съ неимовѣрнымъ усиліемъ отвѣтилъ:

— Здѣсь бы этимъ слишкомъ интересовались.

— Если фактъ убійства будетъ установленъ, къ виновной примѣнятъ законъ—и больше ничего. Вотъ увидите.

Онъ опять перешелъ къ общимъ мыслямъ, подтверждаемымъ примѣромъ, который онъ привелъ. Ему, конечно, и въ голову не приходило, что Леонардъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, слушая его. Леонардъ же, изумленный тѣмъ, что его не разгадали тотчасъ же, приходилъ немного въ себя, пока его собесѣдникъ продолжалъ говорить. Вскорѣ онъ смогъ даже совершенно спокойно и непринужденно отвѣчать. Это его очень успокоило,—первое испытаніе кончилось благополучно. Можетъ быть, этотъ удачный опытъ можно считать рѣшительнымъ. Можетъ быть, все это дѣло едва его коснется, и ничей чужой взглядъ не проникнетъ въ мракъ его души. Можетъ быть, ему одному только будетъ знакомъ тотъ образъ, который на минуту промелькнулъ передъ нимъ въ „зеркалѣ правды". Можетъ быть, даже этотъ образъ со временемъ исчезнетъ изъ его собственной памяти, и онъ сможетъ продолжать жизнь съ того момента, какъ ее нарушило появленіе призрака.

Биллонъ поджидалъ своего патрона въ залѣ. Корректный, холодный, какъ ледъ, и по привычкѣ очень сдержанный, онъ подошелъ къ Леонарду и заявилъ ему, что дѣло Мартина не будетъ на очереди ранѣе двухъ часовъ.

— Ну, такъ пойдемъ завтракать,—отвѣтилъ Перёзъ, взявъ его подъ руку съ необычной фамильярностью.

Онъ повелъ его въ буфетъ, гдѣ, завтракая—и не безъ аппетита,—отдалъ ему распоряженія на весь дальнѣйшій день. Они не говорили ни о чемъ, кромѣ текущихъ дѣлъ. Адвокатъ Биллонъ, который никогда не произносилъ лишнихъ словъ, давалъ опредѣленные отвѣты, потомъ умолкалъ. Его сдержанный тонъ и нѣсколько высокомѣрная почтительность ясно указывали, что кромѣ чисто профессіональныхъ отношеній ничто его не привязываетъ къ Леонарду. По едва замѣтнымъ нетерпѣливымъ ноткамъ, которыя отъ времени до времени звучали въ его голосѣ, можно было бы даже подумать, что онъ былъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о своемъ патронѣ; напротивъ того, онъ судилъ о немъ съ той строгостью, съ которой люди, съ трудомъ пробивающіе себѣ путь въ жизни, относятся къ баловнямъ судьбы. Перёзъ, впечатлительность котораго теперь обострилась, въ первый разъ замѣтилъ этотъ оттѣнокъ въ поведеніи своего помощника. Онъ попытался отнестись къ нему болѣе внимательно и сердечно, но всѣ его попытки были вѣжливо отклонены. За кофе каждый изъ нихъ, держа сигару во рту, слѣдилъ за коль-

цами дыма, поднимающагося къ потолку, и эти два человѣка были болѣе далеки другъ отъ друга, чѣмъ еслибы ихъ раздѣлялъ океанъ.

Около двухъ часовъ Перёзъ направился въ гардеробъ, взялъ свою тогу, поправилъ галстухъ передъ зеркаломъ, исполняя всѣ эти мелкія правильныя движенія такъ же тщательно, какъ обыкновенно. Его кліентъ поджидалъ его у дверей. Это былъ маленькій рантье, тщедушный рыжій человѣчекъ; онъ требовалъ возмѣщенія убытковъ за преждевременно снятый его хозяиномъ съ лѣстницы коверъ. Онъ такъ злобно требовалъ возстановленія своихъ правъ, какъ будто вѣчное правосудіе зависѣло отъ приговора, который вынесутъ его хозяину. Страстность, съ которой этотъ жалкій человѣчекъ относился къ своему пустяшному дѣлу, заразила адвоката. Онъ вошелъ возбужденный въ залу засѣданія, въ которой электрическое освѣщеніе слабо боролось съ блѣднымъ свѣтомъ пасмурнаго дня. Перёзъ сказалъ очень хорошую рѣчь, увлеченный профессіональнымъ жаромъ. Онъ опять, какъ во время засѣданія у Леніеля, весь увлекся настоящей минутой; всѣ его мысли поглощены были ковромъ, контрактомъ, дерзостью хозяина, сообщничествомъ консьержа. Пока онъ говорилъ, во всемъ обширномъ мірѣ, гдѣ царитъ страданіе и смерть, для него ничего не существовало, кромѣ темной залы, судей въ черныхъ тогахъ, его обезпокоеннаго противника и немногочисленной публики въ залѣ. По окончаніи засѣданія, послѣ слабаго возраженія противника, кліентъ Перёза, предвкушая свое торжество, съ жаромъ сталъ пожимать ему руки, и чуть было не повторилъ ему сначала до конца всю его рѣчь:

— Ахъ, cher maître, какъ вы чудесно доказали, что... что... что... Какой жаръ! какая увѣренность!

Леонардъ думалъ, слушая его: „Да, когда я говорю, я забываю все. Это можетъ спасти меня".

Вокругъ нихъ въ залѣ стоялъ гулъ отъ разговоровъ: и кто бы могъ перечислить и назвать всѣ страданія, слившіяся въ шумѣ всѣхъ этихъ голосовъ?

— Если мы не выиграемъ,—говорилъ маленькій человѣкъ, топая ногой объ полъ,—то нечего больше надѣяться на правосудіе. Но мы будемъ аппелировать, если нужно... Да, да, мы проведемъ дѣло черезъ всѣ инстанціи!

Одинъ изъ адвокатовъ, высокій и очень худой, сдѣлалъ знакъ Леонарду, который прервалъ своего кліента:

— Простите меня, пожалуйста,—maître Дюпенъ хочетъ переговорить со мной о дѣлѣ.

На этотъ разъ дѣло шло о разводѣ. Обѣ стороны были согласны по существу, и нужно было только привести въ исполненіе маленькую комедію, требуемую закономъ. Адвокаты прошлись взадъ и впередъ по длинной, гулкой залѣ, устанавливая планъ дѣйствія. Пока они обсуждали подробности, отчаянный женскій крикъ раздался среди слитнаго гула толпы. Они остановились, ища глазами безразсудную женщину, не съумѣвшую сдержать себя, и увидѣли черную массу, которую уносили слуги. Прерванный гулъ возобновился, и Дюпенъ вернулся къ прежнему разговору. Но Леонардъ уже не слѣдилъ за нимъ: этотъ крикъ, который, быть можетъ, пробился черезъ своды и унесся въ пространство въ поискахъ справедливости безъ судовъ и адвокатовъ, этотъ потерянный крикъ отчаянія, въ которомъ дрожали безчисленныя невѣдомыя страданія, этотъ крикъ неизвѣстной женщины разбудилъ тайные голоса, замолкнувшіе на время въ душѣ Леонарда.

Онъ прислушался къ нимъ на минуту, подавилъ свой ужасъ передъ ними, и далъ себѣ слово, что заставитъ ихъ смолкнуть. „Работать, работать—вотъ въ чемъ спасеніе“. Его пріемные часы приближались, но чтобы не вернуться домой слишкомъ рано, чтобы не оставаться наединѣ въ кабинетѣ или не слушать предугадываемыхъ имъ рѣчей Раймонда, онъ вошелъ въ залу засѣданія суда присяжныхъ.

Тамъ разбиралось дѣло объ убійствѣ жены мужемъ. Въ мотивахъ преступленія трудно было разобраться: вызвано ли оно было долго назрѣвавшей низкой злобой? или взрывомъ слѣпого гнѣва? ревностью? лицемѣрнымъ разсчетомъ? Свидѣтели проходили одинъ за другимъ, выкладывая передъ судомъ отбросы сплетенъ, которыми всегда сосѣди окружаютъ такого рода дѣла. Публика съ упоеніемъ впивала смѣшанный запахъ будуара и крови. Дѣло было банальное, и можно было заранѣе сказать, что оно кончится оправданіемъ. Въ то время, какъ разныя кумушки изливали всю грязь своихъ догадокъ и показаній, Леонардъ, почти не слушая ихъ, незамѣтно вернулся къ обсужденію своего собственнаго дѣла. Вскорѣ, подъ вліяніемъ мѣста, въ которомъ онъ находился, или же своего профессіональнаго инстинкта, онъ сталъ защищать самого себя такъ, какъ будто говорилъ передъ судьями. Онъ такъ сосредоточился на этомъ, что его губы отъ времени до времени шевелились, и руки, опущенныя на колѣни, поднимались для привычныхъ ораторскихъ жестовъ. Вначалѣ дѣло его казалось ему сомнительнымъ. Но мало-по-малу, какъ всегда, когда хочется вѣрить своимъ словамъ, убѣжденіе его окрѣпло,

доводы въ пользу защиты приходили ему въ голову все болѣе многочисленные и стали казаться ему вѣрными. Сколько разъ онъ обѣлялъ обвиняемаго, въ невинности котораго сомнѣвался, только тѣмъ, что ловко пользовался обычными пріемами діалектики и загромождалъ простую правду лохмотьями реторики. Но себя труднѣе обмануть, чѣмъ другихъ, и внутренніе голоса отвѣчали Леонарду на всѣ его софизмы только одно: „Не слѣдовало бросать Франсуазу“! Это былъ единственный доводъ обвиненія, но ясный и устойчивый, какъ истина. Отъ него нельзя было увернуться,—это была какъ бы протянутая таинственной рукой нить въ лабиринтѣ, въ которомъ Леонардъ запутался. Но, въ виду невозможности опровергнуть этотъ доводъ, онъ смѣло принялъ его, чтобы, уступивъ по важному пункту, отвоевать себѣ еще болѣе важный.

— Конечно, я виновенъ. Я въ этомъ сознаюсь и каюсь, но развѣ моя вина извиняетъ преступленіе Франсуазы? Она вовсе не была въ нищетѣ; если потомъ она очутилась въ бѣдности, то я объ этомъ ничего не зналъ, и не знаю до сихъ поръ. Когда я разстался съ нею, она отказалась отъ предложенной мною помощи. Къ чему была эта ненужная гордость? А кто знаетъ, не имѣлъ ли этотъ гордый жестъ какого-нибудь другого объясненія? Можетъ быть, въ немъ заключался упрекъ совѣсти, въ которомъ она мнѣ не призналась? Развѣ ужъ такъ несомнѣнно, что я—отецъ этого ребенка? Въ этомъ весь вопросъ. Если ребенокъ не мой, меня эта драма не касается; если же я его отецъ, то я, конечно, всегда буду упрекать себя за то, что уклонился отъ своего долга, — но какъ мнѣ не чувствовать ужаса къ ней, послѣ совершенія такого преступленія?

Леонардъ остановился на этой дилеммѣ, и счелъ ее столь убѣдительной, что оправдалъ себя. Вокругъ него всѣ хохотали, слушая показаніе прачки, которая наивно и испуганно разсказывала какую-то исторію о бѣльѣ. Все дѣло положительно превращалось въ водевиль, и вѣроятно должно было закончиться оправданіемъ, какъ много подобныхъ ему, въ которыхъ пикантныя или комическія детали заставляютъ забыть о пролитой крови. Онъ послушалъ еще нѣсколько минутъ, вынулъ часы, вспомнилъ объ ожидающихъ его кліентахъ и направился домой. Онъ чувствовалъ себя успокоеннымъ, готовымъ для встрѣчи съ братомъ. Раймондъ, навѣрное, будетъ утверждать то же, что говорилъ внутренній голосъ, побѣжденный небольшимъ напряженіемъ логики и пониманіемъ дѣйствительной жизни. Устранивъ возраженія брата, также какъ онъ побѣдилъ этотъ голосъ, онъ окончательно про-

гонитъ обратно въ колодезь нежеланную посѣтительницу, появившуюся передъ нимъ со своимъ зеркаломъ. Но дома онъ не засталъ Раймонда, который заходилъ еще разъ днемъ и ушелъ. Его ждали нѣсколько кліентовъ въ гостиной, и Биллонъ—въ кабинетѣ. Недовольный дѣловымъ докладомъ помощника, Перёзъ рѣзко выразилъ ему свое недовольство, но тотчасъ же пожалѣлъ объ этомъ: встрѣтивъ его ледяной взоръ, онъ снова почувствовалъ смутный страхъ и недовѣріе, которые испыталъ за завтракомъ передъ Биллономъ. Онъ вѣдь въ теченіе четырехъ лѣтъ слѣдилъ за Леонардомъ, зналъ его и въ дѣловыхъ сношеніяхъ, и въ частной жизни, и могъ точно судить о степени его честности и его честолюбія, зналъ его слабыя стороны, границы его юридическихъ знаній, цѣну его сужденій и подкладку его краснорѣчія. Лицо Биллона оставалось нѣмымъ, какъ печать, наложенная на его душу. Только незамѣтная дрожь, пробѣжавшая по губамъ, показывала, что упреки патрона ему были непріятны. Леонардъ постарался смягчить свою рѣзкость:

— Все это, впрочемъ, пустяки, — сказалъ онъ примиряющимъ тономъ.—Если вы меня не хорошо поняли, то вѣроятно я неясно объяснилъ дѣло. Мы все это поправимъ. Начнемте пріемъ кліентовъ.

Помощникъ ничего не отвѣтилъ, и Леонардъ не зналъ, удовлетворился ли онъ его извиненіемъ.

Онъ принялъ четырехъ кліентовъ и выслушалъ ихъ многословныя объясненія. Послѣдній кліентъ задержалъ его до семи часовъ. Онъ быстро одѣлся и пошелъ въ гостиную, гдѣ его ждали гости, приглашенные къ обѣду. Большіе черные глаза Раймонда, стоявшаго около камина, рядомъ съ иностранной гостьей, которую онъ привелъ, устремились на него, и взглядъ ихъ сразу снова раскрылъ рану. Перёзъ попытался улыбнуться, чтобы побѣдить этотъ взглядъ, и, здороваясь съ гостями, сталъ извиняться въ томъ, что опоздалъ. Люси подозвала его, чтобы представить его лэди Ливерморъ, парадный туалетъ которой и роскошные брилліанты составляли контрастъ съ буржуазнымъ видомъ остальныхъ гостей. Разговаривая съ Раймондомъ, она наблюдала за присутствующими. Гастельé уже ораторствовалъ, откидывая рукой свою черную гриву, съ жестомъ, напоминающимъ тенора, а жена его, маленькая и тоненькая, незамѣтно сидѣла въ углу, испуганная шумомъ, который онъ производилъ. Въ числѣ гостей были еще дю-Розуа, въ первый разъ пришедшіе къ Перёзамъ: мужъ, внушительный, несмотря на маленькій ростъ, покачивался на высокихъ каблукахъ своихъ лакирован-

ныхъ ботинокъ; жена, огромный бюстъ которой выступалъ изъ розоваго корсажа, говорила мужскимъ голосомъ, играя своимъ лорнетомъ. Арондель, членъ кассаціоннаго суда, съ тонкимъ овальнымъ лицомъ и короткими бакенбардами, глядѣлъ проницательнымъ, умнымъ взоромъ изъ-за своихъ золотыхъ очковъ. Жена его была въ элегантномъ, но скромномъ туалетѣ цвѣта mauve, на которомъ выдѣлялась брошка въ стилѣ Людовика XV-го, рѣдкой работы. Въ числѣ приглашенныхъ былъ еще хроникеръ судебнаго отдѣла въ одной изъ большихъ газетъ, Луи Нагель; подъ его мужиковатой неуклюжестью скрывался тонкій умъ и пониманіе важнѣйшихъ задачъ современной жизни.

Лэди Ливерморъ была вдова виднаго сановника, служившаго въ Индіи; привыкшая къ аристократическому обществу Вестъ-Энда и къ космополитическому римскому обществу, она, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни очутилась среди работящихъ, не особенно богатыхъ людей скромнаго происхожденія, которые, однако, играютъ видную роль въ обществѣ. Она смотрѣла и слушала съ любопытствомъ, которое сказывалось даже въ ея усиліи скрыть его. Различіе положеній, состоянія и касты еще болѣе подчеркивало различіе расъ. Когда она прошла въ столовую подъ руку съ Леонардомъ, м-мъ дю-Розуа выразила общее впечатлѣніе, сказавъ тихо Раймонду:

— Какъ эти англичане не похожи на насъ!

За столомъ разговоръ сначала не клеился. Гости наблюдали за иностранкой и молча слушали ея разсказъ о странной судьбѣ драмы Габріэля д'Анунціо, имѣвшей на ея глазахъ шумный успѣхъ въ Римѣ и освистанной, нѣсколько дней спустя, въ Неаполѣ. Нагель отвѣтилъ ей нѣсколькими замѣчаніями о послѣдствіяхъ литературной децентрализаціи. Вдругъ Гастелье спросилъ:

— Кто изъ присутствующихъ читалъ „Воскресеніе"?

Не ожидая отвѣта, онъ сталъ развивать свои общественно-эстетическіе взгляды, составлявшіе его любимую тему. Онъ былъ сторонникомъ всего новаго, смѣлаго, экзотичнаго, всегда увлекался зарождающимися модами и защищалъ непризнаваемые таланты. Онъ говорилъ громко въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, и среди потоковъ восклицаній постоянно повторялись слова: „изумительно, геніально"! Такъ какъ онъ не останавливался ни на минуту, то мужской голосъ м-мъ дю-Розуа произнесъ такъ громко: „позвольте, однако", что онъ сразу остановился, широко раскрывъ глаза. Толстая дама, отчеканивая каждое слово, чтобы подчеркнуть важность своего сужденія, заявила, потрясая плечами:

— Толстой очень талантливъ, это несомнѣнно. У него огромный талантъ. Но книга его скверная. Вотъ мое мнѣніе.

Ея мужъ тотчасъ же прибавилъ:

— Сюжетъ ея отвратительный, и книга даже не имѣетъ оправданія новизны.

— Это вѣрно,—замѣтилъ Арондель.—„Виновный“—въ томъ же родѣ.

— „Красная буква“ Готорна, тоже...—сказалъ Луи Нагель.

Раймондъ прибавилъ:

— И „Адамъ Бидъ“ въ сущности написанъ на ту же тему.

— Все это одна болтовня!—воскликнулъ Гастелье́, по принципу презиравшій все, что̀ не касалось предмета, которымъ онъ восторгался въ данную минуту.—Сюжетъ не новъ, потому что нѣтъ новыхъ сюжетовъ, но онъ вѣченъ,—и какую мощь онъ обнаруживаетъ въ изложеніи Толстого! Онъ становится страшнымъ обвинительнымъ актомъ противъ язвъ нашего общества. Толстой защищаетъ...

М-мъ дю-Розуа прервала его:

— Защищаетъ падшихъ женщинъ... Стòитъ ихъ защищать! Что за безумная мысль у Нехлюдова—жениться на Масловой. Вѣдь это Богъ знаетъ что̀—князь, настоящій князь... истинное безуміе!

Арондель звонкимъ, нѣсколько злымъ голосомъ сталъ развивать эту мысль.

— Это не столько безуміе, какъ болѣзненное проявленіе смущенной совѣсти, и съ этой точки зрѣнія романъ Толстого заключаетъ высокую истину. Такія экстравагантныя мысли зарождаются иногда у неуравновѣшенныхъ людей, подъ вліяніемъ страха или угрызенія совѣсти. Но Толстой воображаетъ, что высказалъ какую-то общую и полезную истину, и въ этомъ его ошибка. Его романъ—ни обвинительный актъ, ни защитительная рѣчь. Это просто разсказъ—немножко длинный, и который послужилъ бы пагубнымъ примѣромъ, еслибы его принимали въ серьёзъ. Представьте себѣ, что Нехлюдовъ женатъ, отецъ семьи: что̀ бы онъ тогда сдѣлалъ? Неужели же ему нужно было развестись и жениться на этой...

Онъ состроилъ презрительную гримасу. Леонардъ, очень блѣдный, осушилъ сразу свой стаканъ и пробормоталъ:

— О, эти русскіе!..

— Да,—сказала Люси:—они наши союзники, но у нихъ иногда очень странныя идеи.

Раймондъ, который глядѣлъ на своего брата и, какъ ему

казалось, читалъ въ его душѣ, попытался вмѣшаться въ разговоръ:

— Нужно отличать между относительнымъ и абсолютнымъ. Толстой, быть можетъ, ошибается въ относительномъ... но...

У него былъ слабый голосъ, и его никто не слушалъ. Категорическимъ тономъ, который подчеркивалъ ясность его словъ, Арондель продолжалъ развивать свою мысль:

— Когда хотятъ реформировать жизнь, нужно не отступать отъ здраваго смысла. Общество имѣетъ свои требованія, свою жестокость, свои правила, и нельзя безнаказанно нарушать нормальный ходъ жизни, управляемый властными законами. Нехлюдовъ былъ очень неправъ, соблазняя Маслову, но его вина сдѣлалась непоправимой, и всѣ его усилія только приносятъ еще бо̀льшій вредъ. Есть столько случаевъ, когда наши запоздавшія усилія совершенно безполезны. Время, такъ сказать, кристаллизуетъ наши поступки, и такъ прочно, что никакая сила не можетъ ихъ измѣнить. Когда Нехлюдовъ снова встрѣчается съ Масловой, она потеряна навсегда, и мысль спасти ее—совершенно дѣтская; а такъ какъ онъ не можетъ поднять ее до своего уровня, то жениться на ней нелѣпо и преступно. Нельзя вводить ее въ приличное общество, гдѣ ея появленіе возбудило бы скандалъ...

— Въ особенности, въ избранное общество, которое, въ силу своихъ традицій, должно безпощадно оттолкнуть ее, —подтвердилъ его мысль дю-Розуа.

Арондель продолжалъ:

— Его истинный долгъ заключался въ томъ, чтобы вести съ этого момента абсолютно правильный и порядочный образъ жизни, понимая значеніе каждаго малѣйшаго изъ своихъ поступковъ. Зло, которое онъ совершилъ, останется,—въ этомъ его наказаніе. Но пусть бы онъ отказался отъ своей легкомысленной жизни, основалъ семью, воспитывалъ своихъ дѣтей въ честныхъ принципахъ, остерегъ ихъ отъ опасности юношескихъ увлеченій... Вотъ это было бы настоящимъ „Воскресеніемъ“, которое сдѣлало бы его полезнымъ членомъ общей человѣческой семьи.

— Боюсь, что онъ не смогъ бы воскреснуть,—сказалъ Луи Нагель:—есть дурные поступки, отъ которыхъ нельзя излечиться. Они не то что хуже другихъ, слѣды которыхъ исчезаютъ, но они ужасны порожденными ими бѣдствіями. Нехлюдовъ воочію увидѣлъ послѣдствія своего каприза, и уже не имѣетъ возможности забыть ихъ. Онъ принадлежитъ своей жертвѣ: какая польза ей, несчастной, отъ добрыхъ совѣтовъ, которые онъ сможетъ дать своимъ дѣтямъ?

Леонардъ съ блуждающимъ взоромъ игралъ своимъ ножомъ, какъ будто разговоръ его мало интересовалъ. А между тѣмъ, мысли, которыя высказывали его гости съ той легкостью и свободой, съ какой говорятъ о далекихъ и чуждыхъ вещахъ, принимали для него угрожающую реальность. Дю-Розуа, Нагель, Гастелье́,—были очень далеки отъ героя Толстого, и должны были сдѣлать большое усиліе воображенія, чтобы „поставить себя на его мѣсто"; онъ, напротивъ того, былъ очень близокъ къ нему, и слова гостей возбуждали въ немъ отклики, о которыхъ никто не могъ догадаться, но отраженіе которыхъ онъ видѣлъ въ большихъ черныхъ глазахъ Раймонда, все время искавшаго его взгляда.

М-мъ дю-Розуа обратилась къ лэди Ливерморъ:

— Въ послѣднее время у насъ только и говорятъ, что объ этомъ романѣ. А у васъ имъ интересуются? Какого о немъ мнѣнія?

— Я въ сущности не знаю, потому что только-что вернулась изъ Италіи,—отвѣтила лэди Ливерморъ своимъ нѣжнымъ, звучнымъ голосомъ;—но мнѣ кажется, что мы не можемъ понять его, какъ слѣдуетъ. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы мужчина покинулъ женщину, ставшую матерью его ребенка.

Наивность этого заявленія возбудила улыбки, и Гастелье́ спросилъ довольно грубо:

— Значитъ, этого никогда не случается по ту сторону канала?

Лэди Ливерморъ почувствовала необходимость защитить своихъ соотечественниковъ, и отвѣтила спокойнымъ, увѣреннымъ тономъ:

— Этого никогда *не должно* быть.

Она это произнесла категорически, почти торжественно. Гости переглянулись съ нѣкоторой ироніей, не зная, объясняется ли увѣренность ея отвѣта нѣсколько наивной чистотой души, или чисто англійской манерой признавать зло только у другихъ.

— Однако,—сказалъ Нагель,—всюду, во всѣхъ странахъ, люди имѣютъ одинаковыя страсти и, слѣдовательно, одинаковыя слабости. Сумма добра и зла приблизительно одна и та же всюду. Изумительный романъ Толстого—я лично не знаю ни одного, который могъ бы сравниться съ нимъ—могъ бы разыграться всюду, потому что вездѣ условія общественной жизни отдаютъ беззащитныхъ молодыхъ дѣвушекъ во власть мужской прихоти. Я знаю, что въ Англіи законы и нравы ихъ защищаютъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и это—большая честь

для вашей родины, милэди. Но я все-таки не думаю, чтобы подобный случай былъ невозможенъ въ вашей странѣ, и въ концѣ концовъ прекрасный романъ Джоржъ Элліотъ, о которомъ только-что упоминали, подтверждаетъ мои слова.

Лэди Ливерморъ почувствовала правоту его словъ и значеніе приведеннаго имъ примѣра. Она на минуту стала искать словъ, которыми, не нарушая правдоподобности, могла бы доказать нравственное превосходство своей расы. Всѣ взгляды устремились на нее, въ ожиданіи отвѣта, надѣясь, что онъ будетъ неудовлетворительнымъ и, быть можетъ, немного смѣшнымъ.

— Конечно,—медленно сказала она:—я полагаю, что и у насъ возможны подобныя вещи. Но того, кто можетъ совершить подобную низость, мы презираемъ отъ всей души. Никакой истинный англичанинъ не хотѣлъ бы знаться съ нимъ. Никто бы не уважалъ Нехлюдова, еслибы онъ былъ живымъ человѣкомъ. Такъ почему бы мы интересовались его исторіей въ романѣ?

Леонардъ поблѣднѣлъ, закрылъ глаза, сдѣлалъ движеніе, какъ бы собираясь говорить, но ничего не сказалъ. Другіе переглянулись, удивленные рѣшительностью отвѣта. Арондель возразилъ лэди Ливерморъ:

— Мы, французы, сударыня, скорѣе похваляемся своими пороками, чѣмъ скрываемъ ихъ; вы это знаете. Однако, во взглядахъ на поступокъ Нехлюдова мы сходимся съ вами. Если у человѣка есть въ его прошломъ такого рода поступокъ, онъ его тщательно скрываетъ, зная, что общественное мнѣніе осудитъ его тѣмъ строже, чѣмъ оно въ другихъ случаяхъ болѣе снисходительно.

— Въ томъ случаѣ, конечно, если возникаетъ шумъ по этому поводу,—дополнилъ Луи Нагель:—въ противномъ случаѣ общественное мнѣніе молчитъ. Презираютъ обыкновенно не самый поступокъ, а скандалъ, произведенный имъ. Вотъ, напримѣръ...

Онъ привелъ знаменитые примѣры изъ разныхъ областей, и разговоръ перешелъ на политику.

Въ теченіе вечера Раймондъ смогъ на минуту уединиться съ братомъ, и въ одномъ изъ угловъ гостиной, новая обстановка котораго измѣнила обычныя рамки ихъ жизни, онъ спросилъ его, глядя ему прямо въ глаза:

— Ты ничего не имѣешь мнѣ сказать?

Леонардъ положилъ ему руку на плечо съ тревожнымъ выраженіемъ лица, и отвѣтилъ тихо, какъ будто чужія уши подслушиваютъ его малѣйшія слова, стараются разгадать ихъ смыслъ:

— Будь остороженъ!

Этотъ жестъ и этотъ крикъ выражали скорѣе боязнь быть открытымъ, чѣмъ страданіе отъ суда надъ собою. Но Раймондъ не могъ еще понять такого эгоистическаго чувства, и въ своемъ заблужденіи проговорилъ съ чувствомъ глубокаго состраданія:

— Бѣдный братъ!—Я искалъ тебя весь день,—прибавилъ онъ.—Ты такъ рано ушелъ изъ дому. Почему ты не зашелъ ко мнѣ?

— Не говори здѣсь ни слова, прошу тебя... Приходи завтра около девяти часовъ. Мы будемъ одни.

— Да, я приду, жди меня.

Онъ хотѣлъ пожать руку, которая ускользнула отъ него, и несмотря на то, что читалъ въ глазахъ брата испуганное приказаніе молчать, онъ еще прибавилъ:

— Мнѣ тебя такъ жаль!

Но Леонардъ отошелъ отъ него, чтобы подойти къ м-мъ дю-Розуа, которая подозвала его движеніемъ вѣера къ себѣ.

Съ франц. З. В.

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

ВЪ

ПОЛОВИНѢ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ

То прогрессивное направленіе, которымъ было отмѣчено начало царствованія императора Александра I, вызвало во второй его половинѣ, какъ извѣстно, сильную реакцію, отразившуюся во всѣхъ сферахъ государственной и общественной жизни Россіи. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія реакція совпала съ управленіемъ кн. А. Н. Голицына, окружившаго себя обскурантами и фанатиками самаго худшаго сорта; при немъ должны были погибнуть всѣ тѣ благія начинанія, которыя были сдѣланы прежними сотрудниками Александра I для успѣшнаго и свободнаго развитія просвѣщенія. Преслѣдованіе университетовъ, извѣстный судъ надъ петербургскими профессорами, гоненія противъ свободнаго развитія научнаго изслѣдованія, какъ вреднаго и несогласнаго съ чистой вѣрой, которой должна была подчиняться всякая наука и всякое знаніе,—остались памятниками министерства кн. Голицына. Въ противоположность другимъ нашимъ университетамъ, это реакціонное направленіе не коснулось московскаго университета;—онъ остался совершенно въ сторонѣ отъ господствовавшаго тогда мистицизма, съумѣвъ отстоять и сохранить свою независимость. Въ то время, когда въ Казани и Петербургѣ производили свои погромы Магницкій и Руничъ, московскій университетъ мирно существовалъ подъ управленіемъ попечителя, кн. А. П. Оболенскаго. Правда, послѣдній мало занимался дѣлами, что подало поводъ къ обвиненію его въ господ-

ствовавшей тогда въ университетѣ распущенности. Но кн. Оболенскій умѣлъ въ то смутное время оградить московскій университетъ отъ злыхъ навѣтовъ и нареканій, такъ что не было возбуждено ни одного дѣла о какомъ-либо вредномъ направленіи преподаванія профессоровъ и ихъ ученыхъ трудовъ. Уже ходили слухи о предстоявшей ревизіи Магницкаго; однако кн. Оболенскій не допустилъ, чтобы его нечистыя руки коснулись московскаго университета. Въ исторіи университета поворотнымъ пунктомъ отъ началъ Александровскихъ временъ къ новому Николаевскому режиму можно считать 1825-26 годъ. Этотъ поворотъ былъ обусловленъ, съ одной стороны, направленіемъ министерства Шишкова, съ другой—декабрьскими событіями 1825 г.

Крайность мистическихъ увлеченій, до которыхъ дошелъ кн. Голицынъ и его сподвижники, вызвала его паденіе, и на его мѣсто, 15-го мая 1824 г., былъ назначенъ А. С. Шишковъ. Хотя, недовольный дѣйствіями министерства вообще, онъ и преслѣдовалъ различныя распоряженія своего предшественника, возставалъ противъ ложной филантропіи и лжемистики, но, несмотря на это, во многомъ его дѣятельность была прямымъ продолженіемъ того же реакціоннаго направленія. Взгляды на народное просвѣщеніе и его задачи были выражены новымъ министромъ въ его рѣчи, произнесенной въ главномъ правленіи училищъ, и въ докладѣ, представленномъ государю [1]). Шишковъ ставилъ себѣ задачей положить преграду тому „нравственному разврату, который подъ названіемъ духа времени долго росъ и усиливался, успѣвъ уже заразить цѣлое поколѣніе юношей, и обуздать цензурой „развратъ, разсѣваемый въ книгахъ тысячами различныхъ способовъ“. По мнѣнію министра, истинное просвѣщеніе, врученное его руководству, должно было состоять въ страхѣ Божіемъ, который есть начало премудрости; въ утвержденіи себя въ православной вѣрѣ, наполняющей душу и сердце человѣческое благоговѣніемъ къ Богу, любовью къ ближнему и всѣми нужными для общежитія добродѣтелями, и наконецъ, въ украшеніи ума своего науками, отверзающими путь къ обширнѣйшимъ познаніямъ, искусствамъ и художествамъ. „Науки,—читаемъ мы въ его рѣчи,—полезны только тогда, когда какъ соль употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ“. „Обучать грамотѣ весь народъ, или несоразмѣрное числу онаго ко-

---

[1]) Сборникъ распоряж. мин. нар. просв., т. I, № 251. Записки Шишкова, т. II, стр. 164.

личество людей, принесло бы болѣе вреда, нежели пользы". Школа должна была утвердить юношество въ благоговѣніи къ Богу, въ преданности государю и отечеству, въ любви къ правдѣ, въ чувствованіи чести и человѣколюбія, и не заразить его „лжемудрыми умствованіями, вѣтротлѣнными мечтаніями, пухлой гордостью и пагубнымъ самолюбіемъ, вовлекающимъ человѣка въ опасное заблужденіе думать, что онъ въ юности старикъ и черезъ то дѣлающимъ его въ старости юношей".

Слишкомъ обширное знаніе наукъ казалось Шишкову опаснымъ, такъ какъ должно было непремѣнно вовлекать человѣка въ безпрестанныя мечтанія, развивать въ немъ безнравственныя страсти и совращать его съ истиннаго пути спокойной и благоденственной жизни. Ему представлялось необходимымъ ограничить и сосредоточить излишнее множество преподававшихся тогда въ учебныхъ заведеніяхъ предметовъ. Такова была программа Шишкова. Главное правленіе училищъ, вполнѣ согласившись съ этими истинами, выразило свою полную готовность содѣйствовать министру въ утвержденіи просвѣщенія на этихъ незыблемыхъ началахъ.

Не прошло двухъ лѣтъ послѣ назначенія Шишкова, какъ открылся заговоръ декабристовъ. Декабрьскія событія сильно взволновали русское общество, озаботили молодого государя и высшее правительство. Въ неправильной постановкѣ дѣла образованія, въ университетѣ—его направленіи, преподаваніи и наукѣ—старались находить и по желанію находили тогда причины безпокойнаго настроенія умовъ, заговоровъ, тайныхъ обществъ, приведшихъ къ катастрофѣ 14-го декабря. Школѣ приписывали „язву, наводнившую святую Русь и пустившую корни свои въ потомство" [1]. Русское общество въ своемъ взглядѣ на университетскую науку, какъ на источникъ зла, не было самостоятельно и заимствовало его изъ Германіи. Но если тамъ національно-политическое движеніе университетовъ вызвало репрессивныя правительственныя мѣры и тревогу нѣмецкихъ консерваторовъ, объявившихъ ихъ гнѣздомъ разврата, то по отношенію къ русскимъ университетамъ подобный взглядъ былъ совершенно неоснователенъ. Странно было находить явленія нѣмецкой университетской жизни у насъ, гдѣ ни самъ университетъ, ни профессора, большею частью отсталые и невѣжественные, ни студенты, 17—19-лѣтніе юноши, грѣшившіе больше шалостями и кутежами, не подавали къ тому никакого повода. Въ реформѣ

---

[1]) Записки Михайловскаго-Данилевскаго. „Русск. Стар." 1890 г., т. XI.

школы императоръ Николай I видѣлъ первое и самое дѣйствительное средство для отрезвленія общества отъ дерзновенныхъ помысловъ. Рескриптомъ 14-го мая 1826 г. былъ образованъ „Комитетъ устройства учебныхъ заведеній", которому предписывалось „безъ всякаго отлагательства" сличить всѣ уставы учебныхъ заведеній имперіи, начиная съ приходскихъ и кончая университетами, разсмотрѣть преподаваемые въ нихъ курсы ученій и ввести „необходимое единообразіе, на коемъ должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и ученіе".

Реорганизація какъ университета, такъ и средней школы въ интересахъ однообразнаго научнаго преподаванія представлялась въ виду ихъ неустройства вполнѣ своевременною. Но къ общей реформѣ было приступлено тогда не подъ вліяніемъ педагогическихъ, а подъ вліяніемъ главнымъ образомъ политическихъ соображеній. Побудительной причиной, заставившей правительство обратить свое вниманіе на университеты, было не плачевное ихъ состояніе, а желаніе искоренить питавшіяся въ нихъ вредныя либеральныя начала. Спасительное противъ этого явленія средство увидѣли въ томъ единообразіи, которое должно было проникать всю учебную систему, все устройство каждой школы, весь бытъ до послѣднихъ мелочей обучающагося юношества. Были убѣждены, что отсутствіе единообразія влекло молодежь къ распущенности, а затѣмъ къ своевольству и „буйному расположенію умовъ". Поэтому на первое время, оставивъ заботы о единообразіи въ наукѣ, устремили все вниманіе на водвореніе его въ воспитаніи и внѣшнемъ устройствѣ учебныхъ заведеній. Другая идея, положенная въ основу предполагавшихся реформъ, была та, что школа должна не только учить, но и воспитывать, и что это воспитаніе должно находиться въ рукахъ государства. Эта идея ярко выражена въ запискѣ Пушкина, поданной государю. „Должно увлечь все юношество,—писалъ онъ,—въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства, должно его тамъ удержать; дать ему время перекипѣть и обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ... Нечего колебаться—во что бы то ни стало подавить воспитаніе частное".

Въ манифестѣ 13-го іюля 1826 г., объявлявшаго участь декабристовъ, указывалось родителямъ на необходимость „нравственнаго воспитанія дѣтей".

„Не просвѣщенію, но праздности ума,—гласилъ манифестъ,—болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ—недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь

полупознаній, должно приписать сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ—погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ пріуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ".

Новое направленіе коснулось московскаго университета черезъ годъ послѣ паденія министерства кн. Голицына, когда 19-го іюля 1825 г. былъ уволенъ отъ должности попечителя кн. А. П. Оболенскій. Съ уходомъ Оболенскаго и оканчивался „патріархальный періодъ" московскаго университета.

Полная свобода отличала университетъ того времени. Начальство мало имъ занималось; никто не слѣдилъ за тѣмъ, акуратно ли и что читаютъ профессора и посѣщаютъ ли лекціи студенты. Студенческая жизнь до кончины императора Александра I была привольная. Студенты не видали попечителя, встрѣчаясь съ нимъ лишь на актѣ, да и съ ректоромъ Прокоповичемъ-Антонскимъ приходилось имѣть дѣло только вступающимъ въ университетъ, кутиламъ и забіякамъ.

По своему поведенію даже на лекціяхъ студенты мало чѣмъ отличались отъ школьниковъ; послѣдніе даже выигрывали въ этомъ отношеніи, имѣя какую-нибудь дисциплину, тогда какъ въ университетѣ она совершенно отсутствовала. Студенческіе нравы были довольно грубы. Правда, не существовало уже кулачныхъ боевъ, которые устроивались студентами въ началѣ столѣтія, но не было недостатка въ уличныхъ скандалахъ и буйныхъ столкновеніяхъ съ полиціей.

Мундиры и обязательная форма не были еще введены, и каждый былъ одѣтъ какъ могъ и какъ хотѣлъ; другіе не снимали даже фризовыхъ шинелей, прикрывая ими ветхость своего одѣянія.

„Тогда модный изящный сюртукъ или полуфракъ безразлично усаживался съ фризовой шинелью или выцвѣлымъ демикотоновымъ сюртукомъ или казакиномъ; кандидатъ кончившій курсъ, студентъ 30 лѣтъ, студентикъ 15-лѣтній, преклонныхъ лѣтъ любознательный сенатскій чиновникъ, армейскій офицеръ—все это сидѣло, стояло, лѣпилось, гдѣ попало, на изящныхъ лекціяхъ Мерзлякова" [1]).

Инспекторы и ихъ помощники были профессора или адъюнкты и, занятые собственными дѣлами, мало наблюдали за поведеніемъ, а тѣмъ болѣе нравственнымъ воспитаніемъ студентовъ.

[1]) Записки Мурзакевича. „Русская Старина" 1887 г., февраль.

О существованіи же у нихъ политической неблагонадежности или вредномъ направленіи мыслей не было еще и помину.

„Болтать даже и въ самыхъ стѣнахъ университета,—по свидѣтельству Пирогова,—можно было вдоволь, о чемъ угодно, и вкривь, и вкось. Шпіоновъ и наушниковъ не водилось, университетской полиціи не существовало, даже и педелей не было. Городская полиція не имѣла права распоряжаться съ студентами, и провинившихся должна была доставлять въ университеты. О какихъ-либо демонстраціяхъ никогда никто не слыхалъ. А надо замѣтить, что это было время тайныхъ обществъ и недовольства; запрещенныя цензурой вещи ходили по рукамъ, читались студентами съ жадностью и во всеуслышаніе; чего-то смутно ожидали. Экзаменовъ курсовыхъ и полукурсовыхъ не было. Были переклички по спискамъ, но все это дѣлалось такъ себѣ, для очищенія совѣсти. Никто не заботился о результатахъ. Между тѣмъ аудиторіи были биткомъ набиты и у такихъ профессоровъ, у которыхъ и слушать было нечего, и нечему научиться“ [1]).

Въ отношеніяхъ между попечителемъ, профессорами и студентами не существовало той оффиціальности, которую старались ввести въ слѣдующіе годы, и на всемъ университетскомъ быту лежала печать патріархальности. Нѣкоторые почтенные представители профессорскаго сословія, отечески строгіе въ обращеніи со студентами, на которыхъ смотрѣли какъ на школьниковъ, не отказывались иногда и отъ добровольныхъ родительскихъ приношеній и благодарностей.

Московскій университетъ въ періодъ самаго разгара реакціи сохранялъ тѣ свои права и коллегіальное устройство, которыя были дарованы ему утвердительной грамотой и уставомъ 1804 г. Совѣтъ и правленіе управляли университетомъ самостоятельно, безъ особаго вмѣшательства попечителя, который уважалъ его права и традиціи и предоставлялъ полную свободу теченію университетской жизни.

О миролюбивыхъ отношеніяхъ, господствовавшихъ тогда между попечителемъ и подвѣдомственными ему заведеніями, даетъ прекрасное понятіе его прощальный циркуляръ отъ 11 августа 1825 г. Извѣщая совѣтъ о своемъ увольненіи отъ должности и изъявивъ свою сердечную благодарность всѣмъ чиновникамъ университета и его округа, кн. Оболенскій заключалъ циркуляръ слѣдующими словами: „Въ девятилѣтнее служеніе мое въ званіи попечителя я не имѣлъ никогда ни малѣйшаго неудовольствія ни

[1]) Записки Пирогова.

отъ кого изъ почтенныхъ сослуживцевъ моихъ. Сіе останется драгоцѣннымъ памятникомъ на всю мою жизнь, и чувство благодарности къ почтенному сословію, котораго я имѣлъ честь быть начальникомъ, никогда не изгладится изъ сердца моего" [1]).

Такое мирное существованіе московскаго университета было нарушено съ назначеніемъ въ попечители—по выбору Шишкова—генералъ-маіора А. А. Писарева, которому поручалось привести въ порядокъ и поставить на должную высоту этотъ старѣйшій разсадникъ просвѣщенія.

Дѣйствительно, при томъ патріархальномъ строѣ, который господствовалъ тогда въ университетѣ, было не мало недостатковъ, требовавшихъ возможно скораго исправленія. Московскій университетъ, обновленный и приведенный въ цвѣтущее состояніе въ началѣ столѣтія стараніями попечителя М. Н. Муравьева, черезъ двадцать лѣтъ пришелъ въ сильный упадокъ. Научное преподаваніе стояло на весьма низкомъ уровнѣ; большинство профессоровъ, частью уже устарѣлыхъ, частью бездарныхъ, далеко отставали отъ современной европейской науки. Требовалось обновленіе преподавательскаго состава новыми молодыми силами и освѣженіе затхлой университетской жизни съ его отжившими свой вѣкъ нравами и обычаями. Нельзя не указать и на необходимыя тогда измѣненія въ порядкѣ испытаній, которыя совершались домашнимъ образомъ и не всегда были лишены лицепріятія со стороны экзаменаторовъ.

Но эти слабыя стороны университета мало тогда повидимому занимали новое начальство и самого министра. Если они интересовались наукой, то совершенно съ иной стороны. Если въ началѣ столѣтія правительство, возстановляя университетъ, старалось приблизить его по научному преподаванію къ университетамъ Запада и насадить въ немъ европейскую науку, то теперь оно видѣло въ ней источникъ многихъ общественныхъ бѣдствій и направляло заботы къ огражденію юношества отъ того тлетворнаго вліянія, которое оказывали не въ мѣру преподаваемыя науки. Военными порядками, должнымъ чинопочитаніемъ, бдительной полиціей, строгимъ формализмомъ думали исправить различные недостатки университетовъ. Тогда, въ 1825-26 г., впервые появился въ московскомъ университетѣ вопросъ о благонамѣренномъ направленіи какъ самихъ профессоровъ, такъ и ихъ преподаванія, вопросъ новый, совершенно до того времени

[1]) Дѣла канцеляріи попечителя 1825 г., № 196.

не поднимавшійся, о которомъ не зналъ университетъ Александровскаго царствованія.

Новый попечитель Писаревъ былъ для московскаго университета явленіемъ необыкновеннымъ. До него въ кураторы и попечители назначались чаще всего вельможи, имѣвшіе то или другое соприкосновеніе съ наукой, люди независимые, не смотрѣвшіе на себя какъ на простыхъ подчиненныхъ министру чиновниковъ. Достаточно указать на Шувалова, Хераскова, Разумовскаго, Муравьева. Писаревъ представлялъ имъ полную противоположность. Онъ былъ отставной бригадный генералъ, и легкомысліе, грубость и крайняя невѣжественность являлись его отличительными качествами. Считая себя главнымъ образомъ точнымъ исполнителемъ велѣній и желаній министра, самъ всецѣло подчиняясь и при случаѣ заискивая и даже унижаясь передъ начальствомъ, онъ требовалъ къ себѣ подобнаго же отношенія.

Писаревъ вступилъ въ должность 11 августа 1825 г. Какъ можно предполагать, онъ самъ хлопоталъ объ этомъ мѣстѣ, такъ какъ министръ, поздравляя его съ назначеніемъ, „душевно радовался, что исполнилось его желаніе".

23 августа состоялось въ университетѣ представленіе Писареву профессоровъ, къ которымъ онъ обратился съ привѣтственной рѣчью. При этомъ онъ приказалъ снять съ бюста Александра I закрывавшее его покрывало, „чтобы самъ Государь,—сказалъ попечитель,—былъ свидѣтелемъ нашихъ чувствованій".

Новый попечитель былъ снабженъ Шишковымъ наставленіемъ, въ которомъ выяснялись предстоящія ему задачи.

„Подъ глазами вашими,—писалъ ему министръ,—будетъ образовываться немалая часть ученыхъ нашихъ, и тринадцать тысячъ юношей будутъ возрастать подъ руководствомъ вашимъ. Отъ успѣха распоряженій вашихъ зависитъ польза, которой въ правѣ ожидать отъ нихъ правительство, родители и общество; подъ благотворнымъ вашимъ наитіемъ должна созрѣть надежда будущихъ поколѣній въ одиннадцати областяхъ государства". Особенному вниманію Писарева поручался университетъ, который „требовалъ съ его стороны непрерывнаго и самаго дѣятельнаго надзора". Изложивъ свои взгляды на задачи просвѣщенія, Шишковъ призывалъ его „употребить всѣ силы свои къ водворенію и распространенію просвѣщенія во ввѣренномъ округѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ я оное вамъ предлагаю и которое по моему и всѣхъ благомыслящихъ людей разумѣнію есть едино истинное и полезное"[1]).

---

[1]) Сборникъ распор. мин. нар. просв., т. I, № 260.

Писаревъ съ усердіемъ принялся за дѣло. Необычное до него количество распоряженій, предписаній, предложеній попечителя наполнило коллегіи университета, отъ которыхъ требовалось немедленное исполненіе. Онъ самъ входилъ во всѣ дѣла до послѣднихъ мелочей, разрѣшая ихъ со свойственнымъ для бригаднаго генерала пониманіемъ университетской жизни. Особенное вниманіе онъ обратилъ на „необходимое единообразіе", которое съ замѣчательной послѣдовательностью и настойчивостью проводилъ онъ, начиная съ мундирныхъ пуговицъ, тюфяковъ, постельныхъ принадлежностей и кончая преподаваніемъ философскихъ наукъ. Писаревъ не понималъ полезности коллегіальнаго университетскаго управленія, терпѣлъ его съ неудовольствіемъ, видя въ немъ скорѣе тормазъ своимъ начинаніямъ. Въ выборномъ началѣ онъ находилъ причины многихъ неустройствъ и мечталъ о скорѣйшемъ его уничтоженіи. Профессора, привыкшіе къ старымъ обычаямъ, должны были враждебно отнестись къ порядкамъ, заводимымъ попечителемъ. Грубость и безтактность Писарева должны были еще больше увеличить неудовольствія; не замедлили явиться и столкновенія его съ совѣтомъ и профессорами. Среди студентовъ, которыхъ Писаревъ въ особенности хотѣлъ подтянуть, онъ съ перваго своего появленія сталъ предметомъ шутокъ и насмѣшекъ.

16 сентября 1825 г. совѣтъ получилъ первый циркуляръ новаго попечителя, содержавшій программу его дѣйствій.

„При вступленіи моемъ въ должность,—гласила бумага,—я имѣлъ въ виду ту истину, что науки, изощряющія умъ безъ вѣры и нравственности, не составятъ благоденствія народнаго. Держась сего правила, предлагаю университетскому совѣту слѣдующее:

„1) Поручить ректору имѣть неослабный надзоръ, чтобы въ урокахъ профессоровъ ничего колеблющаго или ослабляющаго ученія нашей вѣры не укрывалось.

„2) Учить Закону Божію съ тою внимательностью, какой требуетъ важность сего дѣла, отнюдь не вдаваясь въ лжемистику и не увлекаясь ложной филантропіей, поставляющей всѣ ереси на ряду съ истинною христіанскою вѣрою.

„3) Наблюдать, чтобы ученики и студенты не устранялись отъ исполненія правилъ церковныхъ. Они должны въ праздничные дни находиться при слушаніи Божественной литургіи; а въ будни собираться на общественную молитву, установя между ними чтеніе св. Писанія по славянскому тексту съ толкованіемъ св. отцовъ и учителей церкви.

„4) Я желаю, чтобы между лицами, принадлежащими каждому учебному заведенію, при надлежащемъ повиновеніи начальству водворялись миръ и согласіе“.

Далѣе слѣдуютъ предписанія того же характера объ устраненіи тѣхъ явленій, которыя могутъ имѣть „пагубное наитіе на нравы образуемаго юношества“.

Наукѣ мало удѣлено мѣста въ распоряженіяхъ попечителя. Упоминается лишь о необходимости безпристрастности и строгости на экзаменахъ и предлагается „приложить все возможное стараніе къ обученію юношества россійскому языку и отечественной словесности и внушать при всякомъ удобномъ случаѣ преданность къ престолу, повиновеніе къ властямъ и укрѣплять въ юныхъ сердцахъ питомцевъ любовь къ родинѣ и всему отечественному“.

Попечитель призывалъ членовъ совѣта „усугубить стараніе свое и дѣятельность къ приведенію университета въ то цвѣтущее состояніе, въ которомъ долженствуетъ онъ быть, чтобы оправдать Высочайшее о немъ попеченіе и показать на дѣлѣ, что не втунѣ изливались на него въ продолженіе болѣе нежели 70 лѣтъ щедроты монарховъ нашихъ“ [1]).

Одновременно съ этимъ послѣдовало особое предложеніе цензурному комитету [2]).

„Цензура книгъ, предоставленная университету по всему московскому учебному округу, требуетъ особеннаго вниманія. Хитрыя увертки и извороты разума, подъ которыми въ наше время развратъ и невѣріе распространяютъ нечестивыя мудрствованія ко вреду религіи, правительства и гражданскаго общества — вотъ тѣ предметы, на которые цензурный комитетъ долженъ обратить все свое вниманіе. Одно только неутомимое стараніе благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ людей можетъ служить оплотомъ противъ наводненія такими книгами, которыя, вкрадшись единожды во всеобщее употребленіе, могутъ угрожать спокойствію всякаго благоустроеннаго государства“.

Надо замѣтить, что въ своихъ распоряженіяхъ Писаревъ проявилъ мало самостоятельности и заимствовалъ ихъ содержаніе изъ тѣхъ наставленій, которыя самъ онъ получилъ отъ Шишкова. Но для московскаго университета они, какъ и послѣдующій образъ дѣйствій попечителя, были совершенно новы и не могли не удивить членовъ профессорской корпораціи. Надо полагать, что

[1]) Дѣла канцеляріи попечителя 1825 г., № 196.
[2]) То же дѣло; 28 сент., № 6745.

бытъ студенчества съ его нравами и обычаями въ особенности поразилъ Писарева. Онъ прежде всего обращаетъ свое вниманіе на вопросъ о нравственномъ воспитаніи студентовъ и водвореніи въ ихъ быту единообразія и строгой дисциплины. Начато, конечно, было съ обязательнаго ношенія студенческой формы, къ чему попечитель питалъ особый интересъ, едва ли не бо̀льшій, чѣмъ къ университетской наукѣ. Но ввести форму было не легко и стоило попечителю много труда, а университетское начальство оказывало въ этомъ дѣлѣ мало содѣйствія. Студенты слишкомъ привыкли къ прежнимъ порядкамъ, форма какъ-то не клеилась, при вицъ-мундирѣ надѣвались гороховые панталоны, шаровары, круглыя шляпы и т. п. Все это до глубины души мучило Писарева, студентовъ же забавляло, хотя они иногда и платились за свои продѣлки заключеніемъ въ карцерѣ.

Не могъ удовлетворить попечителя и существовавшій тогда надзоръ за студентами, раздѣленный между двумя инспекторами изъ ординарныхъ профессоровъ, которые совершенно не занимались своими питомцами, предоставляя имъ почти полную свободу. Попечитель предложилъ совѣту немедленно составить инструкціи для опредѣленія обязанностей и образа дѣйствія инспекторовъ. Но совѣтъ не торопился, и послѣ нѣсколькихъ напоминаній о своемъ приказаніи Писаревъ самъ принялся за ихъ сочиненіе. По инструкціи для инспектора казенныхъ студентовъ [1]) главная его обязанность состоитъ въ томъ, „чтобы сдѣлать ихъ истинными сынами православной церкви, вѣрноподданными Государю и Отечеству“.

Инструкція эта, состоявшая изъ тридцати параграфовъ, подробно опредѣляла дѣятельность инспектора и весь образъ жизни студентовъ. На первомъ планѣ стоитъ обязанность инспектора наблюдать за исполненіемъ со стороны студентовъ ихъ религіозныхъ обязанностей. Ежедневно въ его присутствіи утромъ и вечеромъ происходитъ чтеніе молитвъ, а по праздникамъ онъ самъ долженъ вести студентовъ въ церковь. По 4—7 параграфамъ инспекторъ „смотритъ за здоровьемъ и нравственностью воспитанниковъ и не долженъ упускать изъ виду ничего, могущаго служить ко внушенію имъ добрыхъ правилъ и навыковъ; въ ежедневномъ съ ними обращеніи, въ частныхъ и общихъ разговорахъ наблюдаетъ склонность каждаго, не теряетъ изъ виду ни малѣйшаго предосудительнаго поступка и въ самомъ началѣ искореняетъ худыя привычки и поощряетъ къ благонравію, утверждая ихъ въономъ

[1]) Дѣла Совѣта 1826 г., № 398.

собственнымъ примѣромъ. Онъ наблюдаетъ, чтобы студенты не были праздны, но употребляли бы время свое какъ можно съ бо́льшей пользой. Въ особую обязанность поставляется ему смотрѣть, чтобы студенты не читали вредныхъ и соблазнительныхъ книгъ, удалялись дурныхъ сообществъ и не ходили въ неприличныя мѣста. Оградивъ такимъ образомъ чистоту нравственности, инспекторъ обязанъ стараться „сдѣлать студентовъ кроткими и покорными начальству; для сего онъ не долженъ терпѣть между ними ни лжи, ни злословія, ни распрей, ни словъ порицательныхъ и грубыхъ". Инспекторъ посѣщаетъ комнаты студентовъ, „нерадивыхъ увѣщеваніями привлекаетъ къ должности и старается возбудить прилежаніе къ ученію". По инструкціи студентъ въ теченіе всего дня ставится подъ бдительный и строгій надзоръ, подвергаясь наказаніямъ за всякое ослушаніе и проступокъ. Но представлялось ли тогда возможнымъ исполненіе этихъ правилъ для нравственнаго воспитанія юношества? Отвѣтомъ можетъ служить характерное описаніе университетскаго общежитія казенныхъ студентовъ, принадлежащее Н. И. Пирогову. „О Богѣ и церкви,—разсказываетъ Пироговъ [1]),—сыны церкви изъ десятаго номера знать ничего не хотѣли и относились ко всему божественному съ полнымъ пренебреженіемъ. Всѣ запрещенные стихи ходили по рукамъ, читались съ жадностью, переписывались и перечитывались сообща при каждомъ удобномъ случаѣ. Понятій о нравственности десятаго номера, несмотря на мое короткое съ нимъ знакомство, я не вынесъ ровно никакихъ. Разгулъ при наличныхъ средствахъ, полный индифферентизмъ къ добру и злу при пустомъ карманѣ,—вотъ вся мораль десятаго номера, оставшаяся въ моемъ воспоминаніи. Вотъ настало первое число мѣсяца. Получено жалованье. Номеръ накопляется. Дверь то-и-дѣло хлопаетъ. Солдатъ-старикъ Яковъ, ветеранъ, служитель номера, озабоченно приходитъ и уходитъ для исполненія разныхъ порученій. Являются чайники съ кипяткомъ и самоваръ. Входятъ разомъ человѣка четыре, двое номерныхъ студентовъ, одинъ чужой и высокій, здоровенный протодіаконъ. Шумъ, крикъ, гамъ. Протодіаконъ что-то баситъ. Всѣ хохочутъ. Яковъ является со штофомъ подъ черною печатью за пазухой, въ рукахъ несетъ колбасу и паюсную икру. Печать со штофа срывается съ восклицаніемъ: „ну-ка, отецъ діаконъ, бѣлаго панталоннаго хватимъ". — „Весьма охотно",—глухимъ басомъ и съ раз-

---

[1]) Записки Пирогова, „Русская Старина" 1885 г., февраль.

становкой отвѣчаетъ протодіаконъ. Начинается попойка. Приносится Яковомъ еще штофъ и еще,—такъ до положенія ризъ.

„— Знаете ли вы,—говоритъ мнѣ кто-то изъ жильцовъ десятаго номера,—что у насъ есть тайное общество? Я членъ его, я и масонъ".

— Что же это такое?

„— Да такъ, надо же положить конецъ".

— Чему?

„— Да правительству,—ну его къ чорту".

И я послѣ этого открытія смотрю на господина, сообщившаго мнѣ такую любопытную вещь, съ какимъ-то подобострастіемъ"...

Приведенное описаніе у Пирогова говоритъ, какъ далеко отстояла возможность внушенія студентамъ „добрыхъ правилъ и навыковъ", и какъ послѣдніе могли встрѣтить новые порядки, предложенные попечителемъ. Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ какъ Писаревъ принялся за приведеніе въ порядокъ московскаго университета,—разразились декабрьскія событія. Нѣтъ сомнѣнія, что университетъ былъ совершенно непричастенъ ко всему движенію, но въ глазахъ правительства онъ могъ быть оставленъ въ подозрѣніи. Причина могла заключаться здѣсь въ той связи, которую по своему воспитанію имѣли съ московскимъ университетомъ многіе видные дѣятели заговора. Цѣлый рядъ декабристовъ: кн. Оболенскій, Крюковъ, Бобрищевъ-Пушкинъ, Басаргинъ, бар. Черкасовъ, гр. Чернышевъ, Якубовичъ, Мухановъ и др., были воспитанниками университетскаго Благороднаго пансіона и Муравьевскаго училища колонновожатыхъ. Послѣднее, существуя совершенно независимо отъ университета, тѣмъ не менѣе было соединено съ нимъ съ самаго своего основанія. Оно возникло въ кружкѣ молодыхъ студентовъ и кандидатовъ по мысли М. Н. Муравьева (впослѣдствіи графъ, извѣстный подъ именемъ Виленскій), основавшихъ въ 1811 году „Общество математиковъ", которое, „возбуждаемое истинною и чистѣйшею любовью къ отечеству", открыло публичные и общедоступные курсы математики и военныхъ наукъ. Возобновленные послѣ отечественной войны въ 1815 году, они были переименованы, по предложенію кн. П. М. Волконскаго, въ „Московское училище для колонновожатыхъ" и имѣли цѣлью „пріуготовленіе россійскаго дворянства къ военному званію, особенно же къ службѣ генеральнаго штаба". Профессоры университета И. А. Геймъ, Ѳ. И. Чумаковъ, П. С. Щепкинъ, изъ которыхъ послѣдній былъ основателемъ общества, вступили въ число преподава-

телей. Это замѣчательное учрежденіе, существовавшее частными средствами [1]), было характернымъ выраженіемъ того общественнаго духа, который пробуждался въ русскомъ обществѣ временъ императора Александра. Оно доставляло своимъ воспитанникамъ основательныя знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ давало имъ нравственное содержаніе, развивало въ нихъ сознательную и вмѣстѣ идеальную любовь къ отечеству и ревностное желаніе служить его благу. Стоявшіе во главѣ училища М. Н. Муравьевъ, кандидатъ московскаго университета, и П. И. Калошинъ принимали дѣятельное участіе въ тайныхъ обществахъ, куда вступили, по выходѣ офицерами въ генеральный штабъ, многіе изъ ихъ учениковъ.

Въ апрѣлѣ 1826 года состоялось повелѣніе государя произвести черезъ флигель-адъютанта, гр. С. Г. Строганова, ревизію московскаго университета. О причинахъ, вызвавшихъ эту ревизію, можно заключить изъ предписанія, которое получилъ Строгановъ отъ начальника главнаго штаба, Дибича [2]). „Дошло до свѣдѣнія Государя Императора,—писалъ онъ,—что между воспитанниками Московскаго Университета, а наипаче принадлежащаго къ оному Благороднаго Пансіона, господствуетъ неприличный образъ мыслей". Строганову поручалось обратить вниманіе на профессоровъ, учителей, наставниковъ университета и Благороднаго пансіона, разсмотрѣвъ въ особенности:

„1) Не кроется ли чего вреднаго для существующаго порядка вещей и противнаго правиламъ гражданина и подданнаго въ системѣ учебнаго преподаванія наукъ?

„2) Каково нравственное образованіе юныхъ питомцевъ и доказываетъ ли оно благонамѣренность самихъ наставниковъ, ибо молодые люди обыкновенно руководствуются внушаемыми отъ назидателей своихъ правилами".

О томъ, что именно могло дойти до свѣдѣнія государя и породило сомнѣнія въ благонамѣренномъ направленіи университета, остается совершенно неизвѣстнымъ. Но порученіе Строганову обратить вниманіе, „не кроется ли чего вреднаго для существующаго порядка вещей", даетъ основаніе предположить, что опасенія эти стояли въ связи съ декабрьскими происшествіями. Одновременно съ предписаніемъ Строганову Дибичъ увѣдомилъ попечителя Писарева о предстоящемъ прибытіи ревизора въ Москву. Но истинная цѣль пріѣзда Строганова была скрыта.

[1]) Училище содержалось на средства и въ домѣ Н. Н. Муравьева; всѣ преподаватели занимались безплатно.

[2]) 17 апр. 1826 г., № 722. „Русская Старина" 1902 г., апрѣль.

Осмотръ университета, который поручался ему, былъ объясненъ желаніемъ государя, до своего прибытія на коронацію, „имѣть ближайшія свѣдѣнія о всѣхъ знаменитыхъ заведеніяхъ древней столицы“.

Въ маѣ Строгановъ пріѣхалъ въ Москву, подробно осматривалъ университетъ и, къ большому недоумѣнію профессоровъ и студентовъ, усердно посѣщалъ лекціи.

Пріѣздъ Строганова совпалъ съ однимъ изъ самыхъ выдающихся событій въ жизни университета того времени—съ возобновленіемъ каѳедры философіи, которая не преподавалась уже болѣе пяти лѣтъ. Въ 1821 г. умеръ престарѣлый профессоръ философіи Брянцевъ. Совѣтомъ университета былъ избранъ преемникомъ ему адъюнктъ И. И. Давыдовъ, котораго тогда же представилъ попечитель на утвержденіе министра. Но утвержденія этого не послѣдовало, и тѣмъ самымъ преподаваніе логики и философіи въ московскомъ университетѣ было прекращено.

Въ 1823, 1824 и 1825 годахъ, съ началомъ каждаго учебнаго года, совѣтъ возобновлялъ передъ министромъ свои ходатайства, указывая и на то, что преподаваніе этихъ предметовъ положено по уставу, и знаніе ихъ требуется на экзаменахъ въ ученыя степени. Но ходатайства оставались безъ всякаго отвѣта. Въ 1825 г. просилъ о томъ же и самъ Давыдовъ, но все безуспѣшно. Министерство лишь запросило попечителя, „кто именно преподаетъ нынѣ сіи науки (логику и исторію философіи) въ университетѣ“, и получивъ въ отвѣтъ, что каѳедра съ 1821 г. остается праздною, умолкло, не разрѣшивъ вопроса и не запретивъ оффиціально преподаванія опасной науки. Новый попечитель Писаревъ, хотя и относился самъ съ большимъ предубѣжденіемъ къ философіи, снова просилъ министра открыть каѳедру, такъ какъ „находилъ преподаваніе сего предмета во всѣхъ прочихъ университетахъ продолжающимся и въ московскомъ университетѣ необходимымъ“... [1])

Наконецъ, послѣ пятилѣтняго молчанія министерства, Шишковъ, 12-го февраля 1826 г., писалъ Писареву: „Я согласенъ, чтобы въ московскомъ университетѣ изъ философскихъ наукъ преподаваемы были логика и исторія философіи, и чтобы каѳедра была предоставлена ординарному профессору Давыдову [2]), съ тѣмъ, однакоже, чтобы вы имѣли непосредственный надзоръ за преподаваніемъ сказанныхъ предметовъ“. Тогда же ученый

---

[1]) 13 января 1826 г., № 11.

[2]) Давыдовъ занималъ тогда каѳедру римской словесности.

комитетъ одобрилъ принятыя Давыдовымъ для чтенія руководства: для логики—Карпе (принятое въ духовныхъ академіяхъ), и для исторіи философіи—Дежерандо, такъ какъ они были „извѣстны по своему безвредному содержанію“. Итакъ, наконецъ, вопросъ былъ разрѣшенъ, и 12-го мая была назначена вступительная лекція Давыдова на тему: „О возможности философіи какъ науки“. Лекція приняла видъ какого-то торжества. Она состоялась въ присутствіи почти всего университетскаго совѣта, во главѣ съ попечителемъ, многочисленныхъ посѣтителей и массы студентовъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ открытія чтеній по философіи. Здѣсь же присутствовалъ и гр. С. Г. Строгановъ.

Достойно вниманія вступленіе, которымъ началъ лекцію Давыдовъ. Оно характеризуетъ какъ время, такъ и самого лектора.

„Восходя на сію каѳедру, съ которой достопочтеннѣйшіе члены знаменитаго нашего святилища наукъ и незабвенные мои наставники, съ честью занимаясь преподаваніемъ философіи, разливали свѣтъ мудрости, сколько радуюсь, становясь преемникомъ славныхъ ученостью мужей и долговременнымъ опытомъ искушенныхъ, столько же робѣю, когда помышляю и о важности предмета, и о предстоящихъ трудностяхъ въ изложеніи, и о силахъ для сего потребныхъ, особенно для удовлетворенія ожиданій, въ продолженіе пяти лѣтъ по прекращеніи чтеній философскихъ возраставшихъ. Но подкрѣпляемый покровительствомъ вашего превосходительства, нашъ благодѣтельный начальникъ, объ открытіи сихъ чтеній ходатай; ободряемый вами, милостивые государи, меня въ сіе званіе избравшими, и видя передъ собой тѣхъ юныхъ друзей, съ которыми уже подвизался я на поприщѣ ученія и коихъ блистательные успѣхи и одобрительный отзывъ служили мнѣ сладостнѣйшимъ, высшимъ въ нашемъ дѣлѣ вознагражденіемъ,—удостовѣряюсь, что и въ предстоящихъ занятіяхъ буду имѣть счастіе заслужить довѣренность и по возможности общей пользѣ содѣйствовать“.

Затѣмъ, обратившись къ образу Спасителя, Давыдовъ произнесъ по-гречески: „Премудрости Наставниче, смысла Подателю, немудрыхъ Наказателю и нищихъ Защитителю! утверди, вразуми сердце мое, Владыко; Ты даждь ми слово, Отчее Слово“!

Лекція раздѣлялась на три части, представляющія развитіе одного полнаго силлогизма: всякое знаніе (наука) имѣетъ содержаніе и форму; философія имѣетъ содержаніе и форму: слѣдовательно философія есть наука.

„Философія, въ смыслѣ науки принимаемая, есть психологія, ведущая къ открытію единства въ знаніи и бытіи“. Самая инте-

ресная для слушателей послѣдняя часть лекціи содержала въ себѣ критику анти-философскаго направленія въ наукѣ и произвела большую сенсацію, тѣмъ болѣе, что большинство профессоровъ, засѣдавшихъ на чтеніи, и не знало философіи, и не питало любви къ ней. Всѣ они были эмпирики и здѣсь публично должны были въ присутствіи студентовъ выслушать осужденіе эмпиризма.

Лекція имѣла выдающійся успѣхъ. Давыдовъ торжествовалъ; его засыпали поздравленіями. Но торжество философіи въ московскомъ университетѣ было кратковременно. Второй лекціи своимъ слушателямъ Давыдову прочесть уже не пришлось. 20-го іюня (№ 877) Шишковъ предложилъ Писареву „по нѣкоторымъ уважительнымъ причинамъ учинить немедленное распоряженіе о прекращеніи преподаванія профессоромъ Давыдовымъ логики и исторіи философіи“. Причины эти не были тогда разъяснены попечителю, но, какъ мы убѣдимся ниже, можно предположить, что онѣ заключались въ томъ далеко не благопріятномъ отзывѣ, который высказалъ о Давыдовѣ въ своемъ донесеніи гр. Строгановъ. Есть, кромѣ того, свидѣтельство одного изъ современниковъ— дѣлопроизводителя попечительской канцеляріи Третьякова, который въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что чтеніе философіи послѣ вступительной лекціи тогда же было прекращено собственнымъ распоряженіемъ графа Строганова. „Строгановъ,—сообщаетъ Третьяковъ, — выслушавъ лекцію, запретилъ дальнѣйшее чтеніе объ этомъ предметѣ. Такое неожиданное распоряженіе флигель-адъютанта произвело на всѣхъ членовъ университета сильное впечатлѣніе. Впрочемъ, я имѣю причину полагать, что Писаревъ имѣлъ отъ директора Языкова свѣдѣніе, что бывшій министръ кн. Голицынъ, въ 1825 г., доносилъ императору Александру I, что открытое распространеніе философіи въ университетахъ ввергаетъ въ близкую опасность и церковь Господню, и отечественное управленіе, а потому умолялъ государя уничтожить это зловредное ученіе въ самомъ его началѣ. Но при всемъ томъ Писареву не было извѣстно, этимъ ли донесеніемъ руководствовался гр. Строгановъ“ [1]).

Какъ мы видѣли изъ предписанія Шишкова, было прекращено чтеніе философіи профессоромъ Давыдовымъ, но ничего не упоминалось о закрытіи самой каѳедры. Въ дѣйствительности же тогда послѣдовало полное прекращеніе преподаванія этого предмета, и лишь черезъ десять лѣтъ, съ введеніемъ новаго устава,

---

[1]) „Русская Старина“, сентябрь 1892 г.

московскому университету явилась возможность возобновить запустѣвшую съ 1821 г. каѳедру философіи.

О томъ интересѣ, который возбудила въ обществѣ лекція Давыдова, можно судить по той быстротѣ, съ которой разошлись въ продажѣ ея печатные экземпляры. Одновременно съ закрытіемъ преподаванія, Шишковъ предписалъ остановить выпускъ въ обращеніе печатныхъ экземпляровъ вступительной лекціи Давыдова [1]). Приказаніе министра не могло, однако, быть исполнено, такъ какъ коммиссіонеръ университета Ширяевъ донесъ, что все изданіе, за исключеніемъ десяти экземпляровъ, распродано.

Вскорѣ послѣ описаннаго событія, окончивъ осмотръ университета и Благороднаго пансіона, гр. Строгановъ уѣхалъ въ Петербургъ. Писаревъ донесъ министру, что графъ всѣ заведенія „нашелъ въ полномъ порядкѣ".

Но попечитель сильно ошибся въ этомъ, въ чемъ и долженъ былъ убѣдиться, получивъ изъ Петербурга, немного времени спустя, секретное сообщеніе.

21-го іюля (№ 880) Шишковъ писалъ ему, что изъ представленнаго государю гр. Строгановымъ донесенія объ осмотрѣ московскаго университета и Благороднаго пансіона видно, „что на нравственность студентовъ, живущихъ внѣ университета, не обращается должнаго вниманія, и что мало есть пороковъ, въ которыхъ бы не обвиняло ихъ общее мнѣніе. Отыскивая причины таковаго упущенія въ университетскомъ управленіи, Строгановъ въ особенности приписываетъ оное прежнему порядку вещей и неспособности нынѣшняго ректора Антонскаго".

Особенно рѣзкій отзывъ далъ ревизоръ о Благородномъ пансіонѣ. Изъ того же донесенія,—писалъ далѣе Шишковъ,—видно, „что Благородный университетскій пансіонъ можно съ большей основательностью назвать школою разврата, нежели домомъ воспитанія; таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе о семъ заведеніи родителей и другихъ благомыслящихъ людей, которые искренно соболѣзнуютъ и сокрушаются о происходящихъ тамъ безпорядкахъ. Директоръ пансіона (Антонскій)—человѣкъ пустой и неспособный, удерживается на семъ мѣстѣ, какъ кажется, одними видами корысти и только по имени начальствуетъ пансіономъ. Инспекторъ пансіона Давыдовъ занимаетъ послѣ него главное мѣсто, и ему-то можно приписать большую часть безпорядковъ, замѣченныхъ въ семъ заведеніи, и дурной водворившійся въ немъ духъ. Судя вообще о мнѣніяхъ Давыдова, еслибы даже и пре-

[1]) Дѣла попечит. канцеляріи 1826 г., № 95.

подаванія его не были подозрительны, уже одни его педагогическія правила, совершенно противоположныя тѣмъ, которыя принимаются основаніемъ общественнаго воспитанія, долженствовали бы воспрепятствовать довѣренію ему образованія юношества".

Сообщая эти, доведенныя до Высочайшаго свѣдѣнія, замѣчанія Строганова, министръ просилъ попечителя, „оставивъ ихъ въ тайнѣ, употребить все возможное съ своей стороны стараніе о немедленномъ прекращеніи вышеизложенныхъ безпорядковъ и по перемѣнѣ чиновниковъ, допускающихъ и питающихъ оные сдѣлать ему немедленное представленіе". Въ заключеніе предписывалось „обратить преимущественное вниманіе на попеченіе о нравахъ воспитываемаго подъ вѣдѣніемъ московскаго университета юношества, усилить надзоръ надъ воспитанниками учебныхъ заведеній и имѣть строгое наблюденіе за направленіемъ преподаваній профессоровъ и учителей"... [1])

Полное донесеніе, представленное гр. Строгановымъ государю, неизвѣстно, и приходится довольствоваться вышеприведеннымъ сообщеніемъ Шишкова. Слѣдуетъ предположить, что осмотръ Строганова коснулся главнымъ образомъ нравственно-воспитательной стороны университета и пансіона, господствовавшаго въ нихъ духа и направленія преподаванія, и не распространялся на научную постановку дѣла.

Въ донесеніи особенный интересъ представляетъ отзывъ Строганова о Благородномъ пансіонѣ, пользовавшемся громкой извѣстностью образцоваго учебнаго заведенія, которому русское дворянство отдавало даже предпочтеніе передъ университетомъ.

Строгановъ нанесъ рѣшительный ударъ пансіону. Тогда же былъ перемѣненъ личный составъ начальства и преподавателей, а въ 1830 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о закрытіи пансіона, съ преобразованіемъ его въ гимназію. Основанный въ 1779 г. кураторами Херасковымъ и Мелиссино, пансіонъ возвысился главнымъ образомъ стараніями профессора Прокоповича-Антонскаго, стоявшаго во главѣ его съ 1791 г. и отличавшагося рѣдкими качествами педагога. Онъ съумѣлъ привлечь для преподаванія всѣ лучшія университетскія силы, всякій появлявшійся новый талантъ; надзиратели и воспитатели выбирались изъ молодыхъ магистровъ и кандидатовъ, людей, имѣвшихъ научное и литературное образованіе.

Преподаваніе наукъ въ пансіонѣ имѣло энциклопедическій характеръ, и спеціальность заключалась лишь въ литературномъ

[1]) Дѣла канцеляріи попечителя 1826 г., № 184.

образованіи, на которое обращалось особое вниманіе. Основанное Жуковскимъ и его товарищами, „Собраніе благородныхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона", въ которомъ начали свою дѣятельность многіе изъ извѣстныхъ литераторовъ, принадлежитъ исторіи русской словесности. Пансіонъ состоялъ подъ непосредственнымъ надзоромъ университетскаго совѣта, который въ публичныхъ объявленіяхъ обѣщалъ употребить всевозможные способы къ тому, чтобы „сіе заведеніе во всѣхъ частяхъ своихъ клонилось къ предполагаемой цѣли, т.-е. къ сохраненію здоровья воспитанниковъ, къ утвержденію ума ихъ и сердца въ святыхъ истинахъ Закона Божія и нравственности, къ обогащенію ихъ полезными познаніями и ко внушенію пламенной любви къ Государю и Отечеству". Для достиженія этой цѣли наблюдался „неусыпный присмотръ, благоразумное и осторожное обращеніе съ дѣтьми, опытность, дарованіе и прилежность въ учителяхъ".

Пансіонъ существенно отличался отъ другихъ современныхъ ему учебныхъ заведеній, какъ по обширности изучаемыхъ предметовъ, такъ и по методу преподаванія и воспитанія. Кромѣ наукъ гимназическаго курса, преподавалась нравственная философія, право естественное, уголовное и гражданское, россійское законовѣдѣніе, государственное хозяйство, военныя науки и др.

При такой обширной программѣ весьма важно было то, что каждому изъ воспитанниковъ дозволялось по собственному выбору сосредоточиваться на извѣстныхъ предметахъ. Въ пансіонѣ, обращая вниманіе на индивидуальныя особенности и склонности каждаго ученика, старались не стѣснять ихъ природныхъ наклонностей и развить обнаружившіяся въ каждомъ дарованія. Самъ Антонскій обладалъ рѣдкимъ, но необходимымъ для педагога даромъ отгадывать способности въ своихъ ученикахъ. Талантъ открывалъ онъ сразу, тотчасъ же давалъ ему ходъ и старался поддержать его на первыхъ порахъ. Въ самой школьной дисциплинѣ вводили болѣе облагороженные пріемы, и тѣлесное наказаніе уже въ это время было совершенно изгнано изъ стѣнъ Благороднаго пансіона. При этихъ условіяхъ развивался между воспитанниками духъ товарищества, который связывалъ на всю жизнь школьными воспоминаніями людей, получившихъ съ самой ранней юности одинаково хорошее направленіе. Въ пансіонѣ вырабатывался вкусъ къ умственнымъ занятіямъ, преобладали интересы къ искусству и литературѣ, чему служили собранія питомцевъ, гдѣ читались ими рѣчи, разсужденія, стихотворенія, велись ученыя пренія, домашній театръ и концерты.

На внутреннемъ быту пансіона лежала печать патріархаль-

ности, все было основано на взаимномъ довѣріи. Можно было замѣтить нѣкотораго рода философско-мистическое направленіе, что объяснялось принадлежностью многихъ пансіонскихъ дѣятелей къ Екатерининскому и Александровскому масонству. Рѣдкое учебное заведеніе имѣло столько преданій и освященныхъ временемъ обычаевъ, на которыхъ и основывалось его своеобразное и самобытное развитіе. Значеніе пансіона еще болѣе возросло, когда въ 1818 г. онъ получилъ права и преимущества, которыми пользовался тогда царскосельскій лицей. Право окончившихъ курсъ воспитанниковъ на Х-й и XII-й классъ сравняло пансіонъ съ университетомъ, хотя онъ и не вышелъ изъ подчиненія совѣту, несмотря на образованіе своего особаго правленія. По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, въ 20-хъ годахъ пансіонъ сталъ приходить въ упадокъ; преклонный возрастъ директора и его чрезмѣрная доброта привели къ ослабленію дисциплины, а главнымъ распорядителемъ сталъ инспекторъ пансіона Давыдовъ. Послѣдняго обвиняли въ корыстолюбивой, несправедливой раздачѣ аттестатовъ, съ которыми, послѣ полученныхъ въ 1818 г. преимуществъ, соединялось тогда производство въ классные чины.

Въ дневникѣ дѣда моего, профессора П. С. Щепкина, товарища Давыдова и преподававшаго въ пансіонѣ, я встрѣтилъ подтвержденіе подобнымъ свѣдѣніямъ.

„Безпорядки по ученой части въ пансіонѣ,—писалъ онъ 2 апр. 1821 г.,—отвратили меня рѣшительно отъ тамошняго правленія, которое—въ рукахъ Давыдова, корыстолюбиваго, самолюбиваго и честолюбиваго до высочайшей степени. Его лукавство распространяется на всѣхъ безъ исключенія. Мое и Перевощиково [1]) обращеніе съ нимъ какъ съ равнымъ совершенно, кажется, бѣситъ его, ибо всѣ наши профессора, по разнымъ отношеніямъ связанные съ пансіономъ и даже всѣ безъ состоянія стѣсненные по жизни въ университетѣ трактуютъ его какъ кумиръ свой“...

Если и были справедливы обвиненія гр. Строгановымъ начальства пансіона въ корыстолюбіи и допущенныхъ различныхъ непорядкахъ, то остаются совершенно неясными другія обвиненія ревизора. Изъ сообщенія Шишкова, къ сожалѣнію, совсѣмъ невидно, въ чемъ заключался водворившійся въ пансіонѣ, благодаря Давыдову, „дурной духъ“ и что было подозрительнаго въ его преподаваніи, а главное въ „его педагогическихъ правилахъ...“

---

[1]) Профессоръ астрономіи, Д. М. Перевощиковъ.

Эти обвиненія представляются тѣмъ болѣе странными, что въ пансіонѣ очень усердно внушались воспитанникамъ чувства религіозныя и преданность престолу и отечеству, о чемъ такъ сильно заботилось тогда правительство.

Но причину недовольства пансіономъ слѣдуетъ искать въ полной противоположности всего его внутренняго строя военнымъ порядкамъ и необходимому единообразію, которое стремились тогда ввести во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Понятно, что ревизора не могли не поразить патріархальный строй и своеобразная учебно-воспитательная система пансіона. Необходимостью единообразія въ устройствѣ учебной системы было объяснено въ указѣ правительствующему сенату и закрытіе Благороднаго пансіона съ преобразованіемъ его, въ 1830 г., въ гимназію. Было признано, что существованіе пансіона съ дарованными ему преимуществами „несовмѣстно съ новымъ порядкомъ вещей и причиняетъ вредъ основательному ученію благороднаго юношества въ университетѣ“.

Что касается главнаго виновника водворившагося въ пансіонѣ „дурного духа“ — Давыдова, то дѣло о немъ приняло серьезный оборотъ. Повидимому, Строгановъ дѣйствительно считалъ его человѣкомъ вреднымъ и опаснымъ и довелъ о его дѣятельности до свѣдѣнія самого государя. Подобное мнѣніе о Давыдовѣ не было исключеніемъ. Приблизительно въ то же время на него доносили изъ Москвы въ III-е отдѣленіе, что онъ „заклятый якобинецъ“, а митрополитъ Филаретъ негодовалъ за вводимое имъ новое ученіе Шеллинга. Послѣднее и должно было быть главной причиной обвиненій Давыдова. Къ началу 20-хъ г. относилось его знакомство съ нѣмецкой философіей; онъ увлекается ученіемъ Шеллинга [1]) и заноситъ его, вмѣстѣ съ М. Г. Павловымъ, въ университетъ и Благородный пансіонъ. Какъ мы видѣли, каѳедра философіи въ университетѣ была закрыта и разсадникомъ шеллингіанства становится Благородный пансіонъ. Тамъ Давыдовъ пробудилъ и развилъ стремленіе къ философіи Шеллинга; онъ давалъ воспитанникамъ книги, толковалъ съ ними о новой системѣ и имѣлъ сильное вліяніе на все молодое поколѣніе, прошедшее черезъ его руки. Еще въ 1823 г. Магницкій объявилъ Давыдова „врагомъ Божіимъ“ за составленныя имъ для Благороднаго пансіона

[1]) 26 марта 1882 г. проф. П. Щепкинъ заноситъ въ свой дневникъ: „Обѣдалъ у И. Давыдова; онъ удивилъ меня превращеніемъ своихъ сужденій. Любивши всегда французскую философію, теперь пренебрегаетъ ее и все просвѣщеніе находитъ въ Германіи. Шеллингъ—все!“

„Начальныя основанія логики“, пропитанныя „богопротивнымъ ученіемъ Шеллинга“. Это ученіе по всей вѣроятности питало водворившійся въ пансіонѣ „дурной духъ“, который нашелъ въ немъ Строгановъ.

Вскорѣ послѣ своего секретнаго сообщенія о найденныхъ Строгановымъ безпорядкахъ, Шишковъ (9 іюля, № 982) отнесся снова къ московскому попечителю.

„Я покорнѣйше прошу въ самомъ непродолжительномъ времени,—писалъ онъ,—меня увѣдомить:

„1) Достаточно ли извѣстны вашему превосходительству образъ мыслей и правила сего профессора (И. И. Давыдова), а также нравственное его поведеніе?

„2) Можетъ ли вслѣдствіе сихъ свѣдѣній не только съ совершенною безопасностью, но и съ значительной пользой, быть предоставлено ему образованіе и надзоръ благороднаго юношества въ университетскомъ пансіонѣ?

„По дошедшимъ до Государя Императора свѣдѣніямъ я долженъ имѣть отъ вашего превосходительства или достаточное о профессорѣ Давыдовѣ поручительство, или предположеніе о замѣнѣ его по надзору пансіона другимъ благонадежнѣйшимъ чиновникомъ“.

Писаревъ, конечно, не рѣшился дать поручительство, и Давыдовъ Высочайшимъ повелѣніемъ былъ уволенъ отъ должности инспектора, съ назначеніемъ на его мѣсто профессора М. Г. Павлова. Нельзя не отмѣтить своеобразности этого назначенія, павшаго на самаго талантливаго въ университетѣ истолкователя ученія Шеллинга, самаго популярнаго среди студентовъ профессора, отличавшагося независимостью мнѣній и своего образа дѣйствій. Давыдовъ остался безъ инспекторства и безъ каѳедры; на слѣдующій академическій годъ ему предоставили преподаваніе чистой математики, науки не столь опасной, какъ философія. Опала Давыдова можетъ представиться какъ бы ошибкой или недоразумѣніемъ со стороны начальства. Онъ никогда не отличался независимостью, всегда заискивалъ передъ начальствомъ и подчинялся ему. При слѣдующей ревизіи университета, въ 1832 г., Уваровъ далъ о немъ наилучшій отзывъ и не имѣлъ никакого повода сомнѣваться „въ его готовности быть, при хорошемъ направленіи, хорошимъ во всѣхъ случаяхъ орудіемъ правительства“.

Неудовольствіе государя на распущенность университета, ревизія гр. Строганова, происшествіе съ Давыдовымъ,—все это не могло не опечалить Писарева. Въ Москвѣ даже разнесся слухъ, что открытые ревизіей безпорядки повлекутъ за собой его уда-

леніе. Между тѣмъ приближалось время коронаціи, прибытіе въ Москву высшаго начальства, двора и государя. Представлялось необходимымъ спѣшить съ приведеніемъ въ возможный порядокъ университета, исправить указанныя начальствомъ его слабыя стороны, обратить усиленное вниманіе на нравственность студентовъ и хотя бы временно подтянуть ихъ, чтобы не дать замѣтить ихъ распущенность въ присутствіи двора; къ тому же Писареву хотѣлось блеснуть порядкомъ и чистотой, тѣмъ болѣе, что ожидалось непремѣнное посѣщеніе государемъ университета. Онъ усугубилъ свое рвеніе; въ совѣтъ и правленіе стали въ изобиліи поступать его распоряженія, среди которыхъ не мало было курьезовъ и нелѣпостей. Въ это время попечитель вполнѣ уподобилъ себя университетскому экзекутору: — наводя порядокъ и чистоту, онъ не упускалъ изъ виду никакихъ мелочей. Имѣется цѣлый рядъ предписаній, часто писанныхъ собственной попечительской рукой, о швейцарахъ, дворникахъ, посыпкѣ пескомъ лѣстницъ, зажиганіи и тушеніи фонарей, запираніи и отворяніи воротъ, форточкахъ, сквозномъ вѣтрѣ и т. п.

11 іюля онъ писалъ ректору: „Какъ въ университетѣ, такъ и въ пансіонѣ и гимназіи, прикажите кому слѣдуетъ развѣсить по стѣнамъ въ каждой приличной комнатѣ по образу значительной величины и доброты художественной. Особенно въ университетѣ въ 2 аудиторіяхъ и въ нѣкоторыхъ спальняхъ“.

Не была забыта и наука съ особой, характерной для того времени стороны. И она должна была принять иной, праздничный видъ и засвидѣтельствовать начальству свою благонамѣренность и служеніе видамъ правительства.

По случаю ожиданія въ Москву министра народнаго просвѣщенія, попечитель вошелъ въ совѣтъ со слѣдующимъ предложеніемъ „по ученой и учебной части“:

„Желательно, чтобы на публичныхъ экзаменахъ избираемы были изъ лекцій такіе предметы, которые бы отчасти закорыстовали и самихъ посѣтителей, относясь то къ случаямъ какимъ-либо настоящимъ, то избраніемъ важнѣйшихъ эпохъ происшествій, лицъ или мѣстностей, а наиболѣе относительно къ православной нашей вѣрѣ и отечеству“ [1]). Попечитель для поясненія своего желанія предлагаетъ примѣрные вопросы, которые слѣдуетъ задавать на экзаменахъ. Для характеристики приводимъ изъ нихъ нѣсколько наиболѣе интересныхъ:

---

[1]) Дѣла канцеляріи попечительства 1826 г., № 232.

„Политическая экономія:—изысканіе богатства въ собственныхъ произведеніяхъ.

„Статистика:—Таврида, Крымъ.

„Греческая словесность:—примѣры изъ Іоанна Златоуста и Василія Великаго, гдѣ они говорятъ о пользѣ чтенія священнаго писанія.

„Правила латинскаго языка и логики:—переводы изъ св. Августина. Замѣчанія на нѣкоторыя славянскія слова въ логическомъ смыслѣ, употребленныя преподобнымъ Ниломъ въ его поучительныхъ словахъ.

„Физика:—наблюденія надъ атмосферою московскою".

Въ такомъ духѣ были составлены образцы для всѣхъ наукъ, преподававшихся въ университетѣ. Здѣсь же Писаревъ предупреждаетъ противъ пространныхъ и самохвальныхъ рѣчей, предписывая, въ случаѣ необходимости, говорить краткія и „не оскорбляющія скромности". „Стиховъ обыкновенныхъ не нужно, но превосходныхъ. Поднесеніе трудовъ своихъ похвально". Въ заключеніе предложенія онъ заявлялъ, что во всѣхъ жалобахъ, просьбахъ, донесеніяхъ охотно берется быть искреннимъ посредникомъ и ревностнымъ защитникомъ. „Слава университета и благосостояніе членовъ для меня священны".

Съ наибольшимъ трудомъ давалась попечителю обязательная форма, которую онъ дополнилъ погонами на мундирахъ казенныхъ студентовъ, что вызвало съ ихъ стороны большое неудовольствіе. Что же касается нравственности и поведенія студентовъ, на которыя министръ не разъ предлагалъ обратить особое вниманіе, то здѣсь попечитель былъ совершенно безсиленъ со всѣми своими приказаніями по этой части. Не помогло усиленіе личнаго состава инспекціи, ни частые выговоры и замѣчанія, которымъ подвергался инспекторъ за слабое смотрѣніе за студентами. Не обращая никакого вниманія на касавшіяся ихъ распоряженія, не трогаясь приближавшимся пріѣздомъ начальства, студенты кутили, не носили формы и шалили по прежнему.

Въ засѣданіи совѣта, 30 іюня, слушано было сообщеніе попечителя, что лишь за послѣдніе дни „замѣчено было его императорскимъ высочествомъ Михаиломъ Павловичемъ, что многіе студенты не по формѣ данной имъ ходятъ по улицамъ, относился къ нему, г. попечителю, комендантъ о дракѣ своекоштнаго студента съ офицеромъ, относился къ нему оберъ-полицiймейстеръ о шалостяхъ студента кн. Трубецкого, Афанасьева и Рѣдкина, жаловалась письмомъ г-жа Татищева, дошло до его свѣдѣнія о дракѣ студентовъ въ аудиторіи, а также, что своекоштные студенты

дрались при лекціи богословія хлыстами; дошло до свѣдѣнія его о неприличныхъ поступкахъ въ ночное время казенныхъ студентовъ братьевъ Барсовыхъ, Павла Попова и Николая Чашникова; 28 іюня студенты Жуковъ, Сахаровъ и Рыбаковъ „нагло прибили самихъ сторожей, удерживавшихъ ихъ въ буйныхъ поступкахъ". Попечитель просилъ коменданта и оберъ-полиціймейстера всѣхъ студентовъ, не по формѣ одѣтыхъ, брать на гауптвахты и съѣзжіе дома, устранилъ отъ должности инспектора профессора Денисова „не по добровольному его желанію, а за неисправность его", и предложилъ совѣту вернуть Денисову поданное имъ прошеніе объ отставкѣ.

Желая предупредить возможность неожиданнаго пріѣзда въ университетъ кого-нибудь изъ начальства или царской фамиліи, Писаревъ предписалъ учредить постоянное очередное дежурство профессоровъ и магистровъ. Дежурство должно было продолжаться ежедневно въ теченіе всего пребыванія государя въ Москвѣ. Эта невиданная до того времени мѣра не могла понравиться профессорамъ. Не обошлось и безъ столкновеній. Одинъ изъ старѣйшихъ профессоровъ, хирургъ Гильдебрантъ, отказался отъ дежурства, изъяснивъ въ поданномъ въ правленіе рапортѣ, что оному мѣшаютъ: „1) другія важныя дѣла по службѣ; 2) общественныя обязанности, состоящія въ поданіи помощи несчастнымъ; 3) слабость груди и кашель, полученныя въ продолженіе долговременнаго профессорскаго званія, и, наконецъ, 4) совершенное незнаніе, неопытность и неспособность къ дѣламъ, кои не относятся къ наукамъ" [1]).

Въ поступкѣ профессора Гильдебранта попечитель усмотрѣлъ своевольство и опасный примѣръ для менѣе опытныхъ молодыхъ чиновниковъ университета. Правленіе получило выговоръ и приказаніе: „впредь таковыхъ мнѣній, нарушающихъ порядокъ подчиненности, не принимать, а того менѣе давать имъ яко бы законный ходъ". Правленію поручалось вразумить Гильдебранта, „что первая его обязанность есть безпрекословное отправленіе службы того казеннаго мѣста, гдѣ онъ находится и отъ котораго получаетъ жалованье, и не исключать себя самопроизвольно изъ очередныхъ назначеній начальства къ должностямъ временнымъ и случайнымъ; вторая его обязанность есть согласоваться съ многолѣтней опытностью, которая не одобрила бы поданнаго имъ мнѣнія вопреки необходимымъ на тотъ разъ распоряженіямъ

---

[1]) Канцелярія попечителя 1826 г., № 163: Дѣло „объ учрежденіи дежурствъ изъ профессоровъ и поступкѣ профессора Гильдебранта".

начальства, разумѣя временное дежурство по университету въ присутствіи самого Государя Императора, царской фамиліи и г. министра просвѣщенія,—мнѣнія, къ которому бы могли пристать не столь опытные и заслуженные, каковъ Гильдебрантъ, чиновники". На этомъ Писаревъ не успокоился: онъ доноситъ о „таковомъ дерзкомъ поступкѣ Гильдебранта" министру и, объяснивъ поведеніе профессора единственнымъ желаніемъ „вопреки идти распорядку начальства", проситъ Шишкова „оказать Гильдебранту свое высоконачальническое негодованіе". Изъ дѣла, впрочемъ, не видно, удовлетворилъ ли министръ просьбу попечителя, такъ ревностно укрощавшаго неповиновеніе подчиненныхъ.

Въ іюлѣ прибылъ, наконецъ, въ Москву Шишковъ съ директоромъ своей канцеляріи, кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ. Университетъ и Благородный пансіонъ подвергаются ихъ тщательному осмотру со стороны внутренняго устройства зданій, наружнаго порядка между воспитанниками университета и пансіона, а главное—спасительнаго единообразія. Замѣчанія свои Шишковъ изложилъ въ предложеніи московскому попечителю отъ 31 іюля [1]).

Отдавъ справедливость стараніямъ Писарева, онъ признаетъ, что много уже сдѣлано къ отклоненію найденныхъ безпорядковъ, но что много еще остается сдѣлать, „чтобы заведенія сіи достигли того цвѣтущаго состоянія, въ которомъ бы могли они вполнѣ соотвѣтствовать своей цѣли". Неопрятность зданій обратила на себя вниманіе министра, который предложилъ неупустительно слѣдить за чистотой, чтобы въ помѣщеніяхъ не представлялось „безобразнаго накопленія грязи". Къ своему крайнему сожалѣнію, онъ не нашелъ единообразія во всемъ, что касается одежды воспитанниковъ, ихъ бѣлья, кроватей и „домашнихъ приборовъ". Отсутствіе его особенно поразило Шишкова въ пансіонѣ, гдѣ безпорядокъ доходилъ „до такой степени, что одного воспитанника видѣлъ онъ въ коричневыхъ панталонахъ". Онъ высказалъ тотъ взглядъ, что присвоенное воспитанникамъ пансіона платье изъ синихъ фраковъ, которые не различаются отъ „одежды частныхъ людей, не соотвѣтствуетъ правиламъ общественнаго воспитанія, имѣющаго цѣлью образованіе дѣтей на службу государственную". Такъ какъ здѣсь все должно приготовлять ихъ къ будущему назначенію, то министръ приказалъ ввести мундиры по образцу студенческихъ. Подобнаго рода были и остальныя распоряженія Шишкова.

---

[1]) Канцелярія попеч. 1826 г., № 177.

Вскорѣ пріѣхалъ въ Москву государь. Онъ былъ уже предубѣжденъ противъ университета, относясь съ подозрѣніемъ къ его направленію. Въ то время строго слѣдили за университетомъ, и даже о шалостяхъ гимназистовъ при купаньѣ на Москвѣрѣкѣ было доведено до Высочайшаго свѣдѣнія. Къ тому же ни министръ, ни московскій попечитель, не пользовались довѣріемъ государя. Его нерасположеніе послѣ неблагопріятныхъ донесеній гр. Строганова еще болѣе усилила надѣлавшая много шуму исторія со студентомъ Полежаевымъ. Государю была кѣмъ-то доставлена его поэма „Сашка", описывавшая разгулъ и кутежи студентовъ. Онъ потребовалъ къ себѣ автора, котораго привезъ во дворецъ министръ. Полежаевъ долженъ былъ читать поэму. „Я вамъ дамъ образчикъ университетскаго воспитанія",—сказалъ государь, обращаясь къ министру. „Я положу предѣлъ этому разврату,—сказалъ государь по окончаніи чтенія,—это все еще слѣды, послѣдніе остатки; я ихъ искореню" [1]). Полежаева отдали въ солдаты. Неудовольствіе государя на университетъ выразилось и въ томъ, что онъ не утвердилъ доклада Шишкова о награжденіи по случаю коронаціи нѣкоторыхъ чиновниковъ московскаго учебнаго округа, въ томъ числѣ и Писарева, которому назначалась владимірская звѣзда.

26 августа совершилась коронація, въ церемоніи которой университетъ участвовалъ почти въ полномъ составѣ. Послѣ коронаціи государь началъ осматривать различныя московскія учрежденія; ожидали и посѣщенія университета. Между тѣмъ послѣ каникулъ возобновились учебныя занятія; попечитель дѣятельно распоряжался, назначалъ новыя дежурства профессоровъ, усиливалъ надзоръ инспекціи. Профессорамъ было приказано являться на лекціи въ парадной формѣ, студентамъ въ мундирахъ, „неприлично же одѣтыхъ рѣшительно не впускать въ аудиторіи на лекціи". Но профессора уклонялись отъ дежурствъ, и кончилось тѣмъ, что самъ попечитель сталъ ежедневно являться на дежурство и просиживать въ университетѣ до вечера. Сидѣніе его, однако, было очень продолжительно. Только 27 сентября, почти наканунѣ своего отъѣзда изъ Москвы, государь пріѣхалъ въ университетъ. Писаревъ досидѣлся и, какъ бы случайно находясь тамъ, встрѣтилъ государя, который удивился встрѣчѣ и спросилъ: „Вы меня ждали"?

„Нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ Писаревъ,—я нахожусь здѣсь по дѣламъ службы".

---

[1]) Со словъ самого Полежаева разсказано Герценомъ въ „Былое и Думы".

Государь осматривалъ университетъ, столовую студентовъ и ихъ помѣщенія. При обходѣ они нашли въ одной изъ аудиторій спящаго сторожа. „Вотъ вѣрное доказательство того, что мы васъ не ждали", доложилъ государю попечитель. Подробно осматривалъ государь студенческія комнаты, которыя не отличались чистотой и опрятностью; къ счастью Писарева, онъ отдернулъ одѣяло именно съ той кровати, на которой лежалъ приличный тюфякъ съ чистой простыней. Замѣтивъ чиновника, находившагося около попечителя, и узнавъ, что это инспекторъ казенныхъ студентовъ, Тихановичъ,—государь сказалъ: „Такъ послать его въ Петербургъ для изученія устройства въ тамошнихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ", и уѣхалъ изъ университета. „Со скромностью любопытнаго посѣтителя,—гласитъ исторія университета объ этомъ посѣщеніи,—и тонкаго, прозорливаго любителя истиннаго просвѣщенія бесѣдовалъ государь съ мѣстными чиновниками о положеніи всѣхъ заведеній, находящихся при университетѣ; съ благодушіемъ неизъяснимымъ изрекъ онъ въ кругу ихъ мудрое желаніе видѣть въ воспитанникахъ московскаго университета прямо Русскихъ".

Тогда же государь посѣтилъ Благородный пансіонъ, эту „скорѣе школу разврата, чѣмъ домъ воспитанія", какъ доносилъ о немъ гр. Строгановъ. Директоръ-старикъ Антонскій уже былъ уволенъ тогда отъ должности, и государя встрѣтилъ назначенный на его мѣсто Курбатовъ, начальникъ университетской типографіи. Государь засталъ все врасплохъ, дѣлалъ наставленія Курбатову, ласкалъ дѣтей и говорилъ имъ рѣчь, что онъ надѣется, что они выростутъ для утѣшенія родителей своихъ и для пользы отечества, что примѣръ мерзавцевъ 14-го декабря будетъ имъ полезенъ... Все было осмотрѣно и многое перемѣнено государемъ. Въ залѣ читалъ онъ имена отличившихся учениковъ, написанныхъ золотыми буквами на доскѣ. Прочтя имя Жуковскаго, спросилъ, тотъ ли это, который при наслѣдникѣ, и потомъ началъ его хвалить и ставить въ примѣръ. Продолжая чтеніе, попалъ государь на имя Якубовича [1]. „Этотъ и хорошо учился,—прибавилъ государь,—но дурно употребилъ знаніе свое". „Сколь былъ государь строгъ сначала, столь милостиво онъ со всѣми разстался" [2].

Сушковъ въ своей книгѣ о пансіонѣ сообщаетъ, что присутствовалъ при этомъ посѣщеніи и Антонскій. Государь былъ

---

[1]) Декабристъ.

[2]) Письма Булгакова, Русск. Арх. 1901 г., № 7.

недоволенъ наружнымъ порядкомъ пансіона и пестротой одежды воспитанниковъ; старикъ заплакалъ, но государь успокоилъ его ласковымъ словомъ. Инспектора пансіона, профессора Павлова, было приказано отправить въ Петербургъ для осмотра военныхъ учебныхъ заведеній „на тотъ конецъ, чтобы ввести ихъ устройство въ пансіонѣ". Павлова и Тихановича снабдило правленіе особой инструкціей, которую съ своей стороны дополнилъ попечитель, поручивъ обратить вниманіе на форму мундира, треуголки, пуговицъ и фуражекъ, на размѣръ петлицъ и галуновъ, „краску и форму столовъ, стульевъ и кроватей". Казалось, что они должны были вывезти изъ Петербурга средство, необходимое для поднятія университета на должную высоту.

Вышеизложенные факты изъ жизни московскаго университета характеризуютъ совершавшійся тогда поворотъ къ новому режиму. Мы видѣли, что правительство старалось искоренять и предупреждать единообразіемъ дурной духъ, своевольство и другія вредныя начала.

Въ дѣйствительности опасенія были напрасны, такъ какъ ихъ не могъ представлять университетъ, доходившій въ своемъ умственномъ застоѣ и апатіи до крайнихъ предѣловъ. Подтверждалъ это и Уваровъ въ своемъ отчетѣ о произведенной въ 1832 г. ревизіи университета, которая была вызвана сильнымъ неудовольствіемъ правительства на „буйное расположеніе" умовъ въ нѣкоторой части молодежи. Свое полное удовольствіе благонамѣреннымъ направленіемъ московскаго студенчества онъ свидѣтельствовалъ въ письмѣ къ Бенкендорфу. „Пока,—писалъ онъ 14-го октября,—я могу съ удовольствіемъ увѣрить васъ, что самое полное спокойствіе не перестаетъ господствовать среди университетской молодежи, и что я могу лишь похвалить тѣ чувства, въ которыхъ я оставляю ее при своемъ отъѣздѣ". „Хорошій духъ и добрыя начала" нашелъ онъ въ самихъ членахъ университета.

Знакомясь съ жизнью университета того времени и касавшихся его распоряженій правительства, нельзя не обратить вниманія на полное отсутствіе заботъ относительно научнаго преподаванія и поддержанія его на должной высотѣ. Начальство не интересуется этой главной стороной университета, находившейся въ полномъ разстройствѣ при негодномъ составѣ профессоровъ, частью слишкомъ престарѣлыхъ, частью бездарныхъ. Гр. Строгановъ отыскиваетъ въ университетѣ „неприличный образъ мы-

слей“ и находитъ „дурной духъ“; Шишковъ поражается коричневыми панталонами гимназиста и синими пансіонскими фраками, „не соотвѣтствующими правиламъ общественнаго воспитанія“; попечитель занятъ измѣреніемъ длины галуновъ, формой мундирныхъ пуговицъ, окраской постельныхъ принадлежностей для студентовъ;—всѣ они говорятъ о воспитаніи, образованіи юношества, но никто не думаетъ о наукѣ.

Подтвержденіемъ этого служитъ тогдашнее дѣлопроизводство, въ которомъ не найдется слѣдовъ мѣропріятій, клонящихся къ поднятію научнаго преподаванія.

Намъ пришлось подробно говорить о дѣятельности тогдашняго московскаго попечителя; она является выраженіемъ господствовавшаго въ министерствѣ направленія и кладетъ свою печать на жизнь московскаго университета. Но для полноты очерка мы считаемъ необходимымъ познакомить съ документомъ, касающимся именно университетской науки, о которой имѣется такъ мало свѣдѣній.

„Новый проектъ университетскаго устава“, сочиненный московскимъ попечителемъ, можетъ познакомить съ тѣмъ направленіемъ, которое должны, по его мнѣнію, принять правильно насажденныя въ университетѣ науки. Мысль о необходимости „основывать науки на вѣрѣ и нравственности“, преподавая лишь тѣ изъ нихъ, которыя „полезны для службы государственной“, и страхъ передъ теоретической частью всякой науки—лежатъ въ основѣ устава. Уставъ явился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія Писарева въ должность, и въ апрѣлѣ 1826 г. былъ уже отправленъ министру. „Вникая во всѣ отрасли управленія по университету московскому,—писалъ онъ въ препроводительной бумагѣ,—я осмѣлился начертать новый проектъ университетскаго устава, сообразивъ какъ опытную часть на самомъ себѣ, такъ ѳеоретическую по другимъ уставамъ“. Писаревъ „дерзалъ повергнуть на судъ его высокопревосходительства сей опытъ своего усердія къ службѣ и подчиненности“. Побудительной причиной, заставившей автора сочинить уставъ, было требованіе мнѣній отъ университетовъ, „члены которыхъ, корыстуясь обычнымъ самоправленіемъ, не откровенно сознаются въ многоразличныхъ своихъ занятіяхъ, отвлекающихъ ихъ отъ единственной ихъ цѣли“.

Первая часть проекта содержитъ хозяйство и полицію, которымъ авторъ придавалъ главное значеніе; она лишена оригинальности и имѣетъ въ основѣ преимущества единоличнаго управленія передъ коллегіальнымъ. Плохая организація „бдительной

полиціи" ведетъ къ различнымъ неустройствамъ учебнаго заведенія. „Неправы тѣ, которые видятъ начало порчи отъ наставниковъ или учащихся: ищите оное въ беззаботной полиціи того учрежденія, и прежде мстительнаго пораженія учащихъ и учащихся не справедливѣе ли всею тяжестью обрушиться на спящую полицію и повѣтріе умовъ тѣмъ прекратить".

Подробнѣе слѣдуетъ разсмотрѣть вторую часть, „содержащую науки и воспитаніе". Она начинается введеніемъ о системѣ наукъ и томъ основаніи, которое должно положить при ихъ изученіи.

„Отъ Бэкона до проф. Ульрихса распредѣляли науки, то въ видѣ древа, то рѣкою съ источниками. И всѣ таковыя узорчатыя системы, изображая умозрительную постепенность познаній человѣческихъ, не вывели до сихъ поръ никакихъ основательныхъ результатовъ!.. Потому что время и опытъ разрушаютъ всѣ умственныя предположенія. Соображаясь съ необходимостью и повѣря все на дѣлѣ, можно только положить основаніе сему храму наукъ, котораго сооруженіе отнюдь не должно обращаться въ пользу космополитическую (какъ многіе ученые утверждаютъ), но, извлекая все только полезное изъ обширной полиматики, обращать въ пользу отечественную и такъ сказать мѣстную; вотъ съ которой точки зрѣнія я буду смотрѣть на науки и выводить изъ нихъ пользу".

Указываетъ Писаревъ и на вопросъ о необходимости единообразія учебной системы, для разработки котораго государь повелѣлъ тогда составить комитетъ. „Неединообразіе, — по его словамъ,—порождаетъ разномысліе, причиняетъ много препонъ въ направленіи службъ государственныхъ и исподволь ведетъ къ своевольству".

Понимая просвѣщеніе какъ „твердое познаніе своихъ обязанностей въ гражданскомъ сосуществованіи", авторъ возстаетъ противъ состоянія полу-ученаго, какъ самаго безполезнаго для государства. „Въ немъ облекается человѣкъ въ какую-то глупую самонадѣянность, упрямство и смѣшное ячество, и дѣлается ни къ чему годнымъ, ни къ служенію военному, ни къ гражданскому, и вреденъ на каѳедрѣ! Сей такъ сказать полиматическій пигмей не отъ чего другого порождается на свѣтъ, какъ отъ умственно расплодившихся наукъ, педантствомъ возлелѣянныхъ"! Слѣдуетъ преподавать лишь науки, отъ которыхъ государство имѣетъ пользу: „военнымъ людямъ —военныя науки, статскимъ—гражданскія, промышленникамъ—коммерческія науки". Сообразно съ этимъ опредѣляется достоинство педагога; онъ долженъ „изъ

всеобщей полиматики" преподавать только то, что полезно этимъ людямъ, отбросивъ все излишнее: „умственное, мистическое, непричастное ни къ чему". „Станетъ ли вѣка человѣческаго,— удивляется далѣе Писаревъ,—изъучиться всѣмъ отраслямъ наукъ, которыя вымышлены и раздроблены досужными энциклопедистами? Безъ вѣры и нравственности и самый филомаѳъ есть только гроза для здраваго разсудка, а посему опередимъ науки вѣрою и нравственностью, и начнемъ ученіе наше съ сихъ спасительныхъ словъ: начало премудрости—страхъ Господень!"

Установивъ эти основныя начала, авторъ приступаетъ къ опредѣленію содержанія и способа преподаванія каждой науки отдѣльно по всѣмъ факультетамъ.

Достаточно познакомиться съ нѣсколькими разсужденіями, чтобы имѣть представленіе объ общемъ направленіи всей предложенной программы. Профессоръ философіи „служитъ философіей своей какъ бы прикладной наукой къ прочимъ наукамъ; то-есть, примѣняетъ изученіе оныхъ къ нравственной цѣли". При преподаваніи исторіи умозрительной философіи ему вмѣняется въ обязанность опровергать „ложныя мнѣнія древнихъ софистовъ, бредни среднихъ вѣковъ схоластиковъ, безвѣріе лжефилософовъ XVIII столѣтія, поверхностное знаніе новѣйшихъ педагоговъ философіи, какъ, напримѣръ, Азанса, Окена и прочихъ".

Но наибольшую оригинальность въ пониманіи предмета мы находимъ въ толкованіи политической экономіи. Авторъ не видитъ въ ней ничего, кромѣ явнаго вреда, такъ какъ „сія нововведенная наука, самоуправная и безотчетная, открываетъ профессору пространнѣйшее поле нелѣпствовать, а учащимся—случай терять время. Съ тѣхъ поръ, какъ педагоги начали учить, какъ править государствами,—и государства поколебались; стали изыскивать богатства, и мы обнищали. Въ старину, подъ скромнымъ названіемъ „Землеописаніе", порядочно знали свое и чужія государства, ихъ силы и средства. Статистика все то повѣрила, сообразила и написала. Что же еще осталось дѣлать, а и того менѣе—учить наукѣ политической экономіи? Понимая подъ политической экономіей народное богатство, его пріобрѣтеніе, распредѣленіе и потребленіе, Писаревъ не считаетъ возможнымъ поручить преподаваніе педагогу, „который едва ли что-либо пріобрѣтаетъ, а и того менѣе потребляетъ и чаще всего ничѣмъ не распредѣляетъ". „Альгаротти, Галліани, Мирабо, Кондорсетъ—вотъ выходные листы многихъ софизмовъ въ этой наукѣ. Къ цѣнности этой науки приплетаютъ Якоби, и въ древнія времена писалъ объ оной Ксенофонтъ; но Ксенофонтъ, Варронъ, Колумелла на-

ставляли, какъ быть добрымъ гражданиномъ, да какъ пахать землю въ потѣ лица своего, а ни мало не учили тому, какъ растрачивать чужія деньги". Въ заключеніе Писаревъ полагалъ, что „химерическая" политическая экономія должна остаться безъ слушателей.

Проектъ сокращаетъ число предметовъ, составлявшихъ курсъ юридическаго факультета. Авторъ простодушно заявляетъ, что „трудно понять, чему учить" профессорамъ правъ естественныхъ, народныхъ, общихъ и частныхъ: „Естественное право—ни то первобытное состояніе человѣка, ни то патріархальныя времена! и чтобы выпутаться изъ такого чрезполоснаго владѣнія, то учители естественнаго права бросаются и въ метафизику, и въ пропедевтику, и въ философію"!.. Въ правахъ народныхъ столько же толку, сколько и въ народномъ правленіи. Права общія и частныя входятъ въ составъ общихъ узаконеній. Отдѣльно они столько же непонятны, сколько и прочія права, какъ бы много ни толковали объ jus in re и jus in personam". Уничтожается отдѣльное преподаваніе и римскаго права, которое предполагается раздѣлить между нѣсколькими профессорами другихъ юридическихъ и историческихъ предметовъ, въ томъ числѣ и римской словесности.

„Отъ Гроціуса до Рейнгардта,—заключаетъ авторъ,—сколько пролито чернилъ и едва ли не столько же крови, отыскивая всѣ сіи мнимыя права".

Въ наукахъ естественныхъ, физикѣ, химіи, астрономіи, по возможности изгоняется теоретическая часть, уступая мѣсто прикладной, которая „вразумляетъ болѣе учащихся и не даетъ времени по пустому умствовать, наипаче же въ космофизіологіи". Въ концѣ проекта въ двѣнадцати краткихъ положеніяхъ формулируются положенныя въ его основу начала:

„На вѣрѣ и нравственности да основывается наука.

„Отечественное предпочитать иностранному.

„Чинопочитаніе—первый шагъ къ порядку и устройству"...

Таковъ былъ проектъ устава московскаго попечителя. Онъ не заслуживалъ бы вниманія, еслибы заключалъ въ себѣ лишь воззрѣнія этого генерала. Но въ проектѣ нельзя не найти отраженія господствовавшихъ тогда въ правительствѣ и обществѣ понятій о назначеніи университетской науки, соотвѣтствія со взглядами Шишкова, что и придаетъ этому документу извѣстную цѣну. Слѣдуетъ отмѣтить, что одновременно съ нимъ появилась проникнутая тѣми же взглядами всеподданнѣйшая записка харьковскаго попечителя Перовскаго. Проектъ характеризуетъ поло-

женіе науки и возможность дальнѣйшаго ея развитія при подобномъ направленіи руководителей народнаго просвѣщенія.

Остается въ заключеніе коснуться вопроса о томъ, какъ отнесся московскій университетъ къ начинавшемуся тогда новому Николаевскому режиму. Поворотъ къ нему былъ достаточно ясенъ, и не было возможности освоиться съ нимъ постепенно, не замѣтивъ наступившей рѣзкой перемѣны. Новые порядки идутъ въ разрѣзъ со старыми обычаями и традиціями, и не находятъ сочувствія въ московскомъ университетѣ. Профессорская корпорація относится къ нимъ враждебно, и, не имѣя возможности открыто выразить свое неудовольствіе, становится въ положеніе глухой оппозиціи. Причину этого, впрочемъ, не слѣдуетъ искать въ сознательномъ отношеніи профессоровъ къ совершавшимся перемѣнамъ, въ убѣжденіи ихъ насчетъ вреда этихъ нововведеній и несоотвѣтствіи задачамъ университетскаго обученія. Отъ такой принципіальной точки зрѣнія большинство профессоровъ того времени, по своей отсталости, были далеки. Новые порядки затрогивали ихъ личныя выгоды и преимущества, стѣсняли господствовавшую ранѣе свободу и произвольное исполненіе служебныхъ обязанностей, и съ этой стороны вызывали недовольство и протестъ. Попечитель не встрѣчаетъ въ своей дѣятельности никакой поддержки со стороны совѣта и правленія; его предложенія подолгу остаются безъ всякаго исполненія или означаются лишь на бумагѣ. Инспектора и профессора, занимавшіе административныя должности, оставляютъ безъ движенія его приказанія. Борьба Писарева съ распущенностью студентовъ лишена всякаго содѣйствія университета и остается почти безплодною. Передъ открытіемъ лекцій осенью 1826 г., онъ издаетъ цѣлый рядъ распоряженій о надзорѣ за ихъ поведеніемъ и нравственностью, устанавливаетъ съ этой цѣлью дежурства профессоровъ, предписываетъ усилить инспекцію, снабжая всѣхъ особыми инструкціями. Но, явившись послѣ начала занятій въ университетъ, Писаревъ застаетъ все по старому,—полное отсутствіе дежурствъ и инспекціи, профессора, пропускающіе лекціи и не носящіе мундировъ, не говоря уже о студентахъ, „которыхъ находитъ безъ соблюденія формы въ одеждѣ и даже въ безобразномъ видѣ: въ шинеляхъ, нестриженныхъ и неумытыхъ". Попечитель повторяетъ приказанія и грозитъ жалобой министру на ослушаніе подчиненныхъ. Но не устрашаютъ профессоровъ ни постоянные строгіе выговоры, ни замѣчанія, ни увольненія отъ должности даже безъ прошенія, какъ это было съ инспекторомъ студентовъ Денисовымъ. Многое, безъ сомнѣнія, въ такомъ поведеніи про-

фессоровъ объясняется личностью самого попечителя. Его грубость, легкомысліе, пристрастіе и частыя самовластныя распоряженія по университету возбуждали особенное негодованіе профессоровъ. Вскорѣ же среди нихъ образовалась цѣлая партія, враждебная попечителю, которая, съ уходомъ Шишкова, употребила стараніе къ удаленію Писарева отъ должности [1]).

Новый режимъ прививался въ московскомъ университетѣ довольно туго; потребовалось не мало времени и смѣны почти всего состава профессоровъ для его укрѣпленія.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ встрѣчаются все тѣ же явленія, противъ которыхъ была начата борьба въ 1825-26 гг. Современники свидѣтельствуютъ о той же распущенности студентовъ, съ которой трудно было покончить отдѣльными распоряженіями, пока жили еще обычаи и нравы стараго патріархальнаго строя. Наука приходила постепенно все въ бо̀льшій упадокъ, что̀ краснорѣчиво подтверждалъ, въ 1832 г., Уваровъ. Во всемъ университетѣ онъ нашелъ лишь пять профессоровъ, Каченовскаго, Давыдова, Щепкина, Перевощикова и Болдырева, стоявшихъ на должной высотѣ образованія и вполнѣ способныхъ занимать каѳедры. Юридическій факультетъ онъ могъ лишь назвать обломкомъ факультета, „въ которомъ все смѣшано, гдѣ юридическія науки не имѣютъ ни одного надежнаго преподавателя, а всѣ политическія, вмѣстѣ съ римскимъ правомъ, предоставлены адъюнкту". Первое десятилѣтіе царствованія императора Николая I является въ жизни московскаго университета переходнымъ временемъ отъ патріархальнаго режима къ новому. Постепенно разлагаются старые нравы и обычаи Александровскаго времени, уступая мѣсто съ трудомъ прививавшимся военнымъ порядкамъ и дисциплинѣ; сходятъ съ каѳедръ почти всѣ представители отжившаго свой вѣкъ поколѣнія, и только уставъ 1835 года открываетъ собой новый блестящій періодъ московскаго университета сороковыхъ годовъ.

Д. М. Щепкинъ.

---

[1]) Къ этой партіи принадлежали профессора: Павловъ, Цвѣтаевъ, Сандуновъ, Мудровъ, Щепкинъ, Перевощиковъ, Двигубскій и др. См. „Письма П. С. Щепкина". „Русскій Архивъ" 1899 г., № 6.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Я про всѣ разсказалъ бы страданья свои,
Но мнѣ жалко: заплачутъ въ кустахъ соловьи,

Поблѣднѣютъ душистыя алыя розы,
И поникнутъ главой молодыя березы.

Я бъ повѣдалъ о томъ, сколько жгучихъ обидъ
Глубоко-глубоко мое сердце таитъ,

Но зачѣмъ—вѣдь поднимется вихорь летучій
Соберутся толпою свинцовыя тучи,

Хлынутъ слезы, горючія слезы съ небесъ,
Заволнуются желтыя нивы и лѣсъ.

Я излилъ бы свое безпредѣльное горе,
Только жалко встревожить заснувшее море;

Встрепенется оно, лишь услышавъ меня,
И на всемъ необъятномъ просторѣ, стеня,

Встанутъ грозныя волны одна за другою,
Словно мстить за меня собираясь толпою.

Разсказать ли о жизни печальной своей?—
Нѣтъ, боюсь я холодныхъ насмѣшекъ людей.

Ил. Гурвичъ.

СЕЛЬСКІЯ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

во

ФРАНЦІИ

Изъ поѣздки въ провинцію.

I.

Чудесный майскій день. Мѣрно раскачивается полотняный навѣсъ надъ нашей коляской. Кучеръ, молодой малый, въ пиджакѣ и котелкѣ, добродушно постегивалъ бичомъ свою буланую лошадь. Моя спутница, француженка, восхищается всходами полей, видами граціознаго пейзажа, который разстилается передъ нами. Она болѣе четверти вѣка содержитъ меблированныя комнаты на мѣстныхъ водахъ; но кромѣ рынка она никуда не ходитъ. Такъ какъ мы ѣхали съ нею осматривать сельскую школу и знакомиться съ деревенской учительницей, то я и начала издалека „интервьюировать" свою спутницу, разспрашивая о ея собственномъ обученіи грамотѣ, лѣтъ сорокъ тому назадъ.

— Bonnes gens! —это ея обычное словечко—такая прелестная погода, а вы задумали о прошломъ разговаривать: какъ учились въ мое время?! Развѣ когда вечеромъ, въ дождливый день, разскажу.

Ѣхать намъ было еще часа полтора, шагомъ, въ гору. Я опять начинаю просить разсказать о сельской школѣ въ ея дѣтствѣ. Вообще, мнѣ было очень пріятно слушать ее: она, какъ

большинство француженокъ, разсказываетъ всегда толково, ясно, очень характернымъ языкомъ.

— А вотъ, знаете, мои сыновья стыдятъ меня, — начала она:—„maman, maman, не говори: espresse, colidor, jeune d'oeuf". А надо, видите, произносить: jau-au-ne d'oeuf,—передразниваетъ она своихъ сыновей.—Вы хотите знать, какъ учились лѣтъ сорокъ тому назадъ? Плохо учились. Тогда, во Франціи, ученіе не было обязательнымъ и даровымъ, какъ это теперь. Тогда, въ нашей деревушкѣ—я вѣдь родомъ изъ деревни—une vraie auvergnate...

— Да меня именно и интересуетъ деревенская школа,—замѣтила я ей.

— Въ нашей деревушкѣ,—продолжала она, —школы не было. Просто былъ учитель; жилъ онъ бѣдно. Надо было спускаться къ нему въ нижній этажъ избы, какъ бы въ подполье. Одна комната. Окошки маленькія—понятно, какое же освѣщеніе въ sous-sol? Обучались дѣти тѣхъ родителей, которые могли платить за нихъ. Насъ было у отца трое дѣтей, и бѣдный отецъ платилъ девять франковъ въ мѣсяцъ и еще пятьдесятъ су за отопленіе да за книжки. Мы ему стоили около двѣнадцати франковъ въ мѣсяцъ (около 4 р. 50 к.). Вотъ оно какъ! Онъ—le pauvre papa!—говаривалъ: „Я даю моимъ дѣтямъ bon estomac—пускай ѣдятъ à leur faim—сколько войдетъ; но чтобы учились! Я не обученъ грамотѣ, и потому всю жизнь je n'ai pas vu clair. Они должны учиться—pour voir clair".

— А классная гдѣ была устроена?

— Классы!..—повторила моя спутница и разсмѣялась.

— Вы дослушайте. Мы, какъ я вамъ сказала, спускались въ настоящее taudis. Большая, подвальная, сырая, темная комната. По стѣнамъ висѣли тридцать-двѣ доски. Мы должны были ихъ заучивать. Когда выучишь эти тридцать-двѣ доски—образованіе твое кончено. Учитель нашъ—учительницы не было—больше вязалъ и крючкомъ, и спицами. Заставлялъ и насъ вязать. Я до сихъ поръ умѣю разные points. Старшія ученицы учили маленькихъ тому, что сами прошли на доскахъ.

— Что же было написано на этихъ тридцати-двухъ доскахъ?

— Все, что нужно для перваго образованія. Конечно, кратко. Ну, тамъ... сперва палочки, буквы, слова; потомъ города, рѣки какія; потомъ французскіе короли, королевы; ну... счетъ, цифры... теперь ужъ я не припомню. У насъ была еще тоненькая книжечка, мы должны были заучивать ее наизусть. Она называлась

„Manuel de Moralité et de Politesse“—какъ держать себя за столомъ, какъ обращаться къ старшимъ...—и тому подобное. Жена учителя—неграмотная—учила насъ молитвамъ и катехизису.

— А кюрè?

— Нашъ кюрè? Онъ только стращалъ насъ. Заставлялъ выкупать des petites âmes noires.

— Маленькія черныя души?! Какія это такія?

— Да, онъ намъ разсказывалъ въ церкви, съ каѳедры, что есть далекая, далекая страна, гдѣ бросаютъ въ большую черную рѣку маленькія черныя души дѣтей, и если мы хотимъ ихъ спасать, то должны платить по шестидесяти сантимовъ за выкупъ каждой души... Мы и давали шестьдесятъ сантимовъ (около 20 коп.); а кюре выдавалъ намъ билетикъ. Это значило, что я или кто тамъ заплатилъ—сталъ крестнымъ отцомъ или крестной матерью. И гордились же мы этими билетиками, Господи Боже! Бывало, получишь его, высоко держишь въ рукѣ, надъ головой, бѣжишь въ припрыжку, по деревнѣ, и кричишь: „je suis la marraine, je suis la marraine“! Эти билетики назывались: „la Sainte Enfance, Patronage de S. Joseph“. Такъ вотъ какъ мы учились въ деревнѣ, почти полвѣка назадъ,—закончила моя спутница весело.

— Ну, а ваши сыновья, какую школу прошли они двадцать-пять лѣтъ назадъ?—продолжала я свое интервью.

— Шарль былъ въ сосѣдней школѣ. Трудно. Каждый день часъ ходьбы туда и часъ оттуда. Эта школа была на положеніи городской. Такъ желалъ мой мужъ, ремесленникъ, не простой крестьянинъ, какимъ былъ отецъ. И вотъ видите, Шарль хорошо выучился. Теперь онъ чиновникъ въ мэріи и въ перепискѣ съ профессоромъ изъ Ліона. Нынче еще ночью ходилъ въ лѣсъ, собиралъ для профессора свѣтящіяся гнилушки.

— А второй вашъ сынъ гдѣ учился?

— Поль—въ духовной школѣ у „братьевъ“.

— Но Поль не духовный, а парикмахеръ?—замѣтила я.

Она звонко разсмѣялась.

— Поль позднѣе сталъ обучаться парикмахерству. Онъ терпѣть не могъ грамоты. Музыку любилъ до страсти. Духовные отцы сейчасъ и поставили его въ хоръ. И такой онъ былъ хорошенькій, въ красненькомъ платьицѣ; и голосокъ его звенитъ, звенитъ, бывало, какъ колокольчикъ... Программа обученія для всѣхъ школъ одинакова, и у Шарля, и у Поля. Разумѣется, въ духовной „братья“ обучаютъ религіи; ну, а въ свѣтскихъ—laïque—религію оставляютъ въ сторонѣ. Это уже дѣло родите-

лей. Вы—иностранка—не повѣрите: у насъ, въ провинціи, есть много завзятыхъ безбожниковъ, а дѣтей своихъ, въ особенности дѣвочекъ, они отдаютъ въ духовныя школы, къ „сестрамъ", въ монастыри. C'est plus distingué. Также вы не найдете ни единой души, которая бы n'aurait pas fait sa première communion. Всѣ, и мальчики, и дѣвочки, всѣ получаютъ первое причащеніе. Дѣвочки въ двѣнадцать лѣтъ, мальчики—въ четырнадцать. У родителей-безбожниковъ, какъ и у практикующихъ католиковъ, это—великій семейный праздникъ. На него приглашаютъ родныхъ, знакомыхъ, шьютъ новыя платья. Поль тогда бываетъ очень занятъ: съ вечера завиваетъ маленькихъ, утромъ причесываетъ большихъ. Ему вздохнуть некогда въ маѣ. Май—мѣсяцъ пресвятой Дѣвы Маріи. Въ маѣ и причащаются. Ну, а тамъ, какъ у французовъ-сектантовъ, жидовъ или фламасоновъ или какихъ другихъ схизматиковъ—не знаю. У насъ, въ нашемъ департаментѣ, всѣ маленькіе причащаются,—хотя и учатся въ écoles-laïques, а причащаются всѣ.

— Разскажите вы мнѣ, пожалуйста, что знаете про сельскихъ учительницъ?

— Ничего не знаю. Вѣдь сколько постояльцевъ перебывало въ моемъ домикѣ и—ни одной сельской учительницы!—съ сожалѣніемъ отвѣтила она.

Мое же знакомство съ сельской учительницей во Франціи было, до тѣхъ поръ, черезъ сцену и книжку. Въ театрѣ (въ Михайловскомъ) я видѣла пьесу Бріё: „Blanchette"—дѣвушка, получившая дипломъ учительницы, *не у дѣлъ*; въ Парижѣ я видѣла пьесу академика Лавдана „Le Vieux Marcheur", своего рода „На порогѣ къ дѣлу", ужасно скабрёзная сатира на учительницу съ высшимъ дипломомъ. Еще видѣла въ „театрѣ Антуана" „La Clairière" Мориса Доннè и Декава—послѣдствія карьеры сельской учительницы. Пьеса соціальная, безпощадная [1]). Читала я „Claudine à l'Ecole", Willy, дневникъ ученицы. „Чтеніе не для юношества", говоритъ и самъ авторъ въ предисловіи. Прочла также „Les Passionnés" Peyrbrune (псевдонимъ женщины-писательницы). Эти сценическія и повѣствовательныя изображенія представили мнѣ сельскую учительницу такой порочной, или въ тискахъ такого ужаснаго разврата, что я никакъ не могла повѣрить, чтобы все такъ происходило въ жизни, хотя бы и половину откинуть въ зачетъ сатиры нравовъ. Живя на водахъ въ Виши,

---

[1]) Гораздо позднѣе, въ Парижѣ, въ театрѣ „Renaissance" шла пьеса Жюльяна, „L'Ecolière". Этой пьесы я не видала.

я искала новыхъ книгъ, пьесъ, статей; обращалась къ начитаннымъ книгопродавцамъ. Кромѣ вышеприведенной литературы, они ничего не могли мнѣ указать, да еще одного разсказа, довольно сентиментальнаго, напечатаннаго въ фельетонахъ газеты „Siècle“ (октябрь, 1900 г.): „Ecole Villageoise“, par Doléac [1]).

Здѣсь я не могу не повторить того, что уже не разъ говорила въ печати о французской трудовой женщинѣ: я ѣзжу во Францію давно; живу среди людей достатка скромнаго; и я всегда удивляюсь, какъ французская женщина много работаетъ и какъ она мало требовательна! Какъ жизнь ея скудна, монотонна! Надо знать, видѣть француженку: хозяйку ли плохонькаго магазина, конторщицу ли, лавочницу, городскую ли учительницу—видѣть ее въ отдаленныхъ кварталахъ Парижа или въ провинціи, видѣть каждый день въ ея обстановкѣ, чтобы повѣрить, что можетъ такъ жить француженка. Только именно французскій bon-sens, умъ, гибкость натуры, экономія (отъ страха быть выброшенной на улицу),—а не скаредность,—спасаютъ француженку отъ полной апатіи, когда молодость прошла, а впереди—убогая старость, одиночество и смерть... И вотъ, рядомъ со всѣми видѣнными мною женщинами, я не могла представить себѣ французскую сельскую учительницу именно такой, какою мнѣ описывали ее театръ и книжка. Я захотѣла увидѣть ее сама, въ дѣйствительной жизни, на мѣстѣ, среди ея занятій. Здоровье не позволяло мнѣ разъѣзжать по отдаленнымъ деревнямъ. Я должна была ограничиться нѣсколькими—поближе.

Тутъ, какъ и въ другихъ моихъ экскурсіяхъ за границей, помогли мнѣ сперва мѣстный докторъ и хозяйка меблированныхъ комнатъ, гдѣ я жила. Докторъ адресовалъ меня къ одной изъ сельскихъ учительницъ этого же округа.

— M-lle Belval,—сказалъ онъ:—около двадцати-пяти лѣтъ занимается педагогіей въ деревенскихъ школахъ. Она вамъ разскажетъ, что васъ интересуетъ, и направитъ, куда слѣдуетъ. Она —здѣшняя уроженка; ея отецъ былъ сторожемъ на водахъ, т.-е. просто солдатъ, и вся семья ея изъ народа.

— Это-то мнѣ и нужно! Вы говорили,—напомнила я доктору нашъ разговоръ по поводу моихъ экскурсій въ школы,—что во Франціи среди сельскихъ учительницъ не встрѣчается иныхъ, кромѣ какъ изъ народа?

Докторъ улыбнулся.

[1]) Съ годъ тому назадъ вышла очень интересная книжка: „Les Sevriennes“, par m-me Reval. Въ видѣ романа описаны парижскіе высшіе женскіе курсы. Заведеніе закрытое. Оно помѣщается близъ Парижа, въ Севрѣ.

— Задали вы мнѣ работу!—Знаете ли, что послѣ тѣхъ вашихъ разспросовъ я пересмотрѣлъ всѣ мои записи на дому и въ больничныхъ книгахъ: не случалось ли среди моихъ паціентокъ—сельскихъ учительницъ des nobles. Ни одной!—А черезъ мои руки прошло ихъ нѣсколько десятковъ.

Докторъ не хвастался. Онъ практикуетъ на водахъ круглый годъ. Практика у него очень большая, сколько я могла судить по пріему больныхъ на дому. Сверхъ того, онъ практикуетъ въ мѣстной женской больницѣ и пользуется репутаціей очень знающаго и добраго врача среди мелкоты — алчной и злобной, какъ во всѣхъ курортахъ міра.

— По моимъ наблюденіямъ, — продолжалъ докторъ,—типъ сельской учительницы у насъ, во Франціи, это—дѣвушка или женщина, смотря по обстоятельствамъ, вышедшая изъ народа, изъ среды крестьянъ, рабочихъ, мѣщанъ, иногда дочь учителя. Онѣ идутъ въ учительницы вовсе не изъ-за „идеи", изъ альтруизма, изъ желанія внести свѣтъ въ мракъ, etc., etc. Вовсе нѣтъ. Наши учатся, сдаютъ экзамены, получаютъ дипломы, добиваются мѣста сельской учительницы, потому что эта карьера хорошо оплачивается и очень уважаема. Вотъ здѣсь, близко, на углу, живетъ—вы замѣтили—саботьé. Онъ изъ дерева выдалбливаетъ деревянные башмаки. Этой работой онъ домикъ себѣ нажилъ. У него и сынъ, и дочь—сельскіе педагоги. Онъ ими ужасно гордится... А что касается положенія учительницы въ деревнѣ, среди крестьянъ, радостныхъ и печальныхъ условій ея жизни,—это m-lle Бельваль сама вамъ разскажетъ лучше моего. Не даромъ она съ ними возится двадцать-пять лѣтъ. До свиданья! Добрый путь!

Въ первый же свободный день моей хозяйки меблированныхъ комнатъ мы и отправились съ нею къ m-lle Бельваль.

II.

Мы пріѣхали въ настоящую французскую деревню: группа одноэтажныхъ каменныхъ домиковъ — не живописныхъ и далеко не такихъ уютныхъ, какими смотрятъ нѣмецкіе дома—скучилась, въ перемежку съ сараями, въ небольшое селеніе. Домики раздѣляетъ кривая улица. Въ центрѣ селенія—церковь. При шумѣ нашего экипажа, на порогѣ дверей и въ окнахъ показались любопытныя лица некрасивыхъ и довольно неряшливыхъ крестья-

нокъ; но всѣ онѣ въ бѣлыхъ чепчикахъ съ гофрированной оборкой—мѣстный головной уборъ.

— Прямо къ школѣ!—сказала я кучеру.

Экипажъ завернулъ за уголъ, и мы остановились передъ небольшимъ домикомъ. Онъ былъ новѣе, чище, обширнѣе другихъ и стоялъ поодаль, какъ бы особнякомъ. Отъ него, по обѣимъ сторонамъ, на большое пространство, тянется каменная ограда. Изъ-за нея выглядываютъ деревья. Въ домикѣ и дверь, и окна наглухо закрыты. Кругомъ тишина.

— Развѣ здѣсь школа?—спросила я черезъ улицу женщину, которая любопытно смотрѣла на насъ со своего порога.

— Здѣсь. Только это квартира учительницы. Школа—во дворѣ, за оградой. Отворите калитку въ préau. Калитка налѣво отъ домика.

Моя спутница взялась-было за щеколду.

— Осторожнѣй!—Пожалуй собака кинется,—остановила я ее.

Никакая собака, однако, не залаяла и не кинулась.

„Préau"—просторный дворъ, обсаженный липами. Въ тѣни ихъ—скамейки, низенькія и высокія. Дворъ обнесенъ глухимъ заборомъ, въ ростъ человѣка. Въ глубинѣ двора—домъ, одноэтажный, побольше учительскаго. Три широкія окна прикрыты ставнями. Входная дверь, по срединѣ, закрыта. Есть еще боковая; она выходитъ въ сарай. Сарай безъ затворовъ, съ навѣсомъ.

— Это на случай непогоды,—замѣчаетъ мнѣ спутница.—Если дождь или снѣгъ,—дѣти могутъ играть въ сараѣ.

Изъ школы—никакого звука. Я усомнилась: да есть ли сегодня классы?

— Есть, есть. Ставни прикрыты отъ солнца; а то все было бы на̀-глухо заперто. Теперь, видно, урокъ письменный. Дѣти и притихли.

Моя спутница легко ступала по гравію, которымъ былъ усыпанъ дворъ, и хозяйственнымъ глазомъ всюду заглядывала.— Подите сюда!—подозвала она меня.

На дворъ выходилъ заднiй фасадъ домика учительницы. Заднее крыльцо и оба окна настежь открыты. Внутри квартиры учительницы—ни души. Только около крыльца квокчетъ пара куръ. Мы заглянули внутрь: чистенькая кухня. Полки обведены цвѣтной бумагой; немного посуды. Все вымыто, прибрано, а мы пріѣхали, не предупреждая. За кухней—маленькая столовая. Въ ней все есть, что̀ полагается во Франціи: круглый столъ, надъ нимъ „suspension"—висячая лампа, съ полдюжины стульевъ,

буфетъ. Мебель блеститъ, какъ зеркало. Во Франціи, въ мѣщанскихъ чистоплотныхъ семьяхъ протираютъ мебель, нѣсколько разъ въ годъ, эссенціей изъ керосина, отъ муравьевъ и клоповъ. Дверь задняго крыльца ведетъ въ корридоръ. Мы и туда заглянули. Корридоръ сквозной, кончается выходомъ на улицу и теперь запертъ. Съ каждой стороны корридора по двѣ двери, считая и кухню. Всѣ онѣ растворены, видно, для воздуха, такъ какъ день теплый. За столовой — спальня, съ двумя кроватями подъ пикейными одѣялами.

— Это спальня стариковъ m-lle Бельваль, — соображаетъ спутница. У нихъ на водахъ квартирка; на лѣто они ее сдаютъ. Отецъ — бывшій gardien на водахъ — давно въ отставкѣ; они и перебираются сюда, въ деревню, къ дочери. А вотъ и ея спаленка, за кухней, окнами на улицу.

Комната больше другихъ. Постель подъ кисейнымъ пологомъ; комодъ, кресла, коверъ, фотографіи на каминѣ, картинки на стѣнахъ, маленькая библіотека съ книгами въ переплетахъ, лампа съ франтоватымъ абажуромъ, шторы на окнахъ. Однимъ словомъ, очень комфортабельная спальня.

— Да что же прислуга не идетъ?

— Зачѣмъ прислуга, — повторила спутница шопотомъ. Мы ходили на цыпочкахъ и говорили шопотомъ. — Одинокой учительницѣ? Въ девять часовъ начинаются классы, кончаются въ четыре часа. Сама себѣ прислуга. Навѣрное m-lle Бельваль больше ста франковъ въ мѣсяцъ не получаетъ жалованья; а прислуга у насъ стоитъ тридцать франковъ, да прокормить ее сколько! Отецъ съ матерью у нея тоже привыкли сами все дѣлать.

Осмотрѣвъ помѣщеніе учительницы, мы вернулись въ préau. Я сѣла на скамейку. Наконецъ, изъ школы понеслись дѣтскіе голоса и стукъ деревянныхъ башмаковъ, сабо̀. Отворилась дверка въ сарай. Показалось нѣсколько дѣтей. При видѣ насъ, они мгновенно скрылись, какъ испуганные звѣрки. На минуту все замерло...

Дверь опять отворилась, но уже широко. На порогъ вышла сѣдая, плотная женщина, крестьянскаго облика, въ городскомъ платьѣ. Она удивленно взглянула большими, блестящими глазами и направилась къ намъ.

Я смутилась. Именно смутилась отъ того, что увидала сельскую учительницу въ жизни, а не на сценѣ, встала и подала ей письмо нашего доктора. Она тоже стѣснилась, вѣроятно отъ неожиданнаго визита: нервная дрожь скользила вокругъ рта и глазъ, когда она пробѣгала письмо.

— Отчего же вы, mesdames, не позвонили?—говорила она въ то же время любезно. — Вѣроятно, вы долго ждали... ни я, ни дѣти не слыхали... какъ вы подъѣхали... извините!

— Пожалуйста, не извиняйтесь. Это мы—des indiscrètes,—отвѣчала спутница, улыбаясь.

Письмо было прочитано.

— Чѣмъ могу служить?—спросила m-lle Бельваль еще любезнѣе.

— Сперва простите мнѣ нашъ визитъ. Мы не хотѣли прерывать класса; я знаю по опыту, что безъ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія нельзя постороннимъ входить въ школу, тѣмъ болѣе мнѣ, иностранкѣ.

— Вы пріѣхали не какъ лицо офиціальное, а какъ частное, отъ доктора, пріѣхали ко мнѣ, какъ добрыя знакомыя et une amie de la France, — подчеркнула m-lle Бельваль. Нервная дрожь все пробѣгала струйками по лицу. Видно, 25 лѣтъ педагогіи даромъ не прошли для ея здоровья. —Прошу васъ, mesdames, къ себѣ. Вы устали. Теперь перерывъ на цѣлый часъ. Если свѣдѣнія скромной сельской учительницы могутъ принести нѣкоторую пользу à une amie de la France — я буду очень счастлива.

Она повела насъ въ домикъ, который мы раньше такъ безцеремонно осмотрѣли. Дѣти—однѣ дѣвочки, человѣкъ двадцать—пять разсыпались по двору. Теперь онѣ и не пугались—и не интересовались нами. Онѣ принялись закусывать тѣмъ, что принесли съ собой въ корзинкахъ.

Въ своей уютной столовой учительница предложила намъ выпить une petite goutte съ дороги. Поставила бисквиты и Quinquinat Dubonnet, легкое сладкое вино, настоенное на хинѣ.

Я всматривалась въ учительницу, пока она перебирала со спутницей городскія новости. Ничего рѣшительно напоминающаго нашихъ, русскихъ учительницъ, и еще менѣе — пожилыхъ французскихъ гувернантокъ. Фигура плотной пятидесятилѣтней крестьянки; но лицо болѣе открытое, пріятное, когда успокоилась ея нервная дрожь. Большіе, блестящіе глаза сильно близоруки. Волнистые сѣдые волосы спускаются на лобъ изъподъ черной „фаншонъ“. Сѣрое платье, черный фартукъ, бѣлый воротничокъ — аккуратны, чисты, какъ и вся обстановка въ ея квартирѣ.

— Мы уже заглядывали въ ваши комнаты,—призналась я m-lle Бельваль.—Какъ это у васъ комнаты стоятъ растворены, безъ прислуги?..

— Въ деревняхъ, во Франціи, не воруютъ; а въ окрестностяхъ Парижа и другихъ многолюдныхъ городахъ on dévalise les villas,—заговорила она теперь привычнымъ тономъ учительницы—громко и отчетливо.—Прислуги не держу—незачѣмъ. Я одна; свободнаго времени много.

— Вы и сами себѣ готовите? и воду приносите?

— Сама. Вода, дождевая, хранится въ цистернахъ. Пойдемте поглядѣть мое хозяйство.

— Мы ужъ оглядѣли...—созналась и спутница.—Кухонька ваша—игрушечка. И какая чистота!!

— Это хорошій примѣръ для дѣтей. Они забѣгаютъ ко мнѣ.

Постепенно началось „интервью". Сперва о школѣ, потомъ о сельской учительницѣ. Сначала я припоминала мои вопросы „наизусть", по программѣ, составленной у меня заранѣе; а потомъ m-lle Бельваль сама взяла листъ бумаги, карандашъ и сказала:

— Вамъ не безъизвѣстно, что во Франціи два рода школъ: „laïque" et „catholique", свѣтская и духовная. Первая, laïque т.-е. коммунальная, общинная—поддерживается правительствомъ; само правительство назначаетъ въ эти школы учителей и учительницъ. Вообще, коммунальныя школы находятся въ вѣдѣніи правительства. „Catholique"—духовныя,—отъ конгрегацій, которыя разрѣшены правительствомъ.—Veuillez écrire sous ma dictée. Такъ вамъ будетъ удобнѣе. Пожалуйста, начинайте.

Я была въ восхищеніи отъ такого простого, толковаго пріема и принялась очень внимательно выписывать:

Школа: — Въ деревушкѣ (hameau). 642 жителя. Школы двѣ. Одна для мальчиковъ,—ею завѣдуетъ учитель; другая для дѣвочекъ — завѣдуетъ учительница (т.-е. m-lle Бельваль). Обѣ школы laïques—коммунальныя, общинныя.

Во Франціи школы находятся въ вѣдѣніи мѣстнаго мэра, выборнаго отъ общины (délégué cantonal) подпрефекта, префекта, инспектора начальныхъ училищъ, инспектора учебнаго округа—(d'Académie), ректора—(recteur) и министра народнаго просвѣщенія. Охрана школьнаго зданія вмѣняется учительницѣ (или учителю), которая, безъ разрѣшенія префекта, не можетъ употребить школу на какое-либо иное дѣло. Школьное помѣщеніе состоитъ изъ одной или нѣсколькихъ комнатъ для классовъ, двора и надворнаго помѣщенія для игръ дѣтей и изъ особаго помѣщенія, пригоднаго для жилья преподавательскаго персонала.

Школьныя постройки почти всѣ принадлежатъ общинамъ,—communes,—которыя и несутъ повинности: содержать ихъ въ порядкѣ—ежегодно бѣлить или промывать. Учительницѣ же (или учителю) вмѣняется въ обязанность содержать классныя комнаты въ постоянной чистотѣ и въ здоровомъ воздухѣ; для этого полагается ежедневно подметать и поливать полъ. Окна—даже и въ зимнее время—держать открытыми во время перерыва занятій.

Учебныя пособія въ иныхъ деревняхъ даются за счетъ общинъ; въ другихъ — родители учениковъ сами оплачиваютъ книги и тетради; а въ иныхъ разрѣшается учительницамъ доставлять эти пособія; но съ тѣмъ, чтобы цѣны были вывѣшены на стѣнѣ, и школьный инспекторъ могъ бы провѣрять ихъ.

Топливо въ школахъ повсемѣстно даровое, за счетъ общины.

Полагается на каждую общину по одной школѣ. Самое отдаленное разстояніе—отъ трехъ до четырехъ километровъ.

Первоначальное обученіе во Франціи *даровое и обязательное* для каждаго ребенка, въ возрастѣ отъ 6 до 13 лѣтъ. Если родители не посылаютъ своихъ дѣтей въ свѣтскую или духовную школу—laïque ou catholique—они подлежатъ штрафу.

— Въ какомъ размѣрѣ?—прервала я m-lle Бельваль.

— Размѣръ штрафа не обозначенъ. Крестьяне и вообще родители, которые имѣютъ нужду въ своихъ малолѣтнихъ дѣтяхъ, обходятъ это постановленіе, посылая ребенка въ школу изрѣдка, отъ времени до времени.

Каждый ребенокъ, при поступленіи въ школу, обязанъ представить свое метрическое свидѣтельство; и учительница — или учитель—должны удостовѣриться, что у ребенка была привита оспа; удостовѣриться также, что у него нѣтъ болѣзней, или немощей, которыя могли бы нанести вредъ здоровью остальныхъ учениковъ.

Опредѣленнаго комплекта учениковъ не существуетъ,—продолжала диктовать m-lle Бельваль;—за санитарнымъ состояніемъ школъ слѣдитъ врачъ-инспекторъ. Преподаваніе ведется исключительно на французскомъ языкѣ. Вамъ извѣстно, — замѣчаетъ m-lle Бельваль,—во Франціи есть различныя нарѣчія.

Всякое театральное представленіе воспрещается въ школахъ.

Безъ письменнаго разрѣшенія окружного инспектора воспрещается также вводить въ школу какую-либо книжку, брошюру, печатный или рукописный экземпляръ,—не входящіе въ составъ школьныхъ книгъ.

Всякаго роды петиціи, благотворительные сборы, подписки

или лотереи — одинаково воспрещаются. При нѣкоторыхъ школахъ устроена „Assurance scolaire“, сберегательная касса. Школьницы, вносящія десять сантимовъ въ недѣлю, через сорокъ лѣтъ получаютъ ренту въ 60—80 фр.

— Кажется, все,—сказала m-lle Бельваль,—ничего не позабыла!..

Теперь пошла глава объ *учительницѣ*. Тутъ вопросы становились болѣе деликатны и сложны. Писать все сплошь подъ диктовку—неловко. Приходилось „интервьюировать“, припоминая програму...

Во Франціи большинство сельскихъ учительницъ проходитъ: „Ecole primaire“ — народную школу, начальную, сельскую, и „Ecole primaire supérieure“ — высшую начальную школу; эти находятся въ различныхъ городахъ, и ученицы сельскихъ школъ дополняютъ въ нихъ свое начальное образованіе. Затѣмъ, переходятъ въ „Ecole Normale Primaire“—семинарію, школу педагогическихъ классовъ. Здѣсь дѣвушки обучаются первоначальному преподаванію. Возрастъ для пріема—отъ 15 до 18 лѣтъ. Курсъ обученія педагогіи—трехгодичный. *Житье и обученіе даровое, но съ обязательствомъ* служить десять лѣтъ въ педагогическомъ персоналѣ; жалованье получается полностью, безъ учета.

Каждая сельская учительница должна представить дипломъ начальной школы (brevet élémentaire), дипломъ высшей школы (brevet supérieur) и удостовѣреніе въ ея педагогическихъ способностяхъ (certificat d'aptitude pédagogique).

Сельскія учительницы, и по словамъ m-lle Бельваль, большею частью изъ среды рабочихъ—или мелкихъ служащихъ.

Во Франціи приходится на 150 вакантныхъ мѣстъ учительницы—1.407 женщинъ, чающихъ получить эти мѣста [1]).

Идутъ охотно въ сельскія учительницы, потому что это — почтенная карьера („honorable“) и хорошо оплачиваемая: отъ 900 до 1.400 и 1.600 франковъ въ годъ. Чтобы получить мѣсто учительницы, надо сперва послужить въ помощницахъ, съ жалованьемъ 900 франковъ въ годъ. Вакацій полагается два лѣтнихъ мѣсяца, праздники и еженедѣльно свободные четверги.

Учительница не можетъ самовольно измѣнять дни занятій, ни отлучаться изъ школы. Она должна на это испросить разрѣшеніе окружного инспектора и сообщить его разрѣшеніе мѣстнымъ властямъ. Если отсутствіе учительницы продолжится болѣе

[1]) Учительницей или ея помощницей могутъ быть также иностранки, но получившія дипломъ во Франціи, даже и не-католическаго вѣроисповѣданія. Есть сельскія учительницы-протестантки.

трехъ дней, то необходимо для этого получить ей разрѣшеніе и отъ инспектора учебнаго округа. Отпускъ болѣе восьми дней можетъ быть разрѣшенъ только префектомъ. Въ случаѣ же непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, требующихъ немедленнаго отъѣзда, учительница ограничивается тоже немедленнымъ сообщеніемъ объ этомъ мѣстному мэру и училищному инспектору.

Учительница можетъ жить со своими родителями въ помѣщеніи, которое ей отводится при школѣ.

Когда учительница вступаетъ въ завѣдываніе школой, она обязана, въ присутствіи мэра или его уполномоченнаго, сдѣлать перепись мебели, библіотеки и школьнаго архива; а если учительница имѣетъ свою мебель, то обозначить въ описи и свои собственныя вещи. Эта опись должна быть подписана обѣими сторонами. Въ случаѣ перемѣны мѣста жительства учительницы, она передъ отъѣздомъ приглашается снова сдѣлать перечень вышеизложеннымъ вещамъ.

Замужняя учительница также можетъ жить со своимъ мужемъ и дѣтьми въ помѣщеніи, которое отводится ей при школѣ.

Беременнымъ учительницамъ полагается minimum отъ 4 до 5 недѣль отпуска на роды.

— Государство всегда оберегаетъ (protège) служащихъ, которые добросовѣстно исполняютъ свои обязанности,—прибавляетъ m-lle Бельваль.

Возрастъ для поступленія въ сельскія учительницы полагается отъ 20 до 25 лѣтъ; 55 лѣтъ—предѣльный возрастъ служенію въ школѣ.

Есть учительская пенсіонная касса. Касса удерживаетъ 5% отъ жалованья и черезъ 25 лѣтъ выдаетъ 1.200 франковъ ежегодной пенсіи.

— Вотъ это щедрая пенсія!—воскликнули мы.

— Да, я скоро буду получать и пенсію, и жалованье,—похвалилась m-lle Бельваль.

Помимо шестичасового ежедневнаго преподаванія,—исключая четверги и праздники,—учительница обязана просматривать тетрадки ученицъ внѣ классныхъ занятій.

Во время классовъ, учительница не должна, ни подъ какимъ предлогомъ, отвлекаться отъ своей педагогической роли, ни заниматься работой, сторонней ея обязанностямъ по школѣ. Если школа очень людная,—полагается помощница.

— У меня всего двадцать-одна дѣвочка, — сказала m-lle Бельваль,—болѣе тридцати не бываетъ; но я начала свою карьеру помощницей въ Виши, гдѣ было шестьдесятъ дѣвочекъ, и я про-

служила пять лѣтъ въ помощницахъ; потомъ уже получила здѣшнее мѣсто—*старшей* учительницы... Мнѣ, однако, пора!—вдругъ прервала себя m-lle Бельваль, и взглянула на часы.—Да, пора начинать классъ рукодѣлія. Вы обождите, пока я усажу дѣтей.

— Вотъ любезная-то, милая особа! — стала восхищаться спутница, когда учительница вышла. — Вамъ истинная удача. Такъ толково, подробно разсказала... да еще продиктовала всѣ правила и положенія. Рекомендація отъ доктора много значитъ! Et „l'amie de la France"—также!

Минутъ черезъ десять вернулась m-lle Бельваль.

— Припомните, — сказала она, идя съ нами черезъ дворъ въ школу, — что во французскихъ сельскихъ, какъ и во всѣхъ начальныхъ школахъ во Франціи, дѣти принимаются старше шести лѣтъ и моложе четырнадцати. Внѣ этого возраста они не могутъ быть приняты безъ разрѣшенія училищнаго инспектора. Въ тѣхъ же общинахъ (деревняхъ), гдѣ нѣтъ дѣтскаго пріюта—замѣтьте это—„возрастъ поступленія будетъ пониженъ до пяти лѣтъ". Вотъ на какомъ основаніи вы сейчасъ увидите въ моей школѣ и очень маленькихъ дѣвочекъ. Veuillez entrer!

Мы вошли въ узкую свѣтлую прихожую—раздѣвальню. Вдоль стѣнъ прибиты въ нѣсколько рядовъ полки, сообразно съ ростомъ дѣтей. На полкахъ лежатъ шляпки и стоятъ корзинки съ завтракомъ, который дѣти съѣли въ рекреацію. Я остановилась поглядѣть на дѣтскія шляпки; онѣ доказывали зажиточность семей. Шляпки не рваныя, соломенныя, однѣ новыя, другія прошлогоднія; всѣ съ отдѣлкой: съ бантами, съ помпонами.

— Въ нашей мѣстности нѣтъ бѣдныхъ крестьянскихъ семей, —подтвердила и m-lle Бельваль.

Одна шляпка изъ черной тонкой соломы, съ моднымъ бантомъ, заинтересовала меня.

— Это „новенькая" пятилѣтняя ученица. Всего три дня, какъ привели ее въ школу,—объяснила учительница;—ее зовутъ Marie Berteau. За ней теперь ужъ сто тысячъ приданаго et des espérances avec!..

Такъ это было курьезно, въ смыслѣ нравовъ, что оно и безъ диктовки осталось у меня въ памяти!

За прихожей одна классная—очень большая, очень высокая и свѣтлая зала. Три окна на сѣверъ открыты. Три окна на югъ прикрыты внутренними ставнями. Окна — высоко отъ пола. На стѣнахъ висятъ карты географіи, карты зоологіи. Надъ каѳедрой —бюстъ Республики; ея кронштейнъ обвитъ трехцвѣтной лен-

той. Всѣ двадцать-одна ученица на лицо. Сидятъ за партами, шьютъ. Мы поздоровались съ ними. Онѣ встали и не садились, пока учительница не приказала имъ сѣсть. Около каѳедры—т.-е. просто возвышенія со столомъ, стуломъ, корзинкой для бумагъ—черная доска; на ней написано мѣломъ красивымъ почеркомъ: „Soyez toujours polies. Безъ учтивости нѣтъ образованія". *Привести примѣры учтивости и примѣры отсутствія учтивости.*—Но теперь дѣти занимались рукодѣльемъ—вѣроятно, это касалось предъидущаго урока. Дѣвочки постарше — вышивали; маленькія шили лоскутки. Такъ какъ вся школа помѣщалась въ одной залѣ, то дѣти были раздѣлены на группы: первое отдѣленіе—division—маленькія; среднее и старшее отдѣленія. Изъ двадцати-одной дѣвочки въ старшемъ division всего три ученицы. Лицами и одеждой дѣвочки смотрятъ не крестьянками, а мѣщанками. Довольно чистенькія, аккуратно причесанныя — учительницѣ вмѣняется наблюдать за ихъ чистоплотностью—очень подвижныя; глазки веселые. Вообще, французскія дѣти и лицами, и фигурами болѣе мелки и болѣе обточены, чѣмъ итальянскія, напримѣръ, которыя зато хороши собой, какъ дѣти на картинахъ знаменитыхъ мастеровъ. Здѣсь красоты нѣтъ, но есть именно отдѣлка лица, обточенность фигурокъ, что позднѣе, въ взрослыхъ крестьянкахъ, развивается въ острыя черты лица и въ мускулистыя фигуры.

M-lle Бельваль предложила мнѣ посмотрѣть тетради—les devoirs des élèves. Почеркъ для крестьянскихъ дѣвочекъ, у нѣкоторыхъ, красивый; но у большинства ученицъ писанныя буквы похожи на листья—по вѣтру. Слова несутся и кружатся, какъ сухіе листья осенью. Своеобразное письмо.

Послѣ тетрадей учительница показала рукодѣлья.

Въ это время ко мнѣ подошла малюсенькая дѣвчурка и протянула лоскуточекъ.

— Моя работа,—сказала она вѣско.

Учительница разсмѣялась.

— Я тебя не вызывала. Какова самоувѣренность!

— Les enfants, comme les chiens, aiment, qu'on les flatte,—замѣтила благодушно спутница.

Меня интриговала дѣвочка въ самомъ концѣ класса, лѣтъ семи, видимо посаженная отдѣльно, въ наказаніе.

— Что она сдѣлала?—спросила я тихо.

— Ce qu'elle a fait? Elle *a fait le renard*,—отвѣтила громко и строго m-lle.—Да, она изображала лисицу. И за это будетъ теперь сидѣть отдѣльно пятнадцать дней.

Тонъ, какимъ отвѣтила учительница, и мѣра наказанія говорили о большомъ проступкѣ. Я не захотѣла сейчасъ же разспрашивать при дѣтяхъ, что именно напроказила „лисица“, и ограничилась только:

— А-а! скажите!..

Дѣвочка покраснѣла и низко наклонила голову надъ шитьемъ. Всѣ остальныя двадцать тоже наклонили головы, видимо смущенныя, и прилежно застегали...

— Вотъ „новенькая“, черную шляпку которой вы сейчасъ замѣтили,—указала мнѣ тихо учительница на стотысячную приданницу.

Маленькая, очень хорошенькая дѣвочка, настоящій типъ овернькатки: крѣпышъ; смуглыя, пунцовыя щечки, глазки большіе, черные, съ загнутыми рѣсницами. Волосы вчесаны хохломъ и перевязаны лентой. Одѣта въ круглую блузу; тоже что-то прилежно ковыряетъ. Вмѣсто иголки ей дали шпильку и кусочекъ канвы.

— Все-таки занята и привыкаетъ къ шитью,—замѣтила учительница.—Я стараюсь—по мѣрѣ силъ—приготовлять изъ моихъ ученицъ добрыхъ хозяекъ.

— А какіе предметы проходятъ дѣти въ сельской школѣ?

M-lle Бельваль порылась на своемъ столѣ среди тетрадей, книгъ и подала мнѣ росписаніе.

„Распредѣленіе времени въ школѣ для дѣвочекъ.—Утренніе занятія, отъ 9 до 11½, *въ младшемъ отдѣленіи*: списываніе (copie), чтеніе вслухъ старшей ученицы (monitrice), чистописаніе. Отдыхъ. Рукодѣліе. Чтеніе вслухъ учительницы. Занятія *въ среднемъ* и *старшемъ отдѣленіяхъ*: исторія, географія, чистописаніе, рисованіе. Отдыхъ. Диктантъ, поправка (correction), грамматика, правописаніе, разъясненія (redaction ou résumé). Занятія отъ 1 часа до 4 часовъ: *Младшее отдѣленіе*: цифры, легкія задачи, словесный счетъ. Чтеніе вслухъ учительницы. Отдыхъ. Урокъ „понятій“ о различныхъ предметахъ (leçons de choses). Чистописаніе, пѣніе. Занятія *въ среднемъ и старшемъ отдѣленіяхъ*: счетъ и поправка, разъясненія, урокъ по естественной исторіи. Отдыхъ. Урокъ нравственности и учтивости (morale et politesse), чтеніе, пѣніе. Въ четыре часа просмотръ тетрадей за день. Отмѣтки. По субботамъ, послѣ чтенія вслухъ учительницы, раздача наградъ—по одной на каждое отдѣленіе—той ученицѣ, которая получила за недѣлю большее число хорошихъ отмѣтокъ“.

— Въ чемъ состоятъ эти награды?—спросила я преподавательницу.

— Такъ, разные пустяки: картинки, котильонныя звѣздочки, ленточка, cordon de sagesse. Тутъ дѣло не въ цѣнѣ, а въ отличіи.

— А наказанія какія?

— Само собою, тѣлесныя не допускаются. Допускаются дурныя отмѣтки, выговоры, частичныя лишенія рекреаціи, задержаніе послѣ классовъ въ школѣ, временное исключеніе; но оно не длится долѣе трехъ дней, и я тотчасъ обязана сообщить объ этомъ родителямъ ученицы, мэру и училищному инспектору—inspecteur primaire. Исключеніе на болѣе продолжительный срокъ можетъ быть наложено только однимъ инспекторомъ учебнаго округа—inspecteur d'Académie. И за всю мою двадцатилѣтнюю педагогическую дѣятельность ни разу не пришлось примѣнять даже трехдневнаго исключенія. А что касается сажанія отдѣльно, примѣняю,—m-lle бросаетъ строгіе взгляды въ сторону „лисицы",—тутъ я неумолима. Позвольте, вы прочли не всю программу нашихъ занятій. Переверните листъ, s'il vous plait.

„Ежемѣсячное представленіе работъ",—читала я далѣе:— „Чистописаніе. Французское сочиненіе. Диктантъ. Точныя науки. Счетъ. Нравственное и гражданское воспитаніе [1]).

„Работы каждые три мѣсяца:

„Рисованіе. Географія. Исторія Франціи".

— Для нашихъ уроковъ о нравственномъ и гражданскомъ воспитаніи мы руководствуемся вотъ этой книжкой,—по ней сдаются и экзамены. Вы можете взять книжку съ собой, просмотрѣть ее подробно, дома, на свободѣ. Она дастъ вамъ подробное понятіе о томъ, что̀ должны знать сельскіе ученики. Въ этой книжкѣ,—замѣтила m-lle Бельваль,—больше говорится о мальчикахъ, чѣмъ о дѣвочкахъ. Но я, конечно, переставляю слово ученикъ—въ ученицу; учитель—въ учительницу.

Книжка маленькая, сѣренькая, въ двѣсти страницъ, съ политипажами. Она называется: „La première année d'instruction morale et civique", составленная par Pierre Laloi. Подзаглавіе: „Leçons très simples. Récits attachants... Redactions—résumés.

— А методъ преподаванія у васъ звуковой?

— Нѣтъ, обыкновенный: a. b. c. d.

— А какое количество праздниковъ приходится у васъ въ году?

---

[1]) „A faire tous les mois: écriture; composition française; dictée; sciences phisiques, calcul; instruction morale et civique".

М-lle Бельваль безъ запинки перечла:—День, слѣдующій за днемъ Всѣхъ Святыхъ, въ ноябрѣ. Десять дней зимнихъ вакацій,—Рождество и Новый годъ. Недѣля, предшествующая Пасхѣ. День мѣстнаго святого или слѣдующій день, если святой приходится на воскресенье. Дни національныхъ праздниковъ. Лѣтнія вакаціи. Время и продолжительность вакацій опредѣляются ежегодно префектомъ en conseil départementale...

Раздался отдаленный звонъ колокола.

— Звонятъ въ школѣ мальчиковъ!—воскликнула m-lle Бельваль.—Пора, пора кончать классы. Я и не замѣтила...

— Заговорили мы васъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не уѣзжайте! Я сейчасъ буду совершенно свободна, мы пойдемъ еще въ деревню.

И m-lle Бельваль поспѣшила звонить въ свой колоколъ на дворѣ. Дѣвочки мигомъ повскакали съ мѣстъ, свернули работы и бросились въ прихожую. Только двѣ постарше,—дежурныя,—остались. Одна принесла ведро воды, другая—лейку; онѣ начали поливать полъ кругами и подметать его. Эта уборка школы тоже быстро кончилась, и обѣ „дежурныя“ убѣжали вслѣдъ за другими дѣтьми.

Вернулась учительница, растворила окна на сѣверъ и на югъ. Мы встали съ спутницей на скамейку, поглядѣть, что̀ изъ нихъ видно. Передъ нами открылся обширный огородъ, въ образцовомъ порядкѣ.

— Это дѣти сажаютъ?—спросила я учительницу.

— Нѣтъ, огородникъ. Это мой огородъ. Онъ мнѣ полагается при школѣ, съ отопленіемъ.

— Вы же всего не скушаете, что̀ на немъ произрастаетъ,—замѣтила я возможно вѣжливѣе:—посылаете кое-какіе овощи и на продажу?

— Неприлично продавать. Престижъ потеряю. Нѣтъ, я дарю родителямъ дѣтей. Они мнѣ тоже дѣлаютъ подарки. Цѣнныхъ я не принимаю; когда убьютъ свинью, теленка или домашнюю птицу, всегда присылаютъ лучшій кусокъ. Не принять—обидѣть. Вотъ я и отдариваю, чѣмъ могу. Когда случаются въ семьяхъ учеництъ крестины, онѣ всегда тоже приносятъ мнѣ конфетъ. Вы знаете, во Франціи обычай—въ крестины дарить конфеты-dragées. У меня и свое вино есть,—видите, въ концѣ огорода порядочный виноградникъ.

Учительница стояла рядомъ съ нами на скамейкѣ. Съ уходомъ ученицъ, ея манера, языкъ сдѣлались гораздо проще, вообще она присмотрѣлась къ намъ.

— Разскажите, пожалуйста, что натворила ваша „лисица“, которую вы, въ наказаніе, посадили отдѣльно, на пятнадцать дней?—спросила я.

— Непростительное!—воскликнула m-lle Бельваль, и разсказала, очень волнуясь, какъ эта дѣвочка—ей семь лѣтъ, и она должна приводить съ собой еще двухъ маленькихъ—накапунѣ не явилась съ подругами къ началу классовъ.

— Часъ проходитъ, другой,—нѣтъ ихъ всѣхъ трехъ. Я начинаю безпокоиться: идти имъ далеко, лѣсомъ... Въ $11^1/_2$ часовъ, въ большую рекреацію—что же я вижу: онѣ, одна за другой, бочкомъ, прошмыгиваютъ въ калитку! Босикомъ, и какъ ни въ чемъ не бывало, садятся на скамейку, подъ деревцомъ,—въ полной надеждѣ, что я не примѣтила ихъ отсутствія въ утреннихъ классахъ! Я, конечно, сейчасъ ихъ къ допросу. Оказалось: шли онѣ лѣсомъ, и старшая соблазнила младшихъ разуться, пойти босикомъ по травѣ.

— Я очень любила, маленькая, ходить босикомъ по травѣ,—сочувственно замѣтила спутница.

— Затѣмъ онѣ нарвали ландышей, которые цвѣтутъ тамъ въ изобиліи. Букеты спрятали въ кустахъ и рѣшили, на возвратномъ пути, захватить ландыши домой. Разумѣется, чулки и сабо онѣ тамъ же позабыли и явились сюда босоногими, заставивъ меня прождать ихъ два часа и сильно безпокоиться. Я и наказала старшую,—тѣ слишкомъ малы; этой поручено приводить и отводить тѣхъ. У насъ сказано въ правилахъ: „Дѣти, которыя во время перерыва классовъ не возвращаются домой, должны находиться подъ бдительнымъ надзоромъ учительницы до того часа, когда кончаются въ школѣ занятія“. А тутъ онѣ два часа прогуляли да растеряли свои чулки и башмаки. Меня родители имѣютъ полное право обвинять въ плохомъ надзорѣ, невниманіи, que sais-je!..

Эта дѣтская шалость все сильнѣе волновала учительницу.

— Въ подобныхъ проступкахъ виновница и получаетъ названіе „лисицы“, за хитрость, соблазнъ. Теперь пойдемте, пожалуйста, на воздухъ, въ деревню.

M-lle даже раскраснѣлась отъ волненія.

На улицѣ, наискосокъ школы дѣвочекъ, столпились мальчики-школьники, въ беретахъ, въ черныхъ, круглыхъ, длинныхъ фартукахъ—сарро. Они съ любопытствомъ уставились на насъ. Вѣроятно, дѣвочки уже сообщили имъ новость: пріѣздъ иностранокъ; но, видя, что съ нами идетъ учительница, съ которой они

всѣ поздоровались, снявъ береты, мальчики скоро разошлись по домамъ.

Ближайшей сосѣдкой m-lle Бельваль стоитъ церковь.

— А въ какихъ отношеніяхъ вы съ кюрè? — спросила я учительницу.

— Въ прекрасныхъ. Мои дѣвочки недавно связали кружево на престолъ. Нашъ мэръ повстрѣчался со мной, шутливо грозитъ мнѣ и прибавляетъ: — „Ah, ah, mademoiselle Belval!..“ Я ему въ отвѣтъ: — Ah, monsieur le maire! А вы вашу единственную дочку отдали въ монастырь учиться, не къ намъ! — Онъ засмѣялся и на другое перевелъ разговоръ.

— Вотъ, вотъ: то самое, что̀ я разсказывала по дорогѣ къ вамъ! — воскликнула спутница: — предпочитаютъ отдавать дочерей въ монастырь. C'est plus chic.

— Развѣ религія до такой степени преслѣдуется, что нельзя связать кружево на престолъ?

— О! Нѣтъ! Школы не-духовныя, какъ моя, écoles laïques, не касаются религіи. Вы увидите въ нашихъ учебникахъ: éducation morale et instruction civique, для средняго и старшаго возраста, глава V — „Devoirs envers Dieu“ — вырвана. Въ новыхъ изданіяхъ эта глава и вовсе не напечатана.

— Слѣдовательно, вы должны постоянно обходить слово: *Богъ?*

— Да, замѣняемъ словомъ: *природа.*

— Да вѣдь дѣти все равно получаютъ свое первое причащеніе?

— Это до насъ, до школы и до учителей, не касается. Это — дѣло родителей, семьи. Дѣти могутъ посѣщать церковь и брать уроки катехизиса только внѣ классныхъ часовъ, но... тутъ, какъ и вездѣ, нѣтъ правила безъ исключенія. Въ недѣлю, предшествующую дню перваго причащенія, учительница разрѣшаетъ ученицамъ уходить изъ школы въ церковь, въ тѣ часы, когда онѣ должны тамъ исполнять свои религіозныя обязанности; но это разрѣшается только одинъ разъ, во все школьное пребываніе.

— Вообще, выходитъ, что вы, учительницы, поставлены между двухъ враждующихъ сторонъ: кюрè и мэръ?

— Враждующія — слишкомъ; но не опровергаю — иногда приходится... „обходить“ — „biaiser“. Нельзя же идти напрямикъ! Рѣзкостью ничего не сдѣлаешь. Enfin!.. Я здѣсь двадцать лѣтъ и ни разу еще не имѣла столкновенія ни съ кюрè, ни съ мэромъ. Ихъ же за эти годы сколько смѣнилось!

— Видно, у васъ ужъ характеръ такой хорошій,—сказала спутница.

— Пожалуй,—согласилась m-lle Бельваль.—По ея лицу скользнула очень тонкая, сложная улыбка.

— Сколько вамъ извѣстно, изъ среды сельскихъ учительницъ не выходило женщинъ-художницъ: писательницъ, живописцевъ, поэтессъ, какъ Ада Негри въ Италіи, какъ двѣ-три повѣствовательницы въ Англіи?

M-lle сосредоточенно подумала:

— Нѣтъ, je n'en connais point; одна—Louise Michel, петролёза, поджигательница во время коммуны; и она была учительницей въ Парижѣ, а не сельской.

За церковью стояла школа мальчиковъ. Далеко не такая чистая, гигіеническая, какъ школа m-lle Бельваль. Строеніе старое, двухъ-этажное. Дворъ—préau—позади. Входная дверь настежь. Окна запыленныя, стѣны пятнистыя. Сейчасъ видно, и по внѣшности, что школа содержится такъ, какъ поведетъ ее учитель—хозяинъ ея.

Школой закончилась и главная улица деревушки. Мы вышли въ поля. Они круто спускались въ оврагъ и на той сторонѣ опять раскидывались по холмамъ.

Вся мѣстность убѣгала отлогими волнами къ горизонту. Направо синѣла тоже волнистая линія лѣсовъ; налѣво—въ дымкѣ—обозначались горы Оверни. На холмахъ, въ оврагахъ, въ кущѣ деревьевъ выглядывали фермы: низкіе домики подъ черепичной крышей; возлѣ—сараи, сложенные изъ глины; близъ фермы—огороды, фруктовыя деревья.

— Все это земли вашихъ подчиненныхъ?—пошутила спутница.

— Нѣтъ, мои самыя отдаленныя ученицы—на четыре километра, не дальше. Мы же здѣсь высоко стоимъ, передъ нами десятки километровъ открываются.

— Четыре километра къ западу, четыре къ востоку,—говорила спутница, указывая рукой,—такъ это о! какъ далеко! Я желала бы имѣть столько bons-sujets.

— Oui, mes bons-sujets,—повторила и m-lle Бельваль.—Вы вѣрно сказали. И я очень цѣню тѣ добрыя отношенія, какія установились у меня съ крестьянами. Подумайте, я двадцать лѣтъ здѣсь сижу. Помимо ежедневныхъ классовъ, я завела еще воскресные классы, classe d'adultes, для взрослыхъ. И они посѣщаютъ классы аккуратно. Я посылала на послѣднюю, парижскую всемірную выставку образцы рукодѣлій взрослыхъ учениц,

и представьте,—онѣ получили бронзовую медаль! Разумѣется, восторгъ полный, и каждая про себя думала, что это именно за ея-то работу и выдали награду... У меня учатся дѣти дѣтей моихъ ученицъ! Всѣ окружные крестьяне такъ ко мнѣ привыкли за двадцать лѣтъ, что нѣтъ крупнаго событія въ самой отдаленной семьѣ, чтобъ они не спѣшили сообщить мнѣ, спросить моего совѣта. Помолвятся—меня первую оповѣщаютъ. Родится ребенокъ—первый выходъ съ нимъ ко мнѣ. Умретъ кто въ семьѣ—со мной поплачутъ. Они знаютъ, какъ я искренно отношусь къ нимъ. Меня приглашали въ города старшей учительницей—я отказалась. Сжилась я съ ними со всѣми. Всѣ они мнѣ близки.

Рѣчь m-lle Бельваль текла убѣдительно. Солнце ласково грѣло безоблачное, голубое пространство и стрекозы весело стрекотали. Передъ нашими глазами разстилалась мирная деревенская картина; мы сами удобно усѣлись на бревнахъ, отдѣлявшихъ поля отъ проселочной дороги. Мы всѣ три находились въ ровномъ, благожелательномъ настроеніи. Невольно, вслухъ, сказалась мысль:

— Выходитъ, нѣтъ лучшей карьеры для трудовой женщины во Франціи, какъ карьера сельской учительницы...

— Безспорно!—воскликнула m-lle Бельваль.

— Современная литература и театръ иное говорятъ...

— Въ театрѣ я не бываю; современной литературой занимаюсь только одной—педагогической, потому что другая, современная, diffame la femme française; да, безчеститъ французскую женщину,—повторила m-lle авторитетно. Ея большіе близорукіе глаза метнули лучи.—Я не идеализирую достоинствъ моихъ товарокъ... Dame! nous ne sommes pas des religieuses, не монахини безгрѣшныя, и наша карьера имѣетъ условія положительныя. Первое: сельская учительница должна быть изъ той же провинціи (du même département)! но не изъ самой мѣстности, гдѣ она учительствуетъ—иначе престижа не будетъ—on lui tapera sur le ventre,—извините за выраженіе. Второе—она должна знать, приблизительно, мѣстныхъ жителей, и чтобъ мѣстные жители знали, что ихъ школьная учительница—не первая попавшаяся особа съ вѣтру. Она должна жить при школѣ съ родителями или съ кѣмъ изъ родственниковъ и не чувствовать себя одинокой. Въ гости, по просту, отъ скуки, нельзя ходить къ крестьянамъ. *Они* должны приходить. А если она полюбитъ и обвѣнчается съ мѣстнымъ учителемъ, и у нея пойдутъ дѣти—oh! тогда дѣйствительно—c'est le comble du bonheur.

— И въ рай не пожелаешь,—досказала спутница.

— Простите... сколько вы получаете гонорара, какъ сельская учительница? — спросила я.

— Сто франковъ въ мѣсяцъ [1]. Скоро буду получать при жалованьѣ и пенсію. Конечно, я всего не трачу. Дѣлаю разныя gâteries дѣтямъ, моимъ старикамъ. Покупаю интересныя книги на свой счетъ для моихъ учениць.

— Помогаете бѣднымъ,—досказала спутница.

— Не очень. Некому. У всякаго свое есть; ну, разумѣется, когда варю бульонъ, подѣлюсь съ немощной старухой или съ ближайшей родильницей. Мой главный расходъ—переплеты; до страсти люблю хорошіе.

Я вспомнила полки съ красивыми книгами въ спальнѣ m-lle Бельваль.

— Однимъ словомъ, пока, живу въ свое удовольствіе на свои трудовыя средства.

— Вотъ вы и безъ дѣтей, une célibataire, — замѣтила спутница,—холостая, а тоже вполнѣ довольны вашей судьбой.

— Потому что у меня есть мои старики-родители. Они почти весь годъ со мной живутъ.

— И потомъ,—подсказала спутница,—я думаю, у васъ столько было жениховъ, что и не оберешься!

— Да и теперь есть,—отвѣтила просто m-lle Бельваль.— Прежде не хотѣла идти замужъ, свободу терять. Избалована была я своими стариками. Теперь... уже стара стала для замужества. А умрутъ они—ужасно подумать: одиночество! Aussi comme nous nous aimons, comme nous nous resserrons...—Глаза m-lle Бельваль наполнились слезами.

— Одиночество со всѣми этими bons-sujets-là!—воскликнула спутница, указывая рукой на раскинувшіяся передъ нами фермы?

— Да. Они придутъ ко мнѣ поплакать. А я-то не должна. Они мнѣ не ровня. Ce ne sont pas mes égaux. Я должна всегда сохранять достоинство d'une femme supérieure à eux. Нѣтъ, въ нашей карьерѣ, какъ во всякой, есть и розы, и тернія.

Мы стали собираться въ путь. M-lle Бельваль пригласила зайти къ ней, выпить кофе на дорогу. Мы, конечно, отказались, не желая утруждать ее.

— Черезъ пятнадцать дней экзамены въ нѣкоторыхъ сель-

---

[1] Въ „Новомъ Времени", отъ 8-го сентября 1901 г., было сказано, что въ Россіи есть школы, гдѣ народные учителя, слѣдовательно и сельскія учительницы, получаютъ *30 руб. жалованья въ годъ*. А одинъ сельскій учитель, за пятнадцатилѣтнюю службу, получалъ пенсіи 3 руб. въ мѣсяцъ.

скихъ школахъ нашей префектуры. Хотите пріѣхать въ Виши?— предложила учительница на прощанье.—Это отъ васъ не далеко. Часъ въ экипажѣ. Я попрошу разрѣшенія у инспектора (Inspecteur cantonal). Премилый человѣкъ. Вы увидите на экзаменахъ десятка два сельскихъ учителей и учительницъ.

Я, разумѣется, очень обрадовалась такому неожиданному предложенію.

— Бываютъ еще разъ въ годъ учительскіе съѣзды. На нихъ мы обсуждаемъ разные вопросы, близкіе намъ, педагогамъ. Жалѣю, что не могу пригласить и васъ. Съѣздъ бываетъ позднѣе, осенью.

Мы разстались съ m-lle Бельваль—до скораго свиданія.

— На-дняхъ напишу, какого числа экзамены!—крикнула она вслѣдъ экипажу.

Буланая лошадь побѣжала рысцой. Кучеръ уже и не подхлестывалъ ее. Изъ молодого дубняка понесся тонкій ароматъ листьевъ, цвѣтовъ, травъ, нагрѣтыхъ за день іюньскимъ солнцемъ. Среди роскошныхъ кустовъ дрока ярко выдѣлялись его золотистые бутоны, будто сами просились, чтобы ихъ сорвали; но моя спутница забыла о цвѣтахъ, и все восхваляла mademoiselle Бельваль.

— Любезная, обходительная особа. Всѣ свѣдѣнія вамъ дала и о школѣ, и о себѣ, и на экзамены пригласила; une charmante femme!

На меня нашла мечтательная грусть: что она теперь, бѣдная, дѣлаетъ? Нельзя никуда пойти, поговорить по душѣ, „чайку напиться“, даже къ такимъ фермерамъ, у которыхъ она, вонъ, третье поколѣніе воспитываетъ. Постоянно соблюдай дипломатію и съ кюрè, и съ мэромъ. Постоянно будь на сторожѣ и копи, потому что впереди—одиночество, немощи,—копи, потому что „l'argent—c'est la dignité“. Пока силы есть, разсчитывай даже прислугу взять.

— Теперь, небось, сама плиту разводитъ,—продолжала я вслухъ.

— Нѣтъ, у нея керосинка въ двѣ канфорки,—отвѣтила спутница.

— А потомъ, вечеромъ, сиди одна... Тоска!

Между тѣмъ, мы подъѣхали къ нашему дому, опять восхваляя учительницу.

Вечеромъ я стала просматривать ту книжку, что мнѣ дала

m-lle Бельваль и по какой дѣти сдаютъ экзамены въ сельскихъ школахъ.

„La Première année d'Instruction Morale et Civique".

Эпиграфъ взятъ изъ П. А. Курié: „Чему надо обучить дѣтей?—Тому, что̀ они должны дѣлать, когда подростутъ".

Въ первой главѣ этой книги, конечно, прежде всего, говорится о *семьѣ*: о любви, уваженіи, повиновеніи родителямъ, и тутъ же приводится статья закона, по которой родители, въ случаѣ серьезнаго недовольства дѣтьми, имѣютъ право засадить ихъ въ тюрьму на срокъ, сообразно ихъ возрасту. Объясняя *долгъ* дѣтей относительно родителей, опять приводится статья закона, по которой дѣти обязаны содержать своихъ родителей; подробное объясненіе долга относительно самого себя и ближняго. Послѣ семьи—*школа и мастерская*. Что̀ такое школа, учитель, ученикъ? Правила въ отношеніяхъ къ школѣ, учителю, къ мастерской и къ хозяину. Наставленія и совѣты по поводу развлеченій. Добрые и дурные нравы, товарищи; а также приводится и статья закона, ограждающая трудъ малолѣтнихъ.

За правилами, объясненіями и наставленіями идетъ выводъ—résumé, который ученикъ (а у m-lle Бельваль—ученица) должны заучивать дословно, какъ катехизисъ. Затѣмъ прочитать, списать и разсказать своими словами прилагаемые разсказы поучительно-трогательные (съ картинками) на ту тему, какая трактовалась въ соотвѣтствующей главѣ.

Не могу я здѣсь не списать перечень нѣкоторыхъ главъ этой книжки. Иныя изъ нихъ очень интересны да и небезполезны. Напримѣръ: *Общество.* Разница общественныхъ классовъ. Свобода труда (глава въ демократическо-буржуазномъ духѣ). Употребленіе сбереженій. Ассоціаціи (при этомъ картинка, какъ куча дѣтей легко катитъ громадное бревно). Общество предусмотрительности, страхованія, закладныя. Забастовки, стачки. Достоинство рабочаго.—*Землепашество.* Разница между землевладѣльцемъ, фермеромъ и половникомъ. Необходимость грамотности для крестьянина.—*Купецъ.* Что̀ такое торговля, торговыя книги. Коммерческіе суды, несостоятельность, законы о банкротствѣ. Совѣты—и нравственные, и матеріальные, и опять—статьи закона. *Глава VIII.* Государственный чиновникъ, чиновница. *Глава IX.* Бракъ, обязанности вступающихъ въ бракъ, домашнія сбереженія. Обязанности отца семейства (у m-lle Бельваль — матери семейства). Опека. Несовершеннолѣтіе. *Глава X.* Гражданскія права. *Глава XI.* Государство. Что̀ такое: община, муниципальный совѣтъ, мэръ, его помощники. Кантонъ, подпрефектура, де-

партаментъ (губернія). Общій генеральный совѣтъ, префекты. Палата депутатовъ и сенатъ. Правительство. Законодательная и исполнительная власти. *Глава XII.* Администрація: министры; министерство народнаго просвѣщенія, министерство юстиціи, министерство духовныхъ дѣлъ, министерство земледѣлія, торговли и промышленности, публичныхъ работъ, почтъ и телеграфовъ, министерство иностранныхъ дѣлъ, военное министерство, морское вѣдомство и вѣдомство колоній, министерство финансовъ, взиманіе налоговъ.

Все это изложено популярно, ясно, кратко, но съ точными указаніями, чѣмъ каждое министерство завѣдуетъ.

Глава XIII и послѣдняя. Права и обязанности каждаго гражданина во Франціи. Краткое ознакомленіе съ политикой, политическими правами и обязанностями.

Закрывая книжку, я невольно подумала:

— И это полагается знать наизусть каждому французику отъ 6 до 14 лѣтъ—включительно; равно и маленькимъ француженкамъ, въ ихъ отроческомъ возрастѣ, и сдавать экзамены по всѣмъ этимъ главамъ!

III.

Сыновья моей спутницы тоже помогли мнѣ въ развѣдкахъ о сельской учительницѣ,—всего больше тотъ, который былъ въ перепискѣ съ профессоромъ изъ Ліона.

— Ah, madame, вотъ куда вамъ надо съѣздить: Chênes-Verts, la bourgade. Это село „Зеленые дубы“ преинтересное!—восклицалъ онъ съ энтузіазмомъ. — Жанна, жена нашего товарища Фавье,—оттуда. Она въ восторгѣ будетъ поѣхать съ вами, повидать родителей. Вы и остановитесь у ея родителей, если захотите. Тамъ есть и гостинница. Родители Жанны—буржуà—ancien régime. Отецъ—un vrai type! Да тамъ, впрочемъ, все интересно. Самая бургада—подумайте только!—двѣсти лѣтъ назадъ, среди непроходимыхъ лѣсовъ, въ котловинѣ, стоялъ монастырь; къ нему спускалась тропинка, подъ сѣнью лиственныхъ арокъ. Монахи промышляли, выдѣлывали ликёръ, носившій названіе „листовки“. Теперь отъ этой дремучей мѣстности ничего не осталось: ни лѣсовъ, ни монаховъ, ни ликёра. Сохранилась, какимъ-то образомъ, часть монастырской стѣны и павильонъ, гдѣ были службы, въ которомъ родители Жанны и живутъ. На мѣстѣ же монастыря выросла цѣлая бургада—село въ 3.000 жителей; есть десятокъ ткачей-кустарей; они ткутъ пе-

стрый муссelинъ для южныхъ странъ... Вся мѣстность тоже промышляетъ; платки вяжутъ; но для васъ главное дѣло не въ бургадѣ, я понимаю; тамъ при земской школѣ — учитель; для дѣвочекъ—духовная школа, разрѣшенная правительствомъ; „сестры" преподаютъ. Я понимаю, понимаю, вамъ нужна исключительно сельская учительница; она васъ интересуетъ, знаю. Такъ вотъ: оттуда, изъ бургады, на другой день утромъ, вмѣстѣ съ Жанной вы и отправитесь дальше. Тамъ нѣсколько деревень въ горахъ, дикихъ-предикихъ. Если здоровье вамъ позволитъ—дороги отличныя—доѣзжайте до деревеньки: Les Rochers; отъ бургады три-четыре часа на лошадяхъ. Это уже въ департаментѣ Роны. Тамъ такая дичь, такаи дичь, что по-французски не понимаютъ, говорятъ на особомъ діалектѣ. Двадцать-пять лѣтъ назадъ изъ этой мѣстности въ солдаты не брали: мозгомъ—кретины; тѣломъ—обезьяны. Руки длинныя, черепа назадъ. И вотъ въ этой-то дикой мѣстности, Les Rochers, поставили двадцать лѣтъ назадъ первую школу. Учительница одна и та же. Вѣдь это какъ интересно для вашихъ развѣдокъ!

— Не думаю, чтобы тамошняя учительница блаженствовала, какъ блаженствуетъ m-lle Бельваль,—замѣтила я.

— Разумѣется! M-lle Бельваль — одна изъ счастливицъ. Знаете ли, по послѣдней статистикѣ, на 150.000 учительскаго персонала народной школы, 100.000 получаютъ такое ничтожное жалованье, что самые изъ нихъ способные и предпріимчивые избираютъ другую профессію.

— Все-же не меньше 900 франковъ получаютъ?

— Еще бы! Отъ 900 до 1.600 франковъ.

Впрочемъ, у насъ, въ Россіи, есть сельскіе учителя, которые получаютъ въ половину меньше и безъ квартиры...

— По послѣдней статистикѣ видно,—продолжалъ молодой человѣкъ, — что вообще заработокъ умственнаго труда падаетъ въ цѣнѣ во всѣхъ профессіяхъ, а заработокъ труда физическаго наоборотъ—возростаетъ. Конечно—относительно съ прежнимъ временемъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, какъ вамъ будетъ полезно видѣть совершенно иную школу, чѣмъ у m-lle Бельваль! Только вы не называйте родину Жанны „la bourgade" — она обижается,—говорите: „la ville". Въ учебникахъ географіи стоитъ: „la bourgade", но она обижается.

Эта поѣздка меня сильно заинтересовала: повидать диковинную школу, повидать бургаду, познакомиться съ родителями Жанны Фавье...

Я немножко уже знала эту Жанну Фавье. Она приходила въ

гости къ моей хозяйкѣ вечеркомъ, когда запрутъ магазины. Тихая, внимательная, она была мнѣ симпатична.

Все устроилось именно такъ, какъ говорилъ младшій сынъ. Жанна очень обрадовалась, и мы съ ней поѣхали повидать родителей; но я остановилась не въ гостинницѣ. Самая же бургада, ткачи муссэлина, родители Жанны, скупщики вязаныхъ платковъ, ихъ удивительный павильонъ, обѣдъ, на который они меня пригласили, ихъ знакомые и разговоры, какіе велись на обѣдѣ— все это живьемъ вызвало въ моей памяти французскіе романы съ реальнымъ описаніемъ провинціальной жизни. То, что мнѣ случалось читать, слилось съ дѣйствительностью... Болѣе двухъ сутокъ я боялась остаться въ бургадѣ, боялась охладѣть къ моимъ развѣдкамъ о сельскихъ учительницахъ. Мои же новые знакомые не могли дать мнѣ не только письма къ учительницѣ въ Les Rochers, но даже кратко разсказать, кто она. Видно было, что ни въ самомъ селѣ Chênes-Verts, la bourgade, ни въ его окрестностяхъ, нисколько и не интересуются учительницами, ни мѣстными, ни сосѣдскими. Роли онѣ никакой не играютъ, и жители смотрятъ на нихъ какъ на мелкихъ „чинушекъ“.

— И зачѣмъ вамъ ѣхать такую даль? Что интереснаго?— говорилъ отецъ Жанны.—Четыре часа въ „ля-франсэзъ“ туда и оттуда столько же. (Я въ первый разъ слышала названіе такого экипажа—„la française“). Прежде это были совсѣмъ потёмки.

— Вотъ это-то именно меня и интересуетъ. Утверждаютъ: до постановки школы, двадцать лѣтъ назадъ, ихъ въ солдаты не брали.

— Ну, а теперь не то! но развѣ это желательно? Кричатъ: de l'instruction et encore de l'instruction!.. А я твердилъ прежде и теперь повторю всѣмъ: n'en faut plus. Довольно! Наставили, наставили этихъ школъ... Конечно, съ образованіемъ парень (le gars) мѣтитъ выше сохи, бросаетъ деревню, городъ привлекаетъ его. И сколько потомъ мыкается такихъ déclassés!..

Всѣ присутствовавшіе сочувственно вторили.

Рано поутру къ крыльцу гостинницы подали двухмѣстный экипажъ, на двухъ высокихъ колесахъ, „la française“: въ родѣ кабріолета, но въ „la française“ козлы ниже сѣдоковъ, они какъ бы между колесъ. Мнѣ въ первый разъ приходилось ѣхать въ такомъ экипажѣ. Трактирщикъ, трактирщица, Жанна и ея тетка хлопотали. Принесли стулъ. Кучеръ Клодъ—маленькій, худой, въ какомъ-то ухарскомъ картузѣ, въ пиджакѣ, держалъ лошадь подъ уздцы и ухмылялся, видя, какъ я не могу усѣсться.

Наконецъ, я взобралась. Легкій клеенчатый верхъ откинули, застегнули фартукомъ; Жанна помѣстилась рядомъ со мной. Клодъ-кучеръ—низко, въ ногахъ. Козлы, такимъ образомъ, не заслоняютъ вида мѣстности.

— Добраго пути, добраго пути!—желали намъ хозяинъ, хозяйка, тетка и тѣ рѣдкіе прохожіе, которые остановились поглядѣть, какъ я усаживаюсь со стула въ экипажъ.

Связали корзинку съѣстного, дали лишній couverture de voyage; однимъ словомъ, отправили на цѣлыя сутки, съ ночевкой въ Les Rochers.

Мѣстность пошла въ полномъ смыслѣ „съ горки на горку". La française очень пріятно катилась, не тряся, слегка покачивая, какъ люлька, баюкая. Воздухъ легкій, съ вѣтеркомъ; коегдѣ рощицы; всѣ холмы обработаны подъ поля, но селенія опять очень рѣдки. Шоссейныя дороги содержатся въ отличномъ порядкѣ.

Возница-Клодъ досталъ кисетъ съ табакомъ:

— Vous permettez?..—И, не дожидаясь отвѣта, скрутилъ папироску.

Онъ курилъ, затягиваясь и сплевывая „съ шикомъ" въ сторону, какъ удалый русскій мастеровой. Вообще, во всей его повадкѣ было много, что̀ напоминало именно русскаго мастерового.

Клодъ палилъ уже третью „сигарку".

— Какъ это вы не можете потерпѣть!—наконецъ замѣтила ему Жанна.

— Вотъ, въ октябрѣ женюсь и совсѣмъ брошу!—отвѣтилъ онъ.

— Почему именно тогда только бросите?

— Копить стану—pour les petits Claudes à venir.

— Вы еще не оставили эту идею—жениться на porteuse de pain?

— Она ужъ больше не разноситъ хлѣбы, поступила въ горничныя на-водахъ,—отвѣтилъ онъ горделиво.—Устала. Подите, потаскайте каждый день 70—80 кило̀ хлѣба—устанешь, обрадуешься мѣсту горничной.

— Она обрадовалась, а тѣ господа, къ которымъ она поступила...

— Привыкнетъ! Я же былъ сперва каменьщикомъ; а теперь, вотъ, кучеръ, да еще иностранную даму везу.—Онъ сдвинулъ свою шапчонку, повернулся къ намъ корпусомъ.—Хорошо везу, не скажете, что плохо, hein?!

— Вы—каменьщикъ, при такомъ маленькомъ ростѣ и худомъ тѣлѣ?—не воздержалась я замѣтить.

— Десять лѣтъ былъ въ каменьщикахъ, съ 17-ти до 27-ми. Помогалъ родителямъ, самъ проживалъ 75 франковъ въ мѣсяцъ, да накопилъ 6,000 франковъ!—Вы посмотрите, каковы у меня бисепсы — стальные! Что-жъ, что худъ да невзраченъ. Вотъ!— Клодъ хвастливо вытянулъ свободную руку, напрягая мускулы.— Въ кучерахъ столько не заработаешь, нѣтъ!—Развѣ счастливый случай пошлетъ добрую иностранную даму.

Клодъ взглянулъ плутоватыми глазами въ мою сторону. Я дала ему наканунѣ два франка, за проѣздъ съ желѣзной дороги.

— Какъ же вы могли заработывать такъ много въ каменьщикахъ? Сколько же вы получали?

Клодъ начиналъ меня интересовать.

— Сперва два франка пятьдесятъ сантимовъ въ день, а дошелъ и до семи франковъ. Еслибъ не накопилъ шести тысячъ, такъ не подумалъ бы обзаводиться семьей. У невѣсты земля есть; на ней домъ ставимъ, корову купимъ и заживемъ. Я буду въ кучерахъ служить; она умѣетъ пошить, будетъ брать на домъ работу.

Не знаю, отъ куренія ли Клода, или отъ пріятнаго баюканья française, только мнѣ стало дѣлаться не по себѣ... Голова кружилась.

Жанна замѣтила, что мнѣ нехорошо.

— Клодъ, прошу васъ, не курите!—просила Жанна.

— C'est bon, c'est bon, не буду.

Не проѣхали и часу, какъ со мной началась та же дурнота.

— Вотъ, доѣдемъ до Puits-Rouge — и довольно, — сказалъ Клодъ.—Тамъ тоже школа. Ваша дама вѣдь интересуется ими.

— Да мнѣ нужно видѣть самую бѣднѣйшую!

— Puits-Rouge?! Бѣднѣе этого во всей префектурѣ не найдете. Селеніе маленькое, производства никакого. Живутъ тѣмъ, что дѣтей берутъ на выкормку изъ города, изъ дома призрѣнія найденышей. Намъ все равно не миновать Puits-Rouge. Будете хорошо чувствовать себя—поѣдемъ дальше, до Rochers.

— Онъ правъ,—замѣтила Жанна:—я совсѣмъ и забыла, что въ Puits-Rouge есть школа.

— Все это не то̀! Тамъ тридцать лѣтъ назадъ въ рекруты не брали: кретины были.

— Тридцать лѣтъ назадъ,—повторилъ Клодъ,—тамъ были простофили, неотесанные, а теперь другимъ не уступятъ, всему научились. Если хотите помогать бѣднымъ—нечего ѣздить по де-

ревнямъ; лучше поѣзжайте въ города. Тамъ бѣдность. Насмотрѣлся я въ каменьщикахъ.

— А вы сами грамотный или нѣтъ?

— Нѣтъ, не-грамотный.

— Вотъ какъ! — сказала я Жаннѣ.

Та удивленно взглянула на меня.

— Дама спрашиваетъ, умѣете ли вы читать и писать? — повторила Жанна.

— Mais puisque je lui dis, à votre dame, que non!.. Вы сами знаете, я не обученъ.

Этотъ разбитной малый, обладатель нѣсколькихъ тысячъ франковъ, уроженецъ центральной Франціи, и вдругъ — безграмотный!

— Какъ же это такъ? — обратилась я уже прямо къ нему. — При даровомъ, обязательномъ обученіи?

— Что-жъ, что обязательное? Я и былъ въ школѣ три раза, чтобъ заявиться. Учитель видѣлъ меня въ школѣ и — довольно. Не по своей винѣ не пошелъ учиться. Обстоятельства заставили. Я одинъ въ нашей семьѣ неграмотный. Старшій братъ ушелъ на заработки, тоже каменьщикъ. Остались маленькіе братья, сестры. Я одинъ былъ тогда побольше. Отцу нужны были руки въ хозяйствѣ. Я и работалъ съ нимъ дома. Меньшіе всѣ грамотные. О! Еслибъ я былъ грамотный!..

— Vous auriez vu clair! — вырвалось у меня опредѣленіе отца моей спутницы.

— Вотъ это вы сказали вѣрно, — ясно видѣлъ бы жизнь, вѣрно!

Но мнѣ было не до похвалъ Клода. Опять закружилась голова, зазвенѣло въ ушахъ... Кучеръ погналъ лошадь, и мы быстро добрались до Puits-Rouge.

— Въ деревнѣ ресторана нѣтъ, — сказалъ Клодъ, — есть простая buvette, стойка. Я самъ туда не пойду; здѣсь буду дожидаться васъ. Вы въ школѣ отдохнете.

— Гдѣ же самое селеніе?

Клодъ махнулъ рукой въ противоположную сторону, откуда мы пріѣхали:

— Тамъ, подъ горой... Деревни не видно отсюда.

— А названіе Puits-Rouge?

— Вотъ отъ этого колодца, — въ немъ вода красноватая.

IV.

Мы остановились на очень обширной площадкѣ. Направо—колодезь деревенскій, журавлемъ; налѣво—школа, большое двухъэтажное зданіе за рѣшеткой, очень внушительное.

— Пойдемте прямо въ школу!

Вблизи школа смотрѣла странно. Половина рѣшетки разрушена... Штукатурка зданія школы дала трещины, около водосточныхъ трубъ—потеки. Но зданіе внушительное, двухъ-этажное, съ большими окнами. На фронтонѣ зданія крупно выбиты слова: „Liberté, Egalité, Fraternité". Между школой и рѣшеткой—большой дворъ. Школа стоитъ совершенно одиноко.

Въ школѣ не замѣтно никакого движенія,—а было около двухъ часовъ дня. Входная дверь отворена настежь, прямо идетъ лѣстница наверхъ. Мы повернули налѣво, наугадъ. Раздѣвальни нѣтъ; нѣтъ ни шляпъ, ни корзинокъ, какъ у m-lle Бельваль. Мы прошли по свѣтлому корридору, уперлись въ дверь; оттуда неслись десятки дѣтскихъ голосовъ; дѣти хоромъ отвѣчали урокъ. Я прислушалась: они расчленяли басню Лафонтэна: *Дружба Собакъ*. Учительница задавала вопросы; дѣти отвѣчали хоромъ и на нихъ. Потомъ всѣ смолкли. Мы постучались въ дверь. Отвѣта нѣтъ. Мнѣ стало дѣлаться неловко, какъ передъ знакомствомъ съ m-lle Бельваль, но Жанна храбро отворила дверь; за ней двинулась и я.

— Извините, прерываемъ ваши занятія, но вотъ дама, иностранка, ей сдѣлалось дурно по дорогѣ въ Les Rochers, нельзя ли у васъ оправиться, отдохнуть? — выговорила Жанна просительно.

Съ каѳедры соскочила учительница, молодая, исхудалая, растерянная; видомъ—не то швея, не то мелкая прикащица.

— Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой! — засуетилась она заботливо.—Пожалуйста, пожалуйста отдохните. Хотите прилечь наверху? Я васъ сведу къ себѣ. Классы скоро кончатся. Дѣти! Не шумите, не надвигайтесь. По мѣстамъ, по мѣстамъ!

Мнѣ совѣстно сдѣлалось отъ этого неожиданнаго пріема,—я стала опровергать свое недомоганіе.

— Главное, интересуетъ меня деревенская школа.

— Ахъ, скажите! Какъ я рада! Вѣдь я здѣсь умираю съ тоски, отъ одиночества. Мы жили здѣсь съ мужемъ; но, вотъ, пятнадцать дней назадъ, его перевели въ другую commune, далеко отсюда; онъ жандармъ—brigadier (солдатъ). Я чуть съ ума

не сошла... Черезъ недѣлю пріѣзжаетъ ко мнѣ его сестра; а черезъ мѣсяцъ, много два, меня здѣсь больше и не будетъ. Я уже обратилась къ ректору съ прошеніемъ. Дѣти хорошія, прилежныя, столкновеній у меня ни съ кѣмъ нѣтъ. Да и съ кѣмъ здѣсь?! Только я не могу, не могу жить въ одиночествѣ. Я не привыкла. Я непремѣнно заболѣю. Я это чувствую.

Насъ окружило десятка три дѣтей, мальчики и дѣвочки. Самому старшему—лѣтъ одиннадцать; остальныя—моложе. Дѣти очень бѣдныя, въ штопанныхъ грязныхъ платьяхъ, лица загорѣлыя, какъ головешки, выцвѣтшіе волосенки, худенькія, но въ общемъ производили впечатлѣніе именно — какъ говорила учительница — „хорошихъ“ дѣтей. Одна пара особенно бросилась мнѣ въ глаза: мальчикъ—лѣтъ восьми, и дѣвочка—лѣтъ шести, голубоглазая красавица. Оба, и тотъ, и другой, одѣты въ черный, порыжѣлый коленкоръ; на ней даже черный чепчикъ, изъ подъ котораго выбиваются бѣлокурые локончики. Сколько мнѣ ни приходилось видѣть здѣсь дѣтей, но такой красотки и съ такимъ осмысленнымъ, тонкимъ личикомъ я и не видывала.

— Кто эти дѣти?—спросила я учительницу. Мальчикъ держалъ дѣвочку за руку.

— Питомцы du père Laurent.

— Пожалуйста, продолжайте классъ! Мы выйдемъ пока.

— Нѣтъ, нѣтъ, останьтесь. Ваше присутствіе нисколько не стѣсняетъ. Теперь у насъ начнется классъ чистописанія. Дѣти, по мѣстамъ! Вы помните, не оконченъ еще предъидущій урокъ. Paul Lami, прочтите, что написано на doскѣ мѣломъ.

— „Citez les noms des chiens et citez les noms des arbres fruitiers“.

Послышалось медленно, неувѣренно, то тутъ, то тамъ:

— Цезарь, Діана, Рыжая, Милордъ, Паша̀, Жужу, Фидель, Пло̀нъ.

— Скорѣе, скорѣе!—подталкивала учительница:—не спите!

Больше двадцати, кажется, не насчитали. Потомъ пошелъ перечень фруктовыхъ деревьевъ, съ названіемъ ихъ плодовъ. Этотъ перечень вышелъ тоже небогатъ.

Меня удивилъ общій сонливый видъ дѣтей: никакого возбужденія, даже охоты похвалиться передъ заѣзжими посѣтительницами.

Не мудрено: воздухъ въ школѣ стоялъ удушливый, несмотря на высокое, обширное помѣщеніе класса. Здѣсь могли бы свободно помѣститься не тридцать, а и всѣ шестьдесятъ дѣтей; но окна закрыты нá-глухо на сѣверъ и на югъ. Вѣроятно ихъ

давно не открывали: въ рамахъ виднѣется паутина, стекла загажены мухами... Карты на стѣнахъ—и географическія, и зоологическія, наглядная карта французскихъ королей, статуя Республики въ трехцвѣтной матеріи, парты и скамьи учениковъ—все это пыльно, грязно, страшно небрежно...

Учительница показала намъ тетради чистописанія. Здѣсь буквы еще больше крутились закорючками и напоминали листья по вѣтру.

— Вы себѣ вообразить не можете,—говорила г-жа Гурми—она сама назвала свою фамилію,—до какой степени дѣти приходятъ въ школу неразвитыми; они дальше двухъ не умѣютъ считать. Надо удивляться, какъ они еще быстро привыкаютъ къ ученію.

— Молитвы какія они знаютъ?—спросила я, вспомнивъ, что церкви не видно вокругъ.

— Это до меня не касается—дѣло родителей. Врядъ ли они даже имѣютъ какое понятіе о Богѣ, пока не начнутъ готовиться къ первому причастію.

— У васъ всѣ дѣти причащаются? Церковь, кажется, далеко?..

— Всѣ. Церковь—четыре километра. Бѣгаютъ. Я освобождаю ихъ тогда отъ ученія, хотя это не полагается по школьному уставу.

— А вдругъ пріѣдетъ кантональный инспекторъ—и учениковъ недостаетъ?

— Oh, pas de danger!.. Инспекторъ бываетъ всего разъ въ теченіе года. Начальство рѣдко заглядываетъ въ такія дыры, какъ эта; да еслибы и заглянуло,—что же, le malheur n'est pas si grand...

— Вообще, вы, учителя и учительницы, строго слѣдите за тѣмъ, чтобы дѣти не пропускали классовъ, аккуратно ходили въ школу, ежедневно?—допрашивала я г-жу Гурми, подъ впечатлѣніемъ разсказа кучера Клода.—Теперь вѣдь нѣтъ неграмотныхъ дѣтей во Франціи, школа обязательна? Съ васъ же, учителей и учительницъ, это требуется?

— Да,—отвѣчала г-жа Гурми, какъ будто слегка стѣсняясь:—каждый ребенокъ отъ шести до четырнадцати лѣтъ долженъ имѣть свидѣтельство, что посѣщаетъ школу.

— Посѣщаетъ!.. Можно посѣтить ее два-три раза въ годъ и каждый день посѣщать...

— Случается, что только два-три раза.

— А развѣ экзамены не обязательны?

— Ахъ, Боже мой,—опять начала волноваться г-жа Гурми,

теперь уже видимо отъ моихъ вопросовъ:—да все обязательно, cela se comprend! Да, у насъ должны бывать и бываютъ экзамены; тогда мы и веземъ лучшихъ учениковъ въ ближайшее мѣсто, гдѣ назначены эти экзамены,—всегда для нѣсколькихъ школъ разомъ и, разумѣется, не въ такой дырѣ, какъ эта. Но что же дѣлать, если лучшіе ученики все одни и тѣ же, дѣти достаточныхъ родителей? Господи, что же дѣлать учительницѣ, если въ этой дырѣ такая бѣднота! Надо обработывать землю, нужны руки, некогда отлучаться, готовиться къ экзаменамъ, некогда ходить въ школу, некогда! Знаете ли вы, что даже въ Парижѣ, на 156.000 записанныхъ школьниковъ, только 124.000 ходятъ въ школу. Остальные, 32.000, не могутъ ходить. Некогда...

— Ну, и здѣшніе—дома остаются,—продолжала она громко. —Да, и остаются! Какъ же я буду отъ нихъ требовать аккуратнаго посѣщенія школы? Не могу требовать! Надо не имѣть сердца! Не могу! Хоть самъ министръ пріѣзжай, я ему то же отвѣчу.

— А здѣсь мало рождается дѣтей?

— Достаточно! Есть семьи, гдѣ ихъ по шести человѣкъ; четверо—зачастую; но поймите: старшіе—на заработкахъ: выгоднѣе; остаются малыши! Они должны помогать въ семьѣ; подростки, родители—въ полѣ; поменьше—няньчатъ маленькихъ. Ну, какъ же я могу съ нихъ требовать аккуратнаго посѣщенія школы?!

— То самое, что было и въ семьѣ Клода,—подсказала мнѣ Жанна.

— Madame!—закричалъ кто-то изъ учениковъ.—Пора кончать классъ. Три часа! Часы Ледрю вѣрны.

Учительница взглянула на свои часики.

— Правда, правда!

Она побѣжала къ двери—звонить въ колоколъ.

Дѣти повскакали съ мѣстъ съ топотней и шумомъ.

— Отдадимъ имъ леденцы, которые вы купили для школьниковъ въ Les Rochers. Подождите, подождите!—громко крикнула Жанна.—Съ нами леденцы! Эта иностранная дама сейчасъ угоститъ васъ.

— А-а-а!—радостно пронеслось по классу.

Всѣ дѣти бросились ко мнѣ.

— Donnez, donnez!..—кричали они, напирая кучкой.

— Это что такое?!—воскликнула съ ужасомъ г-жа Гурми, когда вернулась въ классъ.

— Съ нами два кило монпансье; позвольте угостить вашихъ учениковъ?

Г-жа Гурми просіяла отъ этого неожиданнаго вниманія.

Когда Жанна принесла леденцы изъ экипажа, дѣти стали еще сильнѣе напирать толпой и кричать:

— Дайте! дайте!

— По мѣстамъ! Сейчасъ по мѣстамъ!—скомандовала энергично учительница. — Что это такое? Какъ дикіе, краснокожіе накинулись! По мѣстамъ! Всѣ получите поровну. Хорошаго мнѣнія будетъ о васъ эта дама, когда вернется къ себѣ, въ Россію. Она привезла вамъ конфеты, какъ добрымъ, маленькимъ французамъ; а вы дикіе, дикіе!.. Мнѣ стыдно за васъ.

Учительница такъ искренно застыдила, такъ горячо произнесла: „французы", „Франція", что всѣ тридцать-три малыша двинулись къ своимъ мѣстамъ, неохотно, но двинулись.

Я попросила учительницу раздать леденцы.

— Oh, нѣтъ, нѣтъ. Это будетъ несправедливо. Вы привезли, вы сами и угощайте.

— Дѣти, сидите каждый на своемъ мѣстѣ. Всѣ получите ровно по пригоршнѣ. Держите себя вѣжливо, comme il convient à des citoyens français!

Дѣти тискались теперь скорѣе на свои мѣста.

Я пошла раздавать. Дѣти нетерпѣливо хлопали руками о парты, стучали ногами, но оставались на мѣстахъ.

Одни, получивъ конфеты, говорили: merci! Другіе забывали сказать и сейчасъ—въ ротъ.

Дошла очередь до пары питомцевъ, до маленькой голубоглазой красавицы въ черномъ чепчикѣ и ея товарища въ черномъ беретѣ. Она облокотилась ручкой о парту и ждала своей очереди. Ея чудесные синіе глазки мечтательно глядѣли, какъ я положила передъ ней кучку леденцовъ и передъ ея товарищемъ—худенькимъ, тоненькимъ, вертлявымъ мальчикомъ—чистый типъ горожанина.

Жанна тоже тронута была ея личикомъ и ея преданностью товарищу.

— Pauvre petit ange,—сказала она, ласково беря дѣвочку за подбородокъ,—какъ тебя зовутъ?

Дѣвочка насупилась и упорно сжала губки.

— Ты не хочешь мнѣ сказать? Этой дамѣ будетъ очень пріятно знать, какъ тебя зовутъ. Она, видишь, какъ любезна: привезла вамъ конфетъ?

— Нисеттъ!—юрко отвѣтилъ за нее мальчикъ.

Дѣвочка молчала, опустила глаза и стала водить пальцемъ вокругъ леденцовъ, которые лежали передъ ней кучкой.

Раздача кончилась. Всѣ были надѣлены, довольны и горѣли нетерпѣніемъ бѣжать.

Учительница сидѣла у каѳедры.

— Ну, что теперь надо сказать?—спросила она.

Дѣти недоумѣвали.

— Merci bien, madame! Bon voyage, mesdames!

Дѣти повторили хоромъ.

— Et le salut? Le salut!..

Дѣти мотнули головами въ видѣ поклона.

— Ну, теперь уходите, попарно, попарно!..

Дѣти вышли на середину класса и пошли парами къ выходу. Для такихъ дѣтей все это происходило довольно тихо и въ порядкѣ.

Здѣсь, какъ и у m-lle Бельваль, дежурные притащили лейку поливать полъ. Г-жа Гурми хотѣла-было отворить окно, но задвижка заржавѣла.

— Никогда не могу отворить... Нѣтъ человѣческой возможности. Мужъ—и тотъ не могъ отворить! Оставимъ дверь настежь. Провѣтрится.

Дверь выходила въ свѣтлый корридоръ, накалившійся отъ оконъ на югъ.

Учительница захотѣла, чтобы мы пошли къ ней наверхъ—подкрѣпиться.

Широкая деревянная лѣстница поднималась во второй этажъ, въ квартиру учительницы. Комнаты высокія, свѣтлыя, но такія же недоконченныя, заброшенныя, какъ и все зданіе школы. Въ первыхъ комнатахъ даже мебели никакой не было. Большіе мраморные камины наполовину развалились, штукатурка на потолкахъ растрескалась.

— Почему у васъ такая заброшенность, точно бомбардировали вашу школу?

— Кажется, одно время здѣшнимъ мэромъ былъ очень богатый человѣкъ. Говорятъ, онъ и хлопоталъ, чтобы именно ставили школу въ мѣстности, гдѣ онъ мэромъ, далъ много своихъ денегъ; строили школу на́-скоро. Не знаю точно, умеръ онъ или уѣхалъ... Когда я поступила сюда, его уже не было, а школа оставалась все еще недостроенной. Вы замѣтили, рѣшетка и теперь валяется на дворѣ, столбы рушатся. Я сколько разъ заявляла мэру и его помощнику, что опасно жить въ этомъ домѣ, потолокъ можетъ рухнуть. Они обѣщаютъ прислать рабочихъ.

Вотъ второй годъ—рабочіе все еще не пришли. Мы съ мужемъ и не жили въ этихъ комнатахъ; ютились въ двухъ, да въ кухнѣ. Милости прошу, войдите. Ужъ извините, принимаю васъ въ столовой.

Мы вошли въ типичную французскую, буржуазную, маленькаго достатка столовую — такую же, какъ и у m-lle Бельваль. Изъ столовой, черезъ корридоръ, виднѣется чистая, свѣтлая кухня.

— Вы не держите прислуги?

— Нѣтъ, много свободнаго времени. Боже мой, просто не знаешь, чѣмъ пополнить его! Здѣсь вѣдь у насъ трудно насчетъ провизіи, нельзя иногда молока достать! Я держу куръ—это подспорье; но масла нѣтъ. Я научилась готовить на прованскомъ.

— Огородъ дается вамъ при школѣ?

— Полагается, да мы мало занимались имъ. Мужъ не привыкъ къ сельскимъ работамъ; нанимать работника—дорого обходится. Кое-какіе овощи имѣемъ...

Она достала изъ буфета бутылку краснаго вина, англійскихъ бисквитовъ и стала подчивать.

— Разскажите, пожалуйста, какъ вы—русская дама—попали въ нашу трущобу?

Я объяснила цѣль моей поѣздки.

— Oh, que c'est bien, ça! — Да, очень, очень хорошо, что вы интересуетесь бѣдными учительницами, именно захолустными. До сихъ поръ я не только не видала, да и не слыхала, чтобъ иностранная дама ѣздила по трущобамъ, какъ вы говорите, „интервьювировать“ насъ. Пожалуйста, разспрашивайте,—я все вамъ разскажу, что васъ интересуетъ. Незачѣмъ вамъ ѣздить и въ Les Rochers, если вы слабаго здоровья. Здѣсь не богаче крестьяне, чѣмъ тамъ; и по развитію—я вамъ повторяю—удивляться надо, какъ дѣти еще скоро привыкаютъ къ ученію, принимаютъ ученіе. Здѣсь большая бѣдность; крестьяне поддерживаютъ себя тѣмъ, что берутъ дѣтей на воспитаніе изъ ближайшихъ городскихъ питомниковъ. За грудного администрація даетъ двадцать франковъ въ мѣсяцъ. Большія деньги! Но по мѣрѣ того, какъ ребенокъ ростетъ, сумма уменьшается, и уже къ двѣнадцатилѣтнему возрасту крестьянинъ долженъ самъ давать за него администраціи столько-то въ мѣсяцъ,—не могу вамъ сказать точно—по скольку въ мѣсяцъ. Питомецъ свыше двѣнадцати лѣтъ считается рабочими руками, и эти деньги администрація откладываетъ ему въ приданое, къ его совершеннолѣтію, на обзаведеніе. Но вотъ горе: часто и дѣти, и воспитатели привязываются другъ

къ другу, какъ кровные; а крестьянину нечѣмъ платить; администрація требуетъ питомца назадъ. Вы замѣтили моего старшаго ученика Лами? Его кормильцы тоже люди бѣдные; Лами—примѣрный мальчикъ. Старикъ со старухой не нахвалятся имъ. Большое горе будетъ разставаться; Лами уже двѣнадцатый годъ.

— Вы жалуетесь на одиночество—помилуйте! вѣдь какія у васъ драмы происходятъ... Ваша помощь...

— Какая моя помощь? Тутъ деньги нужны — у меня ихъ нѣтъ.

Голосъ учительницы опять рѣзко зазвенѣлъ.

— Да и потомъ я вамъ разсказала всего одинъ случай; а вокругъ меня живетъ восемьсотъ крестьянъ! Мнѣ неприлично входить въ ихъ семейную жизнь. Я престижъ свой потеряю. Я обязана держать себя отъ нихъ далеко, съ достоинствомъ. Я—чиновное лицо, назначенное высшей администраціей.

— А вы какъ начали карьеру учительницы? Это ваше не первое мѣсто?

Г-жа Гурми смотрѣла женщиной лѣтъ подъ тридцать.

— Нѣтъ, первое; я не сразу попала въ сельскія учительницы. Я сирота, жила вмѣстѣ съ теткой; она—портниха. Въ школѣ я хорошо училась. Теткѣ жалко было ограничивать мое ученіе народной школой,—я перешла въ école supérieure, получила дипломъ. Мнѣ вышло мѣсто кассирши (receveuse) въ почтамтѣ нашего городка. Я три года прослужила на жалованьѣ 150 франковъ въ мѣсяцъ. Тетка была въ восторгѣ; но, Боже мой, какъ я измучилась за эти три года! Всѣ ночи не спала. Представляется мнѣ, что лѣзутъ въ окно, въ почтамтѣ, обворовываютъ кассу. Не разъ вскакивала въ бурную ночь, бѣжала, глядѣла. Тутъ присватался m-r Гурми. Какъ разъ мѣсто сельской учительницы не было занято здѣсь, гдѣ онъ служилъ жандармомъ. Я и замужъ вышла, и мѣсто учительницы получила! И такъ мы счастливо прожили эти два года, такъ счастливо... Нѣтъ, нѣтъ, я здѣсь ни за что не останусь,—лучше совсѣмъ выйду изъ педагогическаго персонала!

— Но позвольте, — прервала я г-жу Гурми:—изъ вашего разсказа выходитъ, что вы и не были въ Ecole Normale.

— Нѣтъ, не была.

— Какъ же вы занимаете мѣсто старшей учительницы?

— Здѣсь нѣтъ ни старшей, ни младшей, одна всего. И 900 франковъ жалованья.—Она нервно разсмѣялась и продолжала:—Такъ вы думаете, что въ такую трущобу и за такое мизерное жалованье пойдетъ une normalienne? Mais jamais de la vie!

— Я слышала, что для того, чтобы получить мѣсто учительницы—надо имѣть дипломъ изъ Ecole Normale, учительской семинаріи.

— Вообще быть учительницей—да. Les normaliennes начинаютъ съ сельскихъ, pour se faire la main, попривыкнуть; у которой протекція—прямо начинаетъ съ городской, младшей. А для сельской достаточно одного brevet supérieur de l'école élementaire supérieure. Такъ было со мной. Возможно,—еслибы какая-нибудь съ brevet supérieur de l'Ecole Normale позарилась на это мѣсто, мнѣ бы и отказали; но этого не случилось.

— Въ какихъ вы отношеніяхъ съ кюрè, съ мэромъ?

— Мэръ мужикъ (une brute), богатый, жадный; а кюрè—всегда очень вѣжливъ. Я имъ ровно ни въ чемъ не мѣшаю, голоса на выборахъ не имѣю. Дѣтей отсылаю въ церковь... Еслибы вздумали мнѣ дѣлать непріятности, у меня былъ бы свой заступникъ.

— А какая у васъ программа обученія?

— Та же, что̀ во всѣхъ сельскихъ школахъ.

— Можно взглянуть на классныя руководства?

Г-жа Гурми обидчиво засмѣялась.

— Будьте увѣрены, такая же программа и такія же руководства, какъ и у нормаліенокъ. Разумѣется, въ разсказахъ, въ чтеніяхъ я приспособляюсь къ понятіямъ моихъ учениковъ. Этихъ нельзя сравнивать съ подгородными.

— Докторъ заѣзжаетъ иногда въ школу?

— Никогда не былъ и не полагается.

— А если заболѣетъ кто изъ дѣтей,—вы ему даете кое-какое лекарство?

— Если попросятъ родители; но здѣсь лечить не любятъ, и ребята (la marmaille) сами собой поправляются. Я только объ одномъ прошу, чтобы въ школу не присылали.

Программа занятій здѣсь тождественна съ программой школы m-lle Бельваль, и книжка для руководства почти такая же.

— А наказанія и награды какія вы употребляете?—спросила я m-me Гурми.

— Des bons.

— Des bons—чеки?—переспросила я.

— Да. У меня нѣтъ средствъ награждать учениковъ картинками, какъ бы онѣ дешево ни стоили. Повторяю—я получаю 900 франковъ и все должна себѣ покупать. Я никакихъ подарковъ отъ родителей не принимаю, даже съѣстного. Община ужасно скаредна на школьныя издержки. Вы видите, какія у насъ обтрепанныя книжки и карты. Я и употребляю слѣдующее:

ученикъ хорошо ведетъ себя—я выдаю ему чекъ, простую бумажку съ обозначеніемъ числа и ея цѣли; это и есть „un bon“ или индульгенція, отпускная—можетъ быть такъ для васъ понятнѣе—на его первую шалость. Чѣмъ лучше онъ ведетъ себя, тѣмъ больше получаетъ bons—чековъ. Въ концѣ мѣсяца онъ мнѣ приноситъ эти бумажки-чеки хорошаго поведенія, если они превышаютъ шалости. Les bons засчитываются на экзаменахъ. Сохраненіе бумажекъ пріучаетъ также быть аккуратными; они хранятъ ихъ очень бережно. Эту систему наградъ и наказаній вы найдете въ разныхъ школахъ. Въ иныхъ, которыя побогаче, bons—раскрашенныя картинки: короли, королевы, послѣдовательные разсказы, больше, конечно, нравственнаго содержанія. Дѣти ихъ очень любятъ и очень ими дорожатъ.

Раздался, между тѣмъ, стукъ въ дверь. Вошелъ кучеръ Клодъ звать ѣхать обратно; надо торопиться, а то не успѣемъ пріѣхать засвѣтло.

M-me Гурми вышла проводить насъ на улицу.

Погода испортилась: кругомъ заволокло, накрапывалъ дождь.

— Какъ мнѣ грустно, какъ мнѣ грустно!—говорила учительница искреннимъ тономъ.—Боже мой! опять я одна!

И намъ стало очень жалко эту нервную, впечатлительную женщину.

Полуразрушенная рѣшетка, обширное одинокое зданіе школы, окна-впадины — въ сумерки они глядятъ провалами въ зданіи— усиливали впечатлѣніе о заброшенности учительницы.

— И какъ это ее не убьютъ здѣсь!..—вырвалось у меня, когда мы отъѣхали отъ школы.

— Oh! убить учительницу?!—вмѣшался въ разговоръ Клодъ.— Ah, ça par exemple...

— Но почти каждый день мы читаемъ въ газетахъ про убійства и грабежи.

— Не учительницу,—настаивалъ Клодъ.—Прикончатъ кабатчика, огородника, такъ, какого-нибудь скрягу, а учительницу —не слыхивалъ. Ce serait sale, cela!

С. Б—на.

КНЯЗЬ БИСМАРКЪ

въ

ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ РОССІИ

I.

Бисмаркъ былъ всегда сторонникомъ русско-германскаго союза; онъ находилъ, что ни одна, будто бы, держава не представляетъ такихъ удобствъ для иностранной дипломатіи и не поддается такъ легко постороннему воздѣйствію, какъ Россія, благодаря отсутствію или слабости въ ней національнаго общественнаго мнѣнія,— а между тѣмъ въ матеріальномъ отношеніи русская поддержка незамѣнима для Пруссіи. Въ бытность свою прусскимъ уполномоченнымъ въ союзномъ сеймѣ во Франкфуртѣ Бисмаркъ ближе всего сошелся съ русскими представителями, княземъ А. М. Горчаковымъ и затѣмъ Д. Г. Глинкою; онъ дѣятельно хлопоталъ о сохраненіи дружественныхъ связей съ Россіею во время восточнаго кризиса, приведшаго къ крымской войнѣ, и удостоился оффиціальной признательности императора Николая I „за свой способъ дѣйствій и за свое прямодушіе“. На него смотрѣли у насъ какъ на „полезнаго и всецѣло преданнаго друга“, отъ котораго можно ожидать значительныхъ политическихъ услугъ,— тогда какъ онъ былъ только тѣмъ, чѣмъ ему и надлежало быть,— прусскимъ патріотомъ и разсчетливымъ государственнымъ человѣкомъ: въ этомъ заключался источникъ позднѣйшихъ недоразумѣній и нареканій, которыя, кажется, были до конца непонятны для Бисмарка.

При прусскомъ дворѣ боролись передъ крымскою войною различныя, отчасти прямо противоположныя теченія: одни изъ приближенныхъ Фридриха-Вильгельма IV стояли за присоединеніе къ западно-европейскимъ кабинетамъ въ предпринятой ими антирусской кампаніи; другіе высказывались за безусловный нейтралитетъ Пруссіи; третьи совѣтовали воспользоваться обстоятельствами для борьбы противъ притязаній Австріи въ области германскихъ дѣлъ. Общественное мнѣніе Пруссіи было рѣшительно враждебно Россіи, которая слишкомъ долго играла на Западѣ одностороннюю роль сдерживающей силы; всѣ либеральные элементы нѣмецкаго общества жаждали освобожденія отъ тягостной русской опеки и горячо сочувствовали стремленію Англіи и Франціи „обуздать высокомѣріе“ тогдашняго русскаго правительства. Изъ рукъ въ руки переходили секретныя докладныя записки, объяснявшія необходимость „расчленить“ Россію, отнять у нея остзейскія провинціи и Финляндію вмѣстѣ съ Петербургомъ, возстановить Польшу въ ея старыхъ границахъ и раздѣлить остальныя русскія земли между великороссами и малороссами. Въ оправданіе этой программы ссылались на теорію барона Гакстгаузена о будущемъ неизбѣжномъ перевѣсѣ надъ Европою сотни милліоновъ русскихъ, обезпеченныхъ продуктами трехъ различныхъ зонъ въ предѣлахъ отечественной территоріи. Прусскій посланникъ въ Лондонѣ, Бунзенъ, прислалъ министру Мантейфелю длинный мемуаръ, въ которомъ рекомендовалъ содѣйствіе возсозданію польскаго государства и расширенію Австріи до Крымскаго полуострова, въ союзѣ съ западными державами, взамѣнъ чего Англія заранѣе давала свое согласіе на присоединеніе Шлезвига и Голштиніи къ Пруссіи; Бунзенъ счелъ даже возможнымъ намекнуть лондонскому кабинету, что подъ этимъ условіемъ прусское правительство не откажется примкнуть къ коалиціи. За свои неосторожныя заявленія Бунзенъ былъ уволенъ въ продолжительный отпускъ и затѣмъ въ отставку; король опасался преждевременно возбудить неудовольствіе императора Николая I и въ то же время не былъ еще вообще увѣренъ въ выборѣ того или другого пути для Пруссіи: министръ Мантейфель склонялся въ пользу солидарности съ политикою Австріи, и только придворная „камарилья“, съ генераломъ Герлахомъ во главѣ, защищала преимущества нейтралитета и русской дружбы. Бисмаркъ всецѣло принадлежалъ къ послѣдней группѣ и въ сущности былъ ея истиннымъ вдохновителемъ; въ своихъ письмахъ и докладахъ онъ постоянно съ разныхъ точекъ зрѣнія доказывалъ невозмож-

ность прусскаго участія въ воинственныхъ предпріятіяхъ, направленныхъ противъ Россіи.

„Я всегда находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бисмаркомъ,—писалъ Д. Г. Глинка изъ Франкфурта графу Нессельроде въ донесеніи отъ 24 февраля 1854 года,—но съ недавняго времени онъ выказываетъ мнѣ особенную предупредительность, на которую я естественно спѣшу отвѣчать тѣмъ же. Бисмаркъ искренно стоитъ за русскій союзъ, какъ и большинство людей его партіи... Онъ сказалъ мнѣ: „Какое дѣло намъ до того, что Россія дѣлаетъ завоеванія въ Турціи? Мы не Австрія. Мы имѣемъ одинъ только интересъ — сохранить нейтралитетъ". Остается только спросить, въ какой мѣрѣ Бисмаркъ уполномоченъ высказывать подобные взгляды. Но во всякомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что сознательно онъ не скажетъ неправды или чего-либо противнаго истиннымъ намѣреніямъ своего правительства, и, съ другой стороны, Бисмаркъ слишкомъ высоко поставленъ въ довѣріи короля и своего правительства, и притомъ слишкомъ уменъ для того, чтобы ошибаться въ вопросѣ такой важности". Въ секретной депешѣ Глинки, отъ 26 марта того же года, подробно передается разсказъ Бисмарка о важныхъ политическихъ результатахъ его послѣдней поѣздки въ Берлинъ. Бисмаркъ засталъ прусскій кабинетъ уже готовымъ присоединиться къ конвенціи, проектированной тремя западными державами и дополненной, по предложенію Австріи, особою статьею, въ силу которой всѣ четыре договаривающіяся державы обязывались не заключать отдѣльнаго мира съ Россіею. Нота о присоединеніи Пруссіи къ этой конвенціи была уже написана. „Одинъ только король былъ противъ этого рокового рѣшенія". Бисмаркъ старался убѣдить министровъ, что ни одна изъ державъ никогда не приведетъ въ исполненіе тѣхъ угрозъ, которыя онѣ высказываютъ противъ Пруссіи по поводу ея нежеланія выйти изъ нейтральнаго положенія; только тогда прусскій кабинетъ рѣшился наконецъ сообщить вѣнскому двору о своемъ отказѣ подписать конвенцію. Когда Бисмаркъ пришелъ объявить королю, что министерство постановило отклонить предложенія трехъ другихъ державъ, то король обнялъ его со словами: „дорогой Бисмаркъ, мы, можетъ быть, одни только искренно радуемся этому событію" [1]). Пруссія на время избѣгла опасности прямого присоединенія къ западно-европейской коалиціи, но далеко не была еще обезпечена въ своемъ нейтралитетѣ.

[1]) См. извлеченія изъ депешъ Д. Г. Глинки въ „Собраніи трактатовъ и конвенцій" проф. Ө. Ө. Мартенса, т. VIII (Спб., 1888), стр. 441 и слѣд.

Въ мартѣ 1854 года Англія и Франція приступили къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи; въ апрѣлѣ Пруссія заключила съ Австріею оборонительный и наступательный союзъ, которымъ обязывалась въ случаѣ надобности сосредоточить сто-тысячную армію въ восточно-прусскихъ провинціяхъ и довести численность войскъ даже до двухсотъ тысячъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, по соглашенію съ вѣнскимъ кабинетомъ. Австрія откровенно выступала противъ Россіи и тянула за собою Пруссію; но Бисмаркъ не придавалъ большого значенія апрѣльскому союзному договору, который, на его взглядъ, напоминалъ сводчатую постройку, лишенную центральнаго связующаго камня [1]); условія союза могли быть истолкованы, по желанію, въ ту или другую сторону и не предполагали непремѣннаго разрыва съ Россіею. Напротивъ, Пруссія имѣла теперь возможность удерживать Австрію отъ вызывающихъ дѣйствій и не давать ей увлечься впередъ по пути, на который ее толкала Франція; Фридрихъ-Вильгельмъ IV было даже убѣжденъ, что съ этой точки зрѣнія союзъ будетъ одобренъ императоромъ Николаемъ I. Правда, въ союзномъ актѣ были предусмотрѣны два повода къ совмѣстному военному вмѣшательству, но оба они, по мнѣнію короля, вовсе не могли случиться въ дѣйствительности,—а именно, „включеніе береговъ Дуная въ составъ Россійской имперіи и походъ черезъ Балканы на Константинополь". „Если вы находите, дорогой другъ,—писалъ прусскій король русскому государю, 29 апрѣля 1854 года, — что этимъ союзнымъ актомъ я заботливѣе оберегалъ интересы Пруссіи и Германіи, чѣмъ интересы Россіи, то я скажу: да! вы правы. Но я могъ бы это сказать съ чистою совѣстью и безъ всякаго смущенія, потому что, слава Богу, я знаю, что вы первый строго осудили бы меня, еслибы я дѣйствовалъ иначе" [2]). Тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ тревожныхъ политическихъ обстоятельствъ, король чаще прежняго предавался мучительнымъ колебаніямъ и сомнѣніямъ, изъ которыхъ иногда искалъ выхода въ бесѣдахъ съ Бисмаркомъ. Двѣ такія бесѣды описываетъ Бисмаркъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Въ началѣ мая 1854 года, вызванный изъ Франкфурта Мантейфелемъ по личному желанію короля, Бисмаркъ убѣждалъ послѣдняго, что Пруссія должна выйти изъ недостойнаго положенія, навязаннаго ей австрійской дипломатіею, и занять самостоятельное мѣсто въ Германіи,

[1]) Въ передачѣ Д. Глинки: „c'était comme une voûte à laquelle la clef manque encore" (депеша отъ 29 мая 1854 г.); въ изложеніи Ѳ. Ѳ. Мартенса: это „замокъ, къ которому не найдено еще ключа". Тамъ же, стр. 443.

[2]) Тамъ же, стр. 436—7.

соединившись съ тѣми нѣмецкими государствами, которыя желали сохранить независимый нейтралитетъ. Еслибы Австрія потребовала отъ пруссаковъ мобилизаціи, то можно было, по мнѣнію Бисмарка, охотно согласиться на это требованіе, но выставить войска въ такомъ мѣстѣ, чтобы быть въ состояніи съ одинаковымъ удобствомъ перейти австрійскую или русскую границу. Имѣя наготовѣ двухсотъ-тысячную армію, прусскій король сдѣлался бы хозяиномъ всего европейскаго положенія: Франція, занятая въ Крыму, не могла угрожать Пруссіи; австрійскія военныя силы, собранныя въ Галиціи, были парализованы соотвѣтственнымъ количествомъ русскихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Польшѣ; отъ пруссаковъ зависѣло извлечь изъ этихъ условій надлежащую пользу для Германіи и привязать къ себѣ второстепенныя нѣмецкія государства, обезпечивъ ихъ отъ угрозъ и посягательствъ Австріи и Франціи. Фридрихъ-Вильгельмъ IV внимательно слушалъ Бисмарка и невольно заражался его настроеніемъ, но въ концѣ замѣтилъ ему на берлинскомъ діалектѣ: „милый другъ, все это прекрасно, но для меня слишкомъ дорого; подобные акты насилія можетъ продѣлать человѣкъ въ родѣ Наполеона, но не я“.

Когда Бисмарку передана была черезъ Д. Г. Глинку признательность императора Николая I за откровенный образъ дѣйствій въ духѣ интересовъ Россіи, прусскій дипломатъ далъ понять русскому коллегѣ, что онъ исполняетъ только свои обязанности по отношенію къ своему королю и государству. Глинка высказалъ по этому поводу мнѣніе, что интересы Россіи и Пруссіи тождественны, и нужно надѣяться, что наступитъ день, когда еще третья великая держава—Франція—придетъ къ сознанію, что ея настоящее мѣсто — не подлѣ Англіи, а рядомъ съ Россіею и Пруссіею. Бисмаркъ, какъ сообщалъ Глинка государственному канцлеру въ письмѣ отъ 28 сентября, „съ величайшею живостью подхватилъ эту фразу и прибавилъ: „Союзъ между Россіею, Пруссіею и Франціею—это дѣйствительно тотъ политическій идеалъ, о которомъ я мечтаю уже давно; это единственная комбинація, способная удовлетворить политическимъ потребностямъ всѣхъ трехъ государствъ. И вотъ, представьте себѣ, что за выраженіе этой мысли,—быть можетъ, преждевременное,—я едва не подвергся немилости принца прусскаго. Я говорилъ ему объ этой идеѣ около шести мѣсяцевъ тому назадъ, и принцъ нашелъ ее совершенно безразсудною; онъ написалъ барону Мантейфелю, что ему досадно видѣть интересы Пруссіи во Франкфуртѣ довѣренными человѣку, имѣющему идеи школьника“. Мысль

о союзѣ съ Россіею и Франціею вытекала у Бисмарка изъ сознанія неизбѣжнаго антагонизма съ Австріею при устройствѣ германскихъ дѣлъ; а для чего нуженъ намъ союзъ съ Франціею и Пруссіею, и какихъ національныхъ цѣлей мы могли бы достигнуть при помощи подобной комбинаціи, — объ этомъ нашъ отечественный дипломатъ вѣроятно и не думалъ или не отдавалъ себѣ яснаго отчета.

Послѣ подписанія союзнаго договора 2-го декабря 1854 г. между Австріею и западными державами, кризисъ обострился для Пруссіи, и король все еще не зналъ, на что рѣшиться. Въ Сан-суси, —какъ говорили тогда берлинскіе остряки, — „ложатся спать съ Англіей и Франціей, а встаютъ опять съ Россіей". Пріѣхавъ однажды въ Берлинъ по вызову короля для противодѣйствія взглядамъ Мантейфеля, Бисмаркъ былъ тотчасъ по прибытіи приглашенъ къ принцу Вильгельму, который сталъ уговаривать его употребить свое вліяніе въ пользу антирусской, западно-коалиціонной политики. „Вы видите здѣсь—говорилъ онъ Бисмарку—борьбу двухъ системъ, изъ которыхъ одна представляется Мантейфелемъ, а другая, руссофильская,—Леопольдомъ фонъ-Герлахомъ и графомъ Мюнстеромъ въ Петербургѣ. Вы призваны сюда королемъ какъ бы въ качествѣ третейскаго судьи. Ваше мнѣніе будетъ поэтому имѣть рѣшающую силу, и я умоляю васъ высказаться такъ, какъ требуетъ не только европейское положеніе, но и истинно дружественный интересъ къ Россіи. Россія вызываетъ противъ себя всю Европу и въ концѣ концовъ будетъ побѣждена. Всѣ эти превосходныя войска, всѣ наши друзья, которые тамъ остались, не погибли бы, еслибы мы вмѣшались во-время и принудили Россію къ миру. Кончится тѣмъ, что нашъ старый другъ и союзникъ будетъ раздавленъ или потерпитъ опасный ущербъ. Наша задача—насильно возстановить миръ и спасти нашего друга, Россію, даже противъ его воли". Бисмаркъ старался объяснить брату и наслѣднику Фридриха-Вильгельма IV, что предположенія и выводы его неосновательны. „Пруссія не имѣетъ абсолютно никакого повода воевать съ Россіею и совершенно не заинтересована въ восточномъ вопросѣ; поэтому ничѣмъ нельзя было бы оправдать не только войну, но и разстройство многолѣтнихъ хорошихъ отношеній съ Россіею; напротивъ, всякая побѣдоносная война противъ Россіи при прусскомъ участіи надолго внушила бы русскимъ потребность возмездія и вдобавокъ возложила бы на Пруссію трудную обязанность разрѣшить въ сносной для нея формѣ польскій вопросъ. Такъ какъ собственные интересы Пруссіи говорятъ не за, а

противъ разрыва съ Россіею, то намъ пришлось бы—продолжалъ Бисмаркъ — напасть на своего недавняго друга и всегдашняго сосѣда, не будучи къ тому вызваны, единственно лишь изъ страха передъ Франціею или изъ услужливости по отношенію къ Англіи и Австріи. Мы играли бы роль вассаловъ, идущихъ на войну ради чуждыхъ намъ цѣлей". Принцъ Вильгельмъ вспыхнулъ и прервалъ собесѣдника словами: „о страхѣ и вассалахъ нѣтъ и рѣчи";—но онъ не прекратилъ разговора и возражалъ по существу. Антирусское направленіе при дворѣ принца находило опору въ его супругѣ, принцессѣ Августѣ, впослѣдствіи королевѣ и императрицѣ, которая всегда находилась въ скрытомъ или явномъ антагонизмѣ съ Бисмаркомъ; по ея воззрѣнію, дружба съ Россіею не соотвѣтствовала культурнымъ понятіямъ просвѣщеннаго нѣмецкаго общества. Бисмаркъ же руководствовался не соображеніями популярности, а реальными интересами, которые не позволяли ставить Пруссію въ зависимость отъ Франціи и Австріи: французы всегда могли помириться и обратно сойтись съ русскими въ ущербъ пруссакамъ, тогда какъ послѣдніе навлекли бы на себя прочную вражду близкихъ сосѣдей, отъ которыхъ нельзя избавиться ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Бисмаркъ не могъ переубѣдить сторонниковъ союза съ западными державами; ему не удалось внушить энергію королю или одолѣть австрофильство Мантейфеля, но нѣкоторыя серьезныя дипломатическія депеши, адресованныя въ Вѣну и Петербургъ въ эти критическіе годы, были передѣланы или редактированы Бисмаркомъ по порученію короля, причемъ австрійскій тонъ министра уступалъ мѣсто руссофильскимъ фразамъ его подчиненнаго. Въ февралѣ 1855 года, Бисмаркъ съумѣлъ добиться фактическаго торжества надъ Австріею по весьма важному вопросу объ отношеніи германскаго союза къ австрійской внѣшней политикѣ. Вѣнскій кабинетъ разсчитывалъ опираться на Германію и дѣйствовать отъ ея имени въ восточныхъ дѣлахъ; однако, по настоянію Бисмарка, германскій союзный сеймъ постановилъ, что военныя мѣры союза сообразуются исключительно съ интересами независимости и неприкосновенности Германіи, безъ всякой связи съ апрѣльскимъ австро-прусскимъ договоромъ. Такимъ образомъ, Бисмаркъ значительно способствовалъ тому, что во время крымской войны Пруссія не только сама сохранила нейтралитетъ, но удержала германскій союзъ отъ враждебнаго намъ вмѣшательства, предположеннаго Австріею.

II.

Пребываніе въ Петербургѣ въ должности посланника, отъ января 1859 до апрѣля 1862 года, было для Бисмарка періодомъ наблюденій надъ русскимъ обществомъ и русскою политикою. Бисмаркъ былъ принятъ здѣсь какъ свой человѣкъ, какъ представитель близкаго родственнаго двора и притомъ какъ испытанный давній другъ; онъ производилъ лично чарующее впечатлѣніе своею внушительною аристократическою фигурою, своимъ открытымъ характеромъ, своимъ свободнымъ свѣтскимъ остроуміемъ и находчивостью. Вдовствующая императрица, сестра прусскаго короля, оказывала Бисмарку исключительное вниманіе и часто принимала его въ своемъ интимномъ кружкѣ; онъ пользовался также особеннымъ расположеніемъ великой княгини Елены Павловны, въ салонахъ которой собирались сливки образованнаго общества. Князь Горчаковъ былъ для него старымъ знакомымъ, какъ бы наставникомъ и покровителемъ; Бисмаркъ охотно выставлялъ себя ученикомъ и почитателемъ нашего министра-дипломата, хотя въ душѣ былъ о немъ невысокаго мнѣнія: онъ находилъ его слишкомъ тщеславнымъ, впечатлительнымъ и болтливымъ. „Горчаковъ—писалъ онъ еще въ 1854 году—кажется мнѣ утомительнымъ, неловкимъ шутомъ, лисицей въ башмакахъ". Обладая даромъ салоннаго краснорѣчія, князь Горчаковъ любилъ говорить много и долго передъ младшими представителями иностранныхъ посольствъ въ Петербургѣ, причемъ щеголялъ изяществомъ своихъ французскихъ фразъ и оборотовъ; дипломаты цѣнили его искусство и хвалили его таланты, и этимъ обезпечивали или облегчали успѣхъ своей политической дѣятельности въ Россіи.

Въ сношеніяхъ съ Бисмаркомъ князь Горчаковъ обнаруживалъ спеціальную довѣрчивость, которая поражала самого посланника: онъ давалъ ему читать не раскрытыя еще донесенія и письма русскаго посольства изъ Берлина и показывалъ собственноручныя отмѣтки императора Александра II на поляхъ дипломатическихъ докладовъ русскихъ представителей за границею. Передавая Бисмарку вновь полученные секретные пакеты, прежде чѣмъ вскрыть и просмотрѣть ихъ самому, князь Горчаковъ обыкновенно прибавлялъ въ шутливомъ тонѣ: „Vous oublierez ce que vous ne deviez pas lire". Бисмаркъ просматривалъ депеши въ сосѣдней комнатѣ и, конечно, соглашался „забыть то, чего не слѣдовало читать"; это условіе—замѣчаетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ — „я и соблюдалъ, пока находился въ Пе-

тербургѣ, потому что въ мои задачи не входило разстроивать взаимныя отношенія обоихъ дворовъ". Онъ убѣдился только, что русскіе представители въ Берлинѣ заботятся больше объ интересѣ и пикантности своихъ сообщеній, чѣмъ о выгодахъ политической дружбы и прочнаго довѣрчиваго мира; онъ получалъ отъ нашего же министра иностранныхъ дѣлъ фактическіе матеріалы для разоблаченія „двуличности", легкомыслія или ненадежности русской дипломатіи, что послужило ему впослѣдствіи оружіемъ противъ Россіи. Пользуясь такого рода закулисными свѣдѣніями, Бисмаркъ пытался изъ Петербурга вліять на берлинскую политику своими обстоятельными записками и докладами, въ которыхъ сообщалъ о дѣйствительномъ настроеніи властвующихъ въ Россіи лицъ относительно Пруссіи и Германіи; эти сообщенія иногда настолько противорѣчили установившимся въ Берлинѣ оффиціальнымъ взглядамъ, что возбуждался вопросъ о степени ихъ достовѣрности, и для контроля былъ посланъ бывшій прусскій военный агентъ въ Петербургѣ, графъ Мюнстеръ. Бисмарку не трудно было подтвердить свои сообщенія вѣскими доказательствами—секретными бумагами и подлинными Высочайшими отмѣтками, которыя ему предъявлялись княземъ Горчаковымъ. Самъ Бисмаркъ признавалъ, что „тѣ формы, въ какихъ выражалось неограниченное къ нему довѣріе, переходили дозволенныя между дипломатами границы",—и эта практика въ сущности не имѣла себѣ разумнаго оправданія. Реальные политическіе интересы русскаго государства охранялись только урывками, какъ бы случайно, и халатное отношеніе къ нимъ было общимъ правиломъ; за то усердное вниманіе удѣлялось вопросамъ самолюбія. Между прочимъ, во время австро-французской войны 1859 года, русское правительство было крайне недовольно рѣзкими отзывами о нашей политикѣ въ частныхъ письмахъ нѣмецкихъ государей къ высокопоставленнымъ ихъ родственникамъ въ Россіи. „Самое оскорбительное въ этомъ случаѣ—говорили здѣсь Бисмарку — именно то, что нѣмецкіе господа родственники посылаютъ свои грубости по почтѣ, въ разсчетѣ на непосредственное доведеніе ихъ до свѣдѣнія высшаго правительства". Посылать корреспонденцію по почтѣ — значило дѣлиться своими мыслями съ начальствомъ: таково было тогда откровенное убѣжденіе о правѣ узнавать чужія тайны при помощи почтоваго вѣдомства.

Внутренняя жизнь Россіи мало интересовала Бисмарка и даже совершенно не замѣчалась имъ; общественное движеніе, сопровождавшееся крупными правительственными реформами, проходило мимо него: онъ изучалъ только тѣ стороны нашего быта,

которыя имѣли прямое или косвенное отношеніе къ политическимъ заботамъ нѣмецкой націи. Онъ видѣлъ, что нѣмцы удачно устроиваютъ у насъ свои дѣла и нерѣдко пользуются могущественною протекціею безъ достаточнаго къ тому основанія; одинъ примѣръ такой протекціи встрѣтился ему въ Петербургѣ и обошелся ему очень дорого. Нѣкій докторъ Вальцъ, сынъ университетскаго кондитера въ Гейдельбергѣ, не окончившій медицинскаго образованія на родинѣ, занималъ мѣсто старшаго врача петербургскихъ дѣтскихъ больницъ, на основаніи рекомендаціи бывшей великой герцогини баденской; этотъ докторъ былъ рекомендованъ Бисмарку тою же великою герцогинею и сталъ его лечить отъ появившейся въ колѣнѣ боли, — велѣлъ наложить пластырь, составленный по предписанному имъ рецепту, послѣ чего образовалась рана, причинявшая паціенту сильнѣйшія мученія. Врачъ оправдывался ошибкою аптекаря, но взялъ обратно рецептъ изъ аптеки, чтобы нельзя было провѣрить его заявленіе; составъ употребленной мази былъ прямо ядовитый и вызвалъ разрушеніе одной изъ венъ. Бисмаркъ отправился моремъ въ отечество для леченія у нѣмецкихъ врачей, но въ пути, узнавъ, что тутъ же на пароходѣ ѣдетъ знаменитый хирургъ Пироговъ, обратился къ нему за совѣтомъ, въ виду усилившихся мучительныхъ болей. Пироговъ, по осмотрѣ раны, предложилъ сдѣлать ампутацію ноги выше колѣна; Бисмаркъ отказался и такимъ образомъ избѣгнулъ печальной участи инвалида. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ успѣлъ основательно поправиться въ Наугеймѣ, хотя долго еще страдалъ отъ послѣдствій врачеванія нѣмецко-русскаго доктора, рекомендованнаго ему бывшею великою герцогинею баденскою. Въ октябрѣ 1859 года, онъ могъ уже сопутствовать принцу-регенту Вильгельму въ его поѣздкѣ въ Варшаву для свиданія съ императоромъ Александромъ II; но затѣмъ опять заболѣлъ и едва не умеръ. Въ позднѣйшіе годы, вспоминая эпизодъ съ докторомъ Вальцемъ, Бисмаркъ намекалъ на возможность въ данномъ случаѣ сознательной попытки отравленія; однако, тогда еще никто не могъ предвидѣть его будущую карьеру, и покушеніе на его жизнь не представляло никакого интереса для кого бы то ни было.

Весною 1862 года, когда Бисмаркъ покидалъ Петербургъ, польскій вопросъ уже волновалъ умы и озабочивалъ дипломатію. Русская политика по этому предмету имѣла важное значеніе для всей будущности Пруссіи, съ точки зрѣнія Бисмарка. Существенныя уступки полякамъ подготовили бы почву для сближенія Россіи съ Франціею, а полонофильскій франко-русскій союзъ

поставилъ бы Пруссію въ крайне трудное положеніе. Бисмаркъ считалъ своею обязанностью бороться противъ польскихъ симпатій въ нашихъ правящихъ сферахъ. Изъ разговоровъ съ княземъ Горчаковымъ и самимъ императоромъ Александромъ II онъ заключилъ, что русское правительство склонно къ компромиссу съ поляками. Говорилось и о готовности Россіи отказаться, будто бы, отъ части польскихъ земель, по крайней мѣрѣ отъ лѣваго берега Вислы; въ этомъ смыслѣ весьма откровенно высказывался императоръ передъ Бисмаркомъ незадолго до его отозванія. Польша была постояннымъ „источникомъ безпокойства и европейскихъ опасностей для Россіи; руссификація является неосуществимою вслѣдствіе вѣроисповѣдныхъ различій и недостатка административной способности русскихъ правительственныхъ органовъ. Нѣмцамъ же удалось бы онѣмечить польскій край; они имѣютъ къ тому средства, такъ какъ нѣмецкое населеніе образованнѣе польскаго. Русскіе не чувствуютъ за собою необходимаго превосходства надъ поляками, чтобы поддерживать свою власть; нужно поэтому ограничиться наименьшимъ количествомъ польскаго населенія, какое допускается географическимъ положеніемъ, — отодвинувъ границу до Вислы, съ сохраненіемъ Варшавы, какъ передового военнаго пункта". Въ отвѣтъ на эти откровенныя замѣчанія Бисмаркъ выразилъ сожалѣніе, что ему придется скоро уѣхать изъ Петербурга; по этому поводу ему задали вопросъ, не пожелаетъ ли онъ поступить на русскую службу. Вопросъ былъ поставленъ, очевидно, по недоразумѣнію; Бисмаркъ вѣжливо объяснилъ, что желалъ бы остаться прусскимъ посланникомъ при особѣ его величества. „Мнѣ не было бы тогда непріятно,—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—еслибы императоръ сдѣлалъ какіе-нибудь шаги въ этомъ направленіи, ибо мысль служить берлинской политикѣ того времени безъ активнаго въ ней участія не имѣла для меня ничего заманчиваго, тогда какъ мое вліяніе при русскомъ дворѣ могло быть полезно для нашихъ интересовъ".

III.

Сдѣлавшись министромъ осенью 1862 года, Бисмаркъ не переставалъ поддерживать пріобрѣтенныя связи въ Петербургѣ, чтобы сохранить для Пруссіи вліяніе на русскую политику. Вліяніе это сказалось прежде всего въ польскомъ вопросѣ. Въ началѣ 1863 года посланъ былъ въ Петербургъ генералъ Густавъ фонъ-Альвенслебенъ съ собственноручнымъ письмомъ короля для

переговоровъ о совмѣстныхъ военныхъ дѣйствіяхъ обѣихъ державъ противъ вспыхнувшаго у насъ польскаго возстанія, грозившаго перейти и въ прусскіе предѣлы—въ Познань и Силезію. Предложеніе прусскаго союза противъ поляковъ явилось какъ разъ въ моментъ наибольшаго разлада между приверженцами и противниками либеральныхъ полонофильскихъ тенденцій въ составѣ нашего правительства. Прусскій проектъ положилъ конецъ колебаніямъ въ выборѣ пути, и военная русско-прусская конвенція была подписана 8 февраля 1863 года. „Конвенція,—по словамъ Бисмарка,—имѣла для Пруссіи болѣе дипломатическую, чѣмъ военную цѣль; она представляла собою побѣду, одержанную прусскою политикою надъ польскою въ кабинетѣ русскаго императора. Достигнутый результатъ основывался на непосредственномъ рѣшеніи государя, вопреки министерскимъ стремленіямъ. Это былъ удачный шахматный ходъ, рѣшившій партію, которую разыгрывали между собою антипольскія монархическія и полонизирующія панславистскія вліянія внутри русскаго правительства". Выходитъ какъ будто, что у насъ не было собственной сознательной политики по такимъ важнымъ текущимъ вопросамъ, какъ польскій, и что мы принимали свои рѣшенія въ зависимости отъ интересовъ и совѣтовъ посторонней державы.

Въ Пруссіи, наоборотъ, господствовало убѣжденіе, что въ польскомъ вопросѣ Бисмаркъ потворствуетъ взглядамъ и желаніямъ Россіи, подчиняясь придворнымъ и узко-реакціоннымъ тенденціямъ. Въ прусской палатѣ депутатовъ высказывались горячіе протесты противъ руссофильской политики кабинета. Депутатъ Вальдекъ говорилъ о „жандармской службѣ", которую взяла на себя Пруссія по отношенію къ Россіи,—„службѣ, заставляющей краснѣть каждаго порядочнаго нѣмца. Кровь прусскихъ гражданъ не должна отдаваться въ распоряженіе легкомысленной дипломатіи, лишенной всякихъ руководящихъ идей". „Честь правительства—заявлялъ депутатъ Твестенъ--не есть уже честь страны. Министерство разстроиваетъ отношенія съ западными державами и подвергаетъ государство великимъ опасностямъ и униженіямъ. Только ретроградная партія, продолжающая политику священнаго союза и стремящаяся къ сближенію съ Россіею подъ вліяніемъ заботы о внутреннихъ дѣлахъ, можетъ дѣйствовать такимъ образомъ". Палата приняла 26 февраля предложеніе Говербека, чтобы при польскомъ возстаніи „не оказывалось никакой поддержки ни русскому правительству, ни возставшимъ полякамъ". Въ преніяхъ участвовали наиболѣе выдающіеся ораторы либеральнаго большинства. Депутатъ фонъ-Зибель,—извѣстный исто-

рикъ, впослѣдствіи поклонникъ и хвалитель Бисмарка,—рѣшительно осуждалъ политику, которая „добровольно и безъ всякой надобности дѣлаетъ Пруссію соучастницею колоссальной человѣческой травли, вызывающей негодованіе всей Европы"; вообще, по его словамъ, министерская „политика, сущность которой заключается въ неуваженіи къ праву, неспособна проявлять себя ни внутри, ни во внѣ,—неспособна ни предпринимать что-либо, ни бездѣйствовать, ни жить, ни умереть, безъ того, чтобы нарушать законы страны". Депутатъ Симсонъ называлъ политику правительства „донкихотствомъ, безнадежнымъ дилеттантствомъ", а министра-президента сравнивалъ съ канатными плясунами, которымъ удивляются только потому, что они не падаютъ. Въ засѣданіи 31 марта Вальдекъ утверждалъ, что правительство поддается иностранному давленію въ польскомъ вопросѣ и не имѣетъ подъ собою никакой почвы ни во внѣшнихъ, ни во внутреннихъ дѣлахъ; проводится политика случайностей, мелочныхъ и мимолетныхъ побужденій. „Если мы, къ сожалѣнію, представляемъ собою государство, которое при нынѣшнемъ министерствѣ столь же мало можетъ разсчитывать на крупную политику въ Европѣ, какъ и на ясную, правдивую, свободную и честную внутреннюю политику,—говорилъ Вальдекъ,—то по крайней мѣрѣ позвольте намъ соблюдать правила человѣчности и гуманности". Отвѣчая на эти обвиненія и нападки, Бисмаркъ воздерживался отъ объясненій по существу и оставлялъ противниковъ въ полномъ невѣдѣніи относительно содержанія и смысла спорной конвенціи. „Можно предоставить критикамъ, — замѣтилъ онъ между прочимъ,—обсудить, желательна ли для Пруссіи независимая Польша въ Россіи. Склонность жертвовать собою за чужую національность, даже въ ущербъ собственному отечеству, есть политическая болѣзнь, свойственная, къ сожалѣнію, только Германіи... Оппозиція беретъ подъ свою защиту польское возстаніе, потому что правительство не желаетъ ему сочувствовать. Не зная дѣйствительнаго положенія, предаются фантазіямъ; но министръ не видитъ возможности сообщать свѣдѣнія о происходящихъ переговорахъ, хотя эти свѣдѣнія оправдывали бы его политику. Очевидно, правительство не можетъ ожидать безпристрастнаго и дѣловитаго обсужденія его дѣйствій. Утвержденіе, что правительство уступило постороннему давленію, совершенно произвольно; оно никому не уступало и не имѣло повода уступать".

Либеральные нѣмцы еще не подозрѣвали истинныхъ качествъ и принциповъ Бисмарка; они усматривали признаки иноземнаго вліянія именно въ томъ, что, напротивъ, было результатомъ его

успѣшнаго воздѣйствія на политику сосѣдней державы. Какъ прусскій министръ-президентъ, Бисмаркъ выдерживалъ сильную борьбу въ парламентѣ и печати изъ-за своего руссофильства въ польскомъ вопросѣ, но не заслужилъ этимъ особенной благодарности и со стороны Россіи.

Князь Горчаковъ былъ видимо недоволенъ замаскированнымъ дружественнымъ вмѣшательствомъ Пруссіи, хотя не могъ не признать, что оно значительно облегчило положеніе русской дипломатіи относительно западно-европейскихъ кабинетовъ. Когда Наполеонъ III получилъ отъ своего представителя въ Петербургѣ, герцога Монтебелло, извѣстіе о прусско-русской секретной конвенціи, онъ тотчасъ же почувствовалъ всю силу удара, нанесеннаго этимъ актомъ оффиціальнымъ заступникамъ Польши. Французское правительство желало прибѣгнуть къ дипломатическимъ мѣрамъ противъ Пруссіи, чтобы побудить ее отказаться отъ конвенціи; но Англія и Австрія отклонили мысль о тождественной нотѣ къ берлинскому кабинету, предпочитая имѣть дѣло съ одною Россіею, какъ „первою и главною виновницею польскихъ замѣшательствъ". Дипломатическая кампанія продолжалась, повидимому, съ настойчивою энергіею; три раза дѣлались державами въ Петербургѣ коллективныя представленія по польскимъ дѣламъ—въ апрѣлѣ, іюнѣ и августѣ 1863 года, причемъ Австрія все болѣе выступала впередъ, а Франція постепенно начинала подготовлять себѣ путь къ отступленію. Въ австрійской нотѣ отъ 18 іюня предлагалось русскому правительству „взвѣсить тѣ требованія, которыя признаны необходимыми для возстановленія мира и спокойствія въ Польшѣ и которыя выражены въ слѣдующихъ шести пунктахъ: 1) всеобщая и полная амнистія; 2) національное представительство, участвующее въ законодательствѣ страны и обладающее законными средствами для дѣйствительнаго контроля; 3) назначеніе поляковъ на общественныя должности съ тѣмъ, чтобы образовалась особая національная администрація, внушающая довѣріе народу; 4) полная свобода совѣсти и отмѣна всѣхъ ограниченій, стѣсняющихъ отправленіе католическаго богослуженія; 5) исключительное употребленіе польскаго языка въ управленіи, судѣ и преподаваніи; и 6) введеніе правильной и законной системы рекрутскаго набора". Князь Горчаковъ находилъ, что Россія, Австрія и Пруссія могли бы войти между собою въ соглашеніе, съ цѣлью совмѣстно устроить судьбу своихъ польскихъ подданныхъ; но Австрія отвергла это предложеніе, ссылаясь на то, что „между кабинетами вѣнскимъ, лондонскимъ и парижскимъ установилась прочная связь, отъ которой австрійское пра-

вительство не можетъ уже отстраниться для веденія отдѣльныхъ переговоровъ съ Россіею".

Въ Петербургѣ возникла тогда мысль о неизбѣжности войны, и императоръ Александръ II написалъ большое собственноручное письмо королю Вильгельму въ Гастейнъ, съ предложеніемъ активнаго союза. Русскому правительству „надоѣли западно-европейскія и австрійско-польскія приставанія, и чтобы отдѣлаться отъ нихъ, оно рѣшилось взяться за мечъ. Взывая къ дружбѣ и одинаковымъ интересамъ короля, императоръ требуетъ отъ него совмѣстныхъ дѣйствій, въ духѣ расширенной февральской конвенціи того же года. Королю—какъ объяснено въ воспоминаніяхъ Бисмарка—было тяжело, съ одной стороны, дать отрицательный отвѣтъ своему близкому родственнику, а съ другой—допустить предположеніе, что страна подвергнется бѣдствіямъ и опасностямъ европейской войны ради такого дѣла, въ которомъ не замѣшаны жизненные интересы Пруссіи и Германіи". По мнѣнію Бисмарка, война въ союзѣ съ Россіею противъ Австріи нисколько не приблизила бы пруссаковъ къ исполненію ихъ національной задачи. Только въ политикѣ Франціи принято смотрѣть на войну какъ на средство для устраненія внутреннихъ затрудненій; въ Германіи это средство было бы дѣйствительно въ томъ только случаѣ, еслибы война вызывалась потребностями національнаго развитія. Такая война не могла бы, однако, вестись при русскомъ содѣйствіи, единодушно осуждаемомъ общественнымъ мнѣніемъ. Въ проектѣ отвѣта на письмо русскаго государя, Бисмаркъ обстоятельно излагалъ тѣ разнообразные доводы, которые не дозволяли принять предложеніе Россіи. По географическимъ условіямъ и въ силу французскихъ стремленій къ захвату прирейнскихъ земель, совмѣстная война противъ западныхъ державъ въ своемъ заключительномъ фазисѣ должна была бы неизбѣжно превратиться въ единоборство между Пруссіею и Франціею; прусско-русская иниціатива въ возбужденіи войны ухудшила бы положеніе берлинскаго кабинета въ Германіи, и притомъ послѣдствія были бы неодинаковы для союзниковъ: Россія, болѣе отдаленная отъ театра военныхъ событій, мало затрогивалась бы бѣдствіями войны, тогда какъ Пруссіи пришлось бы фактически содержать не только прусскія, но и русскія войска; затѣмъ, русская политика находилась бы у болѣе длиннаго плеча рычага и могла бы, въ случаѣ прусской побѣды, существенно повліять на характеръ условій мира для Пруссіи, какъ это было на вѣнскомъ конгрессѣ. Кромѣ того, Бисмаркъ понималъ, что Россія относится къ Австріи иначе, чѣмъ Пруссія и Германія,

въ виду противоположности русскихъ и австрійскихъ интересовъ на Востокѣ; и трудно было бы требовать отъ русской дипломатіи, чтобы послѣ торжества прусско-русской коалиціи она соблюдала относительно побѣжденной Австріи ту сдержанность, какую высказала въ 1866 году Пруссія ради возможности позднѣйшаго обратнаго сближенія. Бисмаркъ опасался, что въ случаѣ побѣды нельзя будетъ сойтись съ Россіею насчетъ будущности Австріи, и что даже при дальнѣйшихъ успѣхахъ противъ Франціи Россія не откажется отъ искушенія ограничить пріобрѣтенія и выгоды Пруссіи, чтобы оставить ее въ положеніи державы, нуждающейся въ покровительствѣ и поддержкѣ; менѣе всего можно было ожидать отъ Россіи содѣйствія національной нѣмецкой политикѣ въ смыслѣ прусской гегемоніи. Примѣры недавняго прошлаго предостерегали пруссаковъ отъ излишней довѣрчивости по отношенію къ русской и вообще иноземной дружбѣ, тѣмъ болѣе, что на Пруссіи лежала забота о всей политической будущности и независимости Германіи. Король Вильгельмъ, согласно заключенію своего министра-президента, вѣжливо отклонилъ воинственные планы, не имѣвшіе ясной реальной основы и порожденные скорѣе мимолетнымъ настроеніемъ, чѣмъ сознательнымъ политическимъ разсчетомъ. Въ этомъ эпизодѣ сказалось принципіальное различіе въ политикѣ обѣихъ державъ: съ одной стороны мы видимъ смѣну внутреннихъ колебаній и неопредѣленныхъ сантиментальныхъ порывовъ, а съ другой—твердое сознаніе положительныхъ государственныхъ цѣлей и національныхъ интересовъ. Россія, конечно, не имѣла разумнаго основанія вызывать или ускорять войну, о которой не думали серьезно и западные кабинеты; достаточно было однихъ дипломатическихъ средствъ, чтобы дать отпоръ враждебной намъ коалиціи, и дипломатія тотчасъ же нашла для этого способъ, какъ только у насъ оживилось и подняло свой голосъ самостоятельное общественное мнѣніе.

Взаимное непониманіе между Берлиномъ и Петербургомъ проявлялось всякій разъ, когда приходилось дѣлать практическіе выводы изъ совершавшихся въ Европѣ событій. Бисмаркъ не любилъ отвлеченностей и обсуждалъ спорные вопросы исключительно съ точки зрѣнія практическихъ послѣдствій того или другого рѣшенія, не упуская изъ виду и интересовъ будущаго; онъ твердо зналъ и чувствовалъ, что государственный человѣкъ можетъ вдохновляться лишь потребностями и интересами своей собственной страны, и потому не придавалъ значенія условнымъ международнымъ формуламъ и фикціямъ, предполагавшимъ вѣру въ авторитетъ и единство Европы. Князь Горчаковъ, наоборотъ,

имѣлъ слабость къ широкимъ и туманнымъ перспективамъ, въ которыхъ интересы Россіи играли лишь подчиненную и второстепенную роль. Въ политическихъ вопросахъ общаго характера наша дипломатія обыкновенно хлопотала объ Европѣ, именемъ которой чаще всего прикрывалась Австрія, и самыя упоминанія о русскихъ національныхъ нуждахъ и выгодахъ заранѣе устранялись изъ уваженія къ чужимъ державамъ, или для доказательства нашего безкорыстія во внѣшнихъ дѣлахъ. Оттого наша европейская политика такъ дорого обходилась народу и такъ рѣдко приносила пользу государству, не упрочивая за нами и репутаціи великодушія; часто мы вовлекались въ предпріятія, выходившія далеко изъ круга нашихъ интересовъ, и затѣмъ ничего не предпринимали, когда должны были бы непремѣнно дѣлать что-нибудь для устройства нашихъ политическихъ дѣлъ. Бисмаркъ непрерывно испытывалъ на себѣ всю силу связи между дипломатіею и живымъ національнымъ сознаніемъ, воодушевлявшимъ нѣмецкое образованное общество; у насъ этой связи не было, и дипломатическое вѣдомство стояло такъ же въ сторонѣ отъ жизни, какъ и другіе органы бюрократіи.

Въ 1866 году, во время мирныхъ переговоровъ въ Никольсбургѣ, было получено тамъ извѣстіе о желаніи Россіи способствовать созванію европейскаго конгресса для обсужденія результатовъ австро-прусской войны; по этому вопросу князь Горчаковъ оказался солидарнымъ съ Наполеономъ III. Такъ какъ Россія не имѣла тогда въ виду заступаться за побѣжденную Австрію или урѣзывать пріобрѣтенія Пруссіи, то русскій проектъ былъ совершенно ненуженъ и объяснялся лишь канцелярскою привычкою затѣвать переписку по предметамъ, обращающимъ на себя общее вниманіе. Князь Горчаковъ вспомнилъ объ Европѣ безъ дурного намѣренія, но получилъ отвѣтъ, который долженъ былъ раскрыть ему глаза на истинный смыслъ идеи о конгрессѣ при данныхъ обстоятельствахъ. Бисмаркъ далъ знать въ Петербургѣ, что Пруссія не можетъ пожертвовать плодами своихъ побѣдъ и согласиться на созваніе конгресса, если не хочетъ вызвать въ странѣ революцію; а при болѣе настойчивомъ иностранномъ вмѣшательствѣ онъ, министръ-президентъ, сочтетъ своимъ долгомъ совѣтовать королю „поднять всѣ національныя силы Германіи и пограничныхъ земель для оказанія надлежащаго отпора“. Посланнику въ Парижѣ онъ поручилъ объяснить, что Пруссія подниметъ брошенную ей перчатку и не отступитъ отъ дальнѣйшей борьбы, если державы попытаются помѣшать ей самостоятельно опредѣлить свои условія мира съ Австріею. Само собою разумѣется, что въ дѣйстви-

тельности Бисмаркъ всего менѣе желалъ возбужденія новой войны; онъ только предвидѣлъ, что послѣ такого разговора никто не будетъ настаивать на созывѣ конгресса. Англія объявила, что конгрессъ безполезенъ, и Франція также отреклась отъ него; а въ Петербургъ посланъ былъ генералъ Эдвинъ фонъ-Мантейфель, чтобы смягчить неудачу нашей дипломатіи. Съ тѣхъ поръ князь Горчаковъ пересталъ смотрѣть на Бисмарка какъ на своего вѣрнаго послѣдователя и видѣлъ въ немъ скорѣе соперника, идущаго своимъ особымъ путемъ.

IV.

Въ 1870 году, послѣ разгрома Франціи нѣмецкими войсками, напоминаніе объ Европѣ исходило уже не отъ Россіи, а отъ вѣнскаго кабинета, который издавна бралъ на себя заботу объ общихъ европейскихъ интересахъ, совпадающихъ почему-то съ австрійскими. Эти призывы къ Европѣ были, однако, напрасны, и графу Бейсту не удалось осуществить мечту о безпристрастномъ коллективномъ посредничествѣ, какъ и Тьеру не удалось „отыскать Европу“ при предпринятомъ имъ объѣздѣ европейскихъ дворовъ. Русское правительство на этотъ разъ гарантировало Вильгельму I не только дружественный нейтралитетъ Россіи, но и невмѣшательство Австріи. Для того, чтобы эта важная услуга не осталась безвозмездною, Бисмаркъ съ своей стороны предложилъ князю Горчакову воспользоваться событіями для отмѣны стѣснительныхъ постановленій парижскаго трактата относительно Чернаго моря. Горчаковъ, говоритъ онъ, „очень неохотно отозвался на запросъ, сдѣланный ему въ этомъ направленіи; его личное недоброжелательство было сильнѣе, чѣмъ его чувство долга передъ Россіею. Чтобы сдѣлать наше предложеніе дѣйствительнымъ,—продолжаетъ Бисмаркъ,—я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ содѣйствію тогдашняго русскаго военнаго уполномоченнаго, графа Кутузова. На основаніи моихъ многолѣтнихъ сношеній съ княземъ Горчаковымъ я могу сказать положительно, что личное соперничество со мною перевѣшивало для него интересы Россіи; его чувство ревности ко мнѣ было сильнѣе его патріотизма“. Очевидно, Бисмаркъ не понималъ Горчакова: онъ не могъ себѣ представить, чтобы русскій государственный человѣкъ интересовался больше мнѣніями иностранныхъ кабинетовъ и поклоненіемъ отечественнаго свѣтскаго общества, чѣмъ реальными потребностями страны и государства; а между тѣмъ князь Горчаковъ искренно вѣрилъ

въ дипломатическое существованіе Европы и въ необходимость подчинять ей международныя выгоды и потребности Россіи, о важности которыхъ, впрочемъ, никто и не напоминалъ ему при обычномъ молчаніи или отсутствіи отечественнаго общественнаго мнѣнія.

Окончательная размолвка между обоими канцлерами произошла въ 1875 году, когда тревожные слухи о новой франко-прусской войнѣ побудили князя Горчакова выступить въ роли заступника и покровителя Франціи. Военная партія въ Берлинѣ несомнѣнно готовилась тогда къ нападенію на побѣжденныхъ враговъ, которые, будто бы, слишкомъ усердно возстановляли свои военныя силы въ надеждѣ на предстоящее возмездіе; оффиціозная нѣмецкая пресса поддерживала эти глухія угрозы по адресу Франціи, и обезпокоенные французскіе дипломаты искали заступничества въ Петербургѣ и въ Лондонѣ. По случаю поѣздки императора Александра II въ Берлинъ пущено было въ ходъ все наше политическое вліяніе, чтобы обезпечить миръ, и сопутствовавшій государю князь Горчаковъ, въ маѣ 1875 года, изъ Берлина же разослалъ циркулярную ноту съ радостнымъ извѣстіемъ о достигнутомъ успѣхѣ. Нота начиналась словами: „Maintenant la paix est assurée"—и была, конечно, крайне непріятна Бисмарку, косвенно обвиняя его передъ цѣлымъ свѣтомъ въ воинственныхъ замыслахъ, опасныхъ для мирныхъ сосѣднихъ народовъ. Бисмаркъ горячо упрекалъ своего русскаго коллегу за это рѣзкое нарушеніе дружественныхъ товарищескихъ отношеній; вѣдь можно было просто возвѣстить, что никакихъ помысловъ о войнѣ вовсе не было и нѣтъ,—тѣмъ болѣе, что германскій канцлеръ, по его собственнымъ увѣреніямъ, совершенно не раздѣлялъ одностороннихъ заботъ и опасеній главнаго штаба, нашедшихъ отголосокъ и въ печати. „Я бы скорѣе вышелъ въ отставку,—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—чѣмъ допустилъ бы такую произвольную войну, которая не имѣла бы другого мотива, кромѣ желанія не дать Франціи придти въ себя. Такая война не могла бы установить прочные порядки въ Европѣ, а напротивъ, создала бы всеобщее враждебное недовѣріе къ новой, еще не укрѣпившейся имперіи, которая вступила бы на путь непрерывныхъ войнъ изъ-за престижа,—путь, приведшій къ гибели Наполеона I и его племянника". Даже если эти разумные взгляды Бисмарка были неизвѣстны князю Горчакову, во всякомъ случаѣ нельзя было изъ германской столицы оповѣщать міръ объ одержанной побѣдѣ надъ прусскими сторонниками войны: это значило безцѣльно раздражать Пруссію и ея правителей, послѣ того какъ

кризисъ разрѣшился благополучно при добровольномъ участіи самого прусскаго правительства. Бисмаркъ объяснялъ поступокъ князя Горчакова только его тщеславіемъ, желаніемъ порисоваться передъ Европою въ эффектной роли спасителя Франціи и общаго мира; императоръ Александръ II, въ отвѣтъ на откровенныя жалобы Бисмарка, также совѣтовалъ ему не придавать серьезнаго значенія этой „vanité sénile“. Однако эта „vanité sénile“ продолжала руководить внѣшнею политикою первостепенной великой державы, подготовляя ей жестокія неудачи и горькія разочарованія.

Въ маѣ 1876 года князь Горчаковъ говорилъ Бисмарку о своемъ утомленіи, о жаждѣ отдыха и покоя, и прибавилъ шутливо: „Je ne puis cependant me présenter devant saint Pierre au ciel sans avoir présidé la moindre chose en Europe“. Бисмаркъ попросилъ его тогда взять на себя предсѣдательство на оффиціозной дипломатической конференціи, собравшейся въ Берлинѣ, что и принято было весьма охотно; Горчаковъ открылъ засѣданія длинною вступительною рѣчью, которая доставляла ему видимое удовлетвореніе. Онъ говорилъ еще Бисмарку: „Si je me retire, je ne veux pas m'éteindre comme une lampe qui file, je veux me coucher comme un astre“. Германскій канцлеръ удивляется этому преобладанію личныхъ чувствъ надъ патріотическими и государственными заботами; для него остается загадочнымъ все поведеніе нашей дипломатіи до и послѣ турецкой войны. Осенью 1876 года онъ получилъ изъ Ливадіи отъ прусскаго военнаго уполномоченнаго, генерала фонъ-Вердера, шифрованную депешу, въ которой ему поставленъ, отъ имени государя, щекотливый вопросъ: какъ поступитъ Германія въ случаѣ военнаго конфликта между Россіею и Австріею? Самое обращеніе съ такимъ вопросомъ казалось Бисмарку неправильнымъ по формѣ и неловкимъ по существу; русское правительство могло давать подобныя порученія своему собственному посланнику въ Берлинѣ, но не прусскому военному агенту; притомъ заранѣе можно было предвидѣть, что Германія не свяжетъ себя опредѣленными обѣщаніями въ ущербъ Австріи, безъ достаточныхъ къ тому положительныхъ и вѣскихъ мотивовъ. Послѣ тщетныхъ попытокъ уклониться отъ неудобнаго обсужденія чисто теоретической проблемы, Бисмаркъ въ октябрѣ того же года вызвалъ къ себѣ въ Варцинъ находившагося тогда въ отпуску германскаго посла при русскомъ дворѣ, фонъ-Шлейница, и поручилъ ему съѣздить въ Ливадію для необходимыхъ конфиденціальныхъ объясненій. Согласно данной ему инструкціи, посолъ фонъ-Шлейницъ долженъ былъ подтвердить, что первою потребностью Германіи

является сохраненіе мира и дружбы между обѣими великими монархіями; если же, къ прискорбію нѣмцевъ, это окажется невозможнымъ для Россіи и Австріи, то берлинскій кабинетъ будетъ по неволѣ мириться съ тѣмъ, что его друзья станутъ наносить другъ другу удары, выигрывать или проигрывать сраженія, но не потерпитъ, чтобы одинъ изъ нихъ подвергся опасности лишиться независимаго и равноправнаго положенія между великими державами въ Европѣ. Другими словами, намъ нечего было разсчитывать на безусловный нейтралитетъ Германіи при нашемъ столкновеніи съ Австріею. Нельзя было и ожидать другого отвѣта послѣ того какъ Бисмаркъ въ 1866 году убѣждалъ—и убѣдилъ—своего короля оставить неприкосновенною австрійскую имперію, въ видахъ будущаго съ нею примиренія и соглашенія; а то, въ чемъ онъ отказывалъ Пруссіи, не могъ онъ уступать и Россіи. Но у насъ не обращали вниманія на факты, на реальныя обстоятельства и условія, а основывались больше на сантиментальныхъ предположеніяхъ, въ силу которыхъ „вѣчная признательность" Вильгельма I за русскую неизмѣнную дружбу и поддержку въ тяжелый годъ франко-прусской войны понята была въ смыслѣ надежной гарантіи и основы для дальнѣйшей нашей политики. По догадкѣ Бисмарка, у него вынудили прямой отвѣтъ относительно Австріи съ коварною цѣлью подорвать къ нему довѣріе русскаго государя, доказать, что прусская дружба имѣетъ лишь платоническій характеръ, и виновникомъ былъ, разумѣется, князь Горчаковъ;—однако, что было бы, еслибы увѣренность въ содѣйствіи Пруссіи ничѣмъ не была поколеблена, или еслибы самъ Бисмаркъ отвѣчалъ болѣе поощрительно на сдѣланный ему запросъ? Полагаясь на вѣчную признательность прусскаго короля, мы впутались бы въ войну съ Австріею,—войну, которая, очевидно, должна была служить только предисловіемъ къ окончательному разрѣшенію восточнаго вопроса; на этой почвѣ, кромѣ Турціи, мы неминуемо встрѣтили бы и Англію, и слѣдовательно наша дипломатія готова была затѣять борьбу съ цѣлою коалиціею, тогда какъ на дѣлѣ потребовались огромныя и долгія усилія, чтобы справиться съ одними турками.

Къ счастью, германскій канцлеръ разрушилъ наши надежды на Пруссію, и мы ограничились походомъ на Балканы; а чтобы заручиться нейтралитетомъ Австро-Венгріи, мы предварительно отдали ей тѣ именно славянскія области, которыя первыя возстали противъ турецкаго ига и ради которыхъ начали войну Сербія и Черногорія, взывавшія къ намъ о помощи; мы отдали подъ австрійскую власть тѣ земли, которыя довѣрчиво ожидали

своего возсоединенія съ родственными славянскими государствами, и мы сдѣлали это безъ спроса заинтересованнаго населенія, путемъ секретной дипломатической конвенціи, заключенной въ январѣ 1877 года подъ условіемъ сохраненія ея въ тайнѣ отъ Берлина. Нѣтъ сомнѣнія, что формальное согласіе отдать Боснію и Герцеговину австрійцамъ, выраженное до начала русско-турецкой войны, было бы совершенно немыслимо, еслибы наши дипломаты, подобно дипломатамъ иностраннымъ, должны были считаться съ общественнымъ мнѣніемъ страны. Рейхштадтская конвенція показывала наглядно, что политическіе и національные интересы не существовали или не имѣли большой цѣны въ глазахъ тогдашнихъ руководителей русской политики; чувствовалась только необходимость, съ одной стороны, предпринять что-нибудь, соотвѣтственно всеобщимъ ожиданіямъ, а съ другой—отдѣлаться отъ внѣшнихъ преградъ, мѣшающихъ какимъ-либо предпріятіямъ. Князь Бисмаркъ допытывался у нашихъ дипломатовъ, куда мы собственно идемъ и каковы наши истинныя намѣренія; но никто не могъ сказать ему откровенно, что мы сами этого не знаемъ и, пожалуй, ждемъ указаній отъ германскаго канцлера. „Я нуждаюсь въ разгадкѣ вашей политики,—писалъ онъ въ февралѣ 1877 года русскому послу въ Лондонѣ, графу Петру Шувалову,—ибо мнѣ она недоступна; надо просвѣтить меня насчетъ подлинныхъ желаній и мыслей, которыя я, какъ видно, плохо понялъ въ прошедшемъ. Не получая никакихъ сообщеній или свѣдѣній, я не съумѣю провести узкую пограничную черту между упреками въ поощреніи Турціи словами миролюбія и подозрѣніями въ коварномъ подстрекательствѣ къ войнѣ. Я подвергался до сихъ поръ перекрестному огню этихъ противоположныхъ обвиненій и не имѣю охоты подвергаться имъ вновь, оставаясь безъ компаса и не видя маяка, который указывалъ бы намъ ту пристань, куда вы думаете направиться“. Графъ Петръ Шуваловъ, въ своемъ отвѣтѣ отъ 25-го февраля (опубликованномъ въ мемуарахъ Бисмарка), не могъ ничего объяснить канцлеру, такъ какъ и самъ былъ „плохо освѣдомленъ о томъ, чего хотятъ въ Петербургѣ“; ему представлялись наиболѣе вѣроятными—отсрочка кризиса и разоруженіе, въ виду обѣщанія султана добровольно осуществить всѣ требуемыя реформы. Остальное содержаніе письма посвящено благоговѣйному, подобострастному превознесенію великаго дѣятеля, удостоившаго русскаго посла своей дружбою: ваше письмо—говоритъ посолъ—„останется однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей политической карьеры, и я его передамъ въ наслѣд-

ство своему сыну"; еслибы Бисмаркъ поколебался въ своихъ русскихъ симпатіяхъ, то онъ, графъ Шуваловъ, немедленно продалъ бы свои русскіе фонды,—такъ что кредитъ Россіи держится на благосклонности германскаго канцлера, по мнѣнію русскаго дипломата, и это льстивое анти-патріотическое мнѣніе откровенно преподносится Бисмарку, какъ бы взамѣнъ намека на ту пристань, къ которой направляется русская политика.

Узнавъ впослѣдствіи о рейхштадтскомъ соглашеніи, Бисмаркъ естественно долженъ былъ заключить, что наше правительство поставило себѣ очень крупную цѣль и надѣется ея достигнуть; въ противномъ случаѣ не имѣли бы смысла колоссальныя предварительныя уступки въ пользу Австріи. Между тѣмъ, послѣ долгой и трудной войны, мы довольствовались созданіемъ новаго болгарскаго княжества, гдѣ тотчасъ же водворили молодого иностраннаго принца, нѣмецкаго офицера; для Сербіи, Черногоріи и Греціи мы постарались сдѣлать какъ можно меньше, чтобы имѣть потомъ поводъ отсылать ихъ представителей къ вѣнской дипломатіи: „adressez-vous à l'Autriche!";—а главное, мы сами же признали нужнымъ отдать всѣ достигнутые войною результаты на усмотрѣніе европейскаго конгресса. Когда графъ Петръ Шуваловъ прибылъ къ Бисмарку въ Фридрихсруэ и передалъ ему желаніе Россіи созвать конгрессъ въ Берлинѣ, то канцлеръ, вѣроятно, не нуждался уже въ разгадкѣ русской политики; онъ убѣдился, что никакой обдуманной политики тутъ не было,—не было ни компаса, ни маяка, ни пристани. На конгрессѣ присутствовалъ и князь Горчаковъ, но голосомъ Россіи располагалъ не онъ, государственный канцлеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ, а подчиненный ему посолъ, графъ Петръ Шуваловъ, пріобрѣвшій большой авторитетъ по своей административной должности, но мало компетентный въ вопросахъ международныхъ; оба они, Горчаковъ и Шуваловъ, были довольно равнодушны къ судьбѣ балканскихъ земель и къ размѣрамъ новыхъ русскихъ пріобрѣтеній, но сознавали, что играютъ предъ Европою роль далеко менѣе почетную и выгодную, чѣмъ представители державъ, не побѣждавшихъ Турціи,—лордъ Биконсфильдъ и графъ Андраши. Князь Горчаковъ не являлся на засѣданія конгресса, когда предстояло обсужденіе спорныхъ или непріятныхъ вопросовъ; онъ не сообщалъ также Бисмарку, что именно желательно Россіи, и потомъ выражалъ неудовольствіе по поводу недостаточной съ его стороны защиты русскихъ интересовъ. Отвѣтственность за всѣ обидныя неудачи русской восточной политики стала мало-по-малу приписываться германскому

канцлеру, хотя характеръ нашихъ дѣйствій и упущеній, какъ и выборъ дѣйствующихъ лицъ, зависѣлъ, конечно, не отъ Берлина... Мы сами вели дѣло къ тому, чтобы плодами нашихъ жертвъ распоряжались Австрія и Англія; наши войска разбили Турцію, но были остановлены передъ Константинополемъ по первому грозному слову британскаго министра, такъ какъ главнѣйшей заботою нашей дипломатіи было избѣжаніе непріятныхъ для нея осложненій и споровъ, хотя и не представлявшихъ дѣйствительной опасности для Россіи, но требовавшихъ усиленнаго нервнаго труда и напряженія. Лучшимъ и опытнѣйшимъ политическимъ дѣятелямъ Европы противопоставлены были на конгрессѣ — престарѣлый, разслабленный салонный дипломатъ старой школы, и свѣтскій сановникъ, извѣстный своимъ поклоненіемъ Биконсфильду и Бисмарку; составитель санъ-стефанскаго договора, знатокъ восточныхъ дѣлъ, устраненъ былъ отъ участія въ обсужденіи и пересмотрѣ выработанныхъ имъ условій мира. Наши патріоты во всемъ обвиняли Бисмарка; неудовольствіе противъ него переходило и въ высшія оффиціальныя сферы, что заставило его опасаться враждебныхъ замысловъ и коалицій, въ которыхъ могла бы принять участіе Россія, при неустойчивости и ненадежности ея дипломатіи. Страдая „кошмаромъ коалицій", германскій канцлеръ успокоился только тогда, когда осенью 1879 года ему удалось заключить оборонительный союзъ съ Австро-Венгріею безъ нарушенія дружественныхъ связей съ русскимъ правительствомъ...

Графъ Петръ Шуваловъ, подобно многимъ другимъ, преклонялся предъ величіемъ Бисмарка; но едва ли онъ правильно судилъ объ источникѣ и причинахъ его исключительнаго авторитета въ Германіи и Европѣ. Бисмаркъ не спалъ ночей отъ страха, что Германія подвергнется какой-либо опасности въ настоящемъ или будущемъ; и истинное величіе его, быть можетъ, лучше всего характеризуется тѣмъ моментомъ, когда онъ въ Никольсбургѣ доведенъ былъ до нервнаго припадка упорнымъ желаніемъ Вильгельма I продолжать побѣдоносный походъ на Вѣну и увеличить территорію Пруссіи. Это былъ особый патріотизмъ, не часто встрѣчающійся у государственныхъ людей другихъ странъ.

Л. Слонимскій.

ПО ПОВОДУ „СЪѢЗДА СЛАВИСТОВЪ“

I.

Весною настоящаго года—съ 10 по 15 апрѣля включительно—происходили въ Петербургѣ совѣщанія „предварительнаго съѣзда русскихъ филологовъ“, точнѣе: „предварительнаго комитета по устройству въ С.-Петербургѣ съѣзда спеціалистовъ по славянской филологіи и исторіи, для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ по славяновѣдѣнію“.

Когда, съ нѣкоторыхъ поръ, въ разныхъ городахъ Европы собираются представители германской или же романской филологіи, эти ихъ съѣзды или конгрессы не возбуждаютъ ничьихъ подозрѣній и считаются тѣмъ, чѣмъ они есть на дѣлѣ, т.-е. собраніями ученыхъ, совѣщающихся по вопросамъ ихъ спеціальностей. Самою естественною поэтому кажется мысль устройства такихъ же съѣздовъ по части славянской филологіи. И вотъ, руководствуясь подобною мыслью, чешскіе слависты задумали въ 1899 г. устройство международнаго „съѣзда славянскихъ филологовъ“, намѣреваясь созвать его въ Прагѣ въ 1901 г. или 1902 г. Однакожъ этому научному предпріятію не суждено было осуществиться, частью по разнымъ личнымъ соображеніямъ, частью же потому, что въ рѣшающихъ вѣнскихъ сферахъ слово „славистъ“, путемъ ассоціаціи звукового сходства, вызываетъ всегда представленіе столь страшнаго для нихъ „панслависта“. Но мысль о желательности и научной пользѣ съѣзда представителей славянской филологіи не была покинута, и наконецъ, — по настоянію, кажется, прежде всего кіевскаго профессора Т. Д. Флоринскаго, — второе отдѣленіе императорской академіи наукъ рѣшилось взять на себя эту задачу.

Международный съѣздъ славянскихъ филологовъ и историковъ дол-

женъ состояться осенью будущаго 1904 года; пока же его предтечей явился съѣздъ однихъ только русскихъ представителей этихъ наукъ.

Оффиціальное названіе предварительнаго съѣзда можетъ давать поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Былъ ли этотъ съѣздъ дѣйствительно „съѣздомъ *русскихъ филологовъ*“? Принимали ли въ немъ участіе всевозможные „русскіе филологи“ и только „филологи“? Входили ли въ его составъ „филологи“, занимающіеся изученіемъ древнихъ грековъ и римлянъ, т.-е. такъ называемые „классическіе филологи“? Участвовали ли въ немъ такъ называемые „филологи-оріенталисты“, т.-е. „филологи“, занимающіеся изслѣдованіемъ народовъ и племенъ Азіи, Африки и т. д.? Да, они могли въ немъ участвовать, но только въ такомъ случаѣ, если ихъ ученыя работы такъ или иначе соприкасаются съ славянскимъ міромъ. Съ другой стороны, въ составѣ съѣзда были не одни только „филологи“, но также люди, къ которымъ обыкновенно не примѣняется эта кличка. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія названіе минувшаго съѣзда было и слишкомъ обширно, и слишкомъ узко.

Затѣмъ, хотя въ съѣздѣ принимало участіе подавляющее большинство *русскихъ*, но все-таки это не были исключительно „русскіе“, ни съ государственной, ни съ національной точки зрѣнія. Кромѣ русскихъ тамъ были поляки, сербы, хорваты, болгаре, чехи, словинцы, нѣмцы, финны и др., всѣ, правда, въ весьма незначительномъ количествѣ.

Наконецъ, и опредѣленіе „предварительный“ не вполнѣ подходитъ къ названію „съѣздъ русскихъ филологовъ“, если этотъ съѣздъ, какъ „съѣздъ *русскихъ* филологовъ“, является въ этомъ смыслѣ первымъ и послѣднимъ, и если слѣдующій съѣздъ будетъ съѣздомъ не „русскихъ филологовъ“, но „международнымъ съѣздомъ славянскихъ филологовъ и историковъ“.

Всѣ эти, неизбѣжныя въ подобныхъ случаяхъ, недоумѣнія и противорѣчія объясняются очень просто слѣдующимъ соображеніемъ:

Устройствомъ будущаго съѣзда славистовъ занимается отдѣленіе *русскаго* языка и словесности императорской академіи наукъ. Какъ учрежденіе, вполнѣ компетентное по этой части, отдѣленіе могло исполнить взятую на себя задачу, не спрашивая ничьего посторонняго совѣта. Тѣмъ не менѣе оно пожелало выслушать и принять къ свѣдѣнію и руководству мнѣніе спеціалистовъ и людей, интересующихся предстоящимъ научнымъ предпріятіемъ, но пока только въ предѣлахъ Россіи. На предварительный, хозяйственный и организаторскій, съѣздъ отдѣленіе пригласило всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся *русскихъ* работниковъ въ области славяновѣдѣнія и соприкасающихся съ нимъ наукъ, то-есть, прежде всего профессоровъ и уни-

верситетскихъ преподавателей разныхъ отдѣловъ славянской филологіи, языковѣдѣнія, исторіи и т. д., затѣмъ разныхъ другихъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, причастныхъ этимъ наукамъ, и, наконецъ, даже иностранцевъ, находящихся случайно въ Петербургѣ и могущихъ дать полезные совѣты и указанія. Второе отдѣленіе академіи наукъ обратилось также въ историко-филологическіе факультеты университетовъ и въ другія учрежденія съ просьбой прислать на съѣздъ своихъ представителей. Не забытъ былъ при этомъ и гельсингфорскій университетъ, представителемъ котораго явился извѣстный лингвистъ-славистъ, I. А. Миккола. Изъ-за границы былъ приглашенъ отдѣленіемъ только его сочленъ, вѣнскій профессоръ и академикъ, И. В. Ягичъ. Ему, какъ безспорно самому всестороннему и самому выдающемуся между современными славистами, и пришлось быть главнымъ предсѣдателемъ съѣзда, рядомъ съ мѣстными академиками, А. Н. Пыпинымъ и В. И. Ламанскимъ.

Однимъ словомъ, отдѣленіе *русскаго* языка и словесности академіи наукъ, какъ хозяинъ, взяло себѣ въ помощники разныхъ другихъ ученыхъ пока только въ предѣлахъ Россіи, для того чтобы обдумать и установить самый подходящій способъ созыва гостей-участниковъ будущаго съѣзда,—и устроенный съ этою цѣлью съѣздъ оно назвало „предварительнымъ съѣздомъ *русскихъ* филологовъ“. Не въ названіи дѣло, а въ содержаніи.

Какъ названіе оконченнаго „предварительнаго“ съѣзда, такъ же точно названіе предстоящаго ученаго съѣзда можетъ давать поводъ къ недоразумѣніямъ. Нѣкоторые величаютъ его просто „*всеславянскимъ*“ (чуть-чуть не „панславистическимъ“) съѣздомъ; другимъ нравится названіе: „*всеславянскій* съѣздъ спеціалистовъ по славянской филологіи и исторіи“; опять другіе желали бы имѣть съѣздъ „представителей *славянской* науки“ или же „*международный* съѣздъ *славянскихъ* филологовъ и историковъ“. И вотъ все это названія далеко не точныя. „*Всеславянскости*“ здѣсь никакой не полагается. Какъ самые ярые „Alldeutsche“ не допускаются на съѣзды германистовъ или германскихъ филологовъ, точно такъ же нѣтъ мѣста на предстоящемъ съѣздѣ самымъ даже громогласнымъ „всеславянамъ“, если бы они пожелали участвовать въ немъ во имя своего „всеславянства“, и если бы за ними не числилось никакихъ научныхъ заслугъ.

Конечно, изученіемъ „славянства“ во всѣхъ его проявленіяхъ занимаются по преимуществу „славяне“, такъ что и на предстоящемъ съѣздѣ большинство будетъ состоять изъ ученыхъ „славянскаго“ происхожденія; но вѣдь мыслимъ и такой случай, когда изученіемъ извѣстнаго племени занимаются какъ разъ иноплеменники. Это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, при изученіи разныхъ такъ называемыхъ „некуль-

турныхъ“ племенъ Африки, Азіи, Америки, Австраліи и даже Европы. Въ виду этого возможенъ былъ бы съѣздъ славистовъ не-славянъ.

Затѣмъ, невозможно говорить о „славянской“ или „всеславянской“ наукѣ. Кромѣ пустого звука названіе это ничего изъ себя не изображаетъ. Я лично знаю только одну науку, общечеловѣческую, и не признаю вовсе ни нѣмецкой, ни французской, ни русской, ни какой бы то ни было національной науки, а ужъ и подавно нельзя допускать племенныхъ наукъ: науки романской, германской, славянской... Если же и говорится, напримѣръ, о нѣмецкой или русской наукѣ, то имѣется при этомъ въ виду совокупность всѣхъ наукъ, разработываемыхъ представителями данной народности или же національности. Вклады въ такъ называемую „русскую науку“ дѣлаются и математиками, и химиками, и естественниками вообще, и соціологами и т. д., а не одними только *русскими* филологами *русскаго* происхожденія. Сообразно со всѣмъ этимъ, выраженіе „*славянскіе* филологи и историки“ въ названіи предстоящаго съѣзда значитъ не „филологи и историки“ „славянскаго происхожденія“, но „всѣ занимающіеся изученіемъ славянства“, какого бы они ни были происхожденія.

Самыми подходящими названіями для будущаго съѣзда, названіями, вполнѣ соотвѣтствующими его исключительно научному характеру, могли бы быть: „*международный съѣздъ славистовъ*“, „*международный съѣздъ представителей славяновѣдѣнія*“ или т. п. Вполнѣ же точно соотвѣтствуетъ назначенію этого съѣзда слѣдующее опредѣленіе:

„Съѣздъ ученыхъ, занимающихся *изслѣдованіемъ* проявленій соціально-психической жизни тѣхъ разнообразныхъ группъ людей, которые объединяются въ одно цѣлое, въ отличіе отъ другихъ подобныхъ группъ, — очевиднымъ сходствомъ свойственныхъ имъ *славянскихъ* языковъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова“.

Въ съѣздѣ примутъ участіе не только „славянскіе“ филологи, но также „славянскіе“ историки, т.-е. люди, занимающіеся изученіемъ исторіи отдѣльныхъ славянскихъ государствъ, племенъ и народовъ. По мнѣнію многихъ, „такому расширенію программы нельзя не сочувствовать“. Мнѣ кажется однакожъ, что именно это расширеніе программы будетъ до извѣстной степени мѣшать успѣху съѣзда. Съѣздъ будетъ слишкомъ многочисленъ и возьметъ на себя слишкомъ много задачъ. Историки должны бы съѣзжаться отдѣльно или, по крайней мѣрѣ, образовать параллельные одновременные съѣзды. Отъ этого раздѣленія труда выиграло бы дѣло и историковъ, и филологовъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, этому требованію будетъ удовлетворено до извѣстной степени образованіемъ особой исторической секціи съѣзда.

При этой же исторической секціи должна образоваться особая балтійская или литво-латышская подсекція, посвященная разсмотрѣнію

всѣхъ проявленій соціально-психической жизни племени аистскаго или балтійскаго (литовско-латышско-древнепрусскаго).

II.

Одинъ изъ знаменитыхъ французскихъ химиковъ,—когда пріѣхавшій къ нему учиться иностранецъ сталъ извиняться въ плохомъ знаніи французскаго языка,—отвѣтилъ: „Monsieur, parmi les gens de science il n'y a pas des mots, il y a des idées" (между людьми науки лишни слова и можно довольствоваться идеями). Къ сожалѣнію, несмотря на „bon mot" французскаго химика, даже въ столь скупой на слова наукѣ, какъ математика, это пока недостижимый идеалъ, и все еще всѣмъ людямъ науки приходится прибѣгать къ посредству языка, точнѣе говоря, къ посредству различныхъ языковъ. И вотъ и передъ устроителями будущаго съѣзда „славянскихъ филологовъ" предсталъ вопросъ, на какомъ языкѣ или же на какихъ языкахъ должны вершиться доклады и пренія этого съѣзда.

Было бы весьма желательно и отрадно, если бы всѣ не-русскіе участники будущаго съѣзда, по крайней мѣрѣ всѣ „славяне", могли изъясняться по-русски, и еслибы многоязычіе докладовъ обусловливалось еще двумя-тремя общераспространенными языками въ устахъ ученыхъ не-славянскаго происхожденія. Но,—опять таки къ сожалѣнію,—недостаточное практическое знаніе русскаго языка не только между ино-славянскими историками, но даже между ино-славянскими филологами, есть неоспоримый фактъ, съ которымъ приходится считаться каждому здравомыслящему человѣку. А если созывать славянскихъ филологовъ и историковъ со всѣхъ концовъ міра, такъ надо же дать имъ возможность высказаться.

Руководствуясь этими вполнѣ разумными и гуманными соображеніями, второе отдѣленіе императорской академіи наукъ предложило, чтобы рефераты на будущемъ съѣздѣ читались на всѣхъ славянскихъ *нарѣчіяхъ*, а также на французскомъ и нѣмецкомъ *языкахъ*, и это предложеніе разсматривалось и обсуждалось подробно на минувшемъ „предварительномъ съѣздѣ русскихъ филологовъ". Надо отдать справедливость этому съѣзду, что онъ не только не съузилъ языко-терпимости, характеризующей предложеніе академіи, но даже ее расширилъ, допустивъ для докладовъ и преній будущаго съѣзда славистовъ, рядомъ со всѣми славянскими нарѣчіями и рядомъ съ языками нѣмецкимъ и французскимъ, еще языки англійскій и итальянскій.

Это принципіальное многоязычіе не должно никого удивлять или же вызывать ироническую улыбку. Славянскою филологіей и исторіей

славянскихъ народовъ могутъ вѣдь заниматься и не-славяне, не владѣющіе свободно ни однимъ славянскимъ языкомъ, и которымъ, стало быть, придется излагать свои мысли на одномъ изъ наиболѣе распространенныхъ языковъ германскихъ или же романскихъ. Что же касается самихъ славянскихъ „языковъ" или „нарѣчій", то, конечно, можно бы сослаться на примѣръ аналогичныхъ съѣздовъ германистовъ (германскихъ филологовъ) и романистовъ (романскихъ филологовъ). На международныхъ съѣздахъ германистовъ исключаются *фактически* доклады и пренія на языкахъ скандинавскихъ или же на языкѣ голландскомъ, а на международныхъ съѣздахъ романистовъ никто *фактически* не докладываетъ по-испански или же по-румынски, — но это только потому, что нѣтъ ни одного мало-мальски выдающагося германиста или романиста (хотя бы онъ самъ былъ не-германскаго и не-романскаго происхожденія), который не владѣлъ бы однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ романо-германскихъ языковъ. Между тѣмъ въ мірѣ славянскомъ нѣтъ до сихъ поръ ни одного общепонятнаго литературнаго языка, ни даже такой пары языковъ, какою въ мірѣ германскомъ являются языки нѣмецкій и англійскій, а въ мірѣ романскомъ— языки французскій и итальянскій.

Нѣкоторые (въ томъ числѣ и предсѣдательствовавшій И. В. Ягичъ) предлагали допускать многоязычіе только въ собраніяхъ отдѣльныхъ секцій, ограничиваясь на общихъ собраніяхъ исключительно русскимъ языкомъ; но и это немыслимо въ виду того, что общеинтересные вопросы могутъ быть какъ разъ затронуты французскими или же нѣмецкими учеными, не владѣющими въ достаточной степени русскимъ языкомъ.

Въ примѣненіи къ славянскимъ языкамъ была допущена извѣстная неопредѣленность: разъ ихъ называли „славянскими *нарѣчіями*", другой разъ величали „славянскими *языками*". Но это совершенно все равно; въ этомъ примѣненіи, между „языкомъ" и „нарѣчіемъ" нѣтъ ни малѣйшаго различія. Ради полной точности и во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, слѣдовало сказать: „доклады и пренія допускаются на всѣхъ *литературныхъ* славянскихъ языкахъ". „Литературность" является здѣсь непремѣннымъ условіемъ, ибо вѣдь въ съѣздѣ будутъ принимать участіе исключительно люди грамотные и прошедшіе извѣстную школу. Какіе же существуютъ „литературные" славянскіе языки, это опредѣляется не симпатіями и антипатіями языковыхъ фанатиковъ, но самою жизнью.

Въ этомъ смыслѣ никто не имѣетъ права не признавать существованія и равноправности, напримѣръ, малорусскаго (украинскаго) или, по крайней мѣрѣ, галицко-русскаго языка. Хотя языкъ этотъ мозолитъ глаза нѣкоторымъ ревнителямъ и объединителямъ, но онъ все-таки суще-

ствуетъ. А появился онъ и развился не благодаря капризу и желанію дразнить разныхъ человѣконенавистниковъ, но въ силу извѣстныхъ историческихъ условій. Господамъ „славянскимъ историкамъ" не мѣшало бы понять это и... великодушно простить.

Недавно пріѣзжалъ въ Петербургъ одинъ галицко-русскій филологъ, понимавшій по-великорусски только съ грѣхомъ по поламъ. Присутствуя въ одномъ изъ засѣданій археологическаго общества, онъ принялъ участіе въ преніяхъ, но попросилъ позволенія сдѣлать это на своемъ языкѣ. На этого львовскаго ученаго русскій языкъ производилъ впечатлѣніе „испорченнаго" малорусскаго. Все зависитъ отъ предварительной подготовки и отъ угла, подъ которымъ мы смотримъ на вещи.

Было бы довольно странно, еслибы второе отдѣленіе академіи наукъ, пригласивъ заграничныхъ ученыхъ, вздумало нѣкоторымъ изъ нихъ зажимать ротъ, развѣшивая, напримѣръ, предостереженія въ родѣ: „говорить по-малорусски строго воспрещается". Это дѣло не ученыхъ учрежденій. Настоящая свободная наука должна быть чужда всякаго фанатизма и можетъ существовать только при условіи взаимныхъ уступокъ и полной равноправности. Кто же возмущается равноправностью, пусть отправляется въ Кишиневъ и пусть устроиваетъ травлю иновѣрцевъ и иноязычниковъ. Рто-зажимательной угрюмъ-бурчеевщинѣ нѣтъ мѣста въ ученыхъ собраніяхъ; она можетъ пріютиться въ разныхъ другихъ почтенныхъ вѣдомствахъ.

Различеніе „языковъ", какъ языковъ привилегированныхъ, и „нарѣчій", какъ языковъ второстепеннаго достоинства, является отголоскомъ средневѣкового различенія „языка", языка въ полномъ смыслѣ этого слова, „языка" господствующаго и единственно литературнаго, то-есть языка „*латинскаго*", и языковъ „мужицкихъ" или „мѣстныхъ". Одна римская, католическая церковь (ecclesia romana), какъ наслѣдница римской имперіи съ притязаніями на всемірное господство, и одинъ общій, единоспасающій латинскій языкъ (lingua latina),—а все остальное „linguae vulgares", „нарѣчія", „жаргоны", терпимые, но презираемые! Рядомъ съ „первымъ Римомъ" появился „Римъ второй", „Римъ третій", „четвертый"... и все съ тѣми же затѣями, съ тою же нетерпимостью, съ тѣмъ же стремленіемъ къ объединенію. Но мы, современники, вышли уже изъ этого языко-пожирательнаго состоянія и, по крайней мѣрѣ въ области науки, держимся принципіально изреченія: „всякъ языкъ да исповѣдуетъ Бога". „Всякъ языкъ да раздается на международномъ съѣздѣ славистовъ".

Такъ принципіально и юридически; иначе будетъ въ исполненіи и фактически. Фактическое же ограниченіе многоязычія будетъ достигнуто не запретами и карательными мѣрами, а единственно только

„благоразуміемъ докладчиковъ“. Приглашенные академіей наукъ, какъ гости этого высшаго въ Россіи ученаго учрежденія, они будутъ старательно избѣгать всякихъ скандаловъ и изъ употребленія того или другого языка не будутъ дѣлать политической демонстраціи. Въ выборѣ того или другого языка для собственныхъ рефератовъ и возраженій они будутъ руководствоваться, во-первыхъ, собственными знаніями, во-вторыхъ же, желаніемъ, чтобы рѣчь ихъ не была „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“. Рѣшающею явится здѣсь экономическая и общественная точка зрѣнія. Люди съѣдутся для того, чтобы понимать другъ друга и обмѣняться мыслями, и затѣмъ чтобы достигнуть этого при возможно меньшей потерѣ силъ и времени.

Положимъ, что въ исторической секціи захочетъ докладывать галицкій русскій, не говорящій по-великорусски, но за то говорящій помалорусски, по-польски и, конечно, по-нѣмецки. Положимъ, что, уже по личнымъ соображеніямъ, онъ исключитъ польскій языкъ; останутся, стало-быть, малорусскій и нѣмецкій. Тогда онъ вѣроятно попроситъ собраніе высказаться, на какомъ языкѣ ему слѣдуетъ говорить. Казалось бы, что предпочтеніе должно быть дано нѣмецкому. Но вѣдь можетъ случиться, что тотъ или другой историкъ (напримѣръ, изъ Россіи) не понимаетъ въ достаточной степени по-нѣмецки; а между тѣмъ докладъ на близкомъ великорусскому малорусскомъ языкѣ будетъ болѣе или менѣе понятенъ для каждаго русскаго. Ну, и конечно придется докладывать по-малорусски.

Надо, однакожъ, полагать, что такіе случаи будутъ весьма рѣдки, точно также какъ наврядъ ли участники съѣзда будутъ прибѣгать публично къ языку сербо-лужицкому, словацкому, словенскому и даже болгарскому. Если и будутъ доклады и пренія на другихъ славянскихъ языкахъ (кромѣ русскаго), такъ это развѣ на польскомъ, на чешскомъ и на сербо-хорватскомъ.

Языкомъ дѣлопроизводства съѣзда будетъ, конечно, русскій языкъ. Точно также на этомъ языкѣ будутъ провозглашаться торжественныя рѣчи (открытіе, закрытіе, разныя привѣтствія и т. п.). Это вполнѣ согласуется съ принципомъ, высказаннымъ въ программѣ съѣзда, предполагавшагося въ Прагѣ. Тамъ языкомъ дѣлопроизводства долженъ былъ быть чешскій языкъ. Точно также, если, съ легкой руки Петербурга, послѣдуютъ другіе „международные съѣзды славистовъ“, языкомъ дѣлопроизводства будетъ всегда языкъ данной страны и даннаго народа: въ Загребѣ—сербо-*хорватскій*, въ Бѣлградѣ—*сербо*-хорватскій, въ Софіи—болгарскій, въ Люблянѣ—словенскій, въ Краковѣ—польскій, въ Вѣнѣ и Берлинѣ—нѣмецкій.

А соберется ли когда-либо „международный съѣздъ славистовъ“ во Львовѣ или же въ Варшавѣ?

III.

Самымъ важнымъ научнымъ вопросомъ, обсужденіе котораго было поставлено на очередь занятій какъ минувшаго, такъ и будущаго съѣзда, слѣдуетъ признать вопросъ о составленіи и изданіи „Энциклопедіи славяновѣдѣнія“ или сжатаго очерка научныхъ данныхъ, входящихъ въ составъ понятія „славянской филологіи“, т.-е. разныхъ наукъ (языковѣдѣнія, антропологіи, этнографіи, литературы, соціологіи и даже исторіи), поскольку матеріаломъ этихъ наукъ служатъ проявленія соціально-психической жизни людей, говорящихъ и говорившихъ на славянскихъ языкахъ.

Починъ этого предпріятія принадлежитъ всецѣло И. В. Ягичу, задумавшему еще въ 1894 и начавшему въ 1895 году разсылать приглашенія къ разнымъ славистамъ, съ просьбою принять участіе въ этомъ коллективномъ сочиненіи. Это долженъ былъ быть „Grundriss der slawischen Philologie“ (только филологіи, съ исключеніемъ исторіи), конечно на нѣмецкомъ языкѣ, и онъ оказалъ бы несомнѣнно большую пользу, на подобіе столькихъ другихъ Grundriss'овъ, издаваемыхъ въ Германіи по разнымъ „филологіямъ“ и другимъ областямъ знанія. Многіе откликнулись на это приглашеніе и обѣщали свое сотрудничество, но только двое исполнили свое обѣщаніе. И тутъ нечего винить „общія условія“, „въ которыхъ живетъ современное славянство“, нечего винить „отсутствіе культурнаго общенія между отдѣльными славянскими народами“, „неимѣніе общаго литературнаго языка“ и т. д. Все это встрѣчается болѣе или менѣе также и въ германскомъ, и въ романскомъ мірѣ, а однакожъ появились же „Grundriss“'ы и романской, и германской, и арійской и т. д. „филологіи“.

Что касается одного „общаго литературнаго языка“, то вѣдь его не имѣется тоже ни въ романскомъ, ни въ германскомъ мірѣ; въ данномъ же случаѣ, для задуманнаго Ягичемъ „Grundriss“'а, было ясно указано на „общій литературный языкъ“ изданія—языкъ нѣмецкій.

Однимъ словомъ, все это просто предлоги, а настоящею причиной неудачи предпріятія Ягича былъ, во-первыхъ, недостатокъ надлежащимъ образомъ подготовленныхъ работниковъ, затѣмъ отсутствіе необходимаго для подобной работы досуга у наличныхъ спеціалистовъ и, наконецъ, насколько дѣло касается природныхъ „славянъ“, можетъ быть, и неумѣнье сосредоточенно работать, равно какъ и извѣстная лѣнь и отсутствіе стойкости, свойственное этому „столь богато отъ природы одаренному племени“.

Неудавшееся И. В. Ягичу коллективное научное предпріятіе было включено пражскими славистами въ программу задуманнаго ими съѣзда, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ съѣздомъ вторично похоронено. Теперь наконецъ можемъ надѣяться, что, воскресши въ программѣ съѣзда, устроиваемаго вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ, оно начнетъ постепенно осуществляться.

Было бы, однакоже, большою ошибкой думать, что изданіе „Энциклопедіи славяновѣдѣнія", по своему замыслу, исполненію и послѣдствіямъ, есть „настоящее общеславянское научное предпріятіе". Оно есть предпріятіе не только „общеславянское", но вмѣстѣ съ тѣмъ и общечеловѣческое, что̀, по моему, несравненно важнѣе. Вѣдь въ составленіи этой „Энциклопедіи" или „Компендіума" примутъ участіе не одни только славянскіе ученые, но непремѣнно также ученые другихъ націй: прежде всего нѣмцы (изъ Германіи, Австріи и, можетъ быть, Швейцаріи), затѣмъ, французы, скандинавы, финны, литовцы, мадьяры и другіе.

Нельзя также утверждать, что „энциклопедія укажетъ Европѣ важность славянской науки". Не въ „Европѣ" тутъ дѣло и не въ „славянской наукѣ", а въ томъ, что такое многообъемлющее сочиненіе облегчитъ успѣшныя занятія славянскою *филологіей* во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, а ничуть не „славянскою наукой".

Затѣмъ, не мѣшаетъ помнить, что „Энциклопедія славяновѣдѣнія" издается не для *общенія* славянъ между собою (громадному большинству даже высоко-образованныхъ „славянъ" нѣтъ никакого дѣла до „славянской филологіи"), а для строго научныхъ цѣлей, одинаково преслѣдуемыхъ спеціалистами изъ „славянъ" и изъ „не-славянъ".

Нахожденіе этого научнаго, общечеловѣческаго предпріятія въ рукахъ второго отдѣленія императорской академіи наукъ является лучшимъ ручательствомъ, что оно во всѣхъ своихъ частяхъ и отдѣлахъ (со включеніемъ отдѣла историческаго) будетъ вполнѣ свободно отъ всякой ненаучной примѣси, отъ всякой тенденціозности.

Много было толковъ по поводу языка, на которомъ должна быть издана „Энциклопедія славяновѣдѣнія". При первоначальныхъ совѣщаніяхъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до минувшаго „съѣзда русскихъ филологовъ", было высказано мнѣніе, что подобное коллективное сочиненіе можетъ быть многоязычнымъ, то-есть состоять изъ статей и разсужденій, напечатанныхъ въ подлинномъ видѣ на всѣхъ тѣхъ языкахъ, которыми воспользуются разноязычные сотрудники. Но, несмотря на всю гуманность и благородство подобной постановки дѣла, многія практическія соображенія заставили отказаться отъ нея. Одноязычіе каждой книги или же изданія составляетъ его неоспоримое достоин-

ство. Поэтому-то второе отдѣленіе академіи остановилось на русскомъ языкѣ, предоставляя всѣмъ полную свободу переводовъ и предлагая авторамъ, статьи которыхъ войдутъ въ составъ энциклопедіи въ русскомъ переводѣ съ ихъ не-русскихъ подлинниковъ, печатать, по желанію, вмѣсто гонорара, также эти подлинники, подъ названіемъ отдѣльныхъ оттисковъ.

При возникшихъ по этому поводу преніяхъ на минувшемъ съѣздѣ русскихъ филологовъ былъ, между прочимъ, предложенъ латинскій языкъ, но предложеніе это, какъ неисполнимое, было отклонено почти единогласно. Не желая задѣвать ничьего самолюбія, т.-е. не давая предпочтенія ни одному племенному или народному языку, можно было предложить или „всемірный“ языкъ *волапюкъ*, или же „международный“ языкъ *эсперанто*.

Многіе обрушились (конечно, не на съѣздѣ, но въ разговорахъ и въ печати) на профессоровъ Гетца (Goetz) и Милюкова за предложеніе воспользоваться для „Энциклопедіи“ нѣмецкимъ языкомъ. Однакоже, вызванное этимъ предложеніемъ, искреннее или же притворное, „негодованіе“ лишено, по-моему, всякаго основанія. Даже не осаждая ковенской крѣпости и не распѣвая нѣмецкихъ шансонетокъ изъ категоріи „Wacht am Rhein“ или же „Громъ побѣды раздавайся“, можно было съ чистою совѣстью, по исключительно научнымъ и практическимъ соображеніямъ, предложить нѣмецкій языкъ. Появившіяся по этому поводу въ газетахъ нападки и издѣвательства не дѣлаютъ чести ихъ авторамъ.

Выборъ *русскаго* языка для предпринятаго академіей наукъ изданія объясняется весьма просто. Это вѣдь будетъ изданіе „отдѣленія *русскаго* языка и словесности“ *русской* академіи наукъ. Трудно же было бы требовать, напримѣръ, отъ берлинской академіи наукъ изданія подобнаго обширнаго труда—не говорю уже на русскомъ, но хотя бы даже на французскомъ или англійскомъ языкѣ. Да, кромѣ того, и съ практической точки зрѣнія изданіе „Энциклопедіи славяновѣдѣнія“ на русскомъ языкѣ не будетъ вовсе предпріятіемъ убыточнымъ и исключительно „патріотическимъ“. Прежде всего не слѣдуетъ забывать о безпрерывномъ спросѣ на подобное сочиненіе со стороны русскихъ спеціалистовъ и студентовъ русскихъ университетовъ. Но и кромѣ того изданіе это разойдется въ довольно значительномъ количествѣ и за предѣлами Россіи. Оно вѣдь предназначается для людей спеціально образованныхъ, для лингвистовъ, для филологовъ и др., изъ которыхъ многіе знаютъ русскій языкъ въ достаточной для чтенія и пониманія книгъ степени.

Конечно, если только русская „Энциклопедія славяновѣдѣнія“ выйдетъ книгою удачной, ее постараются перевести, передѣлать, допол-

нить и издать на нѣмецкомъ языкѣ. Но и новое нѣмецкое изданіе не сдѣлаетъ вовсе лишнимъ первоначальнаго русскаго изданія.

Напрасно нѣкоторые „патріоты своего отечества“ торжествуютъ и ликуютъ отъ мысли о „русскомъ языкѣ“ „Энциклопедіи“. Такое рѣшеніе было сдѣлано не имъ въ угоду. А наврядъ ли отъ появленія въ свѣтъ „Энциклопедіи“ расширится особенно знаніе русскаго языка. Не много найдется иностранныхъ ученыхъ,—не говоря уже объ обыкновенной публикѣ, — которые начнутъ изучать русскій языкъ ради одной этой „Энциклопедіи славяновѣдѣнія“. Этою „Энциклопедіей“ будутъ пользоваться знающіе русскій языкъ, а такихъ теперь довольно много, даже въ Америкѣ. Распространенію же русскаго языка далеко за предѣлами Россіи способствовали гораздо больше глашатаи общечеловѣческихъ идеаловъ, съ великимъ Львомъ Николаевичемъ во главѣ, нежели Катковы и разные, къ несчастью, столь многочисленные подстрекатели, апостолы человѣконенавистничества и болѣе или менѣе убѣжденные палачи и истребители.

IV.

На минувшемъ „съѣздѣ русскихъ филологовъ“ указывалось, между прочимъ, на „важность самой науки славяновѣдѣнія въ ряду другихъ историко-филологическихъ наукъ“. Между тѣмъ никакой такой науки не существуетъ, а такъ называемое „славяновѣдѣніе“ или „славянская филологія“ состоитъ изъ осколковъ разныхъ наукъ, или же изъ свода упражненій человѣческаго ума въ разныхъ направленіяхъ, примѣнительно къ славянскимъ племенамъ. „Славянскія же племена“ обособляются какъ нѣчто своеобразное, въ различіи отъ остального человѣчества, единственно со стороны языка. Не только со стороны антропологической или „расовой“, но также со стороны особенностей бытовыхъ, со стороны народнаго міровоззрѣнія, со стороны народной словесности и литературы, со стороны историческихъ судебъ и т. д., напримѣръ, болгарское племя гораздо ближе другимъ, окружающимъ его племенамъ не-славянскаго происхожденія, нежели, напримѣръ, племени польскому или же чешскому. Существуетъ одинъ общій славянскій *языковой, лингвистическій міръ,* но не существуетъ вовсе особаго славянскаго міра съ точки зрѣнія антропологіи, археологіи, этнографіи, литературы и „всеобщей“ исторіи. „Особенная близость всѣхъ славянскихъ народовъ между собою въ этнографическомъ и историко-культурномъ отношеніи, близость, дающая-де много основаній разсматривать ихъ какъ одно цѣлое, какъ *одинъ организмъ* (!), какъ опре-

дѣленный историко-культурный типъ", есть просто ни на чемъ неоснованный призракъ и продуктъ самовнушенія. По ложной ассоціаціи идей, близость языковъ, нарѣчій и говоровъ переносится на другія проявленія соціально-психической жизни, и отсюда цѣлый рядъ ложныхъ умозаключеній.

Однимъ изъ прямыхъ послѣдствій языкового родства явился такъ называемый „панславизмъ", параллельный возникшимъ и возникающимъ въ разное время: „пангерманизму", „панроманизму", „панкельтизму" и другимъ тому подобнымъ „панизмамъ". До сихъ поръ, однакожъ, „панславизмъ" играетъ только роль, съ одной стороны, весьма удобнаго союзника въ борьбѣ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ за ихъ національныя права (конечно, въ государствахъ „не-славянскихъ"), съ другой же стороны—пугала, которымъ такъ называемые „враги" славянства стращаютъ самихъ себя и свои правительства. Какъ позорная для такъ называемаго „христіанскаго" человѣчества язва антисемитизма больше всего способствуетъ сплоченію евреевъ и развитію „панъюдаизма", такъ же точно подобнымъ объединяющимъ факторомъ по отношенію къ славянамъ является съ нѣкоторыхъ поръ „антиславизмъ". Можемъ, однакоже, надѣяться, что юный „антиславизмъ" и юный „панславизмъ" никогда не породятъ вѣроисповѣдно-племенного общеславянскаго фанатизма, и что „славяне" за то только, что они „славяне", не будутъ подвергаться повальнымъ гоненіямъ и истребленіямъ.

Изъ предшествующаго явствуетъ, что я никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ, будто бы „обстоятельное и точное ознакомленіе съ роднымъ племенемъ во всемъ его разнообразіи представляетъ такую же первостепенную задачу въ нашихъ стремленіяхъ къ знанію, какъ и всестороннее изученіе родного народа, такъ какъ послѣднее можетъ быть полнымъ и обстоятельнымъ только при условіи полноты и обстоятельности изученія всего племени". Въ переводѣ на болѣе простой языкъ это значитъ, что, напримѣръ, русскій, „стремящійся къ знанію", долженъ, кромѣ русской грамматики, русской литературы, русской исторіи и т. д., изучать тоже грамматики, литературы и исторіи всѣхъ славянскихъ племенъ и народовъ. А такъ какъ опять „всестороннее изученіе родного племени" (въ данномъ случаѣ славянскаго) можетъ быть „полнымъ и обстоятельнымъ" „только при условіи полноты и обстоятельности изученія всей родственной отрасли" (въ данномъ случаѣ всѣхъ индо-европейскихъ племенъ и народовъ) и т. д., то, подвигаясь послѣдовательно въ томъ же направленіи, мы станемъ требовать отъ „стремящихся къ знанію" усвоенія всѣхъ языковъ, всѣхъ литературъ, всѣхъ „исторій" земного шара. Но исполнима ли и же-

лательна ли подобная филологическая препарировка умовъ, „стремящихся къ знанію“?

Отъ „стремленій къ знанію“—маленькое уклоненіе въ область „чувствъ“ вообще и „любви“ въ особенности.

Въ первомъ же секціонномъ засѣданіи минувшаго съѣзда В. Д. Спасовичъ заявилъ, между прочимъ, что „Славянское благотворительное общество не пользуется симпатіями“.

Пожалуй, это было заявленіе лишнее и для нѣкоторыхъ господъ нежелательное; но почему же бывшіе на лицо въ томъ же засѣданіи представители „Славянскаго благотворительнаго общества“ не протестовали тутъ же, въ присутствіи г. Спасовича, а предпочли составить черезъ нѣсколько дней высокоторжественный протестъ? Этотъ запоздалый протестъ напоминаетъ столь мѣтко охарактеризованный французами „l'esprit d'escalier“. Но развѣ можно претендовать на кого бы то ни было за то, что онъ не питаетъ симпатій къ „Славянскому благотворительному обществу“? Вѣдь насильно милъ не будешь. И чѣмъ же такъ особенно „Славянское благотворительное общество“ *„облаготворяло“* варшавскихъ поляковъ, что эти послѣдніе должны его непремѣнно „любить“?

По поводу заявленія В. Д. Спасовича, и онъ самъ, и его довѣрители обвинялись нѣкоторыми членами „Славянскаго благотворительнаго общества“ въ томъ, что они не „любятъ“ русскихъ. Но, во-первыхъ, развѣ можно отожествлять „Славянское благотворительное общество“ со всѣми русскими? а во-вторыхъ, можно ли „не-любовь“ къ русскимъ считать какимъ-то противозаконнымъ, возмутительнымъ явленіемъ? И за что же варшавскіе поляки должны любить русскихъ, съ которыми имъ приходится сталкиваться? Впрочемъ, для каждаго непредубѣжденнаго и здравомыслящаго человѣка должно быть совершенно яснымъ, что можно не „любить“ ни „Славянскаго благотворительнаго общества“, ни „нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей“ въ „Привислинскомъ краѣ“, а все-таки „любить“ и уважать Тургенева, Толстого и многихъ-многихъ русскихъ мыслителей и дѣятелей, являющихся проповѣдниками и осуществителями великихъ началъ свободы, правды и справедливости. Да кромѣ того можно любить и уважать и самыхъ обыкновенныхъ, самыхъ заурядныхъ, лишь бы только *добрыхъ* и справедливыхъ русскихъ людей, но трудно „любить“ даже самыхъ знаменитыхъ человѣконенавистниковъ, гонителей и истребителей.

А вотъ еще одно недоразумѣніе.

Предсѣдатель недавно закрытаго „съѣзда русскихъ филологовъ“, профессоръ И. В. Ягичъ, оказался образцовымъ предсѣдателемъ, и въ частности, по отношенію ко всему русскому, велъ себя безукоризненно и предупредительно. Вѣдь онъ же предлагалъ для общихъ собраній

будущаго „съѣзда славистовъ“ исключительно русскій языкъ, что, однако же, было отклонено *русскими*. Онъ же, когда было поставлено на очередь голосованіе по предложенію, издать „энциклопедію славяновѣдѣнія“ на нѣмецкомъ языкѣ, формулировалъ голосуемый вопросъ слѣдующимъ образомъ: „Желательно ли, чтобы *русская* академія наукъ издала энциклопедію славяновѣдѣнія на *нѣмецкомъ* языкѣ?“ А однакожъ, за какіе-то грѣхи противъ русскаго языка и всего русскаго, тотъ же И. В. Ягичъ былъ подвергнутъ нападкамъ и надругательствамъ даже въ серьезныхъ и вполнѣ приличныхъ газетахъ, и со стороны людей вполнѣ культурныхъ и гуманныхъ.

Подобныя нападки и надругательства принадлежатъ къ категоріи „бегемотскаго зубоскальства интеллигентной толпы надъ иностранцами“ и сильно напоминаютъ издѣвательства, которымъ подвергаются со стороны русской неинтеллигентной толпы китайцы и другіе „нехристи“.

Была даже рѣчь о какомъ-то „суконномъ русскомъ языкѣ“ профессора Ягича. Да, дѣйствительно, И. В. Ягичъ не имѣлъ счастья родиться „кровавымъ“ русскимъ. Но все-таки онъ прекрасно владѣетъ русскимъ языкомъ, а если по его произношенію замѣтно, что онъ неприродный русскій, такъ что же дѣлать? Не зажимать же ему ротъ, или же заставлять его говорить по-нѣмецки или по-французски? Я пожелалъ бы господамъ зубоскаламъ, чтобы они хоть въ десятой долѣ были въ состояніи говорить такъ на родномъ языкѣ профессора Ягича, на языкѣ сербо-хорватскомъ, какъ онъ можетъ говорить на ихъ родномъ языкѣ, на языкѣ русскомъ.

Несмотря, однакожъ на два-три непріятныхъ инцидента, минувшій „съѣздъ русскихъ филологовъ“ прошелъ весьма хорошо и соотвѣтствовалъ вполнѣ достоинству науки и того ученаго учрежденія, благодаря энергіи котораго онъ могъ состояться. А хотя я вовсе не принадлежу къ числу оптимистовъ и энтузіастовъ, полагающихъ, что только теперь, именно благодаря минувшему и будущему съѣзду славистовъ, „кончаются для славяновѣдѣнія безконечные дни мрака и ненастья, дни долгихъ и напрасныхъ ожиданій безъ просвѣта“, или же что теперешній съѣздъ является „важнѣйшимъ вопросомъ культурной жизни славянства“, будущій же съѣздъ не только „долженъ произвести цѣлый переворотъ въ развитіи науки о славянствѣ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ „всеславянское торжество науки“, явится „великимъ культурнымъ праздникомъ для всего славянскаго міра“,—хотя, повторяю, я далекъ отъ подобнаго оптимизма и энтузіазма, но я тѣмъ не менѣе полагаю, что будущій „съѣздъ славистовъ“ принесетъ большую пользу наукѣ, не какой-то несуществующей „всеславянской наукѣ“, а извѣстнымъ отдѣламъ науки *общечеловѣческой*. Участники этого съѣзда по-

пытаются вѣроятно дать, по возможности, синтетическій обзоръ того, что до сихъ поръ сдѣлано въ области „славяновѣдѣнія“, и намѣтить или даже начертить программы для будущихъ изслѣдованій.

Организація съѣзда находится въ надежныхъ и преданныхъ дѣлу рукахъ членовъ второго отдѣленія императорской академіи наукъ, а это служитъ достаточнымъ ручательствомъ полной научной солидности этого предпріятія.

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1903.

Новыя правила о фабричной инспекціи.—„Вѣдомственный антагонизмъ" и хорошія стороны спеціализаціи.—Новыя правила о евреяхъ.—Отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1899-й годъ: „упорствующіе" въ холмско-варшавской епархіи, расколъ, сектантство, православіе въ Японіи, церковно-приходскія школы и школы грамоты.—Приготовленія къ введенію въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія.—Уложеніе и преступленія печати.

Высочайшимъ повелѣніемъ 30-го мая, состоявшимся непосредственно по всеподданнѣйшему докладу министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, существенно измѣнено положеніе фабричной инспекціи—измѣнено такъ, что неизбѣжно долженъ измѣниться и самый характеръ этого учрежденія. Фабричная инспекція остается въ вѣдѣніи министерства финансовъ, но всѣ мѣстные ея чины (т.-е. всѣ инспектора, кромѣ окружныхъ) дѣйствуютъ подъ руководствомъ губернатора по примѣненію закона и изданныхъ въ его развитіе правилъ, инструкцій и наказовъ относительно соблюденія на фабрикахъ и заводахъ должнаго благоустройства и порядка. Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ предоставляется, по взаимному ихъ соглашенію, давать руководящія указанія по примѣненію общихъ правилъ объ отношеніяхъ чиновъ фабричной инспекціи къ губернаторамъ и разрѣшать возбужденные послѣдними по этому предмету вопросы. Назначеніе на должности старшихъ фабричныхъ инспекторовъ и фабричныхъ инспекторовъ, распредѣленіе ихъ по участкамъ и представленіе къ наградамъ производятся по предварительномъ сношеніи съ губернаторомъ. Губернатору предоставляется требовать отъ чиновъ фабричной инспекціи представленія очередныхъ и срочныхъ докладовъ, а въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ—отмѣнять противорѣчащія закону и интересамъ общественнаго порядка распоряженія чиновъ фабричной инспекціи, съ доведеніемъ о томъ до свѣдѣнія министерства финансовъ (въ другихъ случаяхъ распоряженія инспекціи,

признаваемыя губернаторомъ неправильными, передаются имъ на разсмотрѣніе мѣстнаго по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія). Дѣйствіе постановленій, опредѣляющихъ обязанности окружныхъ инспекторовъ, пріостановлено, съ оставленіемъ за ними только права ревизіи дѣлъ, производимыхъ чинами фабричной инспекціи, и предварительной разработки свѣдѣній по промышленной статистикѣ. Всѣ эти правила должны имѣть силу впредь до пересмотра, въ общемъ законодательномъ порядкѣ, соотвѣтствующихъ статей устава о промышленности.

Нетрудно замѣтить, что на самомъ дѣлѣ правила 30-го мая почти равносильны передачѣ фабричной инспекціи въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Разъ что дѣятельность фабричной инспекціи поставлена подъ руководство губернатора, разъ что его единоличною властью можетъ быть отмѣнено всякое распоряженіе инспекціи, разъ что его согласіе фактически необходимо какъ для назначенія, такъ и для награжденія инспекторовъ—министерство финансовъ, очевидно, сохраняетъ за собою въ этой сферѣ функціи скорѣе номинальныя, чѣмъ реальныя, и чины фабричной инспекціи становятся такими же агентами мѣстной администраціи, какъ и исправники, земскіе начальники, губернаторскіе чиновники особыхъ порученій. Не таково было первоначальное назначеніе фабричной инспекціи. Она была создана не для *управленія* рабочими, а для посредничества между ними и работодателями, для проведенія въ жизнь законовъ, регулирующихъ фабрично-заводскій трудъ въ видахъ охраны жизни, здоровья и благосостоянія трудящихся. Забота о благоустройствѣ и порядкѣ на фабрикахъ, какъ и вездѣ, лежала, конечно, на губернаторѣ, и фабричная инспекція обязана была, по закону, оказывать ему содѣйствіе—но содѣйствіе это, въ силу самаго призванія инспекціи, заключалось именно въ строгомъ соблюденіи правилъ, предупреждающемъ или прекращающемъ въ самомъ началѣ столкновенія между рабочими и фабричнымъ управленіемъ. Цѣлью, къ достиженію которой должна была стремиться инспекція, было не поддержаніе порядка само по себѣ, а своевременное устраненіе поводовъ къ его нарушенію. Иными, слишкомъ легко, могутъ стать ея задачи, когда она сдѣлается орудіемъ въ рукахъ общей губернской администраціи. Она можетъ обратиться изъ фабричной инспекціи въ фабричную полицію, усиливъ, такимъ образомъ, средства водворенія наружной тишины, но ослабивъ основы и гарантіи внутренняго спокойствія.

„Московскія Вѣдомости", привѣтствуя новый порядокъ, указываютъ, между прочимъ на то, что въ Пруссіи фабричные инспекторы непосредственно подчинены президентамъ, должность которыхъ соотвѣтствуетъ нашей губернаторской, а въ Австріи промышленные ин-

спекторы, подчиненные, черезъ главнаго инспектора, министру торговли, вмѣстѣ съ тѣмъ подчинены и мѣстнымъ административно-полицейскимъ учрежденіямъ. Къ этому можно было бы прибавить, что въ Англіи фабричные инспекторы прямо подчинены министру внутреннихъ дѣлъ; но не слѣдуетъ забывать, что заграничными примѣрами можно пользоваться, въ подобныхъ случаяхъ, лишь съ величайшею осторожностью. Въ Пруссіи роль фабричныхъ инспекторовъ (высшей инстанціей по отношенію къ которымъ является министръ торговли и промышленности) сводится къ контролю надъ полиціей, на обязанности которой лежитъ ближайшій надзоръ за исполненіемъ требованій фабричнаго законодательства; отсюда, по всей вѣроятности, и подчиненіе ихъ президенту (Regierungspräsident), зависимость котораго отъ министра внутреннихъ дѣлъ не такъ, притомъ, велика, какъ у насъ—зависимость губернатора. Въ Австріи промышленные инспекторы подчинены мѣстнымъ административно-полицейскимъ учрежденіямъ лишь какъ *техническіе* агенты для надзора и совѣщанія по всѣмъ вопросамъ промышленнаго устава. Въ Англіи характеръ дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ совершенно иной, чѣмъ у насъ, и притомъ на мѣстахъ фабричные инспектора подчинены только старшимъ инспекторамъ, а между послѣдними и министромъ стоитъ главный инспекторъ, такъ что весь институтъ инспекціи совершенно обособленъ отъ общей администраціи [1]. Въ Россіи иниціатива учрежденія фабричной инспекціи и все дальнѣйшее ея развитіе не случайно шли отъ министерства финансовъ (фактически, какъ извѣстно, являющагося у насъ и министерствомъ торговли и промышленности); только оно могло дать новому институту характеръ не полицейскій, сдѣлать его независимымъ отъ мѣстныхъ вліяній и этимъ самымъ поставить его на высоту, соотвѣтствующую его назначенію. Теперь фабричная инспекція во многихъ отношеніяхъ уже не то, чѣмъ она была вначалѣ, когда представители ея, еще малочисленные, отдавались своему дѣлу съ ревностью неофитовъ и ихъ отчеты, публикуемые во всеобщее свѣдѣніе, привлекали общественное вниманіе къ едва извѣстнымъ до тѣхъ поръ сторонамъ народной жизни; тѣмъ не менѣе въ ея средѣ не совсѣмъ еще, повидимому, исчезли традиціи временъ Н. Х. Бунге. Немногое, по всей вѣроятности, уцѣлѣетъ изъ нихъ тогда, когда фабричная инспекція сольется съ остальными отдѣлами губернской администраціи.

„Новыя правила"—читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ",—„объединяя дѣятельность правительственныхъ властей и устраняя

[1]) Во Франціи, административный строй которой наиболѣе сходенъ съ нашимъ, какъ департаментскіе инспекторы, такъ и стоящіе надъ ними окружные подчинены исключительно министру торговли и промышленности.

вредный вѣдомственный антагонизмъ, подчиняютъ фабричную инспекцію тому высшему представителю правительства на мѣстахъ, который отвѣтственъ за благосостояніе, порядокъ и спокойствіе ввѣренной ему области; а такъ какъ благосостояніе, порядокъ и спокойствіе населенія, посвящающаго себя фабрично-заводскому труду, составляютъ конечную цѣль инспекціи, то надо думать, что въ лицѣ губернаторовъ она нашла своихъ настоящихъ начальниковъ и руководителей". Это разсужденіе построено на нѣсколькихъ крупныхъ ошибкахъ. За *благосостояніе* губерніи губернаторъ отвѣчаетъ лишь настолько, насколько оно связано съ поддержаніемъ *спокойствія* и *порядка*. Остальныя условія благосостоянія зависятъ не отъ мѣстной администраціи; они создаются совокупнымъ вліяніемъ законодательства, высшаго государственнаго управленія, спеціальныхъ вѣдомствъ и органовъ мѣстнаго самоуправленія, не говоря уже о причинахъ, лежащихъ внѣ сферы дѣйствія государства. Къ числу спеціальныхъ вѣдомствъ, съ этой точки зрѣнія особенно важныхъ, принадлежатъ, напримѣръ, вѣдомство земледѣлія и государственныхъ имуществъ (аренда казенныхъ оброчныхъ статей, лѣсное хозяйство, сельско-хозяйственныя школы, фермы, опытныя поля) и вѣдомство народнаго просвѣщенія (школы, библіотеки, читальни, публичныя лекціи), принадлежала недавно и фабричная инспекція. Изъ-за „вѣдомственнаго антагонизма", составляющаго (если понимать подъ этимъ терминомъ не простое, совершенно законное и естественное обереганіе своей самостоятельности, а систематическое противодѣйствіе, вызываемое личными мотивами) исключеніе, а не общее правило, нельзя же забывать о пользѣ, приносимой именно спеціализаціею вѣдомствъ. Спеціализація предполагаетъ совокупность знаній и навыковъ, пріобрѣтаемыхъ отчасти еще на школьной скамьѣ, отчасти путемъ опыта; она предполагаетъ сосредоточенность на одномъ дѣлѣ, позволяющую изучить его вдоль и поперекъ, во всѣхъ его развѣтвленіяхъ и деталяхъ. Фабричное законодательство—область широкая и сложная; примѣненіе его на практикѣ требуетъ умѣнья говорить съ рабочими, понимать ихъ языкъ, вникать въ ихъ нужды. Все это могло существовать—и въ большей или меньшей мѣрѣ существовало—на всѣхъ ступеняхъ іерархически организованнаго института, какимъ была до сихъ поръ фабричная инспекція. „Настоящими начальниками и руководителями" фабричныхъ инспекторовъ были—или должны были быть—именно тѣ окружные инспекторы, дѣятельность которыхъ новыми правилами сведена почти къ нулю. Теперь ихъ мѣсто заступаетъ лицо, которое, уже въ силу многочисленности и разнообразія своихъ функцій, не можетъ стоять на одной почвѣ съ фабричными инспекторами, не можетъ смотрѣть на дѣло съ спеціальной точки зрѣнія, вытекающей

изъ спеціальнаго закона. Изъ двухъ предусмотрѣнныхъ новыми правилами поводовъ къ отмѣнѣ распоряженій фабричнаго инспектора—несогласія съ закономъ и противорѣчія интересамъ общественнаго порядка—чаще, конечно, будетъ примѣняться послѣдній, какъ болѣе неопредѣленный, открывающій безграничное поле усмотрѣнію—и фабричный инспекторъ никогда не будетъ имѣть увѣренности въ томъ, что законное распоряженіе его останется въ силѣ. Это не можетъ не отразиться на его образѣ дѣйствій, не можетъ не уменьшить его самостоятельность, его энергію—качества особенно важныя для должностного лица, отъ котораго сила вещей требуетъ иногда быстрыхъ рѣшеній и еще болѣе быстраго ихъ исполненія.

„Общее значеніе закона 30-го мая"—такъ заканчивается статья „Московскихъ Вѣдомостей"—„заключается въ усиленіи губернаторской власти. Мѣру, примѣненную къ фабричной инспекціи, вполнѣ возможно распространить и на нѣкоторыя другія отрасли государственной службы". Къ аналогичному выводу приходитъ и „Новое Время", усматривая въ правилахъ 30-го мая съ одной стороны первый шагъ къ возвѣщенной манифестомъ 26-го февраля децентрализаціи, съ другой—первое отступленіе отъ господствовавшаго у насъ до сихъ поръ принципа автономности вѣдомствъ. Логическимъ результатомъ новой системы будетъ, по мнѣнію газеты, перемѣна въ положеніи губернатора, который является теперь представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а долженъ сдѣлаться представителемъ власти вообще. Намъ этотъ выводъ кажется нѣсколько поспѣшнымъ. Весьма вѣроятно, что подчиненіе фабричной инспекціи руководству губернатора вызвано соображеніями политическаго свойства, непримѣнимыми ко многимъ другимъ отраслямъ управленія. Въ средѣ фабричныхъ рабочихъ сравнительно часто, въ послѣднее время, возникали безпорядки, къ предупрежденію которыхъ и направлено, быть можетъ, установленіе болѣе тѣсной связи между чинами инспекціи и губернской администраціей. Не входя теперь въ обсужденіе общаго вопроса о наиболѣе правильной постановкѣ губернаторской власти, замѣтимъ только одно: создать изъ нея нѣчто совершенно внѣ-вѣдомственное, сдѣлать губернатора „представителемъ власти вообще"—задача не только трудная, но едва ли осуществимая. Назначенію губернатора неизбѣжно предшествовало бы чье-либо представленіе—и то учрежденіе или лицо, отъ котораго оно бы исходило, стало бы, силою вещей, въ начальственныя отношенія къ губернатору. Едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что такимъ учрежденіемъ (или лицомъ) явилось бы министерство (или министръ) внутреннихъ дѣлъ. За это говоритъ съ одной стороны вѣковая традиція, съ другой—то обстоятельство, что главной задачей губернатора осталось бы во всякомъ случаѣ исполненіе функ-

цій административно-полицейскихъ, входящихъ въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ.

Къ числу такъ называемыхъ, столь многочисленныхъ у насъ *временныхъ* правилъ, оказывающихся болѣе прочными, чѣмъ многіе постоянные законы, принадлежатъ постановленія о евреяхъ, изданныя болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ (3-го мая 1882-го года). Этими постановленіями запрещено было евреямъ селиться, въ чертѣ осѣдлости внѣ городовъ и мѣстечекъ и пріостановлено совершеніе и засвидѣтельствованіе на имя евреевъ купчихъ, закладныхъ, арендныхъ договоровъ и довѣренностей, относящихся къ лежащимъ внѣ городовъ и мѣстечекъ недвижимымъ имуществамъ. Такимъ же временнымъ характеромъ отличаются два положенія комитета министровъ, Высочайше утвержденныя 10-го мая нынѣшняго года. Одно изъ нихъ клонится, повидимому, въ пользу евреевъ, значительно увеличивая число мѣстностей, гдѣ они могутъ селиться и пріобрѣтать недвижимую собственность. Въ сущности, однако, эта льгота представляется не чѣмъ инымъ, какъ логическимъ выводомъ изъ правилъ 3-го мая 1882-го года; она подводитъ подъ ихъ дѣйствіе такіе выселки, поселки, посады, пригороды, предмѣстья, которые, въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія, обратились, de facto, въ города или мѣстечки. Другимъ положеніемъ комитета создается новое ограниченіе для евреевъ: въ губерніяхъ, не входящихъ въ черту осѣдлости, воспрещено, впредь до пересмотра въ законодательномъ порядкѣ постановленій о евреяхъ, совершеніе отъ имени или въ пользу евреевъ всякаго рода крѣпостныхъ актовъ: 1) служащихъ къ укрѣпленію за ними правъ собственности, владѣнія и пользованія недвижимыми имуществами, внѣ городскихъ поселеній расположенными, и 2) предоставляющихъ имъ возможность выдавать подъ обезпеченіе этихъ имуществъ денежныя ссуды. Разбирая, въ свое время, правила 3-го мая 1882-го года, мы выразили убѣжденіе, что радикальныхъ средствъ разрѣшенія еврейскаго вопроса „слѣдуетъ искать не въ увеличеніи стѣсненій, тяготѣющихъ надъ евреями, а въ общемъ улучшеніи народнаго быта, въ огражденіи народа отъ эксплуатаціи, кто бы ни были эксплуататоры—евреи или не-евреи. Мѣстное управленіе должно быть организовано такъ, чтобы каждый одинаково легко могъ найти въ немъ справедливую помощь и защиту. Гражданскіе законы должны получить простоту, опредѣленность и ясность, недостатокъ которыхъ часто дѣлаетъ ихъ теперь ловушкой для однихъ, орудіемъ въ рукахъ другихъ. Судопроизводство должно быть освобождено отъ формальностей, къ которымъ никакъ не можетъ привыкнуть большинство тяжущихся. Нуждающемуся городскому и сельскому населенію долженъ быть доставленъ дешевый кредитъ, при которомъ

не было бы надобности продавать за безцѣнокъ земледѣльческие продукты или произведенія ремесла и кустарной промышленности. Податное бремя должно быть распредѣлено на новыхъ основаніяхъ. Грамотность должна сдѣлаться достояніемъ громаднаго большинства. Когда все это будетъ достигнуто, еврейскій вопросъ перестанетъ существовать, или для разрѣшенія его будетъ достаточно признать евреевъ полноправными гражданами имперіи". Этого мнѣнія мы продолжаемъ держаться и теперь, потому что не измѣнились или слишкомъ мало измѣнились обстоятельства, на которыхъ оно основано.

Послѣдній всеподданнѣйшій отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія обнимаетъ собою, подобно предъидущему, только одинъ годъ—1899-ый. Въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „Утвержденіе вѣры и благочестія", особое вниманіе обращаютъ на себя, какъ и прежде, свѣдѣнія о положеніи православія въ холмско-варшавской епархіи, т.-е. среди бывшихъ греко-уніатовъ. Цифра „упорствующихъ", т.-е. пребывающихъ въ отчужденіи отъ православной церкви, остается здѣсь почти неподвижной: въ 1898 г. ихъ числилось около 83 тыс., въ 1899-мъ—81.246. „Колеблющихся"—т.-е. не уклоняющихся совершенно отъ православія, но не считающихъ себя православными,—было, сверхъ того, 6.749. Число некрещенныхъ упорствующихъ (считая и малолѣтнихъ), въ 1898 г. доходившее до 26.177, въ 1899 г. достигло 29.235, а обратилось въ православіе, въ томъ же году, 960 челов. Приростъ „упорствующихъ" идетъ, такимъ образомъ, быстрѣе, чѣмъ противоположное движеніе. Число незаконныхъ сожительствъ повысилось, за одинъ годъ, съ 9.669 до 10.737. „Главную массу и силу упорствующихъ" составляютъ, по словамъ отчета, „взрослыя дѣти бывшихъ греко-уніатовъ, уклонившихся отъ церкви при самомъ возсоединеніи". Не указываетъ ли это обстоятельство на основной источникъ аномаліи, существующей уже болѣе четверти вѣка? Возсоединеніе, за которымъ непосредственно слѣдовало уклоненіе, не могло быть искреннимъ и добровольнымъ; не могло, въ большинствѣ случаевъ, измѣниться и настроеніе, такъ ясно выразившееся въ разрывѣ съ только-что принятымъ, номинально, вѣроисповѣданіемъ. Кто рѣшился, безъ всякихъ колебаній, навлечь на себя всѣ невыгодныя послѣдствія такъ называемаго отступничества, тотъ, очевидно, былъ слишкомъ далекъ отъ церкви, въ ряды которой онъ былъ зачисленъ. Всѣ духовныя, а иногда и матеріальныя лишенія, которымъ онъ затѣмъ подвергался, должны были укрѣплять его въ отчужденіи отъ православія и въ преданности вѣрѣ отцовъ—или той вѣрѣ, которая казалась ему наиболѣе къ ней близкой. Въ такихъ же чувствахъ онъ воспитывалъ своихъ дѣтей, для

которыхъ, съ самаго ранняго ихъ возраста, католицизмъ пріобрѣталъ притягательную силу запрещеннаго плода и преслѣдуемаго вѣроученія. Въ отчетѣ выражена надежда, что, благодаря братствамъ, монастырямъ и въ особенности школамъ, церковнымъ и министерскимъ, отчужденію бывшихъ уніатовъ отъ православія будетъ положенъ конецъ; но ожидать этого результата можно только въ отдаленномъ будущемъ, а въ настоящемъ факты, свидѣтельствующіе о сближеніи съ церковью, самъ отчетъ признаетъ незначительными. Между тѣмъ, положеніе „упорствующихъ“ съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе тяжелымъ; утѣшеніемъ религіи—той религіи, къ которой неудержимо тяготѣетъ ихъ сердце—они пользуются только украдкой или не пользуются вовсе, даже въ самыя важныя минуты своей жизни; вокругъ нихъ растутъ некрещенныя дѣти, умираютъ безъ напутствія старики, основываются семьи, не освященныя бракомъ. Тридцатилѣтній опытъ доказалъ съ достаточною ясностью, что запрещеніями и стѣсненіями выходъ изъ этого положенія достигнутъ быть не можетъ. Не удается даже предупредить католическую пропаганду: почва для нея подготовлена такъ хорошо, что даже письменныя увѣщанія ксендза, живущаго въ Римѣ, оказываются достаточными для быстраго распространенія тайныхъ католическихъ братствъ, куда, по удостовѣренію отчета, „массами“ поступаютъ „упорствующіе“. Намъ кажется, что еслибы „упорствующимъ“ предоставлена была свобода выхода изъ церкви, къ которой они принадлежатъ только по имени, всѣ средства духовной борьбы съ завѣтами уніи получили бы гораздо бо̀льшую силу. Успѣхъ борьбы зависитъ, очевидно, не отъ того, какъ именуется, на оффиціальномъ языкѣ, группа лицъ, противъ которыхъ она направлена, а отъ степени воспріимчивости ихъ къ проповѣдуемому ученію—воспріимчивости, уменьшающейся подъ вліяніемъ внѣшняго гнета и растущей по мѣрѣ его ослабленія. Еслибы ничто не мѣшало бывшимъ уніатамъ открыто назваться тѣмъ, чѣмъ они сплошь и рядомъ являются на самомъ дѣлѣ, они оказались бы, быть можетъ, болѣе близкими къ православію, чѣмъ въ настоящее время. Чрезвычайно характерно, съ этой зрѣнія, то мѣсто отчета, гдѣ идетъ рѣчь о женскихъ православныхъ монастыряхъ холмско-варшавской епархіи. Сестры этихъ монастырей „обучаютъ женщинъ рукодѣльямъ, по первому же призыву спѣшатъ къ болящимъ съ медицинскою помощью и духовнымъ утѣшеніемъ. Во время этихъ посѣщеній онѣ устроиваютъ въ хатахъ крестьянъ религіозныя бесѣды и раздаютъ присутствующимъ книжки и брошюры. Такая дѣятельность сестеръ, *чуждая насилія надъ религіозными воззрѣніями упорствующихъ, напротивъ проникнутая христіанскою любовью и полною терпимостью къ заблуждающимся*, привлекаетъ къ обителямъ и ихъ труженицамъ сердца

крестьянъ". Болѣе краснорѣчиваго указанія на истинный путь къ преодолѣнію „упорства" нельзя себѣ и представить.

Въ противоположность нѣкоторымъ прежнимъ отчетамъ, отчетъ за 1899-ый годъ, въ отдѣлахъ, посвященныхъ прибалтійскому краю и западнымъ губерніямъ, ограничивается перечисленіемъ чисто духовныхъ мѣръ, принимаемыхъ съ цѣлью укрѣпленія православія (постройка церквей, устройство школъ и читаленъ, изданіе книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, написанныхъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, и т. п.). Не говорится, на этотъ разъ, ни о католической или лютеранской пропагандѣ, ни о закрытіи католическихъ монастырей и костеловъ, ни о предосторожностяхъ, принимаемыхъ при смѣшанныхъ бракахъ, ни о ходатайствахъ, направленныхъ къ признанію православныхъ по имени лютеранами на самомъ дѣлѣ. Прекратились ли подобныя явленія, или же только оставлены безъ вниманія при составленіи настоящаго отчета—объ этомъ возможны лишь догадки. Въ текстѣ отчета нѣтъ свѣдѣній объ успѣхахъ миссіонерской дѣятельности въ рижской епархіи, но изъ вѣдомости, приложенной къ отчету, видно, что лютеранъ, принявшихъ православіе, въ теченіе отчетнаго года, было въ этой епархіи 783 (въ 1894 г.—1.087, въ 1895 г.—1.149).

Съ особенною подробностью, какъ и всегда, отчетъ останавливается на расколѣ и сектантствѣ. Расколъ, по словамъ отчета, въ однихъ мѣстахъ ослабѣваетъ и теряетъ прежнее упорство, въ другихъ—разгорается и усиливается. Къ числу причинъ, обусловливающихъ живучесть и устойчивость раскола, отчетъ относитъ—кромѣ матеріальной состоятельности раскольниковъ и разселенія ихъ отдѣльными группами,—дарованныя расколу льготы и недостаточное иногда усердіе администраціи. Освобожденіе отъ сборовъ въ пользу православнаго духовенства и дозволеніе обращать жилыя строенія въ молельни толкуется раскольниками въ смыслѣ покровительства, оказываемаго имъ правительствомъ; точно такъ же понимается ими и формальное, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отношеніе властей къ оказательству раскола, вызываемое „ложнымъ представленіемъ о мнимой свободѣ совѣсти" и невѣдѣніемъ настоящаго значенія раскола. Возможность подобныхъ толкованій отрицать нельзя, но едва ли они имѣютъ широкое распространеніе. Для громаднаго большинства раскольниковъ едва ли можетъ существовать какое-либо сомнѣніе въ томъ, что сравнительная терпимость, которою они пользуются въ послѣднее время, не имѣетъ ничего общаго съ покровительствомъ. Гдѣ имѣются на лицо храмы инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, или хотя бы мечети и синагоги, тамъ ихъ купола и кресты, башни и минареты служатъ нагляднымъ доказательствомъ тому, что лютеранамъ, католикамъ, магометанамъ, евреямъ разрѣшено многое, о чемъ христіане-

раскольники могутъ только мечтать. Гдѣ раскольники видятъ около себя только православное населеніе, тамъ достаточнымъ напоминаніемъ о ихъ неполноправности являются затрудненія—нерѣдко непреодолимыя,—съ которыми сопряжено устройство и даже исправленіе самой простой, самой скромной молельни, ничѣмъ не отличающейся снаружи отъ обыкновенныхъ зданій. Все это—и многое другое—не только устраняетъ мысль о покровительствѣ, но свидѣтельствуетъ объ ограниченныхъ до крайности размѣрахъ, къ которымъ сведена самая терпимость. Если и допустить, что оказательство раскола не всегда вызываетъ отпоръ со стороны административной власти, то и отсюда еще очень далеко до предположенія о равноправности раскола хотя бы съ исповѣданіями, оффиціально признанными государствомъ. Многолѣтній опытъ не могъ не убѣдить раскольниковъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и живущихъ рядомъ съ ними православныхъ, — что случайное снисхожденіе не имѣетъ ничего общаго съ гарантіей права. Мало вѣроятно, наконецъ, и систематическое перетолкованіе такого простого факта, какъ освобожденіе раскольниковъ отъ сборовъ въ пользу православнаго духовенства—освобожденіе, вызываемое, очевидно, не покровительствомъ, а самою элементарною справедливостью. Какъ плательщики налоговъ, раскольники несутъ свою долю государственныхъ расходовъ на содержаніе православнаго духовенства; они освобождены только отъ платежей, обусловливаемыхъ непосредственными отношеніями между причтомъ и прихожанами — отношеніями, въ которыхъ раскольники никакого участія не принимаютъ. Эта свобода не распространяется, притомъ, на раскольниковъ de facto, но оффиціально признаваемыхъ православными. О многочисленности такихъ раскольниковъ даетъ нѣкоторое понятіе рядъ цифръ, приводимыхъ въ отчетѣ—цифръ, заимствуемыхъ съ одной стороны изъ данныхъ всеобщей переписи 1897-го года, съ другой — изъ свѣдѣній, доставленныхъ епархіальными начальствами. По послѣднимъ свѣдѣніямъ раскольниковъ въ десяти епархіяхъ оказывается около 807 тыс., по первымъ—около 900 тыс. Другими словами, въ этихъ епархіяхъ насчитывается почти сто тысячъ человѣкъ, православныхъ только по имени. А между тѣмъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и при всеобщей переписи раскольниками именовали себя далеко не всѣ на самомъ дѣлѣ принадлежащіе къ расколу. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ разница между обѣими категоріями цифръ чрезвычайно велика: въ саратовской губерніи, напримѣръ, по епархіальнымъ свѣдѣніямъ раскольниковъ оказывается 69.803, по даннымъ всеобщей переписи—113.496. Въ самарской епархіи соотвѣтствующія цифры — 75.870 и 96.905, въ нижегородской—74.211 и 87.625, въ оренбургской (въ составъ которой входятъ губернія оренбургская и области тургайская

и уральская—87.000 и 115.000). Только въ трехъ епархіяхъ отношеніе измѣняется въ другую сторону: въ черниговской епархіи по епархіальнымъ свѣдѣніямъ раскольниковъ 72.433, по даннымъ всеобщей переписи—43.515; въ полоцкой епархіи (обнимающей собою витебскую губернію) соотвѣтствующія цифры — 85.000 и 83.002, въ псковской—36.380 и 35.610. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ разница невелика, но очень интересно было бы узнать, чѣмъ объясняется рѣзкое уклоненіе отъ обычной пропорціи, представляемое черниговскою епархіею?

Изъ различныхъ разновидностей раскола всего болѣе затрудненій для православной церкви представляетъ, по словамъ отчета, секта, пріемлющая австрійское или бѣлокриницкое священство. „Великимъ соблазномъ для православныхъ" она служитъ потому, что имѣетъ такую же, по внѣшнему виду, трехчинную іерархію, какъ и православная церковь, и обширныя моленныя, по внутреннему устройству близко сходныя съ православными храмами. Никакихъ мѣръ противъ этихъ источниковъ соблазна отчетъ, однако, не предлагаетъ, — и это вполнѣ понятно, потому что борьба съ ними была бы возможна только на почвѣ преслѣдованій, тщету которыхъ доказалъ многовѣковой опытъ. Разъ что законъ 3-го мая 1883-го года разрѣшилъ открытіе раскольническихъ моленныхъ, внутреннее ихъ устройство не подлежитъ, очевидно, никакой регламентаціи; нельзя запретить и совершеніе въ нихъ богослуженія тѣми лицами, которыхъ раскольники признаютъ своими іереями и архіереями. Констатируя, дальше, вредъ, приносимый разъѣздами австрійскихъ лжеархіереевъ, отчетъ воздерживается и здѣсь отъ предложенія репрессивныхъ мѣропріятій. Свобода передвиженія предоставлена раскольникамъ закономъ, и произвольное ограниченіе ея было бы не только нелегально, но и безцѣльно: пути къ распространенію и укрѣпленію расколъ находилъ и тогда, когда дѣятельность его вождей встрѣчала на каждомъ шагу самыя разнообразныя преграды... Весьма любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя отчетомъ о попыткахъ возсоединенія окружниковъ съ неокружниками или противоокружниками [1]). Ихъ иниціативу взялъ на себя донской казакъ Картушинъ, котораго окружники признаютъ епископомъ московскимъ. Предположено было созвать за границей соборъ, но онъ не состоялся за болѣзнью Кирилла, главы неокружниковъ, и все свелось къ пропагандѣ среди неокружниковъ, особенно въ стародубскихъ слободахъ (черниговской губерніи). Съ другой стороны, окружники стараются

[1]) Раздѣленіе австрійскаго согласія на двѣ враждующія между собою группы вызвано такъ называемымъ окружнымъ посланіемъ (1862-го г.), знаменовавшимъ собою нѣкоторое приближеніе къ церкви. Приверженцы посланія называются окружниками, противники—неокружниками.

привлечь къ себѣ бѣглопоповцевъ, пользуясь затрудненіями, которыя испытываютъ послѣдніе въ прiисканiи бѣглыхъ священниковъ. Въ Москвѣ около Картушина возникъ какъ бы постоянный раскольническій синодъ, не безъ вѣдома котораго, вѣроятно, издаются распоряженія Картушина (о неношеніи нѣмецкаго платья, о небритьѣ бороды, о некуреніи табаку, о неношеніи женщинами шляпъ вмѣсто платковъ, и т. п.). Тяготѣніе къ раскольникамъ австрійскаго согласія существуетъ и среди безпоповцевъ: въ концѣ 1898 г. они отправили депутацію къ константинопольскому патріарху, съ цѣлью выясненія вопроса о степени законности австрійской іерархіи. При этомъ безпоповцы имѣли въ виду, въ случаѣ полученія благопріятнаго отвѣта, соединиться съ раскольниками австрійскаго согласія и ходатайствовать передъ правительствомъ о признаніи законности бѣлокриницкой іерархіи, хотя бы наравнѣ съ католическою или армянскою. Депутація успѣха не имѣла.

Штунда особенно распространена въ губерніяхъ екатеринославской, кіевской и харьковской. Оправдательный приговоръ по дѣлу о штундистскомъ молитвенномъ собраніи, постановленный однимъ изъ уѣздныхъ съѣздовъ екатеринославской губерніи (въ отмѣну рѣшенія земскаго начальника), далъ штундистамъ, по словамъ отчета, „основаніе къ распространенію въ мѣстномъ населеніи убѣжденія, что ихъ вѣра дозволена закономъ и что только священники изъ своихъ корыстныхъ разсчетовъ преслѣдуютъ ихъ“. По этому поводу нельзя не замѣтить, что *вѣра* штундистовъ закономъ вовсе не воспрещена: фактъ исповѣданія этого ученія не составляетъ, самъ по себѣ, преступленія и не служитъ поводомъ къ возбужденію судебнаго преслѣдованія. Запрещены, подъ страхомъ уголовной отвѣтственности, *общественныя* молитвенныя собранія штундистовъ. Оправдательные приговоры по дѣламъ этого рода могутъ быть основаны на недоказанности или самого собранія, или принадлежности его участниковъ именно къ штундизму. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ изъ оправданія подсудимыхъ нельзя выводить заключенія, что измѣнился самый взглядъ правительства на штундизмъ. Если послѣ оправдательныхъ приговоровъ и замѣчалось обостреніе или распространеніе ереси, то этимъ еще не доказывается причинная связь между обоими явленіями; здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, post hoc — далеко не то же, что propter hoc... „Въ виду сложности вопроса объ отношеніи штундизма къ баптизму“—читаемъ мы въ отчетѣ,—„мировые судьи въ 1899-мъ году впервые начали вводить въ свою практику экспертизу при разбирательствѣ дѣлъ о штундистскихъ богомоленныхъ собраніяхъ. Эксперты-миссіонеры и представители науки дали въ этомъ отношеніи новое правильное направленіе судебнымъ процессамъ о богомо-

ленныхъ собраніяхъ штунды, разъяснивъ судьямъ, что ни наука, ни законъ, ни миссіонерская практика не знаютъ секты русскихъ баптистовъ, а только штундистовъ; извѣстный въ наукѣ толкъ *штундобаптизмъ* есть лишь фракція секты, а не отдѣльная секта". Отрывочныя, неизбѣжно неполныя свѣдѣнія о неуловимыхъ, быстро мѣняющихся новообразованіяхъ религіознаго характера едва ли могутъ быть включаемы въ составъ науки; экспертиза, на нихъ основанная, едва ли можетъ имѣть особенно убѣдительную силу. Еще важнѣе другое обстоятельство, объясняющее отрицательный результатъ многихъ сектантскихъ процессовъ. Въ уголовномъ судопроизводствѣ бремя доказательства лежитъ на обвинителѣ, а не на обвиняемомъ. Если участникамъ молитвенныхъ собраній, привлеченнымъ къ отвѣтственности въ качествѣ штундистовъ, и не удается удостовѣрить свою принадлежность къ баптизму, отсюда еще не слѣдуетъ, что они должны быть признаны виновными: для этого необходимо доказать, что ихъ ученіе соединяетъ въ себѣ всѣ отличительныя черты штундизма—всѣ тѣ черты, изъ-за которыхъ эта ересь отнесена къ числу особенно вредныхъ. Всякое сомнѣніе по этому предмету, въ силу основного начала права, должно быть толкуемо въ пользу подсудимыхъ.

Въ отдѣлѣ отчета, озаглавленномъ: „Наши заграничныя церкви и миссіи", чрезвычайно интересны свѣдѣнія о полномъ торжествѣ вѣротерпимости въ Японіи. „Законъ для религій", представленный правительствомъ и принятый парламентомъ, совершенно уравнялъ всѣ христіанскія исповѣданія съ національными религіями Японіи. Ничѣмъ не стѣсняя эти исповѣданія въ ихъ внутренней жизни, законъ освобождаетъ земли и зданія, имѣющія религіозное назначеніе, отъ всякихъ налоговъ, а священнослужителей, имѣющихъ образовательный цензъ и законно избранныхъ—отъ воинской повинности. Значительное большинство православныхъ въ Японіи — японскіе уроженцы; изъ 28 священниковъ и 5 діаконовъ русскіе — только одинъ священникъ и одинъ діаконъ. Крещено въ 1899-мъ году по православному обряду 989 человѣкъ. Въ столицѣ государства православная миссія имѣетъ три учебныхъ заведенія (катехизаторское училище, семинарію и женское училище), съ 148 учащимися; сверхъ того существуетъ еще женская школа въ Хакодате, съ 30 ученицами. При миссіи выходятъ два періодическія изданія.

Въ ростѣ церковно-приходскихъ школъ наступила, повидимому, нѣкоторая остановка: къ концу 1898-го года ихъ было 18.341, къ концу 1899-го—18.751. Въ незначительной степени увеличилось и число школъ грамоты (съ 21.501 до 21.900). Число учащихся возросло въ церковно-приходскихъ школахъ съ 882.095 до 960.442, въ школахъ грамоты—съ 571.624 до 593.787. Среднее число учащихся

въ церковно-приходской школѣ возросло съ 48 до 51, въ школѣ грамоты—съ 26 до 27. Число дѣвочекъ составляло въ 1898-мъ году 24% общаго числа учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ, 21%—общаго числа учащихся въ школахъ грамоты. Въ 1899-мъ году это отношеніе повысилось до 26 и 23½%. Отчетъ объясняетъ такое повышеніе открытіемъ значительнаго числа женскихъ начальныхъ школъ; опытъ показалъ, что родители гораздо охотнѣе отпускаютъ дѣвочекъ въ школы, спеціально для нихъ предназначенныя. Сколько намъ извѣстно, въ исторіи земскихъ школъ не замѣчается ничего подобнаго: спеціально женскихъ земскихъ начальныхъ школъ въ деревняхъ открывается очень мало, а число учащихся дѣвочекъ растетъ очень быстро: уже десять лѣтъ тому назадъ оно составляло (во всѣхъ начальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія) почти 22% [1]. При разбросанности нашего сельскаго населенія, безъ смѣшанныхъ начальныхъ школъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ обойтись нельзя, и было бы до крайности печально, если бы это задерживало ростъ числа учащихся дѣвочекъ.

Говоря объ отчетѣ за 1898-ой годъ [2]), мы отмѣтили крайне незначительное число священниковъ, занимающихся, въ церковныхъ школахъ, преподаваніемъ не только закона Божія, но и всѣхъ другихъ предметовъ: ихъ было 544 въ церковно-приходскихъ школахъ и 414 въ школахъ грамоты, всего 958. Въ 1899-мъ году это число уменьшилось до 847 (какъ оно распредѣляется между церковно-приходскими школами и школами грамоты — изъ отчета не видно). Увеличилось число преподавателей-діаконовъ (съ 4.200 до 4.289), но уменьшилось число преподавателей-псаломщиковъ (съ 4.143 до 3.853). Все меньше и меньше, такимъ образомъ, оправдывается первоначальное предположеніе, въ силу котораго преподаваніе въ церковныхъ (особенно церковно-приходскихъ) школахъ должно было быть сосредоточено преимущественно въ рукахъ причта. Между свѣтскими преподавателями учителя все еще значительно преобладаютъ надъ учительницами: первыхъ 23.589, вторыхъ — 13.590. Какъ распредѣляются эти цифры между церковно-приходскими школами и школами грамоты—изъ отчета за 1899-ый годъ не видно; въ 1898-мъ году особенно мало учительницъ было въ школахъ грамоты, а въ церковно-приходскихъ школахъ ихъ было даже нѣсколько больше, чѣмъ учителей. Для приготовленія учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ духовное вѣдомство располагаетъ шестнадцатью учительскими школами, для приготовленія учащихъ въ школахъ грамоты—316 второклассными школами; окон-

---

[1]) Въ церковно-приходскихъ школахъ дѣвочекъ было въ то время менѣе 20%.
[2]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 6 „Вѣстн. Европы" за 1902 г.

чило курсъ въ послѣднихъ, въ отчетномъ году, 1.583 лица (въ томъ числѣ 299 дѣвочекъ). Краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ было устроено въ 1899 г. 163 (82 для учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ, 91—для учащихъ въ школахъ грамоты). Воскресно-повторительныя занятія для взрослыхъ велись при 783 школахъ. Воскресныхъ школъ было 459 (154 въ городахъ и 305 въ селеніяхъ), съ 26.000 учащимися. Замѣчательно, что почти цѣлая треть общаго числа воскресныхъ школъ (143) упадаетъ на тульскую епархію. Весьма возможно, что этому въ значительной степени способствовала дѣятельность почетнаго попечителя церковныхъ школъ богородицкаго уѣзда, гр. В. А. Бобринскаго, на средства котораго, какъ видно изъ отчета, были устроены въ селѣ Никитскомъ дополнительные классы для дѣвочекъ, окончившихъ одноклассную школу. Какъ бы то ни было, широкое развитіе воскресныхъ школъ въ тульской епархіи подчеркиваетъ съ особенною ясностью крайнюю недостаточность общаго ихъ числа во всей имперіи. Не слѣдуетъ забывать, что правомъ открытія воскресныхъ школъ долго пользовалось одно духовное вѣдомство.

Правильное примѣненіе новаго уголовнаго уложенія требуетъ соотвѣтственнаго устройства и организаціи всѣхъ предусмотрѣнныхъ имъ мѣстъ заключенія (каторга, исправительный домъ, крѣпость, тюрьма, арестный домъ). Для обсужденія мѣръ, направленныхъ къ этой цѣли, при министерствѣ юстиціи учреждена особая коммиссія, въ составъ которой, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи, вошли товарищъ министра, управляющій межевою частью, сенаторы Таганцевъ, Кони, Фойницкій и Случевскій, директоры обоихъ департаментовъ министерства юстиціи, начальникъ главнаго тюремнаго управленія, оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената и представители министерства внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, военнаго, морского и иностранныхъ дѣлъ, государственнаго контроля и государственной канцеляріи. „Новымъ уголовнымъ уложеніемъ“—сказано въ правительственномъ сообщеніи по этому предмету—„совершенно видоизмѣнено, по сравненію съ дѣйствующими законами, карательное лишеніе свободы. Уложеніе имѣетъ въ виду замѣнить казарменное содержаніе арестантовъ, съ общеніемъ днемъ и ночью, одиночнымъ заключеніемъ на все время содержанія — для тюремъ, общимъ заключеніемъ, съ разобщеніемъ на свободное отъ работъ время и на ночь — для исправительныхъ домовъ, и общимъ заключеніемъ, съ разобщеніемъ, во всякомъ случаѣ, на ночь—для каторжныхъ тюремъ. Между тѣмъ, существующія каторжныя тюрьмы, за немногими исключеніями, представляются непригодными для отбы-

ванія въ нихъ наказанія каторгою по новому уложенію, какъ по неудовлетворительности самихъ тюремныхъ зданій, такъ и по неприспособленности ихъ и въ пенитенціарномъ отношеніи. Равнымъ образомъ, и тюрьмы, предназначенныя для отбыванія наказанія лицами, приговоренными къ тюремному заключенію, являются количественно недостаточными и качественно неподготовленными для содержанія въ нихъ заключенныхъ на основаніи постановленій новаго уголовнаго уложенія, требующаго для этого вида лишенія свободы вполнѣ цѣлесообразной спеціальной организаціи. Засимъ одни лишь исправительныя арестантскія отдѣленія достаточно нынѣ преобразованы для того, чтобы ихъ можно было обратить въ устанавливаемые уголовнымъ уложеніемъ исправительные дома [1]). Такимъ образомъ, и каторга, и тюрьмы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, для приведенія ихъ въ соотвѣтствіе съ названнымъ уложеніемъ, должны быть подвергнуты неотложному и притомъ коренному переустройству, требующему прежде всего изысканія на указанный предметъ весьма значительныхъ денежныхъ средствъ, размѣры коихъ въ настоящее время не поддаются достаточно точному исчисленію". Кромѣ этой задачи, на коммиссію возложено разсмотрѣніе другихъ вопросовъ, также находящихся въ непосредственной связи съ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія. Таковы, между прочимъ, вопросы: „о мѣрахъ по отношенію къ осужденнымъ за преступленія, совершенныя вслѣдствіе привычки къ пьянству; о мѣрахъ въ отношеніи лицъ, обращающихъ преступныя дѣянія въ промыселъ; о возможности включенія въ систему карательныхъ мѣръ условнаго осужденія; о своевременности примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы; о большемъ развитіи патроната (попеченія объ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія); о выдачѣ преступниковъ; о пересмотрѣ уголовной подсудности судебно-административныхъ установленій, образованныхъ по закону 12-го іюля 1889 г., и волостныхъ судовъ, примѣнительно къ новому уголовному уложенію; о пересмотрѣ въ томъ же направленіи перечня лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній; о принудительномъ трудѣ въ работныхъ домахъ и при общественныхъ работахъ". Отрадно было узнать, что институты условнаго осужденія и условнаго досрочнаго освобожденія, не вошедшіе въ составъ уложенія, не вовсе отверг-

[1]) Изъ того, что въ правительственномъ сообщеніи не упомянуты арестные дома, слѣдуетъ заключить, что ихъ настоящее устройство признается удовлетворительнымъ. И дѣйствительно, въ земскихъ, по крайней мѣрѣ, губерніяхъ они постоянно обращали на себя достаточное вниманіе и не требуютъ коренной реформы. Не знаемъ, можно ли сказать то же самое о помѣщеніяхъ для заключаемыхъ въ крѣпости,—а этотъ видъ заключенія пріобрѣтаетъ, съ изданіемъ новаго уложенія, особенную важность.

нуты законодательною властью, а только признаны подлежащими новому обсужденію. Нужно надѣяться, что перенесеніе ихъ на нашу почву не встрѣтитъ непреодолимыхъ препятствій. Не менѣе важны результаты, къ которымъ можетъ привести пересмотръ уголовной подсудности судебно-административныхъ учрежденій и волостныхъ судовъ, а также перечня лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Трудно допустить, чтобы примѣненіе новаго уложенія, устраняющаго дѣйствіе устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями — а, слѣдовательно, и тѣсно связанныхъ съ нимъ временныхъ правилъ о карательной власти волостного суда,—могло быть предоставлено земскимъ начальникамъ, лишеннымъ, въ большинствѣ случаевъ, юридическаго образованія, и, тѣмъ менѣе, едва грамотнымъ судьямъ-крестьянамъ и невѣжественнымъ, мало надежнымъ въ нравственномъ отношеніи волостнымъ писарямъ. Единственнымъ нормальнымъ рѣшеніемъ представляется здѣсь возвращеніе судебныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе судебной власти и подчиненіе ей волостныхъ судовъ, съ сокращеніемъ ихъ круга дѣйствій и измѣненіемъ ихъ состава. Что касается до второго изъ вышеупомянутыхъ вопросовъ, то коммиссія, подготовляющая введеніе въ дѣйствіе новаго уголовного уложенія—уложенія, въ которомъ о тѣлесномъ наказаніи нѣтъ и помина, — не можетъ, какъ намъ кажется, предложить ничего иного, какъ замѣну перечня лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, освобожденіемъ отъ этой кары всѣхъ безъ различія и исключенія гражданъ Россійской имперіи.

Продолжая разборъ новаго уголовнаго уложенія, мы останавливаемся на этотъ разъ на главѣ пятнадцатой, имѣющей предметомъ нарушеніе постановленій о надзорѣ за печатью. Какъ видно уже изъ самаго ея заголовка, она обнимаетъ собою далеко не всю область преступленій или проступковъ печати. „Преступныя дѣянія, учиняемыя путемъ печати“ — читаемъ мы въ объясненіяхъ редакціонной коммиссіи (т. III, стр. 412), — „до послѣдняго времени обращали на себя вниманіе законодателей какъ совершенно особенный родъ преступленій, требующій спеціальныхъ постановленій закона. Между тѣмъ, разсматривая означенныя преступныя дѣянія, нельзя не видѣть, что, за исключеніемъ нарушенія правилъ о надзорѣ за печатью, они вполнѣ подходятъ подъ соотвѣтственные виды общихъ преступленій, отличаясь отъ нихъ лишь способомъ совершенія. Нормы, нарушаемыя такъ называемыми преступленіями печати (Pressdelikte, délits de la presse), имѣютъ прямою и непосредственною задачею охраненіе государственныхъ, общественныхъ или частныхъ юридическихъ интересовъ, не стоящихъ въ связи съ пе-

чатью. Преступленія печати суть тѣ предусмотрѣнныя общими законами преступленія, средствомъ совершенія коихъ является печатное слово, причемъ, какъ и при устной рѣчи, преступность заключается въ *содержаніи* произведенія печати: оно пріобрѣтаетъ здѣсь особенную важность вслѣдствіе того, что все, исполненное посредствомъ графическихъ знаковъ, доступно неограниченному числу лицъ, и виновный обыкновенно дѣйствуетъ особеннымъ способомъ—черезъ опубликованіе. Но средства преступнаго дѣйствія, по общему правилу, не могутъ служить основаніемъ классификаціи преступныхъ дѣяній, составляя только обстоятельства, усиливающія или смягчающія виновность". Исходя изъ этихъ соображеній, редакціонная коммиссія распредѣлила преступленія печати между различными главами уложенія, не отдѣляя ихъ, бо̀льшею частью, отъ преступленій однородныхъ по существу, но различныхъ по способу совершенія. Въ главѣ о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій богохуленіе или кощунство, совершенное въ распространенномъ произведеніи печати, поставлено на одинъ уровень съ публичнымъ произнесеніемъ богохульныхъ или кощунственныхъ словъ (ст. 73 п. 2, 74 п. 2). Распространеніе сочиненія, возбуждающаго къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе или въ расколоученіе или секту, уравнено съ произнесеніемъ или чтеніемъ, публично, проповѣди или рѣчи такого же содержанія (ст. 90). Наравнѣ съ оскорбленіемъ Величества наказывается распространеніе сочиненія, оскорбительнаго для достоинства императора, императрицы или наслѣдника престола (ст. 103), наравнѣ съ публичнымъ оскорбленіемъ памяти усопшаго предка или предшественника царствующаго императора—распространеніе сочиненія, оскорбительнаго для этой памяти (ст. 107). Аналогичны съ вышеприведенными постановленія о распространеніи: 1) сочиненій, порицающихъ установленный образъ правленія или порядокъ наслѣдованія престола (ст. 128); 2) сочиненій, возбуждающихъ къ учиненію бунтовщическаго или измѣнническаго дѣянія, къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя, къ неповиновенію или противодѣйствію закону, или обязательному постановленію, или законному распоряженію власти (ст. 129); 3) сочиненій, восхваляющихъ преступленіе (ст. 133); 4) сочиненій, заключающихъ въ себѣ оскорбленіе правительственнаго или общественнаго установленія (ст. 154). Ст. 263 предусматриваетъ распространеніе ложныхъ, могущихъ возбудить общественную тревогу слуховъ, какимъ бы способомъ оно ни совершалось, ст. 281—распространеніе безстыдныхъ сочиненій. Оскорбленіе въ распространенномъ произведеніи печати наказывается строже, чѣмъ оскорбленіе, нанесенное другимъ способомъ (ст. 533); обстоятельствомъ, увеличивающимъ наказаніе, распространеніе путемъ печати служитъ и при разглашеніи

завѣдомо ложнаго обстоятельства, подрывающаго довѣріе къ лицу, обществу или учрежденію (ст. 540). Что касается собственно до главы пятнадцатой, то здѣсь идетъ рѣчь о нарушеніи правилъ, установленныхъ для типографій и другихъ подобныхъ заведеній, для издателей и редакторовъ, для торговли произведеніями печати, для исполненія на сценѣ литературныхъ или музыкальныхъ произведеній, для печатанія судебныхъ рѣшеній и отчетовъ, а также правилъ, ограничивающихъ свободу оглашенія тѣхъ или другихъ фактовъ или свѣдѣній.

Не оспаривая тѣхъ теоретическихъ разсужденій, въ силу которыхъ редакціонная коммиссія нашла ненужнымъ выдѣлять въ особую группу преступленія печати, постараемся опредѣлить практическія послѣдствія этого рѣшенія. Когда вступилъ въ силу законъ 6 апрѣля 1865 года, преступленія печати образовали двѣ группы: въ составъ одной вошли тѣ, которыя и раньше были предусмотрѣны уложеніемъ о наказаніяхъ, какъ возможныя разновидности того или иного общаго преступленія, въ составъ другой—тѣ, которыя были созданы вновь, вслѣдствіе освобожденія нѣкоторыхъ періодическихъ изданій отъ предварительной цензуры и подчиненія ихъ судебной отвѣтственности. Коммиссія, учрежденная въ 1869-мъ году, подъ предсѣдательствомъ кн. С. Н. Урусова, для пересмотра узаконеній о печати, включила въ составленный ею законопроектъ полный перечень преступленій печати, т.-е. приняла систему прямо противоположную той, на которой остановилась редакціонная коммиссія. Всѣ преступленія печати были распредѣлены между шестью отдѣленіями, въ 44 статьяхъ (247—290): 1) о преступленіяхъ противъ вѣры, 2) о преступленіяхъ государственныхъ, 3) о преступленіяхъ и проступкахъ противъ порядка управленія, 4) о преступленіяхъ и проступкахъ, касающихся управленія арміею, 5) о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благочинія, порядка и спокойствія, и 6) о преступленіяхъ и проступкахъ противъ чести частныхъ лицъ, обществъ и установленій. Затѣмъ слѣдовали еще пять отдѣленій (ст. 291—321), соотвѣтствующихъ, по своему содержанію, главѣ пятнадцатой новаго уголовнаго уложенія. Если мы сравнимъ проектъ коммиссіи 1869 года съ тѣми статьями новаго уголовнаго уложенія, которыми предусматриваются, независимо отъ способа совершенія, перечисленныя нами выше *общія* преступленія, насъ поразитъ, прежде всего, то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказанія, предположенныя въ проектѣ, мягче не только тѣхъ, которыя опредѣлялись дѣйствовавшимъ тогда уложеніемъ о наказаніяхъ, но и тѣхъ, которыя назначаются новымъ уложеніемъ. Такъ напримѣръ, богохуленіе въ печати, по уложенію 1845 года, подвергавшее виновнаго ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, на основаніи проекта коммиссіи

1869 года влекло бы за собою ссылку на житье въ сибирскія или другія отдаленныя губерніи, а новое уложеніе караетъ его ссылкою на поселеніе [1]). Высшее наказаніе за оскорбленіе Величества по уложенію 1845 года—каторжная работа на двѣнадцать лѣтъ, по проекту—ссылка на поселеніе, по новому уложенію—каторга не свыше восьми лѣтъ. Высшее наказаніе за оспариваніе или порицаніе установленнаго образа правленія или престолонаслѣдія по уложенію 1845 года—каторжная работа на шесть лѣтъ, по проекту—ссылка на житье въ сибирскія или другія отдаленныя губерніи, по новому уложенію—ссылка на поселеніе. Высшее наказаніе за оскорбительный отзывъ о правительственномъ или общественномъ установленіи по старому уложенію—два года, по проекту—восемь мѣсяцевъ, по новому уложенію—годъ тюремнаго заключенія. Чѣмъ объяснить такую разницу? Общаго поворота отъ болѣе мягкихъ воззрѣній къ болѣе суровымъ въ области уголовнаго законодательства за послѣднія тридцать лѣтъ не произошло; новое уложеніе, въ общемъ, знаменуетъ собою скорѣе побѣду первыхъ надъ послѣдними. Все дѣло, какъ намъ кажется, именно въ уничтоженіи грани между преступленіями печати и другими, однородными по содержанію. Какъ бы основательно оно ни казалось съ строго-логической точки зрѣнія, оно не соотвѣтствуетъ настоящему характеру преступленій печати. Бо́льшею частью, во-первыхъ, они совершаются открыто, идя, если можно такъ выразиться, на встрѣчу преслѣдованію, не представляя никакихъ для него затрудненій, и, слѣдовательно, меньше угрожая общественному порядку. Побудительной ихъ причиной часто является, во-вторыхъ, безкорыстное, искреннее желаніе раскрыть правду, обратить вниманіе на то или другое общественное зло, выяснить мѣры къ его устраненію. Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, наконецъ, здѣсь неуловима демаркаціонная черта между дозволеннымъ и недозволеннымъ. Все это вмѣстѣ взятое оправдываетъ выдѣленіе преступленій печати въ особую группу и обложеніе ихъ сравнительно менѣе тяжкими карами, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ основаніи преступленія лежатъ мотивы личнаго, невысокаго свойства (напр. при оскорбленіи или опозореніи частныхъ лицъ въ печати).

Подойдемъ теперь къ вопросу съ другой стороны: представимъ себѣ, что система административныхъ взысканій замѣняется у насъ, вполнѣ или хотя бы отчасти, судебнымъ преслѣдованіемъ преступленій и проступковъ печати—и спросимъ себя, возможна ли такая перемѣна при дѣйствіи тѣхъ только карательныхъ постановленій, которыя

[1]) Мы знаемъ, что въ новомъ уложеніи ссылка на поселеніе имѣетъ нѣсколько другое значеніе, чѣмъ въ прежнемъ, и назначается только за преступленія непозорящаго свойства; тѣмъ не менѣе она остается наказаніемъ весьма тяжелымъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ правъ состоянія.

вошли въ составъ новаго уголовнаго уложенія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ, какъ намъ кажется, получиться отрицательный, не потому, конечно, чтобы существовала дѣйствительная необходимость расширить кругъ преступленій печати, а потому, что при переходѣ отъ дискреціонной административной власти надъ печатью къ исключительно судебной репрессіи государство никогда не рѣшается сразу уравнять печатное слово, въ духѣ для него благопріятномъ, съ другими способами выраженія мысли. Въ законъ 6 апрѣля 1865 года не случайно были включены правила, перешедшія затѣмъ въ ст. 1035, 1036 и 1037 улож. о наказ.; не случайно были назначены кары—сравнительно мягкія—за колеблющіе общественное довѣріе отзывы о законахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ, за оспариваніе обязательной силы законовъ и оправданіе воспрещенныхъ ими дѣйствій, за возбужденіе вражды между сословіями или между частями населенія, за оспариваніе или порицаніе началъ собственности и семейнаго союза. Проектъ коммиссіи 1869-го года, сохраняя всѣ эти постановленія, прибавилъ къ нимъ еще нѣсколько другихъ, аналогичныхъ. Отсутствіе чего бы то ни было подобнаго въ новомъ уложеніи мы привѣтствовали бы въ такомъ лишь случаѣ, еслибы у насъ въ Россіи не было больше традиціонныхъ предубѣжденій противъ печати; но такъ какъ они существуютъ въ полной силѣ, то болѣе практичной, болѣе цѣлесообразной была бы другая редакція главы о преступленіяхъ печати, болѣе близкая къ закону 6 апрѣля 1865 года и къ проекту коммиссіи кн. Урусова. Далеко не излишнимъ, съ той же практической точки зрѣнія, было бы оставленіе въ силѣ примѣчанія къ ст. 1035-ой уложенія о наказаніяхъ, по которому не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ „обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій оскорбительныхъ для установленныхъ властей“. Мы знаемъ, что настоящее мѣсто для такого узаконенія—не уголовное уложеніе, а уставъ о цензурѣ и печати или инструкція цензурному вѣдомству; но свобода печати—растеніе у насъ до такой степени молодое и слабое, что приходится дорожить каждой его подпоркой, хотя бы съ перваго взгляда и ненужной.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1903.

Политическій переворотъ въ Сербіи.—Послѣдніе представители дома Обреновичей.—Правительственное сообщеніе о сербскихъ дѣлахъ.—Новая династія и король Петръ.—Парламентскіе выборы въ Германіи. — „Новое Время" объ англійскихъ корреспондентахъ.

Когда мы въ прошломъ обозрѣніи говорили о сербскихъ дѣлахъ, ничто еще не предвѣщало скорой гибели дома Обреновичей. Сербія привыкла терпѣливо переносить всевозможные кризисы, которые почти непрерывно создавались ея правителями въ теченіе послѣдней четверти вѣка; она мирилась съ своею печальною судьбою, когда король Миланъ продавалъ страну австрійцамъ, закладывалъ ея доходы вѣнскому „Лендербанку", жестоко преслѣдовалъ лучшихъ патріотовъ Сербіи и откровенно разорялъ государственные финансы для удовлетворенія своихъ личныхъ прихотей и вкусовъ. Сколько ни старался Миланъ возбуждать своими дѣйствіями раздраженіе и негодованіе сербскаго народа, это ему какъ будто не удавалось; даже послѣ того, какъ онъ въ 1889 г. отрекся отъ престола и получилъ съ убогой сербской казны милліонныя суммы за отказъ отъ родительскихъ правъ и отъ сербскаго подданства, онъ продолжалъ все-таки пользоваться какимъ-то необъяснимымъ „престижемъ" въ глазахъ сербовъ и сталъ вновь распоряжаться въ Бѣлградѣ, явившись туда изъ Парижа въ 1894 году, вопреки своимъ торжественнымъ обязательствамъ; позднѣе онъ, въ званіи главнокомандующаго, былъ фактически полновластнымъ хозяиномъ страны и смѣло занялся истребленіемъ наиболѣе выдающихся изъ своихъ предполагаемыхъ противниковъ, подъ предлогомъ умышленно подстроеннаго покушенія Княжевича. Произвольно заключивъ въ тюрьму многихъ бывшихъ министровъ, вождей партій и членовъ скупштины, онъ подвергъ ихъ неслыханнымъ истязаніямъ, нравственнымъ и физическимъ, и готовился казнить людей завѣдомо невинныхъ, безъ суда, подъ прикрытіемъ какой-то поддѣльной мнимо-судебной процедуры;—и народъ молчалъ, армія покорно бездѣйствовала, и иностранные кабинеты воздерживались отъ вмѣшательства. Постыдный образъ жизни Милана, его публичные семейные скандалы, его похожденія въ заграничныхъ игорныхъ домахъ, его исторія съ однимъ изъ парижскихъ клубовъ, гдѣ заподозрили правильность его игры,—все это ложилось позоромъ на злополучную Сербію, которая должна была постоянно откупаться отъ дальнѣйшихъ посягательствъ

и денежныхъ требованій своего бывшаго короля. Тѣмъ не менѣе сербы не возмущались и сохраняли внѣшнее спокойствіе; почему было и сыну Милана не разсчитывать на такое же образцовое долготерпѣніе своихъ сербскихъ подданныхъ? Юный король, выросшій подъ руководствомъ такого отца, долженъ былъ проникнуться твердымъ убѣжденіемъ, что съ сербами можно дѣлать все, что угодно, не стѣсняясь, и что внѣ славнаго дома Обреновичей нѣтъ и не должно быть ничего священнаго для народа. Поклоненіе Милану и его „завѣтамъ“, превознесеніе его великихъ заслугъ предъ отечествомъ, стали занимать видное мѣсто въ оффиціальныхъ политическихъ программахъ правительства, и великолѣпная конная статуя „короля-отца“ должна была въ скоромъ времени украсить одну изъ площадей Бѣлграда, съ соотвѣтственною надписью отъ имени „благодарнаго отечества“; но этому памятнику не суждено было появиться въ сербской столицѣ.

Правленіе короля Александра было во многихъ отношеніяхъ еще болѣе странно, чѣмъ хозяйничанье его отца. Относительно Милана всякій зналъ, что ему нужно и изъ-за чего онъ ведетъ неустанную войну противъ лучшихъ представителей своего народа; но что собственно заставляло его сына и преемника воевать со всѣми партіями, придумывать государственные перевороты, внезапно отмѣнять конституціи, которымъ незадолго передъ тѣмъ торжественно присягалъ, постоянно мѣнять министерства, систематически отталкивать отъ себя всѣхъ честныхъ и способныхъ людей,—это остается неяснымъ и отчасти даже загадочнымъ. Король Александръ не имѣлъ такихъ широкихъ потребностей и разорительныхъ привычекъ, какъ его отецъ; онъ могъ вполнѣ довольствоваться тѣмъ роскошнымъ содержаніемъ, какое давала ему страна, и не имѣлъ повода питать враждебныя чувства къ независимымъ сербскимъ партіямъ и дѣятелямъ, безусловно признававшимъ его власть и готовымъ работать для общаго блага Сербіи и для пользы самой династіи. Трудно было бы опредѣлить въ точности, чѣмъ вызывались столь частые министерскіе кризисы и конституціонные перевороты при королѣ Александрѣ: никакихъ спорныхъ законодательныхъ или политическихъ вопросовъ не поднималось ни въ скупштинѣ, ни въ печати; о смѣлыхъ реформахъ не было и рѣчи, и нельзя было бы назвать ни одного проекта, который возбудилъ бы принципіальныя разногласія между правительствомъ и оппозиціею или привелъ бы къ перемѣнѣ министровъ. Государственные и общественные интересы не входили вообще въ кругъ заботъ сербскихъ правителей со временъ Милана, согласно его „завѣтамъ“; разногласія и кризисы возникали исключительно на личной почвѣ, такъ какъ другихъ дѣлъ, кромѣ личныхъ и семейныхъ, давно уже не знали и не признавали послѣдніе представители рода Обре-

новичей. Слабость короля Александра къ неожиданнымъ кризисамъ и переворотамъ объяснялась, очевидно, наслѣдственнымъ предрасположеніемъ,—точно такъ же, какъ и его стремленіе причинять вредъ или непріятности своему собственному народу, своимъ сотрудникамъ и министрамъ, разнымъ національнымъ учрежденіямъ и политическимъ партіямъ; даже свои интимныя домашнія дѣла онъ превращалъ въ предметъ общаго безпокойства, какъ бы наслаждаясь тревожными ожиданіями и недоумѣніями сербскихъ обывателей. Когда онъ въ 1900 году вздумалъ жениться на вдовѣ инженера Машина, то многіе усмотрѣли въ этомъ оригинальномъ рѣшеніи только одно благопріятное обстоятельство—разрывъ короля съ его отцомъ Миланомъ, который по прежнему считался злымъ геніемъ Сербіи и ея правительства. Между тѣмъ разрывъ совершился, сынъ избавился отъ опеки и совѣтовъ отца, Драга Машина сдѣлалась королевою, и политическое положеніе какъ будто прояснилось на время; король Александръ возвѣщалъ міру о своемъ желаніи и надеждѣ имѣть наслѣдника, заставлялъ сербовъ радоваться, принималъ подношенія для будущаго потомства и обнаруживалъ какъ будто примирительное, доброжелательное настроеніе относительно своихъ подданныхъ; но это продолжалось недолго. Къ прежнимъ причинамъ министерскихъ кризисовъ прибавились новыя—притязанія и требованія семьи королевы, ея родственниковъ и приближенныхъ, вполнѣ овладѣвшихъ умомъ и сердцемъ несчастнаго короля. Мало-по-малу выдвинулся на первый планъ совершенно невѣроятный вопросъ—о провозглашеніи брата королевы, поручика Никодима Луневицы, наслѣдникомъ сербскаго престола. Молодой король, которому не исполнилось еще двадцати-семи лѣтъ и который при нормальномъ ходѣ вещей могъ имѣть еще десять наслѣдниковъ въ будущемъ, былъ почему-то сильно озабоченъ вопросомъ о престолонаслѣдіи и подъ вліяніемъ окружающихъ готовъ былъ создать новую династію изъ среды никому дотолѣ неизвѣстной фамиліи Луневицы, въ лицѣ незначительнаго юнаго офицера, успѣвшаго своею безтактностью возбудить противъ себя раздраженіе въ арміи. Этотъ удивительный проектъ, неоднократно отрицаемый оффиціальными заявленіями, упорно поддерживался, однако, вліятельными придворными кружками и являлся въ сущности единственнымъ правдоподобнымъ мотивомъ для послѣдняго государственнаго переворота, устранившаго изъ состава сената и народнаго представительства всѣхъ предполагаемыхъ противниковъ задуманной „реформы“. Чѣмъ болѣе чувствовался глухой протестъ народа и арміи противъ предоставленія родственникамъ королевы правъ и привилегій членовъ царствующей фамиліи, тѣмъ усерднѣе обсуждался и обра-

ботывался этотъ планъ при дворѣ, какъ бы на зло общественному мнѣнію.

Роковыя послѣдствія этого печальнаго ослѣпленія короля Александра и королевы Драги всѣмъ извѣстны: въ ночь на 29 мая (11 іюня нов. ст.) погибъ въ своемъ дворцѣ въ Бѣлградѣ послѣдній король изъ дома Обреновичей, вмѣстѣ съ королевою, двумя ея братьями и нѣсколькими министрами. Военные заговорщики дѣйствовали съ явнымъ ожесточеніемъ и совершили не просто государственный или дворцовый переворотъ, а настоящую бойню; имъ не удалось сразу найти короля, и подъ вліяніемъ ужаса, испытаннаго ими во время напрасныхъ поисковъ, они пришли какъ будто въ состояніе чисто-животной злобы, которымъ только и объясняется безсмысленная жестокость ихъ „военныхъ“ дѣйствій. Виновники этого избіенія не только не скрывались предъ бѣлградскою публикою, но громко заявляли о своемъ кровавомъ дѣлѣ и заранѣе привѣтствовали воцареніе новой династіи Карагеоргіевичей, и—что поразительнѣе всего—населеніе сербской столицы обнаруживало неподдѣльную радость, вывѣшивало національные флаги и дѣлало шумныя оваціи разъѣзжавшимъ офицерамъ, какъ будто дѣло шло объ избавленіи отъ великой опасности и отъ непосильнаго гнета, или какъ будто армія одержала славную побѣду надъ непріятелемъ. Никакихъ волненій и безпорядковъ не вызвала въ Сербіи вѣсть объ окончательномъ паденіи дома Обреновичей. Въ тотъ же день, 29 мая, вступило во власть временное правительство, образовавшееся изъ представителей разныхъ партій, подъ предсѣдательствомъ бывшаго неоднократно министромъ г. Авакумовича. Повсюду сохранялось въ странѣ спокойствіе, которое ничѣмъ не было нарушено и въ критическій періодъ приготовленій къ выбору короля. Созваны были сенатъ и скупштина въ томъ составѣ, какой имѣли эти собранія до незаконнаго акта 12 (25) марта, и уже 2 (15) іюня могло состояться торжественное единогласное избраніе новаго короля законнымъ національнымъ представительствомъ Сербіи. По поводу этихъ событій напечатано было въ нашемъ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 5 іюня слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

„Минула недѣля со дня совершившагося въ Бѣлградѣ кроваваго переворота, о которомъ, за отсутствіемъ законной власти въ Сербіи, Императорское правительство не могло быть поставлено въ извѣстность оффиціальнымъ общепринятымъ порядкомъ.

„Строго придерживаясь начала невмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ Балканскаго полуострова и не находя къ тому же возможнымъ вступить въ какое бы то ни было общеніе съ правителями, самовольно принявшими власть,—Россія выжидала окончанія смуты,

чтобы ясно опредѣлить взглядъ свой на происшедшія въ королевствѣ событія.

„2-го іюня собравшіеся въ чрезвычайное засѣданіе скупщина и сенатъ возстановили законный строй въ странѣ и единогласно избрали королемъ князя Петра Карагеоргіевича, который, принявъ обращенное къ нему ходатайство народныхъ представителей, согласился вступить на сербскій престолъ подъ именемъ Петра I.

„Тотчасъ же вслѣдъ за избраніемъ своимъ князь обратился по телеграфу къ Государю Императору съ ходатайствомъ о признаніи его королемъ Сербіи, на что послѣдовалъ Высочайшій телеграфный отвѣтъ въ утвердительномъ смыслѣ.

„Нельзя, конечно, возлагать на весь сербскій народъ, на все сербское войско отвѣтственность за возмущающее общественную совѣсть преступленіе, но было бы опаснымъ для внутренняго спокойствія самой Сербіи оставлять безъ должнаго возмездія насильственно совершенный военными чинами государственный переворотъ.

„Привѣтствуя избраніе новаго монарха, потомка славной династіи, и выражая пожеланія главѣ единовѣрнаго Россіи сербскаго народа полнаго успѣха въ его благихъ начинаніяхъ, Императорское правительство не можетъ не высказать увѣренности въ томъ, что король Петръ съумѣетъ проявить справедливость и твердую волю, принявъ прежде всего мѣры къ разслѣдованію гнуснаго злодѣянія и подвергнувъ строгой карѣ клятвопреступниковъ, запятнавшихъ себя позоромъ цареубійства.

„Таковое попустительство неизбѣжно отразилось бы въ неблагопріятномъ смыслѣ на отношеніяхъ всѣхъ государствъ къ Сербіи и тѣмъ создало бы для нея серьезныя затрудненія на зарѣ начинающагося царствованія короля Петра I.

„Единовѣрная Сербіи Россія возсылаетъ мольбы къ Богу объ упокоеніи души безвременно погибшаго короля Александра и его супруги, призывая благословеніе Всевышняго на царственные труды короля Петра ко благу и преуспѣянію сербскаго народа“.

Съ формальной стороны вопросъ объ отвѣтственности участниковъ переворота былъ заранѣе устраненъ соединеннымъ собраніемъ сербской народной скупштины и сената, выразившимъ весьма откровенно свои чувства отъ имени всей страны за нѣсколько дней до обнародованія русскаго правительственнаго сообщенія. Временное сербское правительство, отдавая собранію отчетъ о своемъ возникновеніи и о своей дѣятельности, упомянуло о „патріотической геройской арміи“, при помощи которой обезпеченъ былъ полный порядокъ въ государствѣ; національное собраніе, въ отвѣтъ на докладъ г. Авакумовича, постановило, что оно „съ восторгомъ привѣтствуетъ новое положеніе, созданное событіями 29 мая, подтверждаетъ полное единодушіе сербскаго народа и войска и одобряетъ поведеніе арміи, которая была и останется оплотомъ отечества, защитницею порядка и законности и гарантіею блестящей будущности Сербіи“. Послѣ такого яснаго за-

явленія сербскаго народнаго представительства князь Петръ Карагеоргіевичъ имѣлъ только одинъ способъ протеста противъ дѣятелей кровавой ночи,—онъ могъ не принимать короны изъ рукъ людей, солидарныхъ съ этими дѣятелями и одобрившихъ плоды ихъ заговора; но князь Петръ принялъ предложенный ему при подобныхъ обстоятельствахъ королевскій титулъ, оказавшійся вакантнымъ благодаря убійству короля Александра, и этимъ лишилъ себя возможности „проявить справедливость и твердую волю" по отношенію къ лицамъ, которымъ онъ обязанъ теперь своимъ возвышеніемъ. Немедленное согласіе князя Петра Карагеоргіевича воспользоваться результатами печальныхъ событій и принять единодушный сербскій выборъ—настолько разумѣлось само собою, что съ самаго начала не возникало на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, и Россія первая отнеслась къ его поступку съ безусловнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ; да и какъ можно было колебаться и требовать предварительнаго суда надъ заговорщиками, когда въ случаѣ колебанія или отказа грозило странѣ междоусобіе, которое могло бы, пожалуй, привести къ австрійской военной оккупаціи? Вся судьба Сербіи рѣшалась въ эти тяжелые дни, и малѣйшая остановка или неправильность въ дѣйствіяхъ законнаго и необыкновенно популярнаго претендента могла бы имѣть неисчислимыя послѣдствія; и потому князь Петръ не могъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ тотчасъ же примириться съ совершившимся фактомъ и отклонить отъ себя роль строгаго судьи, несовмѣстимую съ ролью кандидата на сербскій престолъ. Одобривъ же его первоначальное и вполнѣ цѣлесообразное рѣшеніе, нельзя уже возлагать на него обязанность, которая фактически для него неосуществима, и ставить ему задачу, противорѣчащую условіямъ его избранія: онъ не можетъ дѣйствовать противъ тѣхъ, которые призвали его на царство и чувства которыхъ раздѣляются, очевидно, огромнымъ большинствомъ сербскаго народа.

Нравственные мотивы, лежащіе въ основѣ нашего правительственнаго сообщенія, вполнѣ понятны и естественны; они встрѣтили сочувственный отголосокъ въ лучшихъ органахъ общественнаго мнѣнія въ западной Европѣ и особенно въ Англіи, гдѣ вмѣшательство въ чужія дѣла подъ прикрытіемъ гуманности составляетъ издавна спеціальную отрасль дипломатическаго искусства. Тѣмъ не менѣе новый сербскій король оффиціально признанъ уже почти всѣми европейскими державами, начиная съ Россіи и Австріи, безъ какихъ бы то ни было оговорокъ, и наша дипломатія вновь подтвердила по этому поводу свой принципъ „невмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ Балканскаго полуострова"; съ этой точки зрѣнія даваемый королю Петру совѣтъ заняться прежде всего разслѣдованіемъ зло-

дѣянія, возведшаго его на престолъ, остается по необходимости только платоническимъ пожеланіемъ и едва ли можетъ разсчитывать на непосредственное примѣненіе. По существу трудно себѣ представить, чтобы новый король началъ свое царствованіе возбужденіемъ серьезнаго конфликта съ высшими народными учрежденіями страны и съ господствующимъ народнымъ мнѣніемъ,—конфликта, который могъ бы окончиться отреченіемъ отъ только-что занятаго престола; все зависитъ такимъ образомъ отъ дальнѣйшаго хода дѣлъ въ самой Сербіи, отъ настроенія ея народа и законныхъ его представителей, причемъ доброжелательные иностранные кабинеты не должны, конечно, затруднять первые шаги новаго королевскаго правительства въ его сложной и щекотливой задачѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что король Петръ также искренно возмущался подробностями дворцоваго бѣлградскаго кровопролитія, какъ и всѣ культурные и просвѣщенные читатели газетъ въ Европѣ; онъ высказывалъ, говорятъ, горькое сожалѣніе о томъ, что съ покойнымъ королемъ Александромъ не было поступлено такъ, какъ поступили нѣкогда болгарскіе офицеры съ княземъ Александромъ Баттенбергомъ, котораго просто арестовали и увезли за предѣлы княжества. Но устроители подобныхъ переворотовъ никогда не могутъ предвидѣть заранѣе, какъ повернется дѣло и какой получитъ оно исходъ; и въ данномъ случаѣ, по всей вѣроятности, участники заговора боялись цѣлаго ряда опасныхъ неожиданностей,—боялись того, что королева Драга будетъ объявлена регентшей послѣ насильственнаго удаленія или устраненія короля, что, быть можетъ, уже существуетъ секретный актъ о признаніи ея брата наслѣдникомъ престола, и что глава министерства, Цинцаръ Марковичъ, военный министръ Павловичъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Тодоровичъ могли бы попытаться произвести контръ-революцію, опираясь на эти тайные правительственные акты;—оттого заговорщики съ такимъ звѣрскимъ остервенѣніемъ покончили заодно и съ королевой Драгой, и съ ея братьями, и съ тремя названными выше министрами, не считая другихъ жертвъ, попавшихся имъ подъ руку во дворцѣ. Сербскій народъ, какъ и король Петръ, безъ сомнѣнія, жалѣетъ объ участи погибшихъ, но въ то же время вся страна, безъ различія партій, чувствуетъ облегченіе при мысли, что прекратился мучительный кошмаръ, тяготѣвшій надъ Сербіею при господствѣ дома Обреновичей. Жизненныя національныя нужды, потребности и стремленія сталкиваются тутъ съ интересами человѣчности и правосудія, которые, впрочемъ, больше всего страдали отъ упраздненнаго нынѣ режима. Къ такимъ фамиліямъ, какъ Обреновичи, не слѣдовало бы примѣнять громкія слова и понятія, относящіяся къ династіямъ въ европейскомъ смыслѣ. Миланъ и его сынъ Александръ не были правителями или монархами въ томъ значеніи,

какое придается главѣ государства въ современномъ культурномъ мірѣ; имъ совершенно чуждо сознаніе патріотическаго долга предъ отечествомъ, представленіе о высшемъ служеніи государству и народу,—именно то, что предполагаетъ неразрывную связь правительственныхъ правъ и полномочій съ великими государственными обязанностями и функціями, ради которыхъ эти права и полномочія существуютъ. Короли Миланъ и Александръ брали только одну сторону своего званія—свои полномочія и права, не думая и не будучи даже способными думать объ обязанностяхъ; эта характерная черта особенно развилась у Милана съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ пользоваться спеціальнымъ вниманіемъ и покровительствомъ вѣнскаго двора, который вообще—если не прямо, то косвенно и невольно,—наибольше способствовалъ нравственному вырожденію послѣднихъ Обреновичей, поощряя ихъ тщеславіе и самомнѣніе съ цѣлью обезпеченія безпрепятственнаго владычества австрійскихъ интересовъ въ Сербіи.

Взаимное соперничество Обреновичей и Карагеоргіевичей наполняетъ собою политическую исторію Сербіи почти съ первыхъ лѣтъ сербскаго освобожденія, послѣ геройской борьбы съ турками; главнымъ героемъ этой освободительной эпохи и первымъ народнымъ княземъ сербовъ былъ, въ началѣ прошлаго вѣка, Георгій Черный или Кара-Георгій, безстрашный и смѣлый, но свирѣпый и вспыльчивый, убившій своего родного отца за нежеланіе примкнуть къ національному возстанію противъ турецкаго ига. Съ 1806 по 1813 годъ онъ успѣшно держался въ странѣ и организовалъ нѣкоторое подобіе прочнаго порядка и управленія, но затѣмъ, послѣ ряда военныхъ неудачъ, удалился въ Австрію; его бѣгствомъ воспользовался одинъ изъ главныхъ его помощниковъ, Милошъ Обреновичъ, человѣкъ хитрый и коварный, умѣвшій ладить съ турецкими властями и вскорѣ достигшій положенія единственнаго отвѣтственнаго правителя или князя Сербіи. Когда Кара-Георгій тайно вернулся въ отечество въ 1817 году, Милошъ Обреновичъ сообщилъ объ этомъ туркамъ, велѣлъ отрубить бывшему князю голову и послалъ ее турецкому начальнику болгарской крѣпости. Жестокій и жадный деспотъ восточнаго типа, лицемѣрный и ловкій въ сношеніяхъ съ Турціею, беззастѣнчивый и грубый относительно подвластныхъ, Милошъ крѣпко правилъ страною до 1839 года, когда наконецъ народъ не выдержалъ его хищеній и произвола: князь долженъ былъ отречься отъ власти въ пользу своихъ сыновей, изъ которыхъ Михаилъ III Обреновичъ былъ княземъ дважды, отъ 1839 до 1842 и вторично отъ 1858 до 1868 года; въ промежуточный періодъ, отъ 1842 до 1858 года, власть принадлежала сыну Кара-Георгія, Александру. Михаилъ III Обреновичъ,—единственный, вызывавшій симпатіи въ народѣ,—былъ убитъ въ 1868 году близъ Бѣл-

трада, въ Топчидерскомъ паркѣ, причемъ виновность Карагеоргіевичей осталась не вполнѣ установленною. Послѣ этого убійства либеральное министерство Ристича успѣло сохранить власть въ своихъ рукахъ, и изъ Парижа былъ вызванъ воспитывавшійся тамъ малолѣтній племянникъ покойнаго князя, Миланъ, пріобрѣвшій впослѣдствіи незавидную славу въ качествѣ перваго самостоятельнаго властелина Сербіи. Новѣйшая сербская исторія не обходится, какъ видимъ, безъ измѣнническихъ убійствъ, внутреннихъ возстаній и переворотовъ; глава дома Обреновичей совершилъ гнусное злодѣяніе надъ главою Карагеоргіевичей, заслуженнымъ героемъ освободительной войны, а приверженцы Карагеоргіевичей въ свою очередь умертвили лучшаго изъ Обреновичей, Михаила III; Карагеоргіевичи долго потомъ жили въ изгнаніи, пока въ Сербіи хозяйничали послѣдніе Обреновичи; теперь соперничество окончилось страшною трагедіею, уже безъ малѣйшаго участія Карагеоргіевичей и тѣхъ политическихъ партій, съ которыми непрерывно воевали оба короля, Миланъ и Александръ.

Князь Петръ Карагеоргіевичъ, провозглашенный сербскимъ королемъ подъ именемъ Петра I, имѣетъ всѣ шансы быть хорошимъ и доброжелательнымъ правителемъ Сербіи. Во-первыхъ, какъ человѣкъ, достигшій уже довольно почтеннаго возраста (ему теперь около 58 лѣтъ) и мирно проживавшій до сихъ поръ съ семействомъ за границей, преимущественно въ Швейцаріи, при полной матеріальной обезпеченности, онъ совершенно свободенъ отъ того духа интриги, недовѣрія и озлобленія, которымъ проникнуты были послѣдніе Обреновичи; по характеру, какъ его описываютъ знающіе люди, онъ представляется настоящимъ сербомъ, прямодушнымъ и чистосердечнымъ, глубоко любящимъ свою родную страну, ея преданія и пѣсни, и всегдашней мечтой его было получить когда-нибудь возможность вернуться на родину, въ Бѣлградъ, покинутый имъ въ дѣтствѣ съ отцомъ, княземъ Александромъ, тридцать пять лѣтъ тому назадъ. Призваніе его на сербскій престолъ есть для него въ то же время возвращеніе въ отечество, и радость этого возвращенія въ Сербію, на старости лѣтъ, должна неизбѣжно наложить свою печать на все его царствованіе. Во-вторыхъ, новый король не долженъ безпокоиться о потомствѣ; у него есть готовые наслѣдники, два сына, воспитывавшіеся до послѣдняго времени въ Петербургѣ; мать ихъ, умершая въ 1890 году, была дочерью князя Николая Черногорскаго, и нынѣшній сербскій наслѣдникъ приходится, слѣдовательно, внукомъ популярнѣйшему въ славянскомъ мірѣ дѣятелю, котораго наши „Московскія Вѣдомости“ называютъ иногда, со словъ иностранныхъ газетъ, „княземъ де-Монтенегро“ (см., напр., № 115 названной патріотической газеты за текущій годъ, въ отдѣлѣ „Смѣси“). Черезъ этого „князя де-Монтенегро“

король Петръ находится въ родственныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми могущественными династіями Европы, въ томъ числѣ съ королевскою итальянскою фамиліею. Все это ставитъ Карагеоргіевичей въ глазахъ сербовъ очень высоко сравнительно съ Обреновичами, добивавшимися милостей вѣнскаго двора цѣною важныхъ политическихъ и торговыхъ уступокъ и не нашедшими, однако, никакой принцессы для Александра; попытка же возвести на степень принцевъ и принцессъ семью Луневицы наиболѣе ожесточила населеніе, для котораго родственныя связи играютъ большую и серьезную роль въ жизни. Сербы желали видѣть у себя настоящихъ принцевъ и принцессъ, а не поддѣльныхъ, и это законное желаніе сербскаго народа теперь можетъ быть удовлетворено. Наконецъ, въ-третьихъ, Карагеоргіевичи издавна пользуются расположеніемъ высшихъ сферъ и въ Австріи, и въ Россіи; прежде они тяготѣли больше къ Вѣнѣ, а потомъ окончательно сблизились съ Петербургомъ, что тоже далеко не безразлично для сербовъ. Вотъ почему сербы радуются и торжествуютъ, получивъ впервые настоящаго, серьезнаго короля, къ которому и свои и чужіе могутъ относиться какъ къ человѣку, достойному полнаго довѣрія; этотъ король категорически обѣщаетъ не нарушать никакихъ законовъ, свято соблюдать возстановленную скупштиною, съ необходимыми поправками, старую конституцію 1889 года, и дѣлать вообще только то, что соотвѣтствуетъ національнымъ потребностямъ и стремленіямъ Сербіи, въ неизмѣнномъ согласіи съ законнымъ представительствомъ страны. Въ сущности, со стороны короля нужно очень немногое, чтобы удовлетворить и даже осчастливить сербовъ: достаточно быть честнымъ, добросовѣстнымъ, правдивымъ и доброжелательнымъ, т.-е. обладать качествами, которыхъ недоставало Обреновичамъ и которыя, по отзывамъ свѣдущихъ лицъ, присущи королю Петру Карагеоргіевичу. Если внутренняя жизнь Сербіи войдетъ наконецъ въ нормальное русло, то это отразится со временемъ и на ея политической роли, и на общемъ ходѣ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ Германіи происходили 16 іюня (нов. ст.) выборы въ имперскій сеймъ, имѣвшіе на этотъ разъ большое значеніе въ виду обострившейся борьбы между аграріями и большинствомъ передовыхъ либеральныхъ группъ. Правительство долго поощряло самоувѣренную партію „союза сельскихъ хозяевъ", большею частью крупныхъ землевладѣльцевъ и аристократовъ, требовавшихъ возвышенія пошлинъ на привозный хлѣбъ для поднятія цѣнъ на зерновые продукты; этимъ новымъ протекціонистамъ обѣщались значительныя уступки и льготы, мотивируемыя, конечно, важностью сельскаго хозяйства и землевла-

дѣнія вообще, но вызываемыя въ дѣйствительности консервативною благонамѣренностью и вліятельнымъ общественнымъ положеніемъ аграріевъ. „Союзъ сельскихъ хозяевъ“ казался крупною политическою и общественною силою; онъ ставилъ свои требованія, которымъ правительство старалось идти на встрѣчу, и нѣмецкая публика съ тревогою слѣдила за ходомъ переговоровъ и препирательствъ, угрожавшихъ насущнымъ интересамъ бѣднѣйшей части населенія. Чрезмѣрная требовательность аграріевъ оттолкнула отъ нихъ даже наиболѣе снисходительныхъ членовъ правительства; канцлеръ графъ Бюловъ, объявлявшій, что онъ самъ принадлежитъ къ классу землевладѣльцевъ и потому не можетъ относиться равнодушно къ дѣлу охраны сельскаго хозяйства отъ иностранной конкурренціи, долженъ былъ наконецъ оборвать свои близкія отношенія съ компрометтировавшею его партіею; точно такъ же и прусскій министръ земледѣлія, фонъ-Подбѣльскій, считавшійся „своимъ“ между аграріями, вынужденъ былъ отстраниться отъ нихъ, и шансы возможнаго соглашенія мало-по-малу ослабѣли. Въ печати дѣятельно продолжалась полемика между обоими лагерями: аграріи рѣзко и громко поднимали свой голосъ, вызывая противъ себя протесты и насмѣшки либераловъ, и съ обѣихъ сторонъ возлагались всѣ надежды на предстоявшіе парламентскіе выборы, которые должны были окончательно разрѣшить вопросъ о будущей торгово-промышленной таможенной политикѣ Германіи.

Результатъ выборовъ оказался убійственнымъ для аграріевъ: партія ихъ, можно сказать, совершенно уничтожена, и наиболѣе настойчивые ихъ представители вовсе не попали въ имперскій сеймъ. Главнѣйшіе противники хлѣбныхъ пошлинъ, соціаль-демократы, пріобрѣли могущественное положеніе въ парламентѣ: число ихъ депутатовъ увеличилось съ 58 до 83, а по количеству поданныхъ за нихъ голосовъ (около трехъ милліоновъ) они составляютъ первую, безусловно сильнѣйшую народную партію въ имперіи; крѣпко сплоченная партія католическаго центра сохранила почти свою прежнюю численность,—около ста членовъ; консерваторовъ избрано столько же, сколько и было,—52 человѣка, и сверхъ того независимыхъ консерваторовъ—17, вмѣсто бывшихъ 20; національ-либералы также мало пострадали,—ихъ насчитывается 50, вмѣсто 53; замѣтно сократились въ своемъ составѣ группы безцвѣтныхъ прогрессистовъ,—„свободомыслящей народной партіи“ и союза свободомыслящихъ,—всего 30, вмѣсто 35; изъ болѣе мелкихъ фракцій усилились поляки (17, вмѣсто прежнихъ 14) и пострадали антисемиты (выбрано 9, вмѣсто бывшихъ 12). Распредѣленіе партій вышло бы нѣсколько иное и побѣда соціаль-демократовъ была бы несравненно болѣе рѣшительною, еслибы выборы 16 іюня не напугали умѣренныхъ и робкихъ элементовъ нѣмецкаго общества:

торжество соціаль-демократіи сразу обозначилось настолько рѣзко и произвело такое сильное впечатлѣніе на всѣ остальныя партіи, что задачею дальнѣйшихъ выборовъ и перебаллотировокъ было уже какъ будто исключительно — оказать отпоръ соціализму соединенными силами всѣхъ разнородныхъ „гражданскихъ" или мѣщанскихъ партій и группъ. Перебаллотировки происходили 25 (12) іюня, и соціаль-демократы, вполнѣ основательно разсчитывавшіе на успѣхъ въ очень многихъ еще пунктахъ страны, увидѣли противъ себя повсюду тѣсно сплоченными не только консерваторовъ и національ-либераловъ, но и передовыхъ прогрессистовъ и свободомыслящихъ, дѣйствовавшихъ заодно съ обычными своими врагами для совмѣстной борьбы съ соціализмомъ. Передовые либералы подавали голоса за ярыхъ консерваторовъ, когда послѣдніе были соперниками соціаль-демократовъ; консерваторы и правительственные чиновники усердно агитировали за свободомыслящихъ, имѣвшихъ противъ себя кандидатовъ соціаль-демократической партіи. Благодаря этой всеобщей энергической коалиціи противъ соціаль-демократовъ, они далеко не получили того числа мѣстъ въ имперскомъ сеймѣ, на какое они имѣли право надѣяться по своей общей численности въ массѣ нѣмецкихъ избирателей; но и теперь поразительный ростъ этой рабочей партіи, окрѣпшей и прочно организовавшейся особенно въ періодъ преслѣдованій еще при Бисмаркѣ, является самымъ интереснымъ и характернымъ явленіемъ современной политической жизни Германіи. Сдѣлавшись парламентскою партіею, призванною участвовать въ обсужденіи практическихъ вопросовъ законодательства и текущей политики, нѣмецкая соціаль-демократія въ сущности уже отреклась отъ прежняго соціалистическаго доктринерства и имѣетъ уже очень мало общаго съ той опасною будто бы революціонною силою, которой все еще боятся по традиціи мнимые передовые прогрессисты буржуазнаго направленія. Соціаль-демократія усиливается и ростетъ потому, что она имѣетъ за собою наиболѣе многочисленные трудящіеся классы и представляетъ собою единственную дѣйствительно передовую и энергическую народную партію въ Германіи.

По поводу правительственной мѣры, принятой недавно противъ здѣшняго корреспондента лондонскаго „Times", „Новое Время" высказало нѣсколько замѣчаній, которыя представляются по меньшей мѣрѣ странными со стороны газеты, имѣющей своего собственнаго корреспондента въ Лондонѣ. Безъ сомнѣнія, правительство имѣло вѣскія законныя основанія къ удаленію изъ Петербурга британскаго подданнаго, г. Брагама, и высылка иностранцевъ, оказавшихся почему-либо неудобными или нежелательными въ данной странѣ, настолько ши-

роко практикуется въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напр. въ Пруссіи, что этотъ инцидентъ самъ по себѣ не имѣлъ бы большого значенія. Намъ не могутъ быть въ точности извѣстны обстоятельства и мотивы, вызвавшіе ту или другую оффиціальную мѣру; но тѣ мотивы, которые отъ себя приводитъ „Новое Время" по отношенію къ г. Брагаму и которые кажутся газетѣ вполнѣ убѣдительными, были бы болѣе чѣмъ достаточны для высылки собственныхъ корреспондентовъ всѣхъ русскихъ газетъ, и въ томъ числѣ прежде всего „Новаго Времени", изъ разныхъ западно-европейскихъ столицъ, начиная съ Лондона.

Если оставить въ сторонѣ фактическую невѣрность въ обвиненіяхъ, выставленныхъ газетою противъ г. Брагама,—относительно „фальсификаціи", которая, по удостовѣренію корреспондента, подтвержденному редакціею „Times"'а, произошла помимо его вѣдома и участія, —то всѣ соображенія „Новаго Времени" по существу сводятся къ тому, что корреспондентъ „Times"'а въ своихъ письмахъ и телеграммахъ проявлялъ враждебныя чувства къ русскому правительству и будто бы только за эти свои чувства долженъ былъ подвергнуться непріятнымъ послѣдствіямъ. Г. Брагамъ виновенъ, по словамъ „Новаго Времени", въ возбужденіи непріязни „къ русскому правительству въ англійскомъ обществѣ, въ особенности въ тѣхъ высшихъ дѣловыхъ сферахъ лондонскаго Сити, для которыхъ „Times" служитъ оракуломъ и которыя имѣютъ большой вѣсъ въ Англіи". „Самый фактъ удаленія изъ Россіи петербургскаго корреспондента этой газеты—разсуждаетъ „Новое Время"—несомнѣнно свидѣтельствуетъ о желаніи русскаго правительства сохранить добрыя отношенія съ Англіею, такъ какъ г. Брагамъ съ самаго появленія своего въ Петербургѣ дѣлалъ все возможное, чтобы испортить эти добрыя отношенія между Россіей и Англіей посредствомъ возбужденія англійскаго общественнаго мнѣнія противъ русскаго правительства. Можно быть увѣреннымъ, что и англійское правительство отнесется къ факту удаленія г. Брагама съ той же точки зрѣнія (?) и оцѣнитъ побужденія, руководившія русскимъ правительствомъ въ этомъ инцидентѣ". Газета обращается затѣмъ къ своему лондонскому коллегѣ съ соотвѣтственнымъ поученіемъ: „надо надѣяться, что „Times"'у онъ (инцидентъ) послужитъ полезнымъ указаніемъ на то, что и при выборѣ иностранныхъ корреспондентовъ необходимо соблюдать политическій тактъ и серьезно относиться къ своему положенію „шестой державы", какъ нѣкогда былъ названъ органъ лондонскаго Сити". „Новое Время", очевидно, думаетъ, что „Times" будетъ отнынѣ считать своею обязанностью повсюду имѣть корреспондентовъ, проникнутыхъ вполнѣ одобрительными чувствами къ иностраннымъ правительствамъ, и что

добрыя отношенія между Россіею и Англіею безусловно выиграютъ, если будетъ удаленъ изъ Лондона корреспондентъ „Новаго Времени", г. Аргусъ, относящійся далеко не дружелюбно къ британскому кабинету и съ особеннымъ усердіемъ возбуждавшій противъ него русское общественное мнѣніе во время англо-бурской войны. „Новое Время" какъ будто упустило изъ виду, что говоритъ въ данномъ случаѣ въ качествѣ газеты, а не чего-то другого, и что по меньшей мѣрѣ лондонскій „Times" долженъ былъ бы считаться равноправнымъ съ „Новымъ Временемъ" въ международныхъ отношеніяхъ...

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪѢЗДЪ ИСТОРИКОВЪ ВЪ РИМѢ

ВЪ АПРѢЛѢ 1903 ГОДА.

Столь популярные еще не такъ давно ученые съѣзды стали вызывать въ послѣднее время скептическія замѣчанія. Все то, что дѣлается съѣздами для науки, можетъ быть достигнуто, говорятъ, и инымъ путемъ. Рефераты могутъ быть напечатаны въ видѣ ученыхъ статей, а обсужденіе ихъ можетъ вестись печатными критическими разборами лучше, чѣмъ импровизированными словесными преніями. Организація выставокъ, безъ сомнѣнія, полезна, но пріуроченіе ихъ къ съѣзду носитъ на себѣ случайный характеръ. Лихорадочная дѣятельность во время съѣздовъ, связанныя съ ними развлеченія и угощенія менѣе всего способствуютъ правильной научной работѣ. Польза съѣздовъ сводится лишь къ личнымъ знакомствамъ участниковъ и счетамъ по мѣстничеству, едва ли удобнымъ въ ученой корпораціи...

Такія замѣчанія повторялись неоднократно въ Римѣ по поводу послѣдняго историческаго конгресса. Въ нашихъ и заграничныхъ газетахъ приходилось читать невѣрные отзывы о конгрессѣ; напр., римскій корреспондентъ „Новаго Времени" присылалъ телеграммы и письма о конгрессѣ, отзывающіяся, какъ это ни странно, какимъ-то раздраженіемъ. Хорошее резюме научныхъ работъ представлено было, сколько мнѣ извѣстно, лишь въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Въ заграничной прессѣ можно было отмѣтить противорѣчивые отзывы о конгрессѣ. Постараемся разобраться въ фактахъ и впечатлѣніяхъ.

I.

Съѣздъ историковъ всѣхъ странъ въ Римѣ былъ назначенъ еще въ прошломъ году. Вслѣдствіе раскола между итальянскими учеными онъ не состоялся. Въ этомъ году во главѣ организаціи съѣзда стала академія Линчеевъ и рядъ лицъ солидной репутаціи, первостепенныхъ ученыхъ, съ сенаторомъ Вилляри во главѣ. Заручившись протекторатомъ короля и участіемъ города Рима, конгрессъ могъ разсчитывать на полный внѣшній успѣхъ.

Дѣйствительно, несмотря на то, что конгрессъ слабо себя рекла-

мировалъ, съѣздъ оказался весьма многочисленнымъ. Онъ оказался бы еще многочисленнѣе, еслибы организаціонный комитетъ обращался непосредственно къ иноземнымъ ученымъ и учебнымъ корпораціямъ, а не ограничивался сношеніями дипломатическимъ путемъ. Всего членовъ конгресса собралось въ концѣ марта въ Римѣ около 2.500, не считая членовъ ихъ семействъ; делегатовъ отъ правительствъ и учрежденій оказалось 300 человѣкъ. Такимъ образомъ организаторамъ съѣзда предстояла серьезная задача разобраться въ интересахъ столь многолюднаго собранія и направить ихъ надлежащимъ образомъ. Организація чтеній не представляла ничего достопримѣчательнаго. О научномъ значеніи рефератовъ мы скажемъ ниже; теперь укажемъ на внѣшній ходъ занятій съѣзда.

Распредѣливъ на семь дней занятія членовъ конгресса, комитетъ позаботился о томъ, чтобы участникамъ были предоставлены разнообразныя развлеченія и чтобы пріѣзжіе могли видѣть наиболѣе интересныя достопримѣчательности міровой столицы. Заботливость хозяевъ была весьма велика и требовала отъ гостей усиленной, почти лихорадочной дѣятельности. Главныя развлеченія и пріемы въ Римѣ были: вокальный концертъ въ громадномъ Арджентинскомъ театрѣ, посѣщеніе форума и вновь открытыхъ въ немъ развалинъ, концертъ и иллюминація въ Колизеѣ, пріемъ у министра народнаго просвѣщенія на Палатинѣ, пріемъ у городского головы князя Колонны въ капитолійскомъ музеѣ, банкетъ у короля и—для русскихъ делегатовъ—завтракъ у русскаго посла А. И. Нелидова. Если мы къ этому прибавимъ осмотръ библіотекъ, плановъ города Рима, экскурсіи въ замокъ св. Ангела, катакомбы и пр., намъ придется лишь удивляться выносливости прибывшихъ въ Римъ иноземныхъ гостей.

Всѣ безъ исключенія развлеченія и пріемы носили характеръ самаго широкаго гостепріимства, были задуманы съ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ и имѣли неоспоримое воспитательное значеніе. Концертъ вокальной исторической музыки доставилъ и профанамъ, и знатокамъ высокое эстетическое наслажденіе. Мы прослушали лучшіе образцы вокальной музыки въ преемственности школъ и авторовъ; превосходное исполненіе дѣлало честь современной итальянской вокальной музыкѣ.

Объясненія лучшими спеціалистами раскопокъ на римскомъ форумѣ могли интересовать не только причастныхъ къ археологіи и исторіи: здѣсь, въ Римѣ, всѣ по неволѣ становятся любителями столь ярко выраженнаго прошлаго и поклонниками античной культуры. Банкетъ на Палатинскомъ холмѣ былъ несравненно задуманъ и приведенъ въ исполненіе: яркій весенній день, чудесная растительность, величественный видъ на Вѣчный городъ, прекрасная музыка, обиліе цвѣ-

товъ, напитковъ и яствъ, публика радостная, ликующая... Здѣсь многочисленные гости знакомятся другъ съ другомъ, старики жмутъ руку молодымъ, разодѣтыя дамы бесѣдуютъ съ отмѣченными характерными медальками конгрессистами. Надъ всѣмъ этимъ—чудное, яркое, южное небо.

Другую картину представлялъ собой пріемъ въ капитолійскомъ музеѣ. Въ громадныхъ залахъ, уставленныхъ шедеврами скульптурнаго искусства, съ Капитолійской Венерой во главѣ, тѣснятся тысячи конгрессистовъ. Хозяинъ, князь Колонна, любезно знакомится со всѣми. Представители всѣхъ странъ и націй сталкиваются, сближаются и бесѣдуютъ. Струнный оркестръ на площади, масса цвѣтовъ и обильное угощеніе—въ залахъ. Поздно, послѣ двѣнадцати часовъ ночи, расходятся по домамъ гости. Обѣдъ у короля былъ доступенъ сравнительно небольшому числу делегатовъ, получившихъ приглашеніе (130 чел.). Здѣсь, понятно, многіе считали себя обиженными. Представители, напр., трехъ русскихъ университетовъ (изъ общаго числа шести) не получили приглашенія. Королевская чета, пользующаяся въ Римѣ общей симпатіей, милостиво бесѣдовала со многими.

Словомъ, развлеченіямъ, большей частью поучительнымъ, не было конца. Гостепріимство города и страны было организовано на широкую ногу. Значокъ члена конгресса давалъ право безплатнаго посѣщенія многихъ достопримѣчательностей и отъ 40% до 60% скидки съ провозной платы на желѣзной дорогѣ.

Не вполнѣ успѣшны были усилія организаціоннаго комитета предоставить пріѣзжимъ удобныя и недорогія помѣщенія въ многочисленныхъ римскихъ гостинницахъ. Пользуясь сезономъ, содержатели отелей прибавили цѣны конгрессистамъ, а „казенныхъ квартиръ“ въ распоряженіи комитета не было. Равнымъ образомъ маленькій путеводитель для конгрессистовъ не отвѣчалъ своему назначенію.

Подобнымъ образомъ нежелательные для комитета пробѣлы въ организаціи могли быть отмѣчены въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ; демократическій строй итальянской жизни не позволялъ комитету дѣлать различіе между обыкновенными членами и делегатами; многолюдство собраній обусловило, напр., непріятный для комитета инцидентъ: въ день открытія съѣзда многіе иностранные делегаты не попали въ залу, а толпа итальянскихъ конгрессистовъ усиленнымъ стукомъ въ двери нарушила торжественное настроеніе собранія, удостоеннаго присутствіемъ королевской четы. Далѣе, распредѣленіе президентуры и вице-президентуры секцій комитетомъ не могло всѣхъ удовлетворить,—представители различныхъ націй и государствъ оказывались обойденными. Изъ одиннадцати русскихъ делегатовъ предсѣдательствовалъ лишь проф. Модестовъ, хорошо извѣстный комитету

и проживающій въ Римѣ. Умысла, конечно, здѣсь не было; дѣло, кажется, было въ томъ, что русскіе делегаты не запаслись соотвѣтствующими документами отъ своего правительства. Такъ или иначе— все это въ совокупности вызывало нареканія болѣе требовательныхъ делегатовъ. Главная же причина—многолюдство съѣзда и недостаточное знакомство организаторовъ съ иностранными учеными, особенно славянскими.

II.

Научная дѣятельность историческаго конгресса была весьма разнообразна. Задачи конгресса были блестяще очерчены въ рѣчи сенатора Вилляри—при открытіи конгресса. Указывая на блестящіе успѣхи исторической итальянской науки за послѣднія 50 лѣтъ, ораторъ отмѣчалъ тѣсную связь итальянской исторіи съ исторіей другихъ странъ и народовъ. Итальянской исторіи нельзя понять, не изучая нашествія варваровъ, универсальной идеи церкви, французской революціи, эпохи Наполеона. XIX-й в.,—доказывалъ Вилляри,—былъ преимущественно эпохой націонализма. Изъ патріотическаго чувства выросла нынѣшняя Италія, найдя въ немъ основу своего политическаго воспитанія, побудительный мотивъ къ историческимъ изслѣдованіямъ, источникъ своего краснорѣчія и энергіи. Задача XX ст., по мнѣнію оратора, сведется къ тому, чтобы поддерживать и обезпечить существованіе трудящихся классовъ, закрѣпить взаимную солидарность культурныхъ народовъ. Историческія общества въ настоящее время имѣютъ строго національный, даже провинціальный характеръ, но на это слѣдуетъ смотрѣть какъ на временное явленіе и необходимо придти къ соглашенію по основнымъ вопросамъ историческаго метода и плановъ изученія крупнѣйшихъ историческихъ явленій. Нѣмцы и итальянцы могли бы, напр., сговориться въ изученіи лонгобардовъ, которые принадлежатъ одинаково итальянской и нѣмецкой исторіи; также слѣдовало бы поступить англичанамъ, французамъ, итальянцамъ относительно норманновъ. Римъ,—по мнѣнію Вилляри,—и по своей древней славѣ, и по интернаціональному значенію, является наиболѣе подходящимъ мѣстомъ собранія историческаго конгресса, такъ какъ здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, сосредоточены научные интересы всѣхъ націй.

Занятія конгресса были распредѣлены въ *восьми* секціяхъ: 1) Древняя исторія. Эпиграфика. Классическая и сравнительная филологія. 2) Средневѣковая и новая исторія. Группа a) Методика. Группа b) Архивное дѣло, библіографія и вспомогательныя науки. 3) Исторія литературы. 4) Археологія. a) Исторія музыки и драмы. b) Нумизма-

тика. с) Исторія искусства. 5) Исторія права и экономическихъ и соціальныхъ наукъ. 6) Исторія, географія, историческая географія. 7) Исторія философіи, исторія религіи. 8) Исторія математическихъ, физическихъ, естественныхъ и медицинскихъ наукъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе многочисленные и интересные рефераты были прочитаны въ исторической и археологическихъ секціяхъ. Значительное число ихъ имѣло прямое или косвенное отношеніе къ Италіи.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе хотя бы важнѣйшихъ рефератовъ, такъ какъ научное достоинство ихъ можетъ быть опредѣлено лишь по выходѣ въ свѣтъ *трудовъ* съѣзда. Постараемся отмѣтить, какія отрасли историческихъ наукъ подверглись особенной разработкѣ на конгрессѣ.

Знакомство съ содержаніемъ главныхъ рефератовъ секцій конгресса убѣждаетъ насъ, что исторія Италіи, древняя, средневѣковая и новая, ея археологія и древности стояли на первомъ планѣ. Этому нельзя удивляться, такъ какъ едва ли не таково мѣсто Италіи во всемірной исторіи. Труды конгресса наглядно показали, какъ много было сдѣлано итальянской наукой за послѣднія 25—30 лѣтъ. Равнымъ образомъ иностранные ученые, по понятнымъ причинамъ, старались во многихъ случаяхъ пріурочить свои рефераты къ интересамъ страны и столицы, созвавшихъ международный конгрессъ историковъ. Это была любезность гостей по отношенію къ радушнымъ хозяевамъ. Наконецъ, значительную группу составляли рефераты, знакомившіе конгрессъ или съ интересными открытіями, или съ разработкой историческихъ вопросовъ въ отдѣльныхъ странахъ и націяхъ. Весьма интересной стороной засѣданій было обсужденіе темъ (положеній), предложенныхъ различными лицами и учрежденіями, въ большинствѣ случаевъ ходатайствъ по важнымъ для итальянца, но не переходившимъ мѣстныхъ интересовъ вопросамъ. Менѣе всего привлекали вниманіе вопросы преподаванія исторіи и лишь въ одномъ засѣданіи обсуждались методы преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ странъ. Къ сожалѣнію, никто изъ русскихъ делегатовъ не познакомилъ слушателей съ положеніемъ преподаванія исторіи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Весьма затруднительно обобщить хотя бы поверхностно разнообразное содержаніе рефератовъ хотя бы только первыхъ трехъ секцій; еще труднѣе квалифицировать ихъ научныя достоинства. Укажемъ на разнообразіе и важность темъ, затронутыхъ докладами. Я сказалъ: „затронутыхъ“, такъ какъ для всякаго доклада полагалось 20 минутъ, пренія не допускались, а потому референты вынуждены были ограни-

читься лишь приведеніемъ наиболѣе важныхъ доказательствъ своихъ положеній. Такъ трактовался вопросъ объ епископствахъ въ Италіи въ эпоху нашествія лонгобардовъ, обозрѣніе сокровищъ частныхъ римскихъ библіотекъ, отношенія Мишле къ Италіи, о находкахъ въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ раскопкахъ, о гомерическомъ діалектѣ, о поэтахъ и риторахъ галло-романской школы въ Веронѣ, объ изданіи Corpus inscriptionum italicarum medii aevi, о реставраціи древняго плана гор. Рима (Forma urbis), объ археологическихъ находкахъ въ Сициліи, о сношеніяхъ Италіи и Скандинавскаго полуострова до Августа, о легендѣ о Ромулѣ, объ отношеніи Гёте къ итальянскому Возрожденію. Мы выбрали наудачу заглавія рефератовъ, чтобы дать читателю сколько-нибудь наглядное представленіе объ ихъ разнообразіи. По самому скромному подсчету рефератовъ было около 200. Понятно, рядомъ съ „вкладами“ въ науку существовалъ рядъ сообщеній, составленныхъ ad hoc, для вящшей извѣстности конгрессиста.

Ходатайства и постановленія отдѣльныхъ секцій конгресса имѣли въ виду разрѣшеніе важныхъ и назрѣвшихъ вопросовъ въ итальянской наукѣ, какъ-то: основаніе институтовъ, изданіе монументальныхъ памятниковъ письменности и т. п. Всѣ эти постановленія не переходили за предѣлы интересовъ спеціально-итальянской науки, но eo ipso имѣли и международное значеніе. Такихъ вопросовъ, въ которыхъ сказывалась бы солидарность интересовъ ученыхъ всѣхъ странъ, сколько мнѣ извѣстно, не затрогивалось.

Выше изложенное пояснило достаточно, на мой взглядъ, значеніе *римскаго историческаго конгресса 1903 г.* Многолюдный и оживленный, этотъ съѣздъ сблизилъ между собою историковъ различныхъ національностей и школъ. Во многихъ случаяхъ обсуждались вопросы интересные и важные. Гостепріимство итальянской націи, въ частности Рима, было весьма широкое, а нѣкоторыя шероховатости организаціи, почти неизбѣжныя при такомъ многолюдствѣ, не могутъ быть принимаемы въ разсчетъ. Картина съѣзда развернулась на чудномъ фонѣ Вѣчнаго города, равнаго которому нѣтъ столицы въ мірѣ. Ему, Риму, конгрессъ обязанъ своимъ успѣхомъ, но онъ же, Roma aeterna, подавлялъ своимъ нагляднымъ величіемъ все, что можно было сказать о прошломъ,—отсюда, сравнительно слабое посѣщеніе засѣданій съѣзда.

Изъ ученыхъ, по національностямъ, послѣ итальянцевъ, первую роль сыграли французы, умѣло и солидарно поддерживавшіе свой престижъ; затѣмъ—нѣмцы, имѣющіе свои ученыя учрежденія въ Римѣ;

за ними слѣдовали англичане, американцы, испанцы, польскіе, чешскіе, сербскіе и болгарскіе делегаты. Изъ Россіи было 11 делегатовъ; изъ нихъ, кромѣ меня, трое читали сообщенія (проф. Модестовъ, Базинеръ и Кулаковскій). Слѣдующій съѣздъ историковъ предполагается въ Берлинѣ въ 1906 г.

Л. Шепелевичъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1903.

I.

— Великій Князь Николай Михаиловичъ. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи императора Александра I. Томъ второй. Спб. 1903.

Въ Литературномъ Обозрѣніи „Вѣстника Европы" былъ упомянутъ первый томъ настоящаго изданія, и было указано высокое значеніе труда, предпринятаго Е. И. В.

Вышедшій теперь второй томъ вполнѣ подтверждаетъ ожиданіе, высказанное нами о чрезвычайномъ интересѣ историческихъ матеріаловъ, которые должны были появиться какъ приложеніе къ біографіи гр. П. А. Строганова.

„Второй томъ,—какъ замѣчаетъ предисловіе,—посвященъ преимущественно, если не исключительно, преобразованіямъ высшихъ государственныхъ учрежденій въ первые три года прошлаго XIX вѣка. Вслѣдъ за кончиною императора Павла I совѣтъ и сенатъ, государственныя коллегіи, министерства и комитетъ министровъ сосредоточиваютъ на себѣ все вниманіе императора Александра I и его ближайшихъ сотрудниковъ, причемъ и въ оффиціальныхъ бумагахъ, и въ частныхъ письмахъ молодой императоръ ставитъ превыше всего законность, подчиняя ей не только свою личную волю, но и прерогативы унаслѣдованнаго имъ самодержавія". Этотъ принципъ законности, какъ исходная точка и конечная цѣль задуманныхъ преобразованій, былъ симпатиченъ вмѣстѣ съ имп. Александромъ и его сотрудникамъ— Кочубею, Новосильцову, Чарторыжскому, но особенно, — замѣчаетъ авторъ,—гр. Строганову. „Говорю „особенно" потому только, что взгляды и намѣренія въ этомъ отношеніи гр. Строганова наиболѣе извѣстны и наиболѣе ясно имъ выражены. Изъ всѣхъ сотрудниковъ императора Александра I одинъ гр. Строгановъ записывалъ изо дня

въ день всѣ „преобразовательные“ планы, свои и чужіе, точно и ясно формулируя весь ходъ работы. Издаваемый нынѣ второй томъ почти весь напечатанъ съ рукописей, имъ составленныхъ“.

„Въ самыхъ рукописяхъ гр. Строганова сказывается уже ученикъ математика Ромма: онъ въ своихъ записяхъ всегда точенъ, методиченъ, логически послѣдователенъ“. Онъ не только записываетъ, о какихъ предметахъ шла рѣчь, но и собственные взгляды, и въ этомъ смыслѣ говоритъ съ императоромъ, „который, по самому свойству своего ума, быстраго и блистательнаго, но нимало не методичнаго, такъ нуждался въ подобномъ руководствѣ. Этимъ, можно думать, гр. Строгановъ болѣе всего импонировалъ на своего государя“.

Съ большимъ вниманіемъ изучивъ этотъ историческій матеріалъ, авторъ дѣлаетъ чрезвычайно цѣнныя замѣчанія о роли самого императора въ преобразовательныхъ планахъ начала его царствованія.

„Говорятъ и повторяютъ, что всѣ преобразованія, надъ которыми такъ много трудились въ первые годы XIX столѣтія, исходили отъ императора Александра I. Согласно съ этимъ укоряютъ и клянутъ перемѣну, будто бы происшедшую позже во взглядахъ и намѣреніяхъ старшаго внука Екатерины II. Это не столько недоумѣніе, какъ большая ошибка.

„Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что императоръ Александръ I, вслѣдъ за воцареніемъ, многимъ былъ недоволенъ, многое желалъ измѣнить, даже исправить, какъ равнымъ образомъ несомнѣнно, что ни одна изъ произведенныхъ въ это время реформъ не исходила отъ него лично, что всѣ онѣ были не безъ труда внушаемы ему, при чемъ его согласіе добывалось нерѣдко съ большими усиліями. Императоръ Александръ I никогда не былъ реформаторомъ, и въ первые годы своего царствованія онъ былъ консерваторъ болѣе всѣхъ окружавшихъ его совѣтниковъ.

„Эту черту императора Александра I понималъ лучше всѣхъ и наиболѣе успѣшно боролся съ нею гр. Строгановъ. Вотъ что записалъ онъ въ своихъ тетрадяхъ того времени: „Намъ необходимо составить планъ реформъ и уяснить себѣ цѣль ихъ, чтобы труды наши не зависѣли ни отъ чьего произвола. Точно установивъ, чего мы желаемъ добиться отъ императора, необходимо опредѣлить его характеръ, чтобы сообразно этому составить нашъ планъ атаки, если я смѣю такъ выразиться“.

„Указавъ задачу, гр. Строгановъ принялъ на себя и ея исполненіе. Въ особомъ очеркѣ, основанномъ отчасти на психологическихъ соображеніяхъ, онъ опредѣляетъ довольно точно тѣ способы, при помощи которыхъ можно имѣть вліяніе на императора и руководить его волею“...

Большой томъ, наполненный приложеніями изъ малодоступнаго до сихъ поръ архива гр. Строгановыхъ, представляетъ слѣдующіе матеріалы: Principes de la réforme du gouvernement; Conférences avec l'Empereur, 1801; Séances du Comité, 1802; Organisation du Conseil et des ministères, реформа Сената; всеподданнѣйшіе доклады гр. П. А. Строганова; переписка императора Александра I съ графомъ П. А. Строгановымъ; переписка гр. П. А. Строганова съ кн. А. А. Чарторыжскимъ.

Все это доставляетъ матеріалы большого историческаго интереса. Во-первыхъ, разъясняется любопытный эпизодъ царствованія императора Александра I, гдѣ сказывалась потребность новаго развитія общественныхъ элементовъ и преобразованія государственныхъ формъ; эта потребность впервые возникала въ высшихъ сферахъ самой государственной власти. Преобразованіе не совершилось, или ограничилось немногими попытками въ измѣненіи учрежденій; но эти начинанія оставили, однако, свой слѣдъ въ общественномъ сознаніи, поддержавъ тѣ нравственно-политическіе запросы, какіе возникали подъ вліяніемъ эпохи и собственныхъ опытовъ въ самомъ обществѣ. Въ частности, изданные здѣсь документы даютъ впервые историческую оцѣнку достойной личности гр. П. А. Строганова, до сихъ поръ мало извѣстнаго...

Приведенное выше замѣчаніе историка о характерѣ имп. Александра, который и въ первые годы царствованія былъ консерваторомъ болѣе всѣхъ окружавшихъ его совѣтниковъ, должно признать весьма доказательнымъ; но едва ли можно согласиться, безъ оговорки, съ другимъ замѣчаніемъ—что указанія на позднѣйшую „перемѣну во взглядахъ и намѣреніяхъ имп. Александра" были большой ошибкой. Дѣло въ томъ, что, хотя изданные нынѣ документы и доказывали, что задуманныя въ началѣ преобразованія были „не безъ труда внушаемы" императору его молодыми совѣтниками (въ средѣ которыхъ особенно выдающуюся роль занималъ гр. Строгановъ), вполнѣ справедливо остается то, что въ душѣ имп. Александръ могъ сохранять свои консервативные взгляды и наклонности, но на дѣлѣ была весьма большая перемѣна въ томъ, что въ первые годы императоръ бывалъ доступенъ внушеніямъ такихъ людей, какъ гр. Строгановъ или Сперанскій, а въ позднѣйшіе годы онъ отъ подобныхъ внушеній совершенно устранился. Съ этимъ соединялись и два совсѣмъ различныя настроенія правительственной дѣятельности, которыя и давали немало основаній говорить о перемѣнѣ.

Предстоитъ еще заключительный томъ настоящаго изданія. Уже теперь можно видѣть, какой драгоцѣнный вкладъ въ изученіе нашей новѣйшей исторіи сдѣланъ этой біографіей гр. П. А. Строганова.

II.

— Н. А. Некрасовъ и его поэзія. Историко-литературный очеркъ (съ портретомъ Некрасова). Г. В. Александровскаго. Изданіе третье. Кіевъ, 1903.

Книжка г. Александровскаго явилась въ первый разъ въ 1898 г., какъ „публичная лекція“. Если она дошла теперь уже до третьяго изданія, этому можно порадоваться, потому что книжка весьма здравомыслящая. Въ самомъ началѣ авторъ замѣчаетъ, что было бы весьма умѣстно „вновь пересмотрѣть тѣ часто весьма разнорѣчивыя и даже иногда прямо противоположныя мнѣнія, какія неоднократно можно встрѣтить и теперь, когда рѣчь заходитъ о Некрасовѣ, и подвести итоги его дѣятельности“.

Въ самомъ дѣлѣ, немногіе изъ нашихъ поэтовъ вызывали столь противорѣчивыя сужденія, какъ именно Некрасовъ.

„Съ того времени,—говоритъ авторъ, — какъ впервые выяснился съ достаточною ясностью (замѣтимъ мимоходомъ, что автору надо бы нѣсколько позаботиться о своемъ стилѣ и избѣгать „выясненія“ съ „ясностью“) отличительный характеръ его поэзіи, тотчасъ же обнаружились чрезвычайно несходные, нерѣдко противоположные взгляды въ оцѣнкѣ его поэтической дѣятельности. Его поэзія вызывала и вызываетъ самое упорное разномысліе. Жаркіе его поклонники признаютъ въ немъ могучаго поэта, пѣвца протестующаго духа, истиннаго пророка и выразителя своего времени, съ его скорбными думами, съ его тревожнымъ озлобленіемъ и уныніемъ, но порою и съ глубокою вѣрою; другіе, напротивъ, будто бы во имя высшихъ законовъ искусства вообще и поэтическаго творчества въ частности, а чаще подъ вліяніемъ своего особаго міросозерцанія, отвергаютъ вовсе его поэтическій талантъ и готовы видѣть въ его произведеніяхъ плодъ холоднаго риторизма, искусно приспособлявшагося къ условіямъ своего времени... По справедливому замѣчанію одного изъ современныхъ намъ критиковъ, Некрасова язвили, кололи, „доѣзжали“. „подсиживали“ или ему же воскуривали хвалебный ф(ѳ)иміамъ, но Некрасова не характеризовали, не опредѣляли, не объясняли. Такое отношеніе къ Некрасову объясняется, если вспомнить, что въ теченіе долгаго времени Некрасовъ, будучи редакторомъ-издателемъ двухъ изъ самыхъ видныхъ въ былое время журналовъ („Современникъ“ и „Отечественныя Записки“), тѣмъ самымъ стоялъ въ центрѣ горячей журнально-партійной борьбы, загорѣвшейся въ русской повременной печати въ „эпоху великихъ реформъ“. Большинство критиковъ Некрасова не только хотѣли судить его произведенія, но и въ значительной сте-

пени уязвить или превознести самого автора изъ-за чисто-личныхъ или партійныхъ отношеній къ нему. Такое отношеніе къ Некрасову сохранилось и позднѣе, когда повидимому улегся первый пылъ литературныхъ схватокъ. Многіе изъ критиковъ, едва только заходила рѣчь о Некрасовѣ, не могли отдѣлаться отъ предвзятой точки зрѣнія на него и, по старой памяти, повторяли прежнія полемическія выходки, передѣлывая ихъ на новый ладъ"... „Явно враждебное отношеніе къ Некрасову не прекратилось и теперь, хотя чисто партійнымъ интересамъ уже, кажется, пора отойти въ забвеніе (?) и можно было бы, безъ какихъ бы то ни было постороннихъ увлеченій и пристрастій, ставъ на объективно-историческую точку зрѣнія, опредѣлить истинное значеніе его поэтическаго творчества".

Въ самомъ общемъ смыслѣ эти замѣчанія о причинахъ враждебнаго отношенія къ Некрасову довольно вѣрны, но должно прибавить еще, что извѣстную роль въ оцѣнкѣ Некрасова, какъ поэта, должны были играть несочувственныя отношенія къ нему, какъ характеру. Наконецъ, въ частности слѣдовало бы опредѣлить, въ чемъ же именно заключались эти „партійные взгляды" „повременной печати"? Было бы понятнѣе, еслибы авторъ обратилъ вниманіе на самое содержаніе „партійныхъ взглядовъ". Это бывали обыкновенно взгляды печати консервативной или прямо-реакціонной. Но съ другой стороны играли свою роль взгляды собственно эстетическіе: поэзія Некрасова представляла въ нашей литературѣ нѣчто новое, что казалось обычному уровню читателей нарушеніемъ мнимыхъ законовъ „чистаго искусства"; полагалось, что такое искусство не допускаетъ „тенденціи", а тенденціей считалось присутствіе какой-либо реальной темы, имѣющей отношеніе къ вопросамъ жизни общественной или народной; въ поэзіи Некрасова была сатира, а сатира по привычной эстетической теоріи не считалась настоящей поэзіей: настоящій поэтъ былъ, напр., Майковъ, Фетъ и т. п. Многіе такъ думали совершенно независимо отъ какихъ-нибудь „партійныхъ взглядовъ", а были самымъ серьезнымъ образомъ увѣрены въ непогрѣшимости своей эстетики. Съ этой точки зрѣнія несомнѣнно и до сихъ поръ многіе отрицаютъ поэзію Некрасова какъ не-художественную.

Г. Александровскій именно предпринялъ разсмотрѣть вопросъ о значеніи поэзіи Некрасова съ объективно-исторической точки зрѣнія, разсматривая ее въ условіяхъ среды, эпохи и личной жизни, и ставя эти условія, онъ приходитъ къ заключенію, что должны упасть обвиненія Некрасова съ одной стороны въ неискренности, съ другой—въ однообразіи его поэзіи. Въ общемъ выводѣ это „по преимуществу поэтъ-лирикъ съ необычайно чуткою и отзывчивою душою, который

въ большинствѣ случаевъ писалъ вполнѣ безхитростно, повинуясь лишь своей творческой фантазіи или накипѣвшему чувству"...

Недавній трактатъ г. Бобрищева-Пушкина, извѣстный читателямъ „Вѣстника Европы", указываетъ въ свою очередь, что для поэзіи Некрасова наступаетъ, наконецъ, пора правильной оцѣнки исторической и эстетической.—А. П.

III.

— В. Ѳ. Дерюжинскій, проф. с.-петербургскаго университета. Полицейское право. Пособіе для студентовъ. Спб. 1903.

„Политическія науки нуждаются въ свѣтѣ и правдѣ, потому что всякая наука должна быть свѣтомъ и правдою". Имъ нужны „общеизвѣстность фактовъ политической жизни и возможность ихъ безпристрастнаго и свободнаго обсужденія". Имъ нужно общество, принимающее близко къ сердцу интересы государственной жизни; такое общество, „конечно, будетъ лучшей средой, въ которой разовьется настоящая, связанная съ жизнью политическая наука". Такъ опредѣлялъ тридцать лѣтъ тому назадъ А. Д. Градовскій тѣ условія, при которыхъ государственныя науки вообще и наука внутренняго управленія въ частности можетъ выполнять свои задачи [1]. А эти задачи представлялись ему широкими и важными. Научно освѣтить русскій государственный строй и управленіе, дать руководящія идеи правительству и гражданамъ, призываемымъ къ участію въ дѣлахъ управленія, содѣйствовать политическому воспитанію, отвлекая общество отъ утопій и „тѣмъ категоричнѣе и настойчивѣе указывая на задачи возможныя, необходимыя въ данную минуту для общества"—таковы перспективы, которыя рисовалъ Градовскій. „Она одна (наука) можетъ сказать: „если этого не будетъ сдѣлано, общество остановится въ своемъ развитіи; оно или ничего не дастъ будущему, или безмѣрно усложнитъ его задачу. То, что теперь можетъ быть сдѣлано безъ труда, впослѣдствіи можетъ вызвать сильныя затрудненія"...

И Градовскій видѣлъ въ окружающей его дѣйствительности возникновеніе условій, при которыхъ эти задачи не только могли быть поставлены, но и выполнены наукой. Университетскій уставъ 1863 г., казалось ему, открылъ наукѣ возможность свободно работать въ этой области знаній; судебная, земская и городская реформы создавали, казалось, элементы такого общества, которое должно было жадно при-

---

[1] См. „Рѣчь о современномъ направленіи государственныхъ наукъ", I т. Соч.

слушиваться къ выводамъ науки. Свѣтлыми ожиданіями полна рѣчь Градовскаго...

Какъ далеко отошли мы отъ этихъ ожиданій теперь, какими мечтами кажутся намъ надежды на великую воспитательную роль государственныхъ наукъ для русскаго общества! Не послѣдовало даже въ скромной мѣрѣ выполненія предначертаній Градовскаго. Послѣ него, только одна крупная научная величина продолжала разработку вопросовъ русскаго государственнаго строя и управленія; но на этомъ ученикѣ и преемникѣ Градовскаго сказалось безвременье эпохи восьмидесятыхъ годовъ съ ея поклоненіемъ дѣйствительности и силѣ, съ ея стремленіями реабилитировать и оправдать существующее, съ ея боязнью идеаловъ. При всѣхъ большихъ заслугахъ Коркунова (мы, конечно, имѣемъ въ виду его), нельзя сказать, чтобы онъ направилъ свой талантъ для движенія по тому пути, по которому шелъ и куда звалъ учитель. Но Коркуновъ всегда являлся вѣрнымъ хранителемъ завѣтовъ учителя въ одномъ: онъ не избѣгалъ окружающей дѣйствительности, не скрывалъ своего отношенія къ ней. Этой черты прежде всего чужды скудные труды нашихъ современныхъ малочисленныхъ представителей государственной науки. Академическіе ученые по каѳедрамъ государственнаго и полицейскаго права боязливо обходятъ научные вопросы, требующіе анализа русскихъ условій; съ особой любовью для своихъ диссертацій и изслѣдованій они выбираютъ темы иностранныя или археологическія, или еще чаще обходятся безъ всякихъ изслѣдованій [1]. Когда же приходится касаться (въ курсахъ, лекціяхъ) русскихъ публичныхъ институтовъ, ученые изслѣдователи предпочтительно оперируютъ методомъ догматическимъ, своеобразно при томъ понимаемымъ: обобщенія и анализъ замѣняются голымъ пересказомъ дѣйствующаго законодательства, и въ каждой строкѣ такихъ произведеній чувствуется отсутствіе того научнаго мужества, которое только одно и достойно изслѣдователя, ищущаго правды. Сѣры и неинтересны труды нашихъ государствовѣдовъ, молчатъ они на громкіе запросы нашей жизни... Кто виноватъ въ этомъ состояніи нашей государственной науки? Ученые? Но „характеръ науки, — говоритъ въ той же рѣчи Градовскій, — не всегда зависитъ отъ намѣреній ученыхъ“; не здѣсь, конечно, мѣсто разбирать, какую роль въ теперешнемъ состояніи нашей науки сыграли условія, созданныя университетскимъ уставомъ 1884 г., и общее положеніе нашей публично-правовой жизни за послѣднія десятилѣтія.

---

[1]) Въ большинствѣ нашихъ университетовъ каѳедры полицейскаго права не замѣщены, за отсутствіемъ лицъ, имѣющихъ необходимую ученую степень. Кажется, что вообще во всей Россіи лицъ, обладающихъ такой степенью, человѣкъ пять-шесть.

Съ большимъ интересомъ приступили мы къ чтенію книги В. Ѳ. Дерюжинскаго, надѣясь въ ней найти признаки поворота отъ того состоянія, о которомъ сказано выше. Вопросы управленія, о которыхъ трактуетъ наука, излагаемая авторомъ, усиленно занимаютъ въ послѣднее время общественное вниманіе и настоятельно требуютъ своего разрѣшенія. Анализъ и освѣщеніе ихъ наукой пріобрѣтаютъ въ данный моментъ особое значеніе. То, что сочиненіе проф. Дерюжинскаго предназначено въ качествѣ пособія для университетской молодежи, повидимому должно было служить предуказаніемъ, что не одни факты и справочныя свѣдѣнія будутъ предметомъ изложенія. Молодежь такъ жадно ищетъ руководящихъ идей и обобщеній, и академическое знаніе, оставаясь и строго научнымъ, не можетъ игнорировать этого стремленія. Первое изслѣдованіе автора [1]), посвященное основнымъ гарантіямъ личной свободы въ Англіи, доказывало, что способность къ научному анализу и обобщеніямъ, вѣрное и широкое пониманіе задачъ науки управленія при изученіи явленій иноземныхъ свойственны В. Ѳ. Дерюжинскому въ достаточной степени. Къ сожалѣнію, эти стороны автора, повидимому, не могли проявиться, когда онъ ступилъ на родную почву.

„Ученіе о внутреннемъ управленіи" (у насъ оно продолжаетъ фигурировать подъ устарѣлымъ названіемъ права полицейскаго)—Verwaltungslehre—Verwaltungsrecht („административное право"—Droit administratif) въ трудахъ современныхъ нѣмецкихъ и предшествовавшихъ имъ французскихъ ученыхъ является наукой юридической, съ опредѣленнымъ содержаніемъ и методомъ. Пестрое содержаніе прежняго полицейскаго права, какъ собранія административныхъ рецептовъ по всѣмъ отраслямъ управленія, замѣнилось научнымъ анализомъ юридическихъ отношеній, возникающихъ между органами власти и гражданами въ области управленія, и сведеніемъ этихъ отношеній къ принципамъ, связаннымъ съ сущностью современнаго правового государства.

Въ лучшихъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ по этому предмету и во французскихъ многочисленныхъ руководствахъ видное мѣсто занимаетъ такъ называемая „общая часть" науки управленія. Здѣсь устанавливается понятіе управленія, даются основные принципы дѣйствія административныхъ органовъ, излагается ученіе объ административныхъ нормахъ и актахъ (распоряженіе, запрещеніе, обязательное постановленіе, инструкція и т. д.) и о соотношеніи ихъ къ такъ называемымъ субъективнымъ публичнымъ правамъ; какъ обязательную и детально разработанную часть науки, мы здѣсь же имѣемъ ученіе о гарантіяхъ

---

[1]) „Habeas Corpus Act" и пріостановка его по англійскому праву. 1895.

закономѣрности управленія (административная юстиція) [1]. Въ „пособіи“ В. Ѳ. Дерюжинскаго мы не находимъ отклика на эти вопросы общаго характера. То краткое опредѣленіе содержанія науки административнаго права, которое дается во вступленіи къ „пособію“, даже и не намѣчаетъ ихъ. А между тѣмъ, дать хотя бы сжатый теоретическій очеркъ этихъ общихъ вопросовъ было бы такъ важно при нашихъ русскихъ условіяхъ! Выяснить принципы закономѣрности управленія, проанализировать ихъ отношеніе къ основамъ нашего государственнаго и административнаго устройства и управленія—это задача, передъ которой, при всей трудности ея, не долженъ былъ бы остановиться почтенный авторъ.

Зачатки всѣхъ институтовъ, о которыхъ трактуетъ общая часть науки административнаго права на Западѣ, существуютъ у насъ, и только въ направленіи развитія ихъ должно пойти развитіе нашей системы управленія... Есть у насъ, напр., зачатки административной юстиціи, и въ практикѣ сената, тѣмъ или инымъ путемъ доступной публикѣ, вдумчивый изслѣдователь найдетъ не мало матеріала для многихъ главъ общей части [2]) административнаго права. В. Ѳ. Дерюжинскій, къ сожалѣнію, игнорируетъ этотъ матеріалъ не только для конструкціи общей части, въ его „пособіи“ не существующей, но не дѣлаетъ даже попытки пользоваться практикой нашего высшаго административнаго судилища въ особенной части. Это, впрочемъ, составляетъ особенность всѣхъ нашихъ государствовѣдовъ, кромѣ Градовскаго.

Обращаемся отъ того, чего нѣтъ въ книгѣ, къ тому, что въ ней есть. Кромѣ небольшого вступленія, въ которомъ излагается понятіе управленія, исторія науки полицейскаго права въ связи съ исторіей формъ государства на Западѣ и содержаніе всей науки, „пособіе“ содержитъ девять очерковъ, обнимающихъ полицію безопасности и право передвиженія; полицію союзовъ и собраній; полицію печати; чрезвычайныя мѣры полиціи безопасности; санитарную и медицинскую полицію; полицію нравовъ; народное образованіе; общественное призрѣніе и благотворительность; фабричное законодательство. Каждый изъ этихъ очерковъ по существу представляетъ самостоятельный интересъ.

---

[1]) Сравн. Georg Meyer. „Lehrbuch d. deutschen Verwaltungsrechts“. 2 Auflage, 1893. (Книга первая этого сочиненія вся посвящена указаннымъ выше общимъ вопросамъ). Въ Otto Mayer's Deutsches Verwaltungsrecht. см. стр. 3 - 226. Сравн. французскіе курсы M. Hauriou. Précis de droit administratif (посл. изд.) и H. Berthélemy. Traité élémentaire de droit administratif. Выбираемъ сочиненія, на которыя часто ссылается проф. В. Ѳ. Дерюжинскій.

[2]) Довольно богатый матеріалъ, напр., даетъ практика сената для теоріи обязательныхъ постановленій, для опредѣленія предѣловъ дѣйствія актовъ администраціи (приказовъ, распоряженій) и т. д. Все это совершенно не подвергалось до сихъ поръ научному анализу.

Въ предисловіи авторъ утверждаетъ, что „всѣ входящія въ составъ книги части объединены извѣстными основными идеями и общею задачей освѣтить разсматриваемыя отрасли управленія въ соотношеніи ихъ съ условіями и интересами культурнаго развитія"... Каковы эти основныя идеи, приходится отчасти лишь догадываться, ибо въ трактованіи предмета онѣ мало замѣтны. Усвоенный авторомъ методъ изученія отраслей управленія не подходитъ ни къ одному изъ тѣхъ, которые примѣняются въ научныхъ системахъ административнаго права. Прежнее полицейское право (въ трудахъ, напр., Рау, Моля) считалось наукой строго политической: съ точки зрѣнія цѣлесообразности оцѣнивались всѣ административныя нормы, одобрялись или не одобрялись; наука давала даже практическіе совѣты для всѣхъ отраслей управленія.

Новая школа, которая сильно испытала на себѣ вліяніе французскихъ изслѣдователей, выдвинула больше юридическій анализъ институтовъ административнаго права, какъ отношеній прежде всего правовыхъ, предполагающихъ права и обязанности. Этотъ анализъ, который нѣкоторые ученые даже считаютъ особымъ „юридическимъ методомъ", долженъ, по мнѣнію, напр., Гирке, вскрывать не только форму всякаго института, но и внутреннюю его сущность.

Юридическій анализъ въ современной наукѣ дополняется историческимъ изученіемъ, устанавливающимъ какъ генезисъ института, такъ и связь его съ общимъ политическимъ и культурнымъ укладомъ страны.

И въ новой школѣ точка зрѣнія цѣлесообразности не изгоняется; ей только отводится надлежащее мѣсто. Лоренцъ Штейнъ и современные ученые считаютъ политико-правовую точку зрѣнія необходимымъ элементомъ этой науки. Георгъ Мейеръ (Meyer) дѣлитъ всю науку объ управленіи (Verwaltungslehre) на двѣ части: на „право управленія" (Verwaltungsrecht), анализирующее юридическія нормы, относящіяся къ управленію, и „политику управленія" (Verwaltungspolitik), разбирающую вопросы управленія съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Задача этой „политики" по опредѣленію Мейера двойная: она прежде всего оцѣниваетъ пригодность для даннаго общества самыхъ нормъ управленія, а затѣмъ даетъ принципы наиболѣе цѣлесообразнаго осуществленія разныхъ административныхъ мѣръ въ предѣлахъ нормъ дѣйствующихъ. Даже профессоръ Берендтсъ, который у насъ является такимъ ярымъ противникомъ изученія административнаго права, какъ науки политической [1], и тотъ допускаетъ элементъ оцѣнки нормъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности при изложе-

[1] См. статью его: „О задачахъ, системѣ и методѣ науки административнаго права" въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1897 г., № 4, а также I томъ (продолженія не послѣдовало) „Опыта системы административнаго права" (1898).

ніи исторической части. При чтеніи очерковъ В. Θ. Дерюжинскаго весьма затруднительно опредѣлить, какого метода онъ придерживается. Авторъ ограничивается обыкновенно фактической „справкой“ въ законодательствахъ англійскомъ, французскомъ и германскомъ, а затѣмъ, добросовѣстно придерживаясь текста нашего Свода, даетъ пересказъ дѣйствующаго законодательства.

Для примѣра, беремъ наиболѣе интересный по фактическому матеріалу очеркъ, трактующій о полиціи печати. Изъ общей части этого очерка, занимающей меньше страницы, мы узнаемъ слѣдующія общія немотивированныя положенія: печать есть орудіе прогресса и просвѣщенія; на ряду съ обезпеченіемъ свободы ея надлежитъ государству имѣть въ виду возможность злоупотребленія свободой; мѣры государства, стремящіяся къ осуществленію послѣдней цѣли, сводятся къ системѣ предупредительной и репрессивной. Затѣмъ идетъ хронологически историческій разсказъ о цензурѣ при папахъ, такой же разсказъ о судьбахъ печати въ Англіи, Франціи и Германіи, историческій очеркъ нашего законодательства съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ цензурныхъ анекдотовъ изъ практики цензора Красовскаго и затѣмъ слѣдуетъ пересказъ цензурнаго устава. Подъ этимъ очеркомъ, какъ и подъ другими, имѣются небольшія библіографическія указанія иностранной и русской литературы о печати. Сколько въ цитируемыхъ и другихъ трудахъ есть матеріала для болѣе содержательной общей части, чѣмъ тѣ лаконическія положенія, которыя даны авторомъ! Французскіе ученые юристы, писавшіе о прессѣ, могли бы послужить хорошимъ образцомъ, какъ конструируются въ этой области общія понятія. Одна статья И. Я. Фойницкаго [1]) показываетъ, какія обобщенныя формулы правового положенія печати можетъ дать наука. У Коркунова [2]), котораго никто, конечно, не упрекнетъ въ отсутствіи догматизма, можно бы найти примѣръ научной оцѣнки цензурныхъ мѣропріятій съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Сборникъ Широкова, вѣроятно, могъ бы дать автору нѣкоторый матеріалъ изъ административной практики, которая все-же рельефнѣе уяснила бы юридическій смыслъ положенія нашей печати, чѣмъ простой пересказъ законодательскаго текста...

Такого же метода придерживается авторъ и въ другихъ очеркахъ. Въ четвертомъ рѣчь идетъ о чрезвычайныхъ мѣрахъ полиціи безопасности. Послѣ изложенія французскаго и германскаго законодательства объ осадномъ положеніи и послѣ разбора соотвѣтствующаго

---

[1]) Моменты въ исторіи законодательства о печати (въ Сборникѣ госуд. знаній, т. II, перепечат. въ книгѣ „На досугѣ“).

[2]) Русское государственное право, т. I.

отдѣла англійскихъ законовъ авторъ переходитъ къ Россіи, и мы получаемъ почти буквальное воспроизведеніе статей устава о предупрежденіи и пресѣченіи съ приложеніями къ нему („Положеніе объ усиленной охранѣ и гласномъ надзорѣ“). И это все... Ни разъясненій, ни комментаріевъ, ни оцѣнки... Неужели наука такъ ригористична? Опять таки приходится сослаться на Коркунова, который въ своемъ курсѣ нашелъ возможнымъ дать научную оцѣнку этимъ своеобразнымъ средствамъ нашего административнаго воздѣйствія, ибо и для представителя науки—

Wo Pflicht ist sprechen—
Ist Schweigen Verbrechen.

„Пересказывательный“ методъ автора имѣетъ тотъ результатъ, что основныя идеи, которыми, по его словамъ, объединены всѣ очерки, какъ-то совсѣмъ не выступаютъ, а общая задача—освѣтить разсматриваемыя отрасли управленія въ соотношеніи ихъ съ условіями и интересами культурнаго развитія,—которую поставилъ себѣ авторъ,—остается далеко не исполненною.

Мы остановились такъ долго на указанной выше чертѣ книги проф. Дерюжинскаго потому, что въ ней мы видимъ не индивидуальный дефектъ даннаго сочиненія или автора, а явленіе, глубоко лежащее въ тѣхъ общихъ условіяхъ, въ которыхъ пребываютъ у насъ и наука, и ученые...

Если книга В. Ѳ. Дерюжинскаго не даетъ полнаго представленія о научной системѣ административнаго права, то все-же она имѣетъ большой интересъ и цѣнность для лицъ, интересующихся вопросами управленія. Свѣдѣнія изъ области иностранныхъ законодательствъ, извлеченныя изъ вполнѣ надежныхъ источниковъ, имѣющіяся при каждомъ очеркѣ краткія библіографическія указанія несомнѣнно окажутся весьма полезными для занимающихся административнымъ правомъ.

Лучшій курсъ, какимъ еще до сихъ поръ остается полицейское право покойнаго Андреевскаго [1]), устарѣлъ не только въ смыслѣ метода и системы, но и фактическаго матеріала, и книга В. Ѳ. Дерюжинскаго можетъ послужить очень хорошимъ дополненіемъ его въ частяхъ, излагающихъ дѣйствующее законодательство.

Въ предисловіи своего „Пособія“ авторъ заявляетъ, что съ теченіемъ времени надѣется дать болѣе законченную разработку ученія о внутреннемъ управленіи. Если это намѣреніе будетъ осуществлено

---

[1]) Новые курсы гг. Тарасова и Шеймина по справедливости не пользуются популярностью въ публикѣ.

съ соблюденіемъ требованій науки и жизни, то это будетъ крайне важная и нужная попытка научной мысли.

IV.

— А. А. Раевскій. Законодательство Наполеона III о печати. Томскъ. 1903 г.

Изслѣдованіе г. Раевскаго, исправляющаго должность экстраординарнаго профессора томскаго университета, является тоже довольно характернымъ выраженіемъ того состоянія государственной науки, которое царитъ у насъ теперь. Молодой ученый, относящійся, насколько можно судить по его книгѣ, съ живымъ интересомъ къ явленіямъ общественной жизни, при выборѣ темы для своего изслѣдованія (кажется, даже диссертаціи) останавливается на юридическомъ положеніи печати во Франціи при Наполеонѣ III, кропотливо собираетъ не только матеріалъ законодательный, но и относящуюся къ нему административную практику (циркуляры, ордоннансы префекта полиціи), пытается ее разработывать, т.-е. съ усердіемъ занимается тѣмъ, что прекрасно уже выполнено французскими учеными юристами и историками. А кругомъ непочатою учеными трудами стоитъ вся область русскаго административнаго права и ждетъ своихъ работниковъ, которые упорно не идутъ. Это не упрекъ г. Раевскому за выборъ темы, а просто указаніе на фактъ, имѣющій общее значеніе. По существу предметъ изслѣдованія—весьма интересный. Анализъ режима второй имперіи представляетъ вообще интересъ для насъ, а административно - полицейская система регламентаціи печати, достигшая своего расцвѣта при Наполеонѣ III, легла въ основаніе „временныхъ правилъ 6 апр. 1865 г.", и теперь сохраняющихъ у насъ силу закона дѣйствующаго. Правовая судьба печати при Наполеонѣ III и эволюція ея за время его правленія прекрасно отражаютъ внутреннюю сущность всего этого режима, построеннаго на лжи и насиліи правящихъ и на подавленности и индифферентности общества. Въ области печати, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ дѣятельности, вся политика состояла въ томъ, чтобы путемъ комбинаціи ряда мелкихъ мѣръ совершенно подавить гарантіи гражданской и политической свободы и парализовать дѣйствіе законовъ и учрежденій, охраняющихъ политическія права. Авторъ, давъ очеркъ законодательства о печати въ послѣдніе годы іюльской монархіи, подробно (можетъ быть, даже слишкомъ подробно въ ущербъ обобщеніямъ) слѣдитъ хронологически за возникновеніемъ и развитіемъ всѣхъ мѣропріятій второй имперіи. Исходная точка зрѣнія Наполеоновскаго режима при всѣхъ этихъ мѣ-

ропріятіяхъ была проста: въ прессѣ видѣли элементъ серьезной опасности для воздвигаемаго автократическаго строя. Отсюда наибольшее вниманіе, удѣляемое печати періодической, политическимъ брошюрамъ и способамъ ихъ распространенія. Уже президентомъ Наполеонъ при помощи испуганнаго взрывомъ 1848 г. буржуазнаго представительства возстановилъ нѣкоторыя постановленія стараго законодательства (залоги, штемпельный сборъ и др.) и прибавилъ новыя. Наиболѣе интересный актъ этого времени представляетъ законъ 1850 г., прозванный loi de haine, и особенно 3-я статья этого закона, которая попыталась нанести самый сильный ударъ газетѣ и журналу, какъ анонимной групповой силѣ воздѣйствія на общественное мнѣніе. „Въ чемъ состоитъ"—спрашивалъ иниціаторъ этой статьи, депутатъ Tinguy—„истинное могущество дурной (mauvaise) прессы? Въ чемъ ея опасность? Это—престижъ анонимности для большинства читателей. Газета не есть продуктъ творчества того или иного индивидуума: это—коллективное дѣло, это—мистическая сила, это—обаяніе неизвѣстнаго. Вотъ отсюда и вытекаетъ могущество прессы. Когда же статьи будутъ подписываться, произойдетъ слѣдующее: если имя автора будетъ почтенно, если это будетъ имя человѣка, извѣстнаго своими высокими чувствами, чистотою нравовъ, прямотою политическаго направленія, тогда эта статья будетъ имѣть все то значеніе, какъ и самъ ея авторъ; если же статья будетъ подписана человѣкомъ мало уважаемымъ или даже совсѣмъ неизвѣстнымъ, то она потеряетъ всю свою силу и все свое обаяніе. Такимъ образомъ вы установите въ печати самую полную справедливость и истинность. Всякій будетъ отвѣчать за свое произведеніе... Высказывали много аргументовъ противъ моей системы: говорили, что газета не есть отдѣльный человѣкъ, а партія, что я отнимаю у газетъ все ихъ вліяніе, индивидуализируя ихъ... Но вѣдь я именно этого и хочу..." Предложеніе остроумнаго депутата было принято, и появилось постановленіе, что всякая газетная статья, имѣющая политическій, философскій или религіозный характеръ, должна быть подписана полной фамиліей (en toutes lettres) автора; за несоблюденіе этого правила автору и издателямъ грозили штрафы и тюремное заключеніе. Другой депутатъ (Казиміръ Перье) внесъ поправку въ томъ смыслѣ, чтобы упомянутое постановленіе распространялось на статьи во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, если только въ такихъ статьяхъ обсуждаются поступки и мнѣнія гражданъ или какіе-либо индивидуальные или коллективные интересы.

Послѣ coup d'état 2 декабря 1851 г. Луи-Наполеонъ уже не церемонился съ прессой: декретомъ 31 декабря того же года была уничтожена подсудность дѣлъ о преступленіяхъ печати судамъ присяжныхъ, а меньше чѣмъ черезъ два мѣсяца былъ изданъ знаменитый

органическій декретъ. Цѣлью этого декрета было наложить узду на печать и „дать періодической прессѣ такую организацію, которая, предоставляя ей полную свободу всякихъ сообщеній и извѣстій, полагала бы справедливыя границы ея политическому вліянію и не дѣлала бы изъ газетъ конкурренціи правительственнымъ органамъ". Возстановить предварительную цензуру для статей политическаго характера не рѣшались. Тогда было придумано средство административныхъ предостереженій, подъ угрозой которыхъ постоянно должны находиться редакторы изданій. Третье предостереженіе влекло за собою пріостановку газеты. Такимъ образомъ газетамъ какъ будто была предоставлена номинальная возможность писать и говорить, что̀ угодно, никто не подвергался цензурѣ, а между тѣмъ все находилось подъ двойнымъ надзоромъ и администраціи, и самого редактора, который долженъ постоянно дрожать за судьбу своего изданія. Честь изобрѣтенія этого истинно Наполеоновскаго средства оспариваютъ де-Персиньи и знаменитый сотрудникъ Наполеона—Руэръ. Какъ бы то ни было, это изобрѣтеніе съ восторгомъ было принято Наполеоновскимъ режимомъ и сдѣлалось любимымъ средствомъ воздѣйствія на прессу. Редакторы сдѣлались даровыми цензорами, предупреждающими появленіе въ печати того, что̀ въ данную минуту кажется правительству неудобнымъ или опаснымъ. Кромѣ системы предварительныхъ предостереженій и пріостановокъ, органическій декретъ постановилъ, что всѣ періодическія изданія, трактующія о вопросахъ политики или соціальной экономіи, могутъ быть основываемы только съ предварительнаго разрѣшенія правительства. При выдачѣ этихъ разрѣшеній администраціи предоставлена была власть дискреціонная и отказъ въ разрѣшеніи могъ быть мотивированъ „особыми соображеніями" администраціи. Министръ полиціи, въ своемъ родѣ знаменитый de Maupas, въ особомъ циркулярѣ разъяснялъ префектамъ, каковы должны быть эти особыя соображенія. „Намѣреніе декрета"—читаемъ мы въ этомъ циркулярѣ—„отказывать въ разрѣшеніи всякій разъ, когда подъ видомъ газеты дѣло будетъ идти объ организаціи политической или, что̀ то же самое, соціальной трибуны съ цѣлью злонамѣренной (mauvaise) пропаганды... Вы, г. префектъ, будете впредь собирать свѣдѣнія о предшествующей жизни и нравственности писателей и отвѣтственныхъ издателей, которые будутъ просить о разрѣшеніи издавать газету". Далѣе правительству было предоставлено закрывать газеты въ качествѣ мѣры общественной безопасности безъ всякихъ предварительныхъ предостереженій и взысканій. Требовался только особый декретъ, подписанный главою государства. Любопытно сопоставить мотивировку, даваемую въ циркулярѣ того же de Maupas этой статьѣ закона о печати съ той, которая имѣется въ нашемъ цензурномъ

уставѣ въ примѣчаніи къ статьѣ 148 (законъ 1882 года, предоставившій коллегіи министровъ закрывать у насъ всякое изданіе). Вообще, сравненіе французскаго матеріала, чрезвычайно детально излагаемаго авторомъ, съ нашими цензурными постановленіями открываетъ, что и въ этой области мы являемся далеко не самобытными. Органическій статутъ содержалъ также запрещеніе печатать отчеты о засѣданіяхъ государственнаго совѣта и сената и дозволилъ только перепечатку того, что помѣщалось по поводу этихъ засѣданій въ правительственномъ „Монитёрѣ"; запрещено было и печатаніе отчетовъ о судебныхъ засѣданіяхъ по дѣламъ о преступленіяхъ печати, и кромѣ того судамъ во всѣхъ дѣлахъ предоставлено было требовать, чтобы отчетъ о томъ или иномъ дѣлѣ не появлялся въ прессѣ. Было введено широкое право администраціи помѣщать безплатно всякаго рода оффиціальные документы, разъясненія, отвѣты и поправки, при чемъ газета за уклоненіе отъ этой повинности могла подвергнуться пріостановкѣ административнымъ путемъ. Наконецъ, органическій декретъ стѣснилъ свободу помѣщенія оффиціальныхъ объявленій, именно: всѣ судебныя объявленія, необходимыя для дѣйствительности гражданскихъ контрактовъ или служащія для публикованія разныхъ процессуальныхъ актовъ, должны были помѣщаться только въ тѣхъ газетахъ, которыя указывались префектомъ, при чемъ послѣдній опредѣлялъ и таксу на эти объявленія. Административная практика еще усилила стѣснительность этого режима, толкуя какъ можно шире права администраціи.

Этотъ французскій режимъ по дѣламъ печати, который при своемъ возникновеніи имѣлъ характеръ мѣръ чрезвычайныхъ (онъ былъ введенъ на ряду съ провозглашеніемъ осаднаго положенія, съ назначеніемъ исключительныхъ судовъ и массовой ссылкой и изгнаніемъ гражданъ безъ судебнаго разбирательства), сохранялъ однако свою силу въ продолженіе шестнадцати лѣтъ. Каково было вліяніе его на положеніе печати? Независимыя газеты потеряли возможность касаться животрепещущихъ вопросовъ, и даже такая умѣренная газета, какъ „Journal des Débats", должна была говорить по преимуществу объ иностранной политикѣ, о чужихъ дѣлахъ. Воцарилась зато система оффиціозовъ и газетъ, прямо подкупленныхъ правительствомъ. Субсидіи раздавались щедрою рукой; образовался и расцвѣлъ тотъ родъ прессы, который получилъ названіе „уличнаго". Скандалёзная хроника сдѣлалась центромъ тяжести этихъ изданій. „Figaro", самая освѣдомленная газета по части всѣхъ оффиціальныхъ пріемовъ, театральныхъ представленій, сплетенъ, модъ, дневника происшествій, заняла чуть ли не первое мѣсто въ парижской печати. „Le Petit journal", основанный въ 1863 году, съ его романами, довольно грязной хроникой, во время

имперіи получилъ свое распространеніе среди низшихъ слоевъ парижскаго населенія.

Особымъ вниманіемъ законодательства этого времени пользовалась иностранная печать. Для того, чтобы быть допущенной во Францію, всякая политическая газета должна была получить особое разрѣшеніе. Кромѣ того, путемъ взиманія штемпельнаго сбора съ этихъ изданій была установлена настоящая почтовая цензура. Регламентація типографскаго промысла, книжной торговли и связанныхъ съ ними производствъ, регламентація расклейки афишъ—дополняли тотъ режимъ, который въ краткихъ чертахъ мы характеризовали выше.

Въ третьей части своего изслѣдованія авторъ весьма подробно передаетъ судьбу всѣхъ этихъ мѣропріятій въ ту эпоху, когда вторая имперія дѣлала попытки стать либеральною. Колебаніе общаго строя управленія оказывается тѣсно связаннымъ съ дискреціоннымъ режимомъ печати. Одновременно съ расширеніемъ правъ народнаго представительства, съ возстановленіемъ права парламентскихъ запросовъ и интерпеляцій были изданы законы о печати 1861 года, расширившіе для печати возможность обсужденія политическихъ событій и облегчившіе вообще ея положеніе. Наконецъ, законъ 1868 г. уничтожилъ самые характерные институты дискреціоннаго режима, именно систему предварительныхъ разрѣшеній и административныхъ предостереженій, пріостановокъ и запрещеній газетъ и журналовъ. Авторъ слѣдитъ за переходомъ отъ развитой административно-полицейской системы регламентаціи печати къ болѣе либеральному порядку и пытается установить, въ какой постепенности разложеніе первоначальнаго строя второй имперіи заставляло отказываться отъ тѣхъ или иныхъ мѣропріятій административнаго воздѣйствія на печать. Въ этомъ авторъ видитъ центръ тяжести своего изслѣдованія, какъ мы объ этомъ узнаемъ изъ предисловія. Къ сожалѣнію, эта интересная задача не выполнена авторомъ. Онъ какъ бы теряется въ фактическомъ матеріалѣ, которымъ часто чрезмѣрно загромождаетъ свой трудъ. Критика его и освѣщеніе матеріала—болѣе публицистическія, чѣмъ научныя; но фактическій матеріалъ и притомъ строго юридическаго характера собранъ и систематизированъ большой, и книга г. Раевскаго для русской публики можетъ съ успѣхомъ замѣнять французскіе труды по исторіи печати въ эпоху второй имперіи.

V.

— Діонео. Очерки современной Англіи. Спб. 1903 г.

Культурно-соціальные вопросы западно-европейской жизни всегда интересовали широкіе круги русскаго образованнаго общества, и книга г. Діонео принадлежитъ къ числу лучшихъ для ознакомленія съ жизнью Англіи. Г. Діонео, начиная съ 1897 г., помѣщаетъ корреспонденціи въ „Русскомъ Богатствѣ" и темой своихъ статей выбираетъ не пестрый калейдоскопъ политическихъ событій и происшествій, а основныя теченія культурно-соціальной жизни. „Очерки" и представляютъ собраніе этихъ корреспонденцій. Мы здѣсь находимъ изображеніе наиболѣе интересныхъ сторонъ внутренней жизни Англіи, освѣщенное пониманіемъ основныхъ силъ и идей столь своеобразно развившагося уклада англійскаго общества. Авторъ выбираетъ явленія, сохраняющія постоянный интересъ, и пользуется ими для того, чтобы давать читателямъ представленіе не только о современномъ состояніи какого-нибудь вопроса, но и изслѣдовать этотъ вопросъ въ историческомъ и соціологическомъ отношеніи. При этомъ авторъ—превосходный разсказчикъ; изложеніе у него всегда живое, интересное, не лишенное иногда даже и художественности. Нѣкоторыя статьи носятъ даже полу-беллетристическую форму и написаны легко и живо.

Введеніемъ ко всѣмъ очеркамъ можетъ считаться статья, озаглавленная „Смѣна теченій", въ которой авторъ набрасываетъ широкими штрихами картину смѣняющихся поколѣній за послѣднее столѣтіе и доказываетъ, что могучее развитіе Англіи находилось въ зависимости отъ широкаго призванія къ общественной жизни все новыхъ и новыхъ народныхъ силъ. Силы эти были сначала буржуазія, а теперь рабочая масса. То, что новые элементы, благодаря особенностямъ англійскаго строя, всегда имѣли возможность войти въ общественную жизнь и принять участіе въ ней, служитъ причиной того, что смѣна поколѣній и нарожденіе новыхъ идеаловъ происходили спокойно и мирно. Литература вѣрно отражала нарожденіе новыхъ общественныхъ силъ. Культурная мощь буржуазіи создала въ началѣ XIX вѣка блестящую фалангу литературныхъ талантовъ. Нынѣшнее паденіе буржуазнаго общества въ Англіи создало произведенія, лишенныя таланта и идеализма, зато явилась новая литература, съ запасомъ свѣжихъ силъ, знаменующая выступленіе на передній планъ общественной жизни міра труда.

Авторъ питаетъ глубокое уваженіе къ сильной, настойчивой и талантливой англійской расѣ, которая вызываетъ въ немъ восторгъ

созданіемъ наиболѣе культурныхъ формъ политической свободы. Но на ряду со свѣтлыми явленіями онъ не умалчиваетъ о фактахъ мрачныхъ, развившихся подъ вліяніемъ дефектовъ общихъ условій существующаго строя. Въ той части книги, которая озаглавлена „Новый фазисъ", читатель найдетъ характеристику имперіализма и милитаризма, и связанныхъ съ нимъ анти-культурныхъ явленій; тутъ же очерчено царство биржи и выяснена связь его съ общими экономическими условіями Англіи. Останавливаясь на этихъ явленіяхъ, авторъ думаетъ, что они имѣютъ гораздо болѣе интернаціональный, чѣмъ англійскій характеръ. „Въ Англіи,—пишетъ авторъ,—по условіямъ времени, характера націи, широкой свободы печати, эти явленія выразились особенно ярко, выпукло; но причины этихъ явленій существуютъ во всей Европѣ и, къ сожалѣнію, въ Америкѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, когда подоспѣетъ моментъ, въ другихъ странахъ, обличавшихъ Англію, явленіе выразится, быть можетъ, еще болѣе рѣзко, еще болѣе дико. Въ Англіи хоть не было попытки со стороны власть имущихъ зажать ротъ протестовавшимъ. Многое было уродливо; но, по крайней мѣрѣ, не примѣшивался еще патріотизмъ, созданный боязнью полицейскаго участка"...

Третья часть книги посвящена политической жизни Англіи. На ряду съ описаніемъ основъ государственнаго механизма даются живыя характеристики современныхъ политическихъ дѣятелей (Чемберлэнъ, Дилькъ, Морлей, Джонъ Бѐрнсъ) и картины политической жизни во время выборовъ, митинговъ.

Литературѣ и печати посвящены шесть очерковъ, изъ которыхъ мы знакомимся и съ типомъ англійской журналистики, съ Левіаѳанами газетной литературы, съ народной печатью, уличными газетами и выдающимися представителями разныхъ теченій англійской журналистики.

Религіозная жизнь массъ, экономическое положеніе низшихъ слоевъ населенія изображены въ особыхъ очеркахъ, при чемъ авторъ останавливается и на той культурной работѣ интеллигенціи, которая имѣетъ много общаго съ нашимъ „хожденіемъ въ народъ".

Послѣдній очеркъ полу-беллетристическаго характера посвященъ англійскому воспитанію и тѣмъ условіямъ его, которыя дѣлаютъ изъ англичанина члена общества и стойкаго гражданина.

Вся книга г. Діонео проникнута однимъ общественнымъ настроеніемъ и міросозерцаніемъ, что придаетъ всѣмъ очеркамъ идейное единство.—М. Г—анъ.

VI.

— В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Организація и практика страхованія рабочихъ въ Германіи и условія возможнаго обезпеченія рабочихъ въ Россіи. Спб. 1903. Стр. 275. Ц. 2 р. 50 к.

Принятіе систематическихъ мѣръ по обезпеченію трудящихся въ средствахъ существованія въ тѣ моменты, когда они лишены возможности работать, становится болѣе и болѣе настоятельнымъ вопросомъ соціальной политики,—по мѣрѣ того, какъ большая и большая часть трудящихся изъ самостоятельныхъ производителей обращается въ наемниковъ, развитіе крупной промышленности создаетъ особо опасныя условія производства работъ, грозящія временной или полной потерей трудоспособности рабочаго, а вовлеченіе промышленныхъ предпріятій въ широкій товарообмѣнъ, съ его постоянными колебаніями спроса на товары, болѣе и болѣе уменьшаетъ обезпеченность заработка. Принятіе систематическихъ общественныхъ мѣръ въ указанномъ отношеніи—при данныхъ условіяхъ—представляется необходимымъ потому, что хотя вмѣстѣ съ преобразованіемъ экономическаго строя и повышаются заработки рабочихъ, но реальная величина этихъ заработковъ настолько все-таки незначительна, что она можетъ обезпечить семейному рабочему лишь удовлетвореніе — и то довольно скудное—его текущихъ нуждъ, а не тѣхъ экстренныхъ потребностей, которыя возникаютъ въ случаѣ болѣзни, несчастія и отсутствія средствъ для содержанія семьи, когда ея кормилецъ лишенъ работы.

Указанныя условія экономическихъ отношеній цивилизованныхъ государствъ, сами по себѣ, не представлялись, однако, въ глазахъ власти достаточно уважительными для того, чтобы побудить правительства къ энергическимъ мѣрамъ въ данномъ направленіи. Нуженъ былъ еще политическій толчокъ, чтобы они рѣшительно выступили на этотъ путь. Толчокъ этотъ данъ былъ ростущимъ самосознаніемъ и политическимъ значеніемъ западно-европейскихъ рабочихъ классовъ, настоятельнѣе и настоятельнѣе требовавшихъ себѣ большей доли въ пользованіи благами культуры. Что ростущая организація рабочихъ играла въ данномъ вопросѣ очень видную роль, можно заключить уже изъ того, что наибольшихъ результатовъ дѣло обезпеченія рабочихъ классовъ въ описываемыхъ отношеніяхъ достигло въ странѣ, гдѣ рабочіе классы проявили въ послѣднія сорокъ лѣтъ особенно сильное стремленіе къ организаціи. Но объ этомъ же свидѣтельствуетъ и прямое сознаніе правительства. Такъ, въ рескриптѣ императора Вильгельма I отъ 17 ноября 1881 г.,—заключающемъ программу преобразованій по обезпеченію рабочихъ въ случаяхъ нужды,—прямо заявлено, что „положи-

тельныя мѣропріятія для улучшенія благосостоянія рабочихъ должны составлять задачу германскаго правительства уже ради успѣха борьбы съ разрушительными социаль-демократическими стремленіями" (Литвиновъ-Фалинскій, стр. 21). Изложеніе организаціи дѣла обезпеченія рабочихъ въ Германіи и составляетъ задачу компилятивнаго труда, названнаго въ заголовкѣ нашей замѣтки.

Въ Германіи существуетъ государственное страхованіе рабочихъ отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ, инвалидности и старости. Остаются рабочіе необезпеченными еще въ случаяхъ безработицы; но и по этому предмету годъ назадъ рейхстагъ постановилъ учредить коммиссію для разработки основаній такого обезпеченія. На очереди стоитъ и вопросъ объ обезпеченіи вдовъ и сиротъ рабочихъ. Хотя, казалось бы, выгоды страхованія столь очевидны, что достаточно было бы основать соотвѣтствующія учрежденія, и рабочіе поспѣшатъ воспользоваться ими, но предусмотрительность оказалась еще столь слабо распространеннымъ явленіемъ, что для широкаго развитія этого дѣла нужно было прибѣгнуть къ обязательству страхованій не только отъ несчастныхъ случаевъ, расходы по которому ложатся исключительно на хозяевъ предпріятій, но и по страхованію отъ болѣзни и старости, обезпечиваемыхъ взносами хозяевъ и рабочихъ, а въ страхованіи старости также и пособіемъ государства.

Обязательное страхованіе разнаго рода распространяется въ Германіи на неодинаковое число рабочихъ и служащихъ; а такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ страхованію въ соотвѣтствующихъ учрежденіяхъ допускаются по доброй волѣ и лица, не подходящія подъ условіе страхованія обязательнаго, то въ числѣ лицъ, застрахованныхъ отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ и старости, замѣчаются рѣзкія различія: изъ 56 милліоновъ населенія Германіи въ 1900 г. было застраховано отъ болѣзней 10 милл. лицъ, отъ старости и инвалидности—13 мил., и отъ несчастныхъ случаевъ 19 милл. лицъ. Изъ этого числа получили вознагражденіе—въ общей суммѣ 355 милл. марокъ—4 милл. лицъ по болѣзни, 705 тыс. по несчастнымъ случаямъ и 890 тыс. стариковъ и инвалидовъ. Расходы управленія поглотили 35 милл. марокъ. Изъ 33,7 марокъ, внесенныхъ въ данномъ году, въ среднемъ на одного застрахованнаго, на нанимателей падаетъ 15,88 мар., на рабочаго—14,95 мар. и на государство—2,88 мар. Наниматели являются единственными плательщиками въ страхованіи несчастныхъ случаевъ; въ страхованіи старости они вносятъ столько же (въ общей суммѣ), какъ и рабочіе, а въ страхованіи отъ болѣзни—вдвое меньше. За все время дѣйствія страховыхъ учрежденій (съ 1885 г.) рабочіе получили около 2.115 милл. марокъ на руки и 1.030 милл. мар., истраченныя на ихъ леченіе. Больше милліарда марокъ въ этихъ выдачахъ собрано съ нани-

мателей; всего же послѣдними внесено на дѣло страхованія до 2,2 милліардовъ марокъ. На всѣ роды страхованія предпринимателямъ приходится вносить 5,5% отъ заработной платы.

Въ книгѣ г. Литвинова-Фалинскаго, изъ которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, читатель найдетъ много другихъ описательныхъ и цифровыхъ данныхъ о страхованіи рабочихъ и служащихъ въ Германіи. Въ ней же находятся и нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія объ условіяхъ организаціи страхованія въ Россіи. Положеніе нашего отечества въ этомъ отношеніи, конечно, имѣетъ очень мало общаго съ тѣмъ, какое существуетъ въ Германіи. Общаго обязательнаго страхованія у насъ не примѣняется ни къ одной категоріи послѣдняго, несмотря на то, что уже слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ у насъ былъ составленъ проектъ такого страхованія. Обязательное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ примѣняется у насъ лишь въ Финляндіи, а также на казенныхъ горныхъ заводахъ и рудникахъ, а обязательное страхованіе инвалидности и старости—на желѣзныхъ дорогахъ и въ учрежденіяхъ по казенной продажѣ питей. Незначительнымъ распространеніемъ пользуется у насъ и добровольное страхованіе. Въ довольно широкихъ размѣрахъ оно примѣняется лишь по отношенію къ несчастнымъ случаямъ на работѣ. Хотя Россія является единственнымъ значительнымъ государствомъ Европы безъ спеціальныхъ законовъ о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ, тѣмъ не менѣе страхованіе послѣднихъ на счетъ предпринимателей распространилось у насъ въ послѣднее время довольно широко. Въ 1898 г. отъ несчастныхъ случаевъ было застраховано 685 т. рабочихъ, а въ 1901 году—судя по суммѣ страховыхъ премій — это число, вѣроятно, удвоилось. Побудительной причиной страховать своихъ рабочихъ являлось для фабрикантовъ увеличеніе требованій увѣчныхъ рабочихъ и благосклонное отношеніе къ этимъ требованіямъ со стороны суда. Въ случаѣ инвалидности рабочаго, страховое общество обязано уплатить ему въ среднемъ 970 р., а въ случаѣ смерти — выдать его семьѣ 670 р. Размѣръ преміи составляетъ въ настоящее время около 3 р. на рабочаго; но страховыя общества выдаютъ рабочимъ изъ собираемыхъ такимъ образомъ суммъ только половину. Изъ этого видно, какъ дорого обходится у насъ страхованіе въ обыкновенныхъ страховыхъ учрежденіяхъ, и это обстоятельство вызвало въ средѣ предпринимателей стремленіе основывать общества взаимнаго страхованія. Страхованіе отъ болѣзней и старости распространено у насъ очень мало. Въ предпріятіяхъ, гдѣ существуютъ штрафные капиталы, рабочіе получаютъ пособіе изъ этихъ послѣднихъ. Пособій изъ этого источника выдано было въ 1900 г. всего—менѣе 500 тыс. руб. Въ нѣкоторыхъ горныхъ предпріятіяхъ Царства Польскаго дѣйствуетъ 15 больничныхъ

кассъ. И только на казенныхъ заводахъ Урала и въ учрежденіяхъ желѣзныхъ дорогъ рабочіе сколько-нибудь обезпечены, въ случаяхъ нужды, несчастія и старости. Вопросъ о болѣе широкой постановкѣ дѣла страхованія рабочихъ поставленъ у насъ, однако, тоже на очередь, и нельзя не признать, что у насъ, какъ и въ Германіи, побудительнымъ толчкомъ къ ускоренію этого дѣла служило ростущее самосознаніе трудящагося населенія.

Кромѣ подробныхъ свѣдѣній о Германіи и Россіи, въ трудѣ г. Литвинова-Фалинскаго приведены—въ формѣ таблицъ—краткія свѣдѣнія по тому же вопросу, касающіяся другихъ европейскихъ государствъ; о государственномъ же страхованіи стариковъ въ австралійскихъ колоніяхъ Великобританіи не говорится ни слова. Между тѣмъ сообщеніе фактическихъ свѣдѣній по данному вопросу составляетъ главный интересъ разсматриваемой нами книги, такъ какъ разсужденія автора объ условіяхъ осуществленія страхованія рабочихъ въ Россіи не представляютъ ничего существеннаго.—В. В.

VII.

— Эвиль-Рамовичъ. Индивидуальность и прогрессъ. Этюды. Спб., 1903.

Въ соціологіи и философіи исторіи замѣчается въ послѣднее время тенденція совершенно игнорировать значеніе человѣческой личности въ процессахъ развитія, образованія новыхъ общественныхъ и политическихъ формъ и т. п. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, Гумпловичъ поетъ въ униссонъ съ экономическимъ матеріализмомъ. Попытки же защищать личность и ея смыслъ въ исторіи по большей части имѣютъ свойство разочаровывать читателей, хотя нерѣдко подъ этими попытками красуются имена болѣе или менѣе извѣстныя въ печати. Область знанія, являющаяся ареной ихъ, еще очень мало установилась; они идутъ пока ощупью, пробавляются гипотезами, обоснованными чаще всего не на данныхъ науки, а на метафизическихъ началахъ, бывшихъ въ ходу въ первой половинѣ XIX вѣка и теперь реставрируемыхъ и подновляемыхъ, за неимѣніемъ другихъ, болѣе прочныхъ, основъ для дедукцій въ этомъ темномъ вопросѣ... Правда, во второй половинѣ того же столѣтія были въ ходу иныя основы: я имѣю въ виду эволюціонизмъ Дарвина и Герберта Спенсера. На этомъ фундаментѣ было сдѣлано не мало важныхъ и солидныхъ построеній въ защиту индивидуальности, но, къ сожалѣнію, за этотъ же эволюціонный методъ схватились люди легкомысленные, не умѣвшіе различить того, что можно взять изъ сферы біологическаго ученія для соціологіи и человѣческой исторіи, и чего

брать нельзя, вслѣдствіе различій, существующихъ между жизнью животныхъ и сознательно-разумной жизнью человѣческихъ аггрегатовъ. Въ результатѣ оказывались нерѣдко крупныя и явныя ошибки, компрометировавшія самый методъ, хотя онъ и не былъ непосредственно повиненъ въ нихъ. Разочарованіе сопровождалось, какъ это часто бываетъ, идейной реакціей, и старая метафизика загремѣла своими заржавленными орудіями почти по всему фронту.

Книга Эвиль - Рамовича представляетъ отчасти исключеніе изъ этого реакціоннаго процесса мысли. Авторъ желаетъ держаться въ защитѣ индивидуальности научнаго метода, подъ которымъ понимаетъ, однако, не методъ біологическаго эволюціонизма,—въ чемъ съ нимъ нельзя не согласиться.

Въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода прежде всего мы желаемъ знать, съ кѣмъ имѣемъ дѣло, т.-е., какимъ методомъ идетъ авторъ; въ виду этого будетъ не безполезно ближе ознакомиться съ тѣмъ, что онъ считаетъ научной мыслью, которую беретъ орудіемъ своей работы.

„Методъ научной мысли,—говоритъ онъ на стр. 320 своей книги,—есть единственный методъ, проистекающій изъ основныхъ свойствъ нашей личности. Это не значитъ, что мы надъ всѣми формами нашего вѣдѣнія и надъ всѣми интересами нашего бытія желаемъ выдвинуть занятіе наукой,—въ тѣсномъ смыслѣ слова,—какъ единственное дѣло людей. Мы хотѣли только дать понять, что считаемъ лишь тѣ пріемы обработки всевозможныхъ вопросовъ жизни правильными, при коихъ разумъ нашъ функціонируетъ съ тою же осторожностью, вдумчивостью, увѣренностью и неподкупностью, которыя характеризуютъ научную мысль“.

Строго говоря, это еще не опредѣляетъ метода: вѣдь и люди, ищущіе теперь яко бы „новыхъ путей“, и о которыхъ далѣе говоритъ съ большимъ и справедливымъ скептицизмомъ нашъ авторъ,—полагаютъ, конечно, что они и „осторожны, и вдумчивы, и неподкупны“. Поэтому, посмотримъ, какъ онъ понимаетъ научную мысль въ другихъ мѣстахъ своей книги. На стр. 318, коснувшись вопроса о современномъ пессимизмѣ, приведшемъ въ концѣ концовъ къ ницшеанству, онъ видитъ его зарожденіе въ эпоху крайней вѣры въ силы разума (раціонализмъ). „Все, что утверждаетъ разумъ, — говорили одни,—истинно. Все, что не можетъ быть санкціонировано разумомъ,—иллюзія, учатъ пессимисты. Между тѣмъ самъ разумъ былъ въ концѣ концовъ настолько изслѣдованъ, что оказался орудіемъ не первичнымъ и не независимымъ, и если логика наша продолжаетъ все-же совершенствоваться, открывая новые методы удостовѣренія, то это—заслуга не безусловныхъ поклонниковъ ея могущества—„здраваго смысла“ и метафизики,—а научной мысли, которая ознаменовала свое

зарожденіе холоднымъ, строгимъ обслѣдованіемъ разума, источниковъ его силы и корней его слабостей, предѣловъ его прямой компетенціи и условій правдоподобности его косвенныхъ выводовъ. Совершивъ это, научная мысль нашла существованіе не только разрѣшимыхъ вопросовъ, но и неразрѣшимыхъ". Она воздержалась отъ приговоровъ надъ вторыми, отдавшись всецѣло обработкѣ первыхъ. Но на этомъ пути научная мысль открыла и много такого, что изъ области непознаваемаго перешло въ область ея вѣдѣнія. Признавъ, что въ области нумена она функціонируетъ только надъ несуществующими моментами, контурами и классификаціями, научная мысль, примирившись съ относительностью всякаго воспріятія, скромно признаетъ пріобрѣтеніемъ для своей философіи выводы, полученные о непознаваемомъ посредствомъ сопоставленія преемственности ступеней познаннаго. Какова же эта преемственность? Она представляетъ постепенное освобожденіе индивида, какъ доказываетъ въ своемъ трудѣ авторъ: онъ понимаетъ подъ этимъ не только переходъ отъ простого къ сложному (Спенсеръ), но и совершенствованіе, развертывающееся изъ одного общаго принципа. Не можемъ ли мы предположить нѣчто аналогичное въ непознаваемомъ или нуменѣ? Но, во всякомъ случаѣ, этотъ принципъ открывается намъ, однако, только путемъ долгой, кропотливой и систематической отшлифовки того зеркала, въ которомъ происходитъ такое (относительное, т.-е., никогда не тождественное) отраженіе этого принципа, т.-е. путемъ кропотливой выработки нашего сознанія или научнаго мышленія, каковое и является этимъ зеркаломъ. Это единственное положеніе въ книгѣ, которое если не представляется метафизикой (такъ какъ авторъ предлагаетъ его въ видѣ осторожной гипотезы), то во всякомъ случаѣ граничитъ съ нею. Остальное изслѣдованіе стоитъ на строго фактической почвѣ. Если автору понадобилось приведенное выше квази-метафизическое положеніе, то лишь для того, чтобы не оставить безъ нѣкоторой гносеологической обосновы,—требуемой въ наше время,—своихъ чисто эмпирическихъ и болѣе важныхъ положеній и формулъ. Кромѣ этого, на почвѣ такой гносеологіи авторъ дѣлаетъ мимоходомъ любопытныя замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ „модныхъ" настроеній нашего времени, а именно новѣйшаго скептицизма, пессимизма, декадентства и исканія „новаго пути" для религіознаго стремленія. Что касается этого послѣдняго, то авторъ находитъ ложнымъ мнѣніе о противоположности науки и вѣры. „Скептицизмъ науки,—говоритъ онъ, въ примѣч. къ 320 стр.,—есть только методологическій пріемъ; въ сущности же безъ абсолютной вѣры наука вовсе немыслима. Наука тщательно организуетъ анализъ исключительно въ видахъ болѣе прочнаго синтеза,—но безъ надежды на синтезъ она никогда

не была бы такъ энергична въ анализѣ". Исканія истины внѣ предѣловъ обычнаго земного знанія, т.-е. научнаго метода, авторъ остроумно сравниваетъ съ комкомъ, который оторвался бы отъ нашей планеты, при чемъ, конечно, скорость его вращенія, потенціалъ тяготѣнія и его орбита были бы иныя, чѣмъ у стараго ветерана—земли: она удержала бы свое исконное движеніе съ сохраненіемъ всѣхъ элементовъ своего положенія относительно зодіакальныхъ созвѣздій, но мы затрудняемся рѣшить,—добавляетъ авторъ,—предстоитъ ли оторвавшемуся комку въ міровыхъ пространствахъ крушеніе, или ординарное назначеніе въ другой системѣ явленій. „Мы утверждаемъ только, что человѣческой индивидуальности, не рвущей своихъ связей съ матеріальнымъ міромъ земной обстановки, предстоитъ движеніе по пути, несоизмѣримому со скептицизмомъ и декадансомъ,—въ кругу зодіака культурнаго труда, изученія природы, самоопредѣленія въ творчествѣ и вѣры въ совпаденіе путей человѣческой индивидуальности, развивающейся непрерывно и безъ скачковъ, съ тенденціями нуменальнаго принципа или божества, о чемъ говорилось нами ранѣе. Мы не думаемъ утверждать,—продолжаетъ авторъ,—что въ мірѣ нѣтъ ничего новаго. Мы утверждаемъ только, что новое сообщалось до сихъ поръ человѣку въ иномъ ряду преемственности. Каждая истина имѣла до сихъ поръ положительную родословную и являлась въ свѣтъ, какъ произведеніе самой жизни, отмѣченное аттрибутами послѣдовательности и примѣнимости"...

Съ этой точки зрѣнія, напр., „сверхъ-человѣкъ" Ницше кажется автору пустой скорлупой, ибо мы не въ состояніи уяснить себѣ реальныхъ зависимостей, лежащихъ въ его основѣ, и вообразить себѣ этотъ фантомъ—дѣйствующимъ среди условій земного бытія. Какъ фантазія, „сверхъ-человѣкъ геніаленъ, но какъ идеалъ онъ—абсурдъ". ...Мы сомнѣваемся также, чтобы за словами „новая истина", которыя мы все чаще слышимъ отъ вчерашнихъ скептиковъ, ставшихъ внезапно подозрительно вѣрующими, крылось какое-нибудь идейное содержаніе, такъ какъ мы не можемъ добиться опредѣленія состава этой истины и не знаемъ, поэтому, какъ сдѣлать ее руководительницей и арбитромъ нашей морали и эстетики. Что же касается „исканія Бога", о которомъ такъ много говорится въ послѣднее время,—то мы полагаемъ, что это исканіе не можетъ имѣть ничего общаго съ тѣмъ мистицизмомъ, съ которымъ его въ послѣднее время многіе отождествляютъ. Исканіе Бога—великій трудъ и крестъ, а не продуктъ сомнительнаго вдохновенія. Всѣ мы, поскольку мы стремимся полнѣе выразить свою индивидуальность, опредѣлить себя и ближайшіе пути наши въ духѣ самоусовершенствованія, находимся на пути исканія Бога. Безъ этого трудового пути, исканіе Бога только

звучное слово, шумиха фразъ,—не болѣе. Орудія искателя Бога — творческая мысль и реальная самодѣятельность, а не пустая игра схоластическими терминами и не симуляція безсодержательнаго экстаза“... „Что же касается философіи, то ея построенія должны вращаться въ предѣлахъ (довольно широкихъ, впрочемъ) перспективъ, представляющихся нашему разуму съ точки зрѣнія окончательно оформленныхъ современной наукой синтезовъ, въ соотвѣтствіи съ общими условіями нормальнаго равновѣсія человѣческаго интеллекта. Конечно, область фантазіи безпредѣльна, свобода ея не ограничена, но пусть фантазія и предъявляетъ себя какъ таковую, не претендуя на узурпацію значенія тѣхъ болѣе положительныхъ духовныхъ нормъ, которыя добыты для себя человѣческой личностью цѣною колоссальной титанической работы“.

Пріемъ доказательствъ въ пользу историческаго значенія индивидуальности не лишенъ у Эвиль-Рамовича значительной оригинальности. Онъ доказываетъ не то, что въ отдаленныя отъ насъ времена индивидуальность играла *видимую* роль [1]). Наоборотъ, значительная часть его книги посвящена развитію той его основной мысли, что въ древнихъ государствахъ, и вообще въ древнемъ человѣчествѣ, не выдѣляется понятіе индивидуальности, а господствуетъ повсюду начало, которому можно дать названіе „типа“. Подъ этимъ терминомъ авторъ понимаетъ тѣ основныя тенденціи и вѣрованія, которыя руководили жизнью древнихъ обществъ, различаясь у разныхъ народовъ, причемъ эти руководящія тенденціи возникали вслѣдствіе естественныхъ причинъ и потребностей, лежавшихъ какъ въ условіяхъ природы внѣшней, такъ и въ антропологическихъ и этническихъ особенностяхъ разныхъ племенъ, въ эпоху возникновенія культуры. Такъ сложились типы деспотій, типы кастоваго уклада, типы національныхъ образованій.

Цѣлымъ рядомъ остроумныхъ сопоставленій авторъ доказываетъ, что, несмотря на разнообразіе этихъ типовъ въ частностяхъ,—какъ, напримѣръ, греческаго съ его исключительнымъ преобладаніемъ гражданскаго принципа, отражающагося и въ морали, и въ религіи, и въ искусствѣ,—іудейскаго, съ преобладаніемъ въ немъ этическаго начала и религіозной правовѣрности, отразившихся также на всѣхъ явленіяхъ жизни,—римскаго, съ его преобладающими политическими тенденціями, выразившимися въ стремленіи къ міровому господству, къ созданію могучаго права, но неспособнаго создать ни самостоятель-

---

[1]) Какъ увидимъ ниже, эта роль, по мнѣнію автора, была замаскирована. Но, говоритъ онъ, на 10 стр., „всякое общественное „тѣло“ мы считаемъ болѣе или менѣе сложнымъ аггрегатомъ человѣческихъ особей, *личныя свойства* которыхъ своимъ взаимодѣйствіемъ опредѣляютъ всю совокупность соціальныхъ явленій“.

ной религіи, ни искусства, ни философіи, которыя у римлянъ были заимствованы,—наконецъ, типъ китайской рутины и т. п.,—повторяемъ, несмотря на это разнообразіе типовъ, въ нихъ было одно общее: они направляли дѣятельность индивидуума каждый въ сторону своего типа, и такимъ образомъ ограничивали творчество личности опредѣленными рамками. Подобно тому, какъ древнія (и новыя) деспотіи ограничивали творчество индивидуумовъ, входящихъ въ нихъ, опредѣленными путями и направленіями дѣятельности, согласными съ волей или интересами деспота, какъ касты ставили личности кастическіе предѣлы развитія, такъ національные типы не давали мѣста никакой дѣятельности, выходящей изъ рамокъ, усвоенныхъ себѣ этимъ типомъ. Въ теченіе вѣковъ, эти рамки переработывали даже самую индивидуальность гражданъ, сообщая имъ извѣстную косность, сопротивляющуюся всякому проявленію творчества у выдающихся и исключительныхъ особей. Ради краткости, напомнимъ хотя бы исторію Сократа, который явился провозвѣстникомъ въ древней Греціи начала внутренняго, субъективнаго, на мѣсто исключительно гражданскаго и внѣшне-эстетическаго, съ его соотвѣтствующей моралью, признававшей только добродѣтели, нужныя въ отношеніяхъ гражданскаго характера, при полномъ почти игнорированіи субъективныхъ и индивидуальныхъ стремленій человѣческой природы. Въ этомъ ограниченіи индивидуальнаго творчества рамками типа авторъ видитъ причины гибели древнихъ государствъ. Онъ не признаетъ того, что нѣкоторые послѣдователи органической теоріи общества считаютъ „смертью“ общественныхъ организмовъ. Общество не есть организмъ; эта теорія представляетъ существенныя опасности, такъ какъ вмѣсто реальныхъ цѣлей ставитъ передъ обществами фикціи несуществующихъ высшихъ индивидуальностей. Единственными творческими факторами въ исторіи были индивидуальности отдѣльныхъ людей. Даже въ тѣ эпохи, когда индивидуальность человѣка не выступала ясно въ сознаніи древнихъ, творчество все-же принадлежало только ей; но это творчество, какъ мы уже видѣли, было ограничено, подавлено, а потому, въ концѣ концовъ, когда примитивное начало, благодѣтельное для извѣстной эпохи, исчерпывалось, а новому творчеству не было выхода, въ силу сопротивленія со стороны отвердѣвшаго типа, въ результатѣ являлся или застой развитія, или гибель данной націи, какъ организаціи по извѣстному типу. Это не было смертью въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этому понятію въ примѣненіи къ индивидууму. Созданная націей культура не погибала для человѣчества. Даже элементы даннаго общества, т.-е. составлявшая его этническая группа, не погибали, по крайней мѣрѣ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ: они или порабощались другими націями, или разсѣи-

вались среди нихъ, или, какъ государства застоя, влачили жалкое, полуразложившееся существованіе, которому, при малѣйшемъ натискѣ болѣе сильнаго противника, грозитъ паденіе и разрушеніе.

Такимъ образомъ, кажущаяся смерть націй есть лишь слѣдствіе того, что начало, организовавшее нѣкогда націю, перестало удовлетворять потребностямъ, вытекающимъ изъ новыхъ условій ея жизни и обстановки, причемъ у націи ея типъ настолько подавилъ индивидуальное творчество, необходимое для новыхъ приспособленій, что народъ не въ силахъ воспринять нужныхъ истинъ, ведущихъ къ соотвѣтствующей реформѣ, требуемой измѣнившимися условіями и вновь народившимися потребностями.

Однако, не слѣдуетъ забывать, что такіе результаты не имѣютъ въ себѣ ничего фатальнаго и неизбѣжнаго. Лучшее доказательство мы имѣемъ въ Японіи, которая съумѣла вступить на новый путь. Все дѣло—въ томъ, насколько старый типъ способенъ служить препятствіемъ новому творчеству личности.

Но, наблюдая теченіе исторіи, мы замѣчаемъ еще дальнѣйшій фактъ: тѣ начала, по которымъ организуются позднѣйшія общества, приспособлены уже такъ, что все меньше и меньше могутъ парализировать свободное проявленіе индивидуальныхъ силъ. Чтобы доказать это положеніе, авторъ прослѣживаетъ тѣ группы, которыя образовывались какъ бы на смѣну древнихъ типовъ, играя ихъ роль, напр., въ средніе вѣка. Сравнивая, напр., возникшія въ эту эпоху, „сословія“ съ древними кастами, мы увидимъ, что хотя сословія горожанъ, церковниковъ, дворянъ и дѣйствуютъ на индивидуумъ ограничивающимъ образомъ, но это дѣйствіе даетъ индивидуальности гораздо большій просторъ и гораздо большее число и возможность выходовъ. Авторъ, въ яркомъ очеркѣ, прослѣживаетъ постепенное освобожденіе личности, какъ въ теченіе среднихъ вѣковъ, такъ и въ новѣйшее время.

Уже христіанство, въ своей первоначальной формѣ, явилось противникомъ узкихъ рамокъ національности („нѣтъ эллина и іудея“), касты и т. п. Хотя католицизмъ и стремился создать касту изъ служителей Бога, но индивидуальность проявилась въ реформаціи, объявившей начало свободнаго толкованія въ дѣлѣ религіозной совѣсти. Когда затѣмъ и протестантизмъ сталъ самъ на путь ограниченій, личность выступила съ раціонализмомъ, а позднѣе съ научной мыслью, не признававшей никакого авторитета въ стремленіи къ истинѣ и знанію законовъ міра и человѣческой жизни.

Тотъ же процессъ борьбы личности и ея постояннаго стремленія къ самоопредѣленію и освобожденію авторъ указываетъ и въ экономикѣ, и въ художественномъ творчествѣ всѣхъ его родовъ и видовъ.

И тотъ же процессъ идетъ въ жизни политической, въ освобожденіи людей отъ всякаго рабства,—какую бы историческую форму оно ни принимало. Наконецъ, въ новѣйшемъ женскомъ движеніи, та же тенденція къ освобожденію и самоопредѣленію личности сказалась въ этой половинѣ человѣчества.

Въ послѣдней главѣ—„Итоги развитія и перспективы индивидуальности"—авторъ рисуетъ не только картины возможнаго и отраднаго будущаго, долженствующаго наступить вслѣдствіе торжества индивидуальности на всѣхъ путяхъ ея, но онъ показываетъ, что при томъ устроеніи общества, которое явилось плодомъ этого торжества, уже невозможно, или по меньшей мѣрѣ легко поправимо всякое препятствіе къ дальнѣйшему прогрессу человѣка. Онъ указываетъ и на тѣ ошибки, которыя естественно должны были возникнуть при первыхъ тріумфахъ индивидуальности,—какъ въ области мысли, такъ и въ области дѣятельности, въ видѣ ли философскаго пессимизма и ницшеанства, или въ видѣ политическихъ программъ и этическихъ теорій, отвергающихъ высокіе идеалы, и т. п. Авторъ старается показать, что всѣ эти явленія должны быть лишь переходными недоразумѣніями и увлеченіями побѣдой, но что само торжество индивидуальнаго самоопредѣленія исправитъ всѣ такія ошибки. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, при режимѣ индивидуальности, должны принять участіе въ работѣ мысли тѣ милліонныя народныя массы, которыя до сихъ поръ почти еще не могли проявить своего умственнаго творчества, хотя не разъ выдвигали отдѣльныхъ геніевъ, несмотря ни на какія препятствія.—Л. Ов—скій.

Въ теченіе іюня мѣсяца поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Авсѣенко, В.—Двѣсти лѣтъ С.-Петербурга. Историческій очеркъ. Составл. для городскихъ начальныхъ училищъ. Съ рисунк. Изд. Спб. Город. Думы. Спб. 903.

Ауэрбахъ, Берт. — Изъ „Шварцвальдскихъ разсказовъ": Босоножка. Съ нѣм. А. Фридеманъ. Спб. 903. Ц. 40 к.

Бальмонтъ, К. Д.—Будемъ, какъ солнце. Книга символовъ. М. 903. Книгоиздательство „Скорпіонъ". Ц. 2 р. 40 к.

Безчинскій, А.—Путеводитель по Волгѣ, съ 85 рис. и портр., 8 картами и планами. М. 903. Ц. 1 р. въ папкѣ.

Благовскій, Н.—Декаденты въ Ялтѣ (ѣ). М. 903. Ц. 1 р.

Боцяновскій, В. Ѳ. — Леонидъ Андреевъ. Критико-біографическій этюдъ, съ портретомъ и факсимиле. Спб. 903. Ц. 40 к.

Брандесъ, Георгъ. — Собраніе сочиненій. Т. XII: Литературныя характеристики. Съ датск., п. р. М. Лучицкой. Кіевъ. 902. Ц. 12 томовъ—6 руб.

Бюніанъ, Дж.—Путешествіе пилигрима. Въ 2-хъ частяхъ. Новый полный перев. съ англ. Съ портретомъ и біограф. автора, написанной Г. Дюлькеномъ. Спб. 903. Ц. 2 р.

Васюковъ, С. — „Край гордой красоты". Кавказское побережье Чернаго моря. Природа, характеръ и будущность русской культуры. Спб. 903. Ц. 2 р.

Веберъ, А.—Ростъ городовъ въ XIX-мъ столѣтія. Съ англ. А. Н. Котельниковъ. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Веберъ, В. Н. — Геологическія изслѣдованія части Сухумскаго округа. Спб. 903.

Великій Князь Николай Михаиловичъ. — Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи имп. Александра I. Томъ II. Спб. 903.

Вылежинскій, Ѳ., подполковникъ.—Императоръ Николай Первый и Польша въ 1830 году. Воспоминанія. Новые матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1830—31 гг. Предисловіе и переводъ съ франц. рукописи К. А. Военскаго. Спб. 903. Не для продажи, въ числѣ 100 экз.

Гаршинъ, Всев.—Разсказы. Съ біографіею, написан. А. Скабичевскимъ, и 3 портр. Изд. 9-е, Литерат. Фонда. Спб. 903. Ц. 2 р.

Гербановскій, Мих. — Лепестки: 1. Музѣ. 2. Идеи и образы. 3. На груди природы. 4. Свѣтъ и тѣни любви. 5. Святая Святыхъ. 6. Переводы: Асныкъ, Конопницкая, Гомулицкій, Глинскій, Тетмайеръ, Петрарка, Сюлли-Прюдомъ, Лонгфелло. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Голицынъ, кн., Н. В. — Къ 200-лѣтію основанія Петербурга. Петербургъ или Петрополь? Новое свидѣтельство объ основаніи Петербурга. Спб. 903. Ц. 20 к.

Гофманъ, К.—Радій и его лучи. Съ нѣм. Ф. Индриксонъ, п. р. И. Боргмана. Русск. изд. 2-е, измѣн. и значит. дополн. Спб. 903. Ц. 70 к.

Гринбергъ, С.—М. Горькій за границей. Къ 10-лѣтію литературной дѣятельности. 1892—1902. Кн. 1 и 2. Кіевъ. 903. Ц. 55 к.

Гуревичъ, Г. Я.—Новый способъ полученія желудочнаго сока у человѣка. Диссерт. на степ. д-ра мед. Спб. 903.

Де-Сегюръ, Гастонъ.—На краю свѣта. Годъ въ Новой Зеландіи. Съ франц. Н. Волконская, п. р. Д. Коропчевскаго. Съ 27 рис. и картою. Спб. 903. Ц. 60 к.

Діонео.—Очерки современной Англіи. Изд. редакціи „Русское Богатство". Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Дубовицкій, Д. И.—Опытъ изслѣдованія Пензенской губерніи и Юго-Восточной Россіи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Ч. I. Пенза. 903.

Заболотскій, П. А. — О гуманныхъ мотивахъ поэзіи Н. А. Некрасова. Варш. 903. Ц. 60 к.

Завадскій, А. В.—Несмѣняемость судьи и его независимость. Каз. 903.

Зенгеръ, С.—Дж. Ст. Милль, его жизнь и произведенія. Съ нѣм. Л. Иванова, п. р. Е. Максимовой. Спб. 903. Ц. 50 к.

Каневскій, И.—Поздніе цвѣты. Силуэты: Университетскій обѣдъ—Она вернется—Отецъ и дочь—Драма на лугу. Од. 903. Ц. 75 к.

Ключаревъ, Гр., священн.—Исторія ветхозавѣтнаго священства до заключенія священнаго канона—второй половины V вѣка до Р. Х. Ставроп. губ. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Котъ-Мурлыка. — Повѣсти, сказки и разсказы. Т. V. Изд. 3-е. Спб. 903. Ц. 1 р. 75 к.

Лангманъ, Фил. — Драмы и новеллы. Перев. М. Толмачевой. Спб. 903. Ц. 1 р. 35 к.

Лебедева, Лидія.—Стихотворенія. Спб. 903. Ц. 1 р.

Ломизе, К.—Профанаторы печатнаго слова. Въ защиту спиритизма. Тифл. 903. Ц. 20 к.

Львовъ, Л.—Новая-Земля. М. 903.

Мамонтовъ, И. И. — Указатель изданій министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ по сельско-хозяйственной и лѣсной части, вышедшихъ за 1901 годъ.

Марковъ, Евг. — Путешествіе по Греціи. Путевые очерки. Спб. 903. Ц. 2 р.

Мартыновъ, С. В.—Современное положеніе русской деревни: Санитарно-экономическое описаніе с. Малышева Воронежскаго уѣзда. Сарат. 903.

Миллеръ, В. П.—Аквaріумъ. Руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Описаніе водяныхъ растеній и животныхъ. Изд. 2-е, дополн., съ 91 рис. въ текстѣ. Спб. 903. Ц. 1 р. 35 к.

Мырный, Панасъ. — Кныжка перша творивъ. У Кыиви. 903. Цина—1 р. 25 коп.

Неждановъ, П. — О старомъ вопросѣ. По поводу новой книжки Е. Смирнова: „Цѣна и трудовая стоимость". Посвящается ортодоксамъ. Спб. 903. Ц. 25 к.

Новомбергскій, Н. — Нѣкоторые спорные вопросы по исторіи врачебнаго дѣла въ до-Петровской Руси. Спб. 903. Ц. 40 к.

Пекаторосъ, Г.—Современныя настроенія. Діалоги. Од. 903. Ц. 20 к.

Пеллико, Сильвіо. — Объ обязанностяхъ человѣка. Съ портретомъ и біографіей автора. Съ итальянск. Ев. Серчевскій. Спб. 903. Ц. 35 к.

Петровъ, священн. Г. С.—Люди—братья. Спб. 903. Ц. 15 к.

Селивановъ, Л. В.—Фарфоръ и фаянсъ Россійской Имперіи. Описаніе фабрикъ и заводовъ съ изображеніями фабричныхъ клеймъ. Владим. губ. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Сергѣевичъ, В.—Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. 3-е изд. дополн. Спб. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Сорокинъ, К. А. — Упрощенная русская азбука и правописаніе. Спб. 903. Ц. 20 к. Спб. Новая-Деревня. 903.

Субботинъ, А.—Еврейскій вопросъ въ его правильномъ освѣщеніи. Въ связи съ трудомъ И. С. Бліоха. Спб. 903. Ц. 1 р.

Темниковскій, Евг.—О курсѣ церковнаго права профессора А. С. Павлова. Критическій очеркъ. Яросл. 903.

Тепловъ, Н. В. — Классификація соціальныхъ наукъ въ связи съ типичными формами соціальной организаціи. М. 903. Ц. 30 к.

Устиновъ, В. М.—Идея національнаго государства. Харьк. 903.

Фальковскій, Ф. Н.—Въ огнѣ.—Сонъ жизни. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Цабель, Евгеній.—Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Литературно-біографическій очеркъ. Съ 4-мя портретами въ разн. періоды жизни. Съ нѣм. Влад. Григоровичъ. Кіевъ. 903. Ц. 80 к.

Циглеръ, Т. — Очеркъ общей педагогики. Съ нѣм. М. Ефремовой, п. р. М. Лихарева. Спб. 903. Ц. 50 к.

Циммерманъ, Р. Э.—Разсказы. Съ портретомъ автора. Спб. 903. Ц. 1 р.

Черниховъ, д-ръ, М.—Гнойная язва на общественномъ тѣлѣ. Картина изъ современной жизни. Од. 903. Ц. 30 к.

Языковъ, А. И.—Поэма „Старый портретъ“.—Мелкія стихотворенія. 1866-1886 гг. Ялта. 903.

— Библіотека „Народнаго Блага“: 1) Л. Андреевъ, Бергамотъ и Гараська. Ц. 5 к. 2) В. Ермиловъ, Жизнь и сердце поэта, памяти Н. А. Некрасова. 3) Л. Андреевъ, Гостинецъ, ц. 5 к. 4) Ермиловъ, Начатки русской грамматики для дѣтей младш. возраста, ц. 15 к. 5) Его же, Завѣты Бѣлинскаго молодому поколѣнію, 15 к. М. 903.

— Географическія чтенія. Америка-Океанія. Перев. съ англ. Съ 36 рис. въ текстѣ. М. 903. Ц. 80 к.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній за 1901—1902 г. 32-й обзоръ. Спб. 903. Ц. 50 к.

— Описаніе Архива Александро-Невской Лавры за время царствованія Императора Петра Великаго. Т. I: 1713—1716 гг. Спб. 903.

— Отчетъ Общества попеченія о молодыхъ дѣвицахъ въ С.-Петербургѣ. 1902 годъ, пятый. Спб. 903.

— „Поволжье“. Художественно-литературное изданіе, п. р. Б. Розова-Цвѣткова. Вып. 1. Н.-Новг. 903. Ц. 1 р. 25 к.

——— Волга отъ истока до Каспія, съ прил. карты и краткимъ путеводителемъ на русск., франц. и нѣмецк. языкахъ. Н.-Новг. 903. Ц. 2 р.

— Протоколы Бердянскаго очередного уѣзднаго земскаго собранія, созыва 1902 г., съ приложеніями. Берд. 903.

— С.-Петербургская Столичная полиція и Градоначальство. Краткій историческій очеркъ. Спб. 903, стр. 326+XVI, in 4°.

— Сборникъ отчетовъ и докладовъ врачей санитарнаго надзора на рр. Волгѣ, Камѣ и на Маріинской системѣ за 1902 г. Вып. IV и V. Спб. 903. Ц. 1 р.

— Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1902 годъ. Съ приложеніемъ таблицы фрахтовъ и страховыхъ премій на хлѣбные грузы. Изд. мин. финансовъ. Спб. 903.

— Труды Общества русскихъ врачей въ Спб., съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за 1902—3 г. Ежемѣсячный журналъ, изд. п. р. д-ра М. Чельцова. Ноябрь-Декабрь. Годъ 70-ый. Спб. 903. Ц. 3 р. въ годъ.

— Фельдшерскій Сборникъ. По поводу десятилѣтія газеты „Фельдшеръ“. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I

Octave Mirbeau. Les affaires sont les affaires. Comédie en trois actes. Paris, 1903. (Eugène Fasquelle édit.).

Многіе французскіе писатели новѣйшаго времени, романисты и драматурги, уклоняются отъ традицій натурализма обобщающимъ, синтезирующимъ характеромъ своихъ произведеній. Подъ вліяніемъ отчасти русскаго романа, отчасти идеалистическаго теченія въ современной философіи, они стремятся поучать (конечно, не въ смыслѣ шаблонной морали) и выяснять идейное значеніе явленій; они не ограничиваются безстрастнымъ анализомъ, возведеннымъ въ принципъ натуралистической школой,—а дѣлаютъ выводы, ищутъ путей къ духовному совершенствованію человѣчества. Къ числу писателей философскаго направленія принадлежатъ—скептически снисходительный Анатоль Франсъ, послѣдователь Толстого Эдуардъ Родъ, Поль Аданъ съ его широкими обобщеніями соціальнаго и идейнаго характера и другіе.

На ряду съ ними есть, однако, выдающіеся по таланту и знанію современной Франціи реалисты, занятые исключительно изученіемъ дѣйствительности, разоблаченіемъ темныхъ сторонъ жизни, язвъ лихорадочно развивающейся культуры. Одинъ изъ самыхъ яркихъ и безпощадныхъ изслѣдователей „правды жизни"—Октавъ Мирбо. Его реализмъ—болѣе современный, чѣмъ натурализмъ Зола́; Мирбо изображаетъ не только пошлость и грубость буржуазной среды, но вникаетъ въ болѣе сложные и утонченные пороки культурнаго общества. Выводовъ онъ не дѣлаетъ, занятый только анализомъ, рисуя только дѣйствительно „жестокіе нравы", — но картины жизни въ его произведеніяхъ настолько правдивы и ярки, что выводы становятся очевидными сами собой. Мирбо такъ же развѣнчиваетъ французскую культуру, какъ Зола́, съ тою разницей, что онъ изображаетъ не только грубые массовые инстинкты, какъ авторъ „Ругонъ-Маккаровъ", а вникаетъ во всѣ изощренія и извращенія пресыщеннаго вкуса современныхъ французовъ.

Наиболѣе извѣстное произведеніе Мирбо, „Journal d'une femme de chambre"—одна изъ самыхъ циничныхъ, но въ то же время и са-

мыхъ правдивыхъ книгъ въ новѣйшей французской литературѣ. Вся внутренняя гнилость общества, щеголяющаго нарядностью одеждъ, чувствъ и громкихъ словъ, раскрывается въ дневникѣ горничной, передъ которой господа „не стѣсняются“ и обнаруживаютъ всю скрытую плоскость, грубость и низменность своихъ помысловъ. При всей беззастѣнчивости языка и откровенности описаній книга Мирбо по замыслу—въ высшей степени чистая, такъ какъ рисуетъ не соблазнительность и внѣшнюю красивость грѣха, а отталкивающую грязь и пустоту мелко-развратной жизни. Всѣ классы общества проходятъ передъ читателемъ въ воспоминаніяхъ дерзкой камеристки, и дневникъ ея—приговоръ нравамъ современной Франціи.

Въ другихъ книгахъ Мирбо съ той же рѣзкостью описываетъ нравы и типы различныхъ слоевъ французскаго общества. Два романа, „L'abbé Jules“ и „Sébastien Roch“, посвящены изображенію темныхъ сторонъ клерикальнаго вліянія, ужасныхъ условій, въ которыхъ воспитывается юношество въ іезуитскихъ школахъ, и всѣхъ тѣхъ интригъ и продѣлокъ, при помощи которыхъ честолюбивые патеры добиваются повышеній и матеріальныхъ выгодъ. Мирбо—убѣжденный антиклерикалъ и протестуетъ главнымъ образомъ противъ педагогической дѣятельности католическаго духовенства, показывая, какъ въ іезуитскихъ школахъ извращается нравственность воспитанниковъ, какъ ихъ методически пріучаютъ къ притворству и лжи, и съ какой жестокостью съ ними обращаются. Обѣ книги Мирбо написаны задолго до возникшаго въ послѣднее время анти-конгрегаціонистскаго движенія,—и всѣ теперешнія разоблаченія и судебные процессы противъ конгрегаціонныхъ школъ и дѣтскихъ пріютовъ подтверждаютъ правдивость его описаній.

Новѣйшее произведеніе Мирбо — комедія „Les affaires sont les affaires“; она была представлена въ первый разъ въ Comédie Française въ апрѣлѣ текущаго года. Она имѣла и продолжаетъ имѣть на сценѣ несомнѣнный успѣхъ, главнымъ образомъ благодаря мастерской игрѣ актера де-Фероди, который создалъ въ роли героя комедіи яркій жизненный типъ безсердечнаго и хвастливаго дѣльца. Успѣху комедіи особенно способствовала одна эпизодическая сцена—разговоръ между разбогатѣвшимъ демократомъ и разорившимся маркизомъ. Торжествующій дѣлецъ глумится надъ безсиліемъ и нравственнымъ упадкомъ католической церкви во Франціи, надъ ея готовностью сплотиться съ богачами изъ низшихъ классовъ, забывъ прежнее тяготѣніе къ обезсиленной теперь аристократіи;—маркизъ горячо защищаетъ традиціи рыцарской чести и христіанскихъ идеаловъ въ католической церкви. Оба защитника двухъ враждующихъ партій одинаково презрѣнны: милліонеръ Лешà позоритъ защищаемые имъ принципы демо-

кратизма своимъ хищничествомъ и подчиненіемъ всякихъ человѣческихъ чувствъ денежнымъ интересамъ; маркизъ производитъ столь же отталкивающее впечатлѣніе мертвенностью и условностью своихъ понятій о чести и о религіи, не мѣшающихъ ему согласиться на унизительные компромиссы. Иронія автора заключается именно въ этомъ сведеніи къ одинаковому ничтожеству представителей обѣихъ партій, такъ какъ его цѣль—въ раскрытіи оборотной стороны современной французской жизни, безотносительно къ принципамъ, которыми прикрываются люди различныхъ партій. Но, вслѣдствіе обострившагося въ настоящее время антагонизма между клерикалами и ихъ врагами, публика приняла въ серьёзъ обвинительныя и защитительныя рѣчи финансиста и маркиза, выражая по поводу нихъ шумныя одобренія или протесты.

„Les Affaires sont les affaires“—хотя и названа комедіей, но по существу—очень мрачная драма. Она напоминаетъ извѣстную драму Анри Бека, „Les corbeaux“, изображеніемъ торжествующаго хищничества, причемъ Мирбо, какъ и его предшественникъ, изображаетъ дѣйствительность не въ возмущенномъ сатирическомъ тонѣ, а спокойно и просто. Это не драма съ необычайными, нарушающими обычный ходъ жизни событіями, а комедія, т.-е. то, что̀ бываетъ всегда, что̀ опредѣляетъ собой духъ времени. Типичная черта, подмѣченная Мирбо, выражается въ лозунгѣ „les affaires sont les affaires“, т.-е. „дѣла прежде всего“. Представителемъ этого жизненнаго принципа, выработаннаго буржуазіей, является въ пьесѣ Мирбо дѣлецъ Леша̀. Онъ нажилъ свое многомилліонное состояніе самъ, и гордится своимъ простымъ происхожденіемъ, считаетъ свои жизненные успѣхи торжествомъ демократическаго начала и наслаждается властью, которую ему даютъ деньги. Это типъ хищника, не останавливающагося ни передъ чѣмъ, и происхожденіе его милліоновъ — самое постыдное. Онъ знаетъ, что всѣ его считаютъ человѣкомъ, лишеннымъ совѣсти, но это его ничуть не безпокоитъ. Онъ видитъ свою силу въ томъ, что умѣетъ обманомъ, хитростью и эксплуатаціей увеличивать свое состояніе, потому что—„les affaires sont les affaires“, и все дѣло—въ пріобрѣтеніи капитала, составляющаго источникъ власти надъ людьми. Въ цинизмѣ, съ которымъ Леша̀ ведетъ свои дѣла, хвастая своими очень неблаговидными удачами, есть своего рода паѳосъ. Его больше всего радуетъ торжество надъ аристократами; онъ разоряетъ разныхъ графовъ и маркизовъ, глумится надъ своими жертвами во имя „свободы и равноправія сословій“, не сознавая или не желая признать, что представляетъ собой злую каррикатуру на торжество демократическаго начала. Какъ бы загипнотизированный падшимъ величіемъ своихъ жертвъ, онъ всячески подражаетъ ихъ образу жизни,

живетъ въ роскошномъ замкѣ, гдѣ комнаты носятъ названія разныхъ королей старой Франціи: Генриха IV, Людовика XV, Людовика XVI и т. д., беретъ въ управляющіе разорившагося старика-виконта и грубо командуетъ имъ, говоритъ ему „ты" и т. д. Вся эта роскошь совершенно не соотвѣтствуетъ его вульгарнымъ и грубымъ вкусамъ, но ему нужны ежечасныя доказательства его торжества, и онъ постоянно зазываетъ къ себѣ разныхъ проходимцевъ, также какъ и членовъ высшей мѣстной администраціи, чтобы ослѣплять ихъ великолѣпіемъ и пышностью своего дома. Но, при всей своей хвастливости, при готовности бросать сколько угодно денегъ изъ тщеславія, Леша̀ ни на минуту не забываетъ о „дѣлахъ", и его нельзя провести лестью. Двое изъ его случайныхъ пріятелей хотятъ воспользоваться его чванствомъ и, всячески льстя его тщеславію, думаютъ вовлечь его въ невыгодное, даже разорительное предпріятіе; они разсчитываютъ на ограниченность зазнавшагося милліонера, и тѣмъ болѣе разсчитываютъ на успѣхъ, что въ семьѣ Леша̀ происходитъ рядъ несчастій, которыя очевидно должны притупить его прозорливость и алчность. Но сила Леша̀—именно въ томъ, что среди всѣхъ обстоятельствъ жизни, какъ счастливыхъ, такъ и трагическихъ, онъ помнитъ свой основной принципъ: „les affaires sont les affaires", такъ что въ нѣкоторомъ смыслѣ представляетъ собою борца за идею; деньги для него—символъ власти и величія, и составляютъ отвлеченный идеалъ, въ жертву которому онъ приноситъ и совѣсть, и всѣ человѣческія чувства. Въ этомъ—его паѳосъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасъ воплощеннаго въ немъ буржуазнаго начала, служенія кумиру, опустошающему душу, уродующему жизнь. Судьба Леша̀, несмотря на его удачи въ дѣлахъ, на его внѣшнее торжество—трагическая, и въ комедіи изображается постепенное опустошеніе души и жизни подъ вліяніемъ ложной святыни. Торжествуетъ принципъ стяжанія—„les affaires", и человѣкъ, подвластный ему, гибнетъ. Нравственная его гибель уже совершилась:—съ самаго начала пьесы Леша̀ рисуется уродливымъ существомъ, лишеннымъ всякаго пониманія чести и человѣческаго достоинства; въ развитіи же дѣйствія эта гибель распространяется и на самую жизнь ослѣпленнаго своимъ корыстолюбіемъ дѣльца. Онъ теряетъ все, что̀ придавало какой-нибудь смыслъ его стяжательству, и въ послѣдней сценѣ комедіи передъ зрителемъ—глубоко несчастный человѣкъ; но зато торжествуетъ погубившій его принципъ: Леша̀ не забываетъ о „дѣлахъ", и какъ рабъ, привыкшій къ своимъ цѣпямъ, продолжаетъ „работать", т.-е. обирать намѣченныя имъ жертвы.

Трагизмъ судьбы Леша̀ обусловленъ его антагонизмомъ съ его семьей. Его жена—ограниченная, простая женщина—тяготится навязываемой ей пышностью жизни. Ей хотѣлось бы скромно пользо-

ваться достаткомъ, живя въ деревнѣ, въ маленькомъ домѣ, такъ какъ она чувствуетъ несоотвѣтствіе между естественными вкусами и привычками своими и своего мужа съ тѣмъ великосвѣтскимъ образомъ жизни, который онъ завелъ изъ тщеславія. У нея къ тому же доброе сердце, и она страдаетъ отъ жестокости мужа къ бѣднымъ, отъ его безсердечной эксплуатаціи своихъ подчиненныхъ. Ей противно общество льстецовъ, окружающихъ Леша̀; живя въ за̀мкѣ, въ которомъ она чувствуетъ себя чужой, она съ ужасомъ ждетъ каждый день возвращенія мужа изъ города, зная, что онъ навезетъ съ собой чужихъ людей, о которыхъ ей приходится заботиться. При всякомъ случаѣ она выражаетъ свое недовольство мужу и жалуется на него даже чужимъ. Леша̀ не находитъ въ ней поддержки своему тщеславію, и поэтому предпочитаетъ общество своихъ прихлебателей, поддакивающихъ его хвастливымъ рѣчамъ. Протесты жены его сердятъ, но онъ приписываетъ ихъ ея несвѣтскости, ея неумѣнью понять его честолюбивыя желанія; „у нея нѣтъ манеръ“ (elle n'a pas d'usage), говоритъ онъ всегда какъ бы въ утѣшеніе себѣ. Онъ требуетъ, чтобы управляющій принялъ строгія мѣры противъ крестьянъ, собирающихъ колосья на полѣ послѣ жатвы;—она заступается за бѣдняковъ, но и это онъ приписываетъ ея несвѣтскости, не вникая въ ея доводы. Онъ старается отдѣлаться шутками отъ постоянныхъ возраженій жены, но антагонизмъ съ ней лишаетъ его главнаго удовлетворенія — сочувствія въ домашнемъ кругу; поэтому онъ еще болѣе хвастаетъ передъ чужими, нуждаясь въ чьемъ-либо одобреніи, хотя бы и притворномъ. Еще болѣе обострены его отношенія съ дочерью, благородной, нѣжной Жерменъ, глубоко несчастной въ своей семьѣ. Жермена презираетъ и ненавидитъ отца, зная источникъ его богатства, видя вокругъ себя слезы его жертвъ; она ищетъ случая вырваться изъ дома и откровенно высказываетъ отцу свое мнѣніе о немъ. Леша́ старается, какъ и относительно жены, подвести недовольство дочери подъ какую-нибудь безобидную для него формулу. „C'est une intellectuelle“, говоритъ онъ и себѣ, и другимъ; не вникая въ сущность ея обвиненій, онъ гордится тѣмъ, что у него такая высоко-интеллектуальная дочь, и —„les affaires sont les affaires“—хочетъ извлечь изъ ея умственныхъ и душевныхъ качествъ пользу для своего тщеславія. Онъ хвастаетъ ею и хочетъ выдать ее замужъ за какого-нибудь виднаго аристократа. Жермена знаетъ, что отецъ и къ ней относится съ „дѣловой“ точки зрѣнія, и это еще болѣе усиливаетъ ея возмущеніе и жажду освобожденія. Леша́ не придаетъ большого значенія ея оппозиціи, увѣренный, что съумѣетъ заставить ее подчиниться своимъ комбинаціямъ; но постоянныя противорѣчія со стороны дочери дѣлаютъ его жизнь въ семьѣ еще болѣе неуютною. Больше единомыслія у него съ

сыномъ — типичнымъ „прожигателемъ жизни“, занятымъ скачками, игрой и т. д., уставшимъ отъ лихорадочной свѣтской жизни уже въ двадцать лѣтъ. Всѣ пороки Ксавье льстятъ его отцу, который гордится тѣмъ, что его сынъ умѣетъ кутить, ни въ чемъ не уступая своимъ аристократическимъ товарищамъ. Леша̀ охотно уплачиваетъ огромные долги сына, преклоняясь передъ его свѣтскостью. Но всѣ честолюбивые разсчеты Леша̀, направленные на то, чтобы доказать при помощи денегъ свое превосходство надъ аристократіей и всячески унизить разоряемыхъ имъ представителей родовой знати, рушатся; дѣла ему всегда удаются, такъ какъ онъ не гнушается никакими средствами для успѣха, но его преслѣдуетъ несчастье въ его семьѣ. Жермена не только не подчиняется его комбинаціямъ, но готовитъ жестокій ударъ его тщеславію. Она полюбила служащаго у ея отца химика Люсьена Гаро; Леша̀ спасъ его отъ нищеты, взявъ къ себѣ на службу, но, по своему обыкновенію, эксплуатируетъ знанія и дарованіе молодого человѣка для своихъ цѣлей. Жермена хочетъ спасти и себя, и Люсьена отъ унизительнаго подчиненія человѣку, котораго они оба презираютъ за его хищничество. Чуждая всякихъ предразсудковъ, считающая себя въ правѣ свободно располагать своими чувствами, Жермена становится возлюбленной Люсьена, и ждетъ только случая, чтобы объявить объ этомъ отцу и уйти навсегда изъ родительскаго дома. Ей отчасти жаль мать, но она знаетъ, что не будетъ въ состояніи побѣдить ея буржуазные предразсудки, и не можетъ считаться съ ея взглядами на жизнь. Люсьенъ убѣждаетъ ее повременить и скрывать тайну ихъ любви, пока онъ не создастъ себѣ самостоятельнаго положенія, не найдетъ занятій, которыя обезпечатъ ихъ совмѣстную жизнь; онъ боится, что выросшая среди роскоши дѣвушка не съумѣетъ снести лишеній. Но Жермена очень сильна и тверда; ее не страшитъ нищета, — до того ей тяжело жить въ домѣ отца. Она старается загладить его грубость и дурное отношеніе къ людямъ, хлопочетъ о выгнанномъ имъ работникѣ, извиняется передъ управляющимъ, старикомъ-виконтомъ, надъ которымъ отецъ ея всячески издѣвается, — но жить у отца и быть свидѣтельницей его цинизма и безсердечія она не можетъ.

Стеченіе обстоятельствъ ускоряетъ развязку. Въ замкѣ Леша̀ гости, и въ томъ числѣ два инженера, которые хотятъ вовлечь хозяина въ рискованное предпріятіе, одурачивъ его своею лестью и притворнымъ преклоненіемъ передъ его дѣловыми талантами и его богатствомъ. Леша̀ отлично понимаетъ ихъ тактику и, соглашаясь войти съ ними въ компанію, ставитъ условія, при которыхъ одураченными оказываются они, а не онъ. Но ихъ присутствіе и увѣренность въ своемъ превосходствѣ тѣшатъ его тщеславіе и вдохновляютъ его на новыя

аферы. Намѣченная имъ на этотъ разъ жертва—его сосѣдъ, маркизъ Порселé, уже въ достаточной мѣрѣ имъ разоренный. Зная критическое положеніе маркиза, который обращается къ нему съ просьбой о новомъ займѣ денегъ, онъ предлагаетъ ему постыдный торгъ. Подъ угрозой описи его имѣнія, онъ требуетъ, чтобы маркизъ женилъ своего сына на Жерменѣ и кромѣ того употребилъ бы свое вліяніе на поддержку кандидатуры Лешà въ депутаты. Старикъ-маркизъ сначала сильно возмущается, говоритъ о традиціяхъ дворянства, о сословной чести и т. д. (этотъ упомянутый нами выше теоретическій разговоръ между представителями разлагающейся аристократіи и столь же низменной въ своемъ стяжательствѣ буржуазіи—одна изъ самыхъ интересныхъ сценъ въ комедіи), — но принужденъ согласиться. О судьбѣ своей дочери Лешà въ данномъ случаѣ не думаетъ—она для него не болѣе чѣмъ козырь въ его игрѣ, орудіе, при помощи котораго онъ думаетъ достигнуть вершины своихъ стремленій—пріобщить свой родъ къ аристократіи, которую онъ всячески попираетъ въ своихъ надменныхъ, яко-бы демократическихъ тирадахъ. Въ согласіи дочери онъ даже не сомнѣвается и, вынудивъ у маркиза согласіе на затѣянную имъ комбинацію, призываетъ жену и дочь. Маркизъ проситъ оффиціально руки Жермены для своего сына,—но Жермена пользуется этимъ случаемъ для окончательнаго объясненія съ отцомъ. Она отвѣчаетъ маркизу отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что она несвободна, и прибавляя съ горечью, что какъ это ни странно для дочери Лешà, но она дѣйствительно не продаетъ себя, а отдала свою любовь свободно избранному ею человѣку. Лешà—въ ужасѣ, не хочетъ вѣрить словамъ дочери, но маркизъ, въ виду открытаго признанія Жермены, беретъ назадъ свое предложеніе и уходитъ. Лешà посылаетъ ему въ догонку угрозу немедленной описи его помѣстья и, оставшись наединѣ съ женой и дочерью, осыпаетъ Жермену ругательствами, обнаруживая всю грубость своей низменной натуры. Жермена называетъ имя своего избранника, призываетъ Люсьена, и они вдвоемъ объявляютъ Лешà о своемъ намѣреніи уйти навсегда, отказываясь отъ всякой матеріальной помощи съ его стороны. Лешà не вѣритъ ихъ безкорыстію, грозитъ тѣмъ, что лишитъ дочь наслѣдства, обвиняетъ Люсьена въ намѣреніи выманить у него деньги и т. д.,—но, увидѣвъ, что угрозы его не производятъ впечатлѣнія на непонятную ему по своему легкомыслію и идеализму дочь и ея друга, онъ объявляетъ ей, что навсегда отказывается отъ нея и уходитъ. Оставшись наединѣ съ дочерью, жена Лешà молитъ ее отказаться отъ своего рокового намѣренія, говоритъ, что постарается примирить отца съ нею, но непреклонность дочери ее побѣждаетъ; она понимаетъ правоту Жермены и только плачетъ, сознавая свое безсиліе, невозможность уйти вмѣстѣ съ до-

черью,—она слишкомъ сжилась съ мужемъ, слишкомъ прониклась его взглядами, чтобы начать новую жизнь. Она благословляетъ Жермену, признавая вину родителей передъ ней, и онѣ разстаются въ слезахъ. Для Леша разрывъ съ дочерью не такъ тяжелъ,—она для него чужая своими чувствами и желаніями, и кромѣ того, она „испортила ему выгодную сдѣлку“ — этого онъ никакъ не можетъ ей простить. Но прежде чѣмъ онъ успѣваетъ оправиться отъ удара, нанесеннаго его тщеславію уходомъ Жермены, судьба готовитъ ему еще болѣе страшное испытаніе: приходитъ управляющій и докладываетъ ему, что случилось несчастіе съ автомобилемъ его сына—что Ксавье убитъ на мѣстѣ, и трупъ его несутъ въ зàмокъ. Лешà ошеломленъ и теряетъ самообладаніе,—но не надолго. Когда черезъ короткое время приходятъ къ нему инженеры Финкъ и Гругъ, и среди выраженій своего соболѣзнованія просятъ подписать контрактъ, въ виду того, что имъ необходимо тотчасъ же уѣхать, онъ внимательно выслушиваетъ ихъ фразы, отвѣчаетъ имъ въ тонъ, но потомъ столь же внимательно прочитываетъ бумагу и замѣчаетъ имъ: „вы мошенники“. Они, дѣйствительно, хотѣли воспользоваться его горемъ, чтобы заставить его подписать невыгодныя условія. Но онъ, сразу оправившись, заставляетъ ихъ прибавить къ контракту параграфъ, по которому вся выгода отъ затѣяннаго предпріятія достанется ему. Они пишутъ подъ его диктовку все, чтò онъ говоритъ, и въ какомъ-то оцѣпенѣніи слѣдятъ за движеніями этого необычайнаго человѣка, котораго никакія катастрофы не могутъ отвлечь отъ его лозунга: „les affaires sont les affaires“. Перечтя бумагу и подписавъ ее въ свою очередь, Лешà передаетъ ее инженерамъ и, шатаясь, уходитъ къ трупу своего сына. Эта послѣдняя сцена производитъ сильное впечатлѣніе своей оригинальностью,—изображенный Мирбо типъ хищника доведенъ до крайней точки развитія въ жестокомъ заключительномъ аккордѣ; алчность дѣльца одержала побѣду надъ всѣми человѣческими чувствами, опустошивъ до конца душу афериста.

Въ пьесѣ Мирбо нѣтъ морали, нѣтъ поученія; это только безпощадное изображеніе мрачной дѣйствительности, ужасающій въ своемъ реализмѣ анализъ типа, созданнаго извращеніемъ демократическаго принципа, и въ этомъ смыслѣ „Les affaires sont les affaires“—сильная драма; она составляетъ какъ бы продолженіе знаменитаго „Journal d'une femme de chambre“, рисующаго уродство буржуазной Франціи.

II.

Edouard Rod. L'Inutile Effort. Paris, 1903 (Librairie acad. Perrin et C-ie).

Эдуардъ Родъ—одинъ изъ самыхъ вдумчивыхъ французскихъ романистовъ. Его гораздо менѣе занимаютъ психологическіе этюды въ области эротизма, чѣмъ идейные вопросы,—въ этомъ его отличіе отъ большинства современныхъ французскихъ беллетристовъ. По непосредственному художественному таланту онъ уступаетъ многимъ изъ „мастеровъ" французскаго романа; онъ пишетъ нѣсколько тяжеловѣсно, разсудочно—разсужденія преобладаютъ въ его романахъ надъ дѣйствіемъ, надъ живымъ изображеніемъ характеровъ. Онъ скорѣе моралистъ и публицистъ, чѣмъ художникъ, отдающійся влеченію своей фантазіи; цѣлью его изслѣдованій является эволюція нравственныхъ идеаловъ въ современномъ обществѣ. Теоретическому изученію этого вопроса посвящены его критическіе очерки („Les idées morales du temps présent", „Etudes sur le XIX siècle" и др.), а въ романахъ онъ освѣщаетъ свое пониманіе нравственныхъ задачъ на примѣрахъ изъ дѣйствительной жизни, т.-е. провѣряетъ свои теоретическіе взгляды на практикѣ. Поэтому въ его романахъ всегда чувствуется теоретикъ-моралистъ, профессоръ (Родъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ читалъ лекціи по исторіи литературы въ женевскомъ университетѣ); отсутствіе живости въ романахъ Рода объясняется также тѣмъ, что онъ—швейцарецъ, болѣе склонный къ разсудочности, чѣмъ блестящіе — и въ огромномъ большинствѣ болѣе поверхностные — французы. Какъ протестантъ, воспитанный на внимательномъ чтеніи библіи, онъ привыкъ вдумываться въ вопросы совѣсти, выдвигать этическія задачи на первый планъ. Все это создаетъ ему особое положеніе среди французскихъ романистовъ; его повѣсти и романы болѣе отвлеченны, теоретичны и менѣе занимательны, чѣмъ амурныя трагикомедіи въ произведеніяхъ Бурже́, Марселя Прево̀ и т. д. У него также меньше художественнаго вкуса, чѣмъ у Анатоля Франса, — но по серьезности идейныхъ замысловъ, по стремленію рѣшать вопросы о смыслѣ жизни, о путяхъ нравственнаго совершенствованія, объ отвѣтственности людей за причиняемыя ими страданія, романы Эдуарда Рода представляютъ исключительно отрадное явленіе во французской беллетристикѣ послѣднихъ лѣтъ. Такіе романы, какъ „Le Sens de la vie", „La Course à la mort", задѣваютъ самые существенные вопросы духовной жизни, а въ другихъ, какъ, напр., въ „Mademoiselle Annette", противопоставленіемъ идеала истиннаго человѣколюбія (а не шаблонной филантропіи) „американизму", т.-е. эгоистическому культу комфорта въ

жизни, Родъ касается одного изъ больныхъ мѣстъ современной культуры.

Въ своихъ этическихъ взглядахъ Эдуардъ Родъ—убѣжденный послѣдователь Льва Толстого, и проповѣдуетъ братство между людьми и „религію любви и жалости" (la religion de la pitié). Онъ хотя и придаетъ проповѣди Толстого нѣсколько сухой, протестантскій характеръ, но уже самое стремленіе изучать не внѣшнюю правду жизни, а движенія проснувшейся совѣсти, дѣлаетъ Рода интереснымъ писателемъ—въ особенности для русской публики.

Новый романъ Рода, L'Inutile effort, русскій переводъ котораго печатается теперь въ нашемъ журналѣ, принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній автора. Несмотря на недостатки, свойственные всему, что онъ пишетъ, на длинноты и преобладаніе разсужденій надъ дѣйствіемъ, замыселъ романа и затронутые въ немъ общественные вопросы представляютъ серьезный интересъ. Для русскихъ читателей романъ любопытенъ еще и тѣмъ, что является дальнѣйшей разработкой темы „Воскресенія" Толстого, примѣнительно къ условіямъ западно-европейской жизни. Близость „Тщетнаго усилія" къ „Воскресенію"—очевидная, и Родъ ее самъ подчеркиваетъ: въ одной изъ первыхъ главъ романа происходитъ обсужденіе поступка Нехлюдова, въ присутствіи человѣка, который самъ очутился въ положеніи героя „Воскресенія". Цѣль Рода—показать психологію француза въ аналогичныхъ обстоятельствахъ, и выводы, къ которымъ онъ приходитъ, очень любопытны. Въ „Тщетномъ усиліи", какъ и въ „Воскресеніи", разсматривается вопросъ объ отвѣтственности человѣка за свои поступки въ прошломъ. Родъ беретъ еще болѣе трагическія и болѣе осложненныя условія, чѣмъ тѣ, которыя повліяли на нравственное перерожденіе Нехлюдова. Масловой грозитъ наказаніе за воровство—тюрьма и ссылка, и вина Нехлюдова въ томъ, что онъ толкнулъ ее на порочную жизнь. Отвѣтственность героя Рода еще болѣе страшна: покинутую имъ въ юности женщину обвиняютъ въ чудовищномъ преступленіи—въ убійствѣ ребенка (его ребенка), и ей грозитъ смертная казнь; его своевременное вмѣшательство могло бы спасти ее, такъ что его прямой долгъ—выступить, объяснить свои отношенія къ обвиняемой и доказать ея невинность. Но исполненіе долга совѣсти осложняется семейнымъ положеніемъ Леонарда Переза, героя „Тщетнаго усилія". Нехлюдовъ былъ независимъ и рисковалъ только своимъ личнымъ положеніемъ въ свѣтѣ,—Перезъ женатъ, имѣетъ дѣтей, и, навлекая на себя осужденіе свѣта, онъ погубилъ бы и свою семью, къ которой сильно привязанъ. Вызванная этими осложненіями борьба совѣсти составляетъ содержаніе романа. Родъ очень драматично разрабатываетъ тему Толстого. Онъ доказываетъ, что французы способны

въ душѣ возвыситься до подвига самоотверженія во имя правды и нравственнаго долга, но что неумолимость общественныхъ предразсудковъ, необходимость считаться съ ними, живя въ обществѣ, лишаетъ ихъ свободы дѣйствія. Чтобы яснѣе показать, что дѣло не въ душевной тупости и равнодушіи къ истинѣ, а именно въ условіяхъ французской жизни, Родъ выводитъ въ своемъ романѣ двухъ людей, понявшихъ необходимость исполнить нравственный долгъ, искупить вину передъ жертвой юношескаго увлеченія. Одинъ изъ нихъ, братъ виновнаго, считается только съ голосомъ совѣсти, другой же—самъ виновный, безсильно терзается, опутанный практическими соображеніями, порабощенный эгоистическими идеалами своей среды. Въ лицѣ идеалиста Раймонда авторъ воплощаетъ непосредственный строгій и прямой призывъ нравственнаго долга, понимаемый имъ совершенно въ духѣ Толстого. Леонардъ Перезъ сошелся въ студенческіе годы съ молодой дѣвушкой, безкорыстно полюбившей его; когда увлеченіе кончилось и онъ весь отдался „серьезнымъ задачамъ жизни", т.-е. заботамъ о карьерѣ, онъ безъ всякихъ угрызеній совѣсти разстался съ ней, радуясь ея непритязательности и благоразумію, довольный тѣмъ, что она безропотно ушла отъ него съ ребенкомъ, взявъ на себя всѣ попеченія о немъ. Уже тогда „голосъ совѣсти", воплощенный въ Раймондѣ, старался убѣдить его въ неправотѣ и даже преступности его поведенія,—но Леонардъ слишкомъ охваченъ былъ эгоистическими житейскими стремленіями, и оставался глухъ къ увѣщаніямъ брата. Среди тысячи новыхъ дѣлъ и интересовъ, среди волненій и успѣховъ своей адвокатской карьеры, а затѣмъ, послѣ женитьбы, среди своего буржуазнаго довольства и мечтаній о блестящемъ будущемъ своихъ дѣтей, Леонардъ совершенно забылъ о брошенной имъ въ юности женщинѣ. Вспомнить о ней ему приходится въ самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ—узнавъ изъ газетъ, что она обвиняется въ Лондонѣ, куда она переселилась послѣ разрыва съ нимъ, въ тяжкомъ преступленіи. Прежній конфликтъ между голосомъ совѣсти и житейскимъ эгоизмомъ возобновляется, но съ безконечно большей остротой. Раймондъ совершенно ясно и опредѣленно понимаетъ задачу, возлагаемую обстоятельствами на его брата: онъ долженъ немедленно отправиться въ Лондонъ, выяснить защитнику свои отношенія къ обвиняемой и погибшему отъ несчастной случайности ребенку, предать огласкѣ все, что онъ знаетъ о безукоризненности характера и жизни своей бывшей подруги, передать защитнику ея долголѣтнюю переписку съ Раймондомъ, свидѣтельствующую о ея безграничной любви къ ребенку,—и такимъ образомъ расположить въ ея пользу и общественное мнѣніе, и судей. Леонардъ на этотъ разъ не глухъ къ убѣжденіямъ брата; въ немъ проснулась совѣсть подъ вліяніемъ страшныхъ

послѣдствій давно забытой имъ вины. Онъ совершенно сходится съ Раймондомъ въ пониманіи своего долга, но его эгоизмъ и привязанность къ достигнутымъ имъ жизненнымъ благамъ разжигаютъ въ немъ упорную борьбу противъ самого себя, внушаютъ ему яко бы разумные доводы противъ излишняго идеализма и побуждаютъ его даже — вопреки глубокой внутренней увѣренности въ ложности обвиненія — сомнѣваться въ невинности нѣкогда любимой имъ женщины.

Интересъ романа—въ борьбѣ категорическаго голоса совѣсти и изворотливаго житейскаго разума. Родъ намѣренно воплотилъ строгій призывъ безошибочнаго нравственнаго чувства въ хиломъ, неприспособленномъ къ жизни Раймондѣ; онъ не принимаетъ активнаго участія въ жизненной борьбѣ, добровольно отказавшись отъ всѣхъ радостей, довольствуясь ролью зрителя и замыкаясь въ своемъ внутреннемъ мірѣ мыслей и мечтаній; поэтому его нравственное чувство не извращено житейскими компромиссами. Но, воплощая голосъ совѣсти въ мечтателѣ, который ничего не ждетъ и не можетъ ждать отъ жизни, Родъ тѣмъ самымъ хотѣлъ сказать, что глубина нравственнаго чувства трудно совмѣстима съ условіями жизни—въ особенности современной французской жизни. Нехлюдовы во Франціи невозможны—и потому, что болѣе тяжелая и сложная борьба за существованіе заглушаетъ стремленіе къ внутренней правдѣ, и потому, что побѣда совѣсти надъ благоразуміемъ не только не можетъ встрѣтить сочувствіе въ общественномъ мнѣніи, а напротивъ того, вызываетъ негодованіе и насмѣшки надъ глупымъ донъ-кихотствомъ. Для того, чтобы могли явиться Нехлюдовы, нужна извѣстная духовная атмосфера, которая вполнѣ отсутствуетъ въ буржуазно-культурной Франціи,—вотъ выводъ, который явствуетъ изъ психологически продуманнаго, правдиваго романа Рода. Только одинъ человѣкъ требуетъ отъ Леонарда исполненія нравственнаго долга—и это его братъ, выброшенный изъ жизни дилеттантъ-философъ; всѣ другіе примѣромъ своей жизни и своими теоретическими взглядами удерживаютъ его на пути практическаго благоразумія; его жена находитъ сильные, продиктованные ей чувствомъ самосохраненія, доводы противъ его вмѣшательства въ дѣло, къ которому никто не считаетъ его причастнымъ. „Во имя нравственнаго долга“ она требуетъ, чтобы онъ не навлекалъ позора и несчастья на своихъ законныхъ дѣтей вмѣшательствомъ въ скандальный процессъ, убѣждаетъ его не портить своей карьеры (а она бы дѣйствительно была испорчена слишкомъ смѣлымъ искупленіемъ скрытой отъ свѣта вины)—опять-таки ради дѣтей. Такого рода нравственный долгъ, требующій пассивнаго отношенія къ чужимъ страданіямъ, легче исполнить,—и слабая, слишкомъ открытая для удобныхъ софизмовъ совѣсть Леонарда стремится сдаться на эти доводы, заглушить внутренній

протестъ души. Колебанія Леонарда, всѣ жалкіе софизмы, которыми эгоизмъ хочетъ побѣдить внушенія совѣсти, изображены въ романѣ Рода съ тонкимъ психологическимъ чутьемъ. Совѣсть одерживаетъ побѣду—но уже слишкомъ позднюю, когда попытка спасти погибшую въ значительной степени по винѣ Леонарда женщину оказывается „тщетнымъ усиліемъ". „Воскресенія", конечно, въ романѣ нѣтъ,—напротивъ того, душа Леонарда навсегда омрачена его неискупленной виной и катастрофой, которую онъ не предотвратилъ,—но жить онъ продолжаетъ: „Онъ зналъ, что отъ отчаянія не умираютъ, что жизнь не останавливается по знаку враждебныхъ силъ, которыя хотѣли бы ее разрушить, и что послѣ всѣхъ кризисовъ она возстановляетъ свои права, возобновляетъ свое теченіе... и поэтому на отчаянный возгласъ своего брата: „ты не можешь теперь жить" — онъ тихо отвѣчаетъ: „Однако придется продолжать жизнь".

Этимъ примирительнымъ аккордомъ—признаніемъ всевластія жизни—заканчивается романъ, рисующій столкновеніе внутренней правды, строгихъ велѣній совѣсти съ мелкой житейской моралью, полной компромиссовъ, мирящейся съ страданіями ближнихъ во имя столь дорогого культурнымъ людямъ комфорта, матеріальнаго и душевнаго. Жизнь въ цѣломъ возстановляетъ равновѣсіе добра и зла;—поэтому Родъ и видитъ утѣшеніе въ ея таинственной силѣ, но онъ полонъ пессимизма въ изображеніи отдѣльныхъ проявленій человѣческаго безсилія передъ призывомъ нравственнаго долга. Психологію своего героя, Леонарда Переза, Родъ объясняетъ въ значительной степени воздѣйствіемъ среды, и потому съ особеннымъ стараніемъ обрисовываетъ людей, окружающихъ молодаго адвоката. Очень удачна фигура его жены, житейски умной женщины, но не способной ни ощутить въ себѣ, ни понять въ другихъ душевнаго порыва или вообще какого-нибудь желанія, не связаннаго съ непосредственными житейскими интересами. Цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ портретовъ Родъ характеризуетъ адвокатскую и судейскую среду Парижа, и сообщаетъ интересныя бытовыя подробности о жизни и взглядахъ французскихъ адвокатовъ и „magistrats". Ясно чувствуется, въ чемъ сила этихъ людей: въ огромной трезвости, неприступной логичности и пониманіи практическихъ условій жизни. Говоря о нѣсколькихъ знаменитыхъ адвокатахъ и характеризуя ихъ методы защиты, Родъ показываетъ, до чего они проникнуты вѣрой въ твердость позитивныхъ устоевъ жизни, и какъ, защищая даже враговъ буржуазнаго строя (въ процессѣ анархистовъ), они являются сторонниками и проповѣдниками традиціоннаго порядка вещей. Но въ изображеніи качествъ и талантовъ французскихъ адвокатовъ и судей чувствуется также ихъ безнадежная ограниченность, неспособность проникнуться смѣлымъ и широкимъ

пониманіемъ нравственнаго долга и духовной свободы. Нравственность сводится для нихъ къ выполненію законовъ: ко всякому другому проявленію нравственнаго чувства они глухи—и понятно поэтому, что то, что Леонарду внушаетъ его совѣсть,—становится для его среды безсмысленнымъ самоистязаніемъ; „законъ" не предъявляетъ къ нему никакихъ притязаній, не требуетъ отъ него никакого искупленія;—зачѣмъ же самовольно портить свою карьеру и жизнь преувеличенной строгостью къ своимъ поступкамъ въ прошломъ? Никто не высказываетъ этихъ соображеній Леонарду, потому что онъ скрываетъ отъ всѣхъ свою душевную драму; но, бесѣдуя съ товарищами по общимъ вопросамъ, вникая въ ихъ сужденія о другихъ людяхъ, зная принципы, которыми они руководствуются въ дѣлахъ и въ жизни, Леонардъ понимаетъ, какія недоумѣнія и насмѣшки вызвалъ бы его самоотверженный подвигъ, во имя справедливости и человѣколюбія, а такъ какъ онъ самъ всегда былъ солидаренъ съ жизненными взглядами своей среды, то старается подчинить имъ и на этотъ разъ свою проснувшуюся, бунтующую совѣсть.

Очень любопытно провести параллель между обдуманной, убѣжденной консервативностью судебной среды во Франціи — какъ ее описываетъ Родъ — и безхарактерностью, смѣсью рутины съ благородными порывами и истиннымъ пониманіемъ добра и свободы въ той же средѣ въ Россіи, описанной Толстымъ въ „Воскресеніи". Культурнѣе, конечно, французскіе „блюстители закона", за дѣйствіями которыхъ стоитъ убѣжденность въ своей принципіальной правотѣ,—но побѣда внутренней правды надъ внѣшней, условной законностью болѣе возможна въ атмосферѣ русской жизни, — какъ это выясняетъ Родъ, перенося въ условія французской дѣйствительности переживанія, аналогичныя душевной драмѣ Нехлюдова.

Весьма оригинально и интересно въ романѣ Рода сопоставленіе взглядовъ на правосудіе у трехъ націй: у французовъ, русскихъ и англичанъ; въ этомъ этюдѣ сравнительной психологіи выясняются и культурныя, и духовныя различія между національностями, и различныя степени ихъ воспріимчивости къ истинамъ высшаго порядка. Родъ показываетъ сначала въ теоретическомъ разговорѣ по поводу „Воскресенія" Толстого, что идеализмъ великаго русскаго писателя понятенъ лишь немногимъ французамъ,—большинство же среднихъ умовъ и среднихъ людей во Франціи относитъ искупительный подвигъ Нехлюдова на счетъ наивной экзальтаціи мало культурныхъ людей, и видятъ скорѣе вредъ для общества въ недисциплинированности душевныхъ порывовъ. У французовъ, такимъ образомъ, понятіе законности въ значительной степени вытѣснило собой понятіе о справедливости и правдѣ, болѣе тревожной для души и болѣе неудобной

для жизненнаго обихода. Но еще болѣе характерно мнѣніе англійской лэди о томъ, что искупленіе Нехлюдова не можетъ интересовать англичанъ, потому что совершонное имъ преступленіе исключаетъ его изъ состава порядочныхъ людей. Въ этихъ словахъ законъ, т.-е. установленный людьми кодексъ нравственности, признается регуляторомъ жизни; никакихъ осложненій, никакихъ правъ жизни и души, англичане въ принципѣ не допускаютъ (на практикѣ, конечно, дѣло обстоитъ совершенно иначе), и потому правосудіе заключается для нихъ въ точномъ и непреклонномъ примѣненіи закона — безъ „сентиментальнаго“ анализа сложныхъ психологическихъ мотивовъ въ человѣческихъ поступкахъ.

Родъ показываетъ въ дальнѣйшемъ развитіи фабулы романа, какъ проявляется на практикѣ племенная рознь между французами и англичанами въ дѣлѣ правосудія. Надъ подсудимой произнесенъ страшный приговоръ; до суда слѣдствіе открыто для всякихъ разъясненій и ведется съ полнымъ желаніемъ раскрыть истину. Но судъ произнесъ свое рѣшеніе, и всѣ преклоняются предъ нимъ. Напрасно Леонардъ и его братъ пускаютъ въ ходъ всѣ вліянія, разъясняютъ истинную подкладку дѣла, указываютъ на ошибочность заключеній судей; — на всѣ ихъ доводы англичане, адвокаты, свѣтскіе люди и министръ юстиціи, отвѣчаютъ снисходительными улыбками по адресу сентиментальныхъ французовъ: Англія преклоняется передъ закономъ, и приговоры суда считаются непогрѣшимыми. Доведенный до послѣднихъ предѣловъ „культъ закона“ граничитъ съ величайшимъ равнодушіемъ къ справедливости и правдѣ.

Содержаніе романа Рода сводится такимъ образомъ къ анализу идеи правосудія и справедливости въ пониманіи разныхъ европейскихъ націй—и къ проповѣди русскихъ, или, вѣрнѣе, Толстовскихъ идей въ этой области. Продуманная разработка сюжета, драматизмъ фабулы и множество любопытныхъ бытовыхъ описаній содѣйствуютъ интересу романа.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1903.

Вопросъ о свободѣ совѣсти въ религіозно-философскихъ собраніяхъ.—Три главныя теченія, обнаружившіяся во время преній.—Статьи Н. М. Минскаго на ту же тему.—Особые пріемы реакціонной печати.—Еще отголоски кишиневскаго погрома.—А. Н. Энгельгардтъ †.

Въ концѣ зимы 1901—2 г. въ Петербургѣ возникли, по иниціативѣ небольшого кружка духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, религіозно-философскія собранія, къ участію въ которыхъ допускались сравнительно немногіе, по приглашенію или съ согласія устроителей. Свѣдѣнія о происходившемъ въ собраніяхъ проникали въ печать въ отрывочномъ и неполномъ видѣ, не давая яснаго понятія о ихъ характерѣ и цѣли. Чувствовалось, однако, что задумано и предпринято нѣчто живое и оригинальное—оригинальное уже въ виду совмѣстной работы элементовъ, рѣдко соприкасающихся между собою. Весьма кстати, поэтому, только-что основанный журналъ—„Новый Путь“—открылъ у себя особый отдѣлъ, въ которомъ печатаются „Записки религіозно-философскихъ собраній“. Не все сказанное въ собраніяхъ воспроизводится здѣсь, повидимому, съ одинаковою точностью; два засѣданія (пятое и шестое) даже совершенно пройдены молчаніемъ—но и то, что оказалось возможнымъ помѣстить въ журналѣ, представляетъ не мало интереснаго. Въ этомъ можно было быть увѣреннымъ заранѣе: не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, „Московскія Вѣдомости“ и „Гражданинъ“ поспѣшили бросить палки подъ колеса собраній, заподозривъ правовѣріе ихъ участниковъ и обвинивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ „поношеніи и продажѣ своей церкви“ [1]). Шипѣнье, идущее изъ среды извѣстной группы—вѣрнѣйшій признакъ жизненности дѣла, противъ котораго оно направлено.

На первый планъ между темами, обсужденію которыхъ были посвящены религіозно-философскія собранія, выступаетъ, по своей важности, вопросъ о свободѣ совѣсти, возбужденный докладомъ кн. С. М.

---

[1]) См. майскую Общественную хронику „Вѣстника Европы“. Пользуемся случаемъ, чтобы исправить допущенную тамъ ошибку. Мы повторили, со словъ г. Розанова, что г. Грингмутъ (редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“) выразилъ желаніе быть допущеннымъ въ религіозно-философское собраніе, но получилъ отказъ; между тѣмъ, изъ письма г. Скворцова къ г. Розанову оказывается, что о допущеніи г. Грингмута въ собраніе просилъ г. Скворцовъ, вовсе не будучи на то уполномоченъ г. Грингмутомъ и безъ его вѣдома.

Волконскаго („Новый Путь“, №№ 3 и 4). Непосредственнымъ поводомъ къ составленію доклада послужилъ извѣстный эпизодъ съ рѣчью М. А. Стаховича, произнесенною на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ. Примыкая всецѣло къ мнѣнію М. А. Стаховича, кн. Волконскій выставилъ, между прочимъ, слѣдующія основныя положенія: „Введеніе начала государственности въ церковь противно смыслу церкви: принципъ государства—обособленіе, принципъ церкви—объединеніе. Насиліе и принужденіе въ дѣлахъ вѣры противны духу христіанства. Церковь, въ лоно которой можно войти, но выйти изъ состава которой воспрещается, атрофируетъ свою внутреннюю органическую силу. Обязательность исповѣданія господствующей религіи вліяетъ разслабляющимъ и развращающимъ образомъ на общественную совѣсть. Свобода совѣсти нужна для оздоровленія совѣсти на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ“. Пренія, вызванныя этими положеніями, заняли цѣлыхъ три засѣданія (седьмое, восьмое и девятое) и обнаружили существованіе въ средѣ собранія—а слѣдовательно, и въ средѣ общества, изъ котораго выходятъ его члены—трехъ главныхъ теченій. Одно изъ нихъ, оспаривая наличность стѣсненій, указанныхъ докладчикомъ, признаетъ, въ то же самое время, ихъ законность и необходимость; другое колеблется между осужденіемъ ихъ въ теоріи и отстаиваньемъ ихъ въ дѣйствительной жизни; третье возстаетъ противъ нихъ рѣшительно и безусловно. Наиболѣе типичнымъ представителемъ перваго теченія явился г. Скворцовъ, редакторъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, обычный экспертъ въ уголовныхъ процессахъ противъ раскольниковъ и сектантовъ. Онъ началъ съ отрицанія принудительной принадлежности къ православію, подчеркивая отсутствіе закона, который налагалъ бы уголовную кару за отпаденіе отъ церкви,—но очень скоро провозгласилъ нормальность вмѣшательства правительственной власти въ огражденіе авторитета господствующей церкви. Еще ярче окрашена была его рѣчь въ послѣднемъ (девятомъ) засѣданіи. Начавъ съ ссылки на Льва Толстого, признающаго, будто бы, что церковь не можетъ быть вѣротерпима [1]), онъ привелъ изъ св. Писанія цѣлый рядъ текстовъ въ доказательство права и обязанности церкви „переходить изъ области убѣжденія въ область дѣйствія“. Окончательнаго вывода изъ нихъ онъ, однако, не сдѣлалъ, ограничившись нѣсколькими общими, довольно неопредѣленными положеніями: „будучи религіей свободы, церковь никогда не можетъ одинаково относиться ко всякой свободѣ, т.-е. къ свободѣ, которая руководится совѣстью не

---

[1]) Одинъ изъ членовъ собранія, возражая г. Скворцову, наглядно показалъ всю неосновательность этой ссылки, напомнивъ, что Л. Толстой говоритъ о нетерпимости не какъ о правѣ, принадлежащемъ церкви, а какъ о признакѣ уклоненія ея отъ началъ истинно-христіанскихъ.

истинною, не чистою... Свобода безусловно существуетъ въ церкви, но что касается до свободы отпаденія, то здѣсь является вопросъ терпимости въ отношеніи лжеученій, по которому мы должны выразиться ограничительно. Нельзя государство трактовать какъ чуждое церкви. Въ христіанскомъ государствѣ власти и подданные—члены церкви, сыны ея, для которыхъ обязательны завѣты и заповѣди церкви... Есть ли у насъ въ Россіи свобода совѣсти? Я не могу опредѣленно сказать. У насъ свобода совѣсти есть, но не безусловная". Не слышится ли здѣсь въ каждомъ словѣ нежеланіе поставить точку надъ і, нерѣшительность не во взглядѣ—явно склоняющемся на сторону стѣсненій и запрещеній,—а только въ его формулировкѣ? Яснѣе высказался профессоръ Лебедевъ, предложившій различать образованное общество отъ необразованной народной массы, „находящейся въ дѣтскомъ состояніи, нуждающейся въ опекѣ", и подавшій голосъ за „огражденіе малыхъ сихъ" мѣрами государственной власти, въ которыхъ онъ видитъ не насиліе, а „педагогическое вмѣшательство". Еще дальше пошелъ г. Тернавцевъ, прямо допуская насиліе. „Есть условія"—воскликнулъ онъ,— „которыя дѣлаютъ насиліе необходимымъ. Оно тогда меньшее изъ золъ... Вмѣшательство власти въ дѣла вѣры представляется народу нравственно-самопонятнымъ. Охраненіе—это минимумъ. Власть должна взять на себя роль творческую: дѣло религіозно-общественнаго созиданія... Наше противосектантское законодательство, смѣшивающее законъ съ административнымъ распоряженіемъ, интересы церкви съ интересами государства, ждетъ реформъ, но во всякомъ случаѣ не въ духѣ той свободы, о которой здѣсь говорятъ... Государственная власть не была въ рукахъ первыхъ христіанъ, но еслибы была, то я убѣжденъ, что они употребляли бы понуждающую силу для оберегаиія общинъ отъ соблазнителей. Лжеучительство намъ не представляется зломъ только въ силу нашего индифферентизма". Дальше г. Тернавцевъ перестаетъ быть вразумительнымъ: говоря о „религіозномъ перерожденіи *должностного самочувствія* власти", объ обращеніи „совѣсти власти въ арену внутреннихъ переживаній, могущихъ имѣть глубочайшій *религіозно-жертвенный смыслъ*", онъ доходитъ до открытія какой-то „*священной магіи во власти*", какой-то „тайны *нравственно побѣдимаго пространства*". Устремляться за нимъ въ область прорицаній и видѣній не нашелъ нужнымъ ни одинъ изъ членовъ собранія, не находимъ нужнымъ и мы: для насъ г. Тернавцевъ интересенъ только какъ откровенный защитникъ „понужденія" въ дѣлахъ вѣры.

Представителями второго, средняго теченія явились въ собраніи преимущественно лица духовнаго сана. Всего меньше касался спорнаго вопроса архимандритъ Антонинъ, въ своей первой рѣчи кар-

тинно изобразившій безконечное превосходство христіанства надъ другими религіями, горячо протестовавшій противъ мысли о равенствѣ всѣхъ вѣръ передъ Богомъ, но не сдѣлавшій отсюда никакого опредѣленнаго вывода относительно терпимости или нетерпимости къ иновѣрцамъ и инославнымъ, къ раскольникамъ и сектантамъ. Онъ говоритъ, что христіанство „налегаетъ на чужую совѣсть не кулакомъ исправника, не тесакомъ городового, а только своею внутреннею абсолютною мощью“—но вмѣстѣ съ тѣмъ не признаетъ за религіозными состояніями совѣсти, кромѣ одного, права на существованіе. Отвѣчая, во время дальнѣйшихъ преній, на предложенные ему вопросы, онъ воскликнулъ: „принципъ свободы въ колоритѣ произвола лежитъ въ демоническомъ началѣ“—но это не помѣшало ему заявить, что „съ точки зрѣніи истиннаго христіанства насиліе не можетъ быть оправдано“ и что „церковь теряетъ внутреннюю силу, когда священники приглашаютъ къ содѣйствію полицейскихъ или посылаютъ на домъ повѣстки: иди и причащайся“. Нѣкоторая неясность или недосказанность чувствуется и въ аргументаціи другихъ духовныхъ ораторовъ, ближе подходившихъ къ данной темѣ. Преосвященный Сергій началъ свою рѣчь словами: „принципіальныхъ разсужденій о томъ, допускаетъ ли христіанство свободу совѣсти, быть не можетъ“—не можетъ потому, что несомнѣнно утвердительное рѣшеніе вопроса. Возражая г. Скворцову, преосвященный объяснилъ, что приведенные послѣднимъ тексты о „загражденіи устъ“ не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ обращенія къ внѣшнимъ государственнымъ мѣрамъ; „заграждать уста“ церковь должна только своимъ авторитетомъ. „Апостолъ Павелъ не сказалъ Тимоѳею, чтобы всякій, кто хочетъ оставить церковь, въ ней задерживался, чтобы ему не давали права выходить изъ нея“. Что христіанство „допускаетъ абсолютную свободу совѣсти“, что съ нимъ согласно только „побужденіе, исходящее изъ духа и обращенное къ нему“ —это признаетъ и протоіерей Соллертинскій. Священникъ Левашовъ, защищая духовенство противъ упрека въ пристрастіи къ насилію, заявилъ, что священники больше чѣмъ кто либо-другой страдаютъ „отъ несообразности внѣшнихъ порядковъ съ чистымъ ученіемъ Христовымъ; каждая мѣра, которую государство принимаетъ якобы въ защиту церкви, должна ложиться тяжелымъ бременемъ на совѣсть церкви и духовенства“. Казалось бы, что заключеніе изъ такихъ предпосылокъ можетъ быть выведено только одно: принадлежность къ господствующей церкви ни для кого не должна быть обязательною, вынужденною. Къ этому заключенію духовные ораторы, однако, не приходятъ. Сравнивая распространеніе ложныхъ ученій съ продажей опіума, преосвященный Сергій говоритъ: „нельзя отъ насъ требовать, чтобы мы своими же руками разрушали то, что ограждаетъ нашу

паству. Конечно, мы признаемъ, что идеальное состояніе было бы такое, когда всякій членъ русской церкви могъ бы относиться къ этой области сознательно. Но есть ли это отношеніе? Если нѣтъ, то нельзя требовать отъ насъ, чтобы мы уничтожали хотя бы искусственную преграду, которая поставлена законодателемъ". Протоіерей Соллертинскій, проводя демаркаціонную черту между свободой внутренней и внѣшней, юридической, хотя и признаетъ, что послѣдняя вытекаетъ изъ „справедливаго положенія" („каждый имѣетъ право имѣть свои воззрѣнія и считать ихъ вѣрными"), но отождествляетъ ее съ свободой отрицанія и указываетъ на нежелательныя послѣдствія, къ которымъ она привела и приводитъ въ Германіи. „Свобода должна быть, она есть",—восклицаетъ онъ въ своемъ послѣднемъ словѣ,—„но зачѣмъ ратовать за свободу, которая мнѣ ничего положительнаго не даетъ, не обѣщаетъ"? Священникъ Левашовъ спрашиваетъ себя, „имѣетъ ли церковь нравственное право отказаться отъ помощи, которую даетъ ей государство мѣрами насилія"—и отвѣчаетъ: „не имѣетъ права, а должна воздѣйствовать на государство такъ, чтобы мѣры насилія сдѣлались ненужными". Нѣкоторый свѣтъ на причины двойственности, замѣченной уже участниками собранія (Д. В. Философовымъ и П. П. Фурнье), бросаютъ слѣдующія слова преосвященнаго Сергія: „намъ неестественно желать провозглашенія свободы, которою мы сами не пользуемся. Церкви ставятся задачи нецерковнаго характера, за церковнымъ идеаломъ не признается безусловнаго значенія. Церковь оказывается на службѣ государства; еслибы теперь объявить свободу совѣсти для всѣхъ, это значило бы всѣмъ развязать руки, а дѣятелей церкви оставить связанными".

Что возражали представителямъ первыхъ двухъ теченій послѣдовательные сторонники вѣротерпимости—это угадать нетрудно: послѣ всего сказаннаго на эту тему въ нашей литературѣ, въ особенности послѣ столь же блестящихъ, сколько и убѣдительныхъ статей Влад. Серг. Соловьева, повторенія почти неизбѣжны—но вмѣстѣ съ тѣмъ они необходимы, пока остается неизмѣннымъ юридическое положеніе вопроса. Само собою разумѣется, что увѣреніямъ г. Скворцова были противопоставлены указанія на безспорные факты – на отобраніе дѣтей отъ родителей, на запрещеніе молитвенныхъ собраній штундистовъ, на административныя воздѣйствія по отношенію къ сектантамъ, на ограниченія имущественныхъ правъ отпадшихъ отъ православія, на неудобства, съ которыми сопряжено обязательное „увѣщаніе". Какъ велся споръ со стороны г. Скворцова—объ этомъ можно судить по слѣдующему діалогу между нимъ и Ю. Н. Милютинымъ, напомнившимъ ему о разнообразныхъ и во всякомъ случаѣ тягостныхъ послѣдствіяхъ отпаденія. *Ю. Н. Милютинъ*: „Допустимъ, что я сталъ

католикъ"? *В. М, Скворцовъ*: „Вы благополучно и останетесь католикомъ. Никакихъ послѣдствій отъ этого не будетъ". *Ю. Н. Милютинъ.* „Значитъ, я оффиціально буду считаться католикомъ"? *В. М. Скворцовъ.* „*Сколько угодно, только спроситесь у начальства*". Чтобы оцѣнить по достоинству этотъ послѣдній отвѣтъ, достаточно вспомнить хотя бы о такъ называемыхъ „упорствующихъ" въ холмсковаршавской епархіи [1]). Они желаютъ только одного—права „оффиціально считаться католиками", но до сихъ поръ, несмотря на почти тридцатилѣтнее „упорство", не могутъ получить его и, числясь православными, остаются на самомъ дѣлѣ внѣ церкви, лишенными всякаго религіознаго утѣшенія... А вотъ еще отрывокъ изъ рѣчи г. Скворцова: „всѣ процессы, о которыхъ упоминали (упомянуто было о процессахъ противъ штундистовъ, производимыхъ на основаніи правилъ 4-го іюля 1894 года), были возбуждены на почвѣ *открытыхъ* молитвенныхъ собраній, которыя служатъ главнымъ средствомъ пропаганды лжеученія среди православнаго населенія". Это совершенно невѣрно: для привлеченія штундистовъ къ уголовной отвѣтственности за участіе въ *общественномъ молитвенномъ собраніи вовсе* не требуется, чтобы собраніе это было *открытымъ*, т.-е. доступнымъ для всѣхъ и каждаго. Поводомъ къ преслѣдованію служили сплошь и рядомъ такія собранія, въ которыхъ участвовали одни только сектанты. По мнѣнію г. Скворцова, „копѣечный, а иногда рублевый" штрафъ, къ которому только и могутъ быть присуждены участники штундистскихъ молитвенныхъ собраній, не составляетъ уголовной кары. Что же онъ такое, какая юридическая квалификація къ нему подходитъ? Какимъ образомъ можно отрицать уголовный характеръ взысканія, налагаемаго уголовнымъ судомъ, въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства и подлежащаго замѣнѣ арестомъ, т.-е. лишеніемъ свободы? Какимъ образомъ можно называть копѣечнымъ или рублевымъ денежный штрафъ, максимальная норма котораго доходитъ до пятидесяти рублей?... Во всѣхъ многочисленныхъ и длинныхъ рѣчахъ г. Скворцова сочувствія заслуживаютъ только два слова: *къ сожальнію*, примѣненныя имъ къ „исключительному", будто бы, факту отобранія дѣтей у родителей-сектантовъ.

Теоретическая сторона вопроса о свободѣ совѣсти съ достаточною яркостью освѣщена въ рѣчахъ Д. С. Мережковскаго, В. В. Успенскаго, Е. А. Егорова, А. В. Карташева. Особенною силой отличается отвѣтъ Д. С. Мережковскаго проф. Лебедеву, доказывавшему необходимость неодинаковаго образа дѣйствій по отношенію къ образованному меньшинству и къ народной массѣ. „Можно ли"—замѣтилъ г. Мережковскій—„можно

---

[1]) См. выше, „Внутреннее Обозрѣніе".

ли исповѣдывать теорію угнетенія людей темныхъ людьми свѣтлыми, будучи христіаниномъ или даже просто вѣря въ Бога? Кто создалъ христіанство, какъ не темный народъ—галилейскіе рыбаки"? Тотъ же ораторъ словами о „принципѣ свободы, лежащемъ въ демоническомъ началѣ", противопоставилъ утвержденіе, что въ демоническомъ началѣ лежитъ принципъ насилія. „Какъ будто стоимъ за Христа, когда угождаемъ насилію, а въ сущности мы разрушаемъ все дѣло Его. Признать, что насиліе во имя Христа желательно, можно лишь оставаясь въ историческихъ христіанскихъ отклоненіяхъ. Смѣшеніе силы съ насиліемъ есть смѣшеніе Христа съ антихристомъ. Насиліе порабощаетъ — сила побѣждаетъ, сохраняя свободу побѣждаемаго". Очень хорошо А. В. Карташевъ показалъ несостоятельность ссылки г. Скворцова на тѣ мѣста св. Писанія, гдѣ говорится о карѣ Божіей надъ грѣшниками (Ананіей и Сапфирой, волхвомъ Елимой и др.). Онъ напомнилъ слова, съ которыми бѣлозерскіе старцы, въ аналогичномъ случаѣ, обратились къ Іосифу Волоцкому: „поразумѣй, господине, яко много розни промежъ Моисея и Иліи, Петра и Павла апостоловъ, да и тебя отъ нихъ". „Нельзя"—воскликнулъ г. Карташевъ—„ставить знакъ равенства между человѣческимъ насиліемъ и силою Божіей".

Какъ ни симпатичны только-что приведенныя нами рѣчи, центръ тяжести преній мы все-таки видимъ въ словахъ духовныхъ ораторовъ. Твердость ихъ исходной точки перевѣшиваетъ, въ нашихъ глазахъ, неопредѣленность ихъ окончательныхъ выводовъ. Важно то, что никто изъ нихъ не сталъ принципіально на сторону принужденія въ дѣлахъ вѣры, никто не высказался за внутреннюю законность мѣръ, „заграждающихъ уста" и закрывающихъ выходъ изъ господствующей церкви. Рано или поздно признаніе начала должно повлечь за собою признаніе всего того, что̀ естественно изъ него вытекаетъ. Характернымъ кажется намъ и то, что̀ даже прямолинейный защитникъ насилія— г. Скворцовъ — прибѣгалъ къ оговоркамъ, смягчающимъ, по крайней мѣрѣ наружно, рѣзкость его основныхъ тезисовъ. Наиболѣе авторитетный изъ духовныхъ ораторовъ склонялся къ мысли, что разрѣшеніе спорнаго вопроса принадлежитъ всецѣло государству [1]). Если эта мысль восторжествуетъ, главная опора принудительной системы падетъ сама собою, такъ какъ въ основѣ системы лежитъ предположеніе, что она нужна и желательна именно для церкви. Во время пре-

[1]) На вопросъ Н. М. Минскаго: „признаете ли вы за сектантами право пропаганды"?—епископъ Сергій отвѣтилъ: „Это вопросъ государственный. Церковь имѣетъ право отлучить всѣхъ, кто не вѣритъ. Когда церковь отлучила, дѣло ея окончено. Индифферентизма мы не можемъ допустить, а отношеніе къ пропагандѣ—вопросъ государственный".

ній, какъ мы видѣли выше, было указано, что церковь состоитъ на службѣ государства, ставящаго ей задачи не-церковнаго характера. Смыслъ этого указанія заключается въ томъ, что сначала должна быть возвращена свобода церкви, а потомъ уже провозглашена свобода совѣсти. Мы думаемъ, наоборотъ, что свобода совѣсти—необходимая предпосылка свободы церковной. Менѣе зависимой отъ государства церковь будетъ именно тогда, когда перестанетъ нуждаться въ „свѣтской рукѣ" для удержанія въ своей средѣ колеблющихся и для борьбы съ отпадающими и отпадшими.

Въ связи съ преніями о свободѣ совѣсти, происходившими въ религіозно-философскихъ собраніяхъ, особый интересъ пріобрѣтаютъ двѣ небольшія статьи Н. М. Минскаго на ту же тему, помѣщенныя въ №№ 1 и 2 „Новаго Пути". Авторъ этихъ статей старается доказать, что въ его устахъ—и въ устахъ его единомышленниковъ—свобода совѣсти означаетъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ въ устахъ „либераловъ", да и самая ея защита ведется въ обоихъ лагеряхъ совершенно различно. „Тамъ, гдѣ наши либералы до сихъ поръ только иронизировали", — говоритъ г. Минскій, — „мы хотимъ познавать и творить. Мы мечтаемъ о безусловной свободѣ религіознаго познанія, между тѣмъ какъ наши либералы мечтаютъ о безусловной свободѣ *отъ* религіознаго познанія". Отношеніе интеллигенціи къ вопросу о свободѣ совѣсти кажется г. Минскому „невѣрнымъ и неглубокимъ". Наши свѣтскіе писатели, по его словамъ, „говорятъ о религіозной реформѣ съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ, напримѣръ, объ отмѣнѣ паспортной системы. По ихъ словамъ выходитъ какъ-то, что слѣдуетъ предоставить каждому гражданину право свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто и, между прочимъ, право передвиженія изъ религіи въ религію, изъ секты въ секту". Чтобы придти къ подобному выводу, нужно было совершенно забыть прошедшее, и болѣе отдаленное, и ближайшее: болѣе отдаленное—потому что оно полно такихъ „либеральныхъ" рѣчей за свободу совѣсти, въ которыхъ и съ сильнымъ увеличительнымъ стекломъ нельзя отыскать признаковъ „иронизированія", но очень легко и простымъ глазомъ усмотрѣть самое серьезное отношеніе къ вопросу; ближайшее — потому что старымъ „либеральнымъ" оружіемъ г. Минскій и его товарищи сражались не дальше какъ годъ тому назадъ, въ религіозно-философскомъ собраніи. И это не могло быть иначе, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, въ средѣ „интеллигенціи", въ средѣ „либераловъ" рядомъ съ индифферентизмомъ всегда существовало и теперь существуетъ искреннее религіозное настроеніе; во-вторыхъ, даже личное равнодушіе къ вѣрѣ не мѣшало и не мѣшаетъ понимать, что для многихъ, весьма многихъ право безпрепятственнаго испо-вѣ-

данія своихъ вѣрованій—высшее благо, несоизмѣримое и несравнимое съ удобствами обыденной жизни (въ родѣ свободы передвиженія). Чтобы вступиться за этихъ „многихъ", не было надобности раздѣлять ихъ точку зрѣнія; достаточно было сочувствовать ихъ душевной мукѣ— и чѣмъ сильнѣе было сочувствіе, тѣмъ меньше выраженіе его могло ограничиться холодной ироніей или чисто разсудочной полемикой. Нельзя говорить „съ легкимъ сердцемъ" о томъ, что для милліоновъ людей представляетъ собою вопросъ жизни или смерти, иногда въ буквальномъ смыслѣ слова.

Чтобы убѣдить читателей въ *новизнѣ* избраннаго имъ пути, Н. М. Минскій жертвуетъ доводомъ, сослужившимъ въ религіозно-философскомъ собраніи большую службу сторонникамъ свободы совѣсти, т. е. друзьямъ г. Минскаго, да и ему самому. По его собственнымъ словамъ, указаніе на несовмѣстимость христіанства и насилія вызвало въ собраніи „вздохъ облегченія, какъ неожиданный (?) и, главное, легкій исходъ изъ труднаго положенія". Между тѣмъ, „еслибы аудиторія поглубже вдумалась въ эту теорію, она бы отъ нея отвернулась. Разрѣшать вопросъ о свободѣ совѣсти вопросомъ о насиліи—все равно, что тушить огонь масломъ. Если первый вопросъ представляетъ, повидимому, неразрѣшимое противорѣчіе, то второй несомнѣнно неразрѣшимъ: существуютъ государства, гдѣ свобода совѣсти—общепризнанный фактъ, но нѣтъ въ мірѣ ни одной страны, ни одного союза людей (?), гдѣ всѣ (?) отношенія не покоились бы на санкціи принужденія, на насиліи... Вмѣсто того, чтобы убѣдить церковь, что свобода совѣсти—благо, интеллигенція возраженіемъ о насиліи какъ бы хочетъ принудить церковь принять противъ воли свободу совѣсти, подъ страхомъ быть обвиненной въ служеніи антихристу [1]). Церковь въ правѣ отвѣтить, что никакихъ насильственныхъ мѣръ она не принимаетъ, но на вопросъ государства о томъ, что такое сектантство, она, въ качествѣ эксперта, по чистой совѣсти отвѣчаетъ: сектантство—абсолютное зло. А уже затѣмъ само государство поступаетъ относительно этого зла такъ, какъ вообще оно поступаетъ со всѣмъ, что считаетъ противнымъ общему благу. Церковь опредѣляетъ сектантство, какъ врачъ опредѣляетъ свойства чумы, и такъ же мало, какъ этотъ врачъ, достойна упрека въ служеніи насилію. До тѣхъ поръ, пока церковь будетъ убѣждена въ томъ, что сектантство—духовная чума, а свобода совѣсти—абсолютное зло, всѣ побочные разговоры о государственномъ насиліи и о власти антихриста не измѣнятъ настоящаго весьма грустнаго положенія дѣлъ". Нетрудно замѣтить самый

[1]) Изъ приведенныхъ выше преній религіозно-философскаго собранія видно, что г. Минскій возражаетъ здѣсь своему товарищу по „Новому Пути", г. Мережковскому.

слабый пунктъ этой аргументаціи: онъ заключается въ признаніи, что свобода совѣсти не только осуществима, но кое-гдѣ и осуществлена—тогда какъ безъ насилія и принужденія не обходится ни одно государство. Отсюда ясно, что въ области вѣрованій насиліе нельзя считать чѣмъ-то необходимымъ или неизбѣжнымъ. И совершенно понятно, почему. Оправдано, при наличности извѣстныхъ условій, можетъ быть только насиліе цѣлесообразное. Если допустимы и даже благотворны принудительныя мѣры, принимаемыя во время чумной эпидеміи, то только потому, что безъ нихъ, какъ показалъ опытъ, зараза держалась бы дольше и распространялась бы дальше и сильнѣе. И наоборотъ, почему не учреждаются теперь внутренніе карантины при появленіи холеры? Потому что сопряженныя съ ними неудобства не уравновѣшивались приносимой ими пользой. Нѣчто подобное можно сказать о принудительныхъ мѣрахъ въ области религіозной. Въ продолженіе многихъ вѣковъ онѣ принимались у насъ противъ раскола, въ продолженіе многихъ десятилѣтій—противъ сектантства, принимаются, въ смягченномъ видѣ, и теперь—но расколъ существуетъ по прежнему, сектантство скорѣе усиливается, чѣмъ ослабѣваетъ. Такой результатъ нельзя назвать случайнымъ. Въ другихъ сферахъ объектомъ насилія служатъ внѣшніе факты, поддающіеся внѣшнимъ мѣрамъ. Въ борьбѣ противъ чумной заразы, напримѣръ, запираются и дезинфецируются дома, сжигаются вещи, удерживаются въ данной чертѣ люди, и каждое подобное дѣйствіе непосредственно ведетъ къ цѣли, ради которой его предпринимаютъ. То же самое примѣнимо и къ войнѣ, на которую, какъ на одинъ изъ видовъ насилія, указываетъ г. Минскій. Законность цѣли здѣсь не такъ очевидна, но дѣйствительность *средствъ* не подлежитъ никакому сомнѣнію. Ничего аналогичнаго не представлаетъ собою борьба противъ вѣрованій и убѣжденій. Они ускользаютъ отъ давленія или даже растутъ подъ его гнетомъ. Нельзя, въ большинствѣ случаевъ, добиться даже того, чтобы они не пробивались наружу, не выражались въ словѣ—нельзя уже потому, что они управляютъ, владѣютъ душою, однажды очутившеюся въ ихъ власти... Совершенно невѣрно, далѣе, что признанное зломъ со стороны церкви становится, этимъ самымъ, предметомъ репрессіи со стороны государства. Абсолютнымъ зломъ церковь считаетъ всякій тяжкій *грѣхъ*—но государство преслѣдуетъ и караетъ только *преступленіе*. Невѣрно, наконецъ, и то, что въ дѣлахъ о расколѣ и сектантствѣ церковь ограничивается ролью эксперта; ей нерѣдко принадлежитъ и роль обвинителя. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ измѣненіемъ взгляда церкви на принужденіе въ дѣлахъ вѣры измѣнился бы и образъ дѣйствій государства.

Отъ полемики по вопросу о насиліи Н. М. Минскій переходитъ къ изложенію своего собственнаго воззрѣнія на свободу совѣсти—воззрѣнія, въ правильности котораго онъ надѣется убѣдить принципіальныхъ противниковъ свободы. Разборъ этой части его статьи увлекъ бы насъ слишкомъ далеко; скажемъ только, что мы видимъ въ ней мало новаго, но много справедливаго. Основная мысль автора заключается въ томъ, что человѣческое пониманіе Бога не исключительно совершенно, какъ самъ Богъ, а относительно, подвержено измѣненію и развитію. „Истина христіанская—все охватывающая, приспособляющаяся ко всѣмъ особенностямъ, расовымъ, культурнымъ и даже экономическимъ. Вотъ чѣмъ объясняется изобиліе и безконечное разнообразіе сектъ въ христіанствѣ—и вотъ почему въ каждой почти сектѣ рядомъ съ религіознымъ минусомъ скрывается какой-нибудь житейскій плюсъ, въ видѣ ли побужденія къ трезвой жизни, или стимула къ трудолюбію, или развитія чувства личности. Вселенская церковь, въ сознаніи своей правоты и прямоты, должна смотрѣть на эти секты какъ на окольные проселочные пути, которыми отсталые и заблудшіеся пробираются къ посильному спасенію“. Религіозное творчество неизсякаемо. „Великій потокъ исторіи куда-нибудь да несетъ же насъ, и чтобы не отчаяться, нужно вѣрить, что онъ приближаетъ насъ къ пониманію Христовой истины“. Всего сильнѣе послѣднія страницы статьи, гдѣ Н. М. Минскій, напомнивъ чудные стихи Тютчева о конечной судьбѣ католицизма [1]), рисуетъ поэтическую картину запустѣнія, водворяющагося въ бывшихъ твердыняхъ католической церкви, и выражаетъ желаніе, чтобы отъ такой судьбы была избавлена Россія.

Возвращаясь къ религіозно-философскимъ собраніямъ, приведемъ небольшіе отрывки изъ вступительной рѣчи преосвященнаго Сергія, произнесенной въ первомъ засѣданіи, и изъ заключительнаго слова, обращеннаго къ нему членами-учредителями собранія въ послѣднемъ до-каникулярномъ засѣданіи 1902-го года; они заключаютъ въ себѣ какъ бы заранѣе данный отвѣтъ на клевету, которую реакціонная печать взвела недавно на религіозно-философскія собранія. „Я являюсь

---

[1]) „Столѣтья шли, ему прощалось много:
Кривые толки, темныя дѣла;
Но не простится правдой Бога
Его послѣдняя хула.
Не отъ меча погибнетъ онъ земного,
Мечемъ земнымъ владѣвшій столько лѣтъ!
Его погубитъ роковое слово:
Свобода совѣсти есть бредъ“.

сюда,—сказалъ епископъ Сергій,—служителемъ церкви, вѣрнымъ выразителемъ ея исповѣданія. Я бы счелъ себя поступившимъ противъ совѣсти, еслибы хоть немного уклонился отъ этого изъ какого-нибудь угодничества, или изъ ложно разсчитаннаго стремленія къ миру... Я убѣжденъ, что такой опредѣленности отъ меня и ожидаютъ здѣсь всѣ, и желаютъ. Бесѣда наша серьезная и строго дѣловая. Намъ тяжело наше разъединеніе и взаимное непониманіе... но настоящаго, дѣйствительно прочнаго единства мы достигнемъ только въ томъ случаѣ, если выскажемся другъ передъ другомъ, чтобы каждый видѣлъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, что̀ онъ можетъ отъ него принять и чего не можетъ... Довѣряя искренности каждаго, будемъ, при всѣхъ нашихъ несогласіяхъ, неизмѣнно другъ къ другу благожелательны". И этотъ призывъ былъ услышанъ, это условіе было исполнено, благодаря, главнымъ образомъ, тому, кто его поставилъ... „Члены собранія,—сказано въ упомянутомъ нами заключительномъ словѣ,—увидѣли во главѣ у себя христіанина, который, оглядываясь на ведомыхъ, говорилъ: всѣ будьте христіанами—и пока вы будете христіанами, вы всего достигнете, вы вѣчно пойдете впередъ, будете во всемъ преуспѣвать... Тщеславіе и самолюбіе умерло; забила живая струя духовныхъ интересовъ. Создалось вниманіе, родилось ревностнѣйшее у всѣхъ любопытство къ дѣлу, явилась отличнѣйшая атмосфера для искренняго обмѣна мнѣній". Продолженія собраній, проникнутыхъ такимъ духомъ, не можетъ не пожелать каждый, кому дорого исканіе истины... Къ нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, обсуждавшимся въ религіозно-философскихъ собраніяхъ, мы еще возвратимся.

Въ послѣдней (іюньской) книжкѣ „Русскаго Вѣстника" нашему журналу посвящена особая статья. Объ общемъ ея духѣ и тонѣ можно составить себѣ понятіе по слѣдующимъ выдержкамъ. „*Вѣстникъ Европы* принялъ особую *брюзжащую* манеру говорить о явленіяхъ политической и общественной жизни; манера эта была столь искусна, что хотя явно чувствовалось *порицаніе всего почвенно-созидательнаго*, всего національнаго, но *серіозно придраться было не къ чему*... Журналъ блёкъ, но шелъ по проторенной дорогѣ *полудоговореннаго порицанія существующаго порядка*... Старая погудка постарѣла и одряхлѣла... *Вѣстникъ Европы* является *вылинявшимъ* пережиткомъ былыхъ временъ. Онъ потерялъ свою скрытую ядовитость. Тѣмъ не менѣе старикъ существуетъ и твердитъ ту же пѣсню, что твердилъ древле... *Съ желчнымъ старческимъ налетомъ на плохо двигающемся языкѣ*, старикъ бурчитъ свое неудовольствіе". Какъ бы близка такая „характеристика" ни была, мѣстами, къ мало прилич-

ной брани, по своему содержанію она только слегка переступаетъ границы допустимаго въ печати. Сомнѣваемся, чтобы это можно было сказать и о той части статьи, гдѣ идетъ рѣчь о взглядѣ „Вѣстника Европы“ на недавній кишиневскій погромъ. Останавливаясь на нашихъ словахъ о юдофобской печати [1]), „Русскій Вѣстникъ“ замѣчаетъ: „Какъ будто и не понять, въ чемъ дѣло. И съ одной стороны, и съ другой стороны. Не то Лайнезъ или Аквавива, знаменитые генералы ордена Іисусова, кому-нибудь очки втираютъ, *не то Огрызко, уже намѣтившій путь до лясу, пишетъ отношеніе по департаменту либеральной повинности*... „Вѣстникъ Европы“, изволите ли видѣть, „все заставляетъ думать, что опасность была заранѣе извѣстна“, но что мѣры не были приняты. Далѣе полувысказанная мысль начинаетъ затушевываться. Можно-де было народныя развлеченія здоровыя учредить—и погрома бы не было! Да желалъ, что ли, кто погрома? Надо же когда-либо перестать вертѣть хвостомъ и прямо сказать свою мысль. Совсѣмъ прямо! Ну, этого отъ „Вѣстника Европы“ не дождаться. Онъ именно тѣмъ и отличается, что *обвиняетъ, не договаривая до конца своей мысли. Вѣдь въ приведенной замѣткѣ проглядываетъ та же самая мысль, которая была въ корреспонденціяхъ въ* „Times“ *г. Брагама, нынѣ благополучно высланнаго изъ Россіи, т.-е. та мысль, что правительственные органы едва ли не желали погрома.* Но посмотрите, какъ эта *клевета* заштрихована, завицмундирована, приведена въ корректный, пиѳическій, вѣстнико-европскій видъ. Комаръ носа не подточитъ!.. Сказано, не досказано, пересказано. И еслибы, ради курьеза, поручить хорошему столоначальнику составить докладъ „о злокозненности „Вѣстника Европы“, то безъ его воли, само собою бы вышло, что „хотя съ одной стороны и было бы основаніе предполагать не вполнѣ одобрительный образъ мыслей онаго журнала, но съ другой стороны доброкачественныя изъясненія обстоятельствъ, коими сопровождается преимущественная мысль разбираемой статьи, устраняли бы всякое о ней преувеличенное, въ порицательномъ духѣ, понятіе“.—Возражать „Русскому Вѣстнику“ по существу мы, конечно, не станемъ; ограничимся замѣчаніемъ, что нѣсколькими страницами дальше [2]) онъ повторяетъ почти

[1]) Эти слова нашей майской „Общественной хроники“ повторены въ іюньской, по поводу отвѣта, который намъ пришлось дать „Восходу“.

[2]) „Все заставляетъ думать,—сказано въ нашей хроникѣ,—что противодѣйствіе погрому было возможно и безъ принятія крайнихъ мѣръ—возможно тѣмъ болѣе, что опасность была заранѣе извѣстна... Нужно надѣяться, что все ненормальное, трудно объяснимое въ кишиневскихъ событіяхъ будетъ предметомъ всесторонняго изслѣдованія“. А вотъ что мы читаемъ въ іюньской „Современной Лѣтописи“ „Русскаго Вѣстника“ (стр. 732): „вопросъ о кишиневскомъ погромѣ не исчерпанъ. Кто бы ни были его виновники и какъ бы ни распредѣлялась между ними виновность, самый

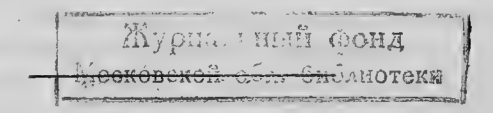
буквально сказанное нами въ майской „Общественной хроникѣ“ о непредупрежденіи погрома. Насъ интересуетъ только квалификація, которую слѣдуетъ дать поступку „Русскаго Вѣстника“ (говоримъ: *поступку*, потому что есть слова, равносильныя дѣйствію). Прочитавъ у насъ между строками чуждую намъ мысль, онъ возводитъ ее на степень *клеветы* и приравниваетъ ее къ словамъ лица, „благополучно высланнаго изъ Россіи“. Какъ называется подобный пріемъ—это, очевидно, знаетъ и журналъ гг. Комарова и Величко, именно потому вдающійся въ соображенія о томъ, какой „докладъ“ о нашей статьѣ могъ бы написать „хорошій столоначальникъ“. „Русскій Вѣстникъ“ забываетъ или не хочетъ вспомнить, что „хорошимъ столоначальникомъ“ считается не тотъ, который нанизываетъ одну на другую безсмысленныя и малограмотныя фразы, а тотъ, который умѣетъ разработать, въ предѣлахъ своей компетенціи, любую тему. Тема, въ данномъ случаѣ, намѣчена „Русскимъ Вѣстникомъ“; въ правѣ ли онъ, затѣмъ, предполагать, что нѣтъ и не можетъ быть „столоначальника“, способнаго и готоваго пойти по указанному имъ слѣду?

Среди многочисленныхъ и противорѣчивыхъ отзывовъ, вызванныхъ кишиневскимъ погромомъ, отрадно было встрѣтить слово уважаемаго всѣми о. Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго), осудившаго, какъ и слѣдовало ожидать, жестокое избіеніе евреевъ. Тѣмъ прискорбнѣе было прочесть, нѣсколько времени спустя, его письмо, написанное по тому же поводу и оглашенное въ печати. „Изъ послѣдующихъ (газетныхъ) извѣстій о кишиневскомъ погромѣ“—сказано въ этомъ письмѣ—„я достовѣрно убѣдился, что евреи сами были причиною того буйства, увѣчій и убійствъ, которыя ознаменовали 6-ое и 7-ое число апрѣля. Увѣрился я, что христіане, въ концѣ концовъ, остались обиженными, а евреи за понесенные убытки и увѣчья сугубо награжденными отъ своихъ и чужихъ собратій. Это я знаю и изъ частныхъ писемъ, писанныхъ мнѣ самыми искренними, давно живущими въ Кишиневѣ и основательно знающими дѣло людьми. А потому взываю къ христіанамъ кишиневскимъ: простите исключительно къ вамъ обращенную мною укоризну въ совершившихся безобразіяхъ. Теперь я убѣжденъ изъ писемъ очевидцевъ, что нельзя обвинять однихъ христіанъ, вызванныхъ на безпорядки евреями, и что въ погромѣ виновны преимущественно сами евреи“. Намъ кажется, что вопросъ объ отдаленныхъ и ближайшихъ причинахъ погрома нельзя рѣшать на основаніи газетныхъ извѣстій и частныхъ писемъ; бли-

фактъ остается гнуснымъ и постыднымъ не только для среды, въ немъ участвовавшей, но и для тѣхъ, *кто долженъ былъ предупредить и возможно скорѣе прекратить безобразія*“.

жайшія причины могутъ быть раскрыты только судебнымъ слѣдствіемъ, болѣе отдаленныя—авторитетнымъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ (напр. путемъ сенаторской ревизіи) экономическихъ и другихъ отношеній, существовавшихъ, до погрома, между бессарабскими евреями и христіанами. Въ письмѣ о. Іоанна насъ поражаетъ, впрочемъ, не столько быстрый переходъ отъ одного взгляда къ другому, сколько утвержденіе, что евреи сами были причиною увѣчій и *убійствъ*, совершенныхъ 6-го и 7-го апрѣля, и что *обиженными остались христіане, а евреи сугубо награждены за убытки и увѣчья.* Сорокъ пять евреевъ убито, семьдесятъ четыре тяжело ранено, около трехсотъ пятидесяти получили сравнительно легкія пораненія—а обиженными остались христіане, между которыми убитые и раненые насчитываются немногими единицами! Какими денежными суммами могутъ быть не только *сугубо*, но даже просто вознаграждены тяжкія увѣчья и, тѣмъ болѣе, смерть родителей, дѣтей, жены или мужа? Какимъ образомъ побои, нанесенные христіанкѣ евреемъ-хозяиномъ карусели, могутъ считаться *причиной* массовыхъ убійствъ и увѣчій? Сочувствія и помощи заслуживаютъ, безъ сомнѣнія, ни въ чемъ неповинныя семьи христіанъ, арестованныхъ и преданныхъ суду за участіе въ погромѣ; но развѣ это исключаетъ собою состраданіе къ пострадавшимъ отъ погрома евреямъ? Развѣ съ заботой о томъ, чтобы не повторялись ужасы, подобные кишиневскимъ, совмѣстенъ взглядъ на деньги, какъ эквивалентъ жизни и здоровья людей?

Въ истекшемъ мѣсяцѣ скончалась А. Н. Энгельгардтъ, вдова извѣстнаго автора „Писемъ изъ деревни“, много лѣтъ сряду бывшая постоянной сотрудницей нашего журнала. Два года тому назадъ, когда чествовалось сорокалѣтіе ея полезной и неутомимой дѣятельности, мы напомнили нашимъ читателямъ ея переводы, отличавшіеся въ равной степени двумя рѣдко соединяемыми качествами—близостью къ подлиннику и изяществомъ формы. А. Н. Энгельгардтъ способствовала извѣстности у насъ Зола, прекрасной передачей какъ его „Парижскихъ писемъ“, такъ и первыхъ романовъ Ругонъ-Маккаровской серіи. Послѣднимъ ея трудомъ былъ превосходный переводъ Раблэ.



Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.